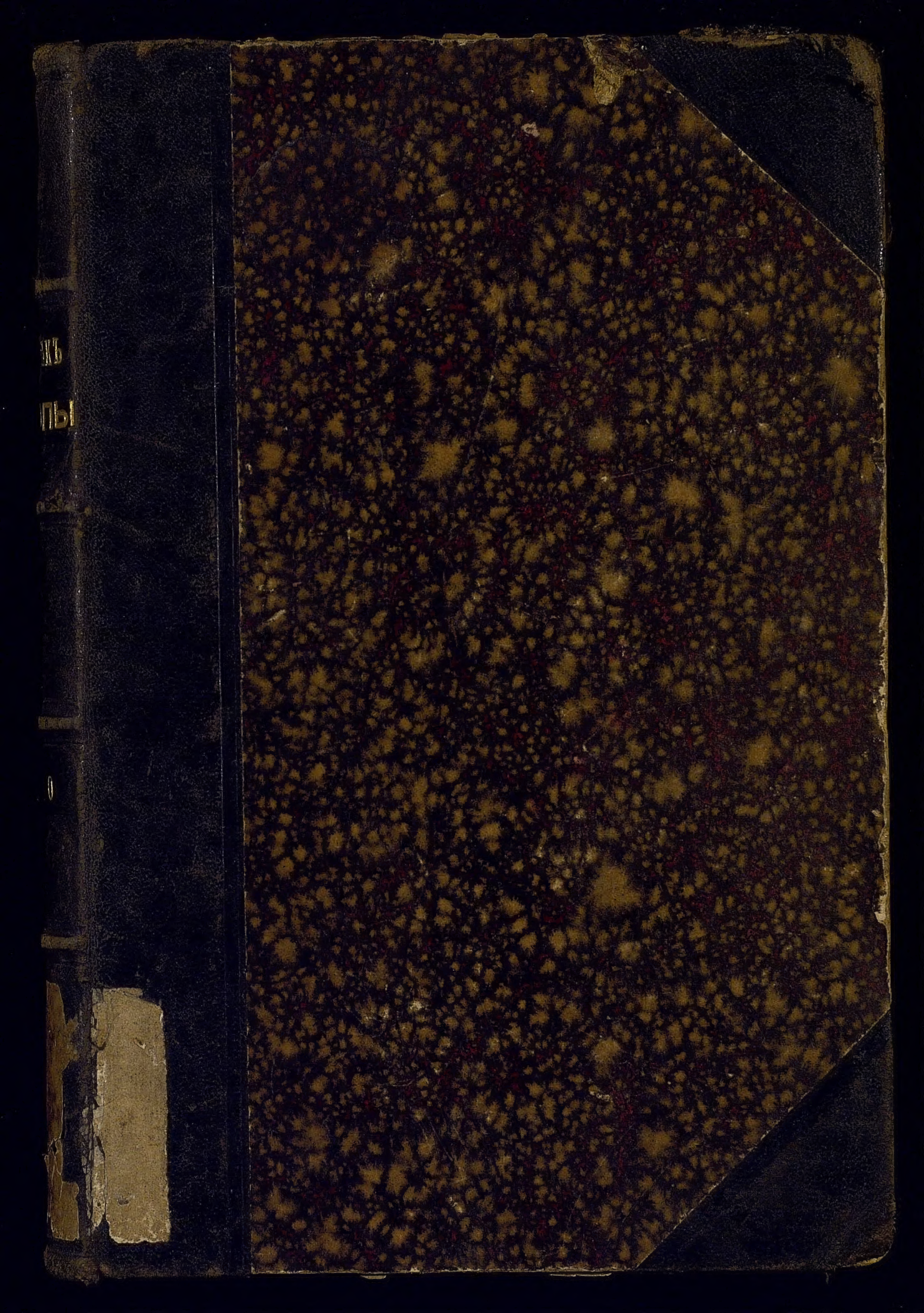
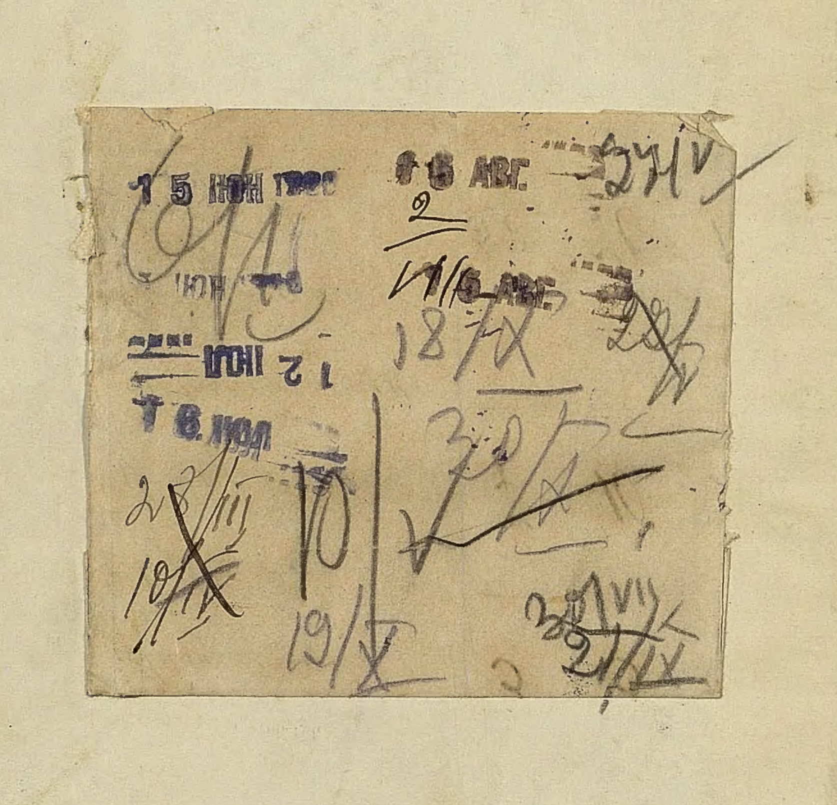



15 ИЮН
АВГ.
12 ИЮН
ИЮЛ

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

АПРѢЛЬ

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: МОХОВАЯ, 32.

Главная Контора журнала: Загородный проспектъ, № 14.

Экспедиція журнала: Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1910

4033

ТИХОЕ ПРИСТАНИЩЕ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе *).

IV.

Первыя знакомства.

Памятуя завѣтъ Мурова, Веригинъ прежде всего отправился съ визитомъ къ властямъ, къ которымъ кстати имѣлъ и рекомендательныя письма отъ своего мецената.

— Гдѣ я, батюшка, не бывалъ? Съ кѣмъ хлѣба-соли не варивалъ?—говорилъ ему Муровъ, вручая письма, и при этомъ, самодовольно обдернувшись, прибавилъ: — да, надо много силы, чтобъ за всѣмъ тѣмъ красоту души соблюсти!

Городничій принялъ Веригина радушно, а объ Муровѣ отозвался восторженно и даже обозвалъ его „незабвеннымъ Павломъ Иванычемъ“.

— У насъ, съ отъѣзда Павла Иваныча, — сказалъ онъ—и городъ какъ-то упадать сталъ. Меланхолія какая-то во всемъ... жизнь пролить некому... А начальство между тѣмъ спрашиваетъ!

— Чего жъ оно спрашиваетъ!

Городничій возвелъ глаза къ небу и едва не прослезился.

— Всего спрашиваетъ-съ, — заговорилъ онъ вдругъ скороговоркой и съ озлобленіемъ: — общественныхъ увеселеній спра-

---

*) См. мартъ, стр. 133.

шиваетъ-съ, тротуаровъ и мостовыхъ спрашиваетъ-съ, пожертвованій на общественное устройство спрашиваетъ-съ... всего спрашиваетъ-съ!

— Однако, я слышалъ отъ Павла Иваныча, что у васъ здѣсь значительно капиталистовъ есть?

— Д-да-съ, есть-съ... только все это... Эй, Сидоровъ! Сидоровъ!—вдругъ закричалъ онъ, приходя въ волненіе:—загоняй ее! загоняй! Вотъ-съ не могу даже внушить скотамъ, чтобъ не пускали своихъ коровъ бродить по улицамъ! — прибавилъ онъ, обращаясь къ Веригину и презрительно улыбаясь: — а капиталистамъ какъ здѣсь не быть-съ.

Прощаясь, городничій опять назвалъ Павла Иваныча незабвеннымъ, а нынѣшняго откупщика свиньею, и обѣщалъ Веригину познакомить его съ дочерью и женою.

— Если вы нуждаетесь въ какихъ-нибудь свѣдѣніяхъ — сказалъ онъ,—то я для Павла Иваныча готовъ-съ... Я для губернатора всякій годъ статистику эту составляю.

Отъ городничаго Веригинъ ѣздилъ къ дворянскому предводителю, къ стряпчему, къ исправнику и къ окружному начальнику и вездѣ былъ принятъ какъ родной. Всѣ они были какъ будто отлиты въ одну форму; всѣ называли Павла Иваныча незабвеннымъ и находили, что послѣ отъѣзда его въ городѣ поселилась меланхолія. Предводитель дворянства принялъ Веригина въ бархатномъ халатѣ и съ благоговѣніемъ, хотя и не безъ робости отозвался о тверскомъ благородномъ дворянствѣ (увы, это было въ ту пору, когда и т. д.). Окружной начальникъ выразился очень лестно насчетъ системы самоуправленія, и стороною далъ понять, что въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ „все это“ давно есть и уже приноситъ желанные плоды; стряпчій сказалъ, что у него четыре сына и восемь дочерей, а жалованьишко маленькое; наконецъ, исправникъ былъ такъ любезенъ, что пригласилъ когда-нибудь прокатиться съ нимъ по его владѣніямъ (такъ называлъ онъ уѣздъ города Срывнаго).

Толкнулся герой нашъ и къ учителямъ, но они точно въ землю ушли: такъ долго не могъ онъ сыскать квартиръ ихъ. Въ Срывномъ было уѣздное училище, въ которомъ подъ командою штатнаго смотрителя состояло трое учителей. Двое изъ нихъ жили чуть не въ подземельяхъ и приняли Веригина грубо, словно говорили: ну, кого еще занесла нелегкая!

Оказалось, что оба пили запоемъ и съ учениками обращались варварски. Третьимъ учителемъ, преподававшимъ исторію и географію, оказался тотъ самый Суковатовъ, о которомъ говорилъ

Веригину Крестниковъ. Это былъ молодой человѣкъ, недавно кончившій курсъ въ гимназіи и содержавшій своимъ трудомъ семейство, состоявшее изъ матери и сестры. Жилъ онъ въ собственномъ маленькомъ домикѣ, на самомъ выѣздѣ изъ города, жилъ бѣдно, хотя имѣлъ богатыхъ родственниковъ, которые однакожъ относились къ нему недружелюбно вслѣдствіе особыхъ причинъ, о которыхъ будетъ объяснено ниже. Былъ уже часъ седьмой въ исходѣ, когда Веригинъ въ первый разъ пришелъ къ Суковатову. Ему было нѣсколько совѣстно придти въ такой неурочный часъ, но, зная, что Суковатовъ каждый день утромъ, кромѣ воскресенья, занятъ въ училищѣ, и вооружась именемъ Крестникова, онъ рѣшился постучаться въ калитку.

— Кто тамъ?—спросилъ изъ-за калитки женскій голосъ.

— Здѣсь живетъ господинъ Суковатовъ?

— Братецъ! васъ спрашиваютъ!—сказала женщина и удалилась.

Черезъ минуту калитку отперъ самъ Суковатовъ.

— Вамъ меня угодно?—спросилъ онъ, какъ будто сконфуженный.

— Извините меня, началъ Веригинъ:—быть можетъ, я пришелъ не во-время... Моя фамилія Веригинъ; я бывшій студентъ петербургскаго университета и по дѣламъ нахожусь въ Срывномъ.

Сквозь растворенную калитку Веригинъ увидѣлъ на крылечкѣ дома двѣ женскія фигуры, которыя съ любопытствомъ осмотрѣли его и тотчасъ же скрылись.

— Милости просимъ; очень радъ!—промолвилъ Суковатовъ и какъ-то еще больше сконфузился, пропуская гостя впередъ себя.

Веригинъ вошелъ въ просторную комнату, на-двое раздѣленную перегородкой. Въ первомъ ея отдѣленіи, которое, по всѣмъ признакамъ, служило и пріемной, и кабинетомъ Суковатова, сидѣла у окна старушка, повязанная платкомъ, и вязала чулокъ; изъ другого отдѣленія слышалось сдержанное шушуканье. Въ комнатѣ было очень опрятно; деревянныя стѣны были тщательно выскоблены, полъ устланъ бѣлымъ холстомъ, на окнахъ стояли горшки съ незатѣйливыми цвѣтами. Вообще, все свидѣтельствовало о заботливой женской рукѣ, которая всему, даже бѣдности, умѣетъ придать привѣтливый и благообразный видъ.

— Маменька! гость!—сказалъ Суковатовъ старушкѣ, которая встала и низко поклонилась Веригину.

— Имѣю къ вамъ порученіе отъ одного вашего родственника, отъ Нила Петровича Крестникова,—сказалъ Веригинъ;—онъ въ

Петербургѣ, просилъ меня кланяться вамъ и обнадежилъ, что я могу къ вамъ обращаться, если встрѣтится надобность по моему дѣлу.

При имени Крестникова, лица Суковатова и матери его словно расцвѣли. Въ сосѣдней комнатѣ шушуканье смолкло.

— Такъ вы знаете Крестникова?—сказалъ Суковатовъ и вновь инстинктивно протянулъ руку Веригину: — а вѣдь мы когда-то друзьями были, росли вмѣстѣ... Ахъ, разскажите, сдѣлайте милость, что съ нимъ, гдѣ онъ... Насилу-то! насилу-то!

Веригинъ началъ разсказывать о стѣсненномъ положеніи, въ которомъ находился Крестниковъ по случаю ссоры съ отцомъ, объ образѣ жизни, который онъ велъ, словомъ, обо всемъ, что онъ зналъ и что считалъ возможнымъ на первый разъ высказать. Веригинъ говорилъ съ увлеченіемъ; изъ словъ его было ясно, что хотя Крестниковъ и находился временно въ незавидномъ положеніи, но что и за всѣмъ тѣмъ въ его личности заключалось нѣчто такое, что не позволяло относиться къ нему какъ къ рядовому человѣку, находящемуся въ тискахъ. Старушка прекратила свое вязаніе и изрѣдка прерывала разсказъ Веригина восклицаніями, въ которыхъ высказывалось ея соболѣзнованіе о судьбѣ Нилушки.

— Вѣдь теперь Петръ Никитичъ-то, пожалуй, и капиталъ свой весь въ чужія руки передастъ! — сказала она: — ужъ это вѣрно, что передастъ!

— Да, видно ему такая судьба! Отецъ у него человѣкъ непреклонный, и хотя Нилъ также не отличается мягкостью нрава, но здѣсь споръ едва ли будетъ возможенъ, — замѣтилъ Суковатовъ.

— Да онъ и не желаетъ вступать въ споръ.

— Да; если это возможно, это хорошо. Только вотъ что я вамъ скажу: врядъ ли можно такъ расположить свою жизнь, чтобы не нуждаться въ тѣхъ... однимъ словомъ, чтобъ поставить себя въ независимое положеніе отъ обстоятельствъ.

Суковатовъ потупился и какъ-то сдержанно вздохнулъ.

— Впрочемъ, Нилъ всетаки благую часть избралъ! — прибавилъ онъ шепотомъ, какъ бы разсуждая съ самимъ собою: — да онъ и вынесетъ!

— Да, таки весь въ батюшку нравомъ пошелъ, да и родня-то у нихъ вся такая,—сказала старуха мать.

— Отецъ его не проститъ—это вѣрно, и тѣмъ больше не проститъ, чѣмъ больше возлагалъ на него надеждъ. Отецъ-то его, знаете, самъ подъ ферулой у своего родителя до тридцати

лѣтъ состоялъ, такъ школу-то эту изучилъ въ подробности. Однако, скажите, пожалуйста, Нилъ не говорилъ ли вамъ еще объ комъ-нибудь изъ родственниковъ?

— Онъ называлъ мнѣ еще домъ Клочьевыхъ; къ одному Клочьеву я даже имѣю письмо отъ Мурова.

— Да-съ, это, вѣроятно, къ Михею Иванычу; какъ же-съ, знаемъ-съ. Тоже своего рода Катонъ, изъ тѣхъ, которые съ такимъ успѣхомъ процвѣтаютъ и благоденствуютъ на отечественной почвѣ. Экземпляры пріятные! И въ особенности тѣмъ пріятные, что совсѣмъ ужъ просты и незатѣйливы: никакихъ этихъ ухищреній или утончивностей, гнутъ себѣ въ бараній рогъ — да и все тутъ. И если вы знаете одного, то будьте увѣрены, что знаете всѣхъ. Вотъ, дастъ Богъ, познакомитесь, такъ увидите одного изъ тѣхъ благолѣпныхъ россійскихъ старцевъ, которые смотрятъ такъ почтенно, бесѣдуютъ такъ разсудительно, и которые, въ сущности, заѣдаютъ все, что поближе къ нимъ прикасается.

— Что ты, что ты, Николаша! Хоть бы Катерины Михевны посовѣстился: вѣдь она, чай, здѣсь!—промолвила старуха мать.

Въ дверяхъ изъ-за перегородки показалась дѣвушка, одѣтая въ черную ферязь и накрытая чернымъ же платкомъ съ бѣлыми коймами. Это была высокая и полная дѣвушка, повидимому лѣтъ двадцати пяти, и хотя лицо ея уже утратило свѣжіе юношескіе тоны, но всетаки оно было чрезвычайно привлекательно. Черты ея были строги и правильны, а матовая блѣдность, темные волосы и большіе сѣрые глаза, которые она, впрочемъ, почти всегда держала опущенными внизъ, придавали имъ характеръ почти суровый, что какъ-то странно противорѣчило тихой улыбкѣ, которая постоянно играла на ея губахъ. Подобную, постоянно ласкающую улыбку можно встрѣчать только въ монастыряхъ; она наигрывается годами и долговременною привычкою, долговременнымъ принужденіемъ. То же можно сказать и о походкѣ дѣвушки; то была плавная, неслышная, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько торопливая походка, которая въ такомъ обычаѣ между монахинями. Вообще, впечатлѣніе, производимое дѣвушкой, было не совсѣмъ опредѣленное. Видѣлось, что это—натура крѣпкая и энергичная, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлось также нѣчто обрядное, подавленное жизнью.

— Ужъ вы меня не обезсудьте, сударь, что обезпокоила васъ,—сказала она, обращаясь къ Веригину (голосъ у нея былъ звучный и мягкій, словно бархатный): — я вотъ дослышала, что вы братца Нила Петровича знаете?

— Да-съ, я хоть недавно съ нимъ познакомился, но глубоко его уважаю, — отвѣчалъ нѣсколько книжно Веригинъ, котораго присутствіе молодой и красивой женщины привело въ замѣтное смущеніе.

— Позвольте, однако, васъ познакомить, — вступился Суковатовъ: — Катерина Михевна Клочьева, къ отцу которой вы имѣете письмо. Катя! — прибавилъ онъ, обращаясь къ ней: — вы ужъ не сердитесь, голубушка, что я давеча такъ объ родителѣ-то вашемъ...

Катерина Михеевна улыбнулась ему.

— Такъ вы и къ родителю нашему писéмце имѣете? — сказала она Веригину: — да вѣдь ихъ дома нѣтъ, и воротятся-то не ближе, какъ дня черезъ четыре. Не отъ Нила ли Петровича вѣсточка-то! какъ-то онъ, нашъ голубчикъ, въ дальней сторонѣ живетъ? Чай, стосковался по роднымъ-то?

— Нѣтъ, письмо я имѣю отъ Павла Иваныча Мурова; что же касается до Крестникова, то дѣйствительно жизнь его невеселая... Впрочемъ, онъ, кажется, не скучаетъ.

— Ну, какъ, чай, не скучать? — какая ни на есть, а все родная сторонушка!

— А я думалъ, Катя, что вы скажете: какіе ни на есть, а все родители!

— Ну, да и родители тоже!

— Вотъ мы съ Катериной Михеевной все споримъ, — весело сказалъ Суковатовъ: — я говорю, что первый долгъ дѣтей заключается въ томъ, чтобы почитать родителей, а она говоритъ, что родители сами по себѣ — и дѣти сами по себѣ.

— Вы ему, сударь, не вѣрьте; онъ вѣдь у насъ балагуръ!

— Не люблю я, Николаша, какъ ты этакъ шутишь! — серьезно вступилась мать.

— Вотъ кабы Нилъ былъ здѣсь, онъ бы такъ не оставилъ васъ, Катя! онъ бы весь этотъ домострой вашъ... Эхъ! да ужъ что тутъ! давайте-ка лучше чай пить! Ѳедоръ Семенычъ, вѣдь вы не прочь отъ чашки чаю?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Такъ ужъ и вы, Катенька, на сей разъ не откажитесь имѣть съ нами въ питіи общеніе. Да кстати и чаемъ распорядитесь, какъ слѣдуетъ, а то сестру, я вижу, оттуда силой сегодня не выманишь. Или вамъ поздно?

— Ахъ, ужъ и то я только на полчасика къ вамъ укралась...

— Ну, ничего; скажите, что у келейницъ отъ божественнаго поучались. Вотъ я васъ, Ѳедоръ Семенычъ, когда-нибудь

съ этими пройдами познакомлю... да-съ, поживите, поживите съ нами, посмотрите на Русь православную! хороша она, матушка, только подчасъ нутро отъ нея наизнанку выворачиваетъ!

— Будто ужъ и выворачиваетъ?

— Увидите. На первый разъ вотъ вамъ фактъ! Городъ нашъ между уѣздными царькомъ смотритъ, въ немъ больше десяти тысячъ жителей, множество кожевенныхъ и чугунно-литейныхъ заводовъ, выдѣлывающихъ, между нами будь сказано, краденыя кожи и выливающихъ издѣлія изъ темнаго (ворованнаго съ казенныхъ заводовъ) чугуна; однихъ купеческихъ капиталовъ считается около двухсотъ... Ну-съ, а какъ вы думаете, сколько учениковъ этотъ городъ поставляетъ въ уѣздное училище? Тридцать-съ!!

— Да вѣдь, можетъ быть, на это свои причины есть?

— Какъ не быть; разумѣется, что на всякую штуку своя законная причина найдется. Только, я вамъ скажу, какъ всмотришься поближе въ эти причины, да станешь съ ними съ глазу на глазъ, такъ хоть бы какова ни была пьяна голова, а и то сразу отрезвится!

— Ишь, какъ его обидѣли!—отозвалась изъ-за перегородки Катерина Михеевна.

— А мнѣ такъ кажется, что вы нѣсколько пристрастны, и именно потому пристрастны, что это дѣло черезчуръ близко васъ касается. Вы даже врядъ ли можете тутъ быть судьею, потому что слишкомъ рѣзко васъ оскорбляютъ внѣшнія стороны жизни, чтобы не застилать той внутренней, родниковой работы, которая за ними трепещетъ и бьется. Крестниковъ, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ не такого мнѣнія объ этомъ вопросѣ, да оно и должно быть такъ, потому что если вѣрить вамъ, то пришлось бы сразу отчаяться да и сѣсть склавши руки. А это вещь положительно невозможная. Впрочемъ, объ этомъ мы поговоримъ съ вами на досугѣ, когда сойдемся поближе (а я увѣренъ, что вы не оттолкнете меня); а теперь не поможете ли мнѣ какъ-нибудь здѣсь устроиться? Предупреждаю васъ, что мнѣ придется пробыть въ вашемъ городѣ болѣе полугода, что средства мои весьма ограниченныя, что мнѣ врядъ ли подолгу придется заживаться на мѣстѣ и что, разумѣется, самый лучшій способъ устройства для меня былъ бы тотъ, еслибъ вы нашли удобнымъ пріютить меня какъ-нибудь въ своемъ семействѣ.

— Не знаю, что вамъ сказать на это. Мѣсто для васъ, пожалуй, и найдется, да, во-первыхъ, мы люди небогатые, и щи-то съ мясомъ не каждый день ѣдимъ...

— Я васъ прошу не считать этого препятствіемъ...

— А во-вторыхъ, врядъ ли для васъ полезны будутъ такія близкія сношенія съ нами. Вѣдь вы пріѣхали сюда дѣло дѣлать, слѣдовательно вамъ надо стараться сойтись и съ мѣстными властями, и съ значительнѣйшими обывателями. Всѣ свѣдѣнія, которыхъ вы ищете, добываются подъ условіемъ частыхъ свиданій и взаимнаго хлѣбосольства между множествомъ сплетенъ и праздной болтовни, а сюда къ вамъ никто не заглянетъ, потому что мы и живемъ-то на краю города, да и никто насъ не знаетъ.

— Все это, быть-можетъ, отчасти и справедливо; но какъ бы ни велики были выставляемыя вами неудобства, они легко исправимы и совершенно исчезаютъ передъ однимъ весьма важнымъ удобствомъ, которое я пріобрѣту, поселившись у васъ: здѣсь меня не будутъ преслѣдовать непрошенныя знакомства, здѣсь могу я быть спокоенъ, что за мной не будутъ подсматривать. Итакъ, по рукамъ: завтра я переѣзжаю къ вамъ.

— Да гдѣ же мы помѣстимъ-то ихъ, Николаша? — вступилась мать.

— А на верху, въ свѣтелкѣ, а самъ я переберусь сюда. Тамъ у меня лѣтняя резиденція,—прибавилъ Суковатовъ, обращаясь къ Веригину;—ну, да я какъ-нибудь и потѣсниться могу, а вы будете имѣть маленькій особнячокъ.

— Само собой разумѣется, что вы назначите плату за квартиру и за столъ?

— Ну, конечно, мы люди бѣдные. Вотъ у насъ и повеселѣе, матушка, будетъ.

— Дай-то Богъ! Дай-то Богъ! Скучненько мы, сударь, здѣсь живемъ; ни то къ намъ кто, ни то мы къ кому. Я-то смолоду, признаться, веселенько жила—ну, на нихъ смотрѣть-то словно и жалко.

— А вы, Катя, будете ходить къ намъ? Въ горѣлки бѣгать станемъ?

— Ужъ куда мнѣ въ этакой-то одежѣ въ горѣлки бѣгать, хоть бы такъ-то побесѣдовать!

Катерина Михеевна присѣла къ столу и словно задумалась.

— А что, Катенька, воображаю я себѣ, вы теперь думаете: только вотъ здѣсь и отведешь душеньку мало-мало!—поддразнилъ ее Суковатовъ:—вѣдь правда?

— Да что ты къ ней присталъ, Николаша?

— Ну, пущай его, не трогъ, побалагуримъ!—житье-то наше съ нимъ не вотъ какое сладкое!—отозвалась дѣвушка и глянула

на Суковатова тѣмъ милымъ, ласкающимъ взглядомъ, какимъ смотритъ мать на баловливое, но милое дитя.

Суковатовъ съ своей стороны посмотрѣлъ на нее, и Веригину показалось, что въ его взорѣ блеснуло что-то похожее на страсть.

Катерина Михеевна мгновенно опустила глаза.

— Не пора ли домой, Катя?—спросилъ онъ потихоньку.

— Да, надо,—отвѣчала она и снова задумалась.

Всѣ смолкли; уже наступили сумерки, и въ полумракѣ блѣдное лицо дѣвушки казалось еще блѣднѣе; прекрасное и строгое, оно выступало словно изваянное изъ мрамора.

— Господи!—потихоньку вздохнулъ кто-то, и Веригину показалось, что вздохъ этотъ вылетѣлъ изъ груди Кати.

Вслѣдъ затѣмъ она быстро поднялась съ своего мѣста, простилась и ушла. Скоро по уходѣ ея и старуха Суковатова скрылась за перегородку.

— Пойдемте-ка ко мнѣ на верхъ, если вамъ не надоѣло со мной сидѣть,—сказалъ Суковатовъ:—кстати и на будущее ваше помѣщеніе посмотрите.

На верху оказалась комнатка очень маленькая, но чистенькая, какъ и весь домъ вообще: мебель состояла изъ большого некрашенаго стола, на которомъ лежало нѣсколько разрозненныхъ номеровъ русскихъ журналовъ и который служилъ для Суковатова вмѣсто письменнаго стола, изъ двухъ-трехъ стульевъ и довольно жесткаго дивана.

— Скажите, пожалуйста, съ кѣмъ же вы здѣсь знакомы?—спросилъ Веригинъ.

— Да съ кѣмъ? ни съ кѣмъ! сижу постоянно дома, вотъ точно такъ, какъ вы сегодня застали.

— Однако, неужели здѣсь молодыхъ людей нѣтъ?

— Кому быть? Молодежь изъ купцовъ и мѣщанъ больше при своемъ дѣлѣ находится, а если и улучаетъ свободное время, то проводитъ его между собой. Не очень-то они съ нами сближаются, да, по правдѣ сказать, и интересовъ такихъ нѣтъ, на которыхъ бы намъ сойтись можно.

— Стало быть житье ваше скучное?

Хотя вопросъ этотъ не заключалъ въ себѣ ничего особеннаго, но, вѣроятно, въ тонѣ, которымъ онъ былъ произнесенъ, было нѣчто такое, что заставило Суковатова смутиться.

— Да... конечно, веселаго мало,—отвѣчалъ онъ, краснѣя:—книгъ нѣтъ, говорить не съ кѣмъ, да и не объ чемъ...

— Это правда, что недостатокъ въ книгахъ—очень чувстви-

тельный недостатокъ; однако, если онъ уже существуетъ, и если не отъ насъ зависитъ устранить его, то вѣдь и помимо-то книгъ есть возможность найти исходъ для дѣятельности. Мнѣ кажется, что если вы не безсознательно сейчасъ выразились, что нѣтъ у васъ общихъ интересовъ съ той массой молодыхъ людей, которые васъ окружаютъ, то это положительно обвиняетъ именно васъ, а не ихъ. Согласитесь, во-первыхъ, что то, что вы разумѣете подъ словомъ „интересъ", заключаетъ въ себѣ понятіе о чемъ-то весьма неопредѣленномъ и смутномъ...

— Я согласенъ, что воспитаніе мое было очень поверхностное...

— Рѣчь покамѣсть не объ воспитаніи, а о томъ, чтобы создать себѣ дѣйствительный интересъ въ жизни. Этимъ интересомъ вы не обладаете вовсе, хотя, быть-можетъ, и имѣете смутное предчувствіе его; между тѣмъ массы, которыми вы пренебрегаете, хотя и не находятся въ самомъ центрѣ его, но во всякомъ случаѣ уже обладаютъ первоначальными его элементами. Онѣ работаютъ работу будничную, но настоящую; онѣ не проводятъ въ своей дѣятельности тѣхъ высшихъ законовъ, которыми должно управляться идеальное общество; онѣ даже похваляются тѣмъ, что не порываются куда-нибудь вдаль, а жмутся крѣпче и крѣпче къ землѣ; но сама практика, которую онѣ исключительно имѣютъ въ виду, такъ жестока, что на каждомъ шагу отрезвляетъ самыхъ неистовыхъ своихъ поклонниковъ. Несмотря на то, что онѣ строго идутъ торными путями и что въ дѣйствіяхъ ихъ нѣтъ ни малѣйшаго уклоненія отъ того, что называется законностью, они чувствуютъ, однакожъ, что и имъ живется плохо, что и ими управляетъ какъ будто нѣчто слѣпое, случайное. То фабрики вдругъ стали, то торгуется плохо, то внезапная и неслыханная дороговизна на предметы самой первой необходимости, то вдругъ таинственное исчезновеніе звонкой монеты. Конечно, никто какъ Богъ; однако какъ ни привыкли мы все сваливать на Провидѣніе, но иногда по неволѣ задумаешься. Какъ хотите, а подобные интересы совсѣмъ не маленькіе, и отъ нихъ можно незамѣтнымъ образомъ подойти къ интересамъ самымъ высшимъ и міровымъ... И если вы примете при этомъ въ соображеніе, что это интересы признанные (кому, напримѣръ, придетъ въ голову отрицать, въ принципѣ, право собственности?) и что большинство на каждомъ шагу оскорбляется именно въ томъ, что оно считаетъ своимъ законнымъ и кровнымъ дѣломъ, то легко поймете, что и для проведенія другихъ инте-

ресовъ (высшихъ и покуда еще непризнанныхъ) можно легко отыскать почву законную.

— Такъ; но вѣдь опять-таки я долженъ вамъ повторить, что мое-то собственное образованіе слишкомъ недостаточно, что мнѣ не съ чѣмъ идти навстрѣчу невѣжеству, что я самъ невѣжда...

— Позвольте васъ остановить. Конечно, все это печально, а еще печальнѣе то, что вы фактически поставлены въ такое положеніе, которое отнимаетъ у васъ шансы на дальнѣйшее образованіе; но развѣ изъ этого слѣдуетъ, чтобы двери жизни были закрыты для васъ? Нѣтъ, изъ этого вытекаетъ только одно практическое слѣдствіе, а именно то политическое правило, которое формулируется словами: *дѣлай что можешь*. Позвольте васъ спросить, во-первыхъ, можетъ ли кто изъ величайшихъ современныхъ представителей науки сказать, что обладаетъ послѣднимъ словомъ цивилизаціи? Конечно, никто; но если никто, то, стало быть, по вашему, никто же не можетъ считать себя вправѣ примѣнять добытыя имъ знанія потому только, что знанія эти могутъ быть опрокинуты дальнѣйшими успѣхами науки; стало быть всѣ должны сидѣть сложа руки или уподобиться тѣмъ мертворожденнымъ балетмейстерамъ, которые въ стѣнахъ университетскихъ воздѣлываютъ науку для науки. Но это нелѣпость очевидная, потому что массы имѣютъ равныя съ нами права на науку, на ту *несовершенную* науку, которою обладаемъ мы сами. Теперь примѣнимъ все это лично къ вамъ. Развѣ масса, которая васъ окружаетъ, стоитъ выше васъ въ смыслѣ умственнаго развитія? Нѣтъ. Предположимъ даже, что знанія ваши и массы равно ничтожны; но вы уже имѣете то преимущество, что свободны отъ большинства предразсудковъ, тяготѣющихъ надъ массой, что вы уже имѣете нѣкоторое сознаніе объ общемъ законѣ, о методѣ. Между тѣмъ, и масса, не смотря на невѣжество и предразсудки, всетаки нѣчто проводитъ и предугадываетъ; для чего же вы добровольно устраняете себя изъ этой робкой работы провидѣнія? Изъ опасенія ошибокъ? Но вѣдь это или черезчуръ высокомѣрно, или, извините меня, глупо! Такъ вотъ видите ли, какъ поразмыслишь, то и оказывается, что какъ ни прискорбенъ недостатокъ образованія, а въ дѣлѣ расширенія путей, которыми достигается пользованіе общечеловѣческими правами, онъ уже уходитъ на второй планъ.—А впрочемъ до свиданья!—прибавилъ Веригинъ, вставая:—ужъ поздно, а мы съ вами и завтра, и послѣ-завтра можемъ наговориться всласть.

— Нѣтъ, посидите! посидите еще немного!—просилъ Суковатовъ, удерживая гостя.

Веригинъ сѣлъ; въ комнатѣ ужъ было почти темно, но Суковатову и на мысль не приходило добыть огня. Повидимому, слова Веригина возбудили въ душѣ его цѣлый новый міръ, который хотя и встрѣтилъ его неприготовленнымъ, но не на шутку расшевелилъ всѣ фибры его существа. Новые знакомцы нѣсколько времени молчали.

— А знаете ли — сказалъ, наконецъ, Суковатовъ: — вашъ пріѣздъ подѣйствовалъ на меня болѣзненно. И сами вы, и воспоминаніе о Крестниковѣ, все это пахнуло на меня не то чтобы чѣмъ-нибудь забытымъ—мое прошлое не таково, чтобы тамъ было что забыть или о чемъ вспомнить,—а какою-то возможностью, чѣмъ-то такимъ, что проносится иногда надъ душою, проносится смутно и безразлично, словно радужный какой-то міръ... Не правда ли, вѣдь случалось и вамъ когда-нибудь испытывать это сладкое, почти томительное ощущеніе?

— Ну да, конечно; однакожъ, если вникнуть...

— Нѣтъ, позвольте. Покуда я еще не хочу вникать. Я хочу только сказать, что впечатлѣніе отъ этихъ минутъ бываетъ какое-то странное. И хорошо на душѣ—не то, чтобъ весело, а какъ-то сладко, и въ то же время всѣ язвы сердца какъ-то больнѣе сказываются, и грудь словно пухнетъ отъ слезъ, и встаютъ откуда-то всѣ эти горести, не то чтобы горести дѣйствительно выстраданныя и на время забытыя... нѣтъ! а какія-то новыя, никогда неизвѣданныя, но въ то же время какъ будто вмѣстѣ съ тобой родившіяся и почему-то не выступавшія наружу. Но, быть-можетъ, вамъ кажется, что я говорю галиматью?

— Совсѣмъ нѣтъ; я очень просто понимаю это состояніе и объясняю его себѣ возвратомъ къ сознанію той человѣческой сущности, которая закладывается въ насъ самою природой и по временамъ прорывается наружу, не смотря на нашу забитость.

— Да, именно начинаешь сознавать себя человѣкомъ, и вдругъ какъ-то ясно и свѣтло выступятъ всѣ эти возможности, почему-то сдѣлавшіяся невозможностями; почувствуется какое-то право; пригрезится нѣчто утраченное, погибшее... и такъ не хочется, такъ не хочется опять возвращаться къ дѣйствительности!..

Веригинъ хотѣлъ что-то возразить, но Суковатовъ остановилъ его жестомъ.

— Позвольте мнѣ досказать. Вотъ и теперь напримѣръ: пріѣхали вы, принесли съ собой вѣсть объ Крестниковѣ—и вдругъ передо мной нарисовалась какая-то даль, въ которой все не такъ, какъ вокругъ меня, въ которой есть своего рода толчки и неровности, но все это исчезаетъ въ одномъ чувствѣ свободы и независимости. Знаете ли, до какой степени болѣзненнымъ можетъ сдѣлаться это чутье чего-то другого, неизвѣданнаго, что даже на всякаго проѣзжаго смотришь съ завистью, точно вотъ тройка такъ сейчасъ и умчитъ его въ какое-то царство свѣта... Скажите, вѣдь вы не совсѣмъ какъ на сумасшедшаго смотрите на меня?

— Нѣтъ, повторяю вамъ, что я совершенно понимаю это чувство и даже думаю, что его слѣдуетъ воспитывать въ себѣ, потому что оно одно можетъ поддержать въ человѣкѣ ту бодрость и энергію, которыя нужны въ жизни, и которыя такъ легко забиваются обстоятельствами. Но, по мнѣнію моему, въ томъ, что вы высказали, есть большая ошибка...

— А именно?

— Повторяю: ошибка эта заключается именно въ той гадливости къ дѣйствительности, или, лучше сказать, не въ гадливости, а скорѣе въ боязни ея, которую вы на себя напускаете. Я согласенъ съ вами, что чѣмъ шире будутъ ваши требованія къ дѣйствительности, чѣмъ раздражительнѣе вы будете относиться къ ней, тѣмъ лучше; но вѣдь не все же сказано этою раздражительностью, здѣсь не конецъ дѣлу. И вотъ, если вы разъ навсегда скажете себѣ это, если проникнетесь убѣжденіемъ, что недовольство ваше должно же куда-нибудь примкнуть, то въ то же время убѣдитесь и въ томъ, что ни бояться дѣйствительности, ни очень-то презирать ее невозможно, потому что она всетаки заключаетъ въ себѣ тотъ операціонный базисъ, который нуженъ, чтобы дать вашей дѣятельности не мнимый исходъ.

— Такъ; но развѣ у насъ есть дѣятельность не мнимая?

— А вы думаете, что настоящая дѣятельность возможна только для городничихъ и исправниковъ?

— Да, почти что такъ.

Веригинъ посмотрѣлъ на Суковатова съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ; отвѣтъ этотъ, послѣ происходившаго разговора, показался ему не только страннымъ, но почти нелѣпымъ. Между тѣмъ, дѣло было очень простое: Суковатовъ, какъ это почти всегда случается съ людьми, вступающими въ непривычный имъ серьезный разговоръ, схватывалъ въ словахъ своего собесѣдника почти одни звуки, почему-то особенно ласкавшіе его слухъ, и очень мало усваивалъ его мысль въ ея общемъ значеніи.

— Ошибаетесь — сказалъ, наконецъ, Веригинъ: — есть дѣятельность для всѣхъ. Всякій, кто ищетъ чего бы то ни было, всякій, кто не удовлетворяется жизнью, въ которую втиснула его судьба, пусть добивается, пусть просѣкаетъ себѣ дорогу.

Веригинъ сказалъ это такъ серьезно, что Суковатовъ взглянулъ на него вопросительно, и ему сдѣлалось даже нѣсколько жутко.

V.

Клочьевы.

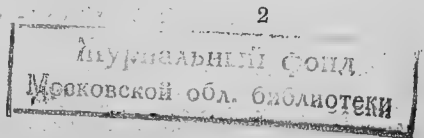
Фамилія Клочьевыхъ—самая распространенная въ Срывномъ. Общая молва говоритъ, что первый Клочьевъ, здѣсь поселившійся, принадлежалъ къ числу тѣхъ ревнителей „древняго благочестія", которые бѣжали изъ Москвы еще въ то время, когда только что началось преслѣдованіе раскольниковъ; но съ тѣхъ поръ многочисленное его потомство выдѣлило изъ себя множество мелкихъ отраслей, которыя, повидимому, не имѣютъ между собой ничего общаго. Существуютъ Клочьевы-капиталисты, торгующіе en gros, дѣти которыхъ уже разрѣшили себѣ нѣмецкій фракъ, охотно играютъ въ горку, а по нуждѣ и въ банкъ, и весьма удачно полькируютъ на балахъ у городничаго. Существуютъ Клочьевы-мѣщане, надувающіе en détail, крѣпко придерживающіеся сибирки и выпущенной наружу рубахи, читающіе книгу „Златой бисеръ" и „Чудо св. Николы о Синогрини цари", и твердо убѣжденные, что царство антихристово наступило и что кончина міра имѣетъ послѣдовать въ самомъ непродолжительномъ времени. Существуютъ, наконецъ, Клочьевы-ремесленники, народъ полудикій, оборванный, не имѣющій ни кола, ни двора, цѣлую недѣлю задыхающійся за работой въ какой-нибудь душной кожевнѣ или кузницѣ-выгранкѣ, и въ воскресенье непремѣнно проѣдающій и пропивающій весь заработокъ недѣли.

Несмотря, однакожъ, на различіе состояній и общественнаго положенія, есть одна общая черта, которая связываетъ между собой разнородные элементы этой фамиліи: всѣ Клочьевы придерживаются такъ называемыхъ „старыхъ обычаевъ". Капиталисты служатъ коноводами; мѣщане и ремесленники составляютъ массу, слѣпо идущую за своими руководителями. Сначала общій интересъ, потомъ общая опасность и, наконецъ, привычка и преданіе заставили этихъ людей съютиться въ одну кучу и породили

здѣсь ту дисциплину, которой могла бы позавидовать любая бюрократическая армія. Капиталисты Клочьевы свободно могутъ якшаться съ мѣстными властями и другими еретиками, принимать ихъ въ своихъ домахъ, могутъ напиваться и безобразничать съ ними; масса ни на минуту не заподозритъ ихъ въ отступничествѣ, ни на минуту не усумнится въ томъ, что все что ни дѣлается коноводами, дѣлается единственно съ цѣлью вящшаго утвержденія старыхъ обычаевъ. Смутное сознаніе, что уступка и частныя примиренія съ внѣшними формами бюрократической цивилизаціи необходимы, уже проникаетъ мало по малу въ массы. Въ этомъ сознаніи отступничество облекается въ форму подвига, предпринимаемаго для спасенія того великаго дѣла, въ пользу котораго каждый истинный христіанинъ долженъ принять смерть и тѣсноту, долженъ рѣшиться даже на погибель души своей.

А потому тутъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ бы то ни было контролѣ. Все дѣло—въ рукахъ сильныхъ, обладающихъ матеріальными средствами людей, и они могутъ орудовать имъ какъ заблагоразсудится. Даже взаимные споры и несогласія происходятъ и рѣшаются исключительно между ними, безъ всякаго духовнаго участія массъ, которыя слѣдуютъ за тѣмъ или другимъ изъ коноводовъ, смотря по тому, съ кѣмъ связываютъ ихъ житейскія отношенія и семейныя преданія. Дѣло коноводовъ — общая организація; дѣло массъ — стоять твердо и выносить на плечахъ всѣ невзгоды. Говорятъ, будто прежніе старики-коноводы были менѣе повадливы и держали себя отчужденнѣе; но нынѣшнее поколѣніе положительно отвергаетъ такой образъ дѣйствія, какъ безплодный и вредный. Оно находитъ, что не только неблагоразумно отчуждать себя отъ общенія съ людьми, которыхъ руку всячески приходится на себѣ чувствовать, но что при такомъ отчужденіи старый обычай дѣйствительно становится дѣломъ подозрительнымъ, въ особенности если принять въ соображеніе, что руководители его обладаютъ болѣе или менѣе значительными средствами, малая толика которыхъ можетъ украсить существованіе любого птенца бюрократіи. И въ подтвержденіе этой мысли указываютъ на Ковылина и другихъ ревнителей, которые умѣли согласовать строгія требованія древняго благочестія съ уступками, вынуждаемыми временемъ и обстоятельствами.

Если кто захочетъ объяснить себѣ, что такое этотъ „старый обычай", который такъ упорно отстаивается, тотъ встрѣтитъ на пути своемъ цѣлую перепутанную исторію. Люди, повидимому



поверхностные, сводятъ вопросъ этотъ на точку зрѣнія исключительно религіозную. Какъ ни поверхностенъ кажется такой взглядъ, но относительно настоящаго въ немъ есть большая доля правды. Бюрократическое начало, вездѣ явившее себя и неумѣлымъ, и безсильнымъ, гдѣ шло дѣло о развитіи и поддержаніи жизни, выказало бодрость и силу неслыханныя тамъ, гдѣ предстояла возможность ея умерщвленія. Если въ первоначальномъ своемъ источникѣ „старый обычай" представлялъ собою элементъ земскій, едва прикрываемый религіозными мотивами, то съ теченіемъ времени это дѣло приняло оборотъ совершенно иной. Старое, жизненное преданіе выродилось и уступило мѣсто исключительному владычеству обряда; внутренняго, кровнаго повода для раздѣленія уже не стало, а есть только внѣшняя придирка, живучесть которой объясняется отчасти привычкой, порожденной долгимъ общимъ преслѣдованіемъ, отчасти личными побужденіями тѣхъ, для которыхъ это раздѣленіе выгодно.

И не то чтобы прежнее представленіе, соединявшееся съ „старымъ обычаемъ", было особенно привлекательно; оно столь же мало осуществляло собой идею свободы дѣйствительной, какъ и вся послѣдующая, регламентированная неурядица. Но за нимъ было одно весьма важное преимущество: оно ненавидѣло всякое насильственное прикосновеніе къ жизни и, слѣдовательно, дѣлало ее доступною началамъ развитія и самобытности. Люди, откровенно называвшіе и признававшіе себя „людишками" и „сиротами", конечно никакого иного названія и не заслуживали; но по дѣйствіямъ и требованіямъ этихъ „людишекъ" чуялось, что ихъ самоуниженіе было лишь данью общему духу времени, и что когда-нибудь они съумѣютъ назвать себя и людьми. Въ этомъ весь смыслъ и все оправданіе такого живучаго явленія, какъ расколъ; у него есть хорошая исторія.

Какъ бы то ни было, но старый типъ непреклоннаго угрюмаго расколоучителя съ каждымъ годомъ все больше и больше стирается; молодежь ему положительно не сочувствуетъ; старики же хотя и симпатизируютъ, и вздыхаютъ объ утратѣ истиннаго благочестія, но чувствуютъ себя безсильными противъ внѣшняго давленія. Вымретъ и это поколѣніе послѣднихъ и безъ того уже выродившихся могиканъ—и дѣло само собой покончится, къ взаимному удовольствію, общимъ развратомъ. Правда, и нынче еще случается по мѣстамъ встрѣтить представителей стараго типа; но они уже извратили первоначальный смыслъ преданія и ограничили его мотивами исключительно религіозными. Сверхъ того, эти представители принадлежатъ большею

частью къ массѣ, бѣдной и матеріальными средствами, и начитанностью, и потому стоятъ въ своемъ обществѣ одиноко и безъ особенной щекотливости уступаются на съѣденіе злокачественнымъ осадкамъ бюрократіи.

Подвиги этихъ послѣднихъ (въ лицѣ городничихъ, стряпчихъ и исправниковъ) на поприщѣ насажденія просвѣщенія слишкомъ недавни, чтобы можно было удивить кого-нибудь ихъ описаніемъ. Въ свою очередь проведя какую-то традицію, вертоградари цивилизаціи закипали негодованіемъ при одномъ имени этихъ угрюмыхъ, словно озлобленныхъ стариковъ, которые молчаливо подвергали себя всякаго рода наѣздамъ и истязаніямъ и, откупившись отъ окончательнаго раззоренія, снова сосредоточивались въ своемъ ожесточеніи, впредь до новыхъ наѣздовъ и истязаній. При воспоминаніи объ нихъ, стряпчій съ удвоенной силой размахивалъ руками, какъ будто нѣчто забиралъ; у исправника щетиной становились густыя брови и фосфорическій блескъ искрился въ глазахъ; городничій щелкалъ языкомъ, причмокивалъ губами и поднюхивалъ носомъ.—Давить ихъ! душить ихъ!—восклицалъ этотъ новый синедріонъ, и съ точки зрѣнія бюрократической традиціи восклицалъ совершенно логично. Ибо хотя чиновникъ и любитъ мзду (тоже традиція), но при этомъ наблюдаетъ, чтобы паціентъ его смотрѣлъ весело.

Ясно, что при такой обстановкѣ не неумѣлымъ рукамъ было держать дѣло, и что охраненіе его естественно должно было перейти къ людямъ болѣе изворотливымъ, обладающимъ болѣе покладистою совѣстью. И эти люди явились, и сразу же выказали себя поистинѣ неоцѣнимыми. Они поняли, что плата за бюрократическую услугу обусловливается множествомъ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ; одну мзду несетъ фракъ, другую — зипунъ, причемъ фраку улыбнутся, да и денегъ, пожалуй, еще не возьмутъ, а съ зипуна навѣрное возьмутъ да и въ бороду неравно наплюютъ. Они поняли, что чиновникъ глупъ, что его всего болѣе поражаетъ внѣшность: часто для такъ называемаго „хорошаго человѣка“ чиновникъ безкорыстно совершаетъ такіе подвиги, на которые не рѣшился бы ни за какія суммы выходящія изъ рукъ, пахнущихъ навозомъ. И сообразно съ этимъ убѣжденіемъ повели дѣло.

Отсюда—цѣлая теорія уступокъ и умолчаній. Слова: „по нуждѣ“ и „тѣсноты ради“ полагаются въ основаніе цѣлаго порядка явленій, освобождаютъ человѣка отъ контроля его собственной совѣсти и незамѣтно всасываются даже въ обыденныя общественныя отношенія. Очевидно, что подъ вліяніемъ ихъ дол-

женъ образоваться совершенно особый кодексъ нравственности относительной, котораго прямыя послѣдствія заключаются въ полномъ упадкѣ нравственнаго смысла и въ крайней внутренней распущенности. Очевидно также, что обладатели этого кодекса должны были занять въ общей семьѣ особое положеніе и что здѣсь должна была выдѣлиться своего рода замкнутая аристократія, которая гнусно сгибается передъ внѣшнею, грубою силой и въ свою очередь нагло эксплуатируетъ и заставляетъ гнуться передъ собой толпу слабыхъ и беззащитныхъ.

Такое-то именно положеніе занимаютъ въ Срывномъ Клочьевы-капиталисты. У нихъ уже все на европейскій манеръ, и если вамъ не удастся проникнуть въ тотъ отдаленный и всегда обращенный окнами на дворъ покой, въ которомъ находится моленная, или въ ту еще болѣе отдаленную каморку, въ которой нѣсколько десятковъ лѣтъ заживо умираетъ и все не можетъ умереть слѣпенькая „баушка“, обыкновенно родоначальница семейства и прежде бывшая раскольничья знаменитость; если вамъ не укажетъ услужливый чичероне на одиноко стоящую гдѣ-нибудь на задворкахъ баню, въ которой обитаютъ пять-шесть дрянныхъ, бездомныхъ старухъ, вы и не подумаете, что находитесь у человѣка, для котораго старый обычай составляетъ профессію и задачу всей жизни. Полы паркетные, стѣны подъ мраморъ; хозяинъ бесѣдуетъ бойко и развязно; словомъ—ничто въ цѣлой обстановкѣ не обнаруживаетъ особничества. Если вы спросите хозяина, въ чемъ же заключается сила и смыслъ „стараго обычая“, и если хозяинъ человѣкъ уже зрѣлыхъ лѣтъ, онъ или замнетъ разговоръ, или отвѣтитъ уклончиво, но всегда съ пріятною улыбкою. „Наши отцы того держались, и мы держимся“, скажетъ онъ вамъ: „да и баушка еще у насъ въ жизни находится, такъ и ее огорчать не приходится“. И въ заключеніе опять любезно улыбнется, покажетъ вамъ свои старопечатныя диковинки и замѣчательные древняго писанія образа, и вообще выкажетъ себя скорѣе археологомъ, нежели старовѣромъ. Но если хозяинъ молодой, то онъ не сочтетъ даже за нужное скрытничать. „Изволите видѣть“, отвѣтитъ онъ вамъ, „дѣло это у насъ не столько душевное, сколько карманное. Теперича, какъ я такимъ дѣломъ займуюсь, значитъ у всѣхъ я, что называется, какъ спица въ глазу: ревнитель да подражатель—и все тутъ. А ревнителемъ и подражателемъ зовусь я, первое, потому, что у меня въ банѣ, на огородѣ, завсегда всякій сбродъ проживаетъ: странницы эти да чернецы бѣлые, и каждый, сударь, благодать у себя за пазухой держитъ. Слава-то эта и идетъ;

всѣ меня знаютъ, у всѣхъ я въ почетѣ, и оплошай я, примѣрно, хоть въ торговомъ дѣлѣ, меньшая-то братія на плечахъ меня вынесетъ! Такъ разсудите сами, какая же мнѣ радость отъ своего добра рыло воротить! А если я по древнему обычаю персты складываю, да на молитву выпустивши рубаху становлюсь, такъ вѣдь эта тягость еще не больно для насъ велика!"

Тѣмъ не менѣе весь этотъ лоскъ—чисто внѣшній; внутри, въ семьѣ царствуетъ все тотъ же дикій деспотизмъ, который царствовалъ и искони. Такъ называемыя патріархальныя отношенія наложили здѣсь то гнетущее ярмо, подъ которымъ пригибается къ землѣ всякая живая личность, увядаетъ всякій порывъ къ самостоятельности и замираетъ въ груди сердечный вопль, готовый изъ нея вырваться. Безпощадными судьями стоятъ домовладыки надъ безгласными ихъ семьями, и нѣтъ той силы, нѣтъ того вопля, который могъ бы растопить ледяную кору, однажды навсегда сковавшую всѣ ихъ сердечныя движенія. Кругъ занятій, призваніе, честь и самая жизнь каждаго изъ членовъ семьи—все это фаталистически опредѣляется домовладыкой съ самою возмутительною подробностью. Передъ этимъ рѣшеніемъ склоняется и робкая его жена, и молодой его сынъ, у котораго такъ и искрится въ глазахъ огонь, свидѣтельствующій о сверхъестественныхъ усиліяхъ, потребныхъ для того, чтобы сломить и обуздать кипящую въ немъ строптивость, и красавица-дочь, которой влажные взоры и высоко вздымающаяся молодая грудь молча протестуютъ противъ гнета, налагаемаго желѣзною рукой холоднаго деспота. Вяло и безотрадно течетъ существованіе этой семьи, всецѣло поглощаемое мелочами и дрязгами обыденной жизни, а бѣдность и убожество обстановки кладетъ на дѣйствія и поступки ея членовъ какое-то неизгладимое иго формализма, не согрѣтаго никакою внутреннею силою. Если вамъ случайно придется имѣть дѣло съ однимъ изъ молодыхъ членовъ этой семьи, и вы спросите, что заставляетъ его подчиняться этимъ мертвящимъ формамъ жизни, отвѣтъ будетъ неизмѣненъ: „родители у насъ живы". И въ воображеніи вашемъ мгновенно встанетъ или псевдо-величавый образъ старика-домовладыки, или же сгорбленная фигура безтолково-непреклонной старухи, которые, какъ вампиры, высасываютъ счастье и радость цѣлой семьи. Но вотъ старикъ-отецъ умеръ; старуха-мать, охая и всхлипывая, также послѣдовала за нимъ; остается сынъ, тотъ самый сынъ, который недавно такъ горько жаловался на свою участь... Вы ожидаете, что онъ съ тревожнымъ нетерпѣніемъ устремится разорвать желѣзныя путы, связывавшія его движенія; вы ждете,

что вотъ-вотъ прольется вольная струя воздуха въ эту затхлую атмосферу и освѣжитъ ее; вы опасаетесь даже, чтобы мѣсто прежняго дикаго формализма не заступилъ столь же дикій разгулъ... Напрасныя ожиданія, напрасныя опасенія. Еще не успѣло путемъ оцѣпенѣть тѣло отца, какъ въ сынѣ уже совершился тотъ рѣзкій на взглядъ, но въ сущности подготовлявшійся издалека переворотъ, который сразу становитъ его въ мѣру отца. Ограниченнымъ, но въ самой этой ограниченности прозорливымъ разсудкомъ своимъ онъ безъ усилій постигнетъ и взвѣситъ тѣ выгоды, которыя даетъ ему новое положеніе, и на основаніи этого безнравственнаго разсчета усвоитъ себѣ и взгляды, и обычаи стариковъ. Положеніе семьи не измѣняется; она мѣняетъ только домовладыку, но внутренній распорядокъ жизни остается одинъ и тотъ же. И горе той личности, которая осмѣлилась бы предъявить права свои на какую-либо самостоятельность, горе тому или той, которые задумали бы идти наперекоръ тому, что самодовольно стало толстой и непробиваемой стѣной на зыбкой и гнилой почвѣ предразсудковъ! Ихъ ждутъ тысячи мелкихъ преслѣдованій, тысячи ежемгновенныхъ истязаній, которыя рано или поздно истерзаютъ и изорвутъ душу подъ муками ея собственнаго безсилія.

Въ этомъ царствѣ тѣней крупнымъ темнымъ перломъ выдавалось семейство значительнѣйшаго изъ срывнинскихъ капиталистовъ, купца первой гильдіи Михея Иванова Клочьева. Первенствующее значеніе этого семейства въ городѣ утвердилось за нимъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, умѣвшихъ сосредоточить въ однѣхъ рукахъ значительные капиталы и не только поддерживавшихъ связи съ значительными старообрядческими обществами, разсѣянными въ разныхъ пунктахъ Россіи, но распространившихъ эти связи еще далѣе. Старожилы горожане разсказывали, что въ то время, когда въ Срывномъ существовала настоящая моленная, дѣда Михея Клочьева, Данилу Семенова, общая молва признавала за старообрядческаго архіерея, и что даже будто бы поминали его въ этомъ качествѣ за литургіей. Разумѣется, это была только молва, и притомъ молва неосновательная; но уже самое существованіе подобныхъ слуховъ доказывало, какое серьезное вліяніе имѣлъ Данило Клочьевъ на толпу. Даже объ Михеѣ Иванычѣ ходили слухи, что онъ куда-то ѣздилъ и гдѣ-то получилъ какой-то санъ. И дѣйствительно, выдалось одно время, когда дѣятельность Михея Клочьева приняла характеръ особенно тревожный и необычайный; по ночамъ на выгонѣ, въ старой заброшенной кожевнѣ, происходили какія-то

секретныя совѣщанія, на которыя сзывались вліятельнѣйшіе старообрядцы; въ городѣ появилось много совсѣмъ неизвѣстныхъ лицъ, большею частію скрывавшихся въ подпольяхъ и по кельямъ на огородахъ и только съ наступленіемъ сумерокъ выползавшихъ изъ своихъ таинственныхъ убѣжищъ; шли слухи о спорахъ и распряхъ, о какомъ-то иргизскомъ старцѣ Іонѣ, составившемъ значительную партію, противную Клочьевымъ. Словомъ, смута была такъ велика, что дѣло никакъ бы не удержалось въ предѣлахъ таинственности, еслибъ Михей Клочьевъ не имѣлъ дѣятельныхъ покровителей въ лицѣ мѣстныхъ городничаго и стряпчаго, которые съ своей стороны задобрили и другихъ, до кого оно касалось. Это было именно въ половинѣ сороковыхъ годовъ, т.-е. въ то самое время, когда прошла первая молва объ австрійскомъ священствѣ, и вслѣдъ затѣмъ Михей Ивановъ выбылъ изъ города и возвратился домой уже послѣ четырехъ-мѣсячной отлучки, давшей поводъ къ новымъ таинственнымъ слухамъ и предположеніямъ.

Михей Клочьевъ былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, но крѣпкій, здоровый и бодрый. Высокій ростъ и представительная, благообразная наружность до такой степени располагали въ его пользу, что какой-то присланный изъ Петербурга по дѣламъ раскольничьимъ чиновникъ, увидѣвъ его, почувствовалъ даже приливъ особеннаго чиновничьяго патріотизма.

— Такой молодецъ—и раскольникъ!—выразился онъ, какъ будто хотѣлъ сказать:—Ну что бы тебѣ на часахъ у Александровской колонны стоять!

— По старой вѣрѣ,—угрюмо замѣтилъ Клочьевъ.

— Ну да, братецъ, раскольникъ! Раскольникъ, раскольникъ!—повторилъ чиновникъ уже съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ.

Михей больше не возражалъ, но съумѣлъ устроить такъ, что на другой же день чиновникъ у него обѣдалъ и послѣ обѣда, будучи въ веселомъ расположеніи духа, все убѣждалъ хозяина оставить заблужденіе и познать свѣтъ вѣры истинной.

Про богатство и могущество Михея ходили слухи самые баснословные, но обыватели до того безусловно имъ вѣрили, что, по мнѣнію ихъ, не было той бѣды, отъ которой Клочьевъ не могъ бы откупиться. Мѣщане и ремесленники просто трепетали его и еще издали, завидѣвъ сановитаго старца, поспѣшно снимали картузы и сторонились. Даже мѣстныя власти ему льстили, потому что былъ примѣръ, что одинъ городничій, слишкомъ близко подбиравшійся къ Клочьеву, совершенно неожиданно слетѣлъ съ мѣста, въ самомъ порывѣ бюрократическаго усердія.

Достовѣрно было извѣстно, что Михей Ивановъ преимущественно занимался самою православною изъ всѣхъ отраслей промышленности — лѣсною. Въ выборѣ этого занятія былъ свой разсчетъ. Во-первыхъ, лѣсная промышленность въ восточномъ краѣ, гдѣ лѣса почти исключительно принадлежатъ казнѣ, сама по себѣ представляетъ огромныя темныя выгоды; во-вторыхъ, она приводитъ промышленника-раскольника въ соприкосновеніе со всѣми властями и доставляетъ ему случай за одинъ походъ обработывать два дѣла разомъ; въ-третьихъ, наконецъ, она даетъ возможность занимать большое число рукъ, а черезъ это открываетъ поприще пропагандѣ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Сверхъ того онъ велъ и хлѣбную торговлю въ значительныхъ размѣрахъ и даже имѣлъ въ Петербургѣ особенную контору, которою управлялъ его старшій сынъ. Это также давало ему возможность имѣть вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ того дѣла, которое онъ разумѣлъ своимъ душевнымъ, и позволяло своевременно принимать мѣры для отвращенія грозящихъ опасностей. Вообще это былъ человѣкъ поворотливый, сосредоточенный и честолюбивый. Онъ любилъ выставлять впередъ преданія, которыя неразрывно соединены были съ его фамиліей, но выставлялъ ихъ достаточно ловко, чтобы никто не имѣлъ права видѣть въ этомъ хвастовства. Напротивъ того, для всѣхъ такъ естественно было признавать въ Михеѣ Иванычѣ общаго защитителя и покровителя, такъ естественно было обращаться къ нему во всякой нуждѣ, что развѣ только у очень прозорливаго, да и то случайно и робко, могла сверкнуть въ головѣ мысль, что Михей Иванычъ совсѣмъ не защититель, а напротивъ того, пронырливый и не совсѣмъ разборчивый въ выборѣ средствъ міроѣдъ.

Семейство его, въ которомъ онъ держалъ себя какъ всесильный деспотъ, состояло изъ двухъ сыновей и дочери. Дѣти были скромныя, благонравныя и ни на шагъ не выходили изъ отцовской воли. Михей Иванычъ не безъ основанія гордился ими, а для раскольниковъ это было новымъ доказательствомъ того благоволенія, которое какъ бы лежало на домѣ Клочьевыхъ. Старшій сынъ, Данило, управлялъ, какъ сказано выше, отцовской конторой въ Петербургѣ; второй сынъ, Кондратій, былъ главнымъ приказчикомъ у отца по торговымъ его дѣламъ въ самомъ Срывномъ; дочь, съ которою мы отчасти уже познакомились, была дѣвица, и носились слухи, что дѣвичество это было не совсѣмъ вольное. Молва говорила, что Катерина Клочьева обречена была на дѣвичество вслѣдствіе обѣта, даннаго отцомъ ея еще въ то время, когда ей было съ небольшимъ десять лѣтъ.

Какъ-то весной, въ самую ростепель, Михей Клочьевъ, возвращаясь съ какой-то ярмарки домой, едва не утонулъ въ зажорѣ и въ минуту опасности пообѣщался посвятить свою дочь Богу. Съ тѣхъ поръ воспитаніе Кати приняло характеръ религіозно-фанатическій; ее одѣли въ черное, окружили старками, прилежно учили грамотѣ и церковнымъ обрядамъ по старопечатнымъ книгамъ и вообще вели дѣло такъ, чтобъ изъ нея со временемъ могла выйти отличная „мастерица". Михею Клочьеву это было тѣмъ болѣе по нраву, что ставило дочь внѣ участія въ семейномъ капиталѣ, который, такимъ образомъ, не обезсиливался, а напротивъ того, благодаря муравьиной дѣятельности его самого и сыновей, съ каждымъ годомъ становился значительнѣе и значительнѣе. Говорятъ, что покойная жена Михея, Анна Яковлевна, противилась, насколько могла, намѣреніямъ своего мужа, устраивавшимъ такое безотрадное будущее для дочери; но всѣ ея жалобы разбились объ непреклонную рѣшимость этого человѣка. Сверхъ Катерины, въ домѣ была еще одна женская личность, принадлежавшая женѣ младшаго изъ двухъ братьевъ, Кондратія. Это была бабенка еще молодая, добрая и дрожавшая, какъ осиновый листъ, передъ свекромъ и мужемъ; въ домѣ она играла роль не столько домоправительницы, сколько работницы.

Суковатовы приходились Клочьевымъ троюродными или четвероюродными. Отецъ Суковатова тоже по началу придерживался стараго обычая и былъ довольно зажиточнымъ купцомъ, но подъ конецъ жизни вдругъ началъ посѣщать церковь и прекратилъ всякія сношенія съ старообрядцами. Замѣчательно, что года черезъ два послѣ этого обращенія дѣла его до того пришли въ упадокъ, что онъ не въ состояніи былъ платить гильдію и оказался вынужденнымъ записаться въ мѣщане. Съ тѣхъ поръ обѣдненіе его шло съ такою поразительною быстротою, что черезъ нѣсколько лѣтъ у него уже не осталось ровно ничего. Старикъ не выдержалъ и умеръ, оставивъ семейство безъ всякихъ средствъ на рукахъ сына, кончавшаго въ то время курсъ въ гимназіи.

Михей Клочьевъ глубоко презиралъ Суковатовыхъ и едва ли даже не былъ главнымъ дѣятельнымъ лицомъ въ тѣхъ несчастіяхъ, которыя ихъ постигли. Онъ не только не принималъ въ свой домъ ни одного изъ членовъ этого семейства, но даже никогда не упоминалъ объ нихъ, какъ будто ихъ совсѣмъ не существовало. Но молодые Клочьевы еще не совсѣмъ забыли связи дѣтства и нерѣдко, тайкомъ отъ отца, даже помогали Суковатовымъ, въ особенности Катерина Михеевна. Неизвѣстно, зналъ ли

объ этомъ Михей Клочьевъ, но, судя по тому, что Катя хаживала къ Суковатовымъ нерѣдко и что въ уѣздномъ городѣ подобныя сношенія скрыть почти невозможно, скорѣе нужно думать, что зналъ.

Быть можетъ, его самого тревожила нѣсколько совѣсть; быть можетъ, онъ хотя въ этомъ отношеніи считалъ возможнымъ отпустить нѣсколько поводья, которыми держалъ своихъ дѣтей въ повиновеніи, разсчитывая наверстать эту поблажку на чемъ другомъ, болѣе существенномъ. Какъ бы то ни было, но онъ никогда ни однимъ намекомъ не далъ почувствовать, что сношенія его семейныхъ съ Суковатыми были ему противны.

Таково было взаимное положеніе обоихъ семействъ въ ту минуту, когда начинается нашъ разсказъ.

VI.

Услуга.

Веригина ввели въ просторную комнату, въ которой онъ болѣе пяти минутъ долженъ былъ дожидаться, прежде нежели появился старикъ Клочьевъ. Въ комнатѣ было свѣтло и опрятно, но убранство ея далеко не отличалось удобствомъ и красотою; стѣны не были обиты обоями, а просто выкрашены по штукатуркѣ желтою краскою; мебель заключалась въ тяжелыхъ и неуклюжихъ краснаго дерева стульяхъ, обитыхъ кожей, которые рядами стояли вдоль стѣнъ; эти стулья были сдѣланы еще отцомъ Михея Иванова, и съ тѣхъ поръ ни разу не ремонтировались, но были какъ новенькіе. Въ одномъ углу въ глухомъ ящикѣ постукивали часы; въ другомъ, обращенномъ на востокъ, висѣла икона въ серебряномъ окладѣ, съ зажженной предъ ней лампадой. Въ домѣ царствовала такая тишина, что Веригинъ слышалъ шелестъ, производимый каждымъ его движеніемъ. Молодой приказчикъ, худой и блѣдный малый, въ застегнутомъ длиннополомъ сюртукѣ, нѣсколько разъ входилъ и уходилъ изъ комнаты, но всегда такъ осторожно и безшумно, что можно было подумать, что онъ былъ сдѣланъ изъ какой-нибудь мягкой массы. Веригину вновь припомнились разсказы Крестникова и Суковатова о суровомъ старикѣ, и подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній холодно-стройная обстановка дома подѣйствовала на него болѣзненно. Хотя онъ только и видѣлъ, что приказчика, и хотя этотъ человѣкъ, говоря съ нимъ, глядѣлъ необыкновенно привѣтливо,

но въ самой этой привѣтливости была своего рода характеристическая особенность, которая замѣчена уже была Веригинымъ нѣсколько дней тому назадъ, въ улыбкѣ, взглядѣ и движеніяхъ Катерины Михеевны. И мысль его невольно перенеслась къ этой женщинѣ, и невольно же спросила себя, гдѣ-то она теперь, и какъ-то живется ей среди этого строя. И то, что при первомъ короткомъ свиданіи прошло незамѣченнымъ, въ эту минуту вдругъ почему-то выдалось чрезвычайно выпукло. Стройная, не смотря на неудобную и некрасивую одежду—хотя, быть можетъ, и слѣдовало пожелать ей нѣсколько менѣе полноты,—фигура дѣвушки встала передъ нимъ какъ живая, вся освѣщенная тихою улыбкой послушанія, игравшей на ея устахъ, и тѣмъ кроткозадумчивымъ взоромъ, который, казалось, ласкалъ и гладилъ все, на что онъ упадаетъ. А этотъ вздохъ, который невольно вылетѣлъ изъ груди ея при разставаньи? Что означалъ этотъ вздохъ? Не противорѣчилъ ли онъ и привѣтливой улыбкѣ дѣвушки, и ея тихо-ласкающему взору? Не говорилъ ли онъ явно объ иномъ, безрадостномъ внутреннемъ мірѣ, не свидѣтельствовалъ ли о горькомъ горѣ, все еще недостаточно подавленномъ, все еще порывающемся наружу, не смотря на суровое иго смиренія?

— Гдѣ-то она? Что-то теперь дѣлаетъ?—вновь спрашивалъ себя Веригинъ и чувствовалъ, что сердце его словно загорается и какая-то необычная и сладкая тревога начинаетъ проникать въ его существо.

Мысль Веригина уже начинала проникать во внутреннія комнаты дома Клочьевыхъ, уже видѣла Катю окруженною дѣтьми (она была „мастерицей" и постоянно обучала грамотѣ дѣтей своихъ одновѣрцевъ) и рисовала при этомъ тѣ наивныя картины, которыя способно нарисовать только очень молодое и очень цѣломудренное воображеніе, и которыхъ, въ дѣйствительности, большею частью не бываетъ. Внезапный приходъ хозяина дома положилъ конецъ мечтаніямъ.

Съ наружностью Михея Ивановича читатель уже знакомъ изъ предыдущей главы: здѣсь я считаю нужнымъ прибавить только, что высокая, нѣсколько сутуловатая фигура его, а также открытое румяное лицо и голова, обрамленная мягкими, слегка волновавшимися, при движеніи, сѣдыми волосами, произвели на Веригина самое выгодное впечатлѣніе. Одѣтъ былъ Клочьевъ вродѣ казакина изъ легкой шерстяной матеріи съ довольно широкою на груди выемкою, съ одной стороны которой пришитъ былъ рядъ пуговицъ, а съ другой стороны вырѣзаны петли; ка-

закинчикъ застегивался около пояса на крючки; сапоги были высокіе, съ голенищами, выходящими наружу, какъ вообще у всѣхъ людей стараго обычая.

— Отъ Павла Иваныча-съ? — спросилъ старикъ Клочьевъ тихимъ, нѣсколько вкрадчивымъ голосомъ, при чемъ румяное лицо его свѣтилось благосклонностью:—просимъ милости въ гостиную! пожалуйте-съ! Эй, молодецъ! приготовьте закусочку для господина чиновника!

— Позвольте отказаться отъ закуски; сверхъ того, вы ошиблись, принявши меня за чиновника; я занимаюсь частными дѣлами. Вотъ и письмо къ вамъ отъ Павла Иваныча Мурова.

— Такъ-съ; а намъ, признаться, думалось, что вы чиновники, потому какъ до насъ и дѣла-то никому другому нѣтъ, окромя своего брата, мужика, да господъ чиновниковъ. Слава Богу! слава Богу! Не оставляютъ таки они насъ, грѣшныхъ!

Клочьевъ прочиталъ письмо Мурова и на минуту задумался, какъ будто бы находился въ недоумѣніи.

— Я еще Павла-то Иваныча въ загонѣ въ большомъ зналъ-съ, — сказалъ онъ наконецъ, кладя письмо на столъ: — онъ у насъ здѣсь отъ купца Прокудина управляющимъ откупомъ былъ, прибылъ къ намъ почесть что безъ исподняго платьишка, однако со временемъ столь изрядно дѣла свои поисправилъ, что ужъ и отъ своего лица началъ кой около чего поторговывать.

Клочьевъ улыбнулся и ласково взглянулъ въ глаза своему собесѣднику.

— Да, кажется, онъ здѣшній край хорошо знаетъ,—замѣтилъ Веригинъ, чтобы что-нибудь замѣтить.

— У насъ, сударь, такая сторона, что живетъ больше кузнецъ да кожевникъ. Вотъ Павелъ Иванычъ запримѣтилъ это и началъ помаленьку да помаленьку разсчетъ свой вести; завелъ, знаете, сначала знакомство на сосѣднемъ казенномъ заводѣ, стали ему оттуда чугунчику за вино поваживать; потомъ между татарами нашелъ по лошадиной части такихъ мастеровъ, которые кожи ему доставляли. И пошло у него, сударь, такое дѣло, что черезъ два года нашего Павла Иваныча и не узнать, а черезъ три года, глядимъ, ужъ катитъ къ намъ да не управляющимъ, а хозяиномъ. И сталъ онъ изъ лица полный да бѣлый, и началъ такой рукой дѣла дѣлать, что многихъ здѣшнихъ торговцевъ, кои послабѣе, даже совсѣмъ отъ торговъ отбилъ. Бульваръ-то, что около городническаго дома, изволите знать? Ну, это онъ выстроилъ! и богадѣльню тоже выстроилъ, и на общественный банкъ десять тысячъ пожертвовалъ! Да, благотворителемъ,

именно благотворителемъ былъ граду сему! И когда уѣзжалъ-то отъ насъ, такъ все только о томъ и говорилъ: ничего, говоритъ, я не хочу окромя того, чтобы вы за меня Богу молили!

Клочьевъ опять улыбнулся и опять ласково взглянулъ въ глаза своему собесѣднику, но Веригинъ понялъ, что въ голосѣ и словахъ его звучала иронія.

— Вы хорошо были знакомы съ Муровымъ?—спросилъ онъ.

— Я-то? Да какъ бы вамъ, сударь, сказать? Знакомства нашего съ нимъ только и было, что совался онъ во всѣ стороны, ну, и въ нашу часть вгрызться хотѣлъ... только жиденекъ сударь, жиденекъ еще паренекъ-отъ былъ. Наше дѣло капитала требуетъ, да опять-таки оно не сейчасъ, а десятками, можетъ, годовъ заведено, такъ тутъ съ однимъ удальствомъ да бахвальствомъ немного подѣлаешь. Указалъ-было я ему въ тѣ поры, что каждому человѣку своя линія отъ начала опредѣлена, да ужъ больно дошлый онъ парень-то! Самъ догадался, да и далъ стряка отселева!

— Что жъ это, однако, Муровъ мнѣ хвастался, что они пріятели!—подумалъ про себя Веригинъ. Онъ ждалъ, что Клочьевъ заговоритъ, наконецъ, о томъ, что̀ составляло содержаніе письма Мурова, но словоохотливый старикъ словно позабылъ объ немъ.

— Хорошій человѣкъ, нечего и говорить, что хорошій, а кабы поменьше такихъ хорошихъ людей, такъ пожалуй хуже бы не было. А ужъ какъ ко всякому дѣлу завистливъ, такъ этакого ревнителя, кажется, и днемъ съ огнемъ не отыщешь! Здѣшнее общество, доложу вамъ, почесть что все еще изстари къ древнему благочестію приверженность имѣетъ, а коли и есть какіе колотырники, такъ это именно народъ самый неосновательный. Ну, разумѣется, откупщику это не съ руки; смотритъ, который человѣкъ позажиточнѣе—не пьетъ, а голи-то и хочется, пожалуй, выпить, такъ не на что. Вотъ и задумалъ онъ своему кабацкому дѣлу послужить, да и Господа Бога кстати тутъ же припуталъ. Ульстилъ онъ здѣшнія гражданскія и духовныя власти, да и въ губернію тоже слеталъ, да и нагрянулъ на насъ. Вѣрите ли, сударь, Богу, что мы цѣлый годъ словно въ котлѣ здѣсь кипѣли! Одними обысками душу-то всю вымотали: такъ, бывало, и не ложатся по ночамъ обыватели, въ чаяніи незваныхъ гостей!

— Чѣмъ же все это кончилось?

— Да тѣмъ и кончилось, что накормилъ онъ власти земныя досыта. Не зналъ онъ здѣшняго обычая, сударь, да и алчба-то ужъ сильно одолѣла его. Ревнителя-то изъ себя представить

хочется, медаль, значитъ, получить, и денегъ-то на эту механику жаль. Однако, поистрясся таки; церковь тоже единовѣрческую на свой счетъ выстроилъ, такъ она и до днесь пуста стоитъ... Охъ, да и одно ли онъ это у насъ напрокуратилъ. Однако спасибо таки ему, отъѣхалъ отъ насъ ни съ чѣмъ.

— Какъ ни съ чѣмъ! Да вѣдь основаніе-то своему капиталу онъ здѣсь положилъ? А судя по вашимъ словамъ, ему только того и надобно было.

— Это точно такъ; да не тамъ онъ его взялъ, капиталъ-то свой, куда руку запускалъ. Не такой у него умыселъ былъ; хотѣлось ему наше христіанство уничтожить, хотѣлось ему наши капиталы въ свой карманъ перевести—вотъ что на умѣ-то у него было. И ко мнѣ тоже подлипалъ: соединимся, говоритъ, мнѣ вѣдь все равно! Да мнѣ-то не равно, коли тебѣ равно, душа твоя родная! Ну, онъ видитъ, что тутъ ему не рука, и началъ около своихъ же кабачниковъ щетиться! И что только народу онъ по міру пустилъ! Народъ-то, знаете, все мелкій да малосильный, выдержать-то этакого соперника не можетъ — просто, хоть весь торгъ бросай! Всякую, т.-е., штуку въ свои руки Павелъ Иванычъ забралъ! Такъ повѣрите ли, сударь, почти въ одинъ годъ всѣ, что получше изъ кабачниковъ-то были, къ намъ перешли. Вотъ за это ему спасибо: поревновалъ.

— Скажите пожалуйста, если ужъ дѣятельность Мурова имѣла такое вредное вліяніе на дѣла здѣшнихъ торговыхъ людей вообще, то почему же особенно вы и *ваши* могли ускользнуть отъ этого вліянія?

— Это, сударь, дѣло обширное. Скажу одно: мы старый обычай держимъ, а потому и дѣла ведемъ по старинному промежду себя, по любезному, то-есть. Проходимцамъ-то къ намъ ни съ которой стороны подойти-то и нельзя.

— Отъ того-то, видно, вы такъ крѣпко и держитесь?

— Да, кабы не это... охъ, сударь, да вѣдь и глумленіе же творили надъ нами... истинное глумленіе. Теперь вотъ, кажется, и полегчило малость, такъ и тутъ какъ вспомнишь, что годковъ съ десятокъ тому поменьше бывало, такъ все нутро-то у тебя словно огнемъ выжжетъ! Какъ наѣдутъ, бывало, гости незваные, да почнутъ народъ христіанскій по духовнымъ правленіямъ да по консисторіямъ таскать, такъ истинно вамъ говорю, столь за день-то деньской намаешься, что какъ бывало воротишься домой, такъ точно послѣ погрому татарскаго словно пьяный шатаешься! И ѣство-то тебѣ въ горло нейдетъ.

— Ну, а нынче полегче?

Михей Иванычъ потупился.

— Оно полегче,—сказалъ онъ съ разстановкой:—оно хоть бы и тѣмъ полегче, что я съ тобой, сударь, объ этомъ самомъ предметѣ безъ страху побесѣдовать могу. А настоящаго всетаки нѣтъ. Да больше тебѣ скажу: отъ этого „полегче" труднѣе для насъ стало. Вотъ какъ.

— Это какимъ же образомъ?

— Да рознь, сударь, между нами пошла. Прежде, какъ свѣту-то намъ не было, мы всѣ въ кучѣ были: и тѣснота, и бѣда всякая—все за любовь принималось. А теперь ужъ много и такихъ выискивается, которые говорятъ: чего намъ еще желать надо. Анъ, смотришь, оно и гибнетъ, Божье-то дѣло, промежду приказныхъ да чиновниковъ. А вся Москва блудитъ. Изстари она русской землѣ прежестокая лиходѣйница была, изстари эта блудница все земское строеніе пакостила.

— А вѣдь сказываютъ, что Москва сердце русской земли?— замѣтилъ Веригинъ и разсмѣялся.

Михей Иванычъ тоже разсмѣялся, и даже, въ знакъ удовольствія, взялъ Веригина за колѣнку.

— Ну, такъ, сударь, такъ. У насъ тутъ помѣщикъ есть одинъ, паренекъ еще молоденькій, да больно ужъ глупенькой, такъ тотъ даже надоѣлъ мнѣ: въ Москву, говоритъ, Михей Иванычъ, пойдемъ, въ Москву! А что̀ я тамъ забылъ? говорю я ему-то. Москва, говоритъ, сердце земли русской. Москва, говоритъ, всѣмъ намъ мать! Вотъ и поди ты съ ними! А тоже русскимъ притворяется: и въ поддевкѣ ходитъ, и бородку отпустилъ!

— Эти люди, Михей Иванычъ, на московскомъ языкѣ славянофилами называются.

— Ну, вотъ; а онъ мнѣ, сударь, насчетъ этого много толковалъ, да мало я чего-то понялъ. Трескъ-отъ слышишь, словно и не вѣсть какіе дубы валятся, а посмотришь, анъ и нѣтъ ничего.

— Эти люди, Михей Иванычъ, именно потому и называются славянофилами, что у нихъ только и свѣта въ окошкѣ, что Москва.

— Ну, такъ. И я своему молодчику ужъ сказывалъ: али, молъ, ты Кіевъ-то съ Новгородомъ и въ счетъ покладать не хочешь? Только онъ все свое брешетъ: и Кіевъ, говоритъ, златоверхій, и даже Софіи-Премудрости.

— Все это „Москва"?

— Должно быть. Такъ я ему на это прямо сказалъ: какъ себя-то, баринокъ, ты исковеркалъ, такъ и землю-то русскую исковеркать мнишь! Ничего, посмѣивается.

— А не мѣшаетъ съ нимъ познакомиться.

— Съ баринкомъ-то? не стоитъ: трещотка московская—одно слово. Что москвичъ, что грекъ—все одно льстивый народъ; языкомъ лебезитъ, хвостомъ махаетъ, а все такъ и глядитъ, какъ бы тебя оплести, да въ свое пустое дѣло втравить. Изстари это такъ. Да что, сударь, и въ самомъ дѣлѣ не закусить ли тебѣ?

— А коли хотите, такъ пожалуй.

— Ну, и хорошо; Аннушка! а Аннушка! закуску подайте!

Вошла Аннушка, молодая и красивая женщина, и поставила на столъ закуску.

— Это сноха моя, меньшого сына жена,—сказалъ Клочьевъ:—мужъ-то у нея все больше по дѣламъ ѣздитъ, а она въ домѣ хозяйствовать мнѣ помогаетъ.

Аннушка, впрочемъ, сейчасъ же скрылась опять за дверь.

— Ну, а какъ же насчетъ письма Мурова, Михей Иванычъ?—спросилъ Веригинъ.

— Да что, сударь, полно, говорить ли намъ объ этомъ письмѣ?

— Отчего-жъ не говорить? Вѣдь языкъ у насъ не отвалится!

— Оно точно что не отвалится, да пустое это дѣло, такъ о пустомъ-то дѣлѣ и толковать-то словно зазритъ. Только для того эти дѣла и затѣваются, чтобъ народу тѣснота была.

— Позвольте, Михей Иванычъ. Вамъ Муровъ дѣлаетъ два предложенія: во-первыхъ, сдѣлаться вмѣстѣ съ нимъ основателемъ общества...

— Какого общества?

— Общества лѣсопромышленности и торговли лѣсными матеріалами и продуктами.

— Мы, сударь, торгуемъ по старинѣ: обществъ этихъ не знаемъ, да и знать-то намъ не желательно.

— Это вѣдь не отвѣтъ, Михей Иванычъ.

— А какого тебѣ еще отвѣта нужно? Сказано тебѣ, что мы торгъ по старинѣ ведемъ; значитъ, въ этомъ дѣлѣ не токмо что барыши свои наблюдаемъ, а и занятіе для себя видимъ. Мнѣ, сударь, только то дѣло дорого, объ которомъ у меня сердце болитъ, да на которое я какой ни на есть, да все же не чужой, а собственный свой умишко поиздержу. Эти компаніи, мерекаю, именно только для тунеядцевъ устраиваются; положилъ, значитъ, деньги, словно какъ въ ланбартъ, и ступай съ Богомъ; да хорошо еще какъ дѣло-то въ честныя руки попадетъ, а то навяжутся этакіе Павлы Иванычи—ну и охай тогда объ денежкахъ. Тутъ вѣдь тоже пронырствомъ, да горломъ, да лестью вверхъ-то

выплываютъ, а мы люди простые, безхитростные, не нашего ума это дѣло.

— Согласитесь, однакожъ, что честный человѣкъ никогда не можетъ располагать такими значительными средствами, какія имѣетъ въ своемъ распоряженіи обширное и хорошо организованное промышленное общество.

— Ну, и пущай; а намъ такое дѣло не рука.

— Точно также и относительно риска: никакое предпріятіе безъ риска невозможно, а частному человѣку и благоразуміе запрещаетъ рисковать часто и много.

— Не рука намъ, не рука.

— Для потребителей тоже прямая выгода...

— Нѣтъ ужъ, сударь, ты не трудись. Меня, стараго, съ толку сбить трудно, да и нѣтъ для тебя пользы никакой. Для покупателя точно что на первое время, можетъ, выгоднѣе будетъ, а потомъ, какъ взойдетъ въ силу ваша компанія, да убьетъ мелкихъ-то торговцевъ, такъ какъ ты думаешь, много она станетъ объ покупателѣ-то болѣзновать? Да еще, поди, Муровъ, чай, въ Питерѣ, и пороги-то всѣ обобьетъ за привелегіями за разными; пожалуй и лѣса-то казенные даромъ выпроситъ. Нѣтъ, не слѣдъ намъ въ эти извороты соваться, да и не таково наше дѣло изстари. Наше-то ружье, сударь, двухъ зайцевъ бьетъ, такъ намъ отъ своего дѣла устранить себя невозможно. Напрасныя будутъ твои слова.

— Ну, а второе-то предложеніе?

— Это насчетъ содѣйствія-то что ли? Павелъ-то Иванычъ никакъ меня за малаго ребенка считаетъ!

— Стало быть и на это надѣяться нельзя?

— Нѣтъ, нельзя, потому что я себѣ не врагъ. Хоть и знаю я доподлинно, что ничего у васъ не выйдетъ, однако знаю и то, что если вы дѣло это пустите въ ходъ, все же настолько-то напутать въ немъ можете, чтобъ насъ съ разсчету сбить. Слѣдственно, выгода моя одна: вести всегда дѣло въ оттяжку.

Веригину сдѣлалось не совсѣмъ ловко. Кромѣ того, что его на первомъ же шагу встрѣтила неудача, въ умѣ его съ новой силой возникъ вопросъ о самой сущности дѣла, за которое онъ взялся. Онъ далъ себѣ слово еще разъ внимательно размыслить объ немъ, и положительно разъяснить себѣ какъ самое дѣло, такъ и въ особенности свои отношенія къ нему.

— Ну-съ, по крайней мѣрѣ надѣюсь, что вы не сѣтуете на меня за посѣщеніе,—сказалъ онъ, вставая.

— За что сѣтовать! И напредки бы просилъ, да человѣкъ-то

я старый; боюсь, мало занятнаго-то со мной будетъ. А сынокъ у меня все въ разъѣздахъ.

Веригинъ простился и вышелъ. Но на лѣстницѣ имъ опять овладѣло то тревожное чувство любопытства, которое онъ испыталъ уже, покуда выжидалъ въ залѣ появленія Клочьева. Наверху, на лѣстницу, а также внизу, въ сѣни выходило нѣсколько дверей: куда ведутъ эти двери?

— У хозяина много дѣтей? — спросилъ Веригинъ приказчика, надѣясь, что онъ случайно проговорится.

— Два сына-съ: Кондратій Михеичъ и Данило Михеичъ-съ. Дочка Катерина Михевна.

— Дочь...

— Такъ точно-съ, — отвѣчалъ приказчикъ кратко, отворяя парадное крыльцо.

Проходя мимо дома, Веригинъ напрасно заглядывалъ въ окна нижняго этажа; тамъ никого и ничего не было видно сквозь подернутыя зеленоватою плѣсенью стекла. Былъ уже второй часъ дня, на улицѣ стояла жара; городъ, очевидно, ужъ пообѣдалъ и отдыхалъ; только приказные, красные словно каторжные, выползали изъ присутственныхъ мѣстъ и брели по домамъ. У воротъ одного дома два каменщика сверлили середку у жернова и спорили между собой.

— Ишь ты вѣдь какой задался! и не продолбишь! — говорилъ одинъ, весь покрытый каплями пота отъ усилій.

— Продолбимъ! — спокойно отвѣчалъ другой.

Веригинъ остановился около нихъ и сталъ смотрѣть на ихъ работу.

— Я тебѣ говорю, не продолбишь! ишь у него раковина въ сердцевинѣ-то задалась, — продолжалъ первый.

— Знай долби! — еще спокойнѣе отвѣтилъ другой.

„Знай долби“! — повторилъ мысленно Веригинъ: — Что-жъ, долбить такъ долбить — будемъ!

— Прогуливаетесь? — вдругъ прозвучалъ чей-то голосъ надъ самымъ его ухомъ.

Веригинъ обернулся; передъ нимъ стоялъ стряпчій Вепренковъ, очевидно ужъ позавтракавшій.

— Иду домой, — отвѣчалъ онъ.

— Были у Клочьевыхъ?

— Да; у меня было къ нему письмо отъ Мурова.

— Ну, что, каковъ старичина?

Веригинъ рѣшительно не зналъ, что ему отвѣчать на подобный вопросъ, и потому счелъ болѣе благоразумнымъ промолчать.

— Старикъ важный; это нашъ архіерей; такъ его всѣ и называютъ. Дочка у него прекрасная.

— Не видѣлъ,—солгалъ Веригинъ.

— То-то вы въ окошки-то посматривали. Только не здѣсь она живетъ, а въ антресоляхъ.

— Я повторяю вамъ, что никогда ее не видалъ.

— Ну, не сердитесь, я вѣдь шучу. А что вы у насъ не бываете?

— Вѣдь вы знаете, что я только-что устроился здѣсь; да и зачѣмъ мнѣ мѣшать вамъ?

— Ничего; вечеркомъ можно; въ стукулку сразимся.

— Я и въ карты-то не играю.

— Ничего; промежду насъ поживете, станете играть.

Собесѣдники шли нѣкоторое время молча.

— Вотъ вы человѣкъ ученый, статистикой занимаетесь, такъ хотите сегодня въ другой разъ у Клочьевыхъ побывать, и Дульцинею вашу, какъ есть, въ самомъ неглиже видѣть?—спросилъ вдругъ Вепренковъ.

— Какое же отношеніе между статистикой, Клочьевыми и Дульцинеей въ неглиже?

— А вотъ вы увидите, коли съ нами пойдете.

— Да что̀ такое у васъ ужо̀ будетъ?

— Да ужъ приходите часовъ этакъ въ десять вечера, раскаяваться не будете; всего насмотритесь.

Веригинъ почувствовалъ, что сердце у него упало; онъ по наслышкѣ зналъ объ обыскахъ, но не имѣлъ еще яснаго понятія объ этомъ дѣлѣ. Изъ словъ стряпчаго ясно было, что на ночь готовится что-нибудь подобное.

— Дайте подумать,—сказалъ онъ стряпчему, подавляя смущеніе, овладѣвшее имъ.

— Ну, думайте; мнѣ хочется, чтобъ вамъ не скучно у насъ было. По крайности, на развлеченія наши посмотрите. И то Никаноръ Семенычъ (городничій) такіе случаи балами своими называетъ.

— Да ловко ли мнѣ будетъ съ вами?

— Ничего; съ нами вездѣ ловко. Вы только нами-то не гнушайтесь, такъ и не увидите, какъ у васъ время здѣсь лихо пройдетъ. Воротитесь въ Петербургъ, статистику нашу въ подробности опишете. Прощайте-съ!

Собесѣдники разстались. Первою мыслью Веригина было дать знать Клочьеву о предстоящей опасности. Поэтому онъ, не заходя домой, обогнулъ нѣсколько переулковъ, и наконецъ

опять вышелъ на большую улицу съ противоположной стороны.

Михей Иванычъ уже сидѣлъ за обѣдомъ, и потому встрѣтилъ непрошеннаго гостя почти съ неудовольствіемъ.

— Сейчасъ я встрѣтился случайно съ стряпчимъ,—сказалъ ему Веригинъ,—и онъ звалъ меня сегодня вечеромъ къ вамъ. Не знаю, такъ ли я понялъ, но изъ словъ его мнѣ показалось, что у васъ будетъ обыскъ.

Въ продолженіе этой рѣчи Клочьевъ нѣсколько разъ мѣнялся въ лицѣ. Веригинъ видѣлъ, какъ блѣдныя губы старика дрожали и какъ лицо его внезапно потускнѣло и осунулось.

— Спасибо тебѣ, баринъ!—сказалъ онъ, наконецъ, съ глубокимъ вздохомъ, и опустился въ кресло, въ припадкѣ слабости.

— Я приду съ ними, Михей Иванычъ!

Старикъ ничего не отвѣчалъ; опустивши на грудь сѣдую голову, онъ шепталъ про себя какую-то молитву. Но въ сосѣдней комнатѣ уже, очевидно, слышали весь разговоръ, и поднявшаяся вдругъ суета показала Веригину, что въ домѣ Клочьевыхъ даромъ терять время не любятъ.

VII.

Обыскъ.

Дѣло, въ своемъ родѣ, было очень важное. Конечно, въ сущности, оно обращалось кругомъ пустяковъ, какъ и все, въ государственной сей юдоли творящееся, но было важно, какъ выраженіе извѣстной истины, а также по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя могло вести за собой для Клочьевыхъ. Преслѣдованіе старообрядцевъ дало, между прочимъ, начало цѣлой предательской промышленности, представители которой тѣмъ опаснѣе, что всѣ они или находились, или даже о сю пору находятся въ самомъ сердцѣ сектаторскаго дѣла и, слѣдовательно, коротко знакомы со всѣми его подробностями. Въ уѣздахъ и по селеніямъ такіе люди состоятъ подъ особеннымъ покровительствомъ мѣстныхъ городничихъ и исправниковъ и служатъ надежнѣйшими для нихъ агентами по раскольническимъ дѣламъ. Старообрядцы ихъ знаютъ; тѣмъ не менѣе, нигдѣ извѣстная пословица: „отъ своего вора не убережешься“ не встрѣчаетъ такого обширнаго приложенія, какъ здѣсь. Здѣсь воръ простираетъ свои претензіи не на имущество только, но на всю жизнь, на всякое дѣйствіе,

на всякую мысль своего ближняго. Можно себѣ вообразить, какая бездна безнравственности должна лечь въ отношенія между людьми, которыхъ судьба часто соединяетъ въ одной деревнѣ и даже подъ одною кровлею; понятно также, сколько здѣсь должно быть явнаго нахальства съ одной стороны и скрытой ненависти и презрѣнія съ другой. Однако, можно сказать, что это еще не воры, а воришки, потому что отъ предательствъ ихъ можно отбояриться деньгами, и даже не очень значительными, да и отъ полиціи-то, если ужъ они ее наведутъ, также можно избавиться безъ особенныхъ издержекъ. Настоящими ворами являются предатели высшаго полета, дѣйствующіе въ столицахъ, около бюрократическихъ центровъ; эти подрываютъ секту не въ подробностяхъ, не въ безразборчивомъ преслѣдованіи отдѣльныхъ лицъ и случаевъ, а въ самомъ ея основаніи, и стремятся овладѣть именно тѣми лицами, въ которыхъ сосредоточивается вся сила секты. Большею частью это люди, извѣдавшіе всю сектаторскую суть, то-есть и внутренніе распорядки секты, и главныхъ сектаторовъ, и пути, посредствомъ которыхъ они дѣйствуютъ, и, наконецъ, ихъ сношенія; агентами они дѣлаются или вслѣдствіе уязвленнаго самолюбія, или вслѣдствіе какого-нибудь неудачно сошедшаго съ рукъ дѣла, угрожавшаго ихъ личной свободѣ, или, наконецъ, вслѣдствіе прямого подкупа.

Одинъ изъ такихъ агентовъ сдѣлалъ извѣтъ на Михея Клочьева, что онъ не только находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ заграничными старообрядцами, но даже восхитилъ какой-то санъ; что недавно къ нему пріѣхалъ нѣкто съ австрійской границы, и въ настоящее время долженъ быть уже въ Срывномъ. Этотъ нѣкто оказывался лицомъ, до котораго давно добирались. Отсюда великая тревога, выразившаяся въ обильномъ количествѣ предписаній съ надписью: *секретно* и *весьма нужное*; но такъ какъ за всѣмъ тѣмъ дѣло шло обычнымъ формальнымъ своимъ порядкомъ, то и послѣднимъ его исполнителемъ естественно явился городничій, Никаноръ Семенычъ Лукоторовъ. Никаноръ Семенычъ, прочитавъ предписаніе, долго соображалъ, что̀ изъ этого можетъ произойти, если и т. д.; но слова бумаги были такъ ясны и настоятельны, что никакого другого исхода не оставалось, кромѣ совершенно точнаго и буквальнаго исполненія. Призванъ былъ стряпчій Василій Никифорычъ Вепренковъ, во-первыхъ какъ естественный совѣтчикъ, а во-вторыхъ какъ исполнитель въ предстоящемъ бюрократическомъ таинствѣ. Вепренковъ далъ такой совѣтъ: дѣйствовать по силѣ возможности, какъ существо веществъ указывать будетъ;

потомъ выпилъ, закусилъ, отправился домой и на дорогѣ пригласилъ Веригина.

Это было наканунѣ Николина дня, когда православные, а между прочимъ и раскольники, имѣютъ обыкновеніе проводить вечеръ въ различныхъ молитвенныхъ занятіяхъ. Стало-быть, обстоятельства въ высшей степени благопріятствовали предположенному походу. Городничій нисколько не сомнѣвался, что успѣетъ захватить что-нибудь въ родѣ всенощной и накрыть преступниковъ со всѣми онерами. Въ этой сладкой увѣренности онъ заранѣе составлялъ въ умѣ своемъ содержаніе будущаго рапорта и безпокоился только тѣмъ, слѣдуетъ ли почтительнѣйше испрашивать разрѣшенія, какимъ образомъ поступить въ дальнѣйшемъ, или, и не испрашивая разрѣшенія, взять да и поступить по своему усмотрѣнію. Въ одиннадцать часовъ вечера, когда городъ уже спалъ, городничій, сопровождаемый стряпчимъ, ратманомъ, полицейскими и понятыми, открылъ кампанію.

Въ домѣ Клочьевыхъ царствовала совершенная темнота; только изъ одного окна тускло мерцалъ свѣтъ лампадки, теплившейся передъ образомъ.

— Это они на задворкахъ гдѣ-нибудь шабашъ свой справляютъ!—остроумно замѣтилъ стряпчій.

Но скоро обыщикамъ пришлось разубѣдиться въ этомъ предположеніи, потому что при первомъ стукѣ въ ворота по всему дому сейчасъ же забѣгали огни, что̀ положительно означало, что хозяинъ дома. Поспѣшность, съ которою поднялась въ домѣ тревога, заставила даже задуматься городничаго.

— Ждали!—сказалъ онъ, мрачно покручивая усы.

— Ау, братъ!—отозвался на это замѣчаніе стряпчій.

— Никого изъ дома не выпускать! хозяина сюда! трое полицейскихъ и трое понятыхъ за мной! Господинъ ратманъ! прошу слѣдовать!—скомандовалъ городничій, какъ только отворились ворота, и, не заходя въ домъ, стремительно бросился, мимо надворныхъ строеній, прямо на задворки.

— Молодецъ нашъ Никаноръ Семенычъ! однако нынче врядъ ли не придется намъ, вмѣсто рыбки, большого таракана съѣсть!—позѣвывая, замѣтилъ стряпчій, оставшись на дворѣ съ Веригинымъ.—Пойдемте-ка лучше въ домъ; тамъ по крайности Анна Прохоровна рюмочку подастъ!

На лѣстницѣ встрѣтился имъ старикъ Клочьевъ. Лицо его было блѣдно и глядѣло сурово; волосы были въ безпорядкѣ, какъ у человѣка, который сейчасъ только проснулся.

— Я думалъ, пожаръ,—сказалъ онъ, увидѣвъ стряпчаго:—

анъ это вотъ кто! гости дорогіе да незваные! да доколѣ же вы насъ на куски-то рвать будете, татары вы проклятые! И ты, сударь, съ ними! — продолжалъ онъ, обращаясь къ Веригину: — что-жъ посмотри, сударь, посмотри! полюбуйся на антихристово воинство!

— До тебя, братъ Михей Иванычъ, Никанору Семенычу дѣло есть. Ступай-ко къ нему, онъ тамъ у тебя на задворкахъ въ подземное твое царство отыскивать пошелъ, а мы покудова на верху у Анны Прохоровны водочки выпьемъ! — отвѣчалъ стряпчій, нимало не смущаясь энергическою выходкою раздраженнаго старика, а когда Клочьевъ скрылся, то вздохнулъ легонько и, обращаясь къ Веригину, прибавилъ:—А вѣдь хорошій старикъ—вотъ хоть бы этотъ самый Михей Иванычъ!

Въ дверяхъ ихъ встрѣтилъ тотъ самый приказчикъ, котораго утромъ еще замѣтилъ Веригинъ. На лицѣ его играла все та же улыбка и только багровое пятно на лѣвой щекѣ обнаруживало внутреннее волненіе.

— Живо христовыхъ невѣстъ сюда!—скомандовалъ стряпчій.

— Въ залѣ-съ!—тихо проговорилъ приказчикъ.

Дѣйствительно, и Анна Прохоровна, и Катерина Михеевна уже стояли въ залѣ, совсѣмъ одѣтыя. Анна Прохоровна вся дрожала какъ въ лихорадкѣ, но Катя была спокойна.

— Съ дорогими гостьми честь имѣемъ поздравить! — привѣтствовалъ ихъ Вепренковъ: — А хитры же вы, христовы невѣсты! тоже и огни потушили, точно и въ самомъ дѣлѣ спали! Ну, да мнѣ что! Анна Прохоровна! водочки-съ!

Анна Прохоровна поспѣшно направилась къ двери, чтобъ исполнить требованіе посѣтителя.

— Да пойдемте вмѣстѣ туда, гдѣ самый оный жизненный сокъ обрѣтается! мнѣ же кстати надо вамъ парочку словъ наединѣ сказать.—Вепренковъ лукаво мигнулъ при этомъ Веригину на Катю.

Веригинъ и Катя остались наединѣ; Веригинъ стоялъ смущенный, съ испуганными глазами; онъ теперь только понялъ всю неловкость своей роли и весь ужасъ того положенія, вслѣдствіе котораго цѣломудріе домашняго очага во всякую минуту можетъ подвергнуться оскверненію со стороны перваго охотника до наѣздовъ и даже просто со стороны празднаго любопытства. Краска стыда жгла его лицо; циническія выходки стряпчаго и весь этотъ невиданный имъ дотолѣ поразительный спектакль подѣйствовали на него такъ жестоко, что казалось, будто онъ совершилъ какой-то ужасный и утомительный трудъ, вслѣдствіе котораго въ горлѣ у него пересохло и спина словно разбита.

— Вы-то зачѣмъ съ ними пришли? — потихоньку спросила Катерина Михеевна.

Веригинъ не отвѣчалъ; при первыхъ звукахъ ея голоса, онъ быстро отвернулся къ окошку, И совѣсть его грызла, и въ то же время какой-то мучительный трепетъ охватилъ его сердце.

— Зачѣмъ вы съ ними пришли?—повторила Катя.

— А хоть бы затѣмъ, чтобъ васъ видѣть! — вдругъ высказался Веригинъ, упорно продолжая смотрѣть въ окно.

Лицо Катерины Михеевны на минуту вспыхнуло. Изъ одной изъ ближайшихъ комнатъ долетали голоса Вепренкова и Анны Прохоровны, которая, повидимому, уже совершенно оправилась отъ первоначальнаго своего испуга.

— Вы что же у Суковатовыхъ не бываете? — весь дрожа, спросилъ Веригинъ и, не дожидаясь отвѣта, направился къ выходу.

Катерина Михеевна не удерживала его; но когда онъ вышелъ, она безотчетно подошла къ тому окошку, у котораго стоялъ и Веригинъ, и долго, въ безсознательной задумчивости, всматривалась въ темноту, окутывавшую улицу.

— Гдѣ же птенецъ-то нашъ?—разбудилъ ее голосъ стряпчаго отъ задумчивости.

— Ушелъ! — отвѣчала она отрывисто, и съ этимъ словомъ сама вышла изъ комнаты.

— Не умѣли, сударыня, занять молодого гостя! — кричалъ ей слѣдомъ Вепренковъ: — а вотъ мы такъ съ Анной Прохоровной и подружиться успѣли!

Анна Прохоровна дѣйствительно ужъ совсѣмъ не робѣла и даже потихоньку посмѣивалась.

Я не стану затруднять читателя дальнѣйшимъ описаніемъ обыска; достаточно сказать, что онъ кончился ничѣмъ, и это привело въ столь великое смущеніе Никанора Семеныча Лукогорова, что онъ въ попыхахъ даже принялся вразумлять и усовѣщевать старика Клочьева.

— Слушай, Михей Иванычъ, не можетъ быть, чтобъ его у тебя не было! скажи! — говорилъ онъ очень убѣдительно, перерывши напередъ всѣ хозяйскіе сундуки и заглянувши во всѣ закоулки какъ въ самомъ домѣ, такъ и въ надворныхъ строеніяхъ.

— Ищи!—отвѣчалъ кратко Михей Иванычъ.

Вслѣдствіе этого Никаноръ Семенычъ провелъ самую скверную ночь, подобную которой, по всѣмъ вѣроятіямъ, не приводилось ему провести ни разу отъ рожденія. И въ самомъ дѣлѣ было отъ чего придти въ отчаяніе. Слылъ онъ въ губерніи са-

мымъ расторопнымъ городничимъ и славился именно тѣмъ, что налетомъ налеталъ на всякаго, на кого отъ начальства налетать предписано было, — и вдругъ теперь нѣтъ ничего! Естественное заключеніе, какое могло вывести изъ этой неудачи губернское начальство, должно было состоять въ томъ, что онъ взялъ взятку (и не утерпѣлъ таки старикъ! „хапнулъ!") и закрылъ дѣло въ ущербъ государственному интересу.

— Видитъ Богъ! — вскрикивалъ Никаноръ Семенычъ, привскакивая на постели, при одной мысли, какъ онъ чисто и непорочно провелъ минувшій вечеръ.

Не менѣе безпокойна была и та ночь, которую провелъ Веригинъ. Въ продолженіе дня онъ испыталъ слишкомъ много разнообразныхъ ощущеній, чтобы мысль его могла скоро успокоиться. Но вотъ, наконецъ, онъ и на просторѣ; онъ освободился отъ смраднаго, душнаго города, который не давалъ ни пріюта для него лично, ни исхода для его дѣятельности. Наконецъ, онъ — въ царствѣ полей, въ самомъ центрѣ той среды, гдѣ, по сказаніямъ свѣдущихъ людей, зачинается и вершится все земское строеніе. Зачѣмъ онъ здѣсь? какому онъ дѣлу служитъ? Дѣло онъ имѣлъ—это порученіе Мурова; но вопросъ въ томъ, такое ли это дѣло, которому можетъ служить честная дѣятельность? Само по себѣ оно, конечно, не больше какъ изслѣдованіе фактовъ, изслѣдованіе безразличное и даже полезное; но изъ какого источника оно исходитъ, для какой цѣли предпринято? Невольно приходили ему тутъ на мысль замѣчанія старика Клочьева, замѣчанія, которымъ онъ не могъ отказать въ нѣкоторой долѣ справедливости, не смотря на то, что въ нихъ явно сказался ограниченный и односторонній взглядъ на вещи. Да, это правда: дѣло, котораго главныя части находятся въ нечистыхъ рукахъ, не можетъ быть чистымъ; польза, которая выставляется здѣсь наружу, какъ непосредственный результатъ дѣла, есть польза мнимая, есть обманъ, служащій лишь для привлеченія людей невѣжественныхъ или простодушныхъ. Правда, что всѣ эти акціонерныя затѣи, все это движеніе есть не что иное, какъ движеніе въ хаотической, безразсвѣтной мглѣ, въ которой предметы перестанавливаются одинъ на мѣсто другого безъ всякой законной причины и не достигая этой перестановкой никакого порядка; самый исходъ предпріятія, если даже его и возможно достичь, можетъ повлечь за собой только ущербъ для интересовъ мѣстнаго большинства. Все это такъ... ну, а потомъ? Потомъ представляются слѣдующія два предположенія: первое— если эта дѣятельность мнимая, то таковою же должна быть и

всякая другая дѣятельность въ мнимой средѣ; стало быть, если гнушаться ею, то надо рѣшиться или на бездѣйствіе, или на самоуничтоженіе, что совершенно противно и здравому разсудку, и тѣмъ простымъ, но вполнѣ законнымъ инстинктамъ, которые присущи всякому живому организму. Второе предположеніе говоритъ еще яснѣе: если я обстоятельствами вынужденъ принимать участіе въ такомъ дѣлѣ, которое мнѣ не сочувственно, то, съ одной стороны, я могу его сдѣлать безвреднымъ въ самомъ своемъ источникѣ, съ другой—могу воспользоваться тѣми средствами, которыя оно въ себѣ заключаетъ для другихъ цѣлей, представляющихся болѣе важными и существенными. Затѣмъ здѣсь и еще возникаетъ вопросъ о деньгахъ; деньги эти я получаю, разумѣется, за то, что взялся выполнить извѣстное дѣло; но вѣдь моя роль въ чемъ собственно заключается? Въ томъ, и въ томъ единственно, чтобы сдѣлать изслѣдованіе мѣстныхъ средствъ и потребностей въ извѣстномъ отношеніи. Это я и исполню, во-первыхъ потому, что всякаго рода мѣстныя изслѣдованія, ужъ если даже смотрѣть на нихъ исключительно съ точки зрѣнія обогащенія науки лишнимъ фактомъ, имѣютъ свою несомнѣнно полезную сторону, а во-вторыхъ потому, что никто мнѣ не препятствуетъ вывести изъ моего изслѣдованія именно то заключеніе, которое я признаю вѣрнымъ. Слѣдовательно, и въ другомъ смыслѣ, въ поступкѣ моемъ не заключается ничего противнаго даже тѣмъ ходячимъ понятіямъ о нравственности, которыя, въ большинствѣ случаевъ, спокойно себѣ спятъ въ архивѣ общественнаго сознанія и врываются въ жизнь частнаго человѣка лишь тогда, когда это всего менѣе требуется. А если, при этомъ, меня занимаетъ еще преслѣдованіе другихъ цѣлей, то развѣ я не господинъ своего досуга, и развѣ не имѣю права изъ добытаго мною, по какому-либо случаю, матеріала сдѣлать не только то ограниченное употребленіе, для котораго онъ добытъ, но и другое, болѣе обширное, на которое указываетъ моя мысль?

Слѣдовательно, Муровъ тутъ въ сторонѣ, и первый вопросъ рѣшается самъ собой, помимо его участія. Но какія же это „другія“ цѣли, преслѣдованіе которыхъ такъ симпатично для Веригина?

Первая, главная цѣль—свобода; но значеніе этого слова слишкомъ обще, чтобы не требовало опредѣленія вполнѣ точнаго. Самое обширное и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ кажется, самое вѣрное опредѣленіе „свободы“ заключается въ возможности для всѣхъ и каждаго находить безпрепятственное удовлетвореніе есте-

ственнымъ (а потому самому и законнымъ) своимъ потребностямъ. Другими словами, свобода есть *общее счастіе*, которое, въ свою очередь, есть не что иное, какъ *общее духовное и матеріальное благосостояніе*. Но вѣдь опять-таки это только мысль, только отвлеченіе; на практикѣ же, чтобъ осуществить эту мысль, необходима извѣстная жизненная форма, извѣстная комбинація, которая служила бы для нея живымъ воплощеніемъ. Что-жъ это за форма, и можно ли заранѣе опредѣлить ея подробности? Не подлежитъ сомнѣнію, что форма эта, какъ искомое, существуетъ, и что основныя ея положенія уже существуютъ какъ въ самой природѣ человѣка, такъ и въ природѣ его отношеній къ внѣшнему міру; тѣмъ не менѣе, *искомое* всетаки остается и останется искомымъ до тѣхъ поръ, покуда оно не найдено, а исканіе это находится въ полной зависимости, во-первыхъ, отъ изслѣдованія самой природы человѣка, во-вторыхъ—отъ приведенія въ полную ясность какъ внѣшняго міра, такъ и отношеній къ нему человѣка. Тутъ, стало быть, возникаетъ первое сомнѣніе: безъ выполненія этихъ двухъ необходимыхъ условій не будетъ ли всякая вновь предложенная форма неустойчивою и лишенною серьезнаго содержанія, не будетъ ли, наконецъ, и самое исканіе такой формы дѣломъ безполезнымъ и несбыточнымъ? Но, съ другой стороны, еще прежде разрѣшенія этого вопроса самъ собой вызывается другой: не представляется ли планъ, соединенный съ выполненіемъ изложенныхъ двухъ условій, до того обширнымъ и далекимъ, что самая обширность дѣлаетъ его равнозначащимъ нулю?

Въ разрѣшеніи этихъ сомнѣній, очевидно, заключается вся сущность дѣла. Однако, не смотря на видимую трудность разрѣшенія, оно не невозможно. „Я могу отдѣлить эти двѣ части одной и той же человѣческой дѣятельности“—думалъ Веригинъ;—„я могу доискиваться идеала отдаленнаго и въ то же время преслѣдовать цѣли ближайшія“. Умъ человѣческій дѣйствуетъ не только на основаніи анализа фактовъ уже извѣстныхъ и приведенныхъ въ полную ясность, но и посредствомъ догадокъ и предположеній. Эти послѣднія и составляютъ истинную и даже, не смотря на свою видимую безпочвенность, очень прочную основу для тѣхъ идеальныхъ формъ жизни, которыя порой мерцаютъ человѣческому сознанію какъ окончательныя цѣли, къ достиженію которыхъ направлена должна быть человѣческая дѣятельность. Что онѣ вовсе не такъ безпочвенны, какъ кажется, въ этомъ служитъ порукой то, что онѣ зарождаются въ здравомъ сознаніи человѣческомъ, а не иномъ ка-

комъ-нибудь, и слѣдовательно, не смотря на могущую въ нихъ вкрасться ошибочность, не только не противорѣчатъ человѣческой природѣ, но даже прямо изъ нея вытекаютъ. Вся ошибочность, на которую исключительно указываютъ люди, для которыхъ такія указанія выгодны, заключается собственно не въ нихъ самихъ, а въ недостаточности точныхъ и положительныхъ знаній. Но это нисколько не отнимаетъ права отыскивать идеалы; даже болѣе—самый успѣхъ знаній въ высшей степени зависитъ отъ этихъ идеаловъ, которые въ этомъ случаѣ представляются силою, постоянно подстрекающею человѣческую дѣятельность. Слѣдовательно, тѣ представленія объ отдаленныхъ формахъ жизни, которыя вырабатываются человѣкомъ, на основаніи ли частныхъ его наблюденій надъ человѣческою природою, или даже на основаніи его личныхъ интимныхъ выводовъ и умозаключеній, не только не имѣютъ въ себѣ ничего безумнаго и безсмысленнаго, но вполнѣ законны и разумны. Весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы умѣть ихъ ограничить и не выдавать истину идеальную за истину насущную.

Но вѣдь такимъ образомъ самая нелѣпая утопія должна быть признана законною?—возразитъ читатель.—А почему же и нѣтъ? Вѣдь если она дѣйствительно нелѣпа, то не возбудитъ ни съ чьей стороны сочувствія и упадетъ сама собой; слѣдовательно, тутъ законность ея оправдывается ея безвредностью. Но въ томъ-то и дѣло, что то, что намъ кажется, по нѣкоторымъ ходячимъ понятіямъ, нелѣпымъ, въ сущности совсѣмъ не таково, и вотъ гдѣ причина того явленія, что утопіи встрѣчаютъ, въ большей части случаевъ, весьма горячихъ приверженцевъ. За прямую нелѣпость мы часто считаемъ или ошибочность утопіи, или то, что она недостаточно всестороння, т.-е. не отвѣчаетъ всѣмъ разнообразнымъ требованіямъ человѣческой природы. Но въ своей сущности, то есть въ той односторонности, которую она выработала, она все-таки не только не фантастична, а непремѣнно зиждется на основаніяхъ совершенно прочныхъ. Опять-таки: иначе она не встрѣтила бы ни въ комъ сочувствія. Стало быть, дѣло разрѣшается просто: кажущаяся фантастичность идеала заключается въ его односторонности; односторонность есть слѣдствіе недостаточности общаго уровня знаній. Развитіе и накопленіе этихъ послѣднихъ можетъ въ пропорціональной мѣрѣ развить и расширить идеалъ, исправить его подробности, но упразднить его совершенно не можетъ, такъ какъ это значило бы упразднить самую общечеловѣческую сущность, которая въ основаніе его положена. Ясно, что тѣ мнѣнія, которыя приписы-

ваютъ жизненнымъ идеаламъ намѣренія, вносящія въ жизнь разрушительныя начала, суть мнѣнія ограниченныя; ясно, что люди, которые дѣлаютъ себя выражателями подобныхъ мнѣній, суть люди нищіе духомъ, которыхъ умственный горизонтъ не заходитъ далѣе сегодняшняго дня.

Это—одна сторона вопроса; другая сторона заключается въ томъ: что-же это за ближайшія цѣли, которыхъ обязана достигать человѣческая дѣятельность? Разумѣется, и здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, основаніе одно и то же: свобода; но вѣдь, стало быть, это не та полная свобода, о которой хлопочетъ утопія—или практическая мысль человѣка непремѣнно требуетъ раздѣленія человѣческой дѣятельности на двѣ части. Въ чемъ же заключается эта неполная, ограниченная свобода? Не въ томъ ли именно, чтобы были устранены тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ человѣку достигнуть полной свободы? Да, это такъ; свобода, объ которой идетъ здѣсь рѣчь, есть явленіе чисто отрицательное, не заключающее въ себѣ никакихъ организующихъ началъ; это просто устраненіе стѣсненій. Идеалъ въ этомъ случаѣ освѣщаетъ путь обширный, почти безграничный, но самая человѣческая дѣятельность, идущая по этому пути, является крайне умѣренною и ни на шагъ не отходитъ отъ вещей насущнаго міра. Эти два рода дѣятельности не только противорѣчатъ другъ другу, но взаимно пополняются: идеалъ является вполнѣ практичнымъ, практика представляется не жалкимъ мечтаніемъ изъ стороны въ сторону, не рядомъ безсвязныхъ и праздныхъ попытокъ, но цѣлою системою, проникнутою однимъ идеаломъ.

Все это такъ; но за этимъ необходимо слѣдуетъ вопросъ: какими способами и черезъ кого дѣйствовать для достиженія ближайшихъ цѣлей? Большинство робко и малоподвижно; такое убѣжденіе горько, но тѣмъ не менѣе оно совершенно справедливо; происшествія прошедшаго дня вполнѣ убѣдили въ томъ Веригина. Люди оскорбляются въ самыхъ близкихъ и дорогихъ для нихъ интересахъ; но развѣ они возмущаются этимъ? Конечно, возмущаются, но возмущаются, такъ сказать, непосредственно, не обирая своего чувства, не возводя его на степень принципа. Подобное чувство отходчиво, оно легко таетъ по минованіи бѣды и по мѣрѣ того, какъ изглаживаются матеріальные признаки происшествія, его пробудившаго.

На это чувство разсчитывать почти нельзя; практика притупляетъ его и дѣлаетъ періодическое возобновленіе его обычною, почти незамѣтною принадлежностью жизни. Еще меньше можно разсчитывать на чувство, которое должны бы были возбуждать

подобныя оскорбленія въ окружающей средѣ, въ той средѣ, которая не страдаетъ непосредственно отъ самаго акта оскорбленія. Чему былъ свидѣтелемъ Веригинъ въ эту ночь? Во время самаго страшнаго насильства, какое только можетъ вообразить человѣкъ, въ какомъ отношеніи къ нему былъ городъ? Городъ спалъ безмятежнымъ сномъ; понятые исполняли свои обязанности съ похвальною готовностью; никто не пошевельнулъ даже пальцемъ. Могутъ сказать, что городъ не могъ предвидѣть заранѣе ничего подобнаго, точно такъ, какъ не можетъ знать заранѣе о нагломъ нападеніи шайки воровъ; но вѣдь когда въ окно лѣзетъ воръ и хозяинъ дома видитъ это, онъ кричитъ: „караулъ!" Отчего же Клочьевъ не закричалъ? отчего онъ не поднялъ гвалта, не разбудилъ сосѣдей, не далъ отпора насильству? Не имѣлъ ли онъ убѣжденія, что подобныя дѣйствія съ его стороны будутъ безполезны? Да, онъ имѣлъ это убѣжденіе; онъ зналъ, что если и проснутся обыватели, то будутъ только протирать глаза и креститься. Но еслибъ онъ сдѣлалъ это? еслибъ онъ, и другой, и третій протестовали гласно противъ насилія? Конечно, онъ, Клочьевъ, могъ бы погибнуть, но для другого шансовъ было бы уже болѣе, для третьяго еще болѣе и т. д. Конечно, это было бы хорошо, но вѣдь этого нѣтъ—а нѣтъ этого потому что никакая отдѣльная личность, которой дѣятельность еще не подчинена общимъ принципамъ, не имѣетъ никакой охоты жертвовать собою въ пользу принципа, котораго не имѣетъ. Въ этомъ случаѣ она предпочитаетъ дѣйствовать увертками и временными соглашеніями, да нельзя и требовать чтобы каждый человѣкъ былъ героемъ... Мало того: геройство есть явленіе ненормальное, свидѣтельствующее о запутанномъ настроеніи общества. Надобно, чтобы протестъ былъ дѣломъ легкимъ и увѣреннымъ, чтобы онъ опирался на общество, а для этого нужно, чтобы въ обществѣ не было розни. Если общество исповѣдуетъ, напримѣръ, начало собственности, то какъ бы ни казалось оно ошибочно, всетаки надобно, чтобъ общество исповѣдывало его дѣйствительно, а не оконечностью только языка. Хуже всего, если общество ничего не признаетъ или признаетъ только произволъ и право сильнаго.

Да; съ этой стороны надежда плоха, но что-жъ остается?

. . . .

Что такое тайное общество? Можетъ ли оно и въ какой мѣрѣ можетъ дѣйствовать? Что оно *можетъ* дѣйствовать, это очевидно, потому что всякій отдѣльный человѣкъ можетъ дѣйствовать въ смыслѣ распространенія своихъ личныхъ убѣжденій; но

очевидно также, что это дѣйствіе медленное, окруженное со всѣхъ сторонъ препятствіями, которыя тѣмъ значительнѣе, что самыя дѣйствія общества облечены тайною. Слѣдовательно, въ практическомъ смыслѣ результаты, получаемые тайнымъ обществомъ, ничтожны. Въ чемъ же смыслъ подобнаго явленія? Не въ томъ ли, что оно воспитываетъ людей, что оно служитъ къ сохраненію идеи свободы въ ея чистотѣ и неиспорченности? Пожалуй. Но въ такомъ случаѣ, какихъ же собственно людей должно связывать собой подобное общество? Очевидно—людей, связанныхъ между собою совершенною одинаковостью убѣжденій, одинаковостью идеаловъ. Веригинъ вспомнилъ тутъ, что и онъ принадлежитъ къ кружку, носящему всѣ признаки такого общества, и вдругъ почувствовалъ, что словно холодъ охватилъ все его существо. Господи! да что-же тамъ и кто тамъ? Въ первый разъ еще задавалъ онъ себѣ этотъ вопросъ и могъ его разрѣшить только тѣмъ, что тамъ — „хорошіе" люди. Но что если сущность этихъ людей, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ заключается единственно въ неопредѣленныхъ стремленіяхъ и честномъ желаніи чего-то лучшаго? Вѣдь эти стремленія такъ скоро удовлетворяются, эти желанія такъ удобно и легко примиряются при первой незначительной уступкѣ...

Веригинъ до того былъ взволнованъ этимъ наплывомъ мыслей, что положительно почувствовалъ себя неспособнымъ заснуть. Онъ всталъ съ постели, одѣлся и пошелъ бродить по городу. Но его инстинктивно влекло все въ ту же сторону, все къ тому же дому, гдѣ такъ невольно и неожиданно разыгралось для него какое-то неясное начало будущей драмы.

Уже свѣтало; утренняя свѣжесть воздуха дѣйствовала успокоительно. Веригинъ уже подходилъ къ дому Клочьевыхъ, какъ его остановило слѣдующее обстоятельство. Прямо передъ домомъ, на улицѣ, кричалъ и буянилъ какой-то человѣкъ; знакомый Веригину приказчикъ его уговаривалъ...

М. Салтыковъ.

ОТРЫВОКЪ

Я точно въ ларчикѣ, съ Востока привезенномъ:
Неизсякаемый, чуть слышный ароматъ
Въ сосновомъ домикѣ, и стѣны здѣсь хранятъ
Воспоминанія о лѣсѣ отдаленномъ.
Тамъ онъ вознесся, тамъ, на дикихъ крутизнахъ...
Тамъ облака скользятъ по каменнымъ покоямъ,
И вѣтры горные перелетаютъ съ воемъ,
И рыщутъ, и стучатъ, и мечутся въ камняхъ.
Не разъ душой моей владѣли эти горы...
Когда въ закатный часъ въ огнѣ весь міръ стоялъ,
Вершина ихъ была какъ розовый кораллъ
И пылью золотой свѣтились ихъ уборы.
Я часто думаю съ ревнивою тоской
О тайной власти горъ надъ властною душой,
О томъ волненіи всѣхъ чувствъ самолюбивомъ,
Когда кружится путь отчаяннымъ извивомъ
И волю жадную лукаво горячитъ,
И, словно бранный кличъ, на бой, къ вершинѣ мчитъ...
Какъ упоительно должно быть и какъ просто
Сознанье легкости, здоровья своего!
Приливъ, не знающій отлива... Торжество,
Ведущее всю жизнь до самаго погоста...
И вновь я думаю о странномъ поединкѣ,
Мнѣ данномъ жизнію; о тишинѣ моей,
О чуткой тишинѣ ужъ скошенныхъ полей,
Гдѣ тихо бродитъ Смерть и прячется въ ложбинкѣ...
Но развѣ счастья нѣтъ для побѣжденныхъ рукъ?!
Печальные глаза такъ глубоко открыты:

Предъ ними жизнь стоитъ, какъ кубокъ неиспитый,
Но ужъ они пьяны отъ всѣхъ страстей и мукъ.—
Я счастлива... Здѣсь садъ; на зелени блестящей
Магнолій свернутыхъ покоятся цвѣты,
Какъ будто чаекъ рядъ въ вѣтвяхъ бѣлѣетъ спящій,
И вѣтви сочныя здѣсь мощью налиты.
Я счастлива... Легко на небѣ темноводномъ
Всплываетъ мѣсяца зеркальная ладья,
И въ морѣ жемчугомъ и серебромъ холоднымъ
Переливается зажженная струя...
И время какъ одно тягучее мгновенье...
Все суетно—и жизнь, и смерть;—здѣсь тишина
Изъ первобытнаго таинственнаго дна
Свое великое замедлила теченье.

С. Парнокъ.

ЗА СНѢЖНЫМИ ВЕРШИНАМИ

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.)

I.

Первые дни въ Закавказьѣ.

Вдали тянулись телеграфные столбы закавказской желѣзной дороги и шумѣла Кура̀, а сзади, какъ смутное воспоминаніе о древнихъ временахъ, темнѣли надъ утесомъ на фонѣ ночного неба развалины Мцхетскаго монастыря, съ блуждающими въ немъ при свѣтѣ восходящей луны длинными тѣнями не то его оконъ, не то былыхъ мцырей (монаховъ). Мнѣ думалось о томъ счастливомъ времени, когда всѣ монастыри на землѣ будутъ такъ же населены только тѣнями своихъ теперешнихъ обитателей.

— Вотъ увидишь самъ, какъ тебѣ будетъ хорошо и удобно работать у князя Георгія... Тамъ все, навѣрно, уже приготовлено для тебя: и особая комната, и чернила, и бумага, и никто не будетъ тебѣ мѣшать!—Такъ говорила мнѣ Ксана, чувствовавшая нѣкоторое угрызеніе совѣсти, что отвлекла меня этой поѣздкой отъ моихъ обычныхъ работъ. Мы начали искать глазами кого-нибудь, кто помогъ бы намъ отнести наши чемоданы на вокзалъ, виднѣвшійся въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ нашей крошечной станціи на военно-грузинской дорогѣ, гдѣ мы только что высадились изъ дилижанса. Но на пустынномъ дворѣ не было никого. Я вошелъ въ станціонное зданіе, и сонный смотритель, или кто-то въ этомъ родѣ, предложилъ мнѣ самому сходить за носильщикомъ.

Возвратившись снова на дворъ дилижансовъ, я посмотрѣлъ на наши вещи, лежавшія посреди него. Отнести самимъ безъ веревки ихъ было явно невозможно, и потому я, оставивъ Ксану беречь багажъ, снова пошелъ на станцію и послѣ значительныхъ усилій нашелъ, наконецъ, человѣка, который помогъ мнѣ водворить ихъ на платформѣ вокзала.

— Когда идетъ поѣздъ по направленію къ Кутаису?—спросилъ я сторожа.

— Восьми-часовой уже ушелъ, а слѣдующій пройдетъ во второмъ часу ночи.

— Вотъ тебѣ и разъ!

Сейчасъ было только девять часовъ вечера по мѣстному времени. Намъ приходилось сидѣть на своихъ чемоданахъ всю первую половину ночи только для того, чтобы проѣхать потомъ три станціи и, высадившись изъ вагона въ четвертомъ часу, явиться въ гости къ своимъ знакомымъ землевладѣльцамъ около шести утра и разбудить весь домъ... Когда я сообщилъ Ксанѣ эти печальные результаты, она пришла въ полное отчаянье. Два дня вставанья на разсвѣтѣ уже совершенно измучили ее. Отъ одной перспективы провести еще третью ночь безъ сна она готова была расплакаться.

— Переночуемъ здѣсь и отправимся со слѣдующимъ дневнымъ поѣздомъ,—сказала она.—Тогда мы будемъ у князя Георгія днемъ и прямо къ обѣду.

Я пошелъ къ начальнику станціи.

— Нѣтъ ли здѣсь гостинницы переночевать?

— Во всемъ мѣстечкѣ нѣтъ ни одной.

— Нельзя ли переночевать на станціи?

— Нѣтъ! Здѣсь ночевать никому не позволяется.

— Но что же намъ дѣлать?

— Идите обратно на военно-грузинскую дорогу—тамъ есть комната для пассажировъ.

Тутъ только мы поняли, какую ошибку сдѣлали, что не доѣхали въ дилижансѣ до Тифлиса!

Ксана пошла на станцію дилижансовъ и возвратилась въ еще большемъ отчаяньѣ...

— Тамъ голыя нары въ общей комнатѣ, грязь и, навѣрно, тараканы, клопы и всякія насѣкомыя! Я не хочу тамъ ночевать!

— Но что же ты хочешь?

— Поѣдемъ въ Тифлисъ! Поѣздъ идетъ туда черезъ часъ и придетъ въ двѣнадцать ночи!

Ѣхать въ Тифлисъ за двадцать верстъ только для того, чтобы переночевать и возвратиться обратно завтра черезъ это же самое мѣсто!...

Но Ксана была совершенно разстроена и ни на что не годна. Я пошелъ къ кассѣ и, нарочно для ея успокоенія, взялъ два билета въ ненавистномъ мнѣ вагонѣ второго класса, гдѣ ѣздятъ только тѣ, кто не хочетъ ѣхать со всѣми и не имѣетъ денегъ для того, чтобы поѣхать въ первомъ классѣ... Затѣмъ я отправился въ телеграфное отдѣленіе, чтобы послать телеграмму князю Георгію о нашемъ пріѣздѣ въ его домъ къ затрашнему обѣду.

— Неужели вы дѣйствительно ѣдете въ Тифлисъ только затѣмъ, чтобъ переночевать?—спросилъ меня, прочитавъ мою телеграмму, красивый худощавый грузинъ-телеграфистъ.

— Что же подѣлать? Жена утомлена и не хочетъ ночевать на нарахъ!

— Такъ переночуйте у меня! Мы будемъ очень рады! Правда, что наша казенная квартира тѣсная—двѣ комнаты съ кухней, но мы можемъ уложить васъ въ столовой на диванѣ и перенести туда еще одну изъ нашихъ кроватей.

— Но я уже взялъ два билета до Тифлиса!

— Это пустяки! Я ихъ отнесу кассиру, и онъ возвратитъ вамъ деньги, а билеты передастъ кому-либо другому.

Страшно тронутый такимъ неожиданнымъ гостепріимствомъ, я возвратился къ Ксанѣ и передалъ ей предложеніе. Она тотчасъ же ухватилась за него.

Телеграфистъ привелъ къ намъ свою жену, очень молодую, симпатичную и интеллигентную женщину, нѣсколько болѣзненнаго вида, и она пригласила насъ идти и побыть съ нею, пока ея мужъ оканчиваетъ свою работу. Мы перешли по тусклой лѣстницѣ вверхъ, въ ихъ скромную квартиру, гдѣ она поставила самоваръ, принесла булки, молоко и яблоки. Мы расположились по товарищески вокругъ стола, передъ открытымъ окномъ, въ которое влетали изъ горячей внѣшней атмосферы и кружились передъ нами надъ лампой тысячи какихъ-то маленькихъ мѣстныхъ мушекъ, или чего-то въ этомъ родѣ. Черезъ нѣсколько времени къ намъ присоединился и телеграфистъ, остававшійся до того на телеграфѣ для пропуска поѣзда.

— Вотъ деньги за ваши билеты,—сказалъ онъ мнѣ.

Я сердечно поблагодарилъ его.

— Вы похожи на свой портретъ!—снова сказалъ онъ мнѣ, разглядывая мое лицо.

Теперь я понялъ, почему они приняли меня сразу такъ радушно. Очевидно, они знали мою прошлую судьбу и сочувствовали мнѣ. Это сдѣлало насъ какъ бы давнишними знакомыми.

— Гдѣ вы видѣли мой портретъ?

— Въ „Вѣстникѣ Знанія“. Я читалъ тамъ вашу статью объ Апокалипсисѣ.

Они разсказали мнѣ свою исторію. Онъ сначала служилъ въ Кіевѣ, гдѣ и женился; но грудная болѣзнь жены принудила его искать мѣста на югѣ, и онъ, въ ожиданіи лучшаго, пристроился здѣсь. Оба оказались замѣчательно симпатичной, отзывчивой и читающей парочкой. Мнѣ грустно было подумать, что мы встрѣтились только на перепутьѣ и болѣе, по всей вѣроятности, никогда не увидимъ другъ друга. Сколько хорошихъ, добрыхъ людей разсѣяно по свѣту—и больше всего ихъ въ скромной обстановкѣ интеллигентныхъ тружениковъ! И какъ хорошо случайно находить заочныхъ друзей въ такихъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи!

Ксанѣ постлали простыню и положили подушку съ одѣяломъ на кушеткѣ. Я насильно отбился отъ предлагаемой мнѣ хозяевами одной изъ ихъ двухъ кроватей и расположился на полу. Они удалились въ свою спальную, сосѣднюю комнату, отдѣленную отъ нашей только занавѣсками, вмѣсто дверей. Огни были потушены. Все замолкло и погрузилось во тьму.

— Никусь!—вдругъ раздался напуганный шопотъ Ксаны.— Здѣсь ползаютъ! Зажги спичку!

Я разыскалъ на столѣ коробку и зажегъ. По кушеткѣ, дѣйствительно, ползли два клопа.

Ксана вскочила, какъ ужаленная.

— Я не могу здѣсь спать!

— Иди на полъ, а я перейду на кушетку. Я не боюсь клоповъ.

Мы перемѣстились, и снова все затихло. Черезъ нѣсколько минутъ опять послышался отчаянный тихій шепотъ:

— И здѣсь ползаютъ! Я лучше буду всю ночь сидѣть!

Я видѣлъ, какъ она тихонько поставила два стула, одинъ противъ другого, и, окутанная въ одѣяло, сѣла на одномъ, положивъ ноги на другой. Я видѣлъ на сѣроватомъ фонѣ окна ея силуэтъ, но притворился спящимъ, думая, что если я буду утѣшать ее, то она расплачется, и наши гостепріимные хозяева услышатъ и будутъ сконфужены и огорчены.

Но они уже услышали. Въ сосѣдней комнатѣ поднялся тре-

вожный шепотъ, и вдругъ раздался, какъ бы сквозь слезы, голосъ хозяйки:

— Боже мой! Мы и не подумали, что въ кушеткѣ есть клопы! Намъ такъ хотѣлось васъ устроить, что совершенно позабыли! Мы здѣсь недавно, и квартира досталась намъ съ насѣкомыми...

— Нѣтъ! нѣтъ! Ничего! Мы отлично устроились,—поспѣшно отвѣтила Ксана.

— Но мы знаемъ, что тамъ клопы!—со слезами въ горлѣ говорила хозяйка.

— Пустяки! Успокойтесь!—вмѣшался наконецъ и я.—На кушеткѣ уже я, а не она, а я не боюсь никакихъ клоповъ въ мірѣ. Она же теперь на тюфякѣ, гдѣ ничего нѣтъ. Спите себѣ спокойно!

Снова послышался огорченный шепотъ хозяевъ, и снова все стихло.

„Долго ли выдержитъ Ксана сидячее положеніе на своихъ стульяхъ?—думалось мнѣ, и я, притворяясь спящимъ, посматривалъ время отъ времени на ея силуэтъ въ окнѣ.—Навѣрно, не выдержитъ всю ночь!“ соображалъ я.

Дѣйствительно, часа черезъ полтора усталость взяла свое; я увидѣлъ, какъ силуэтъ ея тихо поднялся на фонѣ окна, затѣмъ по шороху узналъ, что она постлала себѣ одѣяло въ противоположномъ углу отъ кушетки, и наконецъ послышалось ея ровное дыханіе.

На слѣдующее утро мы окончательно успокоили своихъ милыхъ сконфуженныхъ хозяевъ, увѣряя, что выспались отлично, и, напившись съ ними чаю, помчались въ поѣздѣ на станцію Гракали, а потомъ въ экипажѣ въ мѣстечко Ахалкалаки, окончательный, какъ мы думали, пунктъ нашего путешествія...

Фаэтонъ нашъ, проѣхавъ мѣстечко, приблизился къ холму, на которомъ живописно поднимался большой бѣлый двухъ-этажный домъ съ верандами и балконами. Фруктовый садъ, дальней границы котораго не было видно за извилинами почвы, прилегалъ къ нему съ одной стороны. Далеко на сѣверъ, за долиною Куры, виднѣлись сѣрыя, обожженныя солнцемъ, предгорья Кавказа, за которыми на самомъ горизонтѣ снова показалась уже знакомая мнѣ круглая снѣжная вершина Казбека. На югѣ тянулась цѣпь менѣе высокихъ горъ, съ такими же, выжженными солнцемъ, луговыми склонами или курчавыми кустарниками. На всемъ лежалъ сѣрый колоритъ жаркаго южнаго лѣта, напомнившій мнѣ нѣкоторыя картины нашихъ новѣйшихъ художниковъ.

На встрѣчу намъ выбѣжала молодая дѣвушка, лѣтъ четырнадцати, повидимому гимназистка или институтка, и, увидѣвъ Ксану, радостно бросилась къ ней. Это была маленькая Нина, племянница владѣтеля этого имѣнья. Въ столовой встрѣтилъ насъ и онъ самъ—высокій, стройный сѣдой генералъ, и, поцѣловавъ Ксанѣ руку, привѣтливо обнялъ меня.

— Запоздали, запоздали! — сказалъ онъ. — Мы васъ здѣсь ожидали все лѣто. Нина и Варламъ (т.-е. подруга моей жены и ея мужъ) давно уже уѣхали въ Сванетію, вмѣстѣ съ компаніей молодыхъ людей, пріѣхавшихъ изъ Петербурга, и всѣ очень жалѣли, что васъ не было съ ними.

Такое извѣстіе очень меня огорчило: я особенно хотѣлъ побывать въ этой мало доступной странѣ.

— Ничего!—замѣтилъ князь Георгій, видя мое огорченіе:— Варламъ еще вернется и второй разъ поѣдетъ туда же съ вами.

Онъ повелъ насъ по витой лѣстницѣ въ верхній этажъ своего дома и показалъ особое отдѣленіе въ три комнаты, спеціально приготовленное для насъ. Все было такъ, какъ предупреждала меня Ксана. Налѣво отъ средней комнаты съ внутреннимъ балкономъ была наша спальная, въ которую прислуга уже перенесла наши чемоданы и корзины, а направо — „мой кабинетъ", на столѣ котораго, дѣйствительно, стояла чернильница, перо, карандаши, конверты и бумага. Это было очень трогательно.

— Вотъ здѣсь пишите сколько угодно. Никто вамъ не будетъ мѣшать!—сказалъ старый князь и, поговоривъ немного о нашемъ минувшемъ путешествіи, удалился внизъ, чтобы распорядиться объ обѣдѣ.

Переодѣвшись, я впервые посмотрѣлъ на себя въ зеркало и изумился. Уже наканунѣ Ксана меня предупреждала, что отъ двухдневнаго сидѣнья на солнцѣ на крышѣ дилижанса военно-грузинской дороги кожа на моемъ лицѣ была сильно опалена и сдѣлалась буро-красной. Какъ только я умылся, она облупилась у меня на всемъ носу и висѣла бѣлыми клочками на розовой новой кожѣ, какъ полуотставшая кожура варенаго картофеля. Видъ былъ чрезвычайно смѣшной, и я просто удивился, какъ это маленькія дѣвочки, которыхъ я встрѣтилъ внизу, могли удерживаться отъ смѣха, глядя на меня. Я подстригъ особенно висѣвшіе клочки кожи маленькими Ксаниными ножницами, и мы, наконецъ, сошли внизъ, гдѣ насъ встрѣтила старшая дочь хозяина, княгиня Александра, со своимъ мужемъ и тремя дѣтьми, изъ которыхъ младшій—Никусь—былъ моимъ заочнымъ крестникомъ. Ксана живо, быстро и съ увлеченіемъ, какъ всегда,

разсказала имъ всѣ наши приключенія. Оказалось, что телеграмма о нашемъ пріѣздѣ не дошла до нихъ, такъ какъ кромѣ этого мѣстечка Ахалкалакъ есть еще городъ того же имени, и совсѣмъ въ другой сторонѣ. Иначе насъ—говорили хозяева—непремѣнно встрѣтили бы на станціи и привезли бы.

— Два дерева съ вишнями, которыя мы нарочно оставили для васъ нетронутыми въ саду,—говорила княгиня Александра—давно обсыпались, но персики и дыни уже почти вызрѣли.

Мы сѣли обѣдать.

Въ ихъ южной закавказской кухнѣ многое было для меня ново. Не говоря уже объ обязательныхъ передъ всякимъ обѣдомъ сырыхъ помидорахъ, съ лукомъ и уксусомъ, о печеныхъ баклажанахъ и о лобіи—особаго рода зеленой фасоли, приготовляемой съ яйцами и масломъ вмѣстѣ съ мягкими стручьями,—особенно заинтересовали меня шашлыки, т.-е. жаркое, поджаренное на вертелахъ прямо на огнѣ, о которомъ я читалъ въ романахъ еще съ дѣтства и потому особенно хотѣлъ попробовать. Шашлыки въ этихъ странахъ готовятъ изъ всего: и изъ баранины, и изъ цыплятъ, и мнѣ они очень понравились. Ни булокъ, ни чернаго хлѣба здѣсь не водилось. Ихъ замѣнялъ особый видъ сѣраго, приготовляемаго въ видѣ сухихъ блиновъ, хлѣба, называемаго пу́ри, который, когда я привыкъ къ нему, сталъ казаться мнѣ очень вкуснымъ.

Послѣ обѣда мы пошли въ ихъ „взвари“, или фруктовый садъ, гдѣ княгиня Александра разыскивала намъ на деревьяхъ болѣе спѣлые персики и угощала ежевикой. Простота, съ которой здѣсь воспитывали дѣтей, особенно понравилась мнѣ. Всѣ они бѣгали и прыгали на полной свободѣ, смуглыя, босыя, голорукія и голоногія, совершенно такъ же, какъ и дѣти изъ народа. Они ничего не боялись и съ нами, еще незнакомыми, чувствовали себя совершенно свободно. Только самыхъ младшихъ стѣсняло то обстоятельство, что они почти совсѣмъ не говорили по-русски, тогда какъ мы не говорили по-грузински.

„Вотъ—думалось мнѣ—дѣти, изъ которыхъ выйдутъ славные дѣвушки и юноши. Первыя не привыкнутъ съ самаго дѣтства смотрѣть, каковы выходятъ ихъ физіономіи и фигуры въ навѣшенныхъ на нихъ красивыхъ тряпкахъ, а вторые не будутъ фатами, на каждомъ шагу смотрящими, какъ бы не испачкать своего платья“.

Наступила тихая южная ночь. Мы всѣ вышли на веранду и созерцали звѣзды. На южной сторонѣ появилось въ своей чудной красотѣ невидимое у насъ на сѣверѣ созвѣздіе Скорпіона,

со своимъ краснымъ Антаресомъ — этой догорающей звѣздой, гдѣ, можетъ быть, уже подготовляются матеріалы для одинаковой съ нами по химическому составу органической жизни. Отчетливо вырисовывалось созвѣздіе Стрѣльца во всѣхъ своихъ, невидимыхъ у насъ на сѣверѣ подробностяхъ. Козерогъ и всѣ другія созвѣздія южной половины неба, необычно поднялись въ высоту. Какъ красноватый огонь отдаленнаго маяка, взошелъ надъ горизонтомъ огромный въ это лѣто Марсъ и по мѣрѣ своего поднятія вверхъ сталъ принимать необычный для него въ нашихъ странахъ золотистый оттѣнокъ. Самыя крупныя звѣзды, казалось, потускнѣли при его выходѣ, а блѣдный конь Апокалипсиса—Сатурнъ, вышедшій вслѣдъ за нимъ, казался теперь особенно мертвенно-блѣднымъ. Никогда еще не видалъ я на сѣверѣ этой характерной для него, по словамъ древнихъ греческихъ астрономовъ, мертвенной блѣдности, и только теперь вполнѣ почувствовалъ всю образность его древняго имени: „блѣдный конь".

Въ этотъ вечеръ мы долго толковали о звѣздахъ со старымъ княземъ, очень интересовавшимся астрономіей и жалѣвшимъ, что кадетскій корпусъ и послѣдовавшая за нимъ военная жизнь не дали ему возможности заниматься физико-математическими науками. Затѣмъ онъ вышелъ и вдругъ принесъ изъ своей библіотеки и показалъ мнѣ мои собственныя книги, и притомъ въ замѣчательно красивыхъ переплетахъ съ золотыми тисненьями. Ахъ! еслибъ вы знали, какое удовольствіе увидѣть свою книгу въ чужой библіотекѣ, въ красивомъ, изящномъ переплетѣ, то вы уже для одного этого сдѣлались бы писателемъ!

На слѣдующій день я завязалъ съ княземъ разговоръ объ общественныхъ и политическихъ вопросахъ Закавказья. Онъ не былъ моимъ единомышленникомъ во многихъ изъ нихъ, но оказался, какъ мнѣ говорили и ранѣе, человѣкомъ съ широкими прогрессивными взглядами, безукоризненной честности и прямоты, не идущей ни на какія сдѣлки съ совѣстью.

Онъ горько упрекалъ закавказскихъ соціалъ-демократовъ за то, что они вызвали аграрное движеніе среди мѣстныхъ крестьянъ, и говорилъ, что по имѣющимся въ странѣ условіямъ оно неизбѣжно должно было принять характеръ аграрнаго террора.

— Мой собственный братъ—говорилъ онъ мнѣ—былъ убитъ два года тому назадъ кѣмъ-то изъ мѣстныхъ крестьянъ, за то, что постоянно осматривалъ границы обширныхъ владѣній своихъ родственниковъ и предупреждалъ, когда крестьяне начинали ихъ самовольно запахивать. Разъ онъ пошелъ на осмотръ своихъ земель и къ вечеру не возвратился... Его тѣло нигдѣ не было

найдено. Мы догадались, что, застрѣливъ въ ближайшей долинѣ, его бросили потомъ въ находившуюся тамъ яму съ негашеной известью, въ которой онъ и сгорѣлъ безъ остатка.

— Нѣтъ, онъ не былъ убитъ—прервала его дочь,—а живымъ брошенъ въ эту яму! Его бросили туда и топили въ извести кольями, не смотря на его крики, пока онъ не обуглился совсѣмъ!

Она безусловно вѣрила этимъ разнесеннымъ молвою слухамъ...

— Но какъ вы можете это знать—спросилъ я ее,—когда убійцы вашего дяди еще не найдены и не разсказали обстоятельствъ дѣла?

Но она не хотѣла даже и спорить, а прямо говорила, что это—фактъ.

— Я ненавижу нашихъ соціалъ-демократовъ! — говорила она.—Они убили не только дядю, они убили лучшаго изъ нашихъ поэтовъ и передовыхъ общественныхъ дѣятелей—Чавчавадзе, красу и славу нашего народа! Я бы сама бросила ихъ въ яму съ известью—пусть узнаютъ, каково тамъ умирать!..

Она — бывшая курсистка — была страшно возбуждена пронесшейся надъ Кавказомъ общественной бурей 1905 г.

— Неужели вы сочувствуете имъ, этимъ людямъ, убивающимъ нашихъ великихъ поэтовъ, бросающимъ насъ живыми въ ямы съ известью? — спросила она меня, когда я высказалъ ей недовѣріе къ слухамъ, разносимымъ легковѣрной и изобрѣтательной молвой.

— Нѣтъ! я всегда былъ противъ аграрнаго террора и вообще *вооруженной* борьбы классовъ. Экономическіе вопросы должны рѣшаться законодательнымъ путемъ, посредствомъ правильно выбранныхъ представителей населенія, въ центральныхъ учрежденіяхъ. Но не называйте соціалъ-демократомъ всякаго, желающаго отнять капиталъ у сосѣда, или его мебель, или его землю! Это, можетъ быть, просто кулакъ, а не демократъ, хотя бы и прикрывалъ себя такимъ именемъ! Прочтите лучше програму соціалъ-демократической партіи, и вы увидите, что она прямо отрицаетъ аграрный терроръ. Несомнѣнно, что среди людей, дѣйствующихъ у васъ теперь съ оружіемъ въ рукахъ, есть много искреннихъ и безкорыстныхъ энтузіастовъ, но ихъ оружіе большею частью направлено не на васъ...

Но всѣ эти споры были совершенно безполезны. Когда въ какой-либо странѣ сильно взволнованы страсти, когда замѣшались въ дѣло убитые или казненные дяди, братья, сестры и друзья — теоретическіе выводы и споры остаются безъ всякаго

дѣйствія: воспоминанье о сильно взволновавшемъ событіи скоро возбуждаетъ первоначальныя чувства и отношенія. Чѣмъ долѣе я жилъ въ Закавказьѣ, тѣмъ больше убѣждался въ этомъ. Оно сверху до низу страшно взволновано всѣмъ пережитымъ за послѣдніе годы: и крестьянскими волненьями, и карательными экспедиціями, и многочисленными убійствами частныхъ лицъ на почвѣ экономическихъ раздоровъ, и казнями за эти убійства. Нѣтъ человѣка, у котораго не погибло бы здѣсь друга или родственника, или даже нѣсколькихъ изъ нихъ, въ послѣдніе годы. Однажды въ большой компаніи, на именинахъ одного изъ мѣстныхъ князей, я увидѣлъ молодого офицера, князя X, поразившаго меня своимъ страшно угнетеннымъ и разсѣяннымъ видомъ. Онъ не замѣчалъ вопросовъ сосѣдей и почти все время молчалъ, устремивъ глаза куда-то въ даль...

— Его послали — отвѣтилъ мнѣ шепотомъ сосѣдъ на мой вопросъ,—два года тому назадъ, подбирать съ казаками на телѣги и сваливать въ ямы за городомъ трупы убитыхъ на Тифлисской площади при усмиреніи одной городской манифестаціи... Говорятъ, тамъ одинаково валили и убитыхъ, и умирающихъ, и все это было такъ ужасно, что нѣсколько недѣль онъ ходилъ совершенно безсознательно, никого не замѣчая и ни съ кѣмъ не говоря ни слова... Теперь онъ въ отпуску для излѣченія разстроенныхъ нервовъ и нѣсколько поправился...

Мнѣ живо вспомнились при этомъ нѣсколько другихъ аналогичныхъ случаевъ, и въ моей головѣ назойливо зашевелилась мысль: понимала ли администрація, давая инструкціи карательнымъ экспедиціямъ, какъ ихъ примѣненіе будетъ дѣйствовать не только на нервы усмиряемыхъ, но и на нервы самихъ усмирителей?

И я тотчасъ же отвѣтилъ на свой вопросъ: нѣтъ, не понимала! Она смотрѣла на солдатъ и офицеровъ такъ, какъ училъ передъ японской войной Драгомировъ: солдатъ долженъ считать себя пулей, пущенной въ непріятеля! Но человѣкъ оказался неспособнымъ чувствовать себя бездушнымъ кускомъ свинца даже и въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ! На сколько же меньше долженъ онъ чувствовать себя такимъ кускомъ на улицахъ собственнаго города, передъ своими собственными соотечественниками?

Только здѣсь, на Кавказѣ, въ моемъ воображеніи начало вырисовываться въ полной яркости состояніе средняго офицера, связаннаго съ окружающимъ не-военнымъ обществомъ многочисленными нитями родственниковъ и родственницъ, часть которыхъ, и притомъ далеко не худшая, непремѣнно окажется и

радикальнаго направленія. Картина его душевнаго настроенія, послѣ разрывающихъ душу сценъ гражданской войны, стала для меня поразительной.

Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ я познакомился уже со многими изъ представителей здѣшней прогрессивной аристократіи. Какъ основная нота почти во всемъ этомъ кругу, звучало то же самое недовольство дѣйствіями соціалъ-демократической партіи, преобладавшей у нихъ до сихъ поръ не только внутри страны, но и въ Государственной Думѣ.

— Они говорятъ о міровомъ пролетаріатѣ, а о томъ, что у насъ не ликвидировано еще крѣпостное состояніе, и масса крестьянъ находится во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, еще не внесено никакого законопроекта! — таково было начало всякаго разговора о дѣлахъ въ Государственной Думѣ, а концомъ его большею частью оказывалось заявленіе, что слѣдующій разъ будутъ голосовать за представителей федералистической партіи другого прогрессивнаго теченія, возникшаго послѣ 1905 г. въ Закавказьѣ.

Повторяю, что это настроеніе было замѣчено мною лишь въ томъ кругу закавказскихъ землевладѣльцевъ, въ который я случайно попалъ, благодаря своимъ дружескимъ отношеніямъ съ подругой моей жены и ея мужемъ, тоже закавказскимъ княземъ, но уже изъ крайнихъ лѣвыхъ. Я слышалъ отъ него, что федералистическое теченіе господствуетъ теперь тамъ въ привилегированныхъ сословіяхъ. Съ простымъ народомъ я не могъ имѣть серьезныхъ разговоровъ, благодаря незнанію съ моей стороны грузинскаго языка, а съ ихъ стороны—плохому знанію русскаго; да и время моего перваго пребыванія въ Тифлисской губерніи было слишкомъ непродолжительно для того, чтобы оріентироваться въ этомъ предметѣ. Мнѣ бросилась въ глаза только почти полная безграмотность мѣстнаго крестьянскаго населенія, благодаря которой оно и понимало стремленія своей соціалъ-демократической партіи въ очень своеобразномъ, узкомъ смыслѣ. Но судя по всему, что я могъ замѣтить, мнѣ кажется, что соціалъ-демократы и до сихъ поръ пользуются тамъ огромной популярностью.

II.

Въ горной Имеретіи.

Дней черезъ пять послѣ нашего пріѣзда въ Ахалкалаки князь Варламъ пріѣхалъ изъ Сванетіи, чтобы захватить насъ съ

собою. Это была для меня радостная вѣсть. Сванетія была не курортъ, куда ѣдутъ, кромѣ больныхъ, только люди, лишенные всякой фантазіи, и даже не провинціальная глушь, а страна, восемь почти мѣсяцевъ въ году отрѣзанная снѣжными завалами отъ всего міра, своеобразная страна, гдѣ, кромѣ дѣвственной природы, сохранились еще ясные остатки исчезнувшихъ теперь почти вездѣ феодальныхъ отношеній. Притомъ же это былъ совершенно исключительный случай. Ѣхать въ Сванетію безъ предварительныхъ связей и знакомствъ было бы совершенно празднымъ дѣломъ, такъ какъ, не зная языка, ничего не удалось бы разсмотрѣть, кромѣ поверхности вещей. А теперь было совсѣмъ иное! Князь Варламъ былъ однимъ изъ крупныхъ сванскихъ землевладѣльцевъ. Онъ выросъ у дверей Сванетіи и имѣлъ тамъ цѣлыя сотни родственниковъ и родственницъ, которые, при господствующемъ въ той странѣ родовомъ бытѣ, встрѣтятъ насъ съ распростертыми объятіями...

И вотъ, черезъ нѣсколько дней, пятеро изъ насъ—я съ Ксаной и князь Варламъ съ своей женой и одной изъ ея сестеръ—уже неслись по закавказской дорогѣ въ Кутаисъ. Быстро осмотрѣвъ этотъ живописный городокъ, съ его историческимъ Ріономъ, бурно несущимся въ глубокомъ, извилистомъ руслѣ по лежащимъ вдоль него длиннымъ, вылизаннымъ водою, буроватымъ скаламъ,—и съ замѣчательными развалинами средневѣковаго собора на крутомъ берегу, мы рано утромъ отправились по военно-осетинской дорогѣ въ горный Личхумскій уѣздъ.

Экипажемъ намъ служила ходящая здѣсь каждый день шестимѣстная крытая линейка, съ однимъ болѣе дешевымъ дополнительнымъ мѣстомъ на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ. Никакихъ кондукторовъ съ трубами, какъ на военно-грузинской дорогѣ, здѣсь не было, да и верхъ нашей линейки былъ слишкомъ слабъ, чтобы тамъ можно было помѣстить чемоданы и корзины. Ихъ привязали сзади.

При самомъ выѣздѣ изъ города съ нами уже случилось приключеніе. Одно изъ колесъ, которое позабыли укрѣпить на оси гайкой, соскочило, и линейка на всемъ ходу почти свалилась на бокъ. Ксана, на сторону которой упалъ экипажъ, ловко соскочила на мостовую и, къ удивленію всѣхъ, устояла на ногахъ. Я до крови расцарапалъ себѣ носъ. Другіе обошлись, повидимому, безъ поврежденій. Мы всѣ стали искать гайку сзади насъ, на улицѣ: но никакой нѣтъ. Попробовали найти въ ближайшихъ желѣзныхъ лавкахъ — ни одна не приходилась. Догадались, наконецъ, послать на постоялый дворъ, гдѣ закладывали экипажъ,

и тамъ гайку тотчасъ нашли и водворили на мѣсто. Все это время мы стояли на улицѣ, около своей инвалидной линейки, возбуждая всеобщее любопытство какъ мѣстныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, такъ и проходящихъ взрослыхъ.

Отдохнувъ невольно болѣе часа, мы, наконецъ, двинулись въ дальнѣйшій путь по долинѣ Ріона, откуда, по преданью, аргонавты вывезли золотое руно.

— Здѣсь, дѣйствительно, по преданью, добывали золото на бараньихъ шкурахъ, — сказалъ мнѣ кто-то изъ пассажировъ. — Шкуру клали въ русло золотоносной горной рѣчки. Золото запутывалось въ ея шерсти, а потомъ шкуру сжигали и собирали золотые остатки.

Я попросилъ мальчика-пассажира, сидѣвшаго на козлахъ, пересѣсть на мое мѣсто внутри экипажа. Онъ тотчасъ же исполнилъ эту просьбу съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ внутреннія мѣста считались болѣе аристократическими, и я поѣхалъ на высотѣ, подъ палящими лучами солнца.

Мѣстность здѣсь была, пожалуй, еще болѣе живописной, чѣмъ по болѣе извѣстной публикѣ военно-грузинской дорогѣ. Природа уже не поражала своей суровостью, а носила нѣжный колоритъ. Горные склоны состояли большею частью изъ брекчій, конгломератовъ, песчаниковъ, цвѣтныхъ глинъ и известняковъ мѣлового періода и не были уже такими рѣзкими и прямолинейными, а приняли, отъ преобладающаго здѣсь дѣйствія размыванія, болѣе округленныя волнистыя формы. Почва поражала своимъ плодородіемъ. Поля здѣсь не знаютъ удобренія и даютъ огромные урожаи кукурузы, здѣшняго главнаго продукта. За недостаткомъ ровнаго мѣста, они часто расположены на такихъ крутыхъ склонахъ и на такой головокружительной высотѣ, что не вѣрится, чтобы кто-нибудь могъ не только работать, но даже и взобраться туда. Всѣ такія поля разбросаны клочками между покрывающими стѣной самые отвѣсные склоны горъ хвойными и лиственными лѣсами или кустарникомъ. Часто здѣсь бываютъ обвалы, и потому есть такія площадки на склонахъ горъ, куда, не смотря на видимые тамъ признаки былой жизни, нельзя взобраться никакими средствами. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, на срединѣ отвѣснаго склона огромной горы Твигли, князь Варламъ показалъ мнѣ большую пещеру.

— Въ бинокль—сказалъ онъ мнѣ—можно разсмотрѣть въ ея глубинѣ какой-то искусственный столбъ и два висящіе колокола; но какъ ни пытались изслѣдователи туда подняться, ни-

кто не могъ, ни снизу, цѣпляясь за кусты, ни сверху—по веревкамъ, такъ какъ этому мѣшаютъ выступы скалы.

Въ другомъ мѣстѣ, на срединѣ такой же отвѣсной скалы Орпири, онъ показалъ мнѣ и вторую, но уже небольшую и неглубокую пещеру, куда, еще на памяти стариковъ, спустился какимъ-то невѣроятнымъ способомъ одинъ религіозный фанатикъ и оставался тамъ, въ виду проходящихъ путниковъ, нѣсколько лѣтъ между небомъ и землей.

— Его родственники и почитатели—замѣтилъ онъ—каждый день взбирались надъ нимъ на скалу и опускали ему въ корзинкѣ пищу. Но вдругъ онъ опять какимъ-то невѣдомымъ способомъ оказался внизу, въ деревнѣ, но уже совершенно сумасшедшимъ и даже потерявшимъ даръ слова.—

Начиная отъ самаго Кутаиса, почти всѣ берега Ріона близъ нашей дороги были покрыты густыми зарослями ежевики. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ экипажу, вслѣдствіе крутыхъ подъемовъ, приходилось идти шагомъ, мы соскакивали съ линейки и, забѣгая впередъ, цѣплялись за кустарникъ, собирая его вкусныя, спѣлыя, хотя часто запыленныя, отъ близости дороги, ягоды.

Впереди показалась другая линейка, съ такими же, какъ мы, путниками, и черезъ нѣсколько времени мы ѣхали другъ за другомъ. На первой же кручѣ мы шли уже вмѣстѣ съ новыми дорожными товарищами, которые оказались народными учительницами и учителями изъ Курска и Москвы, совмѣстно совершающими на каникулахъ экскурсію по Кавказу.

У насъ сразу завязались мимолетныя дружескія отношенія. Одна изъ барышенъ была необыкновенно ловкая и лазала по самымъ отвѣснымъ склонамъ, какъ коза, доставая намъ горсти самой чистой и сочной ежевики. Но, къ сожалѣнію, часовъ черезъ шесть мы потеряли изъ вида всю эту компанію, остановившуюся обѣдать въ духанѣ.

Дорога, выломанная порохомъ и динамитомъ, шла все время по крутымъ склонамъ горъ, окаймляющихъ съ обѣихъ сторонъ русло бурнаго и пѣнящагося внизу Ріона. По временамъ она высоко поднималась надъ его волнами, по временамъ опускалась прямо къ нимъ. Нѣкоторыя мѣста, особенно въ концѣ, у Личхума, были положительно опасны для экипажей, такъ какъ колесамъ часто приходилось идти по самому краю ничѣмъ не защищеннаго обрыва, и тогда кучеръ сходилъ и приглашалъ то же сдѣлать и пассажировъ.

— Вонъ Хвамли-гора, на отвѣсномъ склонѣ которой, по преданью, былъ прикованъ Прометей, укравшій у боговъ для

людей огонь,—сказалъ намъ князь Варламъ, показывая на высокую, живописную вершину.

Вся публика высунулась смотрѣть, хотя уже не разъ по этой дорогѣ мы видѣли не менѣе живописныя горы, но, увы, безъ легендарнаго ореола! Не то же ли случается и съ людьми? Стоитъ только появиться о комъ-нибудь легендѣ—и сейчасъ же всѣ глаза устремляются на него!

— Когда надъ горой Прометея — продолжалъ князь Варламъ — образуется облако, тогда, черезъ нѣсколько времени, пойдетъ дождь. Всѣ жители окрестностей, откуда видна эта гора, пользуются ею, какъ барометромъ.—

Я посмотрѣлъ на ея вершину. Надъ ней, на чистомъ голубомъ фонѣ неба, стояло маленькое облачко. Надо было торопиться доѣхать.

Солнце уже зашло за вершины горъ. Наступалъ вечеръ, и въ ущельѣ повѣяло прохладой. Давно мы свернули изъ долины Ріона въ ущелье его притока—Ладжануры и направились вверхъ, къ Личхуму. Все уже и уже становилось ущелье, превратившись, наконецъ, въ глубокую щель, на боку которой, по высѣченной въ немъ нишѣ, мы поѣхали между небомъ и землей. Вдругъ на встрѣчу намъ показались два всадника. Одинъ—форменный европеецъ, оказавшійся моимъ петербургскимъ знакомымъ А. Л. Соколовскимъ, въ фетровой шляпѣ и высокихъ гетрахъ на ногахъ, а другой—пожилой, въ черной священнической рясѣ. Я въ первый еще разъ видѣлъ священника, молодецки скачущаго въ сѣдлѣ галопомъ, и потому смотрѣлъ главнымъ образомъ на него. Оба, при видѣ насъ, замахали руками.

— Кучико!—крикнулъ священникъ князю Варламу и быстро заговорилъ что-то по-грузински.

Вдали показался новый всадникъ въ черкескѣ и папахѣ, тоже скакавшій къ намъ. Онъ оказался двоюроднымъ братомъ нашего путеводителя, а священникъ былъ однимъ изъ очень образованныхъ представителей прогрессивнаго грузинскаго духовенства и другомъ ихъ дома. Они выѣхали на всякій случай, такъ какъ каждый вечеръ ожидали нашего пріѣзда. Всѣ они послѣдовали за нашей линейкой. Ущелье раскрылось въ широкую долину или, скорѣе, огромную котловину, со всѣхъ сторонъ замкнутую высокими горами.

Въ ночномъ сумракѣ, между тѣнями отдаленныхъ садовъ и кустарниковъ, показались въ разныхъ мѣстахъ привѣтливые огоньки человѣческихъ жилищъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы остановились на берегу нашей шумящей горной рѣчки—Ладжа-

нуры, мчавшейся здѣсь нѣсколькими то соединяющимися, то расходящимися руслами по широкому полю наваленныхъ другъ на друга сѣрыхъ діабазовыхъ голышей, безъ всякаго слѣда растительности между ними.

Я въ это время былъ уже не въ линейкѣ, а ѣхалъ далеко впереди ея на лошади молодого всадника въ черкескѣ, который уступилъ ее мнѣ и пересѣлъ вмѣсто меня въ линейку. Священникъ тоже сидѣлъ тамъ съ дамами, отдавъ князю Варламу свою лошадь. Обернувшись случайно назадъ, я вдругъ увидѣлъ въ сумеркахъ, что кучеръ экипажа выложилъ прямо на голыши этого необитаемаго берега всѣ наши вещи передъ столпившимися около нихъ пассажирами, а затѣмъ, вскочивъ на козлы, взмахнулъ бичомъ и умчался съ оставшимися въ немъ двумя посторонними путниками въ боковое ущелье.

Присоединившійся къ намъ незадолго передъ этимъ новый молодой человѣкъ въ сѣрой черкескѣ, очевидно довѣренный слуга нашихъ будущихъ хозяевъ, ударилъ нагайкой свою лошадь и, быстро переѣхавъ вбродъ черезъ всѣ протоки Ладжануры, исчезъ во мракѣ.

— Зачѣмъ это насъ выложили здѣсь?—спросилъ я, возвратившись къ мѣсту высадки.

— Вотъ тамъ—указалъ мнѣ князь Варламъ вдаль, на зеленое предгорье противоположнаго берега,—находится домъ моей матери и дяди. Черезъ полчаса слуга приведетъ намъ оттуда верховыхъ лошадей для переправы.

— А развѣ нельзя переправиться иначе?

— Невозможно! — Ладжанура весной затопляетъ всю эту каменистую равнину и снесла бы всякій мостъ.

Мнѣ это страшно понравилось. Вотъ, наконецъ, думалъ я, удалось попасть въ усадьбу, въ которую нельзя проѣхать иначе, какъ верхомъ черезъ нѣсколько протоковъ бурно мчащейся рѣки!

Минутъ черезъ двадцать или болѣе вернулся, наконецъ, ускакавшій слуга, и съ нимъ пріѣхалъ еще одинъ молодой человѣкъ въ бѣлой папахѣ и красной черкескѣ, ведя въ поводу двухъ или трехъ верховыхъ лошадей. Я прежде всѣхъ другихъ началъ переправляться рядомъ съ нимъ черезъ протоки. Зная, что я сижу первый разъ на спинѣ верховой лошади послѣ двухъ съ половиной десятковъ лѣтъ подневольной жизни, присутствовавшіе тревожно слѣдили за моей переправой, а когда моя лошадь, благополучно пройдя черезъ потокъ и взбираясь на груду скатывавшихся подъ ея копытами голышей, поскользнулась и попала снова въ воду своими задними ногами, двое изъ нихъ

бросились мнѣ на помощь, но прежде, чѣмъ они подоспѣли, моя лошадь, скользнувъ еще нѣсколько разъ, благополучно выскочила на берегъ. Очень обезпокоенный тѣмъ, какъ Ксана переправится черезъ рѣку, я остановился и, обернувшись, видѣлъ, какъ, усадивъ въ сѣдло, каждую изъ нашихъ дамъ эскортировали съ обѣихъ сторонъ по двое всадниковъ, и онѣ переѣхали на болѣе отлогомъ мѣстѣ берега безъ всякихъ приключеній.

Переправившись еще черезъ два или три болѣе узкіе протока, мы сошли наконецъ съ сѣделъ, у груды бревенъ, разложенныхъ у конца каменистой полосы, на покрытомъ травою берегу, гдѣ, сидя и стоя, насъ ожидало десятка полтора молоденькихъ и большею частью очень хорошенькихъ барышенъ и молодыхъ дамъ, большинство которыхъ, къ сожалѣнію, почти совсѣмъ не говорило по-русски. Оказалось, что почти всѣ горныя княжны Закавказья и даже многіе молодые землевладѣльцы изъ дворянъ все еще получаютъ исключительно домашнее воспитанье и нигдѣ не бывали, кромѣ развѣ Кутаиса, да и то лишь разъ или два въ жизни.

Посидѣвъ немного съ ними на бревнахъ, вся наша кавалькада двинулась въ полусумракѣ наступившей лунной ночи по извилистой дорогѣ на вершину холма, взобравшись на который, мы увидѣли передъ собою небольшой лугъ съ двумя-тремя тѣнистыми деревьями по срединѣ и за нимъ еще два большихъ одноэтажныхъ дома съ верандами. На лугу насъ встрѣтили высокая, статная и красивая пожилая дама, съ спокойными привѣтливыми манерами, и такой же красивый высокій старикъ, съ бѣлой длинной бородой, въ черной черкескѣ и съ кинжаломъ въ оправѣ изъ червленаго серебра у ременнаго пояса. Это были княгиня Деспина и князь Ермолай, хозяева дома. Мой петербургскій знакомый, присяжный повѣренный Соколовскій, уже двѣ недѣли гостилъ у нихъ.

Какъ мы провели здѣсь нѣсколько дней передъ нашимъ дальнѣйшимъ путешествіемъ? Могу сказать только, что очень занимательно и хорошо.

Насъ встрѣтило здѣсь истинно-восточное гостепріимство. Намъ съ Ксаной былъ предоставленъ собственный кабинетъ князя, на письменномъ столѣ котораго особенно трогательно было увидѣть развѣшанные на букетѣ искусственныхъ цвѣтовъ портреты такъ любимыхъ мною въ юности Писарева, Добролюбова, Чернышевскаго, Михайлова, Дарвина и нѣсколькихъ другихъ великихъ писателей того же направленія. Княгиня Деспина оказалась

женщиной, безусловно выходящей изъ ряда вонъ по своимъ духовнымъ и нравственнымъ качествамъ. Она была первой въ этой странѣ, которая дала своимъ сыновьямъ высшее образованіе, и всѣ остальныя дамы старались копировать ее. И здѣсь тотчасъ же обнаружились яркіе слѣды недавняго бурнаго періода общественной жизни Закавказья. Племянникъ хозяевъ, молодой юноша-студентъ, присоединившійся къ соціалъ-демократамъ, былъ убитъ своими родственниками, сванскими князьями, которые затѣмъ заперлись въ одной изъ своихъ крѣпостей и держались тамъ въ осадѣ нѣсколько мѣсяцевъ, чтобъ избѣжать мести сочувствовавшихъ юношѣ крестьянъ. Между мѣстными представителями обѣихъ фамилій порвались изъ-за этого всякія отношенія, хотя князь Ермолай былъ тоже, какъ и мои прежніе хозяева, противникомъ соціалъ-демократовъ.

Пріѣздъ князя Варлама и рѣдкихъ въ этомъ краю петербургскихъ гостей вызвалъ большое оживленіе въ окрестностяхъ, и обѣденный столъ все время нашего пребыванія не накрывался менѣе чѣмъ на двадцать человѣкъ. Молодыя княжны — племянницы хозяевъ, вставая въ перемѣнахъ многочисленныхъ блюдъ, по восточному обычаю прислуживали гостямъ и сами подавали имъ блюда. Тосты и застольныя рѣчи, строго соотвѣтствующіе характернымъ особенностямъ каждаго гостя, произносились здѣсь съ восточнымъ искусствомъ и находчивостью, и за каждымъ тостомъ всѣ мы хоромъ пѣли традиціонный припѣвъ:

— Мравалжаміеръ, мравалжаміеръ, мравалжаміеръ! (т.-е. многія лѣта, многія лѣта, многія лѣта!)

На слѣдующее же утро, когда мы сидѣли на верандѣ за чайнымъ столомъ, на лужайкѣ передъ домомъ показалась фигура стараго крестьянина, съ длинной сѣдой бородой, въ сѣрой поношенной черкескѣ и съ кинжаломъ на поясѣ, который велъ на веревкѣ маленькаго, упиравшагося всѣми четырьмя ножками, бѣлаго ягненка. Подойдя къ верандѣ и поклонившись намъ со спокойнымъ достоинствомъ, онъ произнесъ обычное привѣтствіе:

— Гамарджоба! (что значитъ: „Да дастъ вамъ Богъ побѣду!“)—и предложилъ своего агнца въ даръ пріѣхавшимъ молодымъ хозяевамъ.

Мнѣ невольно показалось, что я попалъ въ какой-то сказочный міръ, прямо въ библейскія времена!

— Ужъ не Іаковъ ли это, явившійся на старости лѣтъ съ непорочнымъ агнцемъ привѣтствовать своего возвратившагося отца-Исаака?—спросилъ я своего сосѣда, священника.

— Такой обычай — отвѣтилъ онъ — существуетъ до сихъ

поръ въ дальнихъ ущельяхъ Кавказскихъ горъ, гдѣ большинство крестьянъ находятся еще во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ своимъ помѣщикамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ появилась старая женщина, которая, поздравивъ точно также молодыхъ хозяевъ съ пріѣздомъ, предложила имъ на палочкахъ дюжину копченыхъ форелей. Потомъ пришли и другіе, кто съ шашлыками, кто съ особыми мѣстными бѣлыми волокнистыми сырами, заплетенными въ видѣ женскихъ косъ, и на одномъ изъ нихъ былъ даже вылѣпленъ изъ сыра взлетающій голубокъ.

Князь Варламъ всѣхъ обнималъ и расспрашивалъ о ихъ семейныхъ дѣлахъ, а княгиня Деспина отводила ихъ потомъ за домъ на кухню для угощенья.

Когда на склонѣ этого дня мы всѣ снова сидѣли за обѣдомъ и пили обычные междублюдные тосты изъ небольшихъ стакановъ, постоянно наполняемыхъ чрезвычайно вкуснымъ мѣстнымъ краснымъ виномъ,—которое, къ счастью для невоздержныхъ, не выноситъ перевозки, — толумбашъ (т.-е. выборный глава стола, произносящій рѣчи и предлагающій тосты) провозгласилъ, намекая на этотъ патріархальный пріемъ нашихъ молодыхъ хозяевъ:

— За здоровье личхумскихъ короля и королевы!

Всѣ закричали:

— Мравалжаміеръ! — и только одни мои республиканскія чувства выдержали искусъ.—Пью—воскликнулъ я—за здоровье президента личхумской республики и его супруги!

Всѣ засмѣялись.

Вечеромъ мы пошли внизъ холма въ гости къ одному чрезвычайно симпатичному князю-охотнику, лѣтъ сорока, всю жизнь свою проведшему въ лазаньѣ по самымъ неприступнымъ горамъ и замѣчательному стрѣлку и наѣзднику.

Возвращаясь домой, мы шли большой толпой мимо промежуточной деревушки. Все ея населеніе оказалось на изгородяхъ дороги и смотрѣло оттуда на насъ. Молодыя дѣвушки и даже маленькія дѣвочки пожирали глазами—кого бы вы думали?—пріѣзжихъ молодыхъ людей, идущихъ съ нами? — Нѣтъ! — На нихъ не обращали ни малѣйшаго вниманія!—Всѣ женскіе взоры были обращены на княгиню Нину, ея сестеръ и Ксану, чтобы сейчасъ же запечатлѣть навсегда въ памяти ихъ костюмы до послѣднихъ мелочей и по нимъ составить себѣ недостижимый идеалъ для своихъ собственныхъ будущихъ костюмовъ! — И мнѣ снова явилась въ голову моя давнишняя идея, которую я (боль-

шею частью безуспѣшно) проповѣдую всѣмъ любящимъ наряжаться дамамъ: одѣвайтесь какъ можно проще! Не портите воображенія всѣхъ тѣхъ бѣдныхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя смотрятъ на васъ и составляютъ себѣ по вамъ недостижимый и раззорительный для нихъ идеалъ!

Нѣсколько дней жизни въ Спатагори промчались какъ сонъ. Я раза два купался съ молодымъ племянникомъ хозяевъ въ Ладжанурѣ, гдѣ чистая голубоватая вода неслась и прыгала по камнямъ своего дна такъ быстро, что держаться противъ теченія вплавь не было никакой возможности. Какъ только руки соскальзывали съ камней ея русла, мы быстро мчались внизъ по теченію, постоянно натыкаясь на подводные голыши. Но всѣ они были такъ гладко облизаны водою и такъ покрыты скользкимъ налетомъ микроскопическихъ водорослей, что, держась ногами впередъ, мы легко скользили по нимъ безъ ушибовъ. Но, за то, если мы успѣвали уцѣпиться за одинъ изъ такихъ камней посреди русла и крѣпко держаться за него обѣими руками, то несущаяся мимо насъ клокочущая и пѣнящаяся вода въ нѣсколько минутъ вымывала насъ безъ мыла лучше, чѣмъ въ банѣ!

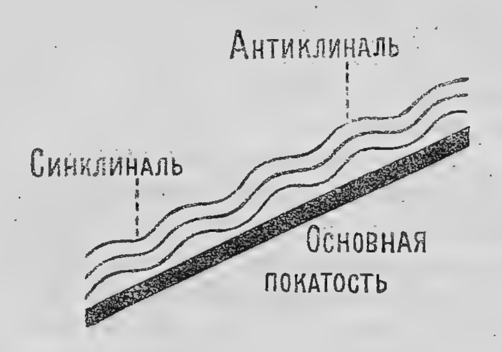
Вмѣстѣ съ однимъ молодымъ французомъ—мосье Бабе, геологомъ, пріѣхавшимъ погостить сюда изъ Кутаиса, я ходилъ на прилегающія возвышенности и, вспомнивъ свои прежнія занятія геологіей, съ большимъ увлеченіемъ разсматривалъ на обрывахъ напластованья горныхъ породъ. Одну сѣрую песчаниковую плитку, съ замкнутыми на ней кусочками обуглившагося дерева и съ многочисленными мелкими раковинками изъ lamellibranchiata, я захватилъ съ собою, въ Петербургъ. Она принадлежала сарматскому ярусу третичнаго періода, идущему антиклиналью по всему верхнему Ріону и перешедшему сюда въ Спатагорію. Внизу подъ нимъ изгибались известняки мѣловой эпохи.

Нигдѣ лучше, чѣмъ здѣсь, въ ущельяхъ Ладжануры, не обнаруживаются характерныя черты тѣхъ волнообразныхъ изгибовъ слоистыхъ породъ, которыя въ геологіи называются чередующимися другъ съ другомъ синклинальными и антиклинальными складками, а также и причины, вызвавшія эти извивы почвы. Уже давно ихъ образованіе справедливо приписываютъ боковымъ давленіямъ и даже наглядно поясняютъ на примѣрѣ. Возьмите и положите другъ на друга нѣсколько одинаковыхъ по величинѣ разноцвѣтныхъ четыреугольныхъ кусковъ сукна и, придавивъ ихъ прессомъ, сожмите съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Слои сукна, конечно, волнообразно изогнутся, и, взглянувъ сбоку, вы

увидите въ нихъ совершенное подобіе тѣхъ синклиналей и антиклиналей, какія вы видите на стѣнахъ горныхъ цѣпей, поперечно прорѣзанныхъ потоками. Но какія силы произвели эти боковыя давленія?

Когда я смотрѣлъ на нихъ въ ущельяхъ Ладжануры, все это сразу ярко вырисовалось для меня.

Боковыя давленія произошли здѣсь по той же причинѣ, какая вызвала и теченіе ледниковъ. Верхнія слоистыя породы медленно сползаютъ съ тѣхъ внутреннихъ гранитныхъ покатостей (см. жирную черту), которыя образовались подъ ними, и приподнятые



(см. правую сторону схемы) концы ихъ пластовъ давятъ на опущенные (см. лѣвую сторону схемы), благодаря обычнымъ силамъ тяготѣнья! Уже самое теченіе Ладжануры и другихъ быстрыхъ горныхъ рѣкъ Закавказья показываетъ, что склонъ прорѣзанныхъ ими слоевъ идетъ туда, куда, вообще говоря, течетъ и рѣка, и вотъ всѣ складки синклиналей и антиклиналей идутъ какъ разъ поперекъ общей линіи теченія! Куда течетъ рѣка, туда медленно ползетъ и ея дно! На рѣкѣ образуются отъ этого струи и мечущіяся волны, а на ея днѣ и берегахъ—складки, какъ на слояхъ сукна, упирающагося съ одной стороны во что-либо твердое и сдавливаемаго съ другой.

Еслибъ эти поперечныя складки образовались быстро, струи водъ не успѣвали бы перепилить ихъ и рѣка повернула бы въ сторону. Но сползаніе происходитъ страшно медленно, складки выгибаются на своей вершинѣ, можетъ быть, только на толщину волоска въ годъ, а быстрое теченіе каждый годъ размываетъ этотъ незначительный приростъ, и рѣка остается на томъ же уровнѣ, хотя край ея ущелья и приподнимается соотвѣтственно все выше и выше, а складчатость становится реальнѣе.

Такимъ образомъ—думалось мнѣ, глядя на ладжанурскія

ущелья,—характерное отсутствіе новѣйшихъ слоистыхъ породъ на вершинахъ горныхъ цѣпей,—такъ ясно обнаруживающееся на геологическихъ картахъ Урала и другихъ старыхъ хребтовъ,—обусловливается не однимъ смываньемъ этихъ слоевъ дождевой водой, а также и ихъ вѣковымъ сползаніемъ внизъ, какъ и ледниковъ. Горныя породы также ползутъ внизъ по склонамъ ихъ основного глубиннаго возвышенія, вызваннаго горообразовательными силами земного шара. „Все течетъ!"—сказалъ Пиѳагоръ: и это абсолютно вѣрно.

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

УКРАИНСКІЙ ШЛЯХЪ[1])

И справа, и слѣва пестрѣютъ поля—
До грани, гдѣ съ небомъ сомкнулась земля.

На нихъ, какъ на мутномъ разливѣ рѣки,
Пустынно грустятъ хутора-островки.

Курганы подъ рожью угрюмо стоятъ:
Тяжелъ и неловокъ имъ новый нарядъ.

А крестъ колокольни маячитъ свѣтло
Оттуда, гдѣ въ балкѣ ютится село...

Огромной, зеленой межою въ поляхъ
Ненужный, заброшенный тянется шляхъ—

Изъ сѣверной дали, изъ дымки сѣдой,
На полдень веселый, на полдень родной.

---

[1]) Шляхами на Украйнѣ называются тракты, широкія грунтовыя дороги, соединяющія старые административные ея центры. Въ прежнія времена они играли большую роль, какъ пути международныхъ и внутреннихъ сообщеній — военныхъ, почтовыхъ, торговыхъ и обывательскихъ. Теперь они потеряли все свое значеніе и сравнялись съ проселочными дорогами. Но ихъ размѣры, совершенно ненужные въ настоящее время, почему-то сохраняются въ неприкосновенности: они занимаютъ, въ общей сложности, огромное количество десятинъ, являясь страннымъ анахронизмомъ, особенно въ виду нынѣшняго безземелья. Впрочемъ, нѣкоторые владѣльцы полей прилегающихъ къ шляхамъ, „впахиваясь“ въ нихъ понемногу, насколько возможно нарушаютъ эту неприкосновенность.

Тесьмой полосатою двѣ колеи
Да слѣдъ лошадиный по немъ пролегли

И вьются въ травѣ, какъ въ лугахъ ручейки,
Минуя размывы, бугры и пески.

Проѣдетъ телѣга... иль путникъ пройдетъ...
И вновь онъ, какъ гостя, кого-нибудь ждетъ,

Лѣниво, истомно, бездумно лежитъ
И въ пламя лазури сонливо глядитъ.

Дохнетъ вѣтерокъ—и замретъ... и кругомъ
Все сново недвижно, надъ нимъ и на немъ.

И въ небѣ не видно ни тучекъ, ни птицъ,
И нивы, незрѣлыя, ждутъ еще жницъ...

А прежде—не зналъ онъ: что̀—поле? что̀—серпъ?
Отзначенъ рядами развѣсистыхъ вербъ,

Утоптанъ, укатанъ, въ степи вѣковой
Бѣжалъ онъ, чернѣя, сплошною тропой.

И въ пестромъ движеньи родившійся гулъ
Лишь ночью устало въ безмолвьи тонулъ.

Какъ вихри, носились по немъ казаки...
Изъ Крыма товары везли чумаки...

Скрипѣли обозы заѣзжихъ купцовъ...
Катились лавины московскихъ полковъ...

И шли богомольцы, стиравшіе слѣдъ
Отъ панскихъ рыдвановъ и царскихъ каретъ...

Такъ было... Теперь онъ пустыненъ и глухъ.
Подобія древнихъ, беззубыхъ старухъ,

Засохшія вербы—дуплистые пни—
Покорно считаютъ послѣдніе дни

И въ очи прохожему слѣпо глядятъ,
И словно о чемъ-то прошамкать хотятъ;

Но черные рты имъ засыпала пыль—
Мѣшаетъ повѣдать дремотную быль.

Убогія нивы съ обѣихъ сторонъ
Тревожатъ, тѣснясь, его барственный сонъ.

О чемъ онѣ шепчутъ? Что̀ ропщутъ? Чего
Докучныя нивы хотятъ отъ него?

Праправнучки вольныхъ-раздольныхъ степей,—
Что годъ, то дробнѣе, что годъ, то бѣднѣй,—

Спѣша, подходили однѣ за другой
И вотъ обступили мятежной толпой.

Ужъ тронутъ его безпризорный пустырь,
Измѣрена жадно вся праздная ширь,

И шопотъ зловѣщій по нивамъ плыветъ:
Зачѣмъ, для кого онъ добро бережетъ?

Но чуждъ ему ропотъ голодныхъ заботъ.
Изъ города въ городъ идетъ онъ, идетъ,—

Идетъ мимо хатъ—хуторовъ—деревень—
Туда, гдѣ миражитъ синѣющій день,

Отъ скуки считаетъ курганы въ дали:—
Какіе не срыты еще до земли?—

И ждетъ-не дождется отъ вѣтра вѣстей:
Что больше не страшны кошмары полей,

Что близко, за мертвымъ оплотомъ песковъ,
Колышется море изъ травъ и цвѣтовъ,

Что скоро въ звенящихъ восторгомъ степяхъ
Съ нимъ братски сольется невѣдомый шляхъ,

И хлынетъ отъ встрѣчи желанно-родной
Былое веселье гремящей волной...

Но вѣтеръ съ полудня вдали пролетѣлъ:
Изъ жалости правду сказать не хотѣлъ.

А. Колтоновскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ
Н. И. КОСТОМАРОВА

(Арестъ, заключеніе, ссылка.)

---

7 апрѣля нынѣшняго года исполнится 25 лѣтъ со дня смерти нашего выдающагося историка и одного изъ основателей „Вѣстника Европы“, на страницахъ котораго появились и многіе изъ его трудовъ—Николая Ивановича Костомарова.

Помѣщаемъ здѣсь одну изъ неопубликованныхъ главъ его „Автобіографіи“, касающуюся того событія въ его жизни, которое опредѣлило всю дальнѣйшую его судьбу. Эта глава обнимаетъ собою періодъ времени съ 28-го марта 1847-го по 24-ое іюня 1848-го года.

Въ пятницу на Пасхѣ, вечеромъ, я ѣздилъ въ университетъ и далъ экзекутору деньги для освѣщенія церкви на время моего вѣнчанія, которое должно было совершиться въ предстоящее воскресенье. Возвратившись оттуда домой и напившись чаю, я отправился въ свою спальню, но не успѣлъ раздѣться, какъ вошелъ ко мнѣ помощникъ попечителя учебнаго округа Юзефовичъ и сказалъ: „на васъ доносъ, я пришелъ васъ спасти; если у васъ есть что писаннаго, возбуждающаго подозрѣніе, давайте скорѣе сюда“. За свои бумаги въ кабинетѣ мнѣ нечего было бояться, но я вспомнилъ, что въ карманѣ моего наружнаго пальто была черновая, полу-изорванная рукопись того сочиненія о славянской федераціи, которую еще на святкахъ я сообщилъ для переписки Гулаку.

Я досталъ эту рукопись и искалъ огня, чтобы сжечь ее, какъ вдругъ, незамѣтно для меня, она очутилась въ рукахъ моего мнимаго спасителя, который сказалъ: „soyez tranquille, ничего не бойтесь“. Онъ вышелъ и вслѣдъ затѣмъ вошелъ снова, а за нимъ нахлынули ко мнѣ: губернаторъ, попечитель, жандармскій полковникъ и полицеймейстеръ. Они потребовали ключей, открыли мой письменный столъ въ кабинетѣ, и попечитель, увидя въ немъ огромный ворохъ бумагъ, воскликнулъ: „mon Dieu! il faut dix ans pour déchiffrer ces brouillons“. Потомъ забрали мои бумаги и, завязавши ихъ въ потребованныя простыни, опечатали кабинетъ, вышли изъ моей квартиры и велѣли мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ ними. Я едва успѣлъ подойти къ матери, поцѣловать ея оледенѣвшую отъ страха руку и сказать: „прощайте“. Я сѣлъ въ дрожки вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ Галяткинымъ. Меня привезли въ квартиру губернатора и сказали: „вы знаете Гулака?“ — Знаю, отвѣчалъ я. — „Онъ сдѣлалъ на васъ доносъ, явился въ III отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи и представилъ рукопись, въ которой излагалось о будущемъ соединеніи славянъ“. — Я не знаю этой рукописи, — сказалъ я. Но черновая рукопись, взятая у меня помощникомъ попечителя, предстала предо мною въ обличеніе моихъ словъ: улика была на лицо. Меня отправили въ подольскую часть и посадили въ отвратительной, грязной комнатѣ, помѣстивши меня съ двумя полицейскими солдатами. Черезъ день, въ воскресенье утромъ, полицеймейстеръ Галяткинъ вошелъ ко мнѣ и, злобно потирая руки, сказалъ: „Каково тутъ вамъ, г. профессоръ, не совсѣмъ удобно? Оно было бы пріятнѣе дома съ молодой женой“. Частный приставъ подольской части обращался со мною добродушнѣе и принималъ во мнѣ сердечное участіе. Вечеромъ въ воскресенье меня повезли въ закрытомъ экипажѣ на мою квартиру, гдѣ я простился съ матерью и невѣстою. Сцена была раздирающая: мнѣ неожиданно приходилось ѣхать въ невѣдомый путь и на невѣдомую судьбу въ то самое время, когда, по моему ожиданію, должно было происходить въ церкви мое вѣнчаніе. Затѣмъ я воротился въ часть; немедленно меня посадили на перекладную и повезли въ Петербургъ. Моими провожатыми были: квартальный надзиратель старо-кіевской части Лобачевскій и жандармъ изъ нижнихъ чиновъ, родомъ малоруссъ. Меня везли черезъ Могилевъ и Витебскъ на перекладныхъ. Состояніе моего духа было до того убійственно, что у меня явилась мысль во время дороги заморить себя голодомъ. Я отказывался отъ всякой пищи и питья и имѣлъ твердость проѣхать такимъ образомъ

пять дней. Слабость тѣлесныхъ силъ дошла до такой степени, что я не могъ безъ чужой помощи ни встать съ повозки, ни взлѣзть на нее; но мы скакали день и ночь, уже до Петербурга оставалось недалеко, и я увидѣлъ, что не буду имѣть возможности умереть до пріѣзда въ столицу. Мой провожатый-квартальный, замѣтивши, что я ничего не ѣмъ, понялъ, что у меня на умѣ, и началъ совѣтовать оставить роковое намѣреніе. „Вы—говорилъ онъ — смерти себѣ не причините, я васъ успѣю довезти, но вы себѣ повредите: васъ начнутъ допрашивать, а съ вами, отъ истощенія, сдѣлается бредъ и вы наговорите лишняго и на себя, и на другихъ". Я поддался этому совѣту и въ Гатчинѣ позавтракалъ въ первый разъ послѣ пятидневнаго поста. Черезъ нѣсколько часовъ меня привезли въ Петербургъ. Это было 7-го апрѣля [1]). Здѣсь еще стояла зима, мы въѣхали на саняхъ; не только Нева, но еще и Фонтанка, по берегу которой шелъ нашъ путь, не трогалась съ мѣста. Меня привезли прямо въ III-ье отдѣленіе канцеляріи Его Величества, ввели въ зданіе и длинными коридорами провели въ комнату, гдѣ кромѣ кровати съ постелью стояла кушетка, обитая красною шерстяною матеріею, а между двумя окнами помѣщался довольно длинный письменный столъ. Первымъ дѣломъ было раздѣть меня до-нога; мое платье унесли, а меня одѣли въ бѣлый стеганый пикейный халатъ и оставили подъ замкомъ. Въ верхней части двери были стекла, за которыми виднѣлись стоявшіе на часахъ жандармы съ ружьями. Не прошло и часа, какъ вахмистръ принесъ мое платье, велѣлъ одѣваться и объявилъ, что меня требуетъ къ себѣ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, бывшій тогда шефомъ жандармовъ. Меня повели въ одинъ залъ, гдѣ я увидалъ великорослаго, красиво-сложеннаго старика, увѣшаннаго орденами. „Государь очень жалѣетъ — сказалъ онъ, — что вы попались въ эту непріятную исторію, тѣмъ болѣе, что мы получили отъ вашего начальства самый лестный объ васъ отзывъ; но я надѣюсь, что вы оправдаетесь; конечно вы награды отъ Государя не получите, потому что вы всетаки виноваты: у васъ взяли гнусную вещь". Затѣмъ онъ началъ вкратцѣ излагать содержаніе рукописи, взятой у меня въ Кіевѣ. „Что же за такія штуки? — прибавилъ онъ:—эшафотъ! Но я увѣренъ, что не вы написали эту мерзость; будьте откровенны и дайте возможность спасти васъ. У васъ есть старуха-матушка, подумайте о ней; да вы же притомъ и женихъ; отъ васъ будетъ зависѣть снять со своей спины

[1]) Въ этотъ самый день черезъ 38 лѣтъ Н. И. Костомаровъ скончался.

хотя половину той кары, которую вы заслужили". Близъ него стоялъ генералъ-лейтенантъ Дуббельтъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ сѣдыми бакенбардами и усами, съ кругловатымъ лицомъ и съ бѣгающими глазами, возбуждавшими съ перваго раза непріятное впечатлѣніе. Меня увели вновь въ мой нумеръ, а вслѣдъ за тѣмъ принесли на бумагѣ вопросные пункты. Съ этого дня начались допросы. Отъ меня добивались: знаю ли я о существовавшемъ обществѣ Кирилла и Меѳодія. Я отвѣчалъ, что не считаю его существовавшимъ когда-либо иначе, какъ только въ предположеніи, которое могло сбыться и не сбыться; я давалъ отвѣты, что такого общества не знаю и что только говорено было о пользѣ учрежденія учено-литературнаго общества, а само общество не сформировалось; но оказывалось, что отъ насъ хотѣли непремѣнно признанія въ томъ, что общество было, и потому видимо были недовольны моими отвѣтами.

Скучая въ заключеніи, я однажды воспользовался посѣщеніемъ Дуббельта, обходившаго наши камеры, и просилъ его дозволить мнѣ читать книги и газеты. „Нельзя, мой добрый другъ,— сказалъ онъ,—вы черезчуръ много читали, ну, а когда кто обопьется воды, надобно давать уже понемногу: вы, мой добрый другъ, много знаете, больше чѣмъ сколько слѣдуетъ, и хотите все больше и больше знать".—„Адамовъ грѣхъ, ваше пр—во!"— сказалъ я. Ни книгъ, ни газетъ мнѣ всетаки не дали. Изъ Кіева присылали въ III-ье отдѣленіе разныя вырѣзанныя части моихъ бумагъ и въ томъ числѣ университетскія лекціи; это были мѣста, которыя, по взглядамъ мѣстныхъ властей, возбуждали сомнѣніе въ моей благонамѣренности. По поводу одного такого мѣста, соблазнившаго генерала Дуббельта, онъ призвалъ меня въ канцелярію и, указывая на мое писаніе, говорилъ: „а ваши лекціи, мой добрый другъ,—хороши?!—вишь какія завиральныя идеи! Читали-бъ имъ (студентамъ) грамматику да ариѳметику, а то занесли имъ какія премудрости!"

Въ числѣ такихъ бумагъ было четверостишіе начатаго мною и никогда не оконченнаго стихотворенія:

Гдѣ ты, Новаграда память нетлѣнная,
Слава полунощныхъ странъ?
Встань, пробудись, старина незабвенная,
Древняя вольность славянъ!

И это не обошлось безъ обличительнаго замѣчанія.

Въ началѣ мая дѣлопроизводитель въ канцеляріи, съ разрѣшенія Дуббельта, принесъ ко мнѣ показаніе Бѣлозерскаго и

объяснилъ, что такого рода показаніе понравилось моимъ судьямъ, а потому и мнѣ слѣдуетъ написать въ такомъ духѣ. Собственно Бѣлозерскій говорилъ сущность того же, что и я, но выразился, что общество было, однако не успѣло распространиться. Видя, чего хотятъ отъ насъ, и сообразивъ, что плетью обуха не перешибешь, я написалъ въ новомъ своемъ показаніи, что хотя мнѣ казалось, что нельзя назвать обществомъ бесѣду трехъ человѣкъ, но если *нужно* назвать его такимъ образомъ ради того, что оно было какъ бы въ зародышѣ, то я назову его такимъ образомъ. Я измѣнилъ свое прежнее показаніе, тѣмъ болѣе, что оно было написано подъ вліяніемъ сильнаго нравственнаго потрясенія и, какъ находили мои судьи, заключало въ себѣ невольное противорѣчіе. Затѣмъ мнѣ дѣлали вопросы относительно колецъ съ именемъ Кирилла и Меѳодія, найденныхъ у меня, Гулака и Бѣлозерскаго. Я объяснилъ, что это не имѣло никакого отношенія къ предполагаемому обществу и кольца надѣты были только изъ уваженія къ священной памяти просвѣтителей славянства. Обратила вниманіе и найденная у меня печать съ текстомъ изъ Евангелія отъ Іоанна гл. 8, стихъ 32; но на той же печати поставленъ былъ годъ, показывавшій, что печать сдѣлана была въ началѣ сороковыхъ годовъ, то-есть гораздо ранѣе того времени, когда предполагалось учрежденіе общества. Вопросы объ этихъ двухъ знакахъ были оставлены: повидимому имъ не придавали большого значенія.—Мая 15-го созвали насъ на очныя ставки. Здѣсь увидѣлъ я студента Петрова, который наговорилъ на меня, между прочимъ, что я въ своихъ лекціяхъ съ особеннымъ жаромъ и увлеченіемъ разсказывалъ, будто бы, такія событія, какъ убійства государей. На это я далъ отвѣтъ, что, читая русскую исторію, я не имѣлъ возможности заявить въ своихъ чтеніяхъ того, въ чемъ меня обвиняютъ, потому что читалъ исторію древнюю, а въ тѣ времена, кромѣ Андрея Боголюбскаго, умерщвленнаго одною партіею, никто изъ князей не былъ убитъ народомъ и не происходило такихъ событій, о которыхъ толкуетъ мой обвинитель. Мой отвѣтъ былъ до того логиченъ, что не возбудилъ отъ моихъ судей никакого возраженія. Здѣсь я встрѣтилъ другого студента, Андрускаго, уже не въ званіи обвинителя, но въ качествѣ соучастника, по неизвѣстной мнѣ причинѣ привлеченнаго къ слѣдствію. Этотъ студентъ, молодой, низенькаго роста и съ больными глазами, написалъ въ своемъ обо мнѣ показаніи множество самыхъ ужасныхъ и до крайности нелѣпыхъ вещей; между прочимъ, обвинялъ меня въ намѣреніи возстановить Запорожскую Сѣчь; но когда его показаніе было про-

читано и я при немъ объявилъ, что все это ложь и бредъ больного воображенія, онъ заплакалъ и произнесъ: „все это ложь, я сознаюсь въ этомъ".

Третья очная ставка была иного рода—между мной и Гулакомъ. Я писалъ, что дѣло наше ограничивалось только разсужденіями объ обществѣ и найденный у насъ проектъ устава и сочиненіе о славянской федераціи призналъ своими. Вдругъ оказалось, что въ своихъ показаніяхъ Гулакъ сознавался, что и то, и другое было сочинено имъ. Видно было, что Гулакъ, жалѣя обо мнѣ и другихъ, хотѣлъ принять на себя одного все то, что могло быть признано преступнымъ. Я остался при прежнемъ показаніи, утверждая, что рукопись дана была Гулаку мною, а не мнѣ Гулакомъ. Гулакъ, на очной ставкѣ, упорствовалъ на своемъ, и графъ Орловъ съ раздраженіемъ сказалъ о немъ: „да это корень зла!" Впослѣдствіи Гулакъ написалъ, что рукопись дѣйствительно написана была не имъ, такъ какъ, принимая чужую вину на себя, онъ уже не могъ сдѣлать никакой пользы другимъ. Тѣмъ не менѣе его попытка выгородить товарищей принята была за обстоятельство, увеличивавшее его преступленіе, и онъ былъ приговоренъ къ тяжелому заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости на три съ половиною года. Какъ бы ни судить справедливость или несправедливость нашихъ тогдашнихъ убѣжденій, подвигнувшихъ насъ на неосторожное и, главное, на несвоевременное дѣло, всякій честный человѣкъ не можетъ не признать въ этомъ поступкѣ молодого человѣка самой высокой, христіанской нравственности и не оцѣнить этого порыва самоотверженія, побудившаго его для спасенія друзей съ охотою подвергать себя самого страданіямъ наказанія. Онъ былъ настоящій практическій христіанинъ и осуществилъ въ своемъ поступкѣ слова Спасителя: „Больше сея любви никто же имать, да аще положитъ душу свою за други своя". Съ прочими лицами очной ставки для меня не было. Изъ всѣхъ привлеченныхъ къ этому дѣлу и въ этотъ день сведенныхъ вмѣстѣ въ комнатѣ передъ дверью той, куда насъ вызывали для очныхъ ставокъ, Шевченко отличался беззаботною веселостью и шутливостью. Онъ комически разсказывалъ, какъ, во время возвращенія его въ Кіевъ, арестовалъ его на паромѣ косой квартальный; замѣчалъ при этомъ, что не даромъ онъ издавна не терпѣлъ косыхъ, а когда какой-то жандармскій офицеръ, знавшій его лично во время его прежняго житья въ Петербургѣ, сказалъ ему: „вотъ, Тарасъ Григорьевичъ, какъ вы отсюда вырветесь, то-то запоетъ ваша муза", — Шевченко иронически отвѣчалъ: „не якій чортъ мене сюди занісъ,

коли не та бісова муза". Когда насъ разводили по номерамъ, Шевченко, прощаясь со мною, сказалъ: „Не журись, Микола, ще колись будемъ у купі добре жити". Эти послѣднія слова дѣйствительно черезъ много лѣтъ оказались пророческими, когда послѣдніе годы своей жизни освобожденный поэтъ проводилъ въ Петербургѣ и часто видѣлся со мною.

30 мая утромъ, глядя изъ окна, я увидалъ, какъ выводили Шевченка, сильно обросшаго бородой, и сажали въ наемную карету вмѣстѣ съ вооруженными жандармами. Увидя меня въ окнѣ, онъ привѣтливо и съ улыбкой поклонился мнѣ, на что я также отвѣчалъ знакомъ привѣтствія, а вслѣдъ затѣмъ ко мнѣ вошелъ вахмистръ и потребовалъ къ генералу Дуббельту. Пришедши въ канцелярію, я былъ встрѣченъ отъ Дуббельта слѣдующими словами: „я долженъ объявить вамъ не совсѣмъ пріятное для васъ рѣшеніе Государя Императора; но надѣюсь, что вы постараетесь загладить прошлое вашею будущею службою". Затѣмъ онъ развернулъ тетрадь и прочиталъ мнѣ приговоръ, въ которомъ было сказано, что „адъюнктъ-профессоръ Костомаровъ имѣлъ намѣреніе вмѣстѣ съ другими лицами составить украинословянское общество, въ коемъ разсуждаемо было бы о соединеніи словянъ въ одно государство и сверхъ того далъ ходъ преступной рукописи „Законъ Божій" [1]), а потому лишить его занимаемой имъ каѳедры, заключить въ крѣпость на одинъ годъ, а по прошествіи этого времени послать на службу въ одну изъ отдаленныхъ губерній, но никакъ не по учоной части, съ учрежденіемъ надъ нимъ особаго строжайшаго надзора". Сбоку карандашомъ рукою Императора Николая было написано: „въ Вятскую губернію".

По прочтеніи этого приговора, меня вывели, посадили въ наемную карету и повезли черезъ Троицкій мостъ въ Петропавловскую крѣпость. Прежде всего ввели меня къ коменданту, которымъ былъ тогда старый, безрукій генералъ Скобелевъ. Онъ передалъ меня смотрителю Алексѣевскаго равелина, не менѣе коменданта старому и сѣдому маіору, который и повелъ меня мимо монетнаго двора въ калитку, сдѣланную въ воротахъ; за калиткою я очутился на мосту, устроенномъ черезъ одинъ изъ протоковъ, проведенныхъ въ Неву, а за мостомъ было каменное одноэтажное зданіе, совершенно круглаго вида, съ садомъ внутри.

---

[1]) Это была рукопись, взятая у меня помощникомъ попечителя и отысканная, кромѣ того, въ иныхъ спискахъ у Гулака и Бѣлозерскаго; но почему она названа „Законъ Божій" и кто назвалъ ее такимъ образомъ, мнѣ и до сихъ поръ неизвѣстно, потому что о такомъ названіи я и услышалъ впервые въ III-мъ отдѣленіи.

Меня повели по каменному помосту корридора, освѣщеннаго рядомъ оконъ, сдѣланныхъ вверху и выходившихъ въ садъ, и привели въ седьмой нумеръ. Это была довольно просторная комната съ койкою, простымъ дубовымъ столомъ, покрытымъ грубою скатертью, и съ деревяннымъ стуломъ при столѣ. Комната эта тускло освѣщалась однимъ окномъ, замазаннымъ снаружи бѣлилами; только два верхнихъ стекла оставлены были незамазанными. На окнѣ стояла большая, оловянная кружка для воды, съ вырѣзанными на ея крышкѣ буквами: А. Р. — Стѣны комнаты были чрезвычайно толсты. Меня заперли въ этой комнатѣ, а часа черезъ два вошелъ помощникъ смотрителя, офицеръ внутренней стражи, съ четырьмя солдатами, и велѣлъ раздѣваться. Съ меня сняли все платье и бѣлье, не оставили даже и очковъ, нарядили въ казенное толстое бѣлье, съ огромными чулками и туфлями; сверху бѣлья надѣли полосатую пестрядинную блузу, а на голову—длинный бѣлый колпакъ. Въ такомъ костюмѣ меня и оставили. На другой день привели цирюльника, который меня обрилъ и остригъ чрезвычайно плотно, а потомъ повели въ баню. По возвращеніи изъ бани, солдатъ, вскочившій наскоро, принесъ мое платье и велѣлъ одѣваться; вслѣдъ за нимъ вошелъ смотритель и объявилъ, что я долженъ идти къ коменданту. Я отправился за нимъ въ комендантскій домъ и увидѣлъ тамъ свою матушку; потомъ вышелъ комендантъ и сказалъ, что мнѣ позволяютъ видѣться съ матерью, но только въ присутствіи коменданта. Въ опредѣленный недѣльный день, а именно по пятницамъ, будетъ ко мнѣ приходить матушка, а смотритель будетъ меня приводить въ комендантскій домъ на свиданіе съ нею.

14 іюня меня снова позвали къ коменданту; я увидѣлъ опять свою матушку и вмѣстѣ съ нею мою бывшую невѣсту, пріѣхавшую въ Петербургъ со своею матерью. Мнѣ дозволили проститься съ нею. Мать моей невѣсты утѣшала меня надеждами, что бракъ мой состоится, когда окончится срокъ моего заточенія въ крѣпости; невѣста же, уѣзжая изъ Петербурга, передала моей матери записку ко мнѣ, въ которой умоляла меня беречь свое здоровье и надѣяться. Къ сожалѣнію надежды наши не состоялись—никакъ не по ея винѣ.

Съ тѣхъ поръ потекли дни за днями, недѣли за недѣлями, мѣсяцы за мѣсяцами. Комендантъ, въ качествѣ особаго ко мнѣ снисхожденія, разрѣшилъ мнѣ пить чай, курить сигары и читать книги, которыя доставлялись мнѣ матушкой. Каждую пятницу приходила ко мнѣ матушка и видалась со мною сперва въ комендантскомъ домѣ, а потомъ въ другомъ, по сосѣдству съ

комендантскимъ, въ присутствіи смотрителя равелина. Писать чернилом мнѣ не дозволяли, но дозволили писать карандашомъ. По ночамъ у меня въ комнатѣ зажигался ночникъ, отъ котораго шла нестерпимая вонь. На содержаніе отпускалось мнѣ по чину двадцать копеекъ въ день; мнѣ давали одинъ разъ щи, другой разъ супъ; иногда къ этому прибавлялась каша съ масломъ, а по праздникамъ пирогъ. За недостаткомъ привычнаго стола, я сталъ пить чай въ двѣнадцать часовъ дня и съ той поры пріучилъ себя къ этому такъ, что не только по выходѣ изъ крѣпости, но и до настоящаго времени питье чая въ полдень стало для меня обычнымъ дѣломъ. До февраля 1848-го года я былъ здоровъ и занимался греческимъ языкомъ, въ которомъ чувствовалъ себя и прежде слабымъ: мнѣ хотѣлось пополнить этотъ недостатокъ въ моемъ образованіи. Послѣ усилій, продолжавшихся нѣсколько мѣсяцевъ, я, наконецъ, дошелъ до того, что читалъ свободно Гомера, хотя по временамъ заглядывая въ подстрочный латинскій переводъ въ изданіи Дидо. Въ то же время, въ видѣ отдыха отъ головоломки надъ греческимъ языкомъ, я занимался испанскимъ языкомъ и, при сравнительной его легкости, успѣлъ прочитать нѣсколько пьесъ Кальдерона и почти всего „Донъ-Кихота". Въ февралѣ меня одолѣла невыносимая головная боль и нервные припадки, сопровождаемые галлюцинаціями слуха. Къ этому, какъ кажется, расположило меня то, что, бывши передъ тѣмъ въ банѣ, я, по совѣту смотрителя, дозволилъ окатить себѣ голову ледяной водой и въ то же самое время — парить свое тѣло вѣниками. Докторъ, призванный ко мнѣ, сказалъ, что по моемъ освобожденіи мнѣ будетъ полезно гидропатическое лѣченіе холодной водой, а я, не желая откладывать надолго такого рода пользованіе, сталъ лѣчиться водою въ крѣпости. Каждый день меня выпускали въ садъ на полчаса, а потомъ и на долѣе; я раздѣвался, становился подъ жолобъ и пускалъ себѣ водяную струю на спину. Смотритель, большой поклонникъ гидропатіи, не только не препятствовалъ мнѣ дѣлать эти эксперименты, но еще одобрялъ ихъ — и въ самомъ дѣлѣ въ мартѣ здоровье мое стало поправляться. Этому пособило еще и то, что, по совѣту доктора, я пересталъ заниматься греческимъ языкомъ, какъ занятіемъ черезчуръ тяжелымъ для заключеннаго, и сталъ читать французскіе романы. Я прочелъ тогда всѣ сочиненія Жоржъ-Занда. Весною, съ появленіемъ зелени, мнѣ еще стало лучше и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ 30 мая, когда оканчивался срокъ моего заточенія и меня, какъ я надѣялся, должны были вывести изъ крѣпости.

Долго жданный день наступилъ. Часовъ въ семь утра ко мнѣ въ комнату принесли мой чемоданъ; пришелъ смотритель и предложилъ расписаться въ обратномъ полученіи моихъ вещей и утвержденіи счета издержкамъ, дѣлаемымъ изъ находившихся у него моихъ денегъ, потраченныхъ на сахаръ, чай, сигары, сливки и хлѣбъ къ чаю. По окончаніи разсчетовъ смотритель объявилъ, что пора ѣхать. Мы вышли, перешли мостъ, за воротами равелина стояла уже карета; мы сѣли въ нее и поѣхали, направляясь къ III-му отдѣленію. Это былъ праздникъ св. Троицы. Мы застали въ канцеляріи дѣлопроизводителя секретной экспедиціи, который объявилъ мнѣ, что я пробуду нѣсколько дней въ III-мъ отдѣленіи, а потомъ буду отправленъ къ мѣсту ссылки. Мнѣ отвели въ верхнемъ этажѣ свѣтлую комнату, хорошо меблированную, съ окномъ, выходящимъ на улицу. За дверьми, въ корридорѣ, посадили солдата, но безъ ружья. Черезъ часъ посѣтилъ меня генералъ Дуббельтъ. Здѣсь я прожилъ четырнадцать дней. Каждый день ко мнѣ приходила матушка. Столъ давали мнѣ хорошій, изъ лучшаго ресторана; за каждымъ обѣдомъ приносили хорошее вино; дали также цѣлый ящикъ гаванскихъ сигаръ. Окно было постоянно отворено.

Однажды позвали меня въ канцелярію и сказали, что Государь Императоръ изволилъ приказать графу Орлову спросить меня, не хочу ли я куда-нибудь потеплѣе вмѣсто Вятки и не нужно ли мнѣ денегъ. Я поблагодарилъ и сказалъ, что если такова милость Государя, то я бы просилъ отправить меня въ Крымъ, такъ какъ по совѣту врача для моего здоровья было бы полезно морское купанье. Эта просьба передана была графу Орлову, а потомъ мнѣ объявили, что графъ сказалъ: „Тамъ поэзіи много, пусть лучше ѣдетъ по выбору въ какой-нибудь изъ четырехъ городовъ юго-восточной Россіи: Астрахань, Саратовъ, Оренбургъ или Пензу“. Подумавши, я избралъ Саратовъ, такъ какъ сообразилъ, что тамъ пригоднѣе будетъ купаться. Мнѣ дали триста рублей вспоможенія. При заключеніи меня въ крѣпость, матери моей выдали уже сумму, составлявшую мое годовое жалованье по должности адъюнктъ-профессора. Въ день, назначенный къ отъѣзду, генералъ Дуббельтъ призвалъ меня въ свой кабинетъ и показалъ отношеніе обо мнѣ къ саратовскому губернатору, въ которомъ, послѣ оффиціальнаго содержанія, было прописано рукою графа Орлова: „Прошу васъ быть къ нему милостиву, онъ человѣкъ добрый, но заблуждался, но теперь искренно раскаялся“. Затѣмъ генералъ Дуббельтъ сказалъ мнѣ, что если я гдѣ захочу остановиться, то могу. Я изъявилъ

ему желаніе остановиться въ Новгородѣ, котораго я никогда не видалъ и который привлекалъ меня своимъ историческимъ значеніемъ. Дуббельтъ передалъ мое желаніе офицеру, назначенному для поѣздки со мною, и приказалъ остановиться въ Новгородѣ на столько времени, на сколько я сочту нужнымъ для его обозрѣнія, и съ своей стороны велѣлъ употребить всѣ зависящія мѣры для доставленія мнѣ возможности видѣть все, что я сочту интереснымъ.

Прощаясь со мною, Дуббельтъ сказалъ: „Для васъ сдѣлали все, что могли, но, конечно, вы не должны ожидать себѣ большихъ благъ. Знаете, мой добрый другъ, люди обыкновенные, дюжинные стараются о собственной пользѣ и потому добиваются видныхъ мѣстъ, богатствъ, хорошаго положенія и комфорта; а тѣ, которые преданы высокимъ идеямъ и думаютъ двигать человѣчество, тѣ—вы сами знаете—какъ сказано въ священномъ писаніи: ходятъ въ шкурахъ козьихъ и живутъ въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ“.

15-го іюня, въ четыре часа по полудни, я простился съ матушкой, условившись съ нею, что она пріѣдетъ въ Саратовъ вслѣдъ за мною. Я поѣхалъ съ офицеромъ и жандармскимъ солдатомъ на перекладной. Только что я выѣхалъ изъ Петербурга, какъ на моемъ лицѣ показались капли крови: то было слѣдствіе долговременнаго сидѣнія взаперти и малаго пользованія свѣжимъ воздухомъ. Въ Новгородѣ мы остановились и отправились въ Софійскій соборъ, гдѣ осматривали ризницу; потомъ—Юрьевъ монастырь, гдѣ дѣлали то же; затѣмъ сдѣлали экскурсію по разнымъ городскимъ церквамъ, достопримѣчательнымъ въ исторіи, и объѣхали весь городъ. По краткости времени я не имѣлъ возможности познакомиться съ Новгородомъ такъ основательно, какъ имѣлъ случай впослѣдствіи, но посѣщеніе этого стараго города сильно охватило мое воображеніе, такъ что я тогда же написалъ гекзаметромъ стихотвореніе, въ которомъ изобразилъ явленіе разныхъ историческихъ лицъ страннику, взошедшему на Ефимьевскую колокольню. Стихотвореніе это я тогда же прочиталъ своему проводнику (оно не сохранилось).

Въ этотъ же годъ (1848) по всей Россіи свирѣпствовала холера. Въ Твери, при моихъ глазахъ, умеръ привезшій насъ на станцію ямщикъ, съ которымъ на дорогѣ сдѣлался холерный припадокъ. Въѣзжая въ Москву, мы встрѣтили цѣлый обозъ съ покойниками. Вездѣ по дорогѣ тревожили насъ угрожающія извѣстія о холерѣ. Въ нѣкоторыхъ селахъ слышали мы благо-

вѣстъ и на вопросы наши ямщики говорили, что „люди умирать собираются и Богу каются“.

24-го іюня вечеромъ мы прибыли въ Саратовъ. Офицеръ, провожавшій меня, привезъ меня прямо къ губернатору Кожевникову и получилъ отъ него квитанцію въ передачѣ такой казенной вещи, какою я тогда сдѣлался. Уже болѣе года я находился подъ присмотромъ дядекъ и по выходѣ изъ губернаторскаго дома очутился наконецъ съ правомъ находиться безъ конвоя. Офицеръ, привезшій меня, приглашалъ ѣхать съ нимъ въ гостинницу, но я такъ обрадовался своей физической свободѣ, что захотѣлъ прежде побѣгать по незнакомому городу и потомъ уже явиться въ гостинницу. Такъ я и сдѣлалъ и, не зная города, забрелъ совсѣмъ въ другую сторону отъ мѣста, гдѣ была гостинница, и потомъ уже по распросамъ нашелъ ее. Провожавшій меня до Саратова жандармскій офицеръ на другой день уѣхалъ. Я остался одинъ въ совершенно-невѣдомомъ городѣ, въ чужомъ краѣ, гдѣ у меня не было ни близкихъ, ни знакомыхъ. Нѣсколько дней я прожилъ въ гостинницѣ и въ это время за стѣною моего номера услышалъ однажды шумъ, суетню и стоны; потомъ мнѣ объяснили, что въ сосѣдствѣ со мною заболѣлъ холерою и, проболѣвши два часа, скончался пріѣзжій изъ Петербурга флигель-адъютантъ Столыпинъ. Этотъ случай очень поразилъ меня. Когда я выходилъ гулять и заходилъ въ церковь, то глаза мои непріятно поражались видомъ приносимыхъ гробовъ, а на мои вопросы мнѣ сообщали, что въ городѣ свирѣпствуетъ сильная холера, но не такая, какая была здѣсь прошлый годъ: умираетъ человѣкъ до ста въ день, тогда какъ прошлый годъ число умиравшихъ доходило до нѣсколькихъ сотъ въ день; за то въ настоящій годъ заболѣвшихъ смерть постигаетъ скорѣе, чѣмъ прошлый годъ. Я не очень боялся холеры, покупалъ себѣ ягоды и ѣлъ ихъ со сливками, что̀ считалось тогда опаснымъ.

Черезъ нѣсколько дней я началъ искать себѣ квартиру и нашелъ.

ИЗЪ ДЕТЛЕФА ФОНЪ ЛИЛІЕНКРОНА

I.

Колыбельная.

Предъ окошкомъ дремлетъ кленъ,
Межъ деревьевъ бродитъ сонъ,
Мѣсяцъ по небу плыветъ
И сквозь сонъ пѣтухъ поетъ.
Спи, мой мальчикъ, спи!

Спи, родной, я въ часъ ночной
Поцѣлую ротикъ твой.
Разметался ты со сна,
Ножка толстая видна.
Спи, мой мальчикъ, спи!

Спи, родной,—вѣдь впереди—
Вѣтры, бури и дожди,
И пройдя кремнистый путь,
Ты захочешь отдохнуть.
Спи, мой мальчикъ, спи!

Предъ окошкомъ дремлетъ кленъ,
Межъ деревьевъ бродитъ сонъ,
Мѣсяцъ по небу плыветъ
И сквозь сонъ пѣтухъ поетъ.
Спи, мой мальчикъ, спи!

II.

Къ музыкѣ.

Вдали—шарманка. Сердце внемлетъ чутко.
Встаетъ былое. Что нашъ міръ скорбей?
Игра тѣней? Видѣнье? Злая шутка?
Приходитъ смерть—мы отдаемся ей.

Девятая симфонія: на небѣ.
Умолкни, сердце! Конченъ съ жизнью счетъ.
Возьметъ тебя, подниметъ властный жребій
И отъ земной юдоли увлечетъ.

III.

Моя душа.

Какъ улица, гдѣ вѣчной чередою
Проходятъ люди суетной толпою,
И гдѣ стучатъ колеса и копыта —
Познала много ты, моя душа.

То озарясь взлетомъ вдохновенья,
То оскверняясь скверною паденья,
И вороньемъ исклевана досыта —
Страдала много ты, моя душа.

Заглохли звуки радостнаго звона,
И радуга исчезла съ небосклона,
По мелочамъ растрачена, изжита
И въ розницу распродана душа.

Но юность плещетъ звонкими ключами,
И все же ты, бряцая бубенцами,
Для дѣтскихъ игръ и шалостей открыта,
Загадочная, странная душа.

И. Мандельштамъ.

ИЗЪ „МУЖСКИХЪ ПИСЕМЪ“
ПОЛЯ АНДРЭ

Окончаніе *).

7.

Докторъ Дарло—Г-жѣ Бранжье.

Помните ли вы еще совсѣмъ маленькаго, веселаго, бѣлокураго, худенькаго, милаго мальчика, который выглядѣлъ старше своихъ четырехъ лѣтъ, и котораго вы такъ ласкали, когда были у насъ въ послѣдній разъ? Онъ приходилъ тогда играть съ моими дѣтьми, въ то время какъ его мать, г-жа Ледерванъ, болтала съ вами и съ Терезой.

Маленькаго мальчика г-жи Ледерванъ звали Жюль. Я увѣренъ, что вы его помните. Онъ такъ смѣшно называлъ васъ „мадамъ Трандье“.

Жюль былъ при смерти, и мнѣ хотѣлось поскорѣе сообщить вамъ, что онъ спасенъ по счастливой случайности. Это извѣстіе принесетъ вамъ радость. И вмѣстѣ съ тѣмъ его выздоровленіе обозначаетъ столь чудесную исторію, что я хочу разсказать вамъ ее.

Она принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя нельзя придумать. Эта маленькая драма заставитъ васъ заплакать, настолько она отличается трагической наивностью...

---

*) См. мартъ, стр. 169.

Въ своей маленькой постели ребенокъ страдалъ. Отецъ и мать, потерявъ всякую надежду, плакали въ сосѣдней комнатѣ. Смерть должна была придти, унести милую, дорогую крошку. Я вынужденъ былъ предупредить г-на Ледервана. Его жена, не смотря на тревогу и отчаяніе, угадывала, что скоро наступитъ ужасный конецъ. Муки бѣдняжки вызывали состраданіе.

Еще разъ я пошелъ посмотрѣть вблизи на маленькаго умирающаго, который долженъ былъ быть задушенъ крупомъ. А мать просила у Бога чуда, видя, что я ничего не могу сдѣлать. И все же она обращалась ко мнѣ, умоляя меня спасти херувима, нервно сжимая мои руки и рыдая: „вы вылѣчите его, докторъ, скажите, онъ поправится"?

Я отвѣчалъ: „можетъ-быть", но я былъ увѣренъ, что нѣтъ.

Затѣмъ и я началъ думать о чудѣ... Нагнувшись къ лицу мучительно страдающаго ребенка, я старался улыбнуться. Въ рукѣ, скрытой отъ его глазъ, полныхъ слезъ, я держалъ инструментъ, отъ котораго ждалъ чуда... Я говорилъ на ухо кротко очень нѣжныя, почти веселыя, льстивыя слова: „послушай, дѣточка, открой ротикъ, покажи, гдѣ у тебя бобо... Послушай, будь умникъ, засмѣйся, милый, чтобы мама пришла. Скажи, Жюль, покажи бобо доктору, открой ротикъ"...

Но онъ не хотѣлъ. Я даже не знаю, слышалъ ли, понималъ ли онъ меня. Боль была очень сильна; онъ не плакалъ, но все сильнѣе и сильнѣе стоналъ. Однако я колебался еще минуту. Я пошелъ за отцомъ и поспѣшно, нервнымъ, почти грубымъ тономъ сказалъ ему:

— Не откладывая ни минуты, надо его заставить открыть ротъ. Я пытался: онъ не хочетъ. Онъ слишкомъ страдаетъ. Между тѣмъ я долженъ видѣть, вблизи, хорошо видѣть его горло. *Можетъ-быть*, мнѣ удастся спасти его.

Отецъ нагнулся къ бѣдняжкѣ, ласкалъ, цѣловалъ его, говорилъ ему нѣжныя слова, убѣждалъ его, умолялъ:

— Послушай, ты долженъ показать твой ротикъ, дорогой мой. Ты такой милый, сдѣлай удовольствіе папѣ. Тебѣ больше не будетъ больно, ты увидишь. Жюль, ну послушай, сдѣлай удовольствіе папѣ!

Ребенокъ, казалось, не понималъ. Онъ точно затихалъ, точно какое-то оцѣпенѣніе охватывало его. Медленныя слезы катились по его блѣднымъ щекамъ; стоны, выходившіе изъ его горла, были менѣе остры, но продолжительны и мучительны.

— А мамѣ — продолжалъ отецъ, — ты покажешь мамѣ, ты

откроешь ротикъ, если она тебя попроситъ? Скажи, дорогой, чтобы не огорчать маму...

Въ сосѣдней комнатѣ, мать слушала эти слова и въ тревогѣ ждала конца этой драмы.

Надо было сильное напряженіе воли, чтобы мать сдѣлала улыбающееся лицо, остановила слезы у края рѣсницъ...

Ребенокъ не послушалъ и ея, какъ отца и меня. Казалось, онъ даже не взглянулъ на нее. Вся любовь этой бѣдной матери не могла найти словъ, которыя были необходимы, чтобы побѣдить упорство, съ которымъ бѣдный больной противился безутѣшнымъ мольбамъ. Послѣ долгихъ уговоровъ, она говоритъ:

— Дорогой мой, кому же ты покажешь, если не мамѣ?

Жюль прислушался. Намъ показалось, что онъ хотѣлъ на что-то рѣшиться. Мы угадали въ эту минуту точно какое-то движеніе его ручекъ, вытянутыхъ подъ одѣяломъ, во взглядѣ его глазъ, полныхъ слезъ... Совсѣмъ тихо, тихо, на ухо матери онъ сказалъ:

— „Св. Николаю“.

Эти два слова были точно шопотъ, дуновеніе. Г-жа Ледерванъ не была даже увѣрена, что онъ произнесъ ихъ.

Тѣмъ не менѣе, она вдругъ вытянулась. Она вышла въ другую комнату, дѣлая намъ знакъ слѣдовать за нею, и тамъ, безъ одной слезинки, чтобы не опоздать, она поспѣшно принялась за дѣло.

Это было трогательно, комично и мучительно. Это было такъ неожиданно, что вызывало смѣхъ среди слезъ. Эти добрые люди, находившіеся въ отчаяніи, и я самъ, скептически настроенный, но не желавшій ни въ чемъ мѣшать имъ—были охвачены лихорадочной энергіей. Отецъ ходилъ по дому, собирая множество вещей. Прислуга сбѣгала купить цѣлую корзину игрушекъ. Сестра милосердія, около маленькаго умирающаго, спустила сторы, закрыла ставни, чтобы комната стала темной и таинственной.

Вы знаете, что г. Ледерванъ маленькаго роста, что онъ едва дойдетъ мнѣ до плеча. Онъ долженъ былъ подняться на стулъ, чтобы надѣть на мою голову парикъ и большую бороду изъ ваты, устроенную кое-какъ. Сердце разрывалось при видѣ дрожащихъ пальцевъ, спѣшившихъ окончить этотъ маскарадъ, въ то время какъ слезы падали изъ глазъ отца на бумажную митру, которую онъ надѣвалъ на меня, а мать прикалывала булавками красный коверъ, въ который я торжественно завернулся.

Горничная разрисовала себѣ лицо, которое скрывала на

половину подъ большой шляпой. Въ большомъ платкѣ, постукивая своими деревянными башмаками, размахивая огромной вѣткой—это былъ Ганструфъ.

Мнѣ дали въ руку фонарь, а подъ складкой моей одежды я пряталъ снарядъ, который могъ спасти ребенка.

Отецъ и мать подошли къ изголовью ребенка. Они говорили дорогому мальчику ласковыя слова, не подготовляя его къ неожиданности.

Дверь открылась, и человѣкъ въ митрѣ показался, весь сверкающій, со своимъ фонаремъ. Сестра милосердія, родители наклонились. Я приблизился къ нимъ и торжественно благословилъ ихъ. Они поднялись и церемонно подвели меня къ постели. Ганструфъ слѣдовалъ за мною, неся игрушки, подарки.

Я подалъ полишинеля, саблю и лошадей на колесикахъ пораженному, обрадованному ребенку. „Св. Николай!“—сказалъ онъ, медленно, въ экстазѣ очарованія и счастья...

Затѣмъ онъ улыбнулся, протянулъ свои маленькія, блѣдныя и худенькія руки на встрѣчу таинственному явленію, принимая ласки святого.

Однако, сомнѣнія чувствовались въ умѣ ребенка. Его научили знать и уважать св. Николая, котораго можно было видѣть только одинъ разъ въ году, зимою, когда сидятъ у очага и снѣгъ покрываетъ улицу.

Теперь на улицѣ было солнце, и никто не ждалъ св. Николая.

— Почему ты пришелъ теперь?

— Чтобы тебя повидать, Жюль, потому что Ганструфъ сказалъ мнѣ, что ты былъ умникомъ.

— Почему же у тебя волосы не всѣ сѣдые?

Подъ ватой, наложенной кое-какъ, можно было различить мои очень черные волосы и мои усы.

— Почему, Жюль?—но потому что я пришелъ изъ Россіи, видишь ли, гдѣ зима. Изъ Россіи... гдѣ зима, когда здѣсь лѣто... Въ Россіи теперь снѣгъ. И вотъ почему тамъ у меня черные волосы. И такъ какъ я хотѣлъ скорѣе попасть къ тебѣ, изъ Россіи, у меня не было времени измѣнить волосы. И я сохранилъ почти всѣ мои черные волосы, понимаешь?.. Такъ какъ я не хотѣлъ опоздать. Ганструфъ сказалъ, что ты былъ боленъ, и что у тебя сильное бобо.

— О, да, св. Николай!

— Гдѣ, Жюль, покажи мнѣ!

И я взялъ его голову въ лѣвую руку, и моя длинная борода разложилась по одѣялу постели.

— Покажи хорошенько св. Николаю, гдѣ у тебя болитъ?

— Тамъ, тамъ!—сказалъ ребенокъ, и онъ открылъ широко ротъ, показывая горло, охая, улыбаясь святому.

— Вотъ и все, маленькій Жюль, вотъ и все. Но будь умникомъ, подержи твой ротъ открытымъ, вотъ такъ, и дай мнѣ сдѣлать. Ты увидишь, я возьму твою болѣзнь. У тебя не будетъ больше бобо. Посмотри, какъ мама рада.

Я быстро оперировалъ, говоря съ нимъ, и вотъ какимъ образомъ св. Николай спасъ нашего маленькаго друга Жюля...

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи. *Дарло.*

8.

Фернандъ Дартуа къ Г-жѣ А. Х. Б. До востребованія.

Моя дорогая Ирма,

Я принужденъ просить тебя извинить меня, если я не смогу завтра ожидать тебя, какъ я обѣщалъ. Неожиданно меня вызываютъ въ театръ; собраніе назначено какъ разъ на тотъ часъ, когда ты разсчитывала меня видѣть, и я обѣщалъ, что приду непремѣнно.

Ты видишь, что я откровененъ. Къ тому же, зачѣмъ было бы мнѣ придумывать тотъ или другой предлогъ, чтобы объяснить тебѣ невозможность тебя принять? Очевидно, нѣтъ ничего безотлагательнаго въ необходимости побесѣдовать съ костюмеромъ, сдѣлать указаніе режиссеру или получить просто приказаніе отъ дирекціи по поводу неожиданной замѣны спектакля, въ одинъ изъ этихъ вечеровъ.

Но я дурно настроенъ въ эту минуту и охваченъ сильнымъ приливомъ немного грубой искренности.

Я предпочитаю, хотя и рискуя огорчить тебя, говорить откровенно. Это печалитъ меня самого, повѣрь мнѣ, такъ какъ мнѣ все равно, видѣть ли слезы, или сознавать, что гдѣ-нибудь плачутъ по моей винѣ. Наше занятіе пріучаетъ насъ присутствовать при вымышленныхъ огорченіяхъ, слушать ложныя рыданія, видѣть передъ собою на сценѣ проявленія поддѣльнаго отчаянія. Можетъ-быть, поэтому мы не находимъ больше въ своемъ сердцѣ, когда хотимъ, того сожалѣнія и той нѣжности, которыя нужны, чтобы плакать искренно и испытывать волненіе равное тому, которое мы вызвали. Мы не владѣемъ больше умѣньемъ разли-

чать истину, не отдаемъ себѣ отчета, играемъ ли мы комедію въ жизни, или переживаемъ что-нибудь на сценѣ?

Вы меня любите и открылись мнѣ въ этомъ. Вмѣстѣ съ вашимъ „чепчикомъ“ вы откинули всѣ предразсудки и людскія сужденія, можетъ-быть семейное счастье, уваженіе къ вамъ, какъ къ матери, во всякомъ случаѣ окружавшую васъ почтительность. Кто знаетъ, не соединялся ли съ этимъ нѣкоторый остатокъ стыда? Это еще встрѣчается, хотя рѣдко. Но что я знаю о васъ?

Разсѣянный, хотя и немного польщенный, признаюсь, я съ улыбкой слушалъ ваши восторженныя слова. Я допустилъ ваши безумные поцѣлуи, желавшіе заблудиться въ завиткахъ моихъ усовъ, которые, благодаря моему уходу за ними, становятся неотразимыми. Наконецъ, я позволилъ вамъ полюбить меня. Вы видите, что я цѣню себя не больше, чѣмъ этого стою. Обиліе искусственности, среди которой проходитъ наша жизнь, вызываетъ въ насъ, при случаѣ, возвратъ къ искренности. Наша неловкая откровенность доходитъ до грубости.

Сегодня я вамъ говорю: съ меня довольно, не старайтесь больше меня увидѣть, это только наскучило бы.

Равнодушное пресыщеніе слишкомъ близко къ безцеремонному презрѣнію, чтобы вы могли рискнуть, настаивая дальше, стать тѣмъ, чѣмъ для меня были другія—или, увы, будутъ!..

Я говорю: увы! потому что мнѣ часто казалось, что любовь должна быть радостной и нѣжной! Я столько слышалъ разговоровъ о любви, столько разъ видѣлъ ее щедро расточаемой у насъ на сценѣ передъ рампой, что я тоже почувствовалъ влеченіе къ ней. Но я не думаю, чтобы я когда-нибудь могъ удовлетворить это влеченіе. Какъ многія другія, вы были для меня прекраснымъ альбомомъ чудесныхъ картинъ, который перелистываешь съ очарованіемъ и закрываешь, чтобы никогда не открыть его снова. Можно найти еще столько другихъ страницъ для переворачиванія, если есть желаніе!

Затѣмъ, вы были для меня образомъ, лишеннымъ имени. Это—одна изъ главныхъ причинъ, почему я рѣшился стать для васъ окончательно чужимъ.

Я—простой актеръ. Вы—знатная дама, или, по крайней мѣрѣ, вы кажетесь ею. Вамъ недостаетъ искренности.

Цѣлый міръ, вѣрнѣе „свѣтъ“—раздѣляетъ насъ: это что-то непреодолимое! Вы находитесь наверху іерархіи, построенной на условностяхъ, а я являюсь въ ней самымъ низкимъ элементомъ, еще болѣе несчастнымъ и страдающимъ отъ того, что

мой внѣшній обликъ словно указываетъ на общественное положеніе, привилегіи котораго я не могу приписывать себѣ. Къ моимъ заученнымъ жестамъ, къ „естественному тону“ (въ сущности — такъ хорошо изученному), который хвалятъ въ моей игрѣ; къ волнующимъ чудеснымъ фразамъ, которыя я повторяю; къ страстнымъ порывамъ, которые мнѣ не принадлежатъ; къ моей внѣшности, приспособленной къ смѣнѣ тѣни и свѣта—ко всему этому вы устремились, какъ бабочка летитъ на огонь.

Замѣтьте, что много другихъ раньше васъ обманывали себя тѣми же иллюзіями!

Актеръ, который поетъ или говоритъ чудесныя слова любви, если ему еще помогаетъ величавость обманчивой обстановки, можетъ внушать сильныя страсти, возбуждать желанія, — всего чаще даже не добиваясь этого.

Уже пресыщенный, я больше не испытываю мелкой гордости самолюбія, свойственнаго новичкамъ. Будьте увѣрены, что я очень сожалѣю объ этомъ.

Вотъ почему, если у меня еще нѣтъ достаточно закаленнаго характера, чтобы отвѣтить отказомъ на вниманіе женщины, я уже умѣю настолько владѣть собою, чтобы разрывать по своему желанію интригу, или, вѣрнѣе—не начинать снова уже оконченное приключеніе.

Вы прислали мнѣ булавку съ большой дорогой жемчужиной. Футляръ былъ обернутъ въ записку, полную восторженнаго поклоненія. Вы писали: если булавка колетъ и ранитъ, то она и привязываетъ.

Я вамъ отослалъ булавку; я сжегъ записку и отвѣтилъ: *да* на пламенную просьбу свиданія. Это была почти мольба — этотъ призывъ къ моей доброй душѣ, „сострадательной къ увлеченію сердца, полюбившаго навсегда“... Я поступилъ бы нехорошо, еслибъ выказалъ себя безчувственнымъ.

Мы видѣлись таинственно, съ осторожностью заговорщиковъ: три вечера, не правда ли, если память мнѣ не измѣняетъ?

Я овладѣлъ вами съ радостью. Я не отрицаю этого, не изъ вѣжливости, но желая быть искреннимъ. Я благодарю васъ за нѣсколько чудесныхъ часовъ.

Я старался какъ можно лучше воздать вамъ тѣмъ же, что̀ вы давали мнѣ: мы квиты. Или, вѣрнѣе, не совсѣмъ.

И вотъ въ чемъ причина этого письма, можетъ-быть жестокаго, но во всякомъ случаѣ вполнѣ правдиваго.

Я давалъ вамъ больше, чѣмъ получалъ отъ васъ, и если я не люблю обманывать, то я не хочу также быть въ глупомъ

положенiи. Любовь должна быть полнымъ чувствомъ, сильнымъ и возвышеннымъ. По крайней мѣрѣ, этому учила меня красивая литература, которую я повторяю каждый вечеръ въ чудесныхъ тирадахъ.

То, что толкнуло васъ ко мнѣ, надо предположить, была любовь. Я не могу иначе опредѣлить это или, скорѣе, я не хочу останавливаться на обсужденiи и подыскиванiи именъ. И вотъ, эта любовь, это чувство не имѣло той силы и того величiя, которыя необходимы, чтобы заставить васъ пожертвовать всѣмъ.

Я долженъ былъ обладать вами анонимно, въ полной тишинѣ и тайнѣ.

Я актеръ, въ банальномъ смыслѣ—первый любовникъ изъ комедiи, не обязанный ни о чемъ молчать, ничего „уважать", ничего хранить. Вы знали, откуда я приходилъ, куда я стремился, что меня занимало. Вы знали мою квартиру; вы могли разсѣянно блуждать среди моихъ бездѣлушекъ, входить въ мою интимную жизнь, знать мои заботы и радости. Въ концѣ концовъ, вы вкоренились въ мою жизнь.

Я же зналъ ваше тѣло, ваши поцѣлуи, ваши духи, вашъ смѣхъ, ваши ласки и ваши трепетныя желанiя, ваши лихорадочные взгляды, устремленные изъ зала на сцену, вечеромъ—нѣсколько словъ, нацарапанныхъ измѣненнымъ почеркомъ—и больше ничего.

Я васъ звалъ Ирмой; я думаю, что это не ваше настоящее имя, а просто имя предназначенное для облегченiя дiалога, изъ желанiя придать ему поддѣльный характеръ довѣрчивой близости.

Я пишу вамъ до востребованiя; я не знаю ни вашего имени, ни вашего жилища—не знаю, честная вы женщина или кокотка?

Еслибы я былъ красавцемъ изъ вашего „круга", или еслибы у меня было достаточно золота, чтобы быть выставленнымъ на показъ, какъ достойный покровитель вашей красоты, вы гордились бы мной и я могъ бы хвастать повсюду, что я—вашъ любовникъ; вы внушали бы зависть, заявляя, что вы—моя возлюбленная.

Теперь вы боитесь неосторожнаго слова изъ моихъ тщеславныхъ устъ.

Вы, можетъ быть, воображаете, что въ нашемъ сословiи не умѣютъ страдать? Нѣтъ: находится иногда и у насъ достаточно собственнаго достоинства, чтобы крикнуть, какъ я дѣлаю—безъ всякаго уваженiя,—что лучше, въ концѣ концовъ, любовь кра-

сивой мелкой актрисы, чѣмъ таинственная страсть высокопоставленной дамы, если послѣдняя надѣваетъ три вуаля, чтобы придти раздѣться втайнѣ у насъ, измѣняетъ все, можетъ-быть даже звукъ своего голоса, и искренна только въ своихъ желаніяхъ и своемъ безстыдствѣ. Та и другая любовь бываетъ одинаково непродолжительна—и право, мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, кѣмъ владѣемъ!

Не принимайте этихъ суровыхъ и горькихъ словъ только на свой счетъ. Къ тому же, они не могутъ задѣть никого, даже васъ. Я адресую ихъ тремъ иниціаламъ, на почту, до востребованія, гдѣ всякое бываетъ...

И вы не первая и не послѣдняя женщина, которую увлекаютъ рулады какого-нибудь тенора или признанія драматическаго любовника.

Повѣрьте, что если я не могу предложить вамъ ничего лучшаго, то я все же обязанъ васъ благодарить за нѣсколько часовъ истиннаго наслажденія.—*Фернандъ Дартуа*, артистъ изъ „Современнаго" театра.

9.

Жанъ Макинэ къ M-lle Бертѣ Рэно де-Савиньоль.

(На палубѣ парохода „Городъ Антверпенъ", въ виду острова Мадера.)

Mademoiselle,

Я не знаю, дойдетъ ли до васъ это письмо. Самое большое—я могу надѣяться на это. Я не знаю, какъ отнесется къ нему ваша тетушка, на имя которой я его посылаю, съ настойчивою просьбой передать его вамъ. То, что внушаетъ мнѣ меньше страха—это пріемъ, какой встрѣтитъ у васъ мое смѣлое, неожиданное посланіе, если оно будетъ передано вамъ нетронутымъ и неизмѣненнымъ. Вотъ скоро два года, какъ я подвергъ себя изгнанію, забвенію и самому мучительному добровольному молчанію... Когда неожиданно, безъ видимой причины, я разсказалъ о своемъ неизбѣжномъ отъѣздѣ въ Африку, всѣ удивились. Немногіе повѣрили въ мою внезапную жажду приключеній и героической жизни, которую я выставлялъ единственнымъ мотивомъ. Никто, къ счастью, не подозрѣвалъ о настоящей причинѣ моей добровольной службы въ Африкѣ. Никто, разумѣется, изъ тѣхъ лицъ, которыя и не должны были ничего знать.

Можетъ-быть, ваши родители, ваша тетушка, всегда такая

добрая, такъ сильно преданная нашей дорогой тайнѣ и нашимъ надеждамъ, наша единственная покровительница и повѣренная, могли отгадать настоящія причины моего внезапнаго рѣшенія. Вамъ одной категорически могло ваше сердце раскрыть эти причины.

Ничто въ моихъ словахъ или въ моемъ поведеніи по отношенію къ кому-либо—въ особенности по отношенію къ вамъ!—не могло меня выдать. Я умышленно избѣгалъ всякой опасности скомпрометировать васъ.

Васъ скомпрометировать! Да, всѣ окружающіе васъ были согласны, что любовь честнаго человѣка является опасностью для вашей чести...

Вы, оказывается, принадлежите къ другому кругу людей, чѣмъ я. Ваше сословіе и мое не могутъ слиться воедино, хотя бы и въ вполнѣ законномъ счастливомъ союзѣ. Вашему сердцу, въ особенности, было непонятно, что мое буржуазное разночинство, богатое только своею честностью, благородное своимъ званіемъ солдата, могло безъ высокомѣрія стремиться стать близкимъ къ вашему недоступному величію знатной дамы, богатой пышными наслѣдствами, благородной благодаря чудеснымъ гербамъ предковъ!

Прошло два года душевной пытки, два года, какъ я никому ничего не говорилъ объ этой драмѣ, заставившей страдать все мое существо. Я прожилъ этотъ долгій періодъ времени въ страданіяхъ, лишеніяхъ и опасностяхъ. Но все это—ничто по сравненію съ навязчивою душевною мукой, безъ облегченія, доставляемаго возможностью добиться утѣшенія. Вы поймете это и, наконецъ, простите, что я сегодня собрался бесѣдовать съ вами.

Во время моего изгнанія, письма друзей часто говорили мнѣ о васъ. Они не имѣли иной цѣли, какъ послать „новости изъ отчизны". Онѣ говорили мнѣ, что красивая m-lle де-Сованьоль все еще не выходитъ замужъ, что m-lle де-Сованьоль, казалось, отрѣшилась отъ міра. Однажды мнѣ писали о вашемъ вступленіи въ монастырь. Эти равнодушные люди ничего не понимали въ вашихъ поступкахъ. Всѣ сожалѣли о васъ. И затѣмъ перешли къ другимъ дѣламъ.

Я же зналъ, и мое сердце угадывало, издалека, состояніе вашего сердца...

Ваша душа была слишкомъ возвышенной и прекрасной, чтобы спуститься ниже того уваженія, которое я ей выказывалъ.

Однажды, нѣсколько недѣль тому назадъ, мужество покинуло меня. Есть положенія, которыя должны кончиться уступкой. Любовь, въ особенности, разрушаетъ самыя незыблемыя рѣшенія.

Я не буду извиняться здѣсь за мое теперешнее поведеніе, такъ какъ, я знаю, вы никогда не упрекнете меня въ немъ. Ахъ, только ваше мнѣніе на всемъ свѣтѣ имѣетъ для меня значеніе.

Я только объясню мой образъ дѣйствій, потому что откровенность, по отношенію къ вамъ, навсегда стала для меня закономъ.

Какъ бы жестоки ни были мучительныя воспоминанія, которыя вызовутъ въ нашихъ сердцахъ мои слова, я долженъ вкратцѣ возсоздать частицу нашего прошлаго.

Въ будущемъ сентябрѣ исполнится три года, какъ я увидѣлъ васъ впервые, въ замкѣ вашихъ родителей. Моя батарея во время маневровъ размѣстилась въ деревнѣ. Офицеры были помѣщены у крупныхъ помѣщиковъ. У васъ я встрѣтилъ очень корректный, роскошный, но холодный пріемъ. Это было больше, чѣмъ простая вѣжливость: замѣчалась усиленная заботливость, но не чувствовалось радушія.

Ваше появленіе потрясло все мое существо. Я чувствовалъ что-то сильнѣе гордости, предполагая, что вы не были ко мнѣ равнодушны. Я покинулъ замокъ вашего отца черезъ четыре дня. Я оставилъ тамъ свое сердце—но я уносилъ небольшую частицу вашего. Я оставилъ въ умѣ г-на и г-жи Рэно де Савиньоль болѣе чѣмъ когда-либо презрительное отношеніе къ скромному лейтенанту Макинэ, къ его трудному, тяжелому ремеслу, его скромнымъ потребностямъ, его безденежному будущему, его незнатнымъ родственникамъ и семьѣ...

Впослѣдствіи я часто встрѣчался съ вами во время вашихъ прогулокъ по городу, на скачкахъ, балахъ, гдѣ вы аккуратно показывались; въ паркѣ вашего замка, вокругъ котораго я блуждалъ верхомъ, скрываясь, къ счастью—не отъ васъ, такъ какъ вы удостаивали меня издали улыбкой. Мнѣ удалось познакомиться съ вашей доброй тетей, внушить ей уваженіе къ себѣ. Она пыталась защитить меня, не произнося моего имени, передъ вашими родными. Она согласилась поговорить съ вами обо мнѣ, и я могъ говорить съ нею о васъ. Однажды, наконецъ, вы должны были провести у нея вечеръ. Она увѣдомила меня объ этомъ. Я дождался счастья: снова видѣть васъ, говорить съ вами, оборвать лепестокъ за лепесткомъ всю любовь, распустившуюся въ моемъ сердцѣ, и, прежде всего, заручиться признаніемъ вашей любви, обѣщаніемъ вѣрности, которое вы такъ блистательно сдержали съ тѣхъ поръ.

Съ этой минуты я чувствовалъ себя сильнѣе—и я рѣшился на отчаянный шагъ. Можетъ-быть, вы даже до сихъ поръ не знаете объ этомъ.

Вашъ отецъ окончательно отказалъ мнѣ. Онъ потребовалъ, чтобы я не дѣлалъ никакихъ попытокъ сближенія съ вами. Онъ, забывшись, дошелъ до угрозъ, безполезныхъ и оскорбительныхъ.

Я повиновался его жестокой волѣ. На другой день я попросилъ командировку въ Африку. Я бѣжалъ молча, не оборачиваясь въ вашу сторону, къ вашей красотѣ, къ моей лучезарной мечтѣ, словно сошелъ съ ума...

Я пережилъ всѣ страданія, узналъ всѣ опасности, искалъ всѣхъ видовъ смерти. Я почти сталъ знаменитъ. Обо мнѣ писали въ газетахъ на родинѣ. Что изъ того? Вашъ пышный аристократизмъ оставался недоступнымъ для моего скромнаго положенія, какъ солдата.

Между тѣмъ, сомнѣнія преслѣдовали меня. Во время безсонницы, въ жаркія ночи; во время сновъ, всегда полныхъ воспоминанія о моей любви; во время длинныхъ одинокихъ походовъ, остановокъ въ лѣсу, трудныхъ стоянокъ, при грозящей опасности, въ сопровожденіи моихъ черныхъ носильщиковъ, преслѣдуемый лихорадкой, дикими звѣрями или враждебными племенами,—сколько разъ я спрашивалъ себя, имѣлъ ли я право дѣйствовать такъ, какъ я поступилъ?!..

Такъ называемая условная честь удержала меня нарушить запрещеніе, высказанное вашей семьей. Но, съ другой стороны, развѣ она давала мнѣ право не слушать вашего сердца? Мнѣ дали понять, что вы были готовы на все. Я зналъ васъ достаточно, чтобы утверждать, что вы согласились бы принять какой угодно проектъ, исходящій отъ меня. Вы согласились бы на какой угодно выходъ: возмущеніе, бѣгство... и кто знаетъ? можетъ-быть смерть. Я былъ полнымъ вашимъ... *владыкой*!...

Я спрашивалъ себя много разъ,—и это было для меня пыткой,—имѣлъ ли я *право* покинуть васъ? Развѣ любовь менѣе священна, чѣмъ покорность? Ни Богъ, ни мое сердце на эти вопросы не дали отвѣта...

...Шесть недѣль тому назадъ, письмо одного друга отыскало меня въ моемъ одиночествѣ. Оно говорило мнѣ о васъ, безсознательно, какъ и о многомъ другомъ. „Молодой баронъ де-Винньеръ уже давно хотѣлъ жениться на красивой Бертѣ де-Савиньоль. Съ обѣихъ сторонъ родители сдѣлали все, чтобы осуществился этотъ бракъ. Ничто не могло повліять на непреклонную дѣвушку. Все болѣе она замыкается въ печали и упорномъ одиночествѣ, котораго никто не понимаетъ".

Дальше шло подробное описаніе достоинствъ претендующаго на вашу руку барона. И этимъ объяснялось удивленіе

всѣхъ передъ неосуществившимся, хотя и столь естественнымъ союзомъ.

М-lle Берта, то, чего никто не угадываетъ, знаю я. Вы все еще меня любите, какъ и я васъ люблю. Наконецъ, я понялъ, что я долженъ отдаться весь, не смотря ни на что и ни на кого, этой любви.

Всегда можно чувствовать себя немного нездоровымъ въ убійственномъ климатѣ лѣсовъ Конго. Я выставилъ предлогомъ мою лихорадку. Уже достаточно часто меня хотѣли отправить домой. Я достаточно часто и энергично отказывался, чтобы теперь удовлетворили мою просьбу. Меня направляютъ въ Европу, и я ѣду...

Я ѣду. Я буду съ вами. Я возвращаюсь къ нашей любви. Я исполнилъ мой долгъ. Я пытался умереть за васъ. Ваше сердце не смогло забыть меня. Я пытался умереть; ни негры, ни пули, ни болѣзни не захотѣли моей жизни. Навѣрно, Богъ назначилъ ее вамъ. Я ѣду вамъ отдать ее.

Разумѣется, я знаю, что теперь, какъ и тогда, какъ и въ будущемъ, вашъ отецъ не дастъ согласія.

Тѣмъ не менѣе, изъ корректности, я возобновлю мое предложеніе. Если онъ откажетъ — въ чемъ я не сомнѣваюсь — я принадлежу вамъ. Я покину армію, гдѣ мнѣ не было бы дано заставить васъ уважать такъ, какъ вы того заслуживаете. Соединившись со мною внѣ брака, вы будете возбуждать негодованіе фальшиво добродѣтельныхъ людей и лицемѣровъ. Вы знаете, я ничего не хочу скрывать отъ васъ изъ неминуемыхъ огорченій. Но въ чемъ я могу вамъ поклясться, это въ томъ, что я честно буду зарабатывать нашу жизнь и вы будете счастливы.

М-lle Берта, будущее, основанное на величіи столь благородной и глубокой любви, какъ наша, обѣщаетъ намъ счастье. Если какое-нибудь огорченіе когда-нибудь нарушитъ вашъ нѣжный и дорогой покой, будьте увѣрены, что мои ласки всегда будутъ достаточно сильны, чтобы успокоить васъ. Онѣ охранятъ васъ отъ того, кто сдѣлаетъ попытку коснуться васъ; онѣ не дадутъ вамъ услышать ни одного оскорбительнаго слова; онѣ избавятъ ваши глаза отъ всякаго жеста, способнаго напугать и огорчить васъ.

Я возвращаюсь къ вамъ, я вашъ, моя дорогая, какъ и вы, я знаю, моя. Я хочу послать незапечатаннымъ это письмо вашей достойной тетушкѣ. Пусть она судитъ объ искренности чувствъ, его диктовавшихъ. Я увѣренъ, что она передастъ вамъ его. Какъ тогда она будетъ содѣйствовать нашему счастью! Я не

боюсь: черезъ нее я посылаю вамъ страстный поцѣлуй—нашъ первый поцѣлуй!.. Этотъ поцѣлуй будетъ нашимъ обрученіемъ, Берта, какъ поцѣлуй, обѣщающій вѣрное счастье... — *Жанъ Макинэ*.

P. S.—На другой день по прибытіи парохода, о чемъ будетъ объявлено въ газетахъ, я буду у вашей тетушки. Я приду безъ тревоги... я знаю, что вы будете тамъ.—*Ж.*

Перев. съ франц. М. Веселовская.

ШТОРМЪ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Транспортъ „Хунхузъ“ уже пять дней въ пути на Сахалинъ. Пять длинныхъ скучныхъ дней. Сегодня, по обѣщанію штурмана, около шести, семи часовъ—Александровскъ.

— Ну да мало ли что скажетъ Ванька: достаточно онъ уже насъ путалъ! — думаетъ молодой мичманъ Саша Воронецъ, расхаживая по мостику.

— Ну что, Пузыревъ, — обратился онъ къ сигнальщику — ничего не видно?

Никакъ нѣтъ, весь горизонтъ чистъ — отвѣчалъ рослый матросъ съ большой подзорной трубой въ рукахъ.

— Ну смотрите, смотрите! Кто первый замѣтитъ, тому три чарки.

Рулевые у штурвальнаго колеса посматривали тоже впередъ, отрываясь отъ компаса, и старались захватить первенство у сигнальщиковъ. На носу около фитиля собрались матросы и зубоскалили отъ нечего дѣлать, покуривая цигарки и то и дѣло сплевывая въ ведро или за бортъ.

— Ну, братцы, и погода же стоитъ!—говорилъ унтеръ-офицеръ Булыгинъ, разлегшись у борта:—это и на Сахалинъ-островъ не похоже. Вотъ въ прошломъ году насъ здѣсь такъ мотнуло, что кишкамъ больно.

— Въ эту пору здѣсь всегда мететъ—сказалъ боцманъ.

— Чего же оно мететъ здѣсь?—спросилъ молодой матросъ, съ маленькими русыми усиками колечками.

— А значитъ все съ Сибири сюда несетъ — отвѣчалъ Булыгинъ.

— Ну, теперь, слава Богу, ни разу и не тряхнуло, ровно что на саняхъ ѣдемъ.

— Вотъ онъ-те сани покажетъ, такъ мамашу вспомнишь— сплюнулъ на сторону унтеръ-офицеръ.

— Чего же мнѣ ему показывать: не впервые плаваю.

— Да ну, полно тебѣ, расхвастался, какъ баба на ярмаркѣ!— сказалъ укоризненно боцманъ.—Ей Богу, накличешь.

— Боцманъ! — раздался крикъ юнаго мичмана съ мостика.

Боцманъ Югуновъ, плечистый, сильный матросъ, съ большой окладистой бородой и рыжеватыми усами, сдѣлалъ видъ, что спѣшитъ на зовъ офицера и съ развальцемъ, широко разставляя ноги, подбѣжалъ къ мостику.

— Осмотри, Югуновъ, канатъ, все ли чисто, чтобы все было готово къ отдачѣ якоря.

— Вотъ не терпится-то щенку!—сообщилъ унтеръ-офицеру Югуновъ. — Еще и берега не видать, а онъ уже — „къ отдачѣ якоря".

Саша Воронецъ или, полностью, мичманъ Александръ Васильевичъ Воронецъ, отдалъ приказаніе и снова заходилъ по мостику. „Придемъ, можно будетъ и на берегъ—задумался онъ.— Все-жъ таки и на Сахалинѣ есть много интереснаго. Вотъ Ванька разсказывалъ, что превесело проводилъ тамъ время. Погода отличная; какъ придемъ, такъ и закатимся на берегъ. Да, закатимся!"—улыбнулся онъ своимъ мыслямъ.

Дѣйствительно, море было гладко какъ зеркало и только за судномъ, далеко, далеко уходя въ пространство, виднѣлась широкая, волнующаяся полоса, какъ слѣдъ, и наконецъ терялась на горизонтѣ. Вода здѣсь не блистала красками и сѣрая, однообразная, скучная, сливалась съ такимъ же сѣрымъ, низкимъ, безцвѣтнымъ небомъ и дѣлала видимое пространство какимъ-то ограниченнымъ, узкимъ и тѣснымъ. Какъ будто что-то давило и угнетало. Вѣтеръ не шелохнетъ, флаги безпомощно повисли вдоль снастей. Еслибы не тихое пошатываніе палубы, да не глухой стукъ машины, казалось бы, что судно не двигается.

— А это что, Пузыревъ? — спросилъ мичманъ, вглядываясь пристально въ туманную даль.

— А это, ваше благородіе, облако.

— Облако, а я думалъ: гора!—разочарованно проговорилъ Александръ Васильевичъ и отъ нечего дѣлать сталъ разглядывать лежащую въ стеклянномъ ящикѣ карту.

— Ваше благородіе, командиръ вышли — доложилъ другой сигнальщикъ.

Константинъ Николаевичъ Бутылкинъ былъ назначенъ командиромъ транспорта всего за день до похода, но уже со второго дня былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ со всей каютъ-компаніей. Онъ считался хорошимъ морякомъ и добрымъ товарищемъ и былъ бы уже давно командиромъ судна второго ранга, еслибы не пристрастіе къ вину. Онъ самъ говорилъ, что его фамилія вполнѣ соотвѣтствуетъ его аппетиту. Правда, онъ всегда прибавлялъ при этомъ, что когда онъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ молодымъ офицеромъ пріѣхалъ на востокъ, то не могъ выпить не то что бутылки, но даже и рюмки. Сколько уже исторій у него вышло изъ-за этого вина—разсказать невозможно. Послѣдній разъ—вотъ за это-то его и перевели съ эскадреннаго миноносца на транспортъ—онъ умудрился поставить миноносецъ на якорѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ при отливѣ и воды совсѣмъ не бываетъ. „А тутъ, какъ на грѣхъ,—разсказывалъ онъ самъ,—проходилъ мимо на крейсерѣ адмиралъ и видитъ, что мой миноносецъ, подпертый чѣмъ попало, стоитъ на пескѣ, какъ на столѣ. Не знали даже,—со смѣхомъ оканчивалъ онъ свое злоключеніе,—ставить ли для адмирала команду во фронтъ на палубѣ, или рядомъ на пескѣ. И то смѣшно, и другое". Теперь на переходѣ Константинъ Николаевичъ не пилъ ни одной рюмки и все время находился „въ грустяхъ", какъ выражался онъ.

— Ну что, не видно?—обратился командиръ къ мичману.— Ничего, не падайте духомъ, скоро увидимъ, уже близко.

Онъ поднялся на мостикъ, посмотрѣлъ на карту, на компасъ и, показавъ направленіе, сказалъ увѣреннымъ тономъ:—Сюда смотрите, вотъ здѣсь лучше всего увидите мысъ. Неясность какая-то, это бываетъ здѣсь другой разъ передъ штормомъ... А тепло, знаете, передернулъ онъ плечами.—Вотъ вамъ и сентябрь.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, тутъ виднѣется! — обернулся къ нимъ Пузыревъ, отрываясь отъ своей тяжелой трубы.—Вонъ, вонъ!—уставился онъ своимъ корявымъ пальцемъ.

— Да вижу, вижу! Удивительно, какъ мы не видѣли раньше!

— Да оно, ваше высокоблагородіе, какъ будто разомъ изъ-подъ воды выпрыгнуло. Сейчасъ только на это самое мѣсто смотрѣлъ.

— Возможно, возможно. Вотъ видите, идемъ правильно какъ въ аптекѣ; черезъ часа полтора-два будемъ. Вахтенный! Сбѣгай-ка въ каютъ-компанію и скажи господамъ офицерамъ, что виденъ берегъ!—приказалъ командиръ.

— А тебѣ, Пузыревъ, три чарки—поздравилъ сигнальщика Воронецъ.—Хотя и съ помощью командира, а первый увидѣлъ.

На мостикъ въ это время вбѣжалъ развязный, съ быстрыми, довольно неуклюжими движеніями, лейтенантъ Заимкинъ, несшій обязанности штурмана.

— Берегъ увидѣли; я такъ и говорилъ, что мы будемъ къ шести въ Александровскѣ. Пообѣдаемъ на берегу, прекрасно, какъ разъ во-время. Гдѣ же однако?—изумленно обратился онъ къ окружающимъ.

— Ха, ха, ха!—разсмѣялся командиръ.—А вы вглядитесь.

— Знаете, Константинъ Николаевичъ, я бы тоже не увидѣлъ, еслибы вы не сказали: все сливается вмѣстѣ, ничего не различишь—сказалъ нерѣшительно Александръ Васильевичъ.

— А на это, голубчикъ, надо глаза имѣть; не даромъ же двадцать лѣтъ плаваю: чему-нибудь и научишься.

На мостикъ вылѣзли докторъ и другой мичманъ. Докторъ, невысокаго роста, съ большимъ животомъ, сутуловатый, изрытый оспой, одѣтый довольно грязно, представлялъ собою уже отживающій типъ морского врача. Давно забывшій науку и всякій интересъ къ медицинѣ, онъ всецѣло погрязъ въ мелочи портовой жизни, служебныя дрязги и въ утробу. Въ послѣднемъ отношеніи это былъ настоящій мастакъ и ѣлъ такъ, что заслужилъ во флотѣ вполнѣ неоспоримую славу. Страшно было смотрѣть, какъ поглощалъ онъ цѣлыя блюда разныхъ кушаній и запивалъ соотвѣтственнымъ количествомъ водки и пива. При этомъ онъ умѣлъ хорошо устраиваться и прикопилъ порядочно деньжонокъ, почему пользовался общимъ уваженіемъ и держалъ себя крайне независимо. Запыхавшись на трапѣ, онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе и выпячивалъ глаза, будто они хотѣли у него выскочить.

— А, вотъ онъ! — ткнулъ онъ пальцемъ по направленію мыса.—Значитъ, Ваня не ошибся, молодчина.

— Ваня никогда не ошибается и не можетъ ошибаться— хвастливо заявилъ штурманъ и тутъ же сейчасъ расхохотался, замѣтивши, что на него смотрятъ товарищи.—Ну что таращите буркулы, ну пришли—и то слава Богу, а теперь и на берегъ можно. Правду я говорю?—обратился онъ къ командиру.

Константинъ Николаевичъ, давно уже знакомый съ Заимкинымъ, потрепалъ его по плечу и проговорилъ:—Ну, конечно вы правы, какъ всегда, милѣйшій Иванъ Ивановичъ. И дошли мы прекрасно.

— Мнѣ всегда везетъ.

— Ну, вотъ хвастаться не надо, это уже нехорошо...

— А гдѣ же механикъ? — обратился командиръ ко вновь появившемуся мичману Аверкіеву.

— Да онъ все спитъ, Константинъ Николаевичъ. Отъ завтрака до обѣда сплошь спитъ.

— Что же, голубчикъ, пусть отдыхаетъ; у него тоже жизнь невеселая — сказалъ командиръ своимъ спокойнымъ, добрымъ голосомъ.

— Я бы отъ Аграфены Степановны въ одинъ день подохъ!— пробурчалъ Аверкіевъ.

— Ты бы подохъ?—завизжалъ Ванька. — Посмотрите на него, какой онъ дохленькій!

Замѣтивъ на себѣ взоры товарищей, Аверкіевъ еще больше выпятилъ свою богатырскую грудь и такъ напружилъ мышцы, что покраснѣлъ.

— Не пыжься, не пыжься, лопнешь!

— Ну что, подвигаемся?

— Вотъ уже и тутъ берегъ виденъ. Теперь и вы видите?— обратился командиръ къ Воронцу.

— Вижу, теперь прекрасно вижу. А гдѣ же портъ, Константинъ Николаевичъ, за этимъ мысомъ?

— Портъ?—засвисталъ капитанъ?—Да тамъ, милѣйшій, никакого порта нѣтъ. Это наша погибель, а не портъ. Какъ задуетъ нордъ-вестъ, такъ только удирай, а то на берегъ такъ и выброситъ; сколько уже нашего брата здѣсь разбивалось.

— Ты думалъ, можетъ-быть, здѣсь Гонконгъ увидишь? засмѣялся Заимкинъ.—Ничего, братъ, мы и здѣсь весело время проводили, чертямъ тошно. Здѣсь тоже умѣютъ жить. То получишь, чего нигдѣ нѣтъ.

— Ничего теперь нѣтъ интереснаго—вмѣшался докторъ,— вотъ прежде можно было еще кое-что получить.

— Да вы, докторъ, все насчетъ пушины?—перебилъ Заимкинъ.

— Ну, а вы насчетъ клубники: кому что интереснѣе.

— Мы всегда насчетъ клубники!—загоготалъ Аверкіевъ.

— У васъ все готово?—спросилъ командиръ мичмана Воронца.—Посмотримъ карту. Восемнадцатифутовая глубина. Ну вотъ, прекрасно, здѣсь и встанемъ. Велите приготовить девять саженей каната. Будетъ довольно...

Черезъ часъ, транспортъ подходилъ къ Александровску. Грустная картина. Тяжелое небо упиралось въ высокій горный кряжъ, тянувшійся вдоль острова: какъ будто лежало на немъ. Мрачные, недоступные, обрывистые берега круто спускались въ воду. Всюду тихо, безлюдно, безжизненно. Острый мысъ, выдающійся въ море,

кончался отдѣльными обломками скалъ, высоко торчащими надъ водой. За мысомъ берегъ понижался и образовалъ небольшую выемку, служащую гаванью для Александровска. Здѣсь виднѣлась высокая бревенчатая пристань съ домикомъ, два-три сарая на берегу и больше ничего. Дальше отъ берега, на склонѣ горы, можно было разсмотрѣть постройки самаго города. Что-то тоскливое, сжимающее сердце, непріятное, чувствовалось во всемъ этомъ тяжеломъ сѣверномъ пейзажѣ. На песчаномъ прибоѣ лѣвѣе пристани чернѣлся остовъ выброшеннаго на берегъ парохода. Безъ трубы, съ обломками мачтъ, на боку, обросшій водорослями, онъ казался какимъ-то трупомъ и дополнялъ собою зловѣщую картину.

— Вотъ на мысу, господа, маякъ, служащій намъ путеводителемъ, а этотъ разбитый пароходъ служитъ предостереженіемъ: Боже упаси здѣсь прозѣвать!—говорилъ командиръ, когда судно встало на якорь.

— Однако, близко къ берегу остановился, — замѣтилъ докторъ, мѣряя своими быстрыми, подвижными глазками разстояніе.

— Да, какъ будто немножко близковато; ну, да ничего, завтра отойдемъ.—Но все же, обезпокоенный словами доктора, командиръ велѣлъ еще разъ бросить лотъ.

— Ну, да, стоимъ на восемнадцати футахъ, какъ и предполагали. У насъ тринадцать, вполнѣ достаточно.

Онъ, казалось, немного колебался, но потомъ махнулъ рукой и рѣшительно произнесъ:

— Айда на берегъ! Кто на вахтѣ?..

— Вотъ такъ изюмъ!—удивился Воронецъ:—опять мнѣ на вахтѣ. Стоялъ на ходу, а теперь опять стой.

Иванъ Ивановичъ даже вспылилъ:

— Ну, если ты ничего не понимаешь, такъ что же я съ тобой сдѣлаю? Мало каши ѣлъ, вотъ и все. То была ходовая вахта, а эта на стоянкѣ. Ну, смекай!.. Это не одно и то же. Вотъ еслибы мы были въ ходу, всталъ бы я—это безспорно.

— Жаль мнѣ васъ!—сказалъ Константинъ Николаевичъ.— А если кто-нибудь не подсмѣнитъ, оставаться вамъ на суднѣ за командира.

— И вы тоже на берегъ?—испуганно спросилъ Александръ Васильевичъ.

— Вы не бойтесь, милѣйшій, мы вернемся черезъ два-три часа и все будетъ хорошо. Полнѣйшій штиль. Давайте-ка намъ шестерку.

Всѣ собрались на берегъ. Даже болѣзненный Миша Куден-

цовъ не хотѣлъ оставаться на транспортѣ. Онъ славно выспался послѣ послѣдней вахты и хотѣлъ непремѣнно повидать „городъ ссыльныхъ“.

— Это интересно!—говорилъ онъ своимъ мягкимъ груднымъ голосомъ.—Читалъ у Чехова, теперь хочу самъ посмотрѣть.

Одинъ механикъ наотрѣзъ объявилъ, что онъ не желаетъ ѣхать.

— Ничего нѣтъ веселаго видѣть всю эту мерзость.

— Навѣрное на скрипкѣ играть будетъ,—залился смѣхомъ Иванъ Ивановичъ.—А то я ему не позволяю. Хорошо быть старшимъ офицеромъ!

— Полѣзай, полѣзай—толкалъ его на трапъ Аверкіевъ.—нечего разглагольствовать! Какой ты къ чорту старшій офицеръ!

Когда всѣ усѣлись въ шлюпку и ждали приказанія командира отваливать, а Саша Воронецъ стоялъ на трапѣ, Заимкинъ успѣлъ крикнуть:

— Ты не сбѣсись отъ музыки-то. Я бы сбѣсился, ей Богу!

II.

Вся компанія, подъ предводительствомъ командира, устремилась по дорогѣ къ Александровску. Направо и налѣво—нѣсколько большихъ сараевъ, повидимому продовольственныхъ; потомъ огороды. Дорога содержалась въ порядкѣ; сбоку отъ нея тянулись даже рельсы.

— Это для нагрузки каменнаго угля — пояснилъ Константинъ Николаевичъ.—А вотъ, смотрите, и каторжанинъ.

Навстрѣчу шелъ мужиченко, одѣтый въ истрепанный сѣрый халатъ и фуражку. Онъ низко поклонился господамъ офицерамъ и, остановившись, попросилъ милостыню. Константинъ Николаевичъ бросилъ ему въ картузъ полтинникъ и проговорилъ мягко:

— На выпивку просишь?

— Такъ точно, ваше благородіе, на выпивку!—добродушно сознался каторжанинъ, въ то время какъ его хитрые узкіе глаза быстро осматривали встрѣчныхъ.

Всѣмъ это признаніе ужасно понравилось и они набросали ему какой-то мелочи.

— Они всѣмъ должны кланяться при встрѣчѣ — сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Вотъ какъ!—удивился Куденцовъ.—Да какой же это каторжанинъ, когда онъ на свободѣ?

— Это изъ отбывшихъ: уже, значитъ, въ ссыльнаго поселенца превратился. А впрочемъ ихъ выпускаютъ на свободу очень скоро на испытаніе.

— Чѣмъ же они здѣсь живутъ?—спросилъ Куденцовъ.

— Такъ что-нибудь ковыряютъ или поторговываютъ чѣмъ Богъ послалъ, а то и того—Иванъ Ивановичъ ткнулъ себя выразительно въ затылокъ—за двугривенный, и капутъ. Вотъ по дорогѣ на Дуйскъ сколько крестовъ понаставлено. Все убійства!

Командиръ предложилъ посмотрѣть сперва музей, потомъ идти пообѣдать, а тюрьму оставить на завтра. Городишко походилъ на третьеразрядный уѣздный. Длинныя широкія улицы, застроенныя маленькими деревянными домиками, немощенныя, заросшія травой, были пустынны и тихи. Нѣчто особенное придавалъ острогъ посреди площади. Заостренныя бревна, вкопанныя стойкомъ въ землю, составляли высокую ограду. Напротивъ тянулись одноэтажныя деревянныя казармы пересыльной команды. По улицѣ вдоль палисада ходили солдаты съ ружьями; у воротъ толкались какіе-то грязные, угрюмые и оборванные арестанты и арестантки. Гулко раздавались отдѣльные возгласы въ осеннемъ воздухѣ. Тяжелый запахъ распространялся отъ тюрьмы—какая-то смѣсь хлѣба, помой, грязи и отхожаго мѣста. Что-то непріятное, острое, грустно ноющее звенѣло въ воздухѣ. Становилось неловко и тревожно. Всѣ замолчали подъ вліяніемъ этого чувства. Снявши шапки, прошли мимо кандальные, гремя цѣпями.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—задумчиво заговорилъ капитанъ,—были мы тоже у Сахалина, шли около мыса Погоби. Я стоялъ на вахтѣ и вижу вдругъ вдали какой-то плотъ, вѣрнѣе, подобіе плота и на немъ застыли отъ ужаса эти самые, несчастные. Это они на материкъ переправлялись. Сигнальщики тоже замѣтили, а не говорятъ, только на меня посматриваютъ. Жалко стало губить; такъ и прошли мимо, какъ будто ничего не видѣли. Я смотрѣлъ въ сторону... Богъ съ ними! каждому воли хочется.

— Какъ скверно здѣсь!—тяжело вздохнулъ Куденцовъ.

— Вотъ сюда за уголъ, вы, кажется, забыли, Константинъ Николаевичъ, — остановилъ докторъ шагающаго впереди капитана.

Передъ небольшимъ зданіемъ музея высился остовъ кита, укрѣпленный деревянными подставками. Отсюда было хорошо видно внизу спокойное, неподвижное какъ степь море. Небольшой транспортъ тихо стоялъ вблизи берега.

— А знаете—говорилъ командиръ, выходя изъ музея,—мнѣ что-то не нравится небо. Вотъ тутъ—онъ показалъ на западъ,—и какъ будто вѣтеркомъ потянуло.

— Если что и будетъ, такъ завтра; барометръ прекрасно стоитъ!—увѣреннымъ голосомъ проговорилъ Заимкинъ.

— Ну, какъ бы тамъ ни было, а поспѣшимъ въ собраніе, возольемъ небольшую жертву богу Бахусу и скорѣе на корабль: оно спокойнѣе — обратился командиръ къ доктору. — Что, милѣйшій, какъ вы думаете?

— Да, подъѣдимъ ужинъ и—домой. Судовой столъ надоѣлъ.

Всѣ ускорили шаги за командиромъ, и толстому доктору было трудно поспѣвать.

— А здѣсь поваръ-каторжанинъ хорошо стряпаетъ, я знаю—говорилъ докторъ, задыхаясь отъ одышки.—За отравленіе цѣлой семьи сосланъ. Прекрасный работникъ и въ кулинарномъ дѣлѣ поэтъ.

Аверкіевъ шелъ рядомъ съ Иваномъ Ивановичемъ и что-то шепталъ, покатываясь со смѣху. Слышались отдѣльныя слова: „Сказать только... все будетъ... И дѣвочки—я тебѣ скажу... Какихъ только хочешь!“

— Смотрите, господа, не влопайтесь въ скверную исторію!—сказалъ командиръ, когда до его ушей долетѣли эти обрывки разговора.

— Ужъ вы не безпокойтесь, Константинъ Николаевичъ, все будетъ на самыхъ лучшихъ началахъ и наипервѣйшій сортъ!—запаясничалъ Иванъ Ивановичъ.

— Да васъ-то я знаю, вы не впервые здѣсь, а вотъ Аверкіева мнѣ не подведите...

Въ это время навстрѣчу имъ попался нарядный чиновникъ. Оказалось, что это старый знакомый капитана, доктора и Заимкина, вообще всѣхъ бывшихъ хотя разъ въ Александровскѣ, Петръ Тимоѳеевичъ Рѣпкинъ. Блѣдное его лицо, безцвѣтные рыбьи глаза, зачесанные впередъ свѣтленькіе височки, гладкій выдающійся подбородокъ—все выражало желаніе услужить, быть полезнымъ, пріятнымъ и втереться въ полное довѣріе собесѣдника. Это былъ настоящій „чиновникъ особыхъ порученій“. Онъ разсыпался въ любезностяхъ и заговорилъ ровнымъ, быстрымъ говоркомъ, точно сыпалъ словами.

— Давно уже ждалъ. Какъ только увидѣли на горизонтѣ, сейчасъ же приготовились встрѣчать. Я побѣжалъ въ собраніе и вотъ, какъ завидѣлъ васъ, такъ и вышелъ. Въ собраніи пока мало. Докторъ да одинъ офицеръ, Югонинъ. Вы вѣрно знаете—

обратился онъ къ командиру:—два года назадъ былъ съ командой въ Императорской Гавани, теперь къ намъ перевелся. Ну, конечно помните, я такъ и зналъ; кто его разъ увидитъ, никогда не забудетъ! Прекрасный человѣкъ. Черезъ часика два еще кое-кто подойдетъ.

— Черезъ часика два мы думаемъ уже и на корабль—успѣлъ вставить командиръ.

— Какая жалость! Вы лишаете насъ, оторванныхъ отъ всего свѣта, вашей чудной компаніи. Можно было бы въ винтикъ сыграть. Партія составилась бы замѣчательная. Казначея нашего знаете? Нѣтъ? Это удивительно! Пожалуйте сюда, вотъ тутъ можно раздѣться: это наше новое зданіе, очень удобное. Осторожнѣе, здѣсь двѣ ступеньки. Вѣстовой, отчего не зажгли лампу?

— Да, рано темнѣетъ—согласился капитанъ.

— Ужасно рано. Но, я вамъ скажу, мы этимъ не тяготимся. Позвольте представить нашихъ дорогихъ. Докторъ Абрамовъ—пріятный собутыльникъ, т.-е. что я! я хотѣлъ сказать: собесѣдникъ!—сострилъ онъ.—А это Югонинъ, душа общества и незамѣнимый другъ.

Докторъ Абрамовъ, мрачный на видъ, со всклокоченной шевелюрой, весь темный и нахмуренный, поздоровался, не говоря ни слова. Югонинъ разухабисто щелкнулъ каблуками и, принявъ какую-то удивительную позу, сказалъ:—Добро пожаловать, привѣтствую васъ отъ лица собранія, прошу быть какъ дома.

— Столъ уже накрытъ—пригласилъ Рѣпкинъ—можно и за трапезу, какъ говорилъ отецъ Укропій. Вы знаете,—обратился онъ къ Аверкіеву:—„отецъ Укропій и мать Георгинія“?

— Нѣтъ, не знаю.

— О, я вамъ разскажу, это презабавно, послѣдняя новость въ Александровскѣ, недавно привезена изъ Питера казначеемъ. А впрочемъ, господа, я васъ задерживаю.

— Можно, можно!—потиралъ съ удовольствіемъ руки Константинъ Николаевичъ, подходя къ столу, уставленному закусками.—Дернемъ!

Всѣ обступили столъ и громко чокались.

— Ну и закуски, господа!

— Послѣ одной не закусываютъ—подскочилъ къ командиру Рѣпкинъ.

Всѣ выпили, отказался только Куденцовъ.

— Что!? не пьете!—возмутился Рѣпкинъ.

— Онъ у насъ скромникъ!—состроилъ грустную гримасу Заимкинъ.

Докторъ Абрамовъ, такой же серьезный, какъ и прежде, выпилъ два раза по-полу-стакану водки, не закусывая, и только морщился, какъ будто проглатывалъ что-то отвратительное.

— Я, знаете, всегда такъ,—сказалъ онъ Куденцову, когда тотъ невольно заглядѣлся на него.—Рюмками не могу пить.

— Почему?—удивленно спросилъ Куденцовъ.

— Отвращеніе у меня какое-то къ водкѣ.

— Оттого-то онъ ее и истребляетъ,—пошутилъ Рѣпкинъ.— Думаетъ записаться въ члены общества трезвости.

— Какъ пообѣдаемъ, можно и за винтикъ. Вы по какой играете?—спрашивалъ Югонинъ.

— Это у насъ профессоръ — вставилъ Рѣпкинъ; — всѣхъ обыгрываетъ, капиталъ съ насъ нажилъ.

— Ну и борщъ!—возгласилъ докторъ.

— Такъ помилуйте, господа, это Сашка поваръ дѣлалъ,— воскликнулъ Рѣпкинъ—а вы знаете, кто такой Сашка.

— Не забывайте седмицу. Семь—библейское число.

— А ты не считай,—знаешь, какъ говорилъ Укропій: „по единой и до разсвѣту“.

— Вы что пріуныли?—спросилъ Югонинъ Аверкіева.

— Петру Адамовичу совсѣмъ взгрустнулось: онъ уже шесть дней „безъ берега“!—засмѣялся Заимкинъ.

— Ха, ха, ха, понимаю!—захихикалъ жиденькимъ смѣхомъ Рѣпкинъ.—Такъ это сейчасъ же можно оборудовать. У насъ здѣсь по этой части недостачи не можетъ быть.

— Пусть одолжитъ изъ своего гарема!—проговорилъ докторъ Абрамовъ, сердито посматривая на услужливаго чиновника.

— Вотъ ужъ скажетъ!—законфузился тотъ.

— Однако, господа, вы что-то очень лѣниво пьете: неужели ослабла казачья сила, неужели нѣтъ пороха въ пороховницахъ?

Докторъ очистилъ цѣлое блюдо рыбы и перешелъ на пирогъ съ курицей, попивая японское пиво.

— Нѣтъ, ужъ отъ пива увольте!—протестовалъ Константинъ Николаевичъ.—Я всегда держусь одного. Бѣленькаго еще можно, такъ и быть.

— Я съ удовольствіемъ—налилъ опять полъ-стакана Абрамовъ.—Я тоже придерживаюсь россійскаго.

Когда усталость начала одолѣвать компанію и съѣденное и выпитое дало себя знать, Рѣпкинъ исчезъ съ Иваномъ Ивановичемъ и Аверкіевымъ изъ столовой. На столѣ стояли кофе и ликеры. Константинъ Николаевичъ блаженно развалился на креслѣ

и улыбался чему-то, потягивая сигару. Югонинъ разсказывалъ Мишѣ Куденцову о своихъ успѣхахъ въ макао и очень жалѣлъ, что онъ не играетъ въ карты. Докторъ пилъ вторую чашку кофе, кончая сладкій пирогъ. Абрамовъ ходилъ по комнатѣ и сердито хмурилъ лицо.

— Вы, какъ дѣвица красная, и не пьете, и въ карты не играете. Ужасно жалко. А то бы, пока что, устроили макашонъ; съ вами было бы четверо, этотъ бегемотъ не играетъ—указалъ онъ на шагающаго Абрамова.—Куда это запропастился Рѣпкинъ? Ну, устроилъ бы молодежь и возвратился бы, а то самъ старина небось разошелся. Чортъ его дери съ его жеребячествомъ! Надо послать за кѣмъ-нибудь.

Въ это время къ командиру подошелъ невысокаго роста солдатъ изъ денщиковъ и тихимъ голосомъ, боясь обезпокоить, сказалъ на ухо:

— Ваше высокоблагородіе, съ пристани передаютъ, что пароходу стало плохо. Просили сигналомъ васъ.

Этотъ робкій голосъ съ трудомъ вывелъ командира изъ пріятнаго полузабытья.

— Съ какимъ пароходомъ?—опомнился онъ.

Куденцовъ подбѣжалъ къ нему.

— Константинъ Николаевичъ,—заволновался онъ,—надо на „Хунхузъ“: вѣрно что-нибудь случилось. Я уже не разъ слышалъ, точно вѣтеръ завываетъ.

— Такъ точно, вѣтеръ страсть дуетъ! — подтвердилъ вѣстовой.

— Что же вы не сказали мнѣ?—проговорилъ укоризненно командиръ, все еще не двигаясь съ мѣста.

— Да это пустяки все, навѣрно онъ вретъ, — попробовалъ успокоить Югонинъ.

Въ это время до слуха донесся глухой звукъ отдаленнаго пушечнаго выстрѣла. Всѣ прислушались и разомъ вскочили на ноги.

— Это—на „Хунхузѣ“. Можно достать лошадей?—Командиръ такъ торопился, что забылъ попрощаться съ хозяевами. Докторъ едва поспѣлъ одѣть пальто. Какъ только открыли дверь на улицу, въ прихожую ворвался вихрь и задулъ лампу. Темнота стояла такая, что ни зги не видно. Со свѣта казалось еще темнѣе. Ну просто какъ будто заперли въ чуланъ. Всѣ остановились, не зная куда ступить.

— Лошади будутъ черезъ четверть часа, сейчасъ запрягаютъ—раздался сзади голосъ Югонина.

— Какое тутъ! Пойдемъ!

Они ощупью спустились съ крыльца и тронулись по улицѣ. Стало немного свѣтлѣе, дорога виднѣлась среди травы. Вѣтеръ свистѣлъ въ ушахъ, то повышая, то понижая тонъ. Опять послышался тревожный, какъ будто призывающій пушечный выстрѣлъ.

— Побѣжимъ!—прокричалъ командиръ. И они побѣжали въ темнотѣ, съ трудомъ справляясь съ вѣтромъ, затруднявшимъ дыханіе, полные щемящей тревоги и безпокойства.

III.

Обѣдъ на „Хунхузѣ“ прошелъ скучно. Ѣли мало. Механикъ молчалъ, какъ убитый, и сидѣлъ, угрюмо смотря впередъ. Воронецъ, отъ нечего дѣлать, держалъ рядомъ съ тарелкой книгу и перелистывалъ какой-то длинный переводный романъ, выбирая мѣста поинтереснѣе. Послѣ обѣда механикъ сейчасъ же ушелъ къ себѣ въ каюту и заигралъ. Длинные, тягучіе, надтреснутые, точно надрывающіеся звуки скрипки побѣжали по темнѣющей каютъ-компаніи.

— Да это въ самомъ дѣлѣ невыносимо!—сказалъ самъ себѣ Воронецъ:—просто выть по-собачьи хочется, такъ за сердце и тянетъ!—Онъ схватилъ фуражку и выскочилъ на палубу. Удивленный, онъ оглядѣлся вокругъ. Ровной поверхности моря какъ бы не было; бѣлые барашки стремительно неслись, то сталкиваясь, то разбѣгаясь въ разныя стороны. Вѣтеръ слегка посвистывалъ въ снастяхъ и флаги безпокойно болтались въ воздухѣ, то натягиваясь какъ паруса, то хлопая о мачту.

— Сигнальщикъ, отчего же ты мнѣ не доложилъ?—крикнулъ на мостикѣ мичманъ.—Вѣтеръ начинается!

— Такъ точно, ваше благородіе. Только что сорвался, все было тихо, сію минуту хотѣлъ посылать вахтеннаго. Черезъ пять минутъ спускъ флага—прибавилъ онъ потише.

Флагъ спускался какъ-то особенно печально, а звукъ рожка звучалъ такъ заунывно, такъ грустно, что Александру Васильевичу невольно полѣзли въ голову самыя скверныя мысли. „Какой-то похоронный маршъ выходитъ!“

Свистъ вѣтра становился все пронзительнѣе, все настойчивѣе. Грозныя черныя тучи стремительно заволакивали сѣрое, низкое небо. Темнота быстро окутывала транспортъ.

— Пошлите за боцманомъ! — приказалъ мичманъ, а самъ спустился въ каюту.

— Данило Александровичъ, да бросьте вы играть, здѣсь не до игры!

Механикъ оборвалъ на полу-нотѣ и обидчивымъ голосомъ проговорилъ:

— Неужели я мѣшаю? Оставьте меня въ покоѣ. Я думаю, хоть одинъ вечеръ я могу поиграть, пока никого нѣтъ.

— Да вы послушайте прежде!—съ нетерпѣніемъ перебилъ его мичманъ.—Мнѣ надо посовѣтоваться.

Механикъ помолчалъ въ раздумьѣ, что бы это значило, и спросилъ, не выходя изъ каюты.—О чемъ именно?

Воронецъ разсказалъ ему о погодѣ и выяснилъ свое затруднительное положеніе; посылать ли за командиромъ, или ждать.—Чортъ его знаетъ! — закончилъ онъ: — пошлешь—нехорошо, и не пошлешь—плохо.

— Да чего же посылать, я не понимаю!—вошелъ въ каютъ-компанію механикъ:—Неужели они сами не замѣтятъ, что погода портится?

— А если они прозѣваютъ? Тогда уже поздно посылать.

— Можетъ-быть, это такъ вѣтеръ при заходѣ солнца—усумнился механикъ.

— Да вы послушайте!

Рѣзкій порывъ вѣтра пронесся надъ судномъ, заглушая ихъ голоса. Транспортъ дрожалъ и нагибался подъ напоромъ свирѣпѣющей стихіи.

— Я совершенно не знаю, какъ поступить! — испугался вдругъ механикъ.—Вы сами рѣшайте, что же я вамъ могу сказать! Я знаю только одно, что надо держать полные пары въ машинѣ.—Онъ быстро юркнулъ изъ каютъ-компаніи.

— Вотъ, оставили одного, теперь раздѣлывайся!—выругался Александръ Васильевичъ и рѣшительно направился на палубу.

— Ваше благородіе, такъ что шестерку шибко волной бросаетъ, не залило бы!—раздался голосъ боцмана; его самого не было видно на темномъ трапѣ.

Когда Воронецъ выскочилъ на палубу, онъ увидѣлъ, что положеніе мѣняется къ худшему съ каждой минутой. Теперь судно повернулось по вѣтру, кормой къ берегу, ближе къ прибрежнымъ скаламъ. Рѣзкіе, крутые валы, покрытые бѣлыми шапками пѣны, неслись на берегъ и, разбиваясь тамъ, образовывали широкую дорогу прибоя. Все кипѣло вокругъ и бурлило, какъ въ

котлѣ. Шестерка выдѣлывала удивительную эквилибристику, взлетая на волну и осѣдая, точно проваливаясь.

— Трудно теперь къ берегу пристать!—проговорилъ въ раздумьѣ Александръ Васильевичъ, посматривая на боцмана.

— Оно ничего пристать—сказалъ боцманъ,—а вотъ вернуться уже не придется, не выгребешь.

— О катерѣ и думать нечего!—еще болѣе уныло сказалъ мичманъ.

— Катеръ все равно у насъ ни на что не годится.—Боцманъ посмотрѣлъ вокругъ себя и вдругъ, приблизившись къ самому мичману, зашепталъ:—Надо поднимать шестерку, потомъ не подымешь, разобьетъ!—и сейчасъ же закричалъ обычнымъ голосомъ:—Шестерку къ подъему, пошелъ на тали!

Мичманъ изумленно посмотрѣлъ на него, хотѣлъ что-то крикнуть, но рѣшилъ предоставить все судьбѣ: будетъ что будетъ. Да и чего вмѣшиваться: боцманъ распорядится, онъ четыре года плаваетъ на „Хунхузѣ“.

Когда шестерка была поднята и закрѣплена, на душѣ стало немного легче.

Механикъ стоялъ рядомъ и передавалъ, что пары будутъ подняты часа черезъ два самое скорое.—Подумайте, приказалъ прекратить пары, держать только теплую воду: это подъ Сахалиномъ-то! Насъ, конечно, не спрашиваютъ.

— Ну и вѣтрище, и все крѣпчаетъ!—закричалъ Воронецъ, заглушаемый воемъ вѣтра.

— Ничего, вернутся, тамъ есть прекрасный катеръ—не разслышалъ его механикъ.

Они стояли на мостикѣ, обдуваемые холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ, слышали завываніе его въ снастяхъ, глухіе удары волны о бортъ, чувствовали на себѣ влагу отъ брызгъ и съ трудомъ могли различать пропадающій во мглѣ берегъ. Темнота сгущалась съ неимовѣрной быстротой.

— Ваше высокоблагородіе, — появился опять боцманъ — можно приготовить второй якорь къ отдачѣ?

— Что!—закричалъ на него строго Воронецъ, но сейчасъ же спохватился и тихимъ, упавшимъ голосомъ приказалъ приготовить второй якорь къ отдачѣ и слѣдить, чтобы не подрейфовало судно. Боцманъ повторялъ команду весело и увѣренно. Это немного успокоило мичмана. Онъ спустился въ каютъ-компанію и потребовалъ коньяку и горячей воды. Начало порядкомъ покачивать. Прошло томительныхъ полчаса. Оба офицера молча сидѣли въ каютъ-компаніи. Минуты тянулись возмутительно долго.

Александръ Васильевичъ сидѣлъ въ креслѣ и съ трудомъ держалъ на плечахъ свою голову, такой она ему казалась тяжелой, распухшей. „Господи, да когда же они вернутся?“—кружилась все одна и та же мысль. Хотѣлось думать о чемъ-либо другомъ, можетъ-быть что-либо сообразить, но голова отказывалась работать.

Въ жилой палубѣ матросы обсуждали событіе на свой ладъ. Булыгинъ говорилъ окружающимъ его: „Командира безпремѣнно надо сюда, а то какъ же онъ справится? Онъ ничего не понимаетъ, ровно птенецъ изъ яйца вылупился“. Боцманъ усмѣхался самодовольно: „Ничего, справимся какъ-нибудь, не въ такихъ исторіяхъ бывали“. Молодой матросъ смотрѣлъ на старшихъ испуганными глазами и спрашивалъ: „И неужто это въ самомъ дѣлѣ нанесетъ шторму изъ Сибири?“

Многіе матросы улеглись спать и мало безпокоились о предстоящей бурѣ; другіе укладывались еще, копаясь въ своихъ постельныхъ мѣшкахъ.

— Ежели нельзя спосылать за нимъ — продолжалъ вслухъ свои думы Булыгинъ,—такъ, можетъ, можно семафоромъ передать на пристань.

— А кто тебя пойметъ на пристани? — спросилъ его боцманъ.—Вотъ Бернадовъ, ежели на берегъ отправлялся, такъ завсегда сигнальщика съ собой бралъ, чтобы можно было ему передать, а онъ передастъ въ городъ по телефону.

— А тогда можно фалшфейеръ зажечь!—воскликнулъ молодой матросъ съ радостью, что ему пришла счастливая идея.

— Вотъ и видно, что ты, куриная твоя голова, на берегу сидѣлъ! — сказалъ вразумительно боцманъ:—фалшфейеръ жгутъ, когда несчастье случилось.

Въ это время произошло нѣчто необычное: послышался какой-то глухой стукъ, почувствовался ударъ, тамъ гдѣ-то глубоко внизу, на днѣ, и все судно затряслось, какъ трясется домъ при землетрясеніи. Что-то страшное, непонятное было въ этомъ внезапномъ толчкѣ. Ужасъ отразился на всѣхъ лицахъ, всѣ повскакали со своихъ мѣстъ.

— Бьетъ!..—раздался рѣзкій, какъ электрическій звонокъ, чей-то испуганный выкликъ.

Однимъ скачкомъ боцманъ былъ у трапа. Туда уже толкались растерянные матросы.

— Прочь! — закричалъ онъ на нихъ и могучимъ толчкомъ очистилъ себѣ дорогу на палубу.—Что случилось?—кричалъ онъ на ходу?

— Ударило, Иванъ Филипповичъ!—встрѣтилъ его трясущійся сигнальщикъ—о дно ударило.

— Ты прозѣвалъ: подрейфовало!—закричалъ не своимъ голосомъ боцманъ и свирѣпо выругался.

Воронецъ, блѣдный и взволнованный, подбѣжалъ къ нимъ, не зная что дѣлать.

— Подрейфовало?—повторилъ мичманъ.

— Никакъ нѣтъ, нисколько,—выговорилъ съ затрудненіемъ, какъ бы спотыкаясь, сигнальщикъ;—все время смотрѣлъ: нисколько не подрейфовало.

— Пошелъ прочь!—закричалъ боцманъ на собравшуюся команду и энергично замахалъ кулакомъ.—Расходись! Булыгинъ, обмѣряй-ка глубину!—приказалъ онъ унтеръ-офицеру, выбѣжавшему тоже подъ мостикъ.

— Мѣряй съ кормы,—опомнился Воронецъ.—Толчокъ былъ ясно ощутимъ подъ кормой. Да поживѣе. Сигнальщикъ, сбѣгай въ машину, чтобы скорѣе разводили пары, какъ можно скорѣе! А ты, Пузыревъ, не спускай глазъ, и если подрейфуетъ хоть немного, давай знать. Ну что, сколько!?

— Всего шестнадцать футъ, ваше высокоблагородіе!—донесся едва слышно зычный голосъ боцмана.

„Господи, вѣдь отливъ! Конечно, развернуло вѣтромъ къ берегу, стоимъ очень близко—пронеслось въ головѣ у мичмана.— Но что дѣлать, что дѣлать?“

— А съ борта у мостика восемнадцать!—докладывалъ боцманъ.—Въ трюмы посылалъ, все благополучно, воды нѣтъ.

— Приготовить второй якорь къ отдачѣ и быть готовымъ!— кричалъ мичманъ и бросался изъ стороны въ сторону, чувствуя полную безпомощность.—Когда у насъ былъ полный отливъ?— подскочилъ онъ къ Пузыреву.

— Такъ что въ семь часовъ.

— Значитъ, теперь приливъ, вода прибываетъ съ каждой минутой и мы тогда спасены.

Въ это время второй ударъ потрясъ судно.

Ужасъ темный и дикій захватилъ сердце мичмана, какъ клещами. „Разобьетъ, разобьетъ, вѣтеръ только крѣпчаетъ, волна еще невысокая!—отпечаталось у него въ мозгу точно огненными буквами.—Все пропало!“

Онъ опрометью спустился въ каюту и схватилъ механика за руки:—Данило Александровичъ!—крикнулъ онъ съ отчаяніемъ—что мнѣ дѣлать? Вѣдь я отвѣчаю за судно, а что мнѣ дѣлать, я не знаю!

— Я не виноватъ—заторопился механикъ,—меня не спросили, велѣли прекратить пары, а развѣ это возможно?!

— Боже мой!—схватился Воронецъ за голову.—Да я вовсе не о томъ. Надо какъ-нибудь позвать командира.

— Конечно надо позвать командира!—повторилъ механикъ.

— Стрѣлять изъ пушки?—спросилъ мичманъ.

— Стрѣлять изъ пушки, зажечь фалшфейеръ! — закричалъ механикъ.

— Голубчикъ, благодарю васъ за совѣтъ!—поцѣловалъ его Воронецъ.—Благодарю васъ, и я тоже думаю.

Онъ выбѣжалъ на палубу и рѣшительно, даже съ нѣкоторой радостью въ голосѣ, приказалъ произвести пушечный выстрѣлъ и зажечь фалшфейеръ.

IV.

Пристань—высокій двухэтажный бревенчатый срубъ, выдвинутый въ море и соединенный съ берегомъ мостомъ — служила въ то же время и моломъ. Здѣсь въ выемкѣ за скалистымъ мысомъ, защищенной бревенчатой стѣной и набросанными камнями, стояли катера и баржи. На одномъ катерѣ почти все было готово къ перевозкѣ офицеровъ на судно. Приказаніе было передано по телефону. Команда, состоящая изъ арестантовъ-каторжанъ, съ такимъ же командиромъ во главѣ, суетилась на палубѣ, готовясь къ выходу въ море.

Стихія разгулялась не на шутку и свирѣпѣла все больше и больше. Громадные валы катились на берегъ и со свистомъ и грохотомъ разбивались о пристань, вскидывая свои верхушки на верхнюю настилку. Стонъ и завываніе вѣтра покрывали по временамъ шумъ волнъ и переходили въ какую-то дикую пляску звуковъ. Жалобный скрипъ раздавался при каждомъ ударѣ воды: то стонала старая пристань. Далеко впереди во мракѣ раскачивался небольшой фонарикъ на транспортѣ.

Запыхавшійся командиръ и мичманъ Куденцовъ съ тревогой и опасеніемъ всматривались въ непроницаемую темноту: „что дѣлается тамъ, каково положеніе, что случилось?“ — сверлила мозгъ все одна и та же мысль.

— Скорѣе, скорѣе! — покрикивалъ Константинъ Николаевичъ, перегибаясь внизъ за пристань, гдѣ на освѣщенномъ пространствѣ работали каторжане.

Въ это время подкатила линейка и привезла отставшаго на

пути доктора и мичмана Аверкіева. Докторъ едва справлялся съ удушьемъ, вытиралъ потъ, выступившій не смотря на холодный вѣтеръ, и отхаркивался во всѣ стороны.

Аверкіевъ обратился-было съ распросами къ командиру, но, не получивъ отвѣта, умолкъ.

— Готово!

Всѣ спустились по деревянной лѣстницѣ внизъ и вошли на палубу небольшого крытаго катера. Всѣ люки были наглухо задраены, на трубу одѣта длинная надставка, чтобы туда не попадала вода. Дали задній ходъ. Съ носа былъ заведенъ здоровенный конецъ на уголъ пристани. Разъ, разъ, разъ! — заработала машина. Только что катеръ показался изъ-за защиты, какъ на него понеслась водяная стѣна.

— Держись! — закричалъ командиръ, и всѣ впились во что попало и руками, и ногами, и, кажется, зубами.

Что-то темное, большое, высокое налетѣло на катеръ, подняло его, затрясло, обдало водой, пронеслось по ногамъ и бросило назадъ. Конецъ напрягся какъ струна. „Передній ходъ!" Машина работала полнымъ ходомъ. Одно мгновеніе казалось, что катеръ не переборетъ напора волны, что машина его не справится и онъ будетъ выброшенъ на скалистый берегъ, виднѣющійся сзади весь въ дикихъ, бѣснующихся бурунахъ. Налетѣла новая волна, подбросила высоко и швырнула въ пропасть.

Куденцовъ сразу потерялъ пенснэ и чувствовалъ себя вполнѣ безпомощнымъ, не видя ничего вокругъ. Вода текла у него по спинѣ и, заливая глаза, мѣшала смотрѣть. „Надо держаться, — думалъ онъ — а то смоетъ!" — и вцѣпился въ какой-то металлическій прутъ, проходящій впереди его. „Отдай конецъ!" — услышалъ онъ команду.

Машина работала хорошо, катеръ оставлялъ за собой пристань. Полнѣйшая темнота и эти бѣлые гребни, то и дѣло появляющіеся впереди высоко, высоко надъ носомъ катера, точно гривы какихъ-то гигантскихъ коней. Катеръ то взлеталъ на волну, принимая на себя ея верхушку, то погружался въ пучину. Докторъ всунулся между люкомъ и рубкой и какъ бы вросъ въ нихъ. Константинъ Николаевичъ держался рядомъ съ арестантомъ-капитаномъ и старался помогать ему. Вѣтеръ сорвалъ у него фуражку и первая же волна обдала съ ногъ до головы. Транспортъ вырисовывался теперь яснѣе. На немъ зажгли фонари. Онъ казался съ маленькаго катера большимъ кораблемъ. Легко поднимался онъ на волну, вскакивая на нее носомъ, и плавно падалъ кормой внизъ, ударяясь о воду и издавая гром-

кое шлепанье. Катеру надо было описать дугу, чтобы пристать къ борту судна. Куденцовъ понялъ этотъ маневръ и застылъ въ ожиданіи. Дрожь пробѣжала у него по спинѣ: „перевернетъ, когда встанемъ бокомъ къ волнѣ, навѣрное перевернетъ“. Онъ мысленно даже попрощался съ близкими.

Масса воды, внезапно выросшая сбоку катера, подняла его, накренила, такъ что черезъ ноги понеслась вода, ударила оглушительно въ бортъ, какъ будто въ пустую бочку, и кинула внизъ, какъ щепку. Еще одна волна ринулась на него, но поздно, поворотъ удался, катеръ шелъ кормой къ волнѣ. „Слава Богу,— отдѣлались“. Мысли прояснились въ головѣ. „Какъ-то пристанемъ? Разобьетъ на такой волнѣ“. Бортъ транспорта выступилъ впереди. Высокой, большой, темной стѣной казался онъ съ катера. „Ухъ, страшно... Ахъ!“—Налетѣла волна и катеръ оказался почти на уровнѣ съ палубой. Тамъ надъ бортомъ двигались головы матросовъ, что-то кричали, бросали концы. Опять темнота. Транспортъ раскачивается сзади. „Прошли, не съумѣли пристать. Да это не легко“. Куденцовъ вглядывался близорукими глазами по направленію носа, гдѣ стоялъ командиръ, и ничего не могъ разглядѣть.

Опять дуга, опять бокомъ къ волнѣ. Теперь уже не такъ страшно. „Разъ повернули, неужто же не удастся и теперь? Этотъ каторжанинъ прекрасно правитъ“. Разомъ выросъ передъ глазами транспортъ, концы летѣли со всѣхъ сторонъ. Каторжане работали на славу.

Константинъ Николаевичъ ухватился за веревку и выжидалъ моментъ. Катеръ поднялся на высоту и ударился о судно. Однимъ скачкомъ командиръ оказался на русленяхъ, выступающихъ у „Хунхуза“ низко за бортомъ.

— Осторожнѣе! Держись! — вдругъ раздались десятки голосовъ.

Куденцовъ едва успѣлъ отскочить, какъ бортъ катера, за который онъ въ разсѣянности схватился руками, ударился съ грохотомъ о русленя. Онъ не успѣлъ опомниться, какъ что-то тяжелое ударило рядомъ о палубу, отскочило и опрокинуло его вдоль рубки. Куденцовъ зналъ только, что надо держаться, и хватался руками за что попало. „Скорѣе, скорѣе!“—кричали ему съ транспорта. Ушибленный, потрясенный, онъ плохо понималъ, что дѣлалъ. Когда катеръ началъ опускаться внизъ, онъ ухватился за конецъ и прыгнулъ, повиснувъ въ воздухѣ на рукахъ. Но, къ счастью, его подхватили дюжія руки—кто уцѣпился за воротникъ, кто за фалду пальто, кто за руку—и однимъ взма-

хомъ вытащили на палубу. Тутъ стоялъ докторъ разставивъ ноги, согнувъ впередъ голову, и раскачивался взадъ и впередъ. Весь мокрый, скомканный и растрепанный, онъ производилъ впечатлѣніе быка, котораго поднимаютъ на судно на лебедкѣ. Послѣ своего невольнаго путешествія стоитъ онъ, также ничего не понимая, на затерпшихъ невѣрныхъ ногахъ.

„Да мы на суднѣ—какое пріятное чувство! Теперь уже все позади, теперь мы дома. Главное сдѣлано". Чувство блаженства разливалось по всѣмъ членамъ Куденцова. Онъ оглядѣлся. Вокругъ толкались матросы, возбужденные и радостные.

— Какъ пары?—донесся до него вопросъ командира.

— Слава Богу, всѣ цѣлы.

— Два раза, Константинъ Николаевичъ, ударило,—разсказывалъ Воронецъ и голосъ звучалъ спокойно, даже съ нѣкоторой хвастливостью.—Положеніе, можно сказать, бамбуковое... Но вода начала прибывать. Теперь за кормой девятнадцать... Какъ я радъ, еслибъ вы знали, что вы возвратились.

Куденцовъ вбѣжалъ въ каютъ-компанію, на ходу сбрасывая промокшее, пудовое отъ воды пальто.

— Вѣстовой, бери-ка его, надо выжать—говорилъ онъ громкимъ, счастливымъ голосомъ.—Ну и испытали же передрягу! Послушай, ты приготовь мнѣ горячаго чая съ лимономъ, можно и рому.

Онъ началъ переодѣваться.

— Слава Богу, что вѣтеръ сорвался не сразу, — говорилъ, спускаясь въ каютъ-компанію, командиръ. — Чортъ его знаетъ, какъ мнѣ не везетъ. Думалъ, что часика на два, на три успѣю съѣздить на берегъ. Какъ только будутъ пары, мы уходимъ,—сказалъ онъ механику. — При такомъ вѣтрѣ, здѣсь стоять невозможно. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, ужъ вы поторопите, милѣйшій.

— Я что же, я что могу, все дѣлаю,—привскочилъ съ мѣста механикъ.—Я пойду въ машину, теперь скоро.

— Да,—проговорилъ капитанъ—который уже разъ на Сахалинѣ и всегда то же. Благодаришь Бога, что цѣлъ останешься. Молодчинище еще Воронецъ...

За горячимъ чаемъ въ уютной каютъ-компаніи всѣ повеселѣли. Покачивало порядочно, но это что за бѣда. Терпѣть можно, только держи осторожнѣе свой стаканъ.

Куденцовъ съ удивленіемъ узналъ, что ему грозила серьезная опасность. Оказывается, при ударѣ катера о русленя былъ сшибленъ прикрѣпленный тамъ небольшой запасной якорь. Онъ упалъ на палубу катера, попортилъ перила, сбилъ трапъ, сшибъ имъ Куденцова и свалился въ воду.

— Я думалъ сначала: васъ ударило,—сказалъ капитанъ.

— Вотъ не знаешь никогда, гдѣ опасность. Чего боишься, то не случается, а чего не ожидаешь, то и произойдетъ,—раздумчиво произнесъ докторъ.

— А гдѣ же однако нашъ Иванъ Ивановичъ запропастился? — спросилъ командиръ, поглядывая съ усмѣшкой на Аверкіева.

— Гмъ!—зыкнулъ тотъ.—Мы были вмѣстѣ, когда намъ сказали, что вы побѣжали на транспортъ. Я поѣхалъ, а онъ съ Рѣпкинымъ остался. И безъ меня, говоритъ, справятся, а меня просто выгналъ. Тебѣ, говоритъ, молодому, надо быть на суднѣ.

— Правильно! — проговорилъ Константинъ Николаевичъ:— все правильно, и безъ него справимся. Значитъ, насчетъ клубнички, какъ говорилъ докторъ.

Докторъ, сидѣвшій на своемъ обычномъ мѣстѣ и истреблявшій пятый стаканъ чая, посмотрѣлъ на Аверкіева и сказалъ:

— Пакостникъ этотъ Рѣпкинъ!

— Да, онъ мужчина того—засмѣялся Аверкіевъ и покрутилъ какъ-то особенно головой.—Интересный!

— Есть чему поучиться!—добавилъ командиръ.

На Куденцова напало какое-то раздумье: „Какъ это въ самомъ дѣлѣ все въ жизни невѣрно. Вотъ, можно сказать, былъ два раза на волосокъ отъ смерти“.

Горячій чай, спокойные голоса разговаривающихъ, теплота каютъ-компаніи производили на него какое-то особое, чарующее впечатлѣніе. Онъ слушалъ ихъ и не понималъ, голоса слышались издалека, свѣтъ казался какъ въ туманѣ. Дремота одолѣвала его. Стало такъ тихо, такъ пріятно...

Когда онъ открылъ глаза — всѣ вскакивали со стульевъ и бѣжали на палубу. Что-то случилось. Машинально онъ послѣдовалъ за другими.

Вѣтеръ дулъ все съ такой же свирѣпостью, пронзительный свистъ въ снастяхъ отдавался по всему тѣлу, точно бѣжали по кожѣ мурашки. Транспортъ такъ и раскачивался, ударяясь о волны бортами, шлепаясь кормой и принимая на палубу воду.

— Какъ въ машинѣ?—слышался рѣзкій окликъ командира.

— Что случилось?—спросилъ Куденцовъ высунувшагося съ трапа вѣстового.

— Подрейфовало!—отвѣтилъ матросъ, съ тревогой вглядываясь въ темноту по направленію къ берегу.

Куденцовъ хотѣлъ бѣжать на корму, гдѣ было его мѣсто по росписанію, когда вѣтеръ рванулъ вдругъ съ такой силой,

точно хотѣлъ сдуть все со своего пути. Транспортъ жалобно заскрипѣлъ, почувствовалось рѣзкое сотрясеніе—корабль рвался на привязи, какъ добрый конь.

— Лопнуло! лопнуло!—послышались отдаленные голоса.

— Канатъ лопнулъ!—заревѣлъ вахтенный.

— Отдать якорь!—кричалъ командиръ, стараясь быть слышнымъ на полубакѣ. Голосъ его звучалъ дико среди этой бѣшеной какофоніи. Въ это время стремительно пронесся мимо механикъ.—Пары готовы!—кричалъ онъ на бѣгу.

Прошла одна минута или одна секунда—и вдругъ частыя и однообразныя сотрясенія палубы показали, что машина въ ходу. Опасность, схватившая-было корабль въ свои цѣпкія руки, осталась сзади, за кормой.

„Еще бы одна минута—и кончено!"—говорилъ себѣ Куденцовъ, повторяя одно и то же и какъ бы вдумываясь въ смыслъ этихъ словъ: „все кончено"...

Машина работала полнымъ ходомъ, но транспортъ едва подвигался. Онъ и въ хорошую-то погоду дѣлалъ шесть, шесть съ половиной узловъ, а теперь противъ вѣтра едва выгребалъ. Были минуты, когда онъ переставалъ слушаться руля и становился бокомъ къ волнѣ. Тогда въ каютахъ все летѣло на полъ. Кренъ и раскачиваніе доходили до предѣловъ. Книги, хорошо укрѣпленныя на этажеркѣ, выскакивали вонъ и разсыпались по всей каютѣ. Пустая бутылка, вырвавшаяся неизвѣстно откуда на свободу, летала стремглавъ по палубѣ каютъ-компаніи, пока не разбилась о ножку стола. Вѣстовые едва успѣвали подбирать.

Ревъ вѣтра, стукъ, удары воды, качка, перебои винта не давали спать.

Тукъ, тукъ, тукъ! работаетъ машина однимъ темпомъ и вдругъ сорвется, бѣшено сотрясая весь транспортъ: то винтъ оголился изъ воды.

Не спится; какое-то безпокойство гложетъ сердце. „Что предстоитъ еще впереди? Выберемся ли? Берегъ близко, вотъ маякъ надъ мысомъ какъ застылъ. Хода почти нуль. Чортъ съ нимъ, невозможно лежать".

Куденцовъ всталъ и вышелъ въ каютъ-компанію.

— А вы тоже не спите?—обратился онъ къ механику.

— Да, не спится.

— Знаете, мнѣ все думается—зашепталъ Куденцовъ,—что я не рожденъ морякомъ, и это меня безпокоитъ. Я не могу такъ жить. Я всего боюсь, обо всемъ раздумываю, совсѣмъ не такъ, какъ другіе, ну, напримѣръ командиръ, Аверкіевъ, Заимкинъ.

Вѣдь правда, такимъ нельзя быть морякомъ? Да я и не хотѣлъ. Отдали въ морской корпусъ, что же тутъ подѣлаешь... Но я уйду, непремѣнно уйду; прикоплю немного денегъ и уйду. Вѣдь еще не все потеряно?

— Нѣтъ, не уйдете!—проговорилъ съ какимъ-то отчаяніемъ механикъ: — многіе собираются на разные подвиги, да ничего изъ этого не выходитъ, все по старому остается.

Морской.

НАРОДЪ и ВОЙНА

Окончаніе.

III *).

Представленія народа о пріемахъ и тактикѣ военнаго дѣла— самыя примитивныя. Народъ, конечно, знаетъ, что на войнѣ „бой“ происходитъ при помощи оружія, что тамъ стрѣляютъ изъ ружей и пушекъ, идутъ на штыки, подводятъ мины. И, тѣмъ не менѣе, при разсужденіяхъ о войнѣ ему трудно отрѣшиться отъ стариннаго представленія о „битвѣ“, какъ о единоборствѣ. Во время русско-турецкой войны крестьяне — по словамъ Энгельгардта—оцѣнивали событія войны, примѣняя къ нимъ термины единоборства. „Чья пошибка возьметъ?“ „Нашего царя неустойка“, — говорили они. Во время японской войны создалась легенда, что у японцевъ „проявился исполинъ, который хочетъ сразиться съ нашимъ вoякой“.

„Любопытно и достойно вниманія, — пишетъ г. Соколовъ— что какъ меня подростка, такъ и крестьянъ въ войнѣ интересовала болѣе всего не та или иная одержанная нашими войсками побѣда, а отдѣльные эпизоды войны, молодецкія схватки „нашихъ“ съ турками „одинъ на одинъ“, или еще лучше, когда одинъ нашъ солдатъ справлялся съ дюжиною турокъ, угощая ихъ прикладомъ ружья. Такому геройству дѣйствительно дивился народъ. Именно за эту удаль народъ и полюбилъ „бѣлаго генерала“ Скобелева, неизмѣнно гнавшаго турку, топча его всѣми

*) См. мартъ, стр. 196.

четырьмя ногами своего бѣлаго коня и грозно потрясавшаго своей золотою саблей".

Народная масса, конечно, сознаетъ, что для веденія войны недостаточно одной силы, удали и даже „золотой сабли", что для этого требуется еще извѣстная тактика. Но тактику войны масса понимаетъ въ видѣ „военной хитрости". Существуетъ нѣсколько классическихъ „хитростей", излюбленныхъ народнымъ творчествомъ. Одна изъ нихъ состоитъ въ томъ, что набиваютъ мѣшки съ соломой, надѣваютъ на нихъ солдатскія кепи и выставляютъ впередъ подъ выстрѣлы непріятеля. А когда послѣдній выпускаетъ всѣ свои заряды, тогда прятавшіеся за чучелами солдаты выскакиваютъ и нападаютъ на него.

Еще чаще говорится въ легендахъ о „хитрости" соглядатайства. Популярный генералъ, или вообще военный герой, переодѣвшись, забирается во вражій станъ, встрѣчается и разговариваетъ съ самимъ вождемъ непріятельской арміи, разузнаетъ всѣ его тайны, сколько у него солдатъ и припасовъ, а главное, „чѣмъ онъ силенъ"—и уходитъ неузнаннымъ или передъ уходомъ открываетъ, кто онъ, и ухитряется ловко ускакать отъ непріятеля. Послѣ этого побѣда уже вполнѣ обезпечена.

Вотъ что говоритъ по поводу этой „хитрости" П. В. Кирѣевскій: „Образъ героя, переодѣтаго именно купцомъ, какъ въ этомъ видѣ является онъ ко врагу и врага обманываетъ, а послѣ одолѣваетъ, крайне древенъ въ нашемъ пѣснотворчествѣ... Въ эпосѣ Владимировомъ это начинается тотчасъ же съ Ильи Муромца: какъ посредникомъ Владимира и царя восточнаго является онъ, переодѣтый поваромъ, въ сажѣ „черный", ругаетъ врага, завязываетъ битву, побиваетъ непріятелей. По прочимъ былинамъ и въ Новгородѣ повторяется это на тотъ или другой ладъ. Въ Московскомъ періодѣ крѣпнетъ это въ образахъ еще больше опредѣленныхъ, хотя все на одинъ же ладъ, и сосредоточивается около крупнѣйшихъ историческихъ лицъ или событій. Въ семъ самомъ видѣ отправляется Скопинъ брать Азовъ, Одоевскій—брать Астрахань; при Петрѣ—Иванъ Заморянинъ, прочіе Донцы и самъ Петръ въ образѣ „богатаго гостя"—брать Азовъ; послѣ Азова Петръ такъ же точно является въ Стокгольмъ, какъ „купчинушка по городу гуляетъ" и едва успѣваетъ спастись оттуда".

Легенды этого же характера переносятся затѣмъ на популярныхъ генераловъ—Краснощокова, Платова и другихъ.

Относительно Платова мнѣ пришлось слышать ту же легенду въ слѣдующей версіи.

„Сказано въ пѣснѣ: „Казакъ Платовъ согрѣшилъ, усы, бо-

роду побрилъ". А за Платовымъ тутъ никакого грѣха не было, онъ зналъ что дѣлалъ. Усы и бороду побрилъ онъ, чтобъ его не узналъ французъ. Одѣлся онъ купцомъ и поѣхалъ къ самому Напольону и сталъ его спрашивать, не надо ли ему разнаго припасу, ну тамъ хлѣба, овса, пороху. Французъ тутъ обрадовался и говоритъ: хлѣба доставь мнѣ столько-то, овса столько-то, пороху столько-то. Вотъ Платовъ и узналъ, сколько у него припасовъ. Потомъ онъ вывѣдалъ, „чѣмъ французъ воинъ". А французъ его спрашиваетъ: „А какой, говоритъ, такой Платовъ у васъ есть? Всѣхъ, говоритъ, генераловъ знаю, однако Платова не видалъ". А Платовъ говоритъ: „Погляди на меня—онъ какъ есть я, все единственно". А французъ все не понимаетъ. Да тутъ зашла дочка француза и говоритъ Платову: „Карточку вашу покажить!" Ну, Платовъ туда-сюда, да ужъ не вывернуться. Выбѣжалъ, сѣлъ на коня и крикнулъ: „Эхъ ворона, ворона! Ясна-сокола не могъ поймать, казака Платова не могъ спознать!" И ускакалъ!" [1])

Въ народѣ существуетъ ясное сознаніе, что война имѣетъ свои законы. Войну нельзя начинать безъ предупрежденія, нельзя обижать мирное населеніе, нельзя ни убивать, ни мучить плѣнныхъ.

В. И. Немировичъ-Данченко приводитъ слѣдующую характерную сценку. „По обстрѣливаемой дорогѣ шелъ конюхъ. Турки стали по немъ дуть чуть не залпами. Всѣ остальные перебирались согнувшись, конюхъ остановился во весь ростъ противъ непріятельскихъ позицій. — Ишь, дураки! — вдругъ начинаетъ усовѣщевать ихъ, хотя, разумѣется, не могли его слышать.—И чего вы стрѣляете, я вѣдь только што конюхъ, мнѣ и ружья не полагается, сволочь!—И плюнувъ, онъ отправился дальше".

Особенно сильно было возмущеніе народа противъ турокъ за звѣрское обращеніе съ плѣнными.

— Къ нимъ, если нашъ братъ попадается, они съ него съ живого кожу сдирали, а потомъ пятки поджаривали на огнѣ,— говорилъ мнѣ одинъ солдатъ.—Мучили, издѣвку дѣлали. А когда они къ намъ попадались, мы съ ними хорошо обходились.

— Нашимъ не приказано ихъ мучить,—вставилъ другой.

— А имъ развѣ приказано? Имъ тоже не приказано, а мучаютъ...

— Нашимъ строже приказано. Притомъ же они махмудане...

---

[1]) Записано въ 1889 г. въ селѣ Краснопольѣ, Славяносербскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи.

— Нѣтъ!—отозвался авторитетно третій.—На „конгрестѣ" всѣмъ одинъ приказъ: не мучить плѣнныхъ, а они, проклятые, не слушаются!

— Такъ мы же на то православные!—стоялъ на своемъ первый.—Намъ и по закону нельзя мучительства дѣлать. А имъ можно.

Существуетъ еще въ народѣ повѣрье, что нельзя ничего брать съ убитаго непріятеля. По этому поводу одинъ солдатъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

— Со мной разъ что̀ было. Иду степью. Послѣ сраженія было. Вдругъ вижу на бугрѣ солдатъ нашей рати стоитъ, землякъ, Шкуркой звали. Кричитъ мнѣ: „Яковъ! Яковъ!" Подхожу. „Что такое?" А онъ мнѣ показываетъ: „смотри". Смотрю—лежитъ турецкій офицеръ, на груди рана, а еще живъ, глаза открываетъ и закрываетъ. А кровь изъ раны: капъ, капъ, капъ! „Чего же, говорю, смотрѣть?" А Шкурка показываетъ: „Смотри, часы". Вижу—цѣпочка золотая, толстая, а изъ кармана часы тоже золотые высунулись. Хотѣлъ я взять, а Шкурка говоритъ: „Не надо, говоритъ, грѣхъ". Тутъ еще солдатикъ подошелъ, тоже свой. „Чего, братцы, стоите?" Мы ему сказали. Посмотрѣлъ, разсмѣялся. Прямо прикладомъ турка по головѣ бацъ! Тотъ ногой только дрыгнулъ, и духъ вонъ. Солдатикъ снялъ часы, цѣпочку, въ карманѣ нашелъ еще поясъ съ деньгами, 18 золотыхъ. „Ну, этимъ, братцы, подѣлимся", говоритъ. Я хотѣлъ взять, а Шкурка мнѣ опять: „Не бери. Это не деньги, а черви, съѣдятъ тебя". Я не взялъ. Только отошелъ—татахъ!! Обернулся—солдатикъ, что часы взялъ, лежитъ убитый. За кустомъ турокъ сидѣлъ и выстрѣлилъ. Шкурка бросился и этого турка убилъ.—

При первыхъ слухахъ о войнѣ, и въ особенности при началѣ военныхъ дѣйствій, народъ начинаетъ тревожно доискиваться причинъ, вызвавшихъ войну.

Обыкновенно, народная мысль прежде всего останавливается на мотивахъ правового характера: Бѣлый Царь былъ вынужденъ начать войну противъ другой державы [1]), потому что она перестала подчиняться какимъ-то законамъ, короче — „взбунтовалась", и ее необходимо усмирить, „замирить". Эти мотивы юридическаго характера обыкновенно облечены въ крайне смутную, неопредѣленную форму. Въ чемъ заключаются беззаконные

---

[1]) Существуетъ очень распространенная легенда, что Бѣлый Царь *не имѣетъ права* объявлять войну первымъ. Это мотивируется тѣмъ, что еслибъ царь имѣлъ это право, онъ быстро завоевалъ бы весь міръ.

поступки взбунтовавшейся державы — на этомъ легенда совершенно не останавливается.

Въ гораздо болѣе опредѣленной формѣ представляются народной массѣ мотивы религіознаго характера. Царь выступилъ войной противъ нехристей, которые собираются унизить или даже уничтожить православную вѣру. Легенды такого рода создавались почти при всѣхъ войнахъ минувшаго столѣтія. Война 12-го года объяснялась тѣмъ, что нечестивый царь Аполіонъ выступилъ противъ „Александра царя православнаго“ и хотѣлъ

„Изничтожить церкви Божіи,
А крещеный народъ избить-перебить,
А которые живы останутся,
Совратить ихъ въ идольство“ [1]).

Этими же мотивами объяснялась и Крымская кампанія, которая началась изъ-за того, что „императоръ Николай I истребовалъ ключи отъ Ерусалима; ключей-то ему черномордые дураки и не отдали, такъ онъ тогда и началъ ихъ, подлецовъ, лущить по башкѣ“ [2]).

По поводу войны въ Сербіи въ народѣ говорили: — „Градъ Кистинкина, Софію Премудрую, вишь ты, турка забрать ладитъ. Ишь, нехристь!.. Христіанску вѣру подъ мечеть подвести норовитъ. Крестъ луной прикрыть, значитъ, желательно. Вотъ что!..“ Еще больше легендъ этого характера было по поводу русско-турецкой войны.

Наконецъ, и русско-японская война не обошлась безъ аналогичныхъ объясненій. Ходила легенда, что японскій царь послалъ нашему насмѣшливое письмо, въ которомъ просилъ извѣстить его, сколько въ Россіи церквей. Ему-де надо это знать потому, что онъ собирается, по завоеваніи Россіи, обратить всѣ православныя церкви въ конюшни. На это царь отвѣтилъ японцу, что ему нечего безпокоиться; въ Россіи много конюшенъ, и ихъ хватитъ не только для японскихъ лошадей, но и для всей японской арміи, которую русскій царь заберетъ въ плѣнъ.

Рядомъ съ мотивами религіозными народная масса ищетъ для войны и экономическіе, при чемъ всѣ они сводятся къ одному только земельному вопросу. Война, конечно, большое зло, противное Богу, но что же дѣлать, если другіе народы захватили всю землю, держатъ ее безъ пользы, а русскому человѣку край

---

[1]) Сказитель-гусляръ.

[2]) Гл. Успенскій, „Перестала!“.

пришелъ, податься некуда? Волей-неволей приходится воевать. На войну смотрятъ какъ на „равненіе“ или „черный передѣлъ“ международнаго характера.

Любопытна слѣдующая легенда: „Когда Богъ давалъ землю, китаецъ пришелъ раньше всѣхъ и получилъ больше всѣхъ земли. Нашъ русскій пришелъ позднѣе всѣхъ, то ему и меньше досталось. Тогда Богъ сказалъ ему, чтобы онъ отбивалъ землю у другихъ; поэтому мы теперь воюемъ завсегда со всѣми народами“ [1]).

Русско-турецкую войну крестьяне во многихъ мѣстахъ понимали какъ борьбу за землю. „Причины войны — пишетъ г. Соколовъ—придумывались, одна другой фантастичнѣе, нелѣпѣе; но наибольшій успѣхъ имѣла одна, пущенная какимъ-то догадливымъ прохожимъ. „Вишь ты, разсказывали мужики, въ Рассеѣ земли стало въ умаленьи, народу больно умножилось, такъ царь-батюшка хочетъ турецкую землю отъ англичанъ отобрать и подѣлить мужичкамъ.

— А что земля-то хорошая ли?—любопытствовали наиболѣе завидующіе—стоитъ ли кровь лить?

— Земля, одно слово: турецкая!

— Оно, знамо, турецкая земля сдобная, низовая, можно сказать... табакъ и всякую прочую фрукту производитъ,—рапортовалъ бывалый человѣкъ.

— Господи Боже, нехристь, а экую землю занимаетъ!.. Фрукта всякая“...

По возвращеніи солдатъ съ войны „крестьяне начали настойчиво пытать героевъ: зачѣмъ они ходили подъ турку, что тамъ видѣли и чего теперь мужичкамъ ожидать слѣдоваетъ“, и главное: „будетъ ли надѣленіе землей?“—„Слышь, землей Рассею надѣлять станутъ, такъ отъ братушекъ отберутъ али только отъ турка?“

Солдатъ на это отвѣчаетъ сомнѣніемъ, чтобы у братушекъ землю отбирали, и прибавляетъ:—„А турецкая земля намъ ни къ чему. Да и далеко больно.

— Далеко?

— Страсть Господня. Думали, и конца тутъ не будетъ. Да и туркѣ жить надо, братцы.

— Али не всѣхъ перебили?

— Куды-те всѣхъ! Ихъ, братъ, видимо-невидимо“.

---

[1]) „Что чит. нар.“, т. II, стр. 804.

Такое же отношеніе крестьянства къ русско-турецкой войнѣ отмѣчаетъ и А. Энгельгардтъ.

„Когда получилось извѣстіе о мирѣ, первый вопросъ крестьянъ былъ:

— А Костиполь взяли наши?

— Нѣтъ.

Недоумѣніе на лицѣ.

— А много наши турецкой земли забрали?

— Много.

— Третью часть забрали?

— Больше.

— Ну, слава тебѣ Господи!"

И сейчасъ же „разнесся слухъ, что безземельныхъ будутъ на турецкую землю переселять".

Представленія народа о войнѣ, какъ о средствѣ „международнаго равненія" не только земли, но и вообще міровыхъ богатствъ, ярко выступаютъ въ одной, приводимой Гл. Ив. Успенскимъ, народной легендѣ, въ которой высказывается, хотя и смутно, глубокое сознаніе народной массы, что другія державы успѣли захватить, присвоить себѣ бо́льшую часть земныхъ благъ, мірового богатства, а Россія осталась ни при чемъ, бѣдная и обиженная.

Солдатъ философствуетъ о войнѣ (русско-турецкой).

„— Нѣтъ, братъ, теперь извини. Былъ у него хвостъ вотъ какой, пуще павлиньяго. Ну, будетъ! Довольно! Погуляй-ка такъ; порядочно мы ему хвостъ-то отхватили...

— Чей хвостъ?

— Чей! Всѣхъ вообще ихнихъ народовъ... Иностранныхъ подлецовъ... Теперь-хочь и много крови пролито, а золотыя мѣста взяли... Д-да! По газетамъ пишутъ, сказываютъ, ужъ бо-альшой раскопъ идетъ въ Араратской горѣ... Первобытнаго быка отыскали... Самое то мѣсто нашли, куда онъ въ допотопныя времена воткнулся!.. Первобытныхъ вѣковъ быкъ!.. Вотъ что!..

— Это чтожъ такое? — очевидно съ явнымъ замираніемъ сердца, почти шепотомъ спросилъ одинъ изъ слушателей.

— А то, что это самое и есть корень золотымъ мѣстамъ во всемъ свѣтѣ... А они (такъ и такъ) туда-то насъ и не пущали... Ты теперича пойди съ нашей рублевкой въ ихнюю землю, онъ тебѣ рубля не дастъ ни во вѣки-вѣковъ... У нихъ все, братецъ ты мой, золото да серебро, а бумажекъ и въ заводѣ нѣтъ... потому завладѣли коренными мѣстами: все золото

себѣ и забрали, а насъ не допускаютъ. Ну, только теперь—шалишь!.. Онъ насъ въ Севастопольскую кампанію изъ-за чего мутилъ? Все изъ-за этого, изъ-за самаго, не пускалъ къ кореннымъ мѣстамъ. Нашъ царь объявилъ войну,—небось, онъ не пошелъ на Питеръ-то... Ему бы путь, какъ по маслу-то въ Россію вломиться... Флотъ у него есть, матросовъ пятнадцать милліоновъ, — отчего онъ, нѣмецкая шельма, сюда не шелъ?.. Ты думаешь, спроста? Не зналъ? Нѣтъ, онъ тонко понимаетъ! Онъ взялъ, да объявился—эво гдѣ, въ Севастополѣ! Полѣзъ на Россію изъ-подъ кручи! изъ-подъ горы!.. Почему?.. Боялся! Потому тамъ самыя и начинаются коренныя мѣста—вотъ онъ насъ и приперъ снизу, чтобы къ мѣстамъ-то этимъ не подпустить!.. Во!.. Охъ, братъ, гляди ему въ зубы-то... Онъ свое дѣло знаетъ тонко... А теперича мѣста-то наши! На-ко вотъ съѣшь!.. ха-ха!..“ [1])

Народная масса ждетъ отъ войны рѣшенія самаго больного вопроса крестьянской жизни, земельнаго, не только въ томъ смыслѣ, что народу будетъ раздана завоеванная земля. Гораздо чаще съ войной (какъ со всякимъ изъ ряду вонъ выходящимъ явленіемъ политическаго характера) связывается чаяніе земли въ томъ смыслѣ, что она будетъ отобрана у помѣщиковъ и отдана крестьянамъ. „До войны,—пишетъ Энгельгардтъ—слуховъ и толковъ (о землѣ) было меньше. Сильно толковать стали послѣ взятія Плевны, и какъ-то вдругъ сразу повсемѣстно: „кончится война, будетъ ревизія, и будутъ равнять землю“... Послѣ взятія Плевны о „милости“ всюду говорили открыто, и на сельскихъ сходахъ, и на свадьбахъ, и на общихъ работахъ“.

Обыкновенно эти чаянія связываются съ царемъ. Послѣ войны должны быть перемѣны: царь наградитъ народъ за понесенные имъ труды землею. Однако эти чаянія земли связываются иногда и съ иноземцемъ. Ожидаются милости, какъ это ни странно, даже отъ непріятеля. Во время войны 12-го года крестьяне ожидали, что Наполеонъ освободитъ ихъ отъ рабства. Въ 60-хъ годахъ въ народѣ ходили слухи, что вотъ „придетъ Галабурда (Гарибальди) и отберетъ землю у пановъ и отдастъ мужикамъ“. Мнѣ лично пришлось слышать отъ крестьянъ слѣдующую легенду. Однажды послѣ сходки староста, пожилой, умный крестьянинъ, вдругъ категорически заявляетъ: „Теперь землю безпремѣнно отберутъ у господъ“.

— Почему?—спросилъ я.

---

[1]) „Умерла за направленіе“.

— Слыхалъ? Говорятъ, война будетъ.

— Ну?

— Ну, значитъ, какъ будетъ война, царь и дознается, что у мужиковъ земли нѣтъ.

— Какъ же онъ при войнѣ дознается?

— Какъ? А очень просто. Война, примѣрно, какъ бываетъ? Дерутся, а потомъ на время замиреніе дѣлаютъ. Тогда наши солдатики съ ихними вмѣстѣ сходятся, разговариваютъ. Ну, извѣстно наши солдатики ихнимъ и разскажутъ все, какъ есть: притѣсненія въ землѣ, выгона нѣтъ, водопоя нѣтъ, помѣщики всю землю себѣ забрали. Ну, ладно. Ихній солдатикъ запомнитъ, да и разскажетъ это своему офицеру, а офицеръ разскажетъ выщему начальству, а выщее начальство еще выщему, пока дойдетъ до ихняго царя. А какъ съѣдутся вмѣстѣ всѣ цари, ихній царь и скажетъ нашему: „А знаете, ваше императорское величество, что въ вашей землѣ дѣлается? Мужики земли не имѣютъ, выгона нѣтъ, помѣщики притѣсняютъ. Вотъ царь и узнаетъ правду и дастъ землю“ [1]).

IV.

Если въ обычное мирное время творцы и руководители внѣшней и внутренней политики меньше всего считаются съ мнѣніями и чаяніями народа, меньше всего прислушиваются къ его голосу, то въ критическіе моменты, при дипломатическихъ осложненіяхъ, а въ особенности когда война уже объявлена, желательной оказывается „санкція народа“. Извѣстная часть печати выступаетъ выразительницей „воли народа“, начинаетъ говорить отъ имени „всего русскаго народа“, заявляя, что онъ „глубоко возмущенъ“, „потрясенъ“, „не потерпитъ“ и настойчиво „требуетъ войны“.

Одновременно съ этимъ начинается усердное разжиганіе шовинистическихъ страстей. Въ сотняхъ и тысячахъ лубочныхъ книжекъ, картинокъ, каррикатуръ и пѣсенъ распространяются самыя невѣроятныя свѣдѣнія какъ о непріятелѣ, такъ и о ходѣ войны съ нимъ. Непріятель рисуется непремѣнно грубымъ, дикимъ и безобразнымъ, дерзкимъ и трусливымъ. Въ противоположность ему русскій солдатъ всегда изображается сильнымъ, храбрымъ и побѣдоноснымъ.

---

[1]) Записано въ 1888 г. въ деревнѣ Павловкѣ, Екатериносл. губ.

Лубочная картинка является съ давнихъ поръ неизмѣнной спутницей войны. Во время русско-французской войны 1812-го года она уже играла значительную роль. Тогда лубочныя картинки были пущены въ ходъ Растопчинымъ подъ видомъ „афишъ". Л. Н. Толстой описываетъ эти афиши „съ изображеніемъ вверху питейнаго дома, цѣловальника и московскаго мѣщанина Карпушки, „который былъ въ ратникахъ и, выпивъ лишній крючокъ на тычкѣ, услыхалъ, будто Бонапартъ хочетъ идти на Москву, разсердился, разругалъ сквернымъ словомъ всѣхъ французовъ...", говоря, что они „отъ капусты раздуются, отъ каши разлопаются, отъ щей задохнутся, что они всѣ карлики и что ихъ троихъ одна баба вилами закинетъ".

Лубочная картинка, получивъ съ теченіемъ времени болѣе широкое распространеніе, становилась все хуже, грубѣе и глупѣе по содержанію. Растопчинскія „афиши" могутъ показаться идеальными въ сравненіи съ современными, отвратительными по своей кровожадности и цинизму, лубочными картинками на военныя темы. Изслѣдовательница лубочной литературы, г-жа Некрасова, даетъ слѣдующее описаніе лубочныхъ изданій, выходившихъ во время русско-турецкой войны. Одно изъ нихъ: „Наши жернова все смелютъ", „имѣетъ на обложкѣ яркую картинку, гдѣ изображенъ очень большого размѣра русскій мужикъ-работникъ; онъ въ красной рубахѣ, съ ремешкомъ на головѣ и въ бѣломъ фартукѣ. Въ рукахъ держитъ мельницу. Три дюжихъ турка всыпаютъ въ мельницу свои турецкіе полки вмѣстѣ съ всевозможнымъ оружіемъ. Вся эта масса подъ рукой русскаго мужика обращается въ кровавую муку. Для поясненія картинки приложено стихотвореніе: „Что молоть-то? подавай! Да побольше подсыпай. Перемелемъ все въ муку, запоемъ: ку-ка-реку!.." „Въ такомъ же духѣ и такого же характера были и другія изданія: „Послѣ ужина горчица", „Пищатъ", гдѣ остроуміе писателя доходило до звѣрскаго издѣвательства надъ врагомъ, а самое издѣвательство иллюстрировалось яркой картинкой. Изображена, напримѣръ, мускулистая, гигантскихъ размѣровъ рука, которая такъ сильно сдавила за талію маленькую жиденькую фигурку турецкаго султана, что съ него ручьями течетъ кровь. Подъ картинкой подписано: „Добываніе морса по новому способу" [1]).

Совершенно такого же характера и достоинства лубочныя картинки распространялись въ народѣ и во время русско-японской войны. Отличительныя ихъ черты: зубоскальство надъ

---

[1]) „Была ли у насъ газета для народа?" („Русск. Мысль", 1889, № 12).

желтолицымъ и малорослымъ „макакой“, бахвальство силой русскаго кулака, изображеніе блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ русской арміей и флотомъ надъ трусливымъ „япошкой“. Какими только эпитетами не награждаются японцы: „страшные уроды“, „косоглазые вояки“, „курносый дурачище“, „обезьяна“, „хвастунишка и слюнтяй“, и т. п. Японцы настолько безобразны, что лубочная муза имъ заявляетъ:

„Стыдно съ вашей желтой рожей
И на свѣтъ казаться Божій.
Ну и сторона!“

„Японскіе гусары“, у которыхъ „кони некормлены и стары“, увидѣвъ казаковъ, убѣгаютъ.

„На героевъ желтыхъ и напали страхи,
Сабли ихъ упали, испугались сами.
Повернули коней къ казакамъ хвостами“.

Богатырская мощь русскаго солдата, по лубочной картинкѣ, неразрывно связана съ плетью, нагайкой и кулакомъ. Въ картинкѣ: „Боевая пѣсенка донцовъ“ изображенъ громадный мужикъ съ звѣрскимъ выраженіемъ лица... Этотъ мужикъ, подхвативъ японца, бьетъ его тройчатымъ кнутомъ, при чемъ у ногъ казака, вѣроятно про запасъ, виднѣется еще пукъ розогъ“. А въ текстѣ, между прочимъ, говорится:

„А отъ насъ, братъ, будетъ порка
Съ плетью казака“.

Въ картинкѣ „Къ войнѣ Россіи съ Японіей“ изображено, какъ русскій матросъ, нарисованный на самомъ краю крейсера „Ретвизана“, достаетъ рукою японскаго адмирала „Того-Паша“ и наноситъ ему такой ударъ кулакомъ, что лицо адмирала превращается въ два пузыря, изъ носа льются потоки крови, а изо рта вываливаются зубы. А въ текстѣ объясняется:

„Кулакъ вдругъ канонира
Залѣпилъ японцу въ рыло;
Зубы вышибъ изо рта!“

И дается еще обѣщаніе:

„Безъ Кардита и Лидита
Мы свернемъ тебѣ ланита
Мощью кулака!“

Въ картинкѣ „Русскій гостинецъ“ опять центральное мѣсто занимаетъ богатырь, въ видѣ мужика съ нагайкой.

Вѣра въ мощь „кнута и дубины“ до того велика у лубочника, что онъ, совершенно не считаясь съ фактами, не ожидая событій, заранѣе торжествуетъ побѣду надъ врагомъ, изображаетъ японскую армію уничтоженной, флотъ потопленнымъ. Въ то самое время, когда японцы потопили „Петропавловскъ“ и нѣсколько другихъ судовъ, лубочная картинка изображала японскій флотъ потопленнымъ, при чемъ лубочная муза обращалась къ микадо съ наставленіемъ:

„Тебѣ съ нами драться трудно;
Что ни день, то гибнетъ судно —
Славныя дѣла!
Лѣзешь сдуру къ Портъ-Артуру.
Потрепали твою шкуру
Мы въ единый мигъ!“

Но лубочная картинка не довольствуется совѣтами. Она, какъ и ея предшественница во время русско-турецкой войны, старается будить кровожадные инстинкты. Въ картинкѣ: „Какъ русскій матросъ отрубилъ японцу носъ“ изображено, какъ русскій матросъ держитъ въ одной рукѣ окровавленную шашку и, подбоченясь другою рукою, „съ улыбкою смотритъ на упавшаго и задравшаго ноги японца, у котораго высокимъ фонтаномъ бьетъ кровь изъ дыры, образовавшейся на мѣстѣ отрубленнаго носа“.

Легко себѣ представить, какъ должны дѣйствовать на народную массу подобныя картинки, въ особенности если принять во вниманіе, что народъ, глядя на картинки, часто вѣритъ, что на нихъ изображены реальныя событія, чуть ли не срисованныя съ натуры. Во время русско-турецкой войны—разсказываетъ Соколовъ—„лубочнымъ картинкамъ всѣ мы до такой степени вѣрили, какъ въ точное изображеніе войны, что разыскивали среди сражающихся солдатъ своихъ односельчанъ и знакомыхъ и, къ общему восторгу, всегда находили кого-нибудь“.

Не уступаетъ лубочной картинкѣ и лубочная книжка о войнѣ. Такъ напр., въ книжкѣ: „Бомбардировка крѣпости Портъ-Артура“ разсказывается: „Голыми руками отбивались наши матросы (всего 26 чел.) отъ нападавшихъ (300 чел.), многіе же японцы имѣли въ рукахъ палки и даже ножи. Матросы прямо хватали малорослыхъ противниковъ за туловище, оборачивали вверхъ ногами и головами утрамбовывали землю; броситъ одного и хватаетъ другого — благо тѣхъ много. И смѣшно, и жутко! А макаки, яростно наскакивая, оглашая воздухъ пронзительными криками,

дѣлая при этомъ страшныя рожи, дабы напугать врага... летѣли на землю одинъ за другимъ" [1]).

Рядомъ съ лубочными картинками и книжками, направленными къ возбужденію въ народной массѣ шовинистическаго настроенія, должна быть поставлена искусственная солдатская пѣсня. Единственное ея отличіе заключается въ томъ, что въ ней отсутствуютъ каннибальскіе мотивы. Во всемъ остальномъ она не отличается отъ военно-лубочныхъ картинокъ: то же бахвальство кулакомъ, та же фальшивая приподнятость настроенія. Въ общемъ, такая пѣсня представляетъ собою сплошную фальсификацію солдатскихъ чувствъ, думъ и настроеній. П. В. Кирѣевскій даетъ слѣдующую ея характеристику. „Литературныя измышленія пѣсенъ сочиненныхъ ниже всякой критики и практическаго примѣненія: они навязывались насильно, волею и неволею, продолжая черезъ солдатъ давленіе свое и на всю народную массу; они становились на ходули, преувеличивали наивно и просто лгали, фальшивили дорогими чувствами, развивали напускной азартъ и непомѣрную самонадѣянность; они создавали привилегированную, невѣжественную, но вмѣстѣ гордую и презрительную къ низшимъ братьямъ корпорацію; они развращали нравственно, они отрывали себя отъ народа, народъ отъ себя, роя въ промежуткѣ бездну, на которую послѣ приходилось плакаться; они подрывали истинный, творческій и художественный вкусъ, ускоряя паденіе и безъ того клонившейся къ ослабленію народной пѣсни" [2]).

Наиболѣе отличительная черта искусственной пѣсни — это безграничное хвастовство своей удалью и безстрашіемъ. Она то и дѣло выкликаетъ:

„Храбры воины Россійски,
„Нашей славы полонъ свѣтъ!

или:

„Вѣдь мы турокъ не боимся
И татаръ мы не страшимся!"

а то даже:

„Грозной смерти не боимся,
Сами громъ несемъ въ рукахъ".

Солдатская пѣсня рисуетъ русскаго солдата залихватскимъ воякою, которому ни по чемъ всѣ невзгоды и лишенія солдат-

---

[1]) Бѣлоконскій, „Лубочная литература о японско-русской войнѣ" („Образованіе", 1904 г., №№ 5 и 7) и т. д.

[2]) „Пѣсни". Вып. IX, стр. 236—7.

скаго житья. Пьяница и забіяка, онъ постоянно веселъ, чувствуетъ себя счастливымъ въ обстановкѣ казармы и рвется въ бой съ непріятелемъ.

„Что подъ дождичкомъ трава,
То солдатска голова:
Весело цвѣтетъ, не вянетъ,
Службу царску бойко тянетъ.
Жизнь мужицкая прости!
Рады службу мы нести.
По призыву ль иль по волѣ
Умереть готовы въ полѣ...

Солдатъ

...„ружье, патронникъ, лямку —
Какъ ребенокъ любитъ мамку“ [1]).

По другой версіи къ этому прибавляется:

„Жизнь солдатска намъ забава,
Польза счастье, намъ и слава“.

У солдата самыя интимныя, кровныя привязанности порваны. Забыты отецъ и мать, жена и дѣти. Вмѣсто нихъ явились другія, чисто солдатскія привязанности. У „солдатушекъ-ребятушекъ“ „дѣды—славныя побѣды“; „матки — бѣлыя палатки“; „жены— ружья заряжены“; „тетки — двѣ косушки водки“; „сестры — штыки, сабли востры“; „дѣтки — пули мѣтки“; „хата — лагерь супостата“.

Насколько эти пѣсни по формѣ и языку доступны народу, можно судить по слѣдующимъ образцамъ:

„Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый Россъ!“

Или:

„Графъ Румянцевъ нашъ отецъ,
Мы сплетемъ ему вѣнецъ,
Изъ своихъ, братцы, сердецъ...
А Потемкина прославимъ.
Вождемъ будетъ ему Марсъ,
Подъяремникомъ—Пегасъ!“

„Очень одушевительно для солдатъ!“ — восклицаетъ по поводу этихъ стиховъ Кирѣевскій.

---

[1]) А. И. Соболевскій, „Великорусскія народныя пѣсни“, т. VI, № 152.

V.

Искусственная солдатская пѣсня, какъ и военно-лубочная картинка, настолько грубо фальсифицируютъ чувства и настроенія народа и, въ частности, солдатъ по отношенію къ войнѣ, что это бросается въ глаза всякому, кто хоть мало-мальски знакомъ съ народомъ. Но особенно рѣзко выступаетъ на видъ вся тенденціозная фальшь этихъ пѣсенъ и картинокъ, если поставить рядомъ съ ними произведенія истиннаго народнаго творчества— рекрутскія, солдатскія и историческія пѣсни, въ которыхъ такъ ярко и опредѣленно выступаетъ реальное отношеніе народа къ солдатчинѣ и войнѣ.

Русскій солдатъ прежде всего поразительно скроменъ по отношенію къ себѣ и къ своей роли въ войнѣ. Онъ отличается, по выраженію Л. Н. Толстого, „молчаливымъ безсознательнымъ величіемъ и твердостью духа, стыдливостью передъ собственнымъ достоинствомъ“. Онъ не только не способенъ бахвалиться своей храбростью, безстрашіемъ и побѣдами, но и вообще не любитъ говорить про свои подвиги. И если въ солдатской пѣснѣ иногда и прорывается выраженіе: „споемъ пѣсню про себя“, то за нимъ тотчасъ же слѣдуетъ характерная оговорка:

„Мы не сами про себя,
Про лютого короля“.

Или, по другой версіи:

„Мы не сами про себя—мы про Волгушку“ [1]).

Напрасно было бы искать въ настоящихъ солдатскихъ пѣсняхъ восторженныхъ описаній блестящихъ парадовъ, героическихъ битвъ, грома побѣдъ. Русская народная муза не вдохновляется войной. Солдатскія пѣсни проникнуты безъисходной грустью и горькой жалобой. Солдатъ, какъ и крестьянинъ, видитъ въ войнѣ только ея ужасы, кровь и стоны, горе и лишенія. Если народная муза иногда останавливается на изображеніи войны, то картина всегда получается одинаково ужасная. Солдаты

„Которые на горѣ —
По колѣнъ стоятъ въ рудѣ;
Которы подъ горой —
Тѣхъ засыпало землей“.

---

[1]) А. И. Соболевскій, тамъ же, № 10.

Какъ только „загремитъ пальба ружейная“, какъ уже

„Что не камушки съ крутыхъ горъ покатилися,
Покатились съ плечъ головушки солдатскія;
Что не алое сукно въ полѣ заалѣлось,
Заалѣлась тутъ кровь солдатская“.

У „славнаго тихаго Дона“

„Не сохами-то славная земелюшка наша распахана, не плугами,
Распахана наша земелюшка лошадиными копытами,
А засѣяна славная земелюшка солдатскими головами...
Украшенъ-то нашъ тихій Донъ молодыми вдовами...
Цвѣтенъ нашъ батюшка, славный тихій Донъ сиротами,
Наполнена волна въ тихомъ Дону отцовскими, матерными слезами“.

На „чужой дальней сторонушкѣ“, куда гонятъ „невольничковъ“ воевать, всегда

„Головами поле усѣяно,
А рудою поле вливано,
Тѣлесами поле вскрывано“.

Народная муза рѣдко останавливается на изображеніи битвъ. Она гораздо больше занимается описаніемъ повседневной казарменной и бивуачной жизни, изображеніемъ настроенія, мыслей и ощущеній солдата и его родныхъ.

„Какъ далече, далеченько, во чистомъ полѣ,
Еще того подалѣ, во раздольицѣ,
Какъ не бѣлая березынька къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки раздуваются,
Не шелковая ковыль травынька разстилается.
Еще стелется-разстилается полынь горькая,
Охъ, и нѣтъ тебя горчѣе во чистомъ полѣ,
А еще того горчѣе служба царская“.

Сравненіе „службы царской“ съ „горькой полынью“ повторяется въ десяткахъ пѣсенъ. Въ другихъ пѣсняхъ для службы царской подбираются не менѣе мрачные эпитеты: „грозная служба царская“, „горе-несчастье“, „кручинушка великая“, „разнесчастное житье“, „неволюшка-невзгодушка“. Солдаты называются „невольничками“.

„Рекрута катаются,
Слезами уливаются,
Платомъ утираются,
Въ солдаты наряжаются“.

Выступая въ походъ,

„Идучи они, солдаты, сами плачутъ,
Въ слезахъ они дороженьки не видятъ,
Въ возрыданьицѣ словечушка не молвятъ“.

Или:

„Не роса пала на травушку,
Что катились горючи слезы,
Горючи слезы солдатскія.
Идучи, братцы, въ землю Шведскую,
Всѣ солдаты во слезахъ идутъ,
Во слезахъ идутъ, возрыдаючи“.

Особенно ярко высказалось душевное состояніе солдата въ слѣдующей пѣснѣ:

„Кто бы могъ достать среди моря желтаго песочку?
Кто бы стеръ съ моей острой сабли красную ржаву?
Вскрылъ бы мои молодецкія бѣлыя груди,
Посмотрѣлъ бы, посмотрѣлъ бы мое ретивое сердце,
Отчего-то оно во мнѣ все изныло,
Безъ поры безъ времячка молодца сокрушило?
Безъ огня-то оно, мое сердечушко, сгорѣло,
Безъ полымя-то оно, мое ретивое, сотлѣло“ [1]).

Самое тяжелое для солдата — это разлука съ родной стороной, съ родомъ-именемъ, отцомъ, матерью, молодой женой, малыми дѣтками, съ зазнобушкой.

Солдатъ постоянно рвется душой „ко двору“,

„Къ отцу къ матери, къ малымъ дѣтушкамъ,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ“.

Солдату „забидно“ не то, что царь его на службу посылаетъ, а то, что

„Отецъ, мати староньки остаются,
А некому будетъ поить ихъ кормити“,

что

„Молоды жены овдовѣли,
Малы дѣтушки осиротѣли“.

Солдату особенно жалко

„Малыхъ дѣтушекъ горемычныихъ,
Что остались они наги-босыя,
Насидятся теперь за столомъ голодныя,
Наглядятся они кусочка поданнаго“.

---

[1]) Соболевскій, № 193.

Поэтому солдату такъ страшна и ненавистна „чужа-дальняя сторона“.

„Чужа дальна сторона безъ вѣтру сушитъ,
Безъ вѣтра сушитъ и безъ мороза знобитъ“.

Она

„Присушила черны кудерцы ко буйной головѣ,
Высушила кровь-румянецъ съ моего бѣлаго лица“.

Не менѣе тяжела солдату и оторванность отъ обычнаго крестьянскаго труда. Крестьянской дѣвушкѣ обидно не то что ея милаго берутъ въ солдаты, а то, что его

„Всѣ сосѣди неработникомъ зовутъ“.

Солдатъ, призывая отца и мать съ нимъ горе горевать, жалуется имъ на свою судьбу:

„Я не пахарь полевой,
Не косецъ я луговой,
Не рачитель домовой,
Я—солдатикъ рядовой!“

Далѣе идутъ горькія жалобы на трудности, обиды и лишенія солдатскаго житья:

Солдатъ плачется:

„Мнѣ науки не попять,
Всѣ начальнички бранятъ,
Офицеры бить хотятъ“ [1]).

Или:

„Намъ ученье—ничего,
Между прочимъ—тяжело...
Не довернешься—бьютъ,
Перевернешься—бьютъ“.

Солдатская пѣсня жалуется:

„Что ни день ни ночь намъ, солдатушкамъ, угомону нѣтъ:
Темна ноченька приходитъ—
Намъ, солдатушкамъ, на караулѣ быть;
Бѣлъ денечекъ наступаетъ—
Намъ, солдатушкамъ, во строю стоять,
Во строю стоять намъ, солдатушкамъ,
По ружью держать;
Пристоялися рѣзвы ноженьки ко сырой землѣ,
Придержалися бѣлы рученьки къ строеву ружью,
Приглядѣлися наши глазыньки на чисты звѣзды“.

---

[1]) Соболевскій, тамъ же, № 29.

Но горше всего жалуется солдатъ на голодъ:

„И стояли мы, солдатушки, трое суточки
Не пиваючи и не ѣдаючи".

И этотъ стонъ повторяется на разные лады въ десяткахъ другихъ пѣсенъ.

„Становилися мы при мхахъ, при болотахъ,
Много голоду и холоду принимали".

Солдатское житье „горе-горькое, кукушечье", потому что

„Припилася намъ болотная вода,
Прихлебалися намъ постны щи,
Намъ пріѣлись оржаные сухари".

И солдатъ не останавливается даже передъ упрекомъ:

„Государь нашъ, православный царь,
Поморилъ же ты насъ голодомъ!" [1])

Что солдатъ придаетъ особое значеніе „продовольственному вопросу", констатируютъ также и наблюдатели солдатской жизни. По словамъ г. Немировича-Данченко, во время русско-турецкой войны солдаты особенно цѣнили Скобелева за его заботы о солдатскомъ продовольствіи. „Солдаты говорятъ: съ Скобелевымъ драться можно—всегда сытъ будешь". По словамъ другого наблюдателя, солдаты разсказывали: „Въ третьей кожѣ пришли подъ Плевну-то. Одна кожа сойдетъ, другая наростаетъ... Опять насчетъ харчу и аммуниціи—до страсти какъ плохо было, особливо обувь: въ однѣхъ онучахъ на приступъ ходили".

Въ общемъ, отношеніе солдата къ войнѣ и походной жизни вполнѣ опредѣляется слѣдующими словами великаго знатока народной жизни, Гл. Успенскаго:

„Громадная масса русскихъ воиновъ, которые, исходивъ тысячи верстъ, перемучившись всѣми муками, совершивъ необычайные подвиги, возвращаются смиренно по домамъ, не находятъ иного разговора, какъ о харчахъ, объ одежѣ, о томъ, гдѣ что дешево изъ продукта".

Въ душѣ русскаго человѣка несомнѣнно живетъ „чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждаго—любовь къ родинѣ" [2]). Самымъ неоспоримымъ свидѣтельствомъ наличности этого чувства можетъ слу-

---

[1]) Соболевскій, № 215.

[2]) Выраженіе Л. Н. Толстого („Севастопольскіе разсказы").

жить вся тысячелѣтняя исторія русскаго народа. Человѣкъ изъ народа только въ рѣдкихъ случаяхъ понимаетъ войну, какъ защиту родины. Въ народныхъ легендахъ о войнѣ почти ничего не говорится о стремленіи непріятеля „завладѣть Россіей". Объясняется это отчасти глубокой вѣрой русскаго человѣка въ мощь Россіи и въ непобѣдимость „бѣлаго царя", и еще болѣе—тѣмъ, что за исключеніемъ войны 12-го года русскому солдату приходилось не столько защищать „родину", сколько вести наступательныя войны, если не на территоріи непріятеля, то вдали отъ центральной Россіи.

Народная масса, въ томъ числѣ и русскій солдатъ, видитъ въ войнѣ фатальное явленіе, предопредѣленное свыше испытаніе. Человѣкъ изъ народа идетъ въ солдаты, а затѣмъ идетъ на войну только въ силу роковой необходимости. Давъ присягу служить не за страхъ, а за совѣсть, не жалѣя живота, онъ добросовѣстно выполняетъ свой долгъ, мужественно переноситъ всѣ труды и лишенія и безъ колебанія идетъ на вѣрную смерть. Но „солдатчина" не становится для него ремесломъ, жизненнымъ дѣломъ. Война не вдохновляетъ русскаго солдата, не создаетъ у него ни особой кастовой психологіи, ни кастовой морали, какъ у воиновъ другихъ народовъ. Конечно, у солдата должны создаваться свои особенныя привязанности къ товарищамъ, къ полку—и это выражается иногда въ очень трогательной формѣ. В. И. Немировичъ-Данченко разсказываетъ такой эпизодъ изъ русско-турецкой войны. На носилкахъ лежитъ смертельно раненый унтеръ-офицеръ, и по его лицу текутъ слезы.

„— Не плачь... Будешь здоровъ!—утѣшаютъ его врачи.

— Да не о себѣ я...

— О чемъ же ты?

— Житомирскій полкъ нашъ кончается!

Такъ это было сказано, что у всѣхъ кругомъ показались на глазахъ слезы. Видимо сжился онъ съ своимъ полкомъ, ему — отцомъ и матерью, братомъ и женой былъ онъ". Но тотъ же авторъ констатируетъ, что „нашъ солдатъ—прежде всего не шовинистъ". Свидѣтельствуютъ объ этомъ и Л. Н. Толстой, и Достоевскій, и Гл. Успенскій, и другіе. Солдатъ хорошо помнитъ, что не онъ войну началъ и не отъ него зависитъ окончаніе ея. Герой Гл. Успенскаго, Кудинычъ, на всѣ вопросы отвѣчаетъ: „Тамъ, братъ, не разсуждаютъ". И этимъ опредѣляется отношеніе нашего солдата къ войнѣ. Онъ знаетъ, что въ войнѣ его воля никакой роли не играетъ. И отдавая, не разсуждая, свою жизнь, онъ снимаетъ съ себя отвѣтственность за свои дѣйствія, не

приписываетъ себѣ ни лавровъ побѣдъ, ни позора пораженія. Вся отвѣтственность передъ Богомъ, царемъ и родиной падаетъ на организаторовъ и руководителей войны—на генераловъ. И если, при побѣдѣ, генералы воспѣваются въ пѣсняхъ и окружаются ореоломъ славы, то при пораженіи они же обвиняются въ неумѣлости и измѣнѣ.

Въ соотвѣтствіи съ такимъ воззрѣніемъ солдата на его роль въ войнѣ, сложились и отношенія его ко всѣмъ явленіямъ боевой жизни и дѣятельности. Совершая часто чудеса храбрости, онъ нисколько не стыдится „плакать и слезами уливаться“ и съ поразительной простотой говоритъ о своей боязни смерти отъ шальной пули или штыка, о той инстинктивной боязни смерти, которая присуща всякому здоровому человѣку, но которую только по истинѣ храбрые люди способны преодолѣть.

Солдатикъ въ „Войнѣ и мирѣ“, разсказываетъ послѣ битвы:— „Какъ оно пролетитъ мимо меня, дяденька, ядро-то—я такъ и обмеръ. Право, ей Богу, такъ испужался—бѣда!“—Когда Пьеръ спокойно стоитъ на батареѣ, гдѣ падаетъ градъ снарядовъ, къ нему обращается „краснорожій, широкій солдатъ, оскаливая крѣпкіе бѣлые зубы:

— И какъ это вы не боитесь, баринъ, право!

— А ты развѣ боишься?—спросилъ Пьеръ.

— А то какъ же? — отвѣтилъ солдатъ. — Вѣдь она не помилуетъ. Она шмякнетъ, такъ кишки вонъ. Нельзя не бояться!— сказалъ онъ смѣясь“.

Та же черта отмѣчена и въ „Набѣгѣ“. „Старый солдатъ съ угрюмымъ видомъ“, жалѣя „хорошенькаго прапорщика“, безразсудно кидавшагося въ огонь и убитаго наповалъ, говоритъ:

„— Извѣстно жалко... Ничего не боится: какъ же этакъ можно!.. Глупъ еще, вотъ и поплатился.

— А ты развѣ боишься?

— А то нѣтъ?“

О той же Севастопольской кампаніи приводитъ П. И. Якушкинъ слѣдующій разговоръ съ солдатами:

„— А страшно было?

— Какъ не страшно!

— Какъ же вы впередъ все шли, а назадъ вернуться не хотѣли?

— Да вѣдь онъ пришелъ вѣру нашу рушить, порядки свои у насъ заводить. Тутъ некогда, другъ душевный, думать, что страшно, что не страшно!

Это мужество — замѣчаетъ Якушкинъ — поразительно: это

не дикая дерзость, не безумная храбрость, нѣтъ! Здѣсь человѣкъ, сознавая всю опасность, признавалъ необходимость подвергать свою жизнь этой опасности, чтобы спасти свою вѣру и свои порядки.

— Страшно было!—говорилъ другой раненый ратникъ.

— Чего же страшно?

— Какъ не страшно?! Стоимъ мы эдакъ кучкой... какъ хватитъ ядромъ—парню голову и отхватило!..

— А все стояли?

— Все стояли. Потому нельзя: онъ прорветъ".

Во время русско-турецкой войны, послѣ одной битвы, въ которой побѣда осталась за русскими, раненый солдатикъ утверждалъ, что русскіе отступаютъ:

„— Да вѣдь ты же раненъ не во время отступленія, не бѣжали же вы?

— И побѣжали бы, да некуда. Сюда яръ, туда яръ, а сзади стѣна. Ну, прислонились и отбивались".

Это говорилъ побѣдитель!

Наконецъ, отмѣчена эта черта и во время русско-японской войны. Корреспондентъ „Русскаго Инвалида", г. Красновъ, характеризуя солдатъ русскаго и японскаго, между прочимъ писалъ: „Нашъ откровенно говоритъ: „боюсь: всякій живой смерти боится" — и рядомъ съ этимъ является по начальству и добавляетъ: „Дозвольте совершить подвигъ".—„Да вѣдь тебя убьютъ". „На все воля Божья, ваше благородіе!" Я замѣчалъ—добавляетъ г. Красновъ,—какъ подъ пулями бѣлѣли щеки и скулы у солдатъ, и они всетаки выносили до 80 процентовъ потерь".

Если же въ рѣдкихъ случаяхъ народное творчество отмѣчаетъ героизмъ русскаго солдата, то это облечено въ поразительно тонкую поэтическую форму. Черкесы надругались надъ тѣломъ убитаго русскаго солдата:

„Вскрывали ему, да добру молодцу, они грудь бѣлую;
Вынимали они изъ добраго молодца что сердце со печенью.
На ножѣ оно, ретивое сердце, оно встрепенулося,
Надъ черкесами, надъ ретивыми оно усмѣхнулося" [1]).

Съ той же простотой, съ какою солдатъ говоритъ о своей *боязни*, говоритъ онъ и о пораженіяхъ. Онъ не видитъ для себя никакого позора въ пораженіи и разсказываетъ о немъ съ эпическимъ спокойствіемъ, часто даже преувеличивая его размѣры,

[1]) Соболевскій, „Пѣсни". Т. VI, № 310.

а иногда (въ особенности раненые солдаты) принимая побѣду за пораженіе.

„Меня поражало — пишетъ Якушкинъ — благодушіе раненыхъ разсказчиковъ объ ихъ подвигахъ, *равнодушіе* или, лучше сказать, крайнее отсутствіе самохвальства въ разсказахъ людей, бывшихъ въ страшныхъ опасностяхъ“.

Л. Н. Толстой неоднократно констатируетъ это равнодушіе и къ своимъ подвигамъ, и къ своимъ пораженіямъ. Отмѣчаетъ онъ также „странность, которую всякій можетъ замѣтить: солдатъ, раненый въ дѣлѣ, всегда считаетъ его проиграннымъ и ужасно кровопролитнымъ“.

Послѣ взятія одной траншеи подъ Севастополемъ, раненые солдаты утверждали, что „должно за *ними* траншея осталась — совсѣмъ одолѣли“.

— Подступило ихъ, ваше благородіе, сила, — говорилъ солдатъ. — Лѣзутъ на валъ, да и шабашъ. Одолѣли совсѣмъ, ваше благородіе!

— Какъ одолѣли?.. Да вѣдь вы отбили же?

— Гдѣ тутъ отбить, когда *его* вся сила подошла! Перебилъ всѣхъ нашихъ и синкурсу не подаютъ [1]. —

Указаннымъ отношеніемъ солдата къ войнѣ и къ своей роли въ ней опредѣляется въ значительной степени и его отношеніе къ непріятелю. Русскій человѣкъ не питаетъ ненависти къ народамъ, съ которыми ему приходится воевать. Болѣе того: солдатъ въ разгарѣ войны совершенно не охваченъ яростной злобой къ непріятелю. Не поддаваясь военному азарту и не считая войну своимъ личнымъ дѣломъ, онъ не вноситъ въ свои отношенія къ врагу элемента личныхъ чувствъ. Высшая роковая сила, оторвавшая солдата отъ плуга и пославшая его на смерть, властно требуетъ, чтобы онъ дрался съ врагомъ и истреблялъ его. И онъ это дѣлаетъ, но безъ злобы, безъ азарта, безъ ярости, хотя и безъ пощады. Результатомъ безличнаго и безотвѣтственнаго отношенія къ войнѣ является забвеніе человѣческой личности и въ непріятелѣ, который обращается въ *объектъ работы*: это трава, которую надо скосить, дрова, которыя надо наколоть.

А. Н. Энгельгардтъ приводитъ письмо солдата къ матери съ театра войны. Солдатъ, между прочимъ, пишетъ: „Такая была драка, нашего брата много легло; ну, турокъ *наколотили*, все равно, какъ въ лѣсу *валежнику навалями*“.

---

[1] „Севастополь въ маѣ 1855 г.“

Въ этомъ же тонѣ говорили наши солдаты и о японцахъ. Послѣ одной битвы солдатъ говорилъ корреспонденту: „Немножко рано мы отступили, ужъ очень густыми колоннами шелъ онъ,—*класть его удобно, въ кучу, значитъ, бьешь*“ [1]).

Но все это только въ разгарѣ войны, когда истребленіе врага является долгомъ присяги обязательной работы. Какъ только военныя дѣйствія прекратились, хотя бы временно, отношенія русскаго солдата къ непріятелю становятся участливыми и сердечными. Припомнимъ десятки сценъ у Л. Н. Толстого, какъ во время перемирія наши солдаты съ французами мирно сходились и дѣлились послѣднимъ. „Русскіе съ оставшимся турецкимъ населеніемъ обращаются очень хорошо—пишетъ г. Немировичъ-Данченко:—покровительствуютъ, защищаютъ его интересы... Правда, остервенѣвъ при видѣ турецкихъ жестокостей и звѣрствъ, русскій солдатъ не любитъ брать „турку“ въ плѣнъ, самъ не проситъ пощады и не даетъ ея, но *внѣ битвы* онъ чѣмъ можетъ, тѣмъ и дѣлится съ недавнимъ врагомъ“. Солдаты кормили и защищали отъ обиды турецкихъ женщинъ, подбирали и помѣщали въ безопасныя мѣста брошенныхъ турками дѣтей. „Командиръ казачьяго полка встрѣчаетъ „Гаврилыча“ (мѣстное прозваніе донцовъ), бережно что-то прячущаго въ бурку... Остановилъ казака.

— Что у тебя?

Казакъ мгновенно смущается.

— Покажи сейчасъ.

Нехотя Гаврилычъ отворачиваетъ полу бурки и на свѣтъ Божій является чуть не грудное дитя... Казакъ не знаетъ, куда ему дѣваться отъ сраму: пожалуй, еще прозовутъ бабой.

— Куда же ты его дѣнешь?

— Жаль молоденьчика, ваше высокородіе... Куда-нибудь въ деревню приспособлю!“.

Особенно характерна въ этомъ отношеніи слѣдующая народная пѣсня о „французѣ“:

„Разбисчастненькой, безталанниинькой
Французъ зародился,
Онъ сы вечера рано спать ложился,
Долго почивать,
Ничивожъ ли то я французикъ ли
Ничиво не знаю,
Што побили иво, иво армію
Донскіе казаки,

[1]) Н. Гаринъ, „Между Харбиномъ и Ляояномъ“ („СПб. Вѣд.“ 1904 г., № 177).

Што мнѣ жаль-то, мнѣ жаль свою армію,
Есть еще жалчѣя,
Што вотъ сняли мому, мому родному
Да родному братцу
Што вотъ сняли ему, сняли йму головку,
Да головку,
Што мене-ль то, мене все французика
Въ полонъ мене взяли,
Посадили мене все французика
Въ темнаю темницу.
Што вотъ тошно ли мнѣ все французику
Въ темници сидѣти,
Еслибъ зналъ то бы зналъ, я французикъ ли,
Я-бъ того ни дѣлалъ" [1]).

Трудно, кажется, указать во всемірной литературѣ еще одну народную пѣсню, въ которой высказывалось бы столько прощенія врагу, столько проникновенія въ его душу, столько сердечнаго участія къ его страданіямъ!

С. А. Ан—скій.

---

[1]) П. Якушкинъ, „Сочиненія", стр. 543—4.

ЭНЕРГЕТИКА и СОЦІОЛОГІЯ

Окончаніе *).

III.

Само собою разумѣется, что совпаденіе, о которомъ мы говорили, не является исчерпывающимъ или полнымъ. Между соціологическими воззрѣніями Оствальда и нашими взглядами нетрудно обнаружить разницу, объясняемую столько же самостоятельностью или независимостью другъ отъ друга соотвѣтствующихъ изслѣдованій, сколько и различіемъ въ примѣнявшихся методахъ (энергетическая логика и логика общая). Мы сейчасъ приступимъ къ указанію наиболѣе серьезныхъ изъ этихъ разногласій, и затѣмъ перейдемъ къ обзору многочисленныхъ и существенныхъ точекъ соприкосновенія, открывающихся между соціологическою схемою Оствальда и главными тезисами, выставленными по тѣмъ же основнымъ вопросамъ нео-позитивной школой соціологовъ.

Мы упоминали о частомъ смѣшеніи точекъ зрѣнія абстрактной и конкретной или о произвольномъ переходѣ отъ одной къ другой, являющемся, по нашему мнѣнію, едва ли не самой крупной методологической ошибкой, въ которую постоянно впадаютъ многіе современные мыслители и ученые. Къ этому именно вопросу и сводится наше главное разномысліе съ Оствальдомъ. Дѣйствительно, стремленіе распространить и на міръ общественныхъ явленій законы энергетики неизбѣжно сталкивается съ

*) См. мартъ, стр. 242.

серьезнымъ затрудненіемъ, съ которымъ въ свое время успѣшно боролись всѣ другія науки, но которое еще далеко не устранено въ самой соціологіи, гдѣ оно, по прежнему, продолжаетъ вносить сбивчивость и неясность въ наши сужденія.

Въ чемъ же состоитъ это не легко преодолимое препятствіе? Факты историческіе, конкретныя общественныя явленія—а они одни только и могутъ быть предметомъ непосредственнаго наблюденія и опыта—суть факты сложные или составные (космо-біо-соціальные); и въ этомъ смыслѣ полная приложимость общихъ законовъ энергіи къ ихъ физико-химическимъ и біологическимъ элементамъ не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но какъ доказать, что тѣ же законы управляютъ и чисто-соціальною составною долею этихъ фактовъ, если, конечно, допустить реальное существованіе послѣдней? Для этого вѣдь надобно, прежде всего, съ полной очевидностью выяснить основныя различія, отдѣляющія конкретные біологическіе факты (явленія космо-біологическія) отъ конкретныхъ общественныхъ фактовъ (явленій космо-біо-соціальныхъ); необходимо, другими словами, провести точную границу между обоими разрядами конкретныхъ „осуществленій“ и достигнуть строгаго изолированія дифференцирующаго ихъ абстрактнаго признака. Такъ, очевидно, и желалъ поступить Оствальдъ. Но при этомъ, перечисляя различные абстрактные или элементарные виды міровой энергіи, онъ, въ свою очередь, подобно многимъ другимъ мыслителямъ, включаетъ между біологической и соціологической формами энергіи еще третью или среднюю форму—энергію психологическую. Нетрудно, однако, убѣдиться въ томъ, что два послѣдніе вида энергіи—психологическій и соціологическій—только *удвояютъ*, такъ сказать, другъ друга. Одинъ изъ нихъ, очевидно, лишній. И въ самомъ дѣлѣ, либо психологическая энергія есть основная и отвлеченная форма міровой энергіи—и тогда въ общественности приходится видѣть лишь одно изъ конкретныхъ проявленій энергіи психологической. Либо, наоборотъ, общественность составляетъ элементарный отвлеченный видъ міровой энергіи, а психологическія явленія представляются лишь конкретной экстеріоризаціей общественности. Изъ этой дилеммы нѣтъ и не можетъ быть третьяго выхода. Итакъ, Оствальдъ увеличиваетъ безъ нужды—praeter necessitatem, какъ говорили средневѣковые схоластики—общее число основныхъ формъ бытія или міровой энергіи, формъ, которыя являются—этого не надобно забывать,—подобно матеріи и силѣ, простыми концептами, чистыми отвлеченіями ума. Онъ, такимъ образомъ, либо вводитъ въ свой отвле-

ченный перечень элементарныхъ видовъ энергіи, рядомъ съ реально или опытно повѣряемыми концептами, и словесную „сущность“ (психологическій или же общественный видъ энергіи), либо впадаетъ въ совершенно одинаковое заблужденіе, включая въ число отвлеченныхъ видовъ энергіи составную или конкретную разновидность ея: опять—или психологическую, или соціальную форму энергіи. Нео-позитивная школа соціологовъ всегда старалась избѣжать этой двойной ошибки, разсматривая психологическія явленія какъ конкретный видъ энергіи, слагающійся путемъ тѣснаго сочетанія двухъ абстрактныхъ ея видовъ: явленій жизни и явленій общественности. Психологическіе факты представляются намъ составной, *біо-соціальной* формой энергіи, занимающей среди другихъ конкретныхъ формъ всемірнаго бытія такое же мѣсто, какъ физико-химическія явленія (неорганическая вещественность), какъ космо-біологическіе факты (вещественность органическая) и какъ космо-біо-соціальные или историческіе факты и событія (надорганическая вещественность)

Съ Оствальдомъ нео-позитивистовъ раздѣляетъ и другое, довольно важное теоретическое разномысліе, вытекающее, повидимому, изъ того же источника, объясняемое двусмысленнымъ и неяснымъ положеніемъ, занятымъ нѣмецкимъ естествоиспытателемъ въ вопросѣ о психическомъ факторѣ. Оствальдъ, именно, утверждаетъ, что извѣстная степень культуры могла быть и дѣйствительно была достигнута при помощи одних только психофизическихъ свойствъ человѣка, безъ—или, вѣрнѣе, до—всякаго вмѣшательства какого-либо процесса „обобществленія“ (Vergesellschaftungsvorgang). Но то, что Оствальдъ называетъ здѣсь „степенью культуры“, является, на самомъ дѣлѣ, психическимъ состояніемъ, не превышающимъ сколько-нибудь значительно умственнаго уровня, уже достигнутаго большинствомъ высшихъ животныхъ. Конечно, нельзя отрицать того, что качество мозговыхъ элементовъ, подвергающихся общественному процессу, сильно вліяетъ на исходъ послѣдняго; въ этомъ можно прежде всего убѣдиться на примѣрѣ животныхъ обществъ, гдѣ слабая нервно-мозговая структура пчелъ, муравьевъ и т. п. препятствуетъ психическому взаимодѣйствію (работающему, такъ сказать, въ пустую, подобно мельничному жернову, не встрѣчающему сопротивленія) извлечь изъ соотвѣтствующихъ переживаній мало-мальски отвлеченныя понятія, обогатить біологическую особь сколько-нибудь общими знаніями,—однимъ словомъ, заложить прочное основаніе строю вещей, которое не только не оставалось бы неподвижнымъ, но постоянно бы испытывало глубокія измѣненія.

Только такое колеблющееся и неустойчивое состояніе общества и заслуживаетъ—съ телеологической точки зрѣнія прогресса или регресса—названія *цивилизаціи*. И послѣдняя, что бы ни думалъ Оствальдъ, никогда не является функціей одного фактора: сильной нервно-мозговой организаціи. Необходимо еще, чтобы нервно-мозговой матеріалъ подвергся продолжительному вліянію соціальнаго фактора, чтобы онъ былъ оплодотворенъ, такъ сказать, взаимодѣйствіемъ индивидуальныхъ сознаній. Къ тому же, если достаточно обобщить или расширить понятіе о *взаимодѣйствіи тождественныхъ элементовъ*, то съ точки зрѣнія, на которую становится Оствальдъ, идея эта представляется основнымъ условіемъ, опредѣляющимъ всякое превращеніе энергіи, всякій переходъ одного вида ея въ другой. Въ самомъ дѣлѣ, объяснять такой переходъ различіями въ степени напряженія энергіи (законъ напряженности Оствальда)—не значитъ ли приписывать его вліянію другъ на друга (въ тѣхъ или другихъ конкретныхъ сочетаніяхъ) уже не слитныхъ, а раздѣльныхъ количествъ энергіи?

IV.

Перейдемъ теперь къ указанію существенныхъ сходствъ обѣихъ соціологическихъ доктринъ, основныхъ тезисовъ, одинаково защищаемыхъ и той, и другою.

Одна изъ главныхъ и постоянныхъ заботъ Оствальда заключается въ проведеніи между животнымъ міромъ и человѣчествомъ (между *умомъ* животныхъ и *разумомъ* человѣка) точной, ясно очерченной демаркаціонной линіи. Такое разграниченіе представляется ему необходимымъ для того, чтобы основать на прочномъ экспериментальномъ фундаментѣ тезисъ о *соціальной* разновидности энергіи, присоединяющейся къ другимъ разновидностямъ и усложняющей ихъ собою,—или чтобъ доказать, что цивилизація и все, что въ этомъ словѣ подразумѣвается, есть фактъ, принадлежащій міровой эволюціи, фактъ, въ которомъ иллюстрируется превращеніе органическаго вида энергіи въ новый и, въ извѣстномъ смыслѣ, уже высшій видъ ея. Но та же забота, вызванная тѣми же побудительными причинами, отчетливо выступаетъ и въ соціологическихъ трудахъ нео-позитивной школы, а рѣшеніе задачи, къ которому приходитъ Оствальдъ, разнится отъ предложеннаго нео-позитивистами лишь „энергетической“ формой или терминологіей, въ которую его облекаетъ нѣмецкій авторъ.

Не своими физическими или органическими свойствами въ тѣсномъ смыслѣ слова—говоритъ Оствальдъ,—возвысилось человѣчество надъ другими живыми существами. Въ этомъ отношеніи между человѣкомъ и наиболѣе совершенными зоологическими видами не замѣчается никакого коренного различія. Въ то время какъ растеніе непосредственно превращаетъ свободную энергію солнечныхъ лучей въ біо-химическую энергію и кладетъ начало на земномъ шарѣ явленіямъ жизни, животное—въ томъ числѣ и человѣкъ—можетъ достигнуть того же результата лишь окольнымъ путемъ, прибѣгая къ помощи растеній или другихъ животныхъ, уже ассимилировавшихъ себѣ растительное вещество. Питаться и размножаться—вотъ двѣ первоначальныя функціи, характеризующія всякій организмъ и составляющія занятіе или работу, которой едва ли не исключительно предается вся живая природа. Это—двойное „элементарное стремленіе" (Urtrieb), непрерывно ведущее отъ наиболѣе скудныхъ и простыхъ формъ жизни къ самымъ роскошнымъ и сложнымъ ея проявленіямъ и потому всегда находимое на глубокомъ днѣ конкретной дѣятельности, въ которой органическая жизнь принимаетъ малѣйшее участіе. Къ тому же, по справедливому замѣчанію Оствальда, хотя питаніе и размноженіе, переводящія свободную міровую энергію изъ физической и химической ея формъ въ органическую, и обезпечиваютъ какъ временное и подверженное всякимъ случайностямъ существованіе недѣлимаго, такъ и болѣе прочное и продолжительное бытіе рода, тѣмъ не менѣе обѣ функціи эти могутъ удержать жизненный уровень на средней высотѣ только прибѣгая къ содѣйствію третьяго и столь же существеннаго біологическаго процесса: именно, накопленія свободной энергіи внутри самого организма или въ близко окружающей его и всегда доступной ему средѣ, путемъ образованія болѣе или менѣе значительнаго запаса — настоящаго *капитала* — питательныхъ веществъ.

Біологическія преимущества человѣка надъ другими живыми существами должны были бы, въ концѣ концовъ, свестись къ замѣтному превосходству его въ области трехъ только что указанныхъ органическихъ функцій. Такое превосходство означало бы, что человѣкъ лучше использовалъ, въ цѣляхъ своего питанія, добытую имъ изъ окружающей среды химическую энергію; что онъ накопилъ или образовалъ сравнительно большіе запасы питательныхъ матеріаловъ; что онъ, наконецъ, въ зависимости отъ этихъ двухъ причинъ, быстрѣе размножился и легче распространилъ свой родъ по лицу земного шара. Но вотъ и все. Можно ли,

даже въ этихъ трехъ отношеніяхъ, констатировать у человѣка реальное и несомнѣнное превосходство элементарныхъ жизненныхъ функцій? Какъ общее правило, человѣческій организмъ ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ организма наиболѣе одаренныхъ животныхъ видовъ. А въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ кажется, что человѣкъ и тутъ обогналъ и оставилъ позади себя своихъ зоологическихъ сородичей, нетрудно объяснить происхожденіе такой иллюзіи простымъ смѣшеніемъ, въ эмпирической дѣйствительности, абстрактнаго мышленія съ конкретнымъ. Мы невольно удлинняемъ рядъ жизненныхъ явленій, присоединяя къ нему и весь рядъ общественныхъ фактовъ, который только коренится въ біологическомъ ряду (подобно тому, какъ послѣдній имѣетъ свои корни въ химическомъ рядѣ и т. д.), но не можетъ быть цѣликомъ и безъ остатка сведенъ къ нему.

Вотъ, впрочемъ, что говоритъ по этому поводу Оствальдъ. Въ то время, какъ всякій живой организмъ ограничивается превращеніемъ въ біо-химическую энергію (непосредственно, подобно растенію, или обходнымъ путемъ, подобно животному) свободной физической или химической энергіи, заимствованной изъ внѣшней космической среды, человѣкъ, погруженный въ общественную среду или уже сколько-нибудь культурный, пріобрѣтаетъ *сверхъ того* и примѣняетъ на дѣлѣ способность—которая, въ теоріи, не имѣетъ границъ — переводить любой видъ міровой энергіи въ любой другой ея видъ. Иначе говоря, тогда какъ растеніе и животное располагаютъ только минимальнымъ количествомъ энергіи, представляемымъ ихъ собственнымъ организмомъ, человѣкъ, живущій въ обществѣ, достигаетъ господства надъ всѣми формами свободной энергіи въ мірѣ, которыя и обращаются имъ одна въ другую.

Человѣкъ, такимъ образомъ, оказываетъ вліянію на него окружающей среды—весьма часто разрушительному—сопротивленіе или противодѣйствіе, совершенно неизвѣстное въ области органической жизни. Постоянныя соприкосновенія или столкновенія его съ космической средой даютъ начало длинному ряду явленій, не имѣющихъ ничего общаго съ процессами, обыкновенно описываемыми подъ именемъ приспособленія организма къ внѣшнимъ условіямъ; напротивъ того, явленія первой категоріи представляются простымъ отрицаніемъ процессовъ второго рода. Дѣйствительно, всѣ живыя существа, добиваясь благопріятнаго для сохраненія своей жизни равновѣсія, постоянно вынуждаются къ измѣненію въ своихъ органахъ и функціяхъ всего того, что строго не согласовано съ внѣшними условіями. Человѣкъ, на-

оборотъ, опредѣляетъ свои отношенія къ внѣшней средѣ, оказывая на нее сильное и глубокое дѣйствіе, имѣющее цѣлью приспособить ее къ его многообразнымъ и постоянно растущимъ потребностямъ. Это *обратное приспособленіе*, прямо противоположное процессу, составляющему сущность всякой органической жизни, является главной, господствующей чертой въ эволюціи человѣчества. Къ этому отличительному свойству сводится все содержаніе идеи прогресса, и въ немъ мы имѣемъ лучшій критерій для опредѣленія истинной высоты достигнутой культуры.

Въ какомъ порядкѣ совершается завоеваніе или подчиненіе себѣ человѣкомъ различныхъ видовъ міровой энергіи, не заключенныхъ въ тѣсныхъ предѣлахъ его организма? Въ этомъ вопросѣ, носящемъ, впрочемъ, нѣсколько частный характеръ, мы снова расходимся съ Оствальдомъ, который полагаетъ, что утилизація человѣкомъ различныхъ видовъ космической энергіи происходитъ не въ порядкѣ ихъ естественнаго усложненія, установленномъ Огюстомъ Контомъ (отъ неорганическаго явленія къ органическимъ процессамъ у растенія и животнаго и къ общественнымъ или разумнымъ процессамъ у человѣка), а въ обратномъ порядкѣ, отъ овладѣнія чужой человѣческой энергіей (первобытное рабство, отношеніе господина къ слугѣ, разсматриваемое какъ основная или исходная форма всякаго человѣческаго союза) къ овладѣнію органической энергіей прирученныхъ животныхъ и культурныхъ растеній и, далѣе, къ широкому использованію (нынѣ только что начинающемуся) неорганическихъ или физико-химическихъ видовъ энергіи.

Тутъ Оствальдъ, какъ намъ кажется, впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою. Вѣдь не кто другой, а именно онъ выставилъ и обосновалъ тезисъ, согласно съ которымъ животный міръ, для сохраненія своего существованія, располагаетъ однимъ лишь видомъ энергіи — силами собственнаго организма. Но первобытное человѣчество въ этомъ отношеніи не отличается отъ животныхъ. И потому нисколько не удивительно, что оно съ первыхъ же шаговъ своихъ прибѣгаетъ къ почти исключительной эксплоатаціи хотя бы и чужой, но всетаки человѣческой мышечной энергіи (въ видѣ ли пищи, у совершенно дикихъ племенъ, или въ формѣ труда невольниковъ—у племенъ уже болѣе развитыхъ). Рабство въ самомъ древнемъ своемъ источникѣ восходитъ или къ людоѣдству, или къ поголовному истребленію покореннаго врага (и съ этой точки зрѣнія, замѣняя то или другое, является извѣстнаго рода прогрессомъ). Но хотя далекіе слѣды его, если вѣрить современнымъ соціа-

листамъ, сохранились и до нашего времени, однако весьма трудно—мы бы сказали даже невозможно—увидѣть въ рабствѣ, какъ таковомъ, какой бы то ни было способъ использованія специфически общественной или надорганической формы энергіи. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явнымъ и крайне поверхностнымъ смѣшеніемъ между человѣкомъ-животнымъ и человѣкомъ, который, не переставая быть животнымъ, сдѣлался еще чѣмъ-то другимъ, или между біологическимъ недѣлимымъ и личностью уже общественною. Историческая истина лежитъ не тамъ, гдѣ ее ищетъ Оствальдъ. Человѣчество начинаетъ свою культуру съ еле намѣченной утилизаціи всѣхъ трехъ главныхъ видовъ міровой энергіи, неорганическаго, органическаго и надорганическаго—и затѣмъ оно, по необходимости, долго довольствуется весьма неполнымъ использованіемъ ихъ. Такое положеніе вещей только медленно, шагъ за шагомъ, смѣняется все болѣе и болѣе совершенной утилизаціей тѣхъ же основныхъ видовъ міровой энергіи, при чемъ использованіе ихъ, завися прежде всего отъ успѣховъ нашихъ знаній, можетъ само совершаться лишь въ порядкѣ дѣйствительнаго пріобрѣтенія нами послѣднихъ.

Только въ той мѣрѣ, въ какой ему удается накопить или увеличить свои общіе запасы энергіи, можетъ человѣчество стремиться къ постоянному уменьшенію производимыхъ имъ огромныхъ затратъ живой человѣческой силы (мускульныхъ усилій и т. п.) и къ ея замѣнѣ лучшимъ использованіемъ сперва неорганической энергіи (открытіе искусственныхъ источниковъ тепла и свѣта весьма рано позволило человѣку сдѣлать этотъ важный шагъ), затѣмъ всѣхъ формъ органической энергіи (сравнительно поздніе успѣхи гигіены, медицины, раціональнаго земледѣлія и зоономіи) и, наконецъ, различныхъ формъ энергіи надорганической (умноженіе и въ особенности болѣе равномѣрное распредѣленіе знаній или, что то же, ожидаемое въ повидимому не близкомъ еще будущемъ царство общественной правды).

V.

Но гдѣ надо искать, въ чемъ слѣдуетъ видѣть первоисточникъ или далекую причину этихъ „новшествъ“, введенныхъ человѣкомъ въ основной порядокъ, въ общій строй міра? Почему и какимъ образомъ (а два вопроса эти имѣютъ въ точной наукѣ одинаковый смыслъ), въ то время, какъ растеніе и животное играютъ роль настоящихъ машинъ, безсознательно и на подобіе

автомата производящихъ всегда одно и то же видоизмѣненіе энергіи, у человѣка органическое видоизмѣненіе составляетъ лишь очень малую долю всего количества энергіи, проходящей чрезъ его руки? Или почему человѣкъ, при помощи множества изобрѣтаемыхъ имъ съ этой цѣлью остроумныхъ механизмовъ, становится, такъ сказать, универсальнымъ „претворителемъ" всѣхъ существующихъ въ природѣ видовъ энергіи? Какимъ образомъ, пользуясь формами энергіи, не извлеченными имъ изъ собственнаго организма, остающимися для него чуждыми и внѣшними, успѣваетъ онъ реагировать на окружающую среду и измѣнять ее въ гораздо большей степени, чѣмъ она измѣняетъ его самого?

На этотъ вопросъ, представляющій капитальный интересъ для соціолога, Оствальдъ даетъ отвѣтъ, который не только не отклоняется сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ отъ мнѣній, высказанныхъ по тому же предмету, нео-позитивной школой въ соціологіи, а подтверждаетъ эти взгляды и въ главныхъ чертахъ ихъ, и въ подробностяхъ.

Использованіе внѣшней среды (включая сюда растенія и животныхъ), какъ источника энергіи, необходимо требуетъ, по мнѣнію Оствальда, предварительнаго пріобрѣтенія человѣкомъ извѣстныхъ знаній о природѣ и ея явленіяхъ; а пріобрѣтеніе это, въ свою очередь, предполагаетъ одновременную, по меньшей мѣрѣ, наличность „общественнаго" факта: ибо всякое знаніе есть продуктъ коллективной работы многихъ поколѣній. Рѣшительное преимущество или безспорное превосходство общественной группировки надъ состояніемъ единичнаго разсѣянія заключается въ возможности производить и накоплять опыты, недоступные отдѣльнымъ видовымъ единицамъ вслѣдствіе разрозненности ихъ наблюденій и самой краткости ихъ жизни.

Общественный строй не влечетъ за собою простого сложенія единичныхъ усилій, а характеризуется прежде всего неопредѣленнымъ возрастаніемъ ихъ функціональной мощи или самой степени ихъ напряженности.

Всякое переживаніе, всякій опытъ сводится къ знанію того, что̀ уже произошло; но цѣненъ всякій опытъ лишь постольку, поскольку онъ служитъ къ предвидѣнію будущаго. А у животнаго — говоритъ Оствальдъ — каждое переживаніе, хотя послѣ длиннаго процесса подбора и принесенія въ жертву огромнаго числа жизней оно и можетъ частью превратиться въ наслѣдственный инстинктъ, всегда неразрывно связано съ испытавшею его особью и съ органическими условіями краткаго существованія послѣдней на землѣ. Только человѣкъ способенъ сдѣлать

свои переживанія независимыми какъ отъ собственной индивидуальности, отъ собственнаго организма, такъ и отъ особыхъ, типичныхъ случаевъ, къ которымъ такіе опыты относились—и это именно обстоятельство и позволило ему, безъ сомнѣнія, изобрѣсть лежащія внѣ его организма машины и орудія. При помощи психическаго процесса, совершенно неизвѣстнаго остальному животному міру, человѣку удалось „объективировать" свои переживанія, превратить ихъ въ безличные опыты. Но здѣсь, въ виду важности вопроса и полнѣйшаго тожества сравниваемыхъ взглядовъ, я долженъ цитировать буквально. „Процессъ этотъ—говоритъ Оствальдъ—состоитъ въ *выработкѣ и сообщеніи другимъ общихъ понятій, отвлеченныхъ концептовъ.* Этимъ путемъ опытное пріобрѣтеніе одного члена общественной группы становится достояніемъ всѣхъ остальныхъ, все равно какъ еслибъ эти послѣдніе сами пережили все сообщенное имъ. И въ результатѣ получается огромнѣйшее возрастаніе общей или совокупной опытности; ибо, во-первыхъ, каждое отдѣльное лицо усваиваетъ себѣ, безъ малѣйшаго риска и съ весьма небольшимъ трудомъ, опытность общественной группы; во-вторыхъ, сохраненіе этой опытности является обезпеченнымъ на неопредѣленное время, такъ какъ память о произведенныхъ опытахъ правильно передается отъ поколѣнія къ поколѣнію". Но отсюда, сдается намъ, уже не далеко до прямого признанія (однако, еще не встрѣчаемаго у Оствальда), что общественность, понимаемая какъ процессъ постояннаго психическаго взаимодѣйствія, лежащій въ основѣ соборнаго или коллективнаго опыта и ведущій къ общему и отвлеченному знанію природы, къ ея, такъ сказать, идеологіи, составляетъ конечную и высшую форму, въ которую, послѣ цѣлаго ряда глубокихъ превращеній во времени и пространствѣ, облекается міровая энергія.

Всякая функція создаетъ свой органъ—вотъ истина не только біологическая, но и общелогическая (или энергетическая); ибо тезисъ этотъ означаетъ, что всякому виду энергіи, понятому отвлеченнымъ образомъ (какъ функція), всегда точно соотвѣтствуетъ извѣстная сумма развивающихся параллельно конкретныхъ фактовъ. Надорганическая функція, психическій обмѣнъ въ общественной группѣ, подчиняется тому же закону. И Оствальдъ справедливо смотритъ на языкъ, на членораздѣльную рѣчь, какъ на главное и первое орудіе или средство, осуществляющее и поддерживающее подобный обмѣнъ. Лишенное такого органа, общество—говоритъ онъ—не можетъ проявить своей естественной функціи; оно вовсе не существуетъ какъ общество; оно

стоитъ еще на степени простой зоологической аггрегаціи или скопища живыхъ существъ. Въ образованіи человѣческой рѣчи—утверждаетъ далѣе Оствальдъ—замѣчается двойная іерархія или подчиненность: сначала подчиненіе звукового знака *Б* мысли *А* (у лица, отъ котораго исходитъ мысль), а затѣмъ подчиненіе мысли *А* звуковому знаку *Б* (у лица, которое воспринимаетъ мысль и которое только этимъ путемъ и можетъ усвоить себѣ чужую мысль). Всякій языкъ представляетъ собою систему опредѣленныхъ знаковъ, соотвѣтствующую группѣ опредѣленныхъ понятій; и чѣмъ строже является эта двойная опредѣленность и зависящее отъ нея соотвѣтствіе, тѣмъ совершеннѣе и производительнѣе становится словесное или письменное орудіе мысли. „Ибо прогрессъ"—говоритъ Оствальдъ, въ полномъ согласіи съ тезисомъ, который мы не разъ имѣли случай защищать,—„состоитъ въ умноженіи идей рядомъ съ выражающими ихъ знаками, и совершается всегда такимъ образомъ, что *сперва родятся и развиваются идеи, а затѣмъ уже находятся и устанавливаются знаки*, при чемъ оба процесса эти въ началѣ эволюціи происходятъ почти безсознательно, при помощи самой грубой техники; этимъ и объясняется первоначальное несовершенство всѣхъ языковъ".

Къ числу существенныхъ признаковъ, дифференцирующихъ сколько-нибудь культурнаго или уже измѣненнаго „общественностью" человѣка отъ біологическаго экземпляра человѣческаго рода и отъ другихъ животныхъ, Оствальдъ относитъ еще накопленіе энергіи въ формѣ капитализированнаго труда. Конечно, процессу капитализаціи не вовсе чуждыми остаются и другіе виды животныхъ; но у человѣка процессъ этотъ тѣсно связанъ съ особаго рода явленіемъ, не встрѣчающимся нигдѣ въ остальномъ животномъ мірѣ. Явленіе это—*обмѣнъ трудовыхъ продуктовъ*, сбереженныхъ отъ непосредственнаго потребленія. Оствальдъ, полагаемъ мы, не ошибается, придавая чрезвычайное значеніе этому новому дифференціальному признаку. Ибо обмѣнъ продуктовъ (или еще *услугъ*, въ превосходной терминологіи нѣкоторыхъ экономистовъ) является, безъ сомнѣнія, самымъ постояннымъ или обычнымъ слѣдствіемъ *обмѣна идей*, этой специфически общественной причины всѣхъ историческихъ фактовъ. Далѣе, подобно тому, какъ функція, состоящая въ обмѣнѣ идей, сама создаетъ свой органъ, въ видѣ разговорнаго или писаннаго языка, такъ и производная изъ первой функція, состоящая въ обмѣнѣ услугъ, въ свою очередь создаетъ себѣ особый органъ, которому люди давно дали нарицательное названіе *денегъ*. Своей чрезвычайной подвижностью

и своей всеобщей превращаемостью—замѣчаетъ при этомъ Оствальдъ—деньги удивительно похожи на міровую энергію, перемѣщенію различныхъ видовъ которой, въ пространствѣ и времени, онѣ главнымъ образомъ и служатъ.

Общественный процессъ, обращающій біологическія особи въ разумныя личности и составляющій истинный предметъ изслѣдованія соціолога, постоянно разсматривается Оствальдомъ какъ главное, преимущественное „средство", служащее людямъ для достиженія различныхъ, преслѣдуемыхъ ими „цѣлей", общая сумма которыхъ покрывается понятіемъ „цивилизаціи". Такимъ образомъ Оствальдъ сразу становится на телеологическую точку зрѣнія, которая находитъ себѣ оправданіе лишь постольку, поскольку одновременно съ нею признается и причинная связь между явленіями, т.-е. та связь, которая, въ сущности, одна порождаетъ и опредѣляетъ собою какъ прямое отношеніе средства къ цѣли, такъ и обратное отношеніе цѣли къ средству. Съ точки зрѣнія объективнаго генезиса фактовъ, средство является всегда причиной, а цѣль—всегда послѣдствіемъ. А потому, желаетъ онъ этого или нѣтъ, но Оствальдъ долженъ придти къ одному съ нами общему заключенію: и въ его глазахъ „общественность" (взаимодѣйствіе сознаній, сначала психофизическое, а затѣмъ психологическое) должна играть роль первой причины цивилизаціи, главнаго двигателя всей многовѣковой исторіи человѣчества.

Между этой первой причиной и ея конечнымъ результатомъ лежитъ длинный рядъ промежуточныхъ причинъ и слѣдствій. И Оствальдъ, не колеблясь, выдвигаетъ впередъ самое главное и наиболѣе важное изъ этихъ звеньевъ: человѣческое знаніе—плодъ соборнаго опыта и источникъ всѣхъ культурныхъ успѣховъ, достигнутыхъ людьми. Для него, какъ и для нео-позитивистовъ, соціальный видъ міровой энергіи отличается отъ „асоціальныхъ" ея видовъ именно тѣмъ, что приводитъ къ познанію всѣхъ происходящихъ въ мірѣ процессовъ превращенія энергіи. Правда, нео-позитивизмъ пошелъ въ этомъ отношеніи нѣсколько далѣе Оствальда, выставивъ гипотезу, согласно съ которой соціальный видъ энергіи есть самъ не что иное, какъ „познаніе эволютивныхъ процессовъ именно всѣхъ асоціальныхъ видовъ энергіи". Но это не мѣшаетъ нео-позитивистамъ и Оствальду еще разъ сойтись на утвержденіи, что соціальный видъ міровой энергіи въ высшей степени усиливаетъ и ускоряетъ естественныя или самопроизвольныя превращенія „асоціальныхъ" ея видовъ. Подъ вліяніемъ общественности, различные виды свободной въ мірѣ энер-

гіи переходятъ другъ въ друга и въ болѣе полной мѣрѣ, и съ постоянно возрастающей быстротой. Такимъ образомъ возникаетъ или вырабатывается въ человѣческомъ умѣ телеологическое отношеніе первоначальной или неизмѣненной энергіи къ энергіи преобразованной или могущей быть использованною. Наступившая перемѣна, составляющая необходимое слѣдствіе, получаетъ въ нашихъ глазахъ, по мѣрѣ собственнаго своего осуществленія, значеніе и смыслъ цѣли, конечной причины; и такой перемѣнѣ мы охотно даемъ названіе „прогресса".

Уже обыкновенная логика, какъ извѣстно, не затрудняется отдавать предпочтеніе телеологической точкѣ зрѣнія передъ причинною, замѣняя вторую первою. Логика энергетическая, судя по аргументаціи ея главныхъ представителей, обнаруживаетъ ту же склонность въ несравненно большей мѣрѣ. Оствальдъ, въ частности, строго замыкается въ кругъ телеологическихъ выводовъ. Къ счастью, однако, для насъ, его читателей, телеологія его, за рѣдкими исключеніями, покоится всегда на твердой основѣ легко вскрывающихся причинныхъ отношеній между средствами, съ одной стороны, и цѣлями—съ другой.

Такъ напримѣръ, когда Оствальдъ доказываетъ, что группировка или совмѣстная жизнь людей сама по себѣ еще ничего не значитъ, что она становится факторомъ культуры и прогресса (а, слѣдовательно, и объектомъ изученія для соціолога) лишь постольку, поскольку въ ней сказывается стремленіе къ умноженію цѣнности вещей (т.-е. къ увеличенію коэффиціента превратимости первобытной энергіи въ энергію полезную),—онъ, безспорно, тысячу разъ правъ. Но происходитъ это просто оттого, что его телеологія точно совпадаетъ съ реальной причинностью наблюденнаго явленія—или, другими словами, оттого, что „общественность" не есть голая „стадность", но такой внутренній естественный процессъ, который необходимо измѣняетъ органическое явленіе (сознаніе) и превращаетъ его въ явленіе надорганическое (знаніе).

Аргументируемая такимъ же телеологическимъ способомъ, оствальдовская теорія права, порожденнаго силою, представляется также въ достаточной мѣрѣ справедливою и пріемлемою. Ибо общественное развитіе, полагающее основаніе праву, есть, конечно, не что иное, какъ частичное превращеніе органической энергіи, называемой силою, въ надорганическую энергію, именуемую правдой или „справедливостью". Сила по необходимости *предшествуетъ* праву, являясь, съ причинной точки зрѣнія, сырымъ матеріаломъ, изъ котораго вырабатывается послѣднее.

Но сила не *первенствуетъ* надъ правомъ, за исключеніемъ тѣхъ отдаленныхъ историческихъ эпохъ, когда надорганическая энергія, развивающаяся изъ энергіи органической, представляется еще вовсе ничтожной, не идущею въ счетъ величиною. Съ телеологической точки зрѣнія, напротивъ того, право, будучи само наиболѣе раціональнымъ средствомъ ограничить или сократить употребленіе силы, неизмѣнно и при всѣхъ обстоятельствахъ ставится и цѣнится выше того, что оно имѣетъ въ извѣстномъ смыслѣ прямой задачей сохранить, сберечь, съэкономить.

Открытіе или нахожденіе первыхъ юридическихъ нормъ, по весьма вѣрному замѣчанію Оствальда, имѣетъ не меньшую культурную цѣнность, чѣмъ открытіе огня или искусственныхъ источниковъ тепла и свѣта. Оствальда, впрочемъ, немало удивляетъ различная судьба, постигшая эти два великихъ открытія: именно то, что первое дало такіе сомнительные и ничтожные результаты сравнительно съ результатами, полученными отъ второго. Въ этомъ, однако, нѣтъ рѣшительно ничего страннаго или непонятнаго. Оба историческія событія—имѣющія первостепенную важность—принадлежатъ одному и тому же разряду явленій надорганическихъ: оба одинаково ведутъ свое начало отъ соборнаго опыта людей или отъ ихъ знанія. Но тогда какъ одно относится къ предмету наукъ физико-химическихъ, другое лежитъ въ сферѣ наукъ общественныхъ—а развитіе знаній происходитъ не одновременно, но въ строго послѣдовательномъ порядкѣ, неизмѣнно опредѣляемомъ двойнымъ началомъ убывающей общности и возрастающей сложности изслѣдуемыхъ явленій. Такимъ образомъ вполнѣ удовлетворительно объясняются и сравнительная отсталость общественныхъ знаній, и сравнительная безплодность одного изъ первыхъ эмпирическихъ открытій, сдѣланныхъ человѣческимъ геніемъ именно въ этой области.

„Наказаніе“ является въ глазахъ Оствальда особой и весьма интересной разновидностью права вообще. Право наказывать, какъ всякое другое право, преслѣдуетъ одну цѣль: уменьшить или и вовсе прекратить тѣ потери, тѣ „утечки“ энергіи, которыя, происходя отъ многочисленныхъ взаимныхъ треній и столкновеній между членами данной общественной группы, могутъ, какъ общее правило, быть избѣгнуты. И вотъ почему—говоритъ Оствальдъ—уголовное право, которое нынѣ еще ярко отмѣчено печатью насилій и захватовъ первобытнаго варварства, должно будетъ со временемъ все болѣе и болѣе приблизиться къ праву гражданскому и даже, можетъ быть, слиться съ нимъ, преобразовавшись въ извѣстнаго рода право зачета или возмѣщенія по-

несенныхъ утратъ (реакція, имѣющая въ виду возстановить поколебленное или и вовсе нарушенное общественное равновѣсіе).

Съ энергетической точки зрѣнія, война и преступленіе входятъ въ одну и ту же категорію фактовъ: война есть мотовство, расточеніе энергіи, которое цивилизація стремится уменьшить, ограничить, уничтожить. Еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ уголовная репрессія, война воскрешаетъ, въ нашу эпоху, жестокую дикость предковъ. И то же самое слѣдуетъ сказать о фактахъ борьбы, антагонизма и соперничества между членами одной или разныхъ общественныхъ группъ, всякій разъ, когда такіе факты влекутъ за собою уменьшеніе, къ выгодѣ немногихъ, общей суммы энергіи, которою могли бы воспользоваться всѣ. Оствальдъ имѣетъ въ виду въ особенности экономическую борьбу, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что указываемый имъ критерій приложимъ и ко всѣмъ другимъ явленіямъ общественной жизни. Исторія культуры не доказываетъ ли, напримѣръ, что чѣмъ болѣе ограниченной или урѣзанной является, по отношенію къ спросу на нее, сумма свободной или предлагаемой познавательной энергіи, тѣмъ легче и скорѣе борьба за обладаніе знаніемъ и проистекающей изъ него свободой обостряется и принимаетъ вредныя для общества формы (оккультизмъ въ наукѣ, монопольное знаніе, раздѣленіе классовъ, въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, непроницаемыми перегородками и т. п.)?

Здѣсь намъ приходится сдѣлать одно общее замѣчаніе. Въ обширной іерархіи, обнимающей всѣ конкретные факты, происходящіе или могущіе произойти въ человѣческомъ обществѣ, Оствальдъ особенно облюбовываетъ послѣдній членъ ряда: *дѣйствіе* (или трудъ) человѣка. Но что̀ такое трудъ, работа, въ соціологическомъ значеніи слова? Это — говоримъ мы — особое проявленіе не только аналитической мысли, но въ еще большей мѣрѣ, можетъ быть, и мысли синтетической или философской, и мысли синкретической или эстетической, самымъ тѣснымъ образомъ соединенное либо съ органической энергіей и дѣятельностью, либо, чрезъ посредство послѣдней, съ какими-либо видами физико-химической энергіи. А во что̀ обращается то же понятіе о трудѣ или работѣ, выраженное въ терминахъ энергетики? На этотъ вопросъ Оствальдъ даетъ слѣдующій отвѣтъ. Трудъ—говоритъ онъ—есть постулатъ или необходимое условіе, которымъ опредѣляется превращеніе первобытной энергіи въ энергію полезную (т.-е. процессъ, глубоко дифференцирующій человѣческую культуру отъ непосредственной жизни животныхъ и растеній). Всякій продуктъ труда (будь то произведеніе науки,

философіи, искусства, или практическое дѣло) распадается на двѣ части: энергію, образующую „сырой матеріалъ“ продукта, и энергію, которая была употреблена для приспособленія даннаго матеріала къ той или другой человѣческой потребности, къ тому или другому служенію на пользу человѣка. Трудъ, дающій продукту его *цѣнность*, воплощаетъ въ себѣ именно эту послѣднюю часть энергіи. Но и тутъ, имѣя дѣло съ конкретнымъ фактомъ, мы должны помнить, что часть энергіи, представляемая трудомъ, является, въ свою очередь, сложной энергіей, которую отвлеченіе (или, что̀ то же, анализъ) сводитъ къ двумъ различнымъ элементамъ: элементу надорганическому (опытъ, знаніе и т. п.) и элементу органическому (мышечное усиліе, нервное напряженіе и т. д.). Отсюда слѣдуетъ, что всякій разъ, когда въ составной силѣ Т (трудъ) надорганическая слагающая Н увеличивается, органическая слагающая О должна соотвѣтственно уменьшиться. И прогрессъ цивилизаціи дѣйствительно влечетъ за собой уменьшеніе только послѣдней слагающей, а не всей суммы труда, какъ, повидимому, думаетъ Оствальдъ. Чѣмъ болѣе возрастаетъ знаніе, являющееся одною изъ слагающихъ въ конкретномъ или составномъ фактѣ человѣческаго труда, тѣмъ меньше становится въ той же суммѣ чисто органическое напряженіе или усиліе, необходимое для достиженія поставленной себѣ человѣкомъ цѣли (то или другое превращеніе энергіи). Въ работахъ хозяйственнаго или экономическаго порядка это уменьшеніе получило названіе сокращенія издержекъ производства или пониженія первоначальной стоимости продукта.

Свободное распоряженіе вещами, которое на языкѣ права носитъ названіе *собственности*, имѣетъ, если вѣрить Оствальду, чисто органическое или животное происхожденіе. Собственность—родная дочь голода и полового инстинкта. Сначала обнимая—какъ у животныхъ, гдѣ это остается нормальнымъ порядкомъ,—весьма небольшое число предметовъ (что̀, мимоходомъ сказать, порождаетъ иллюзію какого-то первобытнаго коллективизма или коммунизма), собственность затѣмъ захватываетъ постоянно растущее количество объектовъ и, наконецъ, распространяется на всѣ или почти всѣ такъ называемыя орудія производства. Но нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать порядокъ, построенный на началѣ частной собственности, окончательнымъ результатомъ экономической и юридической эволюціи человѣческихъ обществъ. Есть, наоборотъ, много поводовъ видѣть въ этомъ порядкѣ лишь переходный фазисъ, посредствующую ступень въ развитіи общественнаго правосознанія. Возможно и вѣ-

роятно, что капиталистическій строй будетъ замѣненъ—и даже раньше, чѣмъ обыкновенно думаютъ — болѣе совершенными и ускоренными способами производства, которые не замедлятъ найти себѣ поддержку и логическое обоснованіе въ новомъ правѣ, исходящемъ изъ иного пониманія началъ свободы и равенства между людьми. Дѣйствительно, какъ справедливо замѣчаетъ Оствальдъ, чѣмъ длиннѣе или чѣмъ труднѣе проходимо, съ точки ли зрѣнія времени (продолжительность производственнаго процесса), или съ точки зрѣнія пространства (издержки перевозки), разстояніе, отдѣляющее первоначальную энергію отъ энергіи уже измѣненной и ставшей пригодною для удовлетворенія нашихъ потребностей, — тѣмъ съ большей силой внѣдряется въ наши умы и тѣмъ роскошнѣе развивается въ нихъ самая идея собственности: еслибъ дѣло обстояло иначе, конечная цѣль нашихъ усилій (полезная энергія) не могла бы быть достигнута.

Немногія мысли, излагаемыя затѣмъ Оствальдомъ, съ точки зрѣнія энергетической теоріи, по вопросу о послѣдовательныхъ превращеніяхъ *власти*, также, повидимому, благопріятны грядущему, чтобы не сказать близкому или неминуемому „коллективизму". Власть, находящаяся въ рукахъ государства, представляетъ собою, по его мнѣнію, самое сильное сосредоточеніе человѣческихъ энергій, которое когда-либо осуществлялось. Но эволюція государственной идеи уже явно прошла чрезъ два фазиса. Въ первомъ государство, сообразно съ природой или качествомъ энергій, собираемыхъ имъ въ одинъ центральный фокусъ, чтобы потомъ разсѣять ихъ во всѣхъ направленіяхъ, является, по необходимости, феодальнымъ или военнымъ; во второмъ, и по тѣмъ же самымъ причинамъ, оно все болѣе и болѣе становится экономическимъ или промышленнымъ. Новѣйшее право сводится къ длинному ряду болѣе или менѣе логическихъ усилій, имѣющихъ цѣлью оправдать и регламентировать наступившую перемѣну. Но рядомъ съ экономическимъ сосредоточеніемъ государственнаго или коллективнаго типа возникло другое сосредоточеніе производительныхъ силъ, уже индивидуальнаго типа, которое, безъ всякаго сомнѣнія, было вызвано къ жизни и властно поддержано укоренившейся идеей частной собственности: мы говоримъ о постепенномъ переходѣ въ руки немногихъ лицъ главнѣйшихъ орудій производства, о господствѣ банковъ, о владычествѣ денежнаго капитала. Частно-хозяйственная или индивидуалистическая организація капитала угрожаетъ нынѣ самому существованію государства, съ кото-

рымъ она уже соперничаетъ въ могуществѣ, стремясь сдѣлаться, помимо него и въ ущербъ ему, постояннымъ источникомъ права и юриспруденціи или толкованія права. И современному государству удастся избѣгнуть анархическаго распада и катастрофы, легко могущей вернуть человѣчество на нѣсколько столѣтій назадъ, лишь въ томъ случаѣ, если оно послѣдуетъ примѣру средневѣкового государства, которое долго боролось съ военной анархіей и, наконецъ, побѣдило ее, прибравъ къ своимъ рукамъ всѣ вооруженныя силы въ каждой странѣ. Промышленное государство, если оно хочетъ жить и процвѣтать, должно будетъ, въ свою очередь, смѣло поставить и разрѣшить великую задачу нашей эпохи—сосредоточеніе въ его рукахъ всѣхъ орудій кредита и производства. Государство, другими словами, должно будетъ, рано или поздно, сдѣлаться главнымъ, если не единственнымъ капиталистомъ.

VI.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, но центръ тяжести „энергетическаго“ пониманія общественнаго явленія всецѣло лежитъ во взглядѣ „новыхъ логиковъ“ на роль, принадлежащую, въ исторіи успѣховъ человѣческаго разума, фактору положительнаго знанія. И роль эта вполнѣ сходится съ тѣмъ значеніемъ, какое соціологическая теорія нео-позитивистовъ и выведенный ими общій законъ развитія человѣческихъ союзовъ уже давно придавали этому же фактору. По этому поводу намъ невольно вспоминаются жестокіе упреки, которые раздавались по адресу нео-позитивистовъ—именно со стороны нѣкоторыхъ нѣмецкихъ критиковъ—за слишкомъ, будто бы, страстную убѣжденность, съ которой они защищали указанный сейчасъ тезисъ.

Въ полномъ согласіи съ Махомъ и нѣкоторыми другими мыслителями той же школы, Оствальдъ видитъ въ наукѣ первый и главный источникъ власти человѣка надъ природой, универсальное и наиболѣе плодотворное изъ всѣхъ изобрѣтенныхъ человѣческимъ геніемъ орудій цѣлесообразной дѣятельности. „Совокупность фактовъ, образующихъ цивилизацію—говоритъ онъ expressis verbis,—основана, въ первомъ и послѣднемъ выводѣ, на наукѣ, которая является одновременно и высшимъ расцвѣтомъ, и *глубочайшимъ корнемъ* всякой человѣческой культуры“. „Наука—продолжаетъ онъ—выполняетъ по отношенію ко всему человѣчеству функцію центральнаго органа, мозга, по отношенію къ

каждой отдѣльной личности. Въ наукѣ собирается и сосредоточивается все, что какимъ бы то ни было образомъ было пріобрѣтено опытомъ, способнымъ быть повтореннымъ; а съ помощью своего мнемоническаго аппарата или своей памяти—книгъ, наука ставитъ свое собственное существованіе въ зависимость отъ существованія отдѣльныхъ лицъ, свѣдущихъ лишь въ той или другой части ея... Знаніе совершившихся фактовъ не имѣетъ никакой цѣны до тѣхъ поръ, пока оно не даетъ намъ возможности предвидѣть и предсказать, съ большей или меньшей вѣроятностью, факты будущаго... Наука, по самой природѣ своей, есть систематическое прорицаніе; ибо человѣкъ всегда устраиваетъ или организуетъ свою дѣятельность такимъ образомъ, чтобы быть въ состояніи достигнуть желаемыхъ результатовъ съ наименьшими усиліями, съ возможно ничтожной затратой энергіи".

„Эволюція человѣческаго знанія — утверждаетъ, далѣе, Оствальдъ—во всѣхъ подробностяхъ своихъ опредѣляется точно дѣйствующими законами; историческое развитіе наукъ развертывается въ строгомъ согласіи или даже въ полномъ совпаденіи съ *логическимъ ихъ развитіемъ*, понимаемымъ какъ постепенное *обобщеніе* и *углубленіе* возникающихъ вопросовъ" (такимъ образомъ авторомъ ясно указывается аналитическая и, слѣдовательно, по необходимости *отвлеченная* природа знанія). Но—спѣшитъ прибавить Оствальдъ—законы, управляющіе этой эволюціей, отъ которой зависятъ и всѣ другіе процессы развитія, происходящіе въ общественной средѣ, до сихъ поръ еще являются мало и плохо изученными. Въ этой области знанія первую и главную роль продолжаютъ, по прежнему, играть счастливыя случайности, наталкивающія насъ на тѣ или другія открытія. Такому положенію вещей надо положить конецъ, распространивъ и на производство наивысшей изъ всѣхъ цѣнностей, науки (или поиска за отвлеченной истиной), тѣ общіе пріемы, которые съ успѣхомъ уже прилагались въ различныхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности и которые всѣ сводятся къ „экономическому" началу наименьшаго усилія (или возможно большаго „сбереженія" энергіи).

Къ „экономическому" началу или къ началу „энергетическому"? Этого вопроса Оствальдъ вовсе не поднимаетъ, надо думать—потому, что для него, какъ для Маха, самый вопросъ уже заранѣе рѣшенъ въ смыслѣ полнаго тожества обоихъ началъ. И тотъ, и другой писатель охотно и часто распространяются о глубоко „экономическомъ" характерѣ науки, а слѣдовательно и всей культуры, — нимало не опасаясь такой характеристикой главнаго фактора исторіи вызвать въ нашемъ умѣ прискорбное

смѣшеніе части съ цѣлымъ, или даже загнать насъ въ безвыходный тупикъ прагматизма. Съ своей стороны, однако, мы считаемъ необходимымъ строгое различіе между двумя указанными признаками и полагаемъ, что въ примѣненіи ко всей совокупности нашихъ знаній можно говорить только объ „энергетической" природѣ науки. Что же касается до термина „экономическій", то онъ, по нашему мнѣнію, долженъ сохранять гораздо болѣе спеціальный смыслъ, служа къ обозначенію лишь одного изъ видовъ (впрочемъ существеннаго, „базическаго", по марксистской терминологіи) прикладной дѣятельности, развертывающейся подъ первоначальнымъ и могущественнымъ вліяніемъ теоретическаго знанія.

Но какъ могло произойти такое смѣшеніе части съ цѣлымъ? Нетрудно, намъ кажется, отвѣтить на этотъ вопросъ. Дѣйствительно, стоитъ только вспомнить, гдѣ, въ какихъ отдѣлахъ знанія всеобщіе законы энергетики съ самаго начала и безъ особаго труда были схвачены и раскрыты умомъ человѣка. Отдѣловъ этихъ два: одинъ изъ нихъ (нѣкоторыя части физики) стоитъ на нижней ступени лѣстницы знанія, а другой (нѣкоторыя части соціологіи, именно вся „экономика") расположенъ на верхнемъ концѣ научнаго ряда. Вотъ почему въ процессахъ общественныхъ (не исключая и процессовъ познаванія) терминъ „экономическій" сталъ сплошь и рядомъ употребляться вмѣсто термина „энергетическій", и притомъ въ качествѣ полнѣйшаго его синонима. Очевидно, что упомянутые выше ученые могли бы съ одинаковымъ правомъ говорить и о „физической" природѣ явленій и процессовъ общественныхъ; однако, избѣгнувъ этой первой терминологической ошибки, они впали лишь во вторую, которая и сама, впрочемъ, не представляла бы особенной важности, еслибъ мы во всѣхъ наукахъ уже вышли изъ періода словеснаго знанія.

Рядомъ съ умноженіемъ знаній Оствальдъ придаетъ огромное значеніе, для малѣйшаго общественнаго прогресса, и степени ихъ распространенія. Онъ старательно и съ тонкими пріемами, напоминающими „изящныя соціологическія миніатюры" предшественника его, Габріэля Тарда, рисуетъ намъ печальную картину чрезвычайной медленности послѣдняго процесса и тѣ тысячи препятствій, которыя новаторъ или геніальный человѣкъ неизмѣнно встрѣчаютъ на своемъ пути. „Часто—говоритъ онъ—достигнутый успѣхъ не замѣчается тотчасъ же, въ особенности если дѣло касается шага впередъ въ новой области мысли. Чѣмъ серьезнѣе и значительнѣе открытіе или научное новшество, тѣмъ дольше

и упорнѣе замалчивается оно, и тѣмъ труднѣе ему выбраться изъ строгаго карантина, въ которомъ его держатъ только потому, что оно имѣетъ смѣлость идти въ разрѣзъ знанію, унаслѣдованному отъ предковъ и ставшему популярнымъ". Въ подобныхъ случаяхъ самыя важныя научныя пріобрѣтенія рискуютъ долго ожидать признанія со стороны большинства ученыхъ, за которыми съ такимъ трудомъ, безъ малѣйшей надежды догнать ихъ, плетутся народныя массы. „Распространеніе знаній—замѣчаетъ по тому же поводу Оствальдъ — совершается всегда одинаковымъ образомъ: знаніе медленно просачивается чрезъ различные умственные слои, изъ которыхъ состоитъ данный народъ или общество. Сначала величіе новой идеи понимается и оцѣнивается по достоинству лишь рѣдкими родственными умами. Непосредственно слѣдующія среднія наслоенія обыкновенно начинаютъ съ того, что отвергаютъ и порицаютъ идею, развѣ бы дѣло касалось давно ожидаемаго нововведенія, къ принятію котораго большинство успѣло вполнѣ подготовиться. Однако, интересъ къ идеѣ, обнаруженный ничтожнымъ численно меньшинствомъ, по прошествіи болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени возбуждаетъ вниманіе и другихъ независимыхъ умовъ; и только тогда, иной разъ уже послѣ какого-нибудь громкаго пораженія консервативной оппозиціи, состоящей изъ болѣе старыхъ работниковъ въ той же отрасли знаній, новая идея и ея послѣдствія находятъ доступъ къ болѣе широкимъ общественнымъ кругамъ".

Оствальдъ кончаетъ свою книгу слѣдующими словами, подъ которыми безъ колебаній подпишутся не только всѣ истинные соціологи, но и всѣ здравомыслящіе люди: „Для быстраго распространенія знанія нѣтъ болѣе дѣятельнаго и могучаго фактора, чѣмъ *школа*. И потому раціональная организація обученія или, вѣрнѣе, воспитанія вообще является, безспорно, самой главной и настоятельной задачей человѣчества, независимо отъ политическихъ, экономическихъ или юридическихъ формъ процесса общественности. Не существуетъ другого, болѣе дѣйствительнаго средства упрочить развитіе и увеличить цѣнность культуры, чѣмъ то, которое состоитъ въ передачѣ ея въ полной цѣлости всѣмъ будущимъ поколѣніямъ".

VII.

Пора придти къ общему заключенію. Если соціологическая теорія нео-позитивизма хоть сколько-нибудь приближается къ научной истинѣ, энергетическое объясненіе общественнаго про-

цесса, предложенное Оствальдомъ, пріобрѣтаетъ новую убѣдительную силу. И наоборотъ, если энергетическая теорія хоть немного поднимаетъ край завѣсы, скрывающей отъ насъ истину, нео-позитивное объясненіе общественнаго процесса, въ своихъ главныхъ выводахъ совпадающее съ результатами построенія соціологіи на энергетическихъ началахъ, можетъ только выиграть въ точности и достовѣрности.

Но это еще не все. Даже въ нынѣшнемъ, начальномъ и далеко несовершенномъ фазисѣ своего развитія, энергетическое пониманіе общественности уже содержитъ въ себѣ, повидимому—по крайней мѣрѣ въ скрытомъ состояніи или въ зародышѣ,—три капитальныя теоріи, которымъ соціологическое объясненіе общественнаго факта старалось, съ своей стороны, придать опредѣленную и ясную формулировку. Теоріи эти слѣдующія. Во-первыхъ, *біо-соціальная* теорія, которая, въ прямую противоположность тому, что имѣетъ мѣсто въ мірѣ животныхъ, видитъ въ психическомъ фактѣ, наблюдаемомъ въ общественно-культивированной средѣ, явленіе составное, обязанное своимъ происхожденіемъ совмѣстной работѣ фактора біологическаго и фактора общественнаго. Во вторыхъ, теорія *психическаго взаимодѣйствія*, которая утверждаетъ, что если наука (или соборный опытъ, къ чему, въ концѣ концовъ, сводится всякое знаніе) и служитъ источникомъ всѣхъ открытій и изобрѣтеній, являясь, въ этомъ смыслѣ, великимъ и универсальнымъ орудіемъ культуры, справедливо превозносимымъ и прославляемымъ Оствальдомъ, то наука и соборный опытъ, въ свою очередь, должны имѣть причину, отличную отъ нихъ самихъ; и вотъ, какъ на такую основоначальную причину, теорія психическаго взаимодѣйствія и указываетъ на превращеніе высшей ступени біологической энергіи, сознанія, въ новую, надорганическую форму міровой энергіи: въ знаніе. Въ-третьихъ, наконецъ, *теорія познанія*, которая, выйдя изъ-подъ опеки философіи, свергнувъ съ себя вѣковое иго метафизики и обративъ явленія познанія въ предметъ спеціальнаго научнаго изслѣдованія, открыто выступаетъ сама въ роли перваго или наиболѣе важнаго отдѣла общей соціологіи.

Можно даже, сдается намъ, питать надежду, что энергетическая теорія, по мѣрѣ болѣе полной и глубокой разработки ея въ примѣненіи къ соціологіи, признаетъ и приметъ, съ должными поправками, и *генетическій рядъ общественныхъ явленій*, выставленный нео-позитивистами, и выведенный ими изъ этой основной классификаціи общій *законъ четырехъ факторовъ исторической эволюціи* или четырехъ главныхъ формъ, въ которыя

послѣдовательно облекается коллективная мысль человѣчества (наука, философія, искусство и практическая дѣятельность).

Соціальная энергетика, какъ всѣ другія формы энергетическаго пониманія міра, является теоріей утилитарной или финалистической, телеологической. Но „цѣлеисходность“ ея—вполнѣ сознательная: она не подвергается риску быть принятою за причинную связь; она, поэтому, не исключаетъ изслѣдованія объективнаго отношенія между причиной и слѣдствіемъ. Въ энергетической соціологіи, напротивъ того, отношеніе цѣлей къ средствамъ всегда строго подчиняется причинной связи; практика въ ней признается зависящей отъ теоріи, и дѣйствіе, какъ мы могли это видѣть у Оствальда—отъ знанія.

Энергетическое пониманіе общественнаго процесса не являетъ собою того плачевнаго и хаотическаго зрѣлища, какое представляетъ намъ, нимало не подозрѣвая своей жалкой роли, крайній прагматизмъ нашихъ дней — зрѣлища возстанія факта противъ породившей его идеи. Скорѣе слѣдовало бы признать, что энергетическая соціологія уже можетъ, съ своей стороны, способствовать радикальному разрѣшенію ложной антиноміи между „раціонализмомъ“ и „активизмомъ“.

Дѣйствительно, самымъ фактомъ существованія своего энергетическая теорія ясно доказываетъ, что прагматизмъ бываетъ двухъ родовъ: одинъ, такъ сказать, внѣ-научный или до-научный, составляющій общій удѣлъ человѣка и животныхъ; другой — всецѣло зависящій отъ знанія, немыслимый внѣ науки и являющійся исключительнымъ достояніемъ общественно-культивированной личности. Та же теорія убѣждаетъ насъ, сверхъ того, и въ томъ, что всякая высоко-цивилизованная эпоха есть по необходимости, въ силу самаго опредѣленія своего, и вѣкъ высоко-утилитарный, т.-е. время, въ которомъ поискъ за истиной, *научный промыселъ*, уже покрываетъ, такъ сказать, всѣ свои издержки, уже оправдываетъ, своими непосредственными приложеніями къ жизни, всѣ потраченныя на него усилія, уже начинаетъ „давать выгоду“—to pay, какъ говорятъ прагматисты-практики по преимуществу, англичане и сѣверо-американцы.

Нельзя опасаться зайти слишкомъ далеко, слѣдуя по пути, на которомъ практика управляется и контролируется теоріей и который всегда былъ и останется единственной вѣрной дорогой, ведущей къ прогрессу. Чѣмъ болѣе будетъ расцвѣтать культура или, другими словами, чѣмъ болѣе наши знанія будутъ не только размножаться, но и находить распространеніе въ широкихъ народныхъ кругахъ, тѣмъ болѣе вѣка, которые явятся свидѣтелями

такого роста и развитія, будутъ заслуживать названія эпохъ практическихъ и глубоко-утилитарныхъ. Ибо дѣйствіе (или практика) есть такое же естественное и неизбѣжное порожденіе разума (или теоріи), какъ разумъ (или знаніе) есть естественное и неизбѣжное порожденіе общественности (или психическаго взаимообмѣна).

Е. де Роберти.

ЛИСТКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА
АЛЕКСАНДРА ПЕТЭФИ

Въ Пештѣ, недалеко отъ берега Дуная, стоитъ на площади Петэфи памятникъ первому поэту Венгріи, вошедшему по праву въ семью крупныхъ европейскихъ поэтовъ.

Александръ Петэфи (собственно Петровичъ) родился въ декабрѣ 1822-го года, въ Кисъ-Кэрэсъ, въ Пештскомъ комитатѣ, и былъ сыномъ мясника Стефана Петровича, родомъ серба, но евангелическаго исповѣданія. Отецъ хотѣлъ, чтобы сынъ унаслѣдовалъ его ремесло, а послѣдній мечталъ о совсѣмъ другихъ путяхъ. Онъ не получилъ правильнаго образованія, посѣщалъ лишь гимназію. Его неудержимо влекло къ театру; юность онъ провелъ отчасти какъ странствующій актеръ, отчасти какъ солдатъ. Но, повидимому, у него не было сценическаго таланта; не смотря на всю горечь этого сознанія, послѣ двухлѣтнихъ неудачныхъ попытокъ онъ отказался отъ театра и отдался всецѣло литературѣ. Свою тоску при разлукѣ съ театромъ онъ излилъ въ прелестномъ стихотвореніи: „Прощаніе со сценой“, гдѣ каждая строка оканчивается припѣвомъ: „Прощай, романтическая жизнь! прощайте, приключенія, прощайте!“

Стихи онъ началъ писать съ 16-ти лѣтъ. Поэтъ Вэрэсмарти помогъ ему издать первый сборникъ стихотвореній, вышедшій въ 1844 г. и встрѣченный необыкновенно сочувственно. Петэфи сталъ сотрудникомъ газетъ; его стихи стали появляться всюду и сдѣлали его любимцемъ венгерскаго общества. Онъ пробовалъ свои силы и въ другихъ родахъ, сочинилъ герои-комическую

поэму, писалъ драмы, новеллы изъ деревенской жизни, но все это ничѣмъ не замѣчательно.

Въ 1847 г. онъ женился на Юліи Сцендрей. Счастливая эпоха его жизни отразилась въ его поэзіи. Вмѣстѣ съ поэтами Вэрэсмарти и Арани онъ задумалъ перевести на венгерскій языкъ Шекспира, но успѣлъ лишь закончить переводъ „Коріолана", когда разразилась революція 1848-го года, увлекшая поэта въ пылъ борьбы. Шекспиръ былъ оставленъ; Петэфи сталъ во главѣ пештской молодежи, доставившей побѣду венгерской революціи.

Въ его первомъ безцензурномъ стихотвореніи: „Впередъ, мадьяръ!" слышится душа этого движенія. Затѣмъ изъ-подъ пера Петэфи полились революціонныя пѣсни, съ неудержимымъ пыломъ зовущія къ свободѣ.

Во время военныхъ дѣйствій противъ Австріи, въ сентябрѣ 1848 г., онъ вступилъ въ армію, подъ начальство генерала Бема, сдѣлавшаго его своимъ адъютантомъ. Въ послѣдній разъ его видѣли 31 іюля 1849 г., во время битвы при Шэсбургѣ. Съ тѣхъ поръ судьба его неизвѣстна. По всей вѣроятности, онъ палъ въ сраженіи и погребенъ вмѣстѣ съ товарищами въ общей могилѣ. Молва окружила его участь легендой. Говорили, будто онъ не умеръ, а взятъ въ плѣнъ русскими и томится въ Сибири.

Въ 1856 г. вышли въ свѣтъ стихотворенія, написанныя Петэфи въ 1847—1848 г.г., въ двухъ томахъ. Его пѣсни стали народными и распѣваются повсюду въ Венгріи. Онѣ вызвали многочисленныхъ, но неудачныхъ подражателей. Очарованіе его поэзіи—въ тѣсной связи съ его жизнью: въ его стихахъ отражается всецѣло онъ самъ, а онъ носилъ въ себѣ всѣ характерныя черты гордаго, свободнаго и пламеннаго венгерскаго народа, съ его юморомъ и тихой меланхоліей. Несложны мотивы его творчества, но всѣ они полны жизненной силы, кипучей энергіи и безконечной любви къ свободѣ и родному краю. Недаромъ эпиграфомъ къ своимъ стихамъ избралъ онъ слѣдующія слова: „Свобода и любовь всего дороже для меня. Любви своей я отдаю всего себя, а свободѣ отдаю свою любовь". Онъ самъ говоритъ о себѣ: „Быть-можетъ, существуютъ болѣе блестящія, великія перья и лиры, но нѣтъ болѣе безупречныхъ: я не продалъ ни одной струны моей лиры, ни одного штриха моего пера. Я пѣлъ и писалъ, къ чему толкалъ меня Богъ моей души, а Богъ моей души—свобода. Пусть скажетъ потомство, что я былъ

плохой поэтъ, но оно скажетъ также, что я былъ безупречный гражданинъ".

О своемъ народѣ онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Венгерскій народъ—не трусливый народъ. Кто тебя, моя нація, обвинитъ въ трусости, тотъ не читалъ самыхъ прекрасныхъ, самыхъ блестящихъ страницъ міровой исторіи, гдѣ сіяетъ слава твоего меча... Еслибы ты, венгерская нація, не была мученицей, то теперь турецкій полумѣсяцъ бросалъ бы свой призрачный свѣтъ на развалины европейскаго образованія. Нація, которая не труслива—не можетъ идти ко дну; нація, сражавшаяся за человѣчество—не должна идти ко дну. Въ ночи моего отечества я лишь слабый огонь, но все же огонь, и при его свѣтѣ нація можетъ читать въ книгѣ судьбы одно слово: надежда!

Печатаемые ниже „Листки изъ дневника" Петэфи относятся къ днямъ его участія въ борьбѣ 1848-го года.

Пештъ, 15 марта 1848 года.

Печать свободна!—Еслибъ я зналъ, что мое отечество больше во мнѣ не нуждается, я вонзилъ бы мой мечъ въ мое сердце и, умирая, написалъ бы алой кровью эти слова, чтобы они сіяли какъ утренніе лучи свободы. Сегодня родилась венгерская свобода, такъ какъ сегодня пали цѣпи съ прессы.

Или существуетъ такой чудакъ, который думаетъ, что какой-либо народъ можетъ быть названъ свободнымъ безъ свободной печати?

Съ днемъ твоего рожденія, венгерская свобода!

Я первый привѣтствую тебя, я, который молился и сражался за тебя, привѣтствую тебя съ такой же глубокой радостью, какъ глубока была моя печаль, когда мы были лишены тебя!

О, наша свобода, милая, добрая новорожденная, живи долго на землѣ, такъ долго, какъ будутъ существовать венгерцы! Когда умретъ послѣдній сынъ нашей націи, покрой его словно саваномъ. А если тебя раньше должна похитить смерть, возьми тогда съ собой въ могилу весь народъ, такъ какъ жить безъ тебя стыдно, а умереть съ тобой—славно!

Этимъ я привѣтствую тебя; пусть это будетъ для тебя указаніемъ на всю жизнь. Будь счастлива! Я не желаю, чтобы ты не встрѣтила бурь на своемъ пути, такъ какъ постоянно спо-

койная жизнь—полусмерть; но будь всегда полна мужества, чтобы побѣждать опасности!

Поздняя ночь! Спокойной ночи, прелестная новорожденная!..

Ты прекраснѣе своихъ иноземныхъ сестеръ, такъ какъ ты не купалась въ крови, какъ онѣ; тебя омочили лишь чистыя слезы радости. И подушка твоей колыбели—не холодные, застывшіе трупы, а горячія, бьющіяся сердца! Спокойной ночи!..

Если я засну, приснись мнѣ въ томъ образѣ, въ какомъ я тебя желаю видѣть: великой, блестящей, уважаемой всѣмъ свѣтомъ.

Пештъ, 17 марта 1848 года.

Давно уже мое почти исключительное чтеніе, моя утренняя и вечерняя молитва, мой ежедневный хлѣбъ—исторія французской революціи, это новое евангеліе міра, гдѣ второй избавитель человѣчества—свобода—проповѣдуетъ свое обновляющее ученіе. Всѣ ея слова и буквы вонзились мнѣ въ сердце; тамъ мертвыя буквы стали живыми, и новорожденнымъ стало тѣсно—онѣ шумѣли и бились во мнѣ.

Я долженъ былъ бы окунуть свое перо въ огнедышащую гору, чтобы описать дни мои, страданія моихъ дней! Такъ ожидалъ я будущаго, того мгновенія, когда мои мысли о свободѣ оставятъ темницу—мѣсто ихъ страданій.

Я ждалъ этого мгновенія; я не только надѣялся, я ожидалъ его съ увѣренностью, что оно придетъ. Тому свидѣтели мои стихи, которые я написалъ больше года тому назадъ. Они не вымучены—они родились изъ пророческаго вдохновенія, или, если хотите, изъ инстинкта, живущаго въ поэтѣ. Я ясно видѣлъ, что Европа съ каждымъ днемъ приближается къ страшному перевороту. Я часто это писалъ, еще чаще говорилъ. Никто не вѣрилъ моимъ предсказаніямъ, многіе осмѣивали меня, называли меня мечтателемъ и фантазеромъ, но, не смотря на все это, во мнѣ жила твердая вѣра въ переворотъ.

Нашу политическую жизнь я или наблюдалъ издали, или совсѣмъ не занимался ею; поэтому меня обвиняли съ одной стороны въ односторонности, съ другой — въ преступномъ равнодушіи. Близорукіе! я зналъ то, чего они не знали, и потому жалѣлъ шумящихъ героевъ ежедневной политики; я смѣялся надъ важнымъ видомъ, который они носили на показъ; я зналъ, что ихъ блестящія рѣчи и дѣла — не что иное, какъ нарисованныя на пескѣ фигуры, которыя смететъ первое дуновеніе приближающейся бури; я зналъ, что они не тѣ знаменитые артисты, которые играютъ на жизненной сценѣ колоссальную драму ро-

жденія, а только декораторы и статисты, поднимающіе занавѣсъ и разносящіе столы и стулья.

Я изолировался, какъ астрономъ въ своей башнѣ, и взглянулъ съ земли на небо, въ будущее. Внезапно небо упало на землю, будущее стало настоящимъ... Въ Италіи разразилась революція.

Какъ волхвы, увидавшіе младенца Іисуса въ ясляхъ, съ тѣмъ же восторгомъ и благоговѣніемъ глядѣлъ я на новый метеоръ, на дневную звѣзду, которая уже при своемъ рожденіи была больше каждой ночной. Ей было предсказано въ душѣ моей, что она обойдетъ весь міръ. И такъ и случилось. Новый всемірный гражданинъ провелъ въ Италіи свои дѣтскіе годы, потомъ отправился дальше; внезапно онъ явился въ Парижѣ взрослымъ человѣкомъ; онъ изгналъ оттуда Луи-Филиппа, какъ Христосъ—продавцовъ изъ іерусалимскаго храма.

Ахъ, когда я услыхалъ, что Луи-Филиппъ изгнанъ и что Франція стала республикой!

Я находился тогда въ отдаленномъ отъ Пешта комитатѣ; тамъ настигло меня это извѣстіе.

Недвижимъ и нѣмъ стоялъ я, какъ огненный столбъ!

Когда я снова овладѣлъ своимъ сознаніемъ, меня начало мучить одно опасеніе. Пароль брошенъ, думалъ я: кто знаетъ, что произошло или произойдетъ, пока я вернусь домой? Неужели революція должна начаться безъ меня?.. Какъ молнія полетѣлъ я въ столицу. Дрожащій, задыхающійся, достигъ я ея.

Одушевленіе было всеобщее, но еще ничего не начиналось.

Я глубоко вздохнулъ, какъ пловецъ, выходящій изъ воды. Пламя революціи двигалось къ Германіи, оно все распространялось и, наконецъ, вспыхнуло въ Вѣнѣ. Мы всѣ воодушевились, но не двигались. На сеймѣ говорили очень хорошо, но рѣчь, какъ бы ни была она прекрасна — все же не дѣло. 14 марта было собраніе оппозиціоннаго клуба, которое, по обыкновенію, разошлось безрезультатно. Было внесено предложеніе передать двѣнадцать пунктовъ въ Вѣну, въ видѣ петиціи, и немедленно; но процвѣтавшій тогда бюрократическій духъ хотѣлъ пересылать это дѣло отъ Понтія къ Пилату, такъ что результатъ, вѣроятно, получился бы не ранѣе XX-го столѣтія.

Я не присутствовалъ на собраніи оппозиціоннаго клуба. Въ этотъ вечеръ докладывалъ Іокай съ большой горечью и полнымъ упадкомъ духа о результатахъ или, вѣрнѣе, объ отсутствіи результатовъ. Когда я это услыхалъ, я огорчился, но не впалъ въ уныніе.

Бо́льшую часть ночи я провелъ бодрствуя съ моей женой, моей храброй, воодушевленной, боготворимой мною женой, которая всегда стоитъ, вдохновляя, передъ моими мыслями, какъ высоко взвившееся знамя передъ арміей. Мы совѣтовались, что дѣлать. И у насъ было твердо рѣшено: мы должны дѣйствовать, и притомъ завтра же!

Можетъ-быть, послѣ-завтра было бы уже поздно!

Логически, первый шагъ революціи и ея главная задача— это освобожденіе печати... Это мы сдѣлаемъ! Остальное я предоставляю небу и тѣмъ, кто предназначенъ продолжать начатое; мое призваніе—дать первый толчокъ. Завтра мы должны добыть свободу печати! А если въ насъ будутъ стрѣлять? Это уже какъ захочетъ Богъ! Кто можетъ ожидать болѣе прекрасной смерти?

Съ этими мыслями я заснулъ. Раннимъ утромъ я поспѣшилъ въ кофейню молодежи. Въ кофейнѣ было лишь нѣсколько молодыхъ людей, которые уныло политиканствовали. Я пригласилъ бывшаго между ними Юлія Бульовскаго къ Іокаю, а остальнымъ поручилъ задерживать всѣхъ приходящихъ, до моего возвращенія.

Придя къ Іокаю, я изложилъ мои мысли о немедленной свободѣ печати. Мои товарищи согласились съ моими воззрѣніями. Бульовскій и Іокай составили прокламацію. Васвари и я ходили взадъ и впередъ по комнатѣ. Первый грозилъ моей палкой, не зная, что въ ней внутри длинная шпага; вдругъ шпага выпала, не ранивъ, однако, никого изъ насъ.

— Это хорошее предзнаменованіе! — воскликнули мы всѣ сразу.

Когда прокламація была готова и мы хотѣли выступить, я спросилъ, какой сегодня день.

— Среда—отвѣтилъ кто-то.

— Счастливый день! — воскликнулъ я:—въ одну изъ средъ я обвѣнчался.—

Полные воодушевленія и довѣрія къ судьбѣ, возвратились мы въ кофейню, которая была почти полна молодыми людьми. Іокай прочиталъ свою прокламацію, я продекламировалъ свои національные гимны, и все было принято съ шумнымъ одобреніемъ.

Національные гимны я написалъ два дня тому назадъ, 13-го марта, въ виду банкета, который хотѣла дать учащаяся молодежь 19-го марта: онъ не состоялся, вслѣдствіе наступившихъ событій. Въ то время, какъ я за однимъ столомъ писалъ свою національную пѣснь, жена моя, за другимъ, шила національный чепчикъ.

Изъ кофейни мы отправились сперва къ медикамъ. Во дворѣ медицинской высшей школы Іокай снова прочиталъ свою прокламацію, а я продекламировалъ свои гимны. Оттуда мы пошли къ инженерамъ, а затѣмъ къ юристамъ. Тѣмъ временемъ толпа страшно выросла. Въ передней семинаріи къ намъ подошелъ профессоръ и сказалъ категорически: „Господа! во имя закона!..“ Его остальныя слова поглотилъ грому подобный крикъ толпы, и профессоръ кончилъ тѣмъ, что ушелъ. Юристы высыпали на улицу, чтобы присоединиться къ намъ.

— Теперь пойдемъ къ цензору и заставимъ его подписать прокламацію и національные гимны!—воскликнулъ одинъ.

— Мы не пойдемъ ни къ какому цензору—возразилъ я,—я не знаю больше цензоровъ: мы пойдемъ прямо въ типографію.

Они быстро согласились и послѣдовали за мной. Типографія Ландерерса была ближе всего; туда и направили мы наши шаги. Іокай, Васвари, Видачъ и я были избраны делегатами, чтобы захватить типографскій станокъ въ свои руки.

Двѣнадцать пунктовъ и національные гимны были тотчасъ же напечатаны.

Между тѣмъ Габріэль Эгресси, Дегре, Васвари, Іокай и другіе произносили зажигательныя рѣчи. Къ обѣду были готовы печатные оттиски и въ тысячахъ экземпляровъ распространены въ толпѣ, которая приняла ихъ, опьяненная радостью. Въ три часа было созвано собраніе на площади музея.

Не смотря на лившій потоками дождь, къ музею собралось тысячъ десять народа. По общему рѣшенію, мы отправились къ ратушѣ, чтобы и граждане города могли считать двѣнадцать пунктовъ своими и присоединиться къ намъ. Залъ совѣщаній былъ открытъ и вскорѣ переполнился людьми. Послѣ краткаго совѣщанія, бургомистръ, отъ имени всѣхъ гражданъ, подписалъ двѣнадцать пунктовъ и показался изъ окна народу. Исполинскій взрывъ воодушевленія!..

Внезапно распространился слухъ, что идутъ солдаты... Со всѣхъ устъ слетѣло: „Къ оружію! къ оружію!“

Этотъ неосновательный слухъ вызвалъ такое возбужденіе, что изъ рѣчей Павла Ніари и Клауцзаля, говорившихъ болѣе часа, только съ трудомъ можно было разслышать нѣкоторыя слова.

„Въ Офенъ!.. Въ Офенъ!.. Къ намѣстнику! Откроемъ двери темницы Танезиса!.. [1]) Въ Офенъ!“—Этотъ призывъ болѣе всего былъ слышенъ.

---

[1]) Танезисъ, другъ Кошута, былъ заключенъ въ тюрьму, по обвиненію въ государственной измѣнѣ (за революціонныя статьи).

Въ заключеніе была избрана коммиссія, которая должна была отправиться въ Офенъ, чтобы предложить намѣстнику отмѣнить немедленно цензуру, освободить Танезиса и дать приказъ войскамъ ни въ какомъ случаѣ не вмѣшиваться въ наши дѣла.

Коммиссія отправилась въ Офенъ, въ сопровожденіи по меньшей мѣрѣ 20.000 человѣкъ, и изложила намѣстнику свои желанія. Онъ поблѣднѣлъ, задрожалъ и, послѣ пяти-минутнаго совѣщанія, согласился на все. Войска получили приказаніе держаться пассивно, цензура была снята, двери тюрьмы Танезиса открылись. Освобожденнаго писателя толпа съ тріумфомъ привела въ Пештъ.

Это было 15-го марта. Послѣдствія этого дня таковы, что онъ останется навсегда памятнымъ въ венгерской исторіи. Ребенку сдѣлать первый шагъ труднѣе, чѣмъ взрослому—пройти пѣшкомъ цѣлыя мили.

Пештъ, 24 марта 1848 года.

Сеймъ отмѣнилъ урбаріальный законъ [1]). Это прекрасно съ его стороны, но было бы еще прекраснѣе, еслибы онъ это сдѣлалъ раньше. Тогда бы дворянство заслужило имя „великодушнаго"; теперь же оно не можетъ имѣть притязанія на это названіе. Уважаемые чины и сословія, милостивые и немилостивые магнаты находились подъ впечатлѣніемъ слуха, что Александръ Петэфи расположился лагеремъ на Ракозскомъ полѣ, во главѣ 40.000 крестьянъ—и эта пріятная неожиданность побудила ихъ къ великодушію. Слухъ былъ неоснователенъ; но еслибы благоразумные господа не сдѣлали того, что они сдѣлали, то я смѣю ихъ увѣрить отъ имени Александра Петэфи, что неосновательный слухъ получилъ бы основаніе, съ тою только разницею, что не 40.000, а 80.000 и, быть-можетъ, еще болѣе появились бы на Ракозскомъ полѣ.

Конечно, лучше, безконечно лучше, что такъ вышло. Не для того я это говорю, чтобы дѣлать упреки дворянству, но для того, чтобы объяснить этимъ людямъ съ голубой кровью, что они дѣлаютъ себя смѣшными, хвалясь своимъ великодушіемъ.

Пештъ, 19 апрѣля 1848 года.

16-го марта, въ честь предыдущаго дня, Пештъ и Офенъ были иллюминованы, потомъ чествовали музыкой и факельцугомъ народныхъ вождей. Сколько празднествъ въ теченіе мѣсяца!

---

[1]) Отмѣна урбаріальнаго закона—это отмѣна платежей и повинностей, связанныхъ съ крѣпостной зависимостью.

Смотрите, чтобы за блестящими днями, не послѣдовали мрачныя ночи!.. Мы—страшно праздничный народъ, мы должны вѣчно справлять торжества. Еслибы не было больше людей, которыхъ мы могли бы чествовать, мы устроили бы факельцугъ съ музыкой лунѣ и въ ея честь иллюминовали бы городъ. Оттого, должно быть, мы такъ оборваны, что хотимъ вѣчно блестѣть...

Пештъ, 21 апрѣля 1848 года.

Страстная пятница!

Дума, перелети 113-ть лѣтъ, лети черезъ Балканскій хребетъ въ южную Турцію, на берегъ Пропонтиды, возьми съ собой слезу, упавшую изъ моего глаза на твое крыло, омочи руку того, кто тогда пересталъ жить. Это былъ великій человѣкъ: его рука освящена мечомъ свободы, которымъ онъ цѣлые годы сражался. И какъ онъ сражался, и какъ страдалъ! Но тщетно. Чего можно ожидать тамъ, гдѣ другъ—измѣнникъ, а отечество безучастно. Мечъ выпалъ изъ его рукъ и бѣглецъ сталъ бѣглецомъ. И въ то время, какъ дома его вѣроломный другъ утопалъ въ роскоши наградъ, онъ ѣлъ въ изгнаніи горькій хлѣбъ милости. Сегодня 113 лѣтъ [1]), какъ онъ умеръ. Есть ли въ широкомъ отечествѣ, въ широкомъ свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ, который помнитъ, что сегодняшній день—день смерти героя?

О, Ракоци...

Пештъ, 29 апрѣля 1848 года.

...Мой карманъ почти пустъ, но не такъ пустъ, чтобы я принялъ какое бы то ни было мѣсто, не говоря уже о томъ, чтобы я его добивался, какъ охотно объ этомъ толкуютъ мои доброжелатели. Уважаемые доброжелатели, если вы услышите, что я принялъ должность, исключая представительство на сеймѣ, то знайте, что я дошелъ до крайности и моя семья идетъ на встрѣчу голодной смерти.

Вообще, нѣкоторые клеветники много занимаются теперь мною. Одни распространяютъ сказку, что я сошелъ съ ума; другіе—что меня хотѣли арестовать, но я убѣжалъ. Не правда ли, вы хотѣли бы, чтобы это такъ и было?

Изъ сумасшествія ничего не выйдетъ—смѣю васъ увѣрить. Это могло быть лишь въ томъ случаѣ, еслибы весь свѣтъ былъ честенъ: тогда мнѣ не съ кѣмъ было бы сражаться—а я долженъ

---

[1]) Петэфи ошибается. День смерти Ракоци, о которомъ онъ говоритъ — не 21-ое, а 8-ое апрѣля 1735 г.

до самой смерти быть въ борьбѣ и битвѣ; но я сражаюсь лишь съ низкими людьми.

Что касается второго пункта, то, конечно, могутъ наступить такія печальныя времена, когда меня заключатъ въ тюрьму; но вы никогда не услышите, что я бѣжалъ, хотя бы годъ цѣлый видъ сооруженнаго эшафота побуждалъ меня это сдѣлать. Я боюсь одного—не тюрьмы, не смерти, но лишь моего мужества... Это единственное, чего я не смѣю оскорбить, чему я слѣпо повинуюсь; оно никогда не кричитъ „назадъ“, а всегда „впередъ“.

Перев. съ венгерскаго Глаголева.

АННА-ВЕРОНИКА

H. G. Wells. „Ann-Veronica". A modern Love-Story. London, 1909.

XXVI *).

Миссъ Миниверъ ввела Анну-Веронику въ свое міропониманіе съ такимъ бьющимъ черезъ край восторгомъ, что было бы неблагодарностью со стороны молодой дѣвушки, еслибы она отнеслась къ ней критически. Анна-Вероника незамѣтно для себя привыкла къ своеобразной внѣшности и манерамъ „агитаторшъ" и „агитаторовъ". Она перестала изумляться ихъ духовному облику, примирилась съ тѣмъ, что̀ въ началѣ казалось ей какъ бы намѣренной нелогичностью. Они во многихъ отношеніяхъ были правы. Она удовлетворялась этимъ и подавляла въ себѣ убѣжденіе, что они почему-то именно въ своей правотѣ нелѣпы.

Въ мірѣ миссъ Миниверъ центральное мѣсто занимали нѣкіе Гупсы. Это была самая странная семья, какую только можно было себѣ вообразить. Они по принципу питались только плодами и жили въ верхнемъ этажѣ дома на Теобальдъ-Родъ. У нихъ не было дѣтей и не было прислуги. Они превращали простоту жизни въ какое-то изысканное искусство. Мистеръ Гупсъ, какъ сообщили Аннѣ-Вероникѣ, былъ учитель математики и преподавалъ въ разныхъ школахъ; жена его писала еженедѣльно столбецъ въ „Новыхъ Идеяхъ" о вегетаріанской кухнѣ, о вивисекціи, о вырожденіи, аппендицитахъ и вообще о вопросахъ высшаго порядка, а также была помощницей въ фруктовой

---

*) См. мартъ, стр. 273.

лавкѣ, устроенной на новыхъ началахъ; лавка эта помѣщалась на Тотэнгемъ-Кортъ-Родъ. Ихъ обстановка была таинственно-возвышенная. Мистеръ Гупсъ ходилъ дома въ странной одеждѣ съ завязками изъ коричневыхъ лентъ, а жена его носила красное индійское платье, съ богатой вышивкой на груди. Онъ былъ маленькаго роста, смуглый, сдержанный человѣкъ, съ высокимъ, выпуклымъ лбомъ; жена его была румяная, веселая, съ мягкимъ подбородкомъ, незамѣтно сливавшимся съ полной, сильной шеей. Разъ въ недѣлю, по субботамъ, у нихъ собирался небольшой кружокъ гостей; приходили въ девять и оставались до поздней ночи, разговаривая; иногда читали вслухъ; закусывали, какъ полагалось вегетаріанцамъ по фруктовому режиму — каштановыми сандвичами съ орѣховымъ масломъ и т. п. Въ качествѣ напитковъ подавали лимонадъ и небродившее вино. На одинъ такой пиръ миссъ Миниверъ, послѣ долгаго подготовленія, повела Анну-Веронику.

Ее представили какъ дѣвушку, которая возстала противъ своей семьи. Компанія гостей у Гупсовъ состояла изъ очень старой дамы съ необыкновенно сморщеннымъ лицомъ, глубокимъ голосомъ и страннымъ головнымъ уборомъ, застѣнчиваго молодого человѣка съ узкимъ лбомъ и въ очкахъ и двухъ неинтересныхъ женщинъ въ гладкихъ юбкахъ и блузахъ. Были тамъ еще среднихъ лѣтъ мужъ и жена, очень толстые и одинаково одѣтые въ черное—м-ръ альдерменъ Дунстэбль, членъ городского управленія въ Мерилибонѣ, и м-ссъ Дунстэбль. Всѣ они сидѣли неправильнымъ полукругомъ вокругъ камина съ мѣдными украшеніями и съ вырѣзанной наверху на деревѣ надписью: „Начинайте не откладывая“.

Къ нимъ вскорѣ присоединился молодой человѣкъ съ рыжеватыми волосами и съ оранжевымъ галстухомъ, и еще другіе; въ воспоминаніи Анны-Вероники, не смотря на всѣ ея усилія припомнить подробности, они такъ и оставались „другими“. Разговоръ былъ оживленный и оставался блестящимъ по формѣ даже тогда, когда переставалъ быть содержательнымъ по существу. Минутами Аннѣ-Вероникѣ казалось, что ораторы говорятъ главнымъ образомъ съ цѣлью поразить ее своимъ краснорѣчіемъ.

Говорили о новой замѣнѣ жира въ вегетеріанской кухнѣ; м-ссъ Гупсъ выражала твердую увѣренность, что этотъ продуктъ окажетъ очищающее вліяніе на мозгъ. Затѣмъ заговорили объ анархизмѣ и соціализмѣ и о томъ, является ли анархизмъ полной противоположностью соціализма или только его высшей формой. Рыжеватый молодой человѣкъ заговорилъ о Гегелѣ, что

тотчасъ же запутало разговоръ. Альдерменъ Дунстэбль, который до тѣхъ поръ молчалъ, разразился рѣчью, въ которой сталъ высказывать свои личныя впечатлѣнія о цѣломъ рядѣ своихъ товарищей въ городскомъ совѣтѣ. Онъ продолжалъ это дѣлать въ продолженіе всего вечера, въ перемежку съ разговорами на другія темы. Онъ главнымъ образомъ обращался къ Гупсу, точно отвѣчая на его долгіе, настойчивые распросы о личномъ составѣ мерилибонскаго совѣта. „Еслибы вы спросили меня, — сказалъ онъ—я бы сказалъ вамъ, что Блиндерсъ честенъ. Но, конечно, онъ самый обыкновенный человѣкъ“.

Участіе м-ссъ Дунстэбль въ разговорѣ заключалось исключительно въ томъ, что каждый разъ, когда альдерменъ Дунстэбль хвалилъ или порицалъ кого-нибудь, она кивала головой, дважды или трижды, соотвѣтственно размѣрамъ своего сочувствія. При этомъ она неустанно разглядывала платье Анны-Вероники. М-ссъ Гупсъ прервала альдермена, обратившись къ молодому человѣку въ оранжевомъ галстухѣ (онъ, какъ оказалось, былъ помощникомъ редактора „Новыхъ Идей“). Она заговорила съ нимъ о появившейся въ его газетѣ статьѣ, посвященной Нитцше и Толстому. Авторъ этой статьи выражалъ сомнѣніе въ искренности Толстого. Этотъ вопросъ видимо очень интересовалъ все общество.

Миссъ Миниверъ сказала, что еслибы она утратила вѣру въ искренность Толстого, то вообще все на свѣтѣ перестало бы ее интересовать. И она спросила Анну-Веронику, раздѣляетъ ли та ея чувство. М-ръ Гупсъ сказалъ, что нужно дѣлать различіе между искренностью и ироніей, которая иногда не что иное, какъ искренность на болѣе высокомъ уровнѣ. Альдерменъ Дунстэбль заявилъ, что искренность часто вопросъ удобнаго случая. Онъ иллюстрировалъ свою мысль анекдотомъ о Блиндерсѣ изъ комитета борьбы противъ пыли. Тѣмъ временемъ молодому человѣку въ оранжевомъ галстухѣ удалось придать всему разговору эротическій оттѣнокъ вопросомъ, возможна ли полная искренность въ любви.

Миссъ Миниверъ выразила мнѣніе, что настоящая искренность возможна только въ любви; но молодой человѣкъ въ оранжевомъ галстухѣ сталъ утверждать, что вполнѣ возможно искренно любить двухъ заразъ, хотя, быть-можетъ, различно въ каждомъ случаѣ, и обманывать при этомъ обѣ стороны. За эти слова на него набросилась м-ссъ Гупсъ, взывая къ авторитету Тиціана, прекрасно разъяснившаго этотъ вопросъ въ своей картинѣ „Не-

бесная и земная любовь". Она стала краснорѣчиво говорить о невозможности какого-либо обмана въ небесной любви.

Всѣ стали говорить о любви; альдерменъ Дунстэбль, обернувшись къ застѣнчивому молодому блондину и говоря въ полголоса, но очень отчетливо, разсказалъ о ни на чемъ не основанномъ слухѣ, будто бы въ чувствахъ Блиндерса замѣчена двойственность; этотъ слухъ, по его словамъ, произвелъ непріятное впечатлѣніе на членовъ совѣта.

Старая дама вдругъ схватила за руку Анну-Веронику и сказала глубокимъ голосомъ:

— Опять разговоръ о любви! Опять весна, опять любовь! О, молодежь!

Молодой человѣкъ въ оранжевомъ галстухѣ, наперекоръ Сизифовымъ усиліямъ Гупса перевести разговоръ на болѣе возвышенныя темы, проявилъ большую настойчивость въ разсужденіяхъ о возможномъ распредѣленіи чувствъ въ высоко-развитыхъ современныхъ натурахъ.

Старая дама отрывисто сказала:—Ахъ, молодежь, молодежь, еслибы вы только *знали!*—Затѣмъ она засмѣялась и впала въ раздумье. Молодой человѣкъ съ узкимъ лбомъ и въ очкахъ прочистилъ горло и спросилъ молодого человѣка въ оранжевомъ галстухѣ, вѣритъ ли онъ въ возможность платонической любви. М-ссъ Гупсъ сказала, что только въ такую любовь и вѣритъ, затѣмъ порывисто поднялась съ мѣста, чтобы поручить Гупсу и застѣнчивому молодому человѣку разносить бутерброды.

Но молодой человѣкъ съ оранжевымъ галстухомъ, не трогаясь съ мѣста, сталъ доказывать, что плоть тоже имѣетъ свои законныя права. Отсюда онъ вернулся къ Толстому, упомянувъ о „Крейцеровой сонатѣ" и о „Воскресеніи".

Разговоръ продолжался. Гупсъ, нѣсколько сдержанный въ началѣ, прибѣгнулъ къ сократическому методу, споря съ молодымъ человѣкомъ въ оранжевомъ галстухѣ; склонившись къ нему, онъ вскорѣ заставилъ его признать, что плоть—только иллюзія и что нѣтъ ничего кромѣ духа и атомовъ мысли. Разговоръ превратился въ концѣ концовъ въ дуэль между ними двумя. Остальные сидѣли и слушали, кромѣ одного альдермена. Онъ затащилъ молодого блондина въ уголъ, прикрылъ рукою ротъ, для большей конфиденціальности, и сталъ шопотомъ излагать исторію борьбы между природной скромностью и добродѣтелью городского совѣта и общественнымъ зломъ въ Мерилибонѣ.

Разговоръ перешелъ на критику современныхъ беллетристовъ. Обсуждались смѣлыя статьи Вилькинса; затѣмъ зашла рѣчь о

будущемъ театра. Анна-Вероника приняла участіе въ литературной бесѣдѣ и стала отрицать непонятность Мередитовскаго „Эгоиста“; когда она говорила, всѣ умолкали и слушали ее. Затѣмъ обсуждался вопросъ, слѣдуетъ ли Бернарду Шау сдѣлаться членомъ парламента. Это направило бесѣду на вопросъ о вегетаріанствѣ и трезвости. Затѣмъ между молодымъ человѣкомъ въ оранжевомъ галстухѣ и м-ссъ Гупсъ зашелъ разговоръ объ искренности молодыхъ критиковъ Честертона и Беллока, и Гупсъ снова вознамѣрился прибѣгнуть къ сократическому методу.

Наконецъ Анна-Вероника и миссъ Миниверъ спустились съ темной лѣстницы и вышли на туманную лондонскую улицу. Пройдя черезъ Россель-Скверъ, Уборнъ-Скверъ, Гордонъ-Скверъ, онѣ направились къ дому Анны-Вероники, нѣсколько голодныя послѣ фруктовыхъ угощеній, но въ очень приподнятомъ настроеніи. Миссъ Миниверъ стала говорить о томъ, кто самый мощный умъ среди современниковъ: Бернардъ Шау или Толстой, докторъ Тумпани или писатель Вилькинсъ. Для нея было ясно, что во всемъ мірѣ нѣтъ равныхъ имъ умовъ.

Однажды вечеромъ, Анна-Вероника отправилась съ миссъ Миниверъ въ Эссексъ-Холль. Сидя на галлереѣ, она увидѣла и услышала исполиновъ-главарей фабіанскаго общества, преобразовывающаго міръ. Бернардъ Шау, Туммеръ, докторъ Тумпани и Вилькинсъ выступили одинъ за другимъ на эстрадѣ. Зала была переполнена публикой; толпа, окружавшая Анну-Веронику, состояла изъ восторженной молодежи съ красивыми лицами, а также изъ множества типовъ въ родѣ Гупса. Пренія представляли собою странную смѣсь чисто личныхъ, мелкихъ интересовъ съ возвышеннѣйшимъ идеализмомъ. Почти въ каждой рѣчи раздавалось требованіе великихъ необходимыхъ перемѣнъ въ мірѣ, перемѣнъ, которыя можно осуществить лишь великими усиліями и жертвами, но которыя все же навѣрное будутъ осуществлены. Анна-Вероника присутствовала на еще болѣе многолюдномъ и шумномъ собраніи—на митингѣ передового отряда женскаго освободительнаго движенія въ Какстонъ-Холлѣ. Тамъ раздавался тотъ же призывъ къ осуществленію необходимыхъ реформъ. Затѣмъ она пошла на вечеръ общества преобразованія въ одеждѣ, а также посѣтила выставку общества преобразованія пищи. Тамъ близость переворота доказывалась съ устрашающей убѣдительностью. Женскій митингъ былъ гораздо болѣе оживленъ, чѣмъ собраніе соціалистовъ. Анна-Вероника сейчасъ же утратила способность критическаго отношенія къ событіямъ. Она апплодировала и кричала, при чемъ позднѣйшее размышленіе не оправдало

ея увлеченія.—Я знала, что вы почувствуете нашу правоту!—сказала миссъ Миниверъ, когда онѣ ушли, раскраснѣвшіяся и разгоряченныя.

Анна-Вероника стала увлекаться женскимъ движеніемъ. Ее интересовали не столько самыя теоріи, сколько та жажда перемѣны, то недовольство жизнью, которое оказывалось въ нихъ, стремленіе къ преобразованію во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ—въ экономическомъ развитіи, въ законахъ собственности, въ пищѣ, въ преподаваніи. Она увидѣла, что по улицамъ Лондона ходятъ люди, всѣ мысли которыхъ, также какъ ихъ рѣчь, ихъ одежда—живая проповѣдь близкаго переворота. Нѣкоторые изъ нихъ одѣвались какъ чужестранцы и были совершенно непохожи на коренныхъ лондонцевъ. Это были большею частью художники, молодые писатели, а также молодыя дѣвушки и женщины, живущія самостоятельнымъ трудомъ. Онѣ составляли особый общественный слой — и къ нимъ присоединилась и Анна-Вероника.

То, что они говорили и дѣлали, не было вполнѣ новымъ для Анны-Вероники; но теперь она увидѣла цѣльный обликъ новой жизни, о которой знала лишь по отдѣльнымъ указаніямъ въ книгахъ. Лондонскій фонъ, на которомъ выступали эти новые люди, все болѣе напоминалъ ей, своими сѣрыми фасадами, неумолимо внушительными окнами, ставнями, желѣзными рѣшетками на окнахъ, ея отца въ моменты его наибольшаго упрямства. И ей казалось, что необходимо бороться противъ всего этого. Она была подготовлена къ идеямъ и общественнымъ движеніямъ книгами и спорами у Виджеттовъ, хотя по своему темпераменту скорѣе должна была бы отнестись къ нимъ враждебно. Но люди, среди которыхъ она теперь очутилась, благодаря миссъ Миниверъ и Виджеттамъ—Тэдди и Гетти пріѣзжали къ ней изъ Морнинсайдъ-Парка, водили ее обѣдать въ Сого за восемнадцать пенсовъ и познакомили ее съ молодыми художниками-соціалистами—были не только убѣждены въ томъ, что міръ глупъ, и все въ немъ дѣлается не такъ, какъ слѣдуетъ, съ чѣмъ она сразу готова была согласиться: они считали также, что достаточно нѣсколькихъ піонеровъ, вполнѣ и безповоротно „передовыхъ", для того, чтобы произвести переворотъ. Когда девяносто процентовъ изъ числа тѣхъ десяти или двѣнадцати человѣкъ, съ которыми встрѣчаешься въ теченіе мѣсяца, не только провозглашаютъ что-нибудь, но дѣйствительно убѣждены въ томъ, что говорятъ, то очень трудно не повѣрить имъ. Анна-Вероника почти незамѣтно для себя стала уподобляться своимъ новымъ знакомымъ, хотя

умъ ея противился идеямъ, обусловливавшимъ ея новыя привычки. Миссъ Миниверъ покорила ее.

Самый фактъ, что миссъ Миниверъ никогда не приводила ясныхъ доводовъ, что ее никогда не смущало противорѣчіе самой себѣ, что ей совершенно не нужна была послѣдовательность разсужденій,—т.-е. все то, что возстановляло Анну-Веронику противъ нея при первыхъ встрѣчахъ въ Морнинсайдъ-Паркѣ, сдѣлалось въ концѣ концовъ, при постоянныхъ сношеніяхъ, тайной возрастающаго вліянія миссъ Миниверъ. Мозгъ устаетъ отъ сопротивленія; когда постоянно слышишь тѣ же, ни на чемъ не основанныя фразы, тѣ же опровергнутыя, казалось бы, и похороненныя теоріи, трудно начинать опроверженія сначала. Начинаешь вѣрить въ идеи, которыя безпрестанно возрождаются. Наступаетъ то, что миссъ Миниверъ называла познаніемъ высшей истины.

Но хотя Анна-Вероника и бывала всюду со своей пріятельницей и даже иногда восторженно апплодировала на митингахъ, все же она слѣдила за всѣмъ окружающимъ все болѣе удивленнымъ взоромъ, все болѣе и болѣе хмуря брови. Она сочувствовала движенію, испытывала временами большую близость къ нему—но все же что-то смущало ее. Въ Морнинсайдъ-Паркѣ вся жизнь была пассивная, и все въ ней было нехорошо. Теперь кругомъ нея кипѣла активность, но все же она чувствовала недочеты и здѣсь. Что-то было не такъ. Дѣлу вредило, казалось, то, что среди агитаторовъ было такъ много людей неумныхъ, поблекшихъ, усталыхъ. Нехорошо было и то, что они не умѣли разсуждать, были эгоистичны и непослѣдовательны. Минутами ей казалось, что, можетъ-быть, всѣ эти движенія, общества и собранія — просто дѣло неудачниковъ, защищающихъ себя отъ полнаго паденія шумомъ самонадѣянныхъ рѣчей. У Анны-Вероники была одна знакомая семья, стоявшая какъ бы на противоположномъ общественномъ полюсѣ по отношенію къ Виджеттамъ. Это была семья содержателя конюшни въ Морнинсайдъ-Паркѣ. Тамъ было нѣсколько очень нарядныхъ и смѣшливыхъ молодыхъ дѣвицъ и братъ-спортсменъ въ пестромъ жилетѣ, съ прыщами на лицѣ. Дѣвицы носили пестрыя шляпы и убійственные банты. Онѣ любили произносить непогрѣшимыя сужденія и, говоря о соціалистахъ и разныхъ реформаторахъ, заявляли, что соціалисты ужасны и дики. Несомнѣнно, что эти слова давали нѣкоторое представленіе о кругѣ миссъ Миниверъ. Въ нихъ было что-то дикое. И всетаки...

Анна-Вероника не спала по ночамъ, думая о поразительномъ контрастѣ между передовыми мыслями и передовыми мы-

слителями. Идея соціализма казалась ей въ высшей степени вѣрной. Но она не могла перенести своего сочувствія на представителей соціалистическихъ теорій. Ее восхищала теорія равноправности мужчинъ и женщинъ; она чувствовала, что движеніе за женскія права вполнѣ отвѣчало той потребности въ личной свободѣ и самоуваженіи, которая привела ее въ Лондонъ. Но когда она слышала рѣчи миссъ Миниверъ о ближайшихъ планахъ борьбы за избирательныя права и читала о томъ, какъ женщины осаждали министровъ и срывали митинги криками и требованіями правъ, пока ихъ не выводили, не смотря на ихъ крикъ и пискъ, душа ея возмущалась. Что-то еще невполнѣ выяснившееся въ ея мысляхъ возстановляло ее противъ такого практическаго примѣненія идей, которымъ она вполнѣ сочувствовала.

— Не для этого, Анна-Вероника, — говорилъ ей внутренній голосъ, — ушла ты изъ дому; не это — твое истинное дѣло.

Она точно видѣла передъ собой мракъ, въ которомъ скрыто было нѣчто прекрасное и дивное, еще не воплотившееся.

XXVII.

Въ началѣ декабря Анна-Вероника ознакомилась съ условіями заклада вещей. Она рѣшила, что начнетъ со своего жемчужнаго ожерелья. Она провела довольно непріятный день и вечеръ, обдумывая свое матеріальное положеніе. Былъ сильный дождь, а она забыла свои лучшія ботинки въ домѣ отца. Тетя прислала Аннѣ-Вероникѣ немного теплаго бѣлья, дюжину чулокъ и прошлогоднюю зимнюю кофточку, но о ботинкахъ она, къ сожалѣнію, забыла.

Все это ярко освѣтило ея положеніе. Наконецъ она рѣшилась на шагъ, который всегда казался ей разумнымъ; она не сдѣлала его раньше по какимъ-то трудно объяснимымъ причинамъ. Она рѣшила отправиться въ Сити, къ Рамаджу, и попросить у него совѣта. На слѣдующее утро она одѣлась съ особой аккуратностью, нашла адресъ въ адресной книгѣ и отправилась къ нему.

Ей пришлось ждать нѣсколько минутъ въ конторѣ, гдѣ трое молодыхъ людей смотрѣли на нее съ едва скрываемымъ любопытствомъ и восхищеніемъ. Затѣмъ къ ней вышелъ Рамаджъ и любезно провелъ ее къ себѣ въ кабинетъ. Молодые люди обмѣнялись выразительными взглядами.

Кабинетъ его былъ красиво обставленъ, съ толстымъ восточ-

нымъ ковромъ на полу, съ мѣдными украшеніями на каминѣ, со стариннымъ письменнымъ столомъ; на стѣнахъ висѣли снимки двухъ Грёзовскихъ дѣтскихъ головокъ и какая-то современная картина, изображавшая мальчиковъ, купавшихся въ залитомъ солнцемъ пруду.

— Вотъ сюрпризъ!—сказалъ Рамаджъ.—Какъ это съ вашей стороны очаровательно! Вы точно пропали съ моего горизонта. Ужъ не уѣзжали ли вы изъ Морнинсайдъ-Парка?

— Я вамъ не мѣшаю?

— Очень мѣшаете. Очаровательно мѣшаете. Дѣло только для того и существуетъ, чтобы ему мѣшать. Вотъ вамъ лучшее кліентское кресло.

Анна-Вероника сѣла и острые глаза Рамаджа впились въ нее.

— Я сознаюсь, что искалъ васъ,—сказалъ онъ.

Ей показалось, что она никогда прежде не замѣчала, какіе у него выпуклые, впивающіеся глаза.

— Я пришла къ вамъ за совѣтомъ.

— Вотъ какъ!

— Помните, мы говорили съ вами о томъ, какой у дѣвушки можетъ быть самостоятельный заработокъ?

— Да, да, помню.

— Ну, вотъ видите ли... у меня кое-что случилось.

Она остановилась.

— Ничего не случилось съ м-ромъ Стэнли, надѣюсь?

— Я разошлась съ отцомъ. Дѣло шло о томъ — о томъ, что мнѣ дозволено и что недозволено. Онъ — словомъ, онъ заперъ меня въ моей комнатѣ. Прямо таки заперъ.—У нея на минуту сперло дыханіе.

— Да что вы!—сказалъ м-ръ Рамаджъ.

— Я собиралась пойти на художественный балъ, а онъ былъ противъ этого.

— Почему?

— Я почувствовала, что такъ не можетъ продолжаться; я собрала вещи и на слѣдующій день уѣхала въ Лондонъ.

— Къ какимъ-нибудь знакомымъ?

— Я поселилась въ меблированныхъ комнатахъ—одна.

— Вы, знаете, смѣлая! И все это вы продѣлали одна?

Анна-Вероника улыбнулась.

— Совершенно одна—сказала она.

— Поразительно!—Онъ откинулся назадъ въ креслѣ и посмотрѣлъ на нее, слегка склонивъ голову на бокъ. — Въ васъ есть что-то удивительно прямое — сказалъ онъ.—Вотъ ужъ не

знаю, заперъ ли бы я васъ, еслибы я былъ вашимъ отцомъ. Къ счастью, я не вашъ отецъ. Итакъ, вы рѣшили возстать противъ свѣта и сдѣлаться самостоятельною гражданкою.—Онъ снова поднялся.—А какъ же свѣтъ къ этому отнесся? Будь я свѣтомъ, я бы подостлалъ пурпурный коверъ и попросилъ бы васъ говорить, что вамъ угодно, и ходить, попирая меня. Но свѣтъ этого не сдѣлалъ, не правда ли?

— Да, свѣтъ поступилъ не совсѣмъ такъ.

— Онъ повернулъ къ вамъ свою широкую непроницаемую спину и занялся своими дѣлами?

— Онъ далъ мнѣ возможность получать отъ пятнадцати до двадцати двухъ шиллинговъ въ недѣлю за жалкій трудъ.

— Свѣтъ не знаетъ своей обязанности относительно молодости и смѣлости. Никогда и не зналъ.

— Да! — сказала Анна-Вероника. — Теперь дѣло въ томъ, что мнѣ нужна работа.

— Вотъ именно. И вы явились ко мнѣ. Какъ видите, я не отворачиваюсь отъ васъ; я смотрю вамъ въ лицо и думаю о васъ.

— Что же, по вашему, я могла бы дѣлать?

— Вотъ именно.—Онъ взялъ въ руки прессъ, лежавшій на столѣ, и слегка ударилъ имъ по столу.—Что вы могли бы дѣлать?

— Я искала всевозможной работы.

— И главное то, что, по существу, вы вовсе не желаете работать.

— Я не понимаю васъ.

— Вы хотите быть свободной и все такое. Конечно. Но у васъ нѣтъ особеннаго желанія дѣлать ту работу, которая дастъ вамъ свободу. Работа сама по себѣ васъ не интересуетъ.

— Кажется, что такъ.

— Это — одно изъ главныхъ различій между нами. Мы, мужчины, какъ дѣти увлекаемся игрой, увлекаемся и работой. Вотъ почему мы иногда дѣйствительно хорошо исполняемъ дѣло и оно намъ удается. Но женщины — женщины въ большинствѣ случаевъ никогда такъ не отдаются дѣлу. Онѣ не созданы для труда: это фактъ. Отсюда естественное слѣдствіе—то, что онѣ не такъ хорошо работаютъ; поэтому ихъ трудъ плохо оплачивается. Онѣ не могутъ заняться средне-интереснымъ въ жизни, потому что всѣ ихъ помыслы сосредоточены на одномъ, самомъ главномъ. Вотъ почему, какъ мнѣ кажется, женщинѣ труднѣе сдѣлать самостоятельную карьеру, чѣмъ мужчинѣ.

— Женщины никогда не имѣютъ спеціальности — сказала Анна-Вероника, дѣлая усиліе, чтобы понять его.

— Напротивъ, — возразилъ онъ:—все дѣло въ томъ, что у нихъ есть спеціальность; она — самое центральное въ жизни, сама жизнь, теплота жизни, любовь.

Онъ произнесъ это глубоко убѣжденнымъ тономъ, глядя прямо въ лицо Аннѣ-Вероникѣ. У него былъ такой видъ, точно онъ сообщилъ ей глубокую личную тайну. Она хотѣла отвѣтить, но остановилась и слегка покраснѣла.

— Это не касается вопроса, съ которымъ я обратилась къ вамъ — сказала она. — Можетъ-быть это правда, но я не объ этомъ думаю.

— Да, вы правы! — сказалъ Рамаджъ, точно пробуждаясь отъ глубокаго раздумья. Онъ сталъ распрашивать ее дѣловымъ тономъ о предпринятыхъ ею шагахъ, о наведенныхъ ею справкахъ. Онъ не обнаруживалъ такого оптимизма, какъ въ ихъ первомъ разговорѣ у калитки. Онъ выразилъ готовность помочь, но вмѣстѣ съ тѣмъ не скрывалъ своихъ сомнѣній.—Конечно,— сказалъ онъ—съ моей точки зрѣнія вы взрослая; вы такихъ же лѣтъ, какъ всѣ богини; мужчины въ ваши годы считаются взрослыми. Но съ экономической точки зрѣнія вы очень молодая и совершенно неопытная особа.

Онъ сталъ развивать дальше эту идею.—Вы еще въ ученическихъ годахъ — сказалъ онъ — и еще не закончили своего образованія: у васъ нѣтъ диплома.—

Онъ подумалъ о секретарской работѣ для нея, но оказалось, что для этого нужно писать на машинѣ и знать стенографію. Онъ сталъ объяснять Аннѣ-Вероникѣ, что теперь ей слѣдуетъ пополнять свои знанія, а не искать заработка.

— Вы точно скрытая въ нѣдрахъ земли золотая руда— сказалъ онъ. — У васъ есть чудесный матеріалъ, но вы ничего не можете продать.

Онъ задумался, затѣмъ стукнулъ рукой по столу и взглянулъ на нее съ такимъ видомъ, точно его осѣнила блестящая идея. — Послушайте! — сказалъ онъ, щуря глаза.—Зачѣмъ вамъ теперь браться за работу? Если вы добиваетесь свободы, то нужно дѣйствовать благоразумно. Заслужите настоящую свободу. Продолжайте занятія въ Имперскомъ Колледжѣ, постарайтесь получить дипломъ, это вамъ придастъ цѣнность. Или же усовершенствуйтесь въ писаніи на машинѣ, научитесь стенографіи для секретарской работы.

— Это невозможно.

— Почему?

— Если я вернусь домой, отецъ не позволитъ учиться въ колледжѣ, а что касается писанія на машинѣ...

— Не возвращайтесь домой.

— Вы забываете одну вещь: какъ же я буду жить?

— Очень просто. Займите деньги—у меня.

— Не хочу!—рѣзко сказала Анна-Вероника.

— Я не вижу—почему?

— Это невозможно.

— Почему не взять въ долгъ деньги у друга? Это принято у мужчинъ. И если вы добиваетесь равноправности...

— Нѣтъ, я не возьму, м-ръ Рамаджъ.—Лицо Анны-Вероники горѣло.

Рамаджъ сжалъ свои нѣсколько отвисшія губы и пожалъ плечами, не отводя отъ нея глазъ.—Какъ знаете, но я не понимаю вашего упрямства. Я говорю вамъ правду. Можетъ-быть, въ первую минуту мой совѣтъ кажется вамъ страннымъ; вы даже покраснѣли. Насъ воспитываютъ почему-то въ стыдливомъ отношеніи къ деньгамъ. Точно это какой-то деликатный вопросъ. Какой это предразсудокъ! Возьмите у меня деньги. Не то у васъ останется выборъ: или дѣлать непріятную работу, или вернуться домой.—

— Вы очень добры—начала Анна-Вероника.

— Ничуть. Я сдѣлалъ только вѣжливое дружеское предложеніе. Я не предлагаю вамъ подарка. Я буду брать съ васъ по пяти процентовъ.—

Анна-Вероника быстро раскрыла ротъ, но ничего не сказала. Упоминаніе о пяти процентахъ видимо подѣйствовало благопріятно.

— Во всякомъ случаѣ имѣйте это въ виду.—Онъ снова стукнулъ прессомъ о столъ и заговорилъ равнодушнымъ голосомъ.—Скажите мнѣ пожалуйста,—спросилъ онъ—какъ это вы убѣжали изъ Морнинсайдъ-Парка? Какъ вы вывезли багажъ изъ дому? Это было, вѣроятно, до извѣстной степени весело? Вотъ для меня поводъ сожалѣть о моей безплодно проведенной молодости. Я никогда ни откуда ни съ кѣмъ не убѣгалъ. А теперь—могли бы сказать, что я слишкомъ старъ, хотя я самъ этого не чувствую. Скажите — очень вы были возбуждены всѣми событіями, когда сѣли въ поѣздъ?—

Передъ Рождествомъ Анна-Вероника снова пошла къ Рамаджу и приняла предложеніе, которое раньше отклонила.

Много маленькихъ обстоятельствъ содѣйствовало этому рѣшенію. Главное было то, что ей очень нужны были деньги. Ей пришлось купить себѣ пару ботинокъ и юбку для гулянья, а за жемчужное ожерелье ей дали очень мало. Она успокоивала себя тѣмъ, что возьметъ эти деньги только въ долгъ. Ей стало казаться, что это дѣйствительно самое благоразумное, какъ ей сказалъ Рамаджъ. Это придастъ всему ея образу дѣйствій нѣкоторую основательность. Только этимъ путемъ она сможетъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ закончить свое образованіе. А успѣхъ ей нуженъ былъ хотя бы для того, чтобы доказать дома свою правоту. И почему бы ей не позаимствовать деньги у Рамаджа?

Онъ сказалъ правду: люди средняго класса до смѣшного щепетильны въ денежныхъ дѣлахъ. Какой это имѣетъ смыслъ? Она и Рамаджъ—друзья, очень хорошіе друзья. Еслибы она могла помочь ему, она бы это охотно сдѣлала. Но случайно произошло обратное: онъ могъ помочь ей. Почему же не принять его услугу? Ей не хотѣлось вникать въ сущность своего нежеланія взять у него деньги. Она поспѣшила отправиться къ Рамаджу и сразу перешла къ мучившему ее дѣлу.

— Можете одолжить мнѣ сорокъ фунтовъ?—спросила она.

М-ръ Рамаджъ старался не выдать своего торжества.

— Хорошо,—сказалъ онъ.—Сейчасъ.—Онъ пододвинулъ къ себѣ чековую книжку. — Я лучше поставлю круглую сумму—сказалъ онъ.—Я вамъ дамъ простой чекъ, который вы сможете размѣнять тутъ же по близости въ банкѣ. Только не держите всей суммы у себя. Откройте маленькій текущій счетъ на почтѣ и вынимайте каждый разъ по пяти фунтовъ. Для этого не нужно рекомендацій, какъ въ банковомъ счетѣ. Деньги будутъ дольше держаться и вамъ будетъ спокойнѣе.

Онъ сталъ рядомъ съ нею и заглянулъ ей въ глаза. Онъ точно старался понять нѣчто очень странное и неуловимое.

— Какъ хорошо — сказалъ онъ,—что вы пришли ко мнѣ. Это признакъ довѣрія. Въ послѣдній разъ вы меня нѣсколько обидѣли. — Онъ помолчалъ въ нерѣшительности и потомъ продолжалъ:—Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами объ очень многомъ. Теперь какъ разъ время завтрака. Пойдемте позавтракать со мною.

Анна-Вероника попробовала уклониться.

— Мнѣ не хочется отнимать у васъ время—сказала она.

— Мы будемъ завтракать не здѣсь, въ Сити. Въ здѣшнихъ ресторанахъ завтракаютъ только мужчины и можно наткнуться

на скандалъ. Но я знаю одинъ маленькій ресторанъ въ другомъ мѣстѣ; тамъ мы можемъ мирно побесѣдовать за ѣдой.

Аннѣ-Вероникѣ почему-то не хотѣлось идти съ нимъ завтракать. Но причины этого нежеланія были такія смутныя, что она не поддалась ему. Рамаджъ прошелъ съ нею черезъ контору, очень оживленный и любезный, сильно заинтересовавъ этимъ трехъ клерковъ. Они ринулись всѣ трое къ единственному окну и увидѣли, какъ Рамаджъ усадилъ молодую дѣвушку въ кэбъ; разговоръ, послѣдовавшій послѣ этого между ними, не входитъ въ предѣлы нашего разсказа.

— Къ Риттеру! — сказалъ Рамаджъ кучеру.—Динъ-Стритъ.

Анна-Вероника рѣдко ѣздила въ кэбахъ, и потому уже самая поѣздка была для нея развлеченіемъ. Ей пріятно было легкое покачиваніе коляски на высокихъ колесахъ, отрывистый стукъ лошадиныхъ копытъ, ѣзда по улицамъ, кишащимъ народомъ. Она высказала свое удовольствіе Рамаджу.

У Риттера тоже было очень интересно, ново и уютно. Маленькая, низкая комната съ множествомъ маленькихъ столиковъ, красные абажуры на электрическихъ лампочкахъ, цвѣты на столѣ. Былъ хмурый, но не туманный день. Электрическій свѣтъ тепло озарялъ комнату; лакей итальянецъ, коверкавшій англійскія слова, принялъ заказъ Рамаджа и прислуживалъ съ особой ласковостью. Аннѣ-Вероникѣ все это очень понравилось. Риттеръ лучше кормилъ, чѣмъ большинство его соотечественниковъ. Ѣда была хорошо приготовлена, и Рамаджъ, съ тонкимъ пониманіемъ женскаго вкуса въ ѣдѣ, заказалъ бутылку настоящаго Капри. Когда нѣсколько глотковъ удивительнаго вина согрѣли ея кровь, Анна-Вероника подумала, что такой завтракъ наединѣ съ чужимъ человѣкомъ показался бы ея тетѣ очень предосудительнымъ. На самомъ же дѣлѣ все это было очень невинно и пріятно.

Они разговаривали за завтракомъ въ спокойномъ дружескомъ тонѣ о дѣлахъ Анны-Вероники. Рамаджъ говорилъ очень умно, довольно смѣло, но въ границахъ дозволеннаго. Она описывала ему Гупсовъ и фабіанцевъ, разсказала про свою хозяйку. А онъ очень интересно говорилъ о перспективахъ, открытыхъ передъ современной молодой женщиной. Онъ видимо хорошо зналъ жизнь и говорилъ о многихъ возможностяхъ, возбуждая любопытство. Его манера составляла удивительный контрастъ съ пустыми фразами Тэдди. Хорошо было имѣть его другомъ...

Но когда она стала вспоминать ихъ разговоръ у себя въ комнатѣ, у нея родились какія-то странныя сомнѣнія. Она не понимала, чтò означалъ сдержанный блескъ въ его глазахъ. Она

почувствовала, что, быть-можетъ, желая говорить съ нимъ на равныхъ правахъ, она держалась свободнѣе, чѣмъ слѣдовало, и дала ему невѣрное представленіе о себѣ.

Это происходило за два дня до Рождества. На слѣдующее утро она получила письмо отъ отца:

„Милая дочь, — писалъ онъ—близится праздникъ прощенія, и я протягиваю тебѣ руку въ надеждѣ на примиреніе. Я прошу тебя—хотя не мнѣ бы слѣдовало просить—вернуться домой, подъ мой кровъ. Тебя не будутъ ничѣмъ дразнить, когда ты вернешься, и все будетъ сдѣлано, что только возможно, чтобы тебѣ жилось пріятно. Я умоляю тебя вернуться. Твой капризъ длился слишкомъ долго и начинаетъ доводить до отчаянія и меня, и твою тетю. Мы никакъ не можемъ понять, почему ты такъ поступаешь и чего ты ждешь. Еслибы ты подумала хоть объ одной только мелочи—о томъ, какъ намъ неудобно объяснять твое отсутствіе, ты бы уже поняла, какъ все это намъ тяжело. Мнѣ нѣтъ надобности прибавлять, что тетя твоя всѣмъ сердцемъ присоединяется къ моимъ просьбамъ. Пожалуйста, вернись! Ты увидишь, я буду справедливъ къ тебѣ.—Твой любящій отецъ“.

Анна-Вероника сидѣла у камина съ письмомъ отца въ рукахъ.

— Странныя онъ пишетъ письма! — сказала она.—Впрочемъ, большинство людей пишетъ странныя письма. „Подъ мой кровъ“! Точно Ноевъ ковчегъ. Любопытно знать: дѣйствительно ли онъ хочетъ, чтобы я вернулась домой. Странно, какъ мало я его знаю. До чего мнѣ чужды его чувства. А какъ онъ отнесся къ Гвенъ?

Она стала думать о сестрѣ.

— Нужно зайти къ Гвенъ — сказала она себѣ.—Что-то у нея дѣлается?

Потомъ она задумалась о тетѣ.

— Я бы хотѣла вернуться домой — говорила она себѣ со слезами,—чтобы доставить ей радость. Она была такая милая ко мнѣ.

Но она тотчасъ же призналась себѣ въ правдѣ.

— Самое непонятное то — говорила она сама себѣ, — что я не вернулась бы домой изъ-за нея. Она, конечно, милая и слѣдовало бы ее обрадовать. Но я этого не сдѣлаю. Мнѣ внутренно нѣтъ дѣла до нея и я не могу этого измѣнить.

Какъ бы для сопоставленія съ письмомъ отца, она вынула изъ ящика чекъ Рамаджа, который она еще не обмѣняла.

— А что, если порвать его,—подумала она,—что еслибы я разорвала его и вернулась домой? Въ концѣ концовъ, можетъ-

быть, Родди былъ правъ: „Дверь отца открыта, но она, можетъ-быть, когда-нибудь закроется". Я могла бы еще вернуться домой.

Она взяла въ руки чекъ Рамаджа, точно собираясь порвать его.

— Нѣтъ,—сказала она наконецъ—я человѣкъ, а не трусливая женщина. Чтò бы я дѣлала дома? Нѣтъ, я доведу до конца то, чтò начала.

XXVIII.

Въ январѣ Анна-Вероника занималась уже въ біологической лабораторіи Имперскаго Колледжа, который выступаетъ изъ заднихъ улицъ въ углу между Юстонъ-Родъ и Грэтъ-Портландъ-Стритъ. Она усердно работала, проходя старшій курсъ сравнительной анатоміи, и наслаждалась методичнымъ научнымъ трудомъ, замѣнившимъ неопредѣленныя занятія предшествовавшихъ двухъ мѣсяцевъ. Она старалась не думать о томъ, что, во-первыхъ, она достигла возможности работать, занявъ у Рамаджа сорокъ фунтовъ, а во-вторыхъ, что ея теперешняя жизнь—только временная и что будущее совершенно темно.

Біологическая лабораторія была совершенно обособленнымъ міромъ. Она расположена была на самомъ верху зданія, откуда открывался видъ на группу маленькихъ домовъ около Риджентсъ-парка; она представляла собой длинную и узкую, хорошо освѣщенную уютную галлерею съ хорошимъ воздухомъ, со множествомъ маленькихъ столовъ. Въ ней носился тонкій запахъ древеснаго спирта и стерилизованныхъ органическихъ остатковъ. Вдоль внутренней стороны былъ цѣлый рядъ великолѣпно приготовленныхъ самимъ Росселемъ препаратовъ. На Анну-Веронику наибольшее впечатлѣніе производило благоустройство лабораторіи, въ сравненіи съ которой все другое казалось хаотичнымъ. Все, что было въ лабораторіи, приспособлено было къ одной цѣли: выяснить, освѣтить и все яснѣе и яснѣе выявить строеніе животныхъ и растеній. Снизу и до верху, съ одного конца въ другой, лабораторія посвящена была изученію формъ жизни. Она исключительно служила болѣе своему назначенію, чѣмъ храмъ. Этимъ она и производила такое успокаивающее впечатлѣніе. Въ сравненіи съ хаотичнымъ оживленіемъ на фабіанскихъ собраніяхъ или съ шумными требованіями избирательныхъ правъ, со всѣми рѣчами, большею частью или эгоистичными, или преслѣдующими политическія цѣли, а то и просто состоящими

изъ криковъ во имя нелогично формулированныхъ цѣлей, эта длинная мирная комната, посвященная наукѣ, свѣтилась, точно звѣзда изъ-за облаковъ.

День за днемъ, въ теченіе часа, Россель объяснялъ въ аудиторіи, съ необыкновеннымъ талантомъ и терпѣніемъ, сложное строеніе родового древа жизни. Затѣмъ студенты отправлялись въ лабораторію и провѣряли сообщенные имъ научные факты на почти живыхъ тканяхъ при помощи микроскопа и скальпеля, работая съ величайшей тщательностью, дѣлая иногда набѣги на провѣрочный музей рядомъ, гдѣ выставлены были стройными рядами всевозможные модели и образцы. Работами завѣдывалъ лаборантъ Капсъ. Онъ давалъ объясненія быстрымъ, нервнымъ голосомъ, противоположнымъ медленному, рѣшительному тону Росселя. Потомъ онъ подсаживался поочередно къ каждому студенту, обсуждая трудности его работы и отвѣчая на вопросы, вытекавшіе изъ лекціи Росселя.

Анна-Вероника стала работать, увлекшись великимъ Росселемъ, ролью, которую онъ игралъ въ спорахъ о дарвинизмѣ, и рѣшительнымъ выраженіемъ его желтаго, нѣсколько мрачнаго, львинаго лица, выступавшаго изъ-подъ гривы серебристыхъ волосъ. Капсъ, въ противоположность ему, былъ яркій блондинъ лѣтъ тридцати двухъ — тридцати трехъ. Онъ говорилъ пріятнымъ голосомъ, съ удивительной непосредственностью, иногда очень тяжеловѣсно, но иногда очень живо. Онъ анатомировалъ нѣсколько неловко и торопливо, но въ общемъ хорошо. Рисовалъ онъ тоже очень нетерпѣливо, но рисунки его выигрывали въ значительности то, чего имъ недоставало въ точности. Куски цвѣтного мѣла перелетали черезъ доску.

Въ этотъ годъ какъ разъ былъ чрезвычайный наплывъ дѣвушекъ и женщинъ на лабораторныхъ занятіяхъ. Быть-можетъ, впрочемъ, это только казалось, такъ какъ классъ былъ очень небольшой. Въ немъ было только девять учащихся, и между ними четыре женщины. При такомъ небольшомъ числѣ слушателей было легче и пріятнѣе работать. Установились дружескія отношенія. Образовалась привычка общаго чаепитія въ четыре часа. Чай приготовляла миссъ Гарвисъ, высокая, граціозная дѣвушка, не очень развитая умственно, но зато съ хозяйственными наклонностями. Капсъ являлся на эти чаепитія; ему это видимо было пріятно, и въ условленный часъ онъ появлялся въ дверяхъ препаровочной, застѣнчиво ожидая приглашенія.

Аннѣ-Вероникѣ онъ сразу показался очень интереснымъ. Прежде всего ее поражала въ немъ неровность натуры. Иногда

онъ былъ очень блестящъ, властно говорилъ со всѣми и обо всѣхъ и могъ бы казаться тираномъ, еслибы не былъ необыкновенно добръ. Иногда же онъ былъ крайне односложенъ и, при всемъ искусствѣ миссъ Гарвисъ, ей не удавалось вызвать его на разговоръ. Временами онъ былъ очень раздражителенъ и тщетно пытался скрыть свое дурное настроеніе. Или же онъ вдругъ проявлялъ лукавое остроуміе и очень зло насмѣхался. Анна-Вероника знала только болѣе цѣльные типы: Тэдди былъ всегда нелѣпъ; отецъ ея былъ всегда властенъ и сентименталенъ; Маннингъ всегда оставался Маннингомъ. Большинство другихъ людей, съ которыми она встрѣчалась, были, казалось ей, тоже вѣрны себѣ. Гупсъ—она въ этомъ не сомнѣвалась—былъ всегда важенъ, величественъ и склоненъ къ сократическому методу разсужденія. А у Рамаджа навѣрное всегда проявлялась его странная жадность, его любопытство, его несомнѣнныя качества вмѣстѣ съ умственнымъ убожествомъ. Но ничего опредѣленнаго и точнаго нельзя было сказать о Капсѣ.

Пять студентовъ, съ которыми работала Анна-Вероника, представляли довольно смѣшанную компанію. Между ними былъ одинъ восемнадцатилѣтній юноша съ очень бѣлымъ лицомъ; онъ откидывалъ назадъ свои волосы, какъ Россель, и какъ-то жутко всегда замолкалъ, очутившись подлѣ нея. Она чувствовала, что изъ христіанскаго чувства слѣдовало непремѣнно ласково говорить съ нимъ. Другой студентъ, молодой человѣкъ двадцати пяти лѣтъ, въ синемъ костюмѣ, присоединялъ Маркса и Бебеля къ болѣе ортодоксальнымъ богамъ біологической школы. Затѣмъ былъ еще рѣшительный юноша съ краснымъ лицомъ, унаслѣдовавшій отъ своего отца авторитетное отношеніе къ бактеріологіи. Четвертый былъ японецъ съ тихими манерами. Онъ очень хорошо рисовалъ и плохо зналъ по-англійски. Пятый былъ темный, немытый шотландецъ, въ странныхъ очкахъ. Онъ являлся каждое утро, въ качествѣ добровольнаго помощника лаборанта, точно присматривался къ работамъ Анны-Вероники и говорилъ, что ея препараты „ничего себѣ“ или „довольно таки ничего себѣ“, или „многимъ выше нормальнаго женскаго уровня“. Онъ не отходилъ отъ нея, точно желая выразить ей страшную признательность, а потомъ, съ выраженіемъ восторга — его граненые очки сверкали при этомъ какъ алмазы — возвращался на свое мѣсто.

Женщины, по мнѣнію Анны-Вероники, были менѣе интересны, чѣмъ мужчины. Среди студентокъ были двѣ учительницы, изъ которыхъ одна, миссъ Клегъ, могла быть кузиной миссъ Мини-

веръ, до того она имѣла съ ней много общаго. Затѣмъ была еще дѣвушка, фамиліи которой Анна-Вероника не знала. Она работала очень хорошо. Третья студентка, миссъ Гарвисъ, привлекла ее сначала своими красивыми движеніями. Но затѣмъ Анна-Вероника убѣдилась, что кромѣ этихъ движеній въ ней ничего не было.

Послѣдующія нѣсколько недѣль были для Анны-Вероники временемъ усиленнаго мышленія и духовнаго развитія. Накопившіяся впечатлѣнія прошлыхъ недѣль точно слились воедино, какъ только она перестала искать работу и снова стала послѣдовательно и систематично заниматься. Работа въ лабораторіи находилась въ ближайшемъ соприкосновеніи съ живыми интересами и текущими научными спорами. Научныя занятія освѣщали не только спеціальное поле знаній, не однѣ только техническія задачи. Біологія—необыкновенно удобоваримая наука. Она даетъ рядъ широкихъ экспериментальныхъ обобщеній и затѣмъ старается привести въ соотвѣтствіе съ ними безконечно разнообразныя явленія. Маленькія полосы въ яйцѣ, нервныя движенія нетерпѣливой лошади, чувство рыбы, грибъ у корня цвѣтка въ саду — десять тысячъ подобныхъ явленій свидѣтельствуютъ о чемъ-то и освѣщаются чѣмъ-то другимъ. И эти обобщенія не только собираютъ воедино всѣ факты естественной исторіи, сравнительной анатоміи, но простираются все далѣе и далѣе въ міръ интересовъ, лежащій за ихъ естественными предѣлами.

Аннѣ-Вероникѣ, послѣ длиннаго разговора съ миссъ Миниверъ, вдругъ пришло въ голову, какъ что-то странное и новое, что эта медленно вырабатываемая біологическая схема имѣетъ для нея не только научный интересъ, что это—болѣе систематичный методъ разсмотрѣнія тѣхъ же вопросовъ, которые обсуждались въ фабіанскомъ обществѣ, въ художественныхъ клубахъ, въ мастерскихъ, въ бездонныхъ разсужденіяхъ сторонниковъ простой жизни. Это все та же жизнь, и она сама—все та же вѣчная жизнь, сызнова начинающая свой путь къ подбору, къ размноженію и паденію или къ сохраненію жизни.

Но только на минуту мелькнуло у нея въ мысляхъ это примѣненіе теоріи къ собственной жизни—и дальше она по этому пути не пошла.

Вечера Анны-Вероники тоже были заполнены занятіями. Она продолжала интересоваться соціалистическимъ движеніемъ, бывала, вмѣстѣ съ миссъ Миниверъ, на суффражистскихъ собраніяхъ. Онѣ ходили вмѣстѣ на центральныя и мѣстныя фабіанскія собранія, на выборные митинги. Тэдди Виджеттъ встрѣчалъ

ихъ тамъ, издали смотрѣлъ на Анну-Веронику, а иногда радостно бросался къ ней и уводилъ ее и миссъ Миниверъ пить какао послѣ митинговъ съ нимъ и еще нѣсколькими молодыми фабіанцами. Иногда на горизонтѣ Анны-Вероники снова показывался м-ръ Маннингъ, по прежнему предупредительный; онъ по прежнему говорилъ, что она удивительная и что онъ хотѣлъ бы бесѣдовать съ нею. Онъ водилъ ее пить чай, обыкновенно— въ уютной чайной надъ однимъ фруктовымъ магазиномъ на Тотэнгемъ-Кортъ-Родъ, обсуждалъ свою точку зрѣнія и давалъ понять, что готовъ все исполнить, что только она прикажетъ ему. Онъ говорилъ о своей художественной чуткости и о своихъ эстетическихъ взглядахъ яснымъ, громкимъ голосомъ. На Рождество онъ подарилъ ей маленькое изданіе романовъ Мередита въ кожаныхъ переплетахъ, при чемъ сказалъ, что избралъ этого автора, сообразуясь не со своими собственными, а съ ея вкусами. При всѣхъ встрѣчахъ съ нею онъ велъ себя съ ясно выраженнымъ свободомысліемъ. Онъ не только не видѣлъ ничего предосудительнаго въ ихъ свободныхъ бесѣдахъ, но доказывалъ, что, поскольку это касается его самого, онъ давно отступился отъ всякихъ условностей.

Кромѣ того она теперь каждую недѣлю видалась и разговаривала съ Рамаджемъ; было рѣшено, что они—большіе друзья. Онъ приглашалъ ее обѣдать съ нимъ въ одномъ изъ небольшихъ итальянскихъ ресторановъ въ Сого, или же въ какомъ-нибудь болѣе шикарномъ ресторанѣ около Пикадилли-Серкёсъ. Она большей частью не отказывалась, да ей и не хотѣлось отказываться. Эти обѣды, начиная съ безчисленныхъ закусокъ и до мороженаго въ бумажныхъ чашечкахъ, съ бутылками Кіанти, съ пармезаномъ и съ космополитическими лакеями, какъ и съ космополитической публикой, были очень веселые. Къ тому же ей нравился Рамаджъ и она цѣнила его совѣты. Ей было интересно наблюдать, какъ своеобразно онъ подступалъ ко всѣмъ вопросамъ, интересовавшимъ ее. Она съ большимъ интересомъ наблюдала за этой разновидностью обитателей Морнинсайдъ-Парка. Прежде она думала, что всѣ жители Морнинсайдъ-Парка возвращаются домой не позже семи, какъ ея отецъ. Рамаджъ всегда говорилъ или о женщинахъ, или о чемъ-нибудь интересующемъ женщинъ, и больше всего о томъ, чѣмъ жизнь должна стать для Анны-Вероники. Онъ всегда сравнивалъ женскую судьбу съ мужской и обращался съ нею, какъ съ совершенно новымъ явленіемъ въ этой области. Аннѣ-Вероникѣ нравились ихъ отношенія своей необычайностью.

Послѣ этихъ обѣдовъ они отправлялись гулять. Большей частью они ходили на набережную Темзы, туда, гдѣ видны два рукава рѣки по обѣ стороны Ватерлооскаго моста. Затѣмъ они разставались у Вестминстерскаго моста, и онъ отправлялся на станцію. Разъ онъ пригласилъ ее пойти въ music hall посмотрѣть замѣчательную новую танцовщицу. Но Анну-Веронику это не интересовало. Вмѣсто того, чтобы пойти туда, они стали разсуждать о танцахъ и о томъ, какое значеніе танцы могутъ имѣть въ человѣческой жизни. Аннѣ-Вероникѣ танцы казались выходомъ для жизненной энергіи благоденствующихъ людей. Но Рамаджъ говорилъ, что люди, а также и нѣкоторыя животныя, только въ танцахъ и начинаютъ ощущать свое тѣло и думать о немъ.

Эти прогулки, задуманныя Рамаджемъ для того, чтобы вызвать въ Аннѣ-Вероникѣ дружественное чувство къ нему, во всякомъ случаѣ усилили его собственный интересъ къ Аннѣ-Вероникѣ. Онъ чувствовалъ, что дѣлаетъ очень медленные успѣхи въ своемъ желаніи заслужить ея расположеніе. Но быстрѣе нельзя было дѣйствовать. Онъ понималъ, что ему нужно сначала возбудить интересъ къ себѣ и вызвать нѣкоторое чувство. Пока это не будетъ сдѣлано, до тѣхъ поръ—онъ это понималъ благодаря своему жизненному опыту—сердце дѣвушки останется замкнутымъ и неприступнымъ. Она увлекала его своей загадочностью въ этомъ отношеніи. Съ одной стороны, она держалась очень просто, говорила вполнѣ свободно о многихъ предметахъ, которыхъ большинство женщинъ избѣгаетъ касаться. Но, съ другой стороны, она точно совершенно не знала или представлялась, что не знала—это и составляло загадку,—какого рода личное примѣненіе можетъ быть сдѣлано изъ теоретическихъ данныхъ. Онъ старался обратить ея вниманіе на то, что онъ—умный, достойный и опытный человѣкъ, а она—молодая, красивая женщина, и что это дѣлаетъ возможнымъ разнаго рода отношенія между ними. Она отвѣчала на его намеки такъ, точно не сознавала себя женщиной. Она говорила на эту тему какъ студентка.

Съ каждой встрѣчей она казалась ему все болѣе и болѣе красивой. Когда она шла по улицѣ навстрѣчу ему, красота ея ослѣпляла его, превосходя каждый разъ его ожиданія. Онъ сталъ постоянно думать о ней. Сидя у себя въ кабинетѣ, онъ составлялъ планъ бесѣдъ, которыя долженъ былъ вести съ ней, придумывалъ, какъ, наконецъ, онъ объяснитъ ей все до конца. Но всѣ эти приготовленія оказывались совершенно безполезными, когда онъ встрѣчался съ ней лицомъ къ лицу. Онъ иногда даже просыпался ночью и думалъ о ней. Теперь эти думы уже не были

легкомысленны, какъ въ началѣ. Его мысль останавливалась также на больной, лежавшей въ комнатѣ рядомъ съ его спальной — на женѣ, деньгами которой онъ создалъ себѣ положеніе.

— Я имѣлъ въ жизни почти все, что̀ хотѣлъ, — говорилъ себѣ Рамаджъ въ тишинѣ ночной.

XXIX.

Въ теченіе нѣкотораго времени семья Анны-Вероники перестала звать ее домой. Всѣ надѣялись, что ея средства къ жизни скоро истощатся, и она тогда сдѣлается болѣе уступчивой. Ни отецъ, ни тетка, ни братья не приходили къ ней. Только въ началѣ февраля къ ней явилась тетя съ видомъ оскорбленнаго величія, но видимо очень встревоженная.

— Я видѣла тебя во снѣ,—сказала она Аннѣ-Вероникѣ.— Я видѣла, будто ты стоишь на какомъ-то покатомъ, скользкомъ мѣстѣ, держишься руками, но всетаки скользишь; а лицо у тебя при этомъ было совсѣмъ бѣлое. Я проснулась и стала думать о тебѣ, о томъ, что ты проводишь всѣ вечера одна, что никто за тобой не смотритъ. Я встревожилась и сказала себѣ: „или тутъ совпаденіе съ дѣйствительностью, или просто дурной сонъ, потому что я ѣла соусъ съ капорцами“. Но я убѣдилась, что дѣло—въ тебѣ. Я рѣшила, что нужно что-нибудь сдѣлать— и вотъ пріѣхала къ тебѣ.—Она сказала все это очень быстро.— Я всетаки должна напомнить тебѣ—прибавила она нѣсколько измѣнившимся голосомъ,—что, по моему, неприлично одинокой, беззащитной дѣвушкѣ жить одной въ Лондонѣ.

— Я вполнѣ могу сама себя защитить, тетя.

— Тутъ, должно быть, очень неуютно жить. И твоимъ близкимъ непріятно думать, что ты здѣсь одна. Мы даже не знаемъ, что̀ ты тутъ дѣлаешь.

— Я работаю, чтобы получить дипломъ.

— Развѣ ты не могла дѣлать это дома?

— Я работаю въ Имперскомъ Колледжѣ. Только въ этихъ условіяхъ я могу дѣйствительно хорошо выдержать экзаменъ; а отецъ, ты знаешь, этого не допускаетъ. Еслибы я осталась дома, были бы вѣчныя сцены. Какъ мнѣ вернуться домой, если онъ запираетъ меня въ комнатѣ?

— Я бы хотѣла положить всему этому конецъ — сказала миссъ Стэнли послѣ краткой паузы. — Я бы хотѣла, чтобы вы съ отцомъ заключили мирный договоръ.

— Я бы тоже этого хотѣла!—убѣжденно сказала Анна-Вероника.

— Такъ, можетъ-быть, мы тутъ что-нибудь придумаемъ?

— Онъ не будетъ выполнять никакого договора. Онъ какъ-нибудь разсердится, и мы не посмѣемъ даже напомнить ему о его обязательствахъ.

— Какъ ты смѣешь это говорить!

— Да вѣдь это правда.

— Но тебѣ не пристало говорить объ этомъ.

— Это уничтожаетъ возможность договора.

— Можетъ-быть, я могу заключить договоръ за тебя?

Анна-Вероника подумала и внутренно рѣшила, что никакой договоръ не обезпечилъ бы ей свободу для ея обѣдовъ съ Рамаджемъ или для прогулокъ съ миссъ Миниверъ подъ вечеръ по лондонскимъ скверамъ и на бесѣды о соціализмѣ. Она отвѣдала свободы и не чувствовала надобности въ чьей-либо защитѣ. Но самая идея договора понравилась ей.

— Я не понимаю, на какія деньги ты живешь? — сказала миссъ Стэнли. Анна-Вероника поспѣшила отвѣтить.

— Мнѣ нужно очень немного.—Мысли ея были заняты договоромъ.

— Развѣ за ученье въ Имперскомъ Колледжѣ не взимаютъ платы?—спросила тетя. Вопросъ былъ очень непріятный.

— Да, пришлось внести небольшую плату.

— Такъ какъ же ты это устроила?

— Плохо дѣло! — сказала про себя Анна-Вероника и сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы не имѣть виноватаго вида.—Мнѣ удалось занять немного денегъ—объяснила она тетѣ.

— Занять? Кто же тебѣ далъ?

— Друзья!—отвѣтила Анна-Вероника.

Она почувствовала себя припертой къ стѣнѣ и быстро стала придумывать какой-нибудь возможный отвѣтъ на вопросъ, котораго она ждала; къ счастью, вопроса этого не послѣдовало.

— Какой ужасъ, Анна-Вероника!—воскликнула тетя:—вѣдь у тебя будутъ долги!

Анна-Вероника сразу почувствовала облегченіе и приняла очень достойный видъ.

— Нужно довѣриться моему чувству достоинства—сказала она.—Оно меня избавитъ отъ долговъ.

На минуту тетя растерялась, не находя, что отвѣтить; Анна-Вероника воспользовалась своимъ торжествомъ, чтобы спросить о судьбѣ забытыхъ ботинокъ.

Въ поѣздѣ, возвращаясь домой, тетя довела до конца свои мысли.

— Если она беретъ взаймы деньги — сказала себѣ миссъ Стэнли,—то должна впасть въ долги. Все это глупости...

Незамѣтно въ мысляхъ Анны-Вероники воцарился лаборантъ Капсъ. Воцарившись, онъ все сильнѣе и сильнѣе утверждалъ свою власть. Она сначала интересовалась его объясненіями и его біологической теоріей; затѣмъ ее сталъ привлекать его характеръ, а потомъ она влюбилась въ его умъ.

Однажды, когда они сидѣли за чаемъ въ лабораторіи, возникъ споръ о женскихъ избирательныхъ правахъ. Движеніе было тогда въ своемъ первоначальномъ воинственномъ періодѣ. Только одна изъ студентокъ, миссъ Гарвисъ, была противъ него. Анна-Вероника относилась по существу не очень горячо къ суффражисткамъ, но протестъ мужчинъ всегда дѣлалъ ее сторонницей женскаго движенія. Въ ней просыпалось чувство солидарности, когда она видѣла побѣды воинственныхъ женщинъ. Капсъ раздражалъ ее своей разсудительностью; онъ не былъ опаснымъ противникомъ, — въ случаѣ чего его можно было уничтожить, — но не выказывалъ колебаній и не подавалъ надежды на то, что его можно обратить; онъ просто относился скептически ко всему движенію. Миссъ Клегъ и самая младшая студентка рѣзко напали на миссъ Гарвисъ, которая утверждала, что женщины теряютъ нѣчто весьма драгоцѣнное, путаясь въ общественныя дѣла. Споръ затянулся. Капсъ поддерживалъ миссъ Клегъ, но миссъ Гарвисъ уничтожила его, ополчившись противъ него его же собственными словами изъ его недавней статьи въ „Nineteenth Century". Въ этой статьѣ онъ, слѣдуя за Аткинсономъ, рѣзко напалъ на Лестера Уорда, съ его теоріей матріархата и преобладающаго вліянія самокъ во всемъ животномъ царствѣ.

Анна-Вероника не знала о литературной дѣятельности своего учителя. Ей было непріятно, что миссъ Гарвисъ одержала побѣду. Она достала статью Капса. Статья показалась ей очень умной и очаровательно написанной. Капсъ обладалъ способностью писать очень легко и непринужденно, обнаруживая при этомъ ясность и логичность мышленія. Въ своихъ писаніяхъ онъ точно все разрѣзалъ остро отточеннымъ ножомъ. Ей хотѣлось прочесть и другое, имъ написанное. Въ ближайшую среду она отправилась въ Британскій музей и стала искать его статьи сначала въ журналахъ, потомъ въ научныхъ изданіяхъ. Анна-Вероника съ удовольствіемъ обратила вниманіе на ясность его изложенія.

Она еще разъ перечла всѣ его работы, чтобы при первомъ же удобномъ случаѣ цитировать ихъ, какъ миссъ Гарвисъ.

Когда она въ этотъ вечеръ вернулась къ себѣ въ комнату, она съ нѣкоторымъ изумленіемъ подумала о томъ, какъ провела день. Она рѣшила, что Капсъ—дѣйствительно очень интересный человѣкъ, и стала думать о немъ, удивляясь тому, что онъ такъ непохожъ на другихъ людей. Ей не приходило въ голову, что она начинаетъ влюбляться въ него и потому такъ имъ восхищается. А между тѣмъ она много думала о любви. Много умственныхъ преградъ она уже разбила. Всѣ вліянія вокругъ нея, вмѣстѣ съ ея собственнымъ предрасположеніемъ, боролись противъ традицій ея родительскаго дома, противъ условныхъ понятій, въ которыхъ ее воспитывали. Она изучала жизненные факты безъ всякаго ложнаго стыда. Рамаджъ сотней искусныхъ намековъ убѣдилъ ее, что задача ея собственной жизни неразрывно связана съ задачей каждой женской жизни, а задача каждой женской жизни—любовь.

— Молодой человѣкъ вступаетъ въ жизнь, спрашивая себя, какъ ему лучше устроиться — сказалъ ей разъ Рамаджъ, — а женщина инстинктивно думаетъ о томъ, какъ ей лучше отдать себя.

Она запомнила эти слова только какъ интересную мысль, но они пустили ростки въ ея мозгу. Біологическая лабораторія, разсматривающая жизнь только какъ зачатіе, развитіе и подборъ, затѣмъ опять зачатіе и подборъ, какъ бы подтверждала слова Рамаджа. И всѣ разговоры миссъ Миниверъ и ея знакомыхъ, а также всего кружка Виджеттовъ неотвратимо причаливали—какъ корабль въ бурю—къ берегу любви.

— Семь лѣтъ — сказала себѣ Анна-Вероника—я старалась не думать о любви.—Теперь она разрѣшила себѣ прямо смотрѣть на этотъ вопросъ.

— Все это глупости, — говорила она — все это трусость, связывающая языкъ! Любовь—главное въ жизни. Любовь—единственное, что вознаграждаетъ женщину за всѣ другія ограниченія. А я почему-то укрываюсь, какъ мы всѣ, и краснѣю, не смѣю думать о любви, пока она не застигнетъ меня врасплохъ.

Но не смотря на всѣ разрѣшенія, которыя она давала себѣ, она не могла свободно говорить о любви.

Рамаджъ постоянно наводилъ разговоръ на эту запрещенную тему, но она не поддерживала его. Что-то инстинктивное мѣшало ей, не смотря на ея рѣшеніе не быть „дурочкой“. Стоило ему только проявить нѣкоторую смѣлость, какъ она переходила

на строго-научный, безличный, даже энтомологическій тонъ. Она убивала каждое его замѣчаніе, какъ только онъ его дѣлалъ, и точно накалывала его на булавку для изслѣдованія. Въ біологической лабораторіи этотъ тонъ былъ принятъ. Но она все болѣе и болѣе порицала въ себѣ свою строгость. Вотъ у нея былъ другъ, опытный человѣкъ, видимо сильно заинтересованный вопросомъ о любви и готовый подѣлиться съ нею результатами своего опыта. Почему же она чувствуетъ себя не по себѣ съ нимъ? Почему ей не знать всего? И безъ того трудно человѣку знать что-нибудь—рѣшила она.—Но это еще безконечно труднѣе, чѣмъ, вслѣдствіе привычки, держать закрытыми ротъ и мысли.

Наконецъ, ей удалось побороть свою застѣнчивость въ одномъ направленіи. Она заговорила однажды о любви съ миссъ Миниверъ. Но миссъ Миниверъ ее не удовлетворила. Она повторяла фразы м-ссъ Гупсъ.

— Передовые люди — говорила она очень внушительнымъ тономъ — стараются *обобщить* любовь. Тотъ лучше всего молится, кто лучше всего любитъ — и большое, и малое. Что касается меня, то я только то и дѣлаю, что люблю.

— Да, но я говорю о мужчинахъ — сказала Анна-Вероника, бросаясь въ воду; — развѣ вы не думаете о любви мужчинъ?

Онѣ на минуту замолчали, обѣ смущенныя этимъ вопросомъ.

Миссъ Миниверъ печально посмотрѣла поверхъ очковъ на свою пріятельницу.

— Нѣтъ! — сказала она наконецъ, и ея голосъ напомнилъ Аннѣ-Вероникѣ треснувшую ракету для тенниса.

— Я все это продѣлала — сказала она наконецъ, послѣ паузы, и продолжала очень медленно.—Я никогда еще не встрѣчала мужчины, котораго я могла бы уважать за умъ.

Анна-Вероника задумчиво посмотрѣла на нее и рѣшила продолжать разговоръ.

— А еслибы вы встрѣтили?—спросила она.

— Я не могу себѣ это представить — сказала миссъ Миниверъ.—И подумайте, подумайте объ ужасной грубости...

— Какой грубости?—спросила Анна-Вероника.

— Дорогая Ви! — Голосъ ея понизился. — Развѣ вы не знаете?

— Я знаю.—

— Ну такъ...—Ея лицо неожиданно раскраснѣлось.

Анна-Вероника не обратила вниманія на ея замѣшательство.

— Это, кажется, все глупости говорятъ про грубость—ска-

зала она, рѣшивъ продолжать разговоръ.—Мы утверждаемъ, что тѣло уродливо. А на самомъ дѣлѣ оно прекрасно. Мы дѣлаемъ видъ, что никогда не думаемъ о томъ, что̀ дѣлаетъ насъ такими, каковы мы въ жизни.

— Нѣтъ!—взволнованно крикнула миссъ Миниверъ—вы не правы! Я не знала, что вы думаете о такихъ вопросахъ. Тѣло! Тѣло... оно ужасно. Мы—души. Любовь живетъ въ высшей сферѣ. Мы—не животныя. Еслибы я встрѣтила мужчину, котораго могла бы любить, я бы любила его, любила его—она снова понизила голосъ—платонически, только платонически. Душа—душу.

Она повернула лицо къ огню, схватилась руками за локти и повела тонкими плечами.

— Брр!..—сказала она.

Анна-Вероника смотрѣла на нее и удивлялась.

— Намъ не нужны мужчины—сказала миссъ Миниверъ,—совсѣмъ не нужны, съ ихъ насмѣшками и громкимъ смѣхомъ. Они—грубыя животныя. Наука насъ когда-нибудь научитъ обходиться безъ нихъ.

Разговоръ на минуту оборвался. Анна-Вероника подперла рукой подбородокъ.

— Кто изъ насъ правъ, не знаю—сказала она.—У меня нѣтъ и тѣни такого отвращенія.

— Очень хорошо говоритъ объ этомъ Толстой!—сказала миссъ Миниверъ, не обращая вниманія на слова подруги.—Онъ все это понимаетъ. Высшая жизнь и низшая—онъ это знаетъ. Онъ видитъ, что всѣ люди загрязнены грубыми мыслями, грубою жизнью, жестокостью. Только потому, что они загрубѣли отъ животныхъ инстинктовъ, отравлены сокомъ мяса и спиртныхъ напитковъ, возбуждены и опьянены матеріей, только поэтому они слѣпы ко всему тонкому; они смотрятъ на жизнь глазами налитыми кровью, съ расширенными ноздрями. Они несправедливы, дѣйствуютъ по произволу, преисполнены грубыхъ инстинктовъ.

— Неужели вы думаете, что души людей мѣняются сообразно съ употребляемой ими пищей?

— Я это знаю—сказала миссъ Миниверъ.—Когда я веду истинную жизнь, чистую и простую, безъ всякихъ возбужденій, я начинаю думать съ полной ясностью. А стоитъ мнѣ съѣсть кусочекъ мяса или чего-нибудь въ этомъ родѣ—и зеркало затуманивается.

XXX.

Въ душѣ Анны-Вероники вдругъ пробудилось влеченіе къ красотѣ, къ прекраснымъ зрѣлищамъ и звукамъ. Ея эстетическое чутье точно зажглось, и она стала внутренно упрекать себя въ холодности и въ сухости ума. Она стала искать красоту и открывать ее въ неожиданныхъ мѣстахъ, при неожиданныхъ обстоятельствахъ. Раньше она видѣла красоту главнымъ образомъ въ картинахъ и въ другихъ произведеніяхъ искусства, какъ нѣчто изъятое изъ жизни. Теперь ея пониманіе прекраснаго распространилось на множество сторонъ жизни, о которыхъ она прежде не думала.

Мысль о красотѣ была какимъ-то навожденіемъ, сплетаясь съ ея научной работой. Она съ все бо̀льшимъ любопытствомъ спрашивала себя, какъ объяснить эстетическое чувство на основаніи теоріи побѣды наиболѣе приспособленныхъ къ жизни; она думала о красотѣ, когда ей слѣдовало думать о біологіи.

Ея мыслями управляли двѣ теоріи цѣнности: одна связана была съ сравнительной анатоміей, другая — съ ея чувствомъ красоты. Она не могла рѣшить, которая изъ двухъ тоньше, которая болѣе стихійна и опредѣляетъ цѣнность другой. Что вѣрно: что борьба за существованіе порождаетъ, какъ нѣкое необходимое дополненіе, эти напряженныя желанія и вкусы—или что нѣчто мистическое, какая-то великая сила ведетъ жизнь къ красотѣ, наперекоръ тому, что нужно, безотносительно къ приспособленности переживающихъ и ко всѣмъ осязательнымъ проявленіямъ жизни? Она обратилась, для разрѣшенія своихъ недоумѣній, къ Капсу, изложивъ дилемму очень ясно. Онъ ей все объяснилъ— онъ всегда говорилъ довольно продолжительно, когда она обращалась къ нему съ какой-нибудь трудностью—и указалъ ей на обширную литературу о разрисовкѣ крыльевъ бабочекъ, объ утонченной красотѣ райскихъ птицъ, о пятнахъ леопарда, объ узорахъ тигровой кожи. Онъ говорилъ интересно, но безъ всякихъ выводовъ; статьи, которыя онъ ей рекомендовалъ, тоже не могли привести ее къ окончательнымъ рѣшеніямъ. Однажды онъ подсѣлъ къ ней и заговорилъ о красотѣ, о тайнѣ красоты, проявивъ въ этомъ вопросѣ мистицизмъ совершенно не-научнаго характера. Онъ представлялъ полный контрастъ съ Росселемъ, скептически догматичнымъ въ своемъ образѣ мышленія. Разговоръ ихъ перешелъ на красоту музыки. Они возобновили его за чаемъ;

но такъ какъ всѣ студенты и студентки пили чай или курили папиросы, то бесѣда приняла общій характеръ. Шотландецъ заявилъ Аннѣ-Вероникѣ, что индивидуальное понятіе о красотѣ зависитъ отъ индивидуальныхъ метафизическихъ предпосылокъ. Молодой человѣкъ съ волосами какъ у Росселя, стараясь отличиться, сказалъ студенту-японцу, что западное искусство симметрично, а восточное асимметрично, и что среди высшихъ организмовъ есть стремленіе къ внѣшней симметріи, прикрывающее внутреннее отсутствіе равновѣсія. Анна-Вероника рѣшила, что ей придется продолжить въ другой разъ этотъ разговоръ съ Капсомъ. Поднявъ глаза, она съ изумленіемъ встрѣтила его взглядъ. Онъ быстро отвернулся и сталъ смотрѣть на миссъ Гарвисъ, какъ человѣкъ, просыпающійся отъ сна. Затѣмъ онъ всталъ и пошелъ къ себѣ въ препаровочную.

Черезъ нѣсколько дней случилось нѣчто очень знаменательное. Она работала надъ препаратомъ зародыша саламандры. Онъ подошелъ посмотрѣть, какъ у нея идетъ дѣло. Она встала и онъ сталъ разсматривать одну пластинку за другой. Она посмотрѣла на него и увидѣла, что солнечный свѣтъ играетъ на его щекахъ, покрытыхъ легкимъ золотистымъ пушкомъ. Что-то въ ней произошло при этомъ видѣ, что-то измѣнилось.

Она чувствовала его близость такъ, какъ никогда до тѣхъ поръ не чувствовала чьего-либо присутствія. Она смотрѣла на форму его ушей, на мускулы шеи, на волосы, спускавшіеся со лба, на мягкую линію вѣкъ; все это казалось ей исключительно прекраснымъ. И она чувствовала, что все это дѣйствительно прекрасно. Она смотрѣла на линію его плечъ, на тонкую руку, легко брошенную на столъ. Онъ казался ей сильнымъ, безгранично достойнымъ глубокаго довѣрія. Все ея существо прониклось сознаніемъ его личности.

Онъ всталъ.

— Хорошая работа,—сказалъ онъ. Она должна была сдѣлать усиліе надъ собой, чтобы занять его мѣсто у микроскопа въ то время, какъ онъ стоялъ подлѣ нея и наклонился къ ней. Она почувствовала, что вся дрожитъ отъ его близости и точно боится, что онъ коснется ея. Наконецъ, она преодолѣла себя и приблизила глаза къ микроскопу. Когда онъ отошелъ отъ нея, она почувствовала какую-то страшную пустоту въ сердцѣ. Но она не могла сказать, чувствовала ли она безконечную грусть или безконечное облегченіе... Она поняла, что̀ съ нею происходитъ.

Сидя на постели въ этотъ вечеръ, полураздѣтая, она провела одною рукою вдоль всей другой руки, разсматривая мягкую ли-

нію мускула подъ кожей. Она подумала о дивной красотѣ кожи и о всей прелести живой ткани. Она увидѣла на рукѣ тонкій волосокъ.—Высшій родъ обезьяны,—подумала она. Потомъ она протянула руку и стала ее разглядывать.

— Зачѣмъ притворяться, — подумала она—зачѣмъ притворяться? Сколько красоты въ мірѣ незримо для глазъ!

Она робко взглянула въ зеркало надъ туалетомъ, затѣмъ оглянулась.

— Хотѣла бы я знать,—сказала наконецъ Анна-Вероника—дѣйствительно ли я красива. Буду ли я сіять, какъ свѣтъ, какъ богиня? Навѣрное дѣвушки и женщины молились объ этомъ и достигали этого, въ Вавилонѣ, въ Ниневіи. Почему же не понять самой себя?

Она поднялась съ постели, встала передъ зеркаломъ и оглянула себя глубокимъ, критическимъ и все же восхищеннымъ взоромъ.—И въ концѣ концовъ, я просто человѣческое существо.—Она приложила палецъ къ артеріямъ шеи, слушая біеніе крови, а потомъ мягко и почти робко приложила руку къ тихо бьющемуся сердцу.

Сознаніе, что она влюблена, охватило всю душу Анны-Вероники и измѣнило ея жизнь. Она стала все время думать о Капсѣ. Ей теперь казалось, что уже въ теченіе нѣскольких недѣль она незамѣтно для себя только о немъ и думала. Она была поражена тѣмъ, что помнитъ каждое его движеніе, каждое слово. Она говорила себѣ, что не слѣдуетъ постоянно думать все объ одномъ и томъ же, и сдѣлала надъ собой огромное усиліе, чтобы направить мысли въ другую сторону. Но почему-то по всякому самому отдаленному поводу она все же думала только о Капсѣ. И когда она, наконецъ, засыпала, онъ царилъ въ ея снахъ.

Сначала ей казалось совершенно достаточнымъ того, что она его любитъ. Чтобы и онъ ее полюбилъ—это ей представлялось совершенно невообразимымъ. Она даже не мечтала о его любви. Ей хотѣлось думать о немъ, какъ о любимомъ ею человѣкѣ, хотѣлось быть близъ него, смотрѣть, какъ онъ ходитъ, какъ онъ дѣлаетъ то или другое, не замѣчая ее, въ то время какъ и она не сознаетъ себя. Подумать, что онъ любитъ ее—значило бы измѣнить всѣ мысли, всѣ представленія. Тогда бы онъ обратилъ свое лицо къ ней и ей пришлось бы видѣть себя въ его глазахъ. Ей пришлось бы сопротивляться; нужно было бы такъ или иначе дѣйствовать. Онъ бы требовалъ отъ нея то или другое, и ей бы страшно хотѣлось исполнить его требованіе. Гораздо лучше самой любить. Любовь—самозабвенье, чистое на-

слажденье жизнью другого человѣка. Она чувствовала, что еслибы Капсъ былъ постоянно близъ нея, она бы только того и хотѣла, что постоянно любить его.

На слѣдующій день она пошла на занятія. Ей казалось, что вся ея жизнь полна счастья, почему-то принявшаго видъ разныхъ обязанностей и случайностей. Оказалось, что, любя, она даже можетъ гораздо лучше работать съ микроскопомъ. Она вздрогнула, когда открылась дверь препаровочной. Но когда онъ подошелъ къ ней, она овладѣла собой. Послѣ того, какъ онъ осмотрѣлъ ея работу, онъ возвратился къ ихъ прежнему разговору о красотѣ.

— Я, кажется, слишкомъ мистично говорилъ о красотѣ въ прошлый разъ.

— Мнѣ это и понравилось—сказала она.

— Самое лучшее—это наша здѣшняя работа. Я думалъ и думаю, что первоначальное представленіе о красотѣ, это — сосредоточенное воспріятіе отсутствія всякой боли. Сосредоточенность воспріятія безъ всякаго разрушенія тканей.

— Мнѣ больше нравится мистическое объясненіе—сказала Анна-Вероника и задумалась. — Много прекраснаго ощущается безъ всякой напряженности.

— Но даже нѣжность, напримѣръ, можно ощущать напряженно.

— Почему же одно лицо красиво, а другое—нѣтъ?—возразила Анна-Вероника.—По вашему всякія два лица рядомъ при солнечномъ свѣтѣ одинаково красивы. Нужно только, чтобы была одинаковая напряженность ощущеній.

Онъ съ этимъ не согласился.

— Я не говорилъ только о напряженности ощущеній. Я говорилъ о напряженности воспріятія. Это—основной факторъ красоты. Напряженность можетъ быть создана даже тишиной.

— Это возвращаетъ насъ къ тайнѣ — сказала Анна-Вероника.—Почему одно открываетъ глубины, а другое—нѣтъ?

— Это можетъ быть слѣдствіе подбора. Нѣкоторыя насѣкомыя, напримѣръ, предпочитаютъ синіе цвѣты, хотя они далеко не такіе яркіе, какъ желтые.

— Это не объясняетъ дѣйствія солнечныхъ закатовъ.

— До нѣкоторой степени объясняетъ стремленіе насѣкомаго къ цвѣтному. Но, можетъ-быть, еслибы люди не любили ясныхъ, блестящихъ, здоровыхъ глазъ — что біологически понятно—они не могли бы любить драгоцѣнные камни. Одно неразрывно связано съ другимъ. И затѣмъ, ясное небо съ яркой

окраской — призывъ къ тому, чтобы выходить на волю, радоваться и длить жизнь.

— Гм! — сказала Анна-Вероника, покачавъ головой.

Капсъ весело улыбнулся, встрѣтившись съ нею взглядомъ.

— Я только хочу сказать, что красота не есть нѣчто само по себѣ. Красота — это жизнь, чистая, рождающая жизнь, которая течетъ яснымъ, прозрачнымъ, сильнымъ потокомъ.

Онъ поднялся, чтобы перейти къ слѣдующему студенту.

— Есть еще болѣзненная красота — сказала Анна-Вероника.

— Да есть ли она? — сказалъ Капсъ, склоняя голову къ работѣ юноши, носившаго волосы какъ Россель.

Анна-Вероника посмотрѣла на его склоненную спину и приблизила затѣмъ къ себѣ микроскопъ. Нѣсколько времени она сидѣла неподвижно. Она почувствовала, что миновала трудный поворотъ пути и что теперь могла продолжать говорить съ нимъ такъ же, какъ говорила прежде, раньше чѣмъ она поняла, что̀ съ нею. Во всякомъ случаѣ она рѣшила заняться подготовкой къ конкурсному экзамену и съ этой цѣлью проработать еще годъ въ лабораторіи.

— Теперь я понимаю смыслъ всего! — сказала самой себѣ Анна-Вероника.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней ей казалось, что она стала понимать тайну вселенной, такъ долго скрытую отъ нея.

Съ англійскаго З. В.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ГОДЪ ТЮРЬМЫ

I.

Въ узкомъ тихомъ переулкѣ извозчикъ остановился передъ воротами тюрьмы.

— Здравствуйте! — проговорилъ я, обращаясь къ дежурившему у воротъ господину въ офицерской формѣ.

— Что угодно?

— Я къ вамъ... примите!

Господинъ пожалъ плечами и нервно проговорилъ:

— Нѣтъ у насъ мѣстъ! Понимаете: нѣтъ у насъ мѣстъ! Сегодня ужъ отказываю третьему.

Я предвидѣлъ отказъ; я зналъ, что тюрьмы переполнены; я зналъ, что нужно заранѣе идти къ тюремному инспектору и записаться въ очередь или—самое лучшее—похлопотать черезъ вліятельнаго человѣка, чтобы своевременно сѣсть въ тюрьму и начать отбывать наказаніе. Поэтому я заранѣе побывалъ у одной изъ дамъ-патронессъ и черезъ нее заручился согласіемъ начальника тюрьмы, что онъ приготовитъ для меня камеру. Господинъ въ офицерской формѣ нервничалъ и разводилъ руками:

— Ну, скажите пожалуйста, куда я васъ дѣну?

Я улыбнулся и назвалъ свою фамилію.

— Ахъ... это другое дѣло! Пожалуйте!

Я взглянулъ на тихій переулокъ — и скрылся за тяжелой низкой калиткой: на цѣлый годъ!

Я очутился въ свѣтлой, большой, очень-очень чистой комнатѣ: паркетный полъ положительно сіялъ. Это была тюремная контора. Стояло что-то очень много столовъ и, сгорбившись надъ

бумагами, свободные люди въ тюремной конторѣ что-то писали-писали-писали. О чемъ? о комъ? Вѣроятно, о нумерахъ, о фамиліяхъ—объ этомъ для нихъ звукѣ пустомъ, объ этомъ звукѣ, за которымъ скрывается человѣкъ, съ сдавленной полнотой чувствъ, потребностей...

Я переходилъ отъ стола къ столу. За однимъ столомъ меня сдалъ подъ росписку городовой; за другимъ отобрали отъ меня всѣ вещи, записали въ дѣло мои вещи и мое званіе; за третьимъ столомъ меня обыскали. Загремѣлъ тяжелый ключъ въ желѣзной двери, и я съ надзирателемъ очутился въ коридорѣ. Передо мной встало что-то длинное, большое, сложное—и я на минуту остановился, чтобы оглядѣться. Это былъ пролетъ тюремнаго корпуса, во всю его длину, отъ верху до низу; чугунные черные переходы съ чугунными перилами шли въ этомъ пролетѣ, по одному на этажъ, а отъ перехода къ переходу спускались чугунныя лѣстницы. Все было черно, холодно какъ чугунъ, мертво какъ глубина пропасти—и теперь я представляю себѣ съ полной отчетливостью, какъ здѣсь разбился въ дребезги бросившійся съ четвертаго этажа студентъ-заключенный; какъ на одной площадкѣ чугунной лѣстницы боролись на смерть приговоренный къ смертной казни и надзиратель, пытаясь сбросить одинъ другого въ мрачную, чугунную бездну на асфальтовый полъ...

— Не задерживайтесь!..

Всѣ эти лѣстницы собирались къ одному пункту: къ столу старшаго надзирателя, къ „столу“, какъ просто называли этотъ пунктъ. Здѣсь обыскали еще разъ, отобрали всѣ книги и дали надзирателя отвести въ камеру.

Наконецъ я въ камерѣ, затворенъ, запертъ, одинъ. Я оглядѣлся: четыре шага въ ширину, пять—въ длину, столъ, стулъ, койка у стѣны, съ соломеннымъ тюфякомъ и подушкой и сѣрымъ одѣяломъ; высоко въ стѣнѣ большое окно съ чугунной рѣшеткой. Ничего — жить можно! Все время я былъ на ногахъ, и теперь только почувствовалъ, какъ я усталъ. Я сѣлъ къ столу. Окно было растворено, и черезъ клѣтки чугунной рѣшетки лился воздухъ и свѣтъ горячаго іюльскаго солнца. Было удивительно тихо; проходили минуты одна за другой, тянулись одна за другой, и становилось жутко въ тишинѣ этого громаднаго каменнаго дома. Вѣдь люди же здѣсь: гдѣ же они?.. Сквозь клѣтки чугунной рѣшетки врывается нестройный оживленный шумъ голосовъ: передъ окномъ шумятъ, повидимому ходятъ, звенятъ кандалами, перекликаются съ оконъ. Я только начинаю прислушиваться къ непонятному шуму этой жизни и только начинаю оживать въ

мертвящей тишинѣ тюремнаго корпуса, какъ шумъ опять стихаетъ и опять становится тихо-тихо... Минутъ черезъ десять опять живой шумъ, перекликанье съ оконъ, звонъ кандаловъ... А тамъ опять тишина, и вновь опять шумъ. Это — прогулки! Одну за другой выводятъ партіями арестантовъ на прогулку, на маленькій кусочекъ тюремнаго двора. Отворилась форточка камерной двери и кто-то крикнулъ:

— Кипятокъ!

Я взялъ кипятку въ чайникъ, заварилъ чаю, и съ невыразимымъ удовольствіемъ пилъ одинъ стаканъ за другимъ.

Форточка отворилась еще разъ; просунулось любопытствующее арестантское лицо:

— Новенькій!—весело прокричалъ голосъ.

Къ вечеру форточка отворилась еще разъ, и въ отверстіе выглянуло открытое, добродушное лицо.

— Это я... надзиратель. Устроились во всемъ?

— Спасибо, устроился: вотъ жить буду тутъ!

— Какая ужъ жизнь... А мы вотъ карауль... служба тоже — караулить людей... А книжки-то у васъ есть? Нѣтъ? Постойте, я вамъ достану.

Минутъ черезъ пять онъ просунулъ въ форточку толстую, растрепанную книжку „Русскаго Богатства“, и я провелъ первый вечеръ въ одиночной камерѣ тюрьмы, перелистывая вдвойнѣ дорогую книгу...

II.

Въ нашемъ крылѣ тюремнаго корпуса было отведено девять камеръ для приговоренныхъ къ крѣпости по политическимъ дѣламъ. Около насъ дежурили два надзирателя, смѣняя другъ друга черезъ шесть часовъ. На дежурствѣ надзиратель стоитъ ровно шесть часовъ, но когда уходитъ домой, задерживается въ конторѣ для обыска, теряетъ еще немало времени, пока прійдетъ домой и уляжется отдыхать; на дежурство онъ долженъ явиться заранѣе для обыска.

— Да когда вы успѣваете въ городъ сходить? людей увидѣть?

— Куда тутъ! Выспаться-то не успѣешь...

И день за днемъ, мѣсяцы и годы они стоятъ, сидятъ, ходятъ въ тюрьмѣ, караулятъ запертыхъ людей, не смѣя вздремнуть, переходя отъ одной камеры къ другой, заглядывая крадучись въ волчокъ камеры... И это—здоровые, взрослые, бородатые, семейные люди, за тридцать рублей въ мѣсяцъ...

Шелъ день за днемъ и у насъ. Когда начинался день, онъ казался такимъ долгимъ: не вѣрилось, что онъ кончится и наступитъ завтрашній, новый день. А когда проходилъ день, рядъ дней — нечѣмъ было ихъ вспомнить, и они казались пролетѣвшими быстро. Только одно разнообразило и оживляло день: прогулка. О, какъ выбѣгаешь изъ камеры, когда надзиратель отопретъ дверь и протяжно пропоетъ:

— Гулять выходи!

Крѣпко жмешь руки товарищамъ; всѣ суетятся, торопятся и походить, и поговорить, главное—поговорить!

— Кончай прогулку!

Сорокъ минутъ пролетѣли какъ мигъ — и опять въ камеру: въ одиночество, въ молчаніе, въ запертую комнату. О, какъ жестокъ человѣкъ надъ человѣкомъ! Казалось, ухо отвыкнетъ отъ звуковъ человѣческаго голоса: потеряешь охоту и способность говорить, а замкнутая камера задавитъ тебя, какъ каменный мѣшокъ...

По разнымъ этажамъ и крыльямъ тюремнаго корпуса были разбросаны такія же небольшія группы политическихъ, какъ наша...

До октябрьскихъ дней 1905-го года тюрьма мелькомъ видѣла политическихъ, и то исключительно административныхъ. Только съ конца 1905-го года политическіе подъ слѣдствіемъ и по суду стали неотъемлемымъ достояніемъ теперешней тюрьмы. Съ каждымъ мѣсяцемъ они теряли одну вольность за другой, и уже теперь, въ 1908-мъ году, всѣ они сидѣли въ запертыхъ днемъ и ночью одиночныхъ камерахъ, съ одной прогулкой въ день. Открытыя камеры, собранія и чтенія газетъ съ оконъ, институтъ старостъ, фактически признаваемый тюремнымъ начальствомъ—все это отошло въ область давно пережитаго. На волѣ разбивались одна за другой политическія организаціи, боязнь и уныніе охватывали общество все больше и больше, и политическіе заключенные—эти дѣти жизни и бывшаго движенія—все болѣе и болѣе отрѣзывались отъ жизни. Сколько ихъ? Какъ они живутъ тутъ? Не сжимается ли болѣзненно сердце у нихъ, не холодѣетъ ли мысль ихъ?—объ этомъ все меньше и меньше думаютъ на волѣ, и унылая жизнь все дальше и дальше отливаетъ отъ тюрьмы. Они живутъ въ одиночкахъ, группируются по крыльямъ, объединяются въ одно цѣлое сложной системой передачъ, переписокъ. Разсаженные по разнымъ этажамъ тюрьмы, въ перемѣшку съ уголовными, они связываются выборнымъ центральнымъ органомъ въ одно сплоченное цѣлое—„колонію политическихъ“.

Я пробылъ только одни сутки въ тюрьмѣ, а о прибытіи новичка стало уже извѣстно, и на другой день я получилъ записку: „Товарищъ С.! Если нуждаетесь въ чемъ, сообщите немедленно районному старостѣ, камера 23“. Вогнанные и запертые въ каменныя клѣтки, они объединяются, чтобы сохранить особенности политическаго облика въ этой громадной тюрьмѣ съ грубымъ, пьянымъ начальствомъ, съ сотнями уголовныхъ, въ этотъ тяжелый моментъ, когда на волѣ такъ политически падаетъ человѣкъ... Рядъ камеръ въ одномъ и томъ же этажѣ образуетъ особый „районъ“, со своимъ выбраннымъ—путемъ записокъ—„районнымъ старостой“; всѣ районы образуютъ „колонію политическихъ“, съ „совѣтомъ старостъ“ изъ районныхъ старостъ и однимъ главнымъ, или—какъ его называютъ здѣсь—„центральнымъ старостой“.

Вопросы матеріальнаго и духовнаго житья колоніи, дальнѣйшая судьба товарищей, сношенія съ тюремнымъ начальствомъ, связи съ „волей“—все это обязательныя заботы совѣта старостъ. Товарищъ такой-то очевидно и несомнѣнно предатель; съ каждой его явкой къ слѣдователю проваливаются люди на волѣ и въ тюрьмѣ одинъ за другимъ—и совѣтъ старостъ оповѣщаетъ товарищей: остерегайтесь предателя. Другой товарищъ, хотя идетъ въ каторгу, но въ показаніяхъ онъ выдалъ товарищей — и, по заявленію членовъ колоніи, совѣтъ старостъ ставитъ на обсужденіе и баллотировку вопросъ о его бойкотѣ; бойкотъ принимается, но когда наступаетъ время бойкотируемому идти на каторгу, совѣтъ старостъ ставитъ вопросъ: будетъ ли продолженъ бойкотъ? Пойдетъ ли онъ подъ тяжестью бойкота и въ каторгу, и, значитъ, объ этомъ нужно извѣстить заключенныхъ въ пересыльной тюрьмѣ, чтобы тѣ въ свою очередь оповѣстили соотвѣтствующіе этапы и каторжныя тюрьмы?.. Съ большимъ трудомъ совѣтъ старостъ добываетъ газету, назначаетъ очередь камеръ для прочтенія ея, въ 5 — 6 экземплярахъ издаетъ рукописный журналъ со статьями по литературѣ, философіи, политикѣ и съ свѣдѣніями о томъ, что̀ дѣлается въ другахъ русскихъ тюрьмахъ. Съ воли стараются добыть книгъ, денегъ, одежды, чаю, сахару, какъ для колоніи, такъ и для уходящихъ въ ссылку, въ каторгу: Боже мой! Вѣдь если здѣсь, въ тюрьмѣ, можно ходить въ худыхъ ботинкахъ, въ легонькомъ пальтишкѣ зимой, перебиваться съ хлѣба на кашу, такъ товарищу въ ссылку и каторгу надо дать теплую обувь, одежду, денегъ... Скудныя денежныя средства распредѣляются по-недѣльно на членовъ колоніи—и эта приходящаяся на недѣлю капля денегъ называется „нормой“: норма

колеблится отъ 17 к. до 35 коп. Отъ тюрьмы получается легкій, жидкій наваръ, каша, черный хлѣбъ, а все остальное нужно пріобрѣсти на эти 17 к.—35 коп.: т.-е. мыло, бумагу, чернила, чай, сахаръ, стирку бѣлья и т. д., и т. д., а главное—хоть хлѣба и чаю, потому что тюремная ѣда—одно разрушеніе организма. Можетъ-быть, по тюремнымъ вѣдомостямъ значится достаточное количество мяса, масла, муки, крупы, капусты; за все это заплачены настоящія деньги—но когда это все проходитъ черезъ десятки рукъ, когда арестантъ-поваръ за полтинникъ, рубль въ мѣсяцъ отпускаетъ дворянамъ-уголовнымъ громадные мѣдные чайники жирнаго навару и куски мяса, то легко понять, что̀ остается на долю всѣмъ неплатящимъ... Хвораютъ: глазами—отъ неполнаго и неправильнаго освѣщенія, ревматизмомъ—отъ холоднаго асфальтораго пола, бронхитомъ и лихорадками—отъ простуды, катарромъ желудка—отъ неправильнаго питанія. Лѣчатся... Утромъ проходитъ фельшеръ.

— Ну, что нужно?

— Хины... касторки... аспирину... фенацетину... Да вызовите къ доктору!

При тюрьмѣ больницы нѣтъ: имѣются пріемный покой и аптечка. Утромъ принимаетъ докторъ.

— Мышьякомъ бы полѣчиться, докторъ, надо.

— Мышьякомъ?.. Есть тамъ у насъ онъ?—спрашиваетъ докторъ фельдшера.

— Есть!

И докторъ назначаетъ мышьякъ и внутрь, и подъ кожу; также назначаетъ мази, іоду, — словомъ, чего попросишь, разъ это есть; назначаетъ спокойно, почти не глядя на васъ, вполнѣ равнодушный и къ вамъ, и къ лѣкарствамъ, и ко всему своему знанію, и къ смыслу своего служенія здѣсь...

Сидятъ въ каменныхъ мѣшкахъ, много читаютъ, занимаются, углубляютъ въ мысляхъ пройденный путь, вдумываются въ настоящее: непосредственной работы нѣтъ, за то работаетъ мысль—и партійная группировка, которая намѣчалась на волѣ, обозначается здѣсь все рѣзче и рѣзче. Колонія политическихъ, единая политически вообще, распадается идейно на политическія фракціи: соціалъ-демократы (большевики и меньшевики), соціалисты-революціонеры, максималисты, разнообразные анархисты (индивидуалисты, коммунисты и т. д.), безпартійные соціалисты. Политическая мысль работаетъ въ тюрьмѣ; человѣкъ не замираетъ, но укрѣпляется и эволюціонируетъ. Каждая фракція лишается однихъ членовъ, пріобрѣтаетъ другихъ.

III.

„Кому повѣмъ тоску мою...“

Въ тюрьмѣ была библіотека, случайно составленная, изъ старыхъ, растрепанныхъ книгъ. Корешки книгъ, поля, всѣ свободныя мѣста на страницахъ были исписаны: попадались длинныя разсужденія резонеровъ, короткія фразы, энергичныя слова—читатель реагировалъ, какъ умѣлъ. И среди этихъ записей—интересныхъ, курьезныхъ, обычныхъ—на корешкахъ книгъ попадались такія: „Иванъ Латкинъ въ военно-окружномъ судѣ 10-го апрѣля 1907 г. Приговоренъ къ смертной казни. Взятъ на 2-е мая“. О цѣломъ рядѣ другихъ разными руками, въ разное время, сдѣланы подобныя отмѣтки—и ходитъ по тюрьмѣ изъ камеры въ камеру эта книга-синодикъ. Берешь книгу, перелистываешь, доходишь до конца—и на корешкахъ книгъ читаешь о Латкинѣ и другихъ, ихъ же Ты, Господи, вѣси... Здѣсь ли они, и гдѣ здѣсь: подъ тобой, надъ тобой, напротивъ?

Моя камера помѣщалась въ третьемъ этажѣ. Когда поднимешься на стулъ и заглянешь въ окно—видишь голубое небо, кресты церквей, улицы большого города, всю эту даль и волю, которая манитъ, манитъ... Цѣлый день стояла тишина, прерываемая часа на полтора шумомъ прогулокъ. Послѣ пяти часовъ тюрьма словно оживала: на окна высыпала публика и затѣвался разговоръ разныхъ этажей. Это былъ шумъ, гулъ, въ которомъ ничего не удавалось разобрать; только отчетливо снизу кверху звучалъ одинъ голосъ-призывъ:

— Орефій!.. Орефій!.. Слышишь?

И откуда-то далеко-далеко сверху чуть слышно доносилось:

— Слышу...

Какъ-то равнодушно, устало... А снизу энергично кричалъ:

— Орефій!.. Табакъ есть?.. Есть табакъ что-ли?..

— Орефій!.. Прислать чаю-то что-ли?..

Кто-то отвѣчалъ сверху равнодушно, устало. Сначала изрѣдка отвѣчалъ, потомъ совсѣмъ пересталъ отвѣчать, и напрасно внизу кричали яростно:

— Орефій!.. Орефій!.. Слышишь?

Орефій не отвѣчалъ: судъ кончился, и онъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Мы видѣли его. Возвращаясь изъ бани, мы пересѣкали круглый дворикъ для прогулокъ, и здѣсь, подъ горячимъ солнцемъ, по каменистому мертвому дворику, дѣлая большіе круги, ходилъ Орефій. Молодой, совсѣмъ юноша, худой,

съ блѣднымъ продолговатымъ лицомъ, ходилъ онъ кругомъ, кругомъ... Скрестивъ на груди руки, смотря вверхъ, ходилъ онъ быстро: длинные, непричесанные волосы безпорядочно падали съ головы на щеки и лобъ, грязная арестантская холстинная одежда болталась на немъ, стучали о камень двора арестантскіе коты... Хотѣлось что-нибудь дать, что-нибудь сказать ему — и нѣмѣла рука, нѣмѣлъ языкъ передъ живымъ человѣкомъ, котораго, быть-можетъ, сегодня ночью, завтра, на дняхъ, одѣнутъ въ холщевый мѣшокъ, и на тонкую, худую, юную шею накинутъ веревку...

Въ самой тюрьмѣ не казнили. Въ ней только содержались *приговоренные;* ихъ такъ коротко и называли—*приговоренные*, о нихъ такъ и говорили: „вонъ повели на свиданье приговоренныхъ"; „сегодня будутъ брать приговоренныхъ"... Это—приговоренные къ смертной казни черезъ повѣшеніе. До суда они сидятъ въ боковомъ крылѣ тюремнаго корпуса; это крыло выходитъ во дворъ, и когда насъ выводятъ на прогулку, мы поднимаемъ головы кверху и пристально смотримъ на окна корпуса.

— Петруха!.. Петръ!..—кричитъ нашъ Акимычъ.

Хлопаетъ рама, и въ окнѣ показывается арестантская шапочка.

— Получилъ обвинительный?

— Получилъ.

— Когда?

— На четырнадцатое, черезъ мѣсяцъ...

Смотритъ Акимычъ вверхъ, смотритъ сверху задумчивое лицо, силятся сказать что-то другъ другу.

— Слѣзь съ окна... Стрѣлять буду! — и гремитъ ружейный затворъ.

Иной разъ видно ихъ утромъ — въ день, когда отправляютъ ихъ въ судъ. Они толпятся на каменномъ крыльцѣ, понуро смотрятъ на насъ, раскланиваются съ знакомыми.

— Въ судъ?—кричатъ имъ.

Кто молчитъ, кто отворачивается; одинъ поднимаетъ голову кверху — и рѣшительнымъ взмахомъ проводитъ рукой по шеѣ.

— Висѣлица...

Послѣ суда приговоренныхъ переводятъ въ особыя камеры — такъ называемые изоляторы, рядомъ съ тюремной конторой. Здѣсь они ждутъ—недѣлю, три недѣли, четыре мѣсяца. Ихъ выводятъ на свиданья, на прогулки, въ баню—и приговоренные къ смерти ходятъ на прогулки, въ баню... Они ждутъ. Кто сильнѣе, зоветъ смерть и, гуляя по закрытому дворику, зорко высматриваетъ

стекло, гвоздь: въ своей камерѣ онъ перерѣзываетъ себѣ кровеносные сосуды, и его, истекающаго кровью, выносятъ на холщевыхъ носилкахъ; главный тюремный врачъ выбивается изъ силъ спасти ему жизнь для висѣлицы. Калобинъ искололь себѣ шею заржавленнымъ гвоздемъ, пытаясь поразить сонную артерію: онъ не нашелъ ея, укрѣпилъ гвоздь въ краю койки и, надавливая на него молодой сильной грудью, пробилъ ее до сердца...

Приговоренные ждутъ: живутъ они надеждой или неизбѣжностью конца? Черновъ и Булатовъ жили надеждой; они даже увѣрились, что казнь замѣнена имъ каторгой, и когда мимо нихъ проходили товарищи и заглядывали къ нимъ въ форточки, они весело кричали:

— Двадцать лѣтъ каторги!..

Ночью, когда одинъ спалъ, а другой нервно ходилъ по своей камерѣ, распахнулись двери, блеснули штыки конвоя:

— Приготовьтесь!..

Ихъ брали на казнь. И когда они вышли въ длинный черный коридоръ и плотнымъ кольцомъ ихъ стиснулъ конвой, они обернулись:

— Прощайте, товарищи!..

И отъ стѣнъ, отъ потолка мрачнаго коридора повторило эхо:

— Прощайте, товарищи!

Вскочила тюрьма, забили въ двери, зазвенѣли стекла, и наполнился весь коридоръ крикомъ:

— Прощайте... прощайте... прощайте, товарищи!..

Сначала приговоренныхъ брали на казнь ночью. Подходили надзиратели, отмыкали двери:

— Приготовься!..

Приговоренный знаетъ, что его возьмутъ ночью, — и онъ тревожно спитъ днемъ, а ночью не смыкаетъ глазъ, слѣдитъ, чутко прислушивается...

Отворяется дверь... У него нѣтъ силъ: его выводятъ изъ камеры. Въ коридорѣ у него нѣтъ силъ обернуться назадъ и крикнуть товарищамъ, людямъ:

— Прощайте... прощайте...

Отворяется дверь... Онъ обѣщалъ не даться живымъ: онъ схватываетъ свое оружіе — соломенный тюфякъ, — закрываетъ лицо, голову и борется съ вооруженными людьми. Глухой шумъ врывается въ коридоръ, отдается эхомъ: въ истерикѣ бьются одни въ своихъ каменныхъ мѣшкахъ, другіе ломаютъ двери, выбиваютъ форточки, и изъ камеръ, сквозь двери и форточки, несутся крики:

— Убійцы... убійцы...

Въ коридоръ вводятъ конвой: блестятъ штыки, щелкаютъ затворы ружей:

— Стрѣлять буду...

Потомъ приговоренныхъ перестали брать ночью и стали брать днемъ. Надзиратель отворялъ форточку камеры:

— На свиданье!

Приговоренный выходилъ, и его вели надзиратели — одинъ впереди, другой позади... Онъ шелъ на свиданье, но когда онъ входилъ въ привратную, его окружалъ конвой, давали ему время написать письмо, а затѣмъ связывали ему руки и стояли кругомъ него съ полудня до 11 часовъ ночи.

Въ тихомъ узкомъ переулкѣ гремѣли колеса кареты, слышался топотъ: за приговореннымъ пріѣхала карета. Приговоренныхъ было много; если ихъ выводили на свиданье въ четвергъ и субботу, значитъ ихъ выводили на казнь. Долго не спитъ тюрьма, караулитъ; стемнѣетъ кругомъ, высоко мерцаютъ звѣзды, ярко горятъ лампы въ окнахъ тюрьмы—и когда въ узкомъ переулкѣ раздадутся топотъ и шумъ, къ окнамъ подбѣгаютъ заключенные, распахиваютъ рамы. Часто, въ ночной тишинѣ, къ высокому, далекому небу, къ насторожившейся тюрьмѣ, несутся тихіе, задавленные звуки:

— Прощайте... товарищи.

Здоровый, высокій Сизовъ предупредилъ надзирателей, что живымъ онъ имъ въ руки не дастся. Онъ просидѣлъ полтора года до суда, послѣ приговора—четыре мѣсяца.

У него была мать, и этотъ человѣкъ, съ большимъ разбойничьимъ прошлымъ, ждалъ ее на свиданье.

— Сизовъ, на свиданье пришла мать: хочешь?—проговорилъ надзиратель съ ключами.

— Мать?.. Веди!.

Онъ пошелъ: впереди не было надзирателя, шелъ только позади одинъ, побрякивая ключами. Сизовъ поднялся на крыльцо, отворилъ дверь... Тамъ блеснули штыки. Онъ оттолкнулъ надзирателя и побѣжалъ. Онъ перескакивалъ черезъ кусты, бревна, мялъ цвѣты, съ ужасомъ въ глазахъ, придерживая грудь лѣвой рукой, бѣгалъ по двору, бросался къ стѣнѣ, къ корпусу, сшибалъ съ ногъ надзирателя, перепрыгивалъ черезъ него, бѣгалъ отъ одной стѣны къ другой. Онъ не видѣлъ ни камней, ни кирпичей, ни валявшагося надзирателя,—онъ бѣгалъ и бѣгалъ, съ ужасомъ въ глазахъ, придерживая грудь лѣвой рукой. Въ тюрьму онъ пришелъ здоровымъ, сильнымъ — а теперь... Сдѣ-

лавъ нѣсколько круговъ по двору, онъ усталъ, переводилъ съ трудомъ духъ, тяжело дышалъ. Съ обнаженными шашками, съ револьверами, его окружили надзиратели. Онъ какъ-то сжался, поднялъ къ окнамъ тюрьмы голову и, закрывая руками лицо, безсильную тюрьму призывалъ въ нѣмые свидѣтели:

— Къ матери звали... къ матери...

Черными чугунными рѣшетками смотрѣли во дворъ окна тюрьмы.

Позже ихъ стали брать такъ. Вызываютъ въ контору и немедленно запираютъ въ карцеръ; въ темномъ карцерѣ они сидятъ до полуночи, а когда пріѣзжаетъ карета, имъ связываютъ руки, крѣпко завязываютъ ротъ—и безшумно усаживаютъ въ карету, чтобы куда-то увезти и казнить въ предразсвѣтномъ туманѣ...

IV.

Въ одиночкѣ мнѣ пришлось пробыть только мѣсяцъ: такъ какъ приговореннымъ къ крѣпости, отбывавшимъ наказаніе въ одиночкахъ, три мѣсяца засчитывались за четыре, то рѣшено было лишить ихъ этой льготы и перевести въ общую камеру. Для насъ отвели комнату саженъ въ 8 въ длину, 4 въ ширину, съ шестью за рѣшетками окнами, наставили туда коекъ и перевели насъ. Сначала насъ было 12 человѣкъ, но съ каждой недѣлей народу все прибывало и прибывало, и черезъ мѣсяцъ установился комплектъ въ 30 человѣкъ. На мѣсто уходившихъ являлись все новые и новые; казалось, что стоятъ они передъ тюрьмой и ждутъ очереди въ какой-то безконечной цѣпи, обвившей всю страну...

На пространствѣ 32 кв. саженъ тѣснились и толкались люди разныхъ возрастовъ, разныхъ взглядовъ, убѣжденій, привычекъ, разнаго здоровья, люди съ нервами, невольно согнанные сюда. Мы должны были создать свой камерный договоръ: мы называли его „конституціей“, анархистъ Пашинъ называлъ его насиліемъ большинства надъ меньшинствомъ вообще, надъ личностью въ частности — но мы должны были имѣть какой-нибудь распорядокъ. Конституція обнимала дежурства по камерѣ, время открытія оконъ и форточекъ, матеріальный обиходъ жизни, занятія, улаживаніе столкновеній — массу крупныхъ и мелкихъ вопросовъ общежитія. День распредѣлялся въ общихъ чертахъ такъ.

Въ 8 часовъ—чай. До 12 часовъ—занятія въ одиночку и группами, съ соблюденіемъ возможной тишины. Въ 12 ч.—обѣдъ,

затѣмъ до 2 часовъ тишина для сна и сонъ: обыкновенно большинство спало, спало крѣпко, и этотъ промежутокъ отъ $12^1/_2$ ч. до 2 ч. преимущественно называли конституціей.

— Товарищи, конституція!

До 5 ч.—занятія, потомъ чай, и до 7 ч. для свободы отмѣнялась конституція. Вечеромъ—занятія, а въ $11^1/_2$ ч. камерный староста объявлялъ:

— Товарищи, конституція!

Значитъ—тишина и сонъ...

Общежитіе тридцати человѣкъ, да еще въ тюрьмѣ—тяжелая вещь. Все время у всѣхъ на виду: за чаемъ, обѣдомъ, за книгой, письмомъ, съ занятіями, бездѣльемъ—и никогда одинъ со своими думами, тоской, радостью, печалью, немощами. Тяжело каждому отсутствіе одиночества; все окружающее—чтеніе, споръ, смѣхъ, шумъ—кажется рѣзкимъ, дикимъ, постылымъ, и на всѣхъ раздражается человѣкъ. Тяжело, а дѣться некуда, забыться негдѣ, и безцѣльно или сознательно лѣзешь къ другому, чтобы разбить и его покой; или начинаешь ходить взадъ и впередъ, — и, конечно, мѣшаешь другимъ; бросаешься на койку, закрываешься одѣяломъ и воешь что-нибудь дикое...

Что̀ легче: одиночка или общая? Господа! Это не только несоизмѣримыя вещи, но самый вопросъ не можетъ имѣть мѣста. Тюрьма—жестокость человѣка надъ человѣкомъ; одиночка—разрушаетъ своимъ одиночествомъ, общая — разбиваетъ человѣка постояннымъ отсутствіемъ одиночества; считать ли въ одиночкѣ четыре дня за три, или въ общей—это все равно увеличивать мѣру жестокости.

Двѣ черты особенно присущи тюремному общежитію.

Первая—партійность: люди разбиваются и группируются по партіямъ. На волѣ человѣкъ становится партійнымъ для совмѣстной идейной работы; въ тюрьмѣ партійные люди еще тѣснѣе жмутся, другъ къ другу какъ путники, застигнутые въ дорогѣ общей опасностью. Прежде только сочувствовавшіе партіи теперь тѣснѣе прижимаются къ ней, потому что партійность больше другихъ даетъ душевное убѣжище. Просто безпартійные люди яснѣе начинаютъ разбираться въ вопросахъ. Общежитіе политическихъ нервно живетъ текущими и общими вопросами политики: оно обсуждаетъ эти вопросы — и, конечно, никто, нигдѣ и никогда не наблюдалъ такого разносторонняго и исчерпывающаго обсужденія, какъ въ общежитіи политическихъ. Товарищескія отношенія расширяются; общежитіе заботится о выходящемъ, вышедшій подаетъ о себѣ вѣсть. Общежитіе связано съ

политическими въ одиночкахъ: черезъ нихъ мы всегда получали письма отъ тѣхъ, кто ушелъ въ ссылку, каторгу, бѣжалъ за границу. Мысль и чувство концентрируются на одномъ—на вопросахъ политики, и въ этой концентраціи мысль и чувство получаютъ особую ясность, опредѣленность и устойчивость.

Вторая черта общежитія политическихъ—самообразованіе и занятія. Учащіеся доканчивали свои учебныя занятія или готовились на аттестатъ зрѣлости; рабочіе давно мечтали на волѣ объ ариѳметикѣ, геометріи, русскомъ языкѣ—и теперь съ жаромъ занимались всѣмъ этимъ; партійная публика укрѣпляла свое міровоззрѣніе и штудировала философію. Попадалъ математикъ и физикъ — слушали у него низшую, среднюю и высшую математику и физику; попадалъ естественникъ—слушали у него химію, физіологію: знаніе, знаніе, давайте намъ знаніе... Физически—тяжело сидѣть въ общей; душевно—свѣтло и радостно. Работала мысль, и не умирала мысль о тяжеломъ трудѣ для далекаго, лучшаго будущаго...

Были разные люди, и громадное большинство ихъ — оригинальные типы. Я помню ихъ такъ ясно: не имѣю возможности написать о всѣхъ, но съ нѣкоторыми познакомиться слѣдуетъ.

V.

Галину около двадцати-одного года; онъ съ большимъ волненіемъ прислушивается ко всѣмъ толкамъ по вопросу о принятіи или непринятіи въ солдаты лицъ, отбывавшихъ наказаніе по дѣламъ политическимъ. Когда разсказывали, что вопросъ обсуждается въ Думѣ, и правые рѣшительно противъ пріема „политиковъ“, онъ сіяетъ и, не вѣря себѣ, выспрашиваетъ:

— Ну, какъ? пройдетъ это въ Думѣ?

Увы! Государственный Совѣтъ огорчилъ его.

— Вотъ еще что выдумали! Если я буду состоять подъ гласнымъ надзоромъ, такъ не возьмутъ—къ чему это? А вдругъ я не буду состоять подъ гласнымъ надзоромъ—значитъ, въ казармы?

Онъ не успѣлъ кончить земледѣльческаго училища.

— Въ работу попалъ!—объяснялъ онъ.

— Какъ попалъ?

— Пришло время тогда такое особенное и захватило. Осенью, въ 1905-мъ году, были у насъ въ училищѣ волненія; было не до ученья, и я уѣхалъ домой. Нашъ уѣздный городъ самъ по

себѣ небольшой, но около него фабрики, съ рабочимъ населеніемъ тысячъ въ двадцать. Забастовокъ не было, а шли такъ волненія, ожиданія, носились всякіе слухи. Въ домѣ бывала у насъ молодежь: къ сестрѣ-гимназисткѣ ходили. Ну, разные тутъ разговоры были: организація, партія... Я все только прислушивался — мало понималъ. Какъ-то разъ зашло нѣсколько человѣкъ: партійные, говорятъ, люди. Поговорили мы, и предложили они мнѣ принимать участіе въ работѣ. Согласился я; сталъ бывать на митингахъ, занимался сборомъ денегъ, участвовалъ въ кружкѣ высшаго типа: читались тутъ рефераты и подготовлялись къ рѣчамъ для програмныхъ выступленій—ярые были соціалъ-демократы!.. Восемнадцатаго октября иду я по улицѣ, смотрю: куча народа, оживленная, что-то читаютъ. Манифестъ пришелъ! У, что̀ тутъ было! Носился, какъ угорѣлый: „Товарищи! граждане! да здравствуетъ свобода!..“ На слѣдующій же день состоялось у насъ собраніе для обсужденія мѣръ о проведеніи забастовки, о требованіяхъ рабочихъ, объ устройствѣ митинговъ. Работалъ во всю: всего захватило!

— Занимался я главнымъ образомъ распространеніемъ литературы: ѣздилъ и распространялъ, раздавалъ на фабрикахъ. Съ литературой-то я и попался. Передъ праздниками рабочіе— очень многіе—берутъ разсчетъ и отправляются къ себѣ по деревнямъ: вотъ въ это-то время и нужно ихъ было снабдить литературой. На меня выпала очередь поѣхать за ней въ губернскій городъ. Признаюсь, что-то мнѣ не хотѣлось, но подбодряю себя: не всѣхъ же заарестовываютъ!.. Надѣлъ пальто, нахлобучилъ шляпу, отправляюсь на станцію. По прежнему жандармы раскланиваются: поздоровался съ ротмистромъ, благополучно отправился въ городъ. Переодѣлся я тамъ франтомъ, отправляюсь на явку; поднимаюсь по лѣстницѣ, звоню, открываю двери. Солдатъ!—Попался!—думаю.

— Вамъ кого?

Пропадать, такъ пропадать!—Отъ Наташеньки—говорю.

— А, пожалуйте!

Все обошлось благополучно: напоили меня кофе, посмѣялись мы надъ моимъ страхомъ, забралъ я литературу. Взялъ хорошаго извозчика, качу! Сижу съ важнымъ видомъ, одна корзина въ ногахъ, другую бережно держу въ рукахъ: смотрите, молъ, яйца везу!.. Все идетъ честь-честью: доѣхалъ до вокзала, ѣхалъ въ поѣздѣ, слѣзъ на своей станціи. Особеннаго ничего нѣтъ. Нанимаю извозчика, хочу садиться, заношу ногу—батюшки мои!

Человѣкъ пятнадцать жандармовъ окружили экипажъ, держатъ подъ уздцы лошадь; подходитъ ротмистръ.

— Извините—такой любезный!—извините, пожалуйста... Но у насъ приказъ обыскать васъ... Пожалуйте въ дежурную комнату!

— Обыскать?.. Да у меня, кромѣ чемодана съ бѣльемъ, ничего нѣтъ!

— Вотъ чемоданчикъ-то вашъ намъ и нуженъ...

Что будешь дѣлать? Пошли въ дежурную комнату, обыскали раба Божія, вскрыли чемоданъ...

— Ахъ, вотъ какое у васъ бѣлье!.. Такъ, такъ, господинъ Галинъ!.. Теперь мы должны васъ арестовать!

Вотъ и арестъ!.. Все это было въ первый разъ. Прямо съ вокзала отвезли въ тюрьму. Камера большая, полутемная, въ нижнемъ этажѣ — жутко въ первый-то разъ! И какъ это, думаю, попался? Кто-нибудь да выдалъ. Кто бы это могъ быть? Ничего не придумаю. Сижу, сижу, и совсѣмъ не знаю: что же дальше будетъ? Повезли меня куда-то. Смотрю: квартира жандармскаго полковника. Ввели въ комнату, усадили: мягкая мебель, цвѣты, такъ уютно и чисто, въ окно блеститъ солнышко. Входитъ полковникъ.

— А, господинъ Галинъ! Очень, очень пріятно! Здравствуйте, здравствуйте!.. Какъ ваше здоровье?

Любезенъ въ высшей степени.

— Пожалуйста, курите!.. Можетъ быть, хотите закусить? чаю? Пожалуйста, не стѣсняйтесь, будьте какъ дома!..

Звонитъ: приносятъ горячій чай, румяныхъ пирожковъ, холодной телятины...

Бесѣдуетъ, распрашиваетъ о семейныхъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Ахъ, кстати: вчера видѣлъ совершенно случайно вашу матушку. Огорчена... очень, очень огорчена. А она у васъ, кажется, и безъ того больна?.. Да, да... Я на минутку васъ побезпокоилъ: нужно маленькій допросъ съ васъ снять...

— Допросъ! Вотъ оно что! Что же это за допросъ?

Сталъ я ему съ самымъ наивнымъ видомъ говорить, что чемоданъ далъ мнѣ одинъ знакомый для передачи другому знакомому.

— Я такъ и зналъ!—подхватилъ полковникъ.—Конечно, конечно... Пожалуйста, курите... Такъ какъ записать этого знакомаго?

Ого, думаю: это что-то не такъ!.. Сижу, соображаю.

— Впрочемъ, я позабылъ вамъ доложить, господинъ Галинъ: за вами остается право отказаться отъ показаній.

Право? Это хорошо!

— Отъ показаній—говорю—отказываюсь...

Полковникъ и такъ, и этакъ, и про отца, и про мать, и что я молодой человѣкъ...

— Будете молчать—долго просидите въ тюрьмѣ...

Отвезли меня обратно въ тюрьму, потомъ переправили въ губернскій городъ. Пошли опять допросы, да я-то ужъ немного попривыкъ, стою на томъ, что вещи не мои, а отъ дальнѣйшихъ показаній отказываюсь.

Вызываютъ какъ-то разъ въ контору. Смотрю: жандармскій полковникъ и еще какіе-то два господина въ черныхъ сюртукахъ.

— Господинъ товарищъ прокурора... Господинъ слѣдователь...

Опять тѣ же вопросы, записываютъ каждое слово; подписываюсь.

— Вамъ предъявляется обвиненіе по сто-двадцать-шестой статьѣ.

Показываютъ статью и пунктъ. Читаю, въ глазахъ рябитъ: каторга... поселеніе... шесть лѣтъ крѣпости...

Должно быть, поблѣднѣлъ я.

— Впрочемъ, судъ можетъ смягчить наказаніе—добавляетъ прокуроръ.

— Значитъ, судъ еще будетъ?—вырвалось у меня.

— Какъ же, какъ же!—утѣшаютъ меня.

Галинъ съ оживленіемъ разсказываетъ о пережитомъ, съ добродушной улыбкой вспоминая свои первые шаги. Въ тюрьмѣ онъ готовится по курсу реальнаго училища и составляетъ списокъ книгъ по общественнымъ вопросамъ.

— Надо очень, очень разобраться мнѣ въ нихъ...

Сергѣевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ВРЕМЕБОРЕЦЪ (ФЕТЪ)

Такъ, для безбрежнаго покинувъ скудный долъ,
Летитъ за облака Юпитера орелъ,
Снопъ молніи неся мгновенный въ вѣрныхъ
лапахъ.

Фетъ.

I.

Въ основѣ научныхъ и критическихъ работъ, ставящихъ своею задачею истолкованіе творчества поэтовъ, лежитъ, повидимому, предубѣжденіе, что предметъ изслѣдованія—поэтъ—есть нѣчто единичное, въ мѣстѣ и времени привязанное къ опредѣленной человѣческой личности и всегда само себѣ равное.

Только на почвѣ такого предубѣжденія и возможно появленіе попытокъ дать исчерпывающее описаніе того или иного творчества, а равно и возникновеніе оживленныхъ споровъ по вопросу, содержится въ немъ, или нѣтъ, какая-либо стихія.

Между тѣмъ ясно, что для сужденія о поэтѣ изслѣдователь имѣетъ передъ собою только испещренную типографскою краскою бумагу, которая, сама по себѣ, могла бы служить лишь предметомъ теоріи о бумагѣ и краскѣ; все же, что называется *поэтомъ*, возникаетъ при условіи воздѣйствія этихъ пестрыхъ знаковъ на мозгъ изслѣдователя въ томъ направленіи, что онъ видитъ въ нихъ изображеніе понятныхъ ему (то есть употребляемыхъ въ обиходѣ его мышленія) словъ. Слова же—мы знаемъ—являются несовершеннымъ орудіемъ передачи мыслей. Рядъ моихъ словъ не переливаетъ въ читателей моей мысли, а только возбуждаетъ ихъ мысль, съ ихъ значеніемъ словъ, которое, какъ

установлено наукою, въ высшей степени лично и, во времени, измѣнчиво.

Такимъ образомъ понятно, что единственнымъ доступнымъ при изслѣдованіи творчества матеріаломъ являются личныя, безнадежно замкнутыя психическія переживанія изслѣдователя, которыя отбрасываются его сознаніемъ во внѣшній міръ, съ большею или меньшею степенью *матеріализаціи*.

И потому, когда я говорю: „поэтъ Фетъ", я говорю не объ Аѳанасіи Аѳанасіевичѣ Шеншинѣ и не о нѣсколькихъ книгахъ, а о какой-то особенной духовной величинѣ, во мнѣ существующей. Вотъ изученіемъ этихъ *внутреннихъ поэтовъ*, единственныхъ доступныхъ изученію, наука и критика не занимались достаточно. Многимъ это казалось мелкимъ и субъективнымъ. Ускользало изъ виду, что никакого иного, скажемъ, Фета, кромѣ множества тѣхъ внутреннихъ Фетовъ, о которыхъ только что упоминалось, невозможно отыскать въ дѣйствительности.

Внутренній Фетъ живетъ въ каждомъ изъ насъ и слагается подъ воздѣйствіемъ не только черныхъ узоровъ на страницахъ книгъ, гдѣ заглавный узоръ: „Стихотворенія Фета", но и совершенно другихъ узоровъ. Иногда, при чтеніи какого-либо совсѣмъ посторонняго сочиненія, мы восклицаемъ: „какъ мнѣ стало ясно то-то у Фета"! Часто и читать ничего не надо: личное переживаніе придаетъ особенную глубину и значеніе какому-нибудь стихотворенію, которое, однако, мы и до тѣхъ поръ отмѣнно понимали, и ни одно слово его не вызывало въ насъ недоумѣній.

Это показываетъ, что стихи часто собираютъ около новаго центра независимо отъ нихъ сложившіяся представленія и переживанія. Наблюдается, въ большихъ размѣрахъ, нѣчто подобное тому умственному передвиженію, которое происходитъ при усвоеніи нами новаго *слова*. Слово, впервые услышанное — звукъ пустой. Но, усвоенное на почвѣ общенія людей, созданіемъ и орудіемъ котораго слово является, оно пріобрѣтаетъ огромную силу, значеніе и внятность.

И наше представленіе о поэтѣ, подобно слову, является созданіемъ весьма сложной соборной духовной жизни человѣчества. Это особенно видно изъ того, что часто *внутренніе поэты* появляются въ сознаніи человѣка и тогда, когда основного толчка — узоровъ соотвѣтствующаго поэта — оно не испытывало. Такъ, несомнѣнно, многіе хулители Фета въ извѣстную пору нашей общественной жизни не трудились читать его именно потому, что все о Фетѣ предварительно было для нихъ ясно.

Всѣ эти соображенія не подсказываютъ ли вывода, что субъективность—неизбѣжный методъ изслѣдованія поэтовъ, даже и въ томъ случаѣ, когда изслѣдователь стремится уйти отъ нея какъ можно дальше?

Между тѣмъ, бѣжать отъ нея не слѣдуетъ. Чѣмъ различнѣе и ярче субъективныя опредѣленія, тѣмъ богаче соотвѣтствующій поэтъ, тѣмъ, значитъ, богаче и души, способныя питаться искусствомъ, тѣмъ, значитъ, богаче и просвѣщеніе.

Высказанная здѣсь общая точка зрѣнія родственна современному мышленію, особенно отличая его отъ еще недавняго міроощущенія. Прежде люди жили въ пространствѣ между предметами, теперь они живутъ во времени, среди фантомовъ. И Фетъ—наглядный осколокъ стараго.

Изложенное имѣетъ цѣлью: во-первыхъ, оправдать субъективность и какъ бы произвольность освѣщенія взятаго за предметъ изслѣдованія поэта, какъ равно и то, что это освѣщеніе производится односторонне; во-вторыхъ, развернуть фонъ, на которомъ объясненное субъективное освѣщеніе будетъ особенно отчетливымъ, потому что вѣдь именно Фетъ менѣе всего вѣрилъ въ фантомность художественнаго творчества.

Въ вышеописанномъ процессѣ сложенія *внутреннихъ поэтовъ* многіе изъ нихъ получили устойчивые облики: Пушкинъ — всеотзывчивость, Тютчевъ—пантеизмъ, Баратынскій—пессимизмъ. И о Фетѣ въ свое время было удивительно рѣзкое представленіе: „Пошотъ, боркое хыданье etc.“ [1]), но, по счастью, вандализмъ этотъ остался настолько позади, что теперь можно сказать: о Фетѣ нѣтъ сколько-нибудь согласованнаго представленія.

И вотъ, моя субъективная задача заключается въ томъ, чтобы на фонѣ мнѣнія о призрачности поэта, на фонѣ представленія, что онъ—созданіе соборнаго общенія людей, какая-то перекатывающаяся изъ мозга въ мозгъ лавина, обрисовать Фета очень яркой чертой: *онъ—времеборецъ.*

II.

Властное вліяніе Тютчева на Фета извѣстно всѣмъ, кто читалъ обоихъ поэтовъ, а равно „Мои Воспоминанія“ Фета и его замѣчательную статью: „О стихотвореніяхъ Ѳ. Тютчева“ („Русское

---

[1]) Пародія на стихи: „Шопотъ, робкое дыханье etc.“.

Слово" 1859 г., № 2). Это вліяніе особенно сильно сказывается въ стихахъ, озаренныхъ размышленіемъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда, при наличности сильнаго общаго вліянія одного поэта на другого, окажется, что одна изъ яркихъ и могучихъ силъ поэта вліяющаго не отразилась на его ученикѣ, можно заключить, что эта сила учителя особенно чужда природѣ ученика.

Когда Тютчевъ описываетъ явленія природы, съ каждою новою строфою открывается новая картина (напримѣръ, стихотворенія: „Люблю грозу въ началѣ мая", „Какъ неожиданно и ярко", „Гроза дорогой"). Тютчевъ умѣлъ и любилъ воспроизводить движеніе не только въ природѣ, но и въ душѣ человѣка, и въ исторіи человѣчества. Теченіе событій онъ считалъ высокимъ зрѣлищемъ боговъ и говорилъ: „Блаженъ, кто посѣтилъ сей міръ въ его минуты роковыя". И страсть, пытливая страсть прозрѣнія всегда томила его. Тютчевъ пророчествуетъ.

Пророчествуетъ ли Фетъ? Всего одинъ разъ, въ стихотвореніи „Никогда" (Полное собраніе стихотвореній А. А. Фета, Спб. 1901, т. I, стр. 173). Но за то тутъ развернута рѣдко богатая для пророка картина: мертвецъ одиноко воскресаетъ на замерзшей уже землѣ.

Въ разное время сочинено много утопій, посвященныхъ гаданію о будущемъ земли. Ея лицо въ этихъ утопіяхъ представляется совершенно преображеннымъ. И вотъ, если земля замерзнетъ, можно предположить одно изъ двухъ: или на замерзшей планетѣ (по разнымъ причинамъ) вовсе не останется вещественныхъ памятниковъ человѣческаго быта, или оставшіеся не будутъ имѣть ничего общаго съ сооруженіями современныхъ намъ людей. Послушаемъ, однако, Фета.

...И всталъ. Какъярокъ этотъ зимній свѣтъ
Во входѣ склепа! Можно ль сомнѣваться?
Я вижу снѣгъ. На склепѣ *двери нѣтъ.*
Пора домой. Вотъ дома изумятся!
Мнѣ паркъ знакомъ, нельзя съ дороги сбиться.
А какъ онъ весь успѣлъ перемѣниться!
. . . .
А вотъ и домъ. *Въ какомъ онъ разрушеньи!*
И руки опустились въ изумленьи.

Селенье спитъ подъ снѣжной пеленой.
Тропинки нѣтъ во всей степи раздольной.
Да, такъ и есть! Надъ дальнею горой
Узналъ я церковь съ ветхой колокольней.
. . . .

Все понялъ я: земля давно остыла
И вымерла . . . .

Какимъ недоразумѣніемъ звучитъ здѣсь стихъ:

„*А какъ онъ весь успѣлъ перемѣниться!*"

Неужели за всю исторію земли, отъ нашихъ дней до конца міра, обликъ земли перемѣнится только въ томъ направленіи, что русскій помѣщичій домъ придетъ въ разрушеніе, а русскія селенія и церковь съ ветхой колокольней останутся на своемъ мѣстѣ? Предположеніе, что вещественные памятники русскаго деревенскаго быта сохранятся до кончины міра, не является ли безпредѣльной невоспріимчивостью сознанія къ категоріи времени?

Конечно, Фетъ написалъ свою картину наивно, вниманіе его было сосредоточено на другихъ сторонахъ стихотворенія; но вѣдь наивныя-то слова и драгоцѣнны. Ясно, что художнику не бросалась въ глаза разительная странность, только-что отмѣченная. И на почвѣ такой невоспріимчивости политическій консерватизмъ автора „Никогда" получаетъ полное обоснованіе: какое можетъ быть обновленіе, если на самомъ днѣ своемъ душа вѣритъ, что и на замерзшей землѣ въ неприкосновенности сохранятся всѣ признаки помѣщичьей и крестьянской общинной Россіи?!

Итакъ, искусство Фета бѣдно временнымъ воображеніемъ. То, что эта черта проявляется наперекоръ сильному вліянію Тютчева, служитъ испытаніемъ и скрѣпою ея художественной и духовной подлинности.

И Фетовскія описанія природы и чувствъ — неслучайность этого также испытуется противорѣчіемъ Тютчеву—очень бѣдны движеніемъ. Здѣсь картины до того застыли, что, изображая ихъ, можно было рѣже, чѣмъ это обыкновенно дѣлается въ человѣческой рѣчи, прибѣгать къ глаголу—этому грамматическому выразителю времени. Не производя точныхъ вычисленій, по непосредственному впечатлѣнію, можно сказать, что процентное отношеніе глаголовъ къ совокупности словъ у Фета ниже, чѣмъ у какого бы то ни было другого русскаго поэта. А для яркости можно указать на три стихотворенія: „Шопотъ, робкое дыханье" (ibid. I, 419), „Это утро, радость эта" (I, 488) и „Буря на небѣ вечернемъ" (II, 23), въ которыхъ нѣтъ ни одного глагола. Любопытно съ этой точки зрѣнія и стихотвореніе „Деревня" (I, 345), гдѣ четыре раза употребленъ глаголъ: „люблю", но самое описаніе того, что любитъ поэтъ, на пространствѣ *семи* строфъ обошлось безъ глаголовъ.

Послѣ этого не покажется удивительнымъ стихотвореніе, въ которомъ самъ Фетъ изображаетъ столкновеніе своего искусства со временемъ.

Какъ трудно повторять живую красоту
Твоихъ воздушныхъ очертаній!
Гдѣ силы у меня схватить ихъ на лету
Средь непрестанныхъ колебаній?
Когда изъ-подъ рѣсницъ пушистыхъ на меня
Блеснутъ глаза съ просвѣтомъ ласки,
Гдѣ кистью трепетной я наберу огня?
Гдѣ я возьму небесной краски?
Въ усердныхъ поискахъ все кажется: вотъ-вотъ
Пріемлетъ тайна ликъ знакомый!—
Но сердца бѣднаго кончается полетъ
Одной безсильною истомой!

Образы творческаго возсозданія въ этомъ стихотвореніи: кисть, краска, заимствованы изъ мастерской живописца—жреца искусства недвижнаго. Фетъ признается здѣсь, что и его искусство недвижно, что, не совмѣщаясь съ временемъ и не имѣя средствъ возсоздать его, оно должно или пасть въ безсильной истомѣ, или, во всемогуществѣ вдохновенія, опрокинуть и остановить время.

III.

И не только творчество Фета, но и его живая душа страдала отъ времени.

Чувство каждаго мига—цѣнность, и разно можно относиться къ ней. Можно радоваться каждому ушедшему мигу, потому что, уходя, онъ выводитъ за собою новый. Во имя любопытства къ будущему можно скорѣе и скорѣе гнать въ душѣ колесо, на которое наматывается нить жизни. И гибель даже безцѣннаго мига можетъ быть прощена такою жаждою новаго.

Но жаждетъ новаго тотъ, кто устремился душою въ будущее: пророкъ.

А Фетъ—не пророкъ. И для Фета уходъ каждаго мига—потеря. Мигъ только тогда дорогъ, когда онъ насталъ, когда онъ прошелъ. И никакимъ прошедшимъ Фетъ не согласился бы заплатить ни за какое будущее. Время—это потеря звеньевъ драгоцѣнной цѣпи, одного за однимъ. И Фетъ мятется въ сознаніи потерь, рвется и проклинаетъ. Своимъ глазамъ, вперившимся въ даль прошлаго, онъ говоритъ (II, 38):

Не вамъ допросить у *случайности жадной,*
Куда она *скрыла рукой безпощадной*
Что было такъ щедро дано!

Вотъ какими словами дается времени нравственная оцѣнка. А для другихъ поэтовъ, и для пророка Тютчева, оно—цѣлительное время.

Для того, чтобы перестать проклинать этого цѣлителя, Фету надо солгать. Вотъ какое состоянiе духа описываетъ онъ въ прекрасномъ стихотворенiи: „У камина“.

Тускнѣютъ угли. Въ полумракѣ
Прозрачный вьется огонекъ.
Такъ плещетъ на багряномъ макѣ
Крыломъ лазурнымъ мотылекъ.
Видѣнiй пестрыхъ вереница
Влечетъ усталый, тѣша, взглядъ
И неразгаданныя лица
Изъ пепла сѣраго глядятъ.
Встаетъ ласкательно и дружно
Былое счастье *и печаль* —
И лжетъ душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.

И только способность Фета къ изступленнымъ состоянiямъ духа,—о которыхъ онъ съ правомъ говорилъ (I, 141):

Пускай клянутъ, волнуяся и споря,
Пусть говорятъ: „То бредъ души больной!“
Но я иду по шаткой пѣнѣ моря
Отважною, нетонущей ногой,

—избавляла его отъ ужаса. Въ такiя мгновенiя душа не чувствовала на себѣ *времени оковъ,* и возсозданiя этихъ мгновенiй горятъ яркими алмазами въ мiрѣ драгоцѣнныхъ камней, живыхъ цвѣтовъ, шаткихъ тѣней и неуловимыхъ запаховъ, въ Фетовомъ мiрѣ, надъ которымъ мерцаютъ вѣчныя звѣзды.

Звѣзды Фетъ любилъ потому, что за нихъ хваталась его душа, сносимая потокомъ времени. Вотъ какъ это происходило (I, 5):

Еще темнѣе мракъ жизни вседневной,
Какъ послѣ яркой осенней зарницы,
И только въ небѣ, *какъ зовъ задушевный,*
Сверкаютъ звѣздъ золотыя рѣсницы.
И такъ прозрачна огней безконечность,
И такъ доступна вся бездна эѳира,
Что *прямо смотрю я изъ времени въ вѣчность*
И правду твою узнаю, солнце мiра!

И еще, въ стихотворенiи, гдѣ Фетъ идетъ по шаткой пѣнѣ моря,—„Alter Ego“ (I, 107):

Та трава, что вдали, на могилѣ твоей,
Здѣсь на сердцѣ, чѣмъ старше оно, тѣмъ свѣжѣй,
И я знаю, взглянувши на звѣзды порой,
Что взирали на нихъ мы какъ боги съ тобой!

Понятно, что духъ художника „позналъ родство съ нетлѣнной жизнью звѣздной“ (I, 379); понятно, почему Фетъ такъ часто закидывалъ голову къ ночному небу и, созерцая звѣзды, думалъ о вѣчности, выпорхнуть въ которую было, можетъ-быть, завѣтнѣйшею мечтою его пѣсенъ—птичекъ Божіихъ, какъ онъ назвалъ ихъ въ стихотвореніи: „На Пятидесятилѣтіе Музы“ (I, 100).

И способность духа быть возносимымъ въ міръ звѣзднаго ѳеира позволяетъ Фету не бояться послѣдняго лика, являемаго временемъ человѣку—смерти.

Покуда я дышу, ты—мысль моя, не болѣ,
Игрушка шаткая тоскующей мечты (I, 172).

Вотъ какъ гордо человѣкъ обращается къ смерти.

Но изъ всѣхъ изступленій самымъ могучимъ въ борьбѣ со временемъ является вдохновеніе поэта, и за то такъ и любитъ Фетъ искусство. Онъ говоритъ „Поэтамъ“ (I, 81):

Только у васъ мимолетныя грезы
Старыми въ душу глядятся друзьями,
Только у васъ благовонныя розы
Вѣчно восторга блистаютъ слезами.

IV.

Торжество искусства надъ временемъ звучитъ во всякомъ Фетовомъ гимнѣ искусству такимъ восторгомъ и такимъ самозабвеніемъ, что соотвѣтствующія стихотворенія Фета надо признать образцовыми выраженіями мотива времеборства во всей всемірной литературѣ. Для художника (I, 59)

Все, все мое, что есть и прежде было:
Въ мечтахъ и снахъ *нѣтъ времени оковъ.*

А въ гимнѣ „Поэтамъ“ (I, 81) Фетъ возглашаетъ:

Этотъ листокъ, что изсохъ и свалился,—
Золотомъ *вѣчнымъ* горитъ въ пѣснопѣньи.

И не случайно сказано: „*этотъ*“. Изведеніе изъ власти вре-

мени единичныхъ предметовъ—драгоцѣнное для Фета могущество. Онъ не разъ возвращается къ совершенію такого чуда. Онъ говоритъ молодой дѣвушкѣ:

Если радуетъ утро тебя,
Если въ пышную вѣришь примѣту, —
Хоть на время, на мигъ полюбя,
Подари *эту* розу поэту.
Хоть полюбишь кого, хоть спесешь
Не одну ты житейскую грозу, —
Но въ стихѣ умиленномъ найдешь
Эту вѣчно душистую розу.

Любовь ко всему, закрѣпляющему подлинность мгновенія, доходила у Фета до одобренія такого искусства, которое вообще не въ почетѣ у художниковъ — фотографіи. Фетъ пишетъ Тютчеву (II, 263):

Пришли въ письмѣ мнѣ твой портретъ,
Что нарисованъ *Аполлономъ*.

А въ другомъ мѣстѣ („Къ фотографической карточкѣ m-lle Viardot", II, 336) сказано и, видимо, съ похвалой:

Тебя не кисть живописала,
А солнца лучъ изобразилъ.

Еслибы при жизни Фета была усовершенствована техника моментальной фотографіи до достигнутой нынѣ ею высоты, кто знаетъ, не была ли бы она воспѣта имъ, какъ близкая родственница его Музы.

Фетъ избѣжалъ мучительныхъ размышленій Тургеневскаго „Довольно". Изъ ряда стихотвореній видно, что онъ твердо и глубоко, со всею наивностью вдохновенія, вѣровалъ въ незыблемость и вѣчность созданій поэзіи. И стоитъ поближе всмотрѣться въ одно изъ лучшихъ его стихотвореній, чтобы понять, до чего въ творчествѣ Фета искусство отождествлялось съ сопротивленіемъ времени.

Какъ бѣденъ нашъ языкъ: хочу и не могу!
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствуетъ въ душѣ прозрачною волною:
Напрасно вѣчное томленіе сердецъ!—
И клонитъ голову маститую мудрецъ
Предъ этой ложью роковою.

Это—Тютчевское: „Мысль изреченная есть ложь". Почему ложь? И у насъ возникаетъ тоскливое сознаніе безнадежной

замкнутости личности, непереливаемости словами чувствъ и мыслей; словомъ—мы почти готовы вступить въ тотъ кругъ идей, отъ котораго отправились. Но для Фета дѣло совсѣмъ не въ томъ, а опять во времени: это оно мѣшаетъ всему. Вотъ что онъ говоритъ, начиная вторую строфу стихотворенія:

Лишь у тебя, поэтъ, *крылатый* слова звукъ
Хватаетъ на лету и закрѣпляетъ вдругъ
И темный бредъ души, и травъ неясный запахъ.

Намъ кажется, что противорѣчія нѣтъ: темный бредъ, неясный запахъ — это-то вѣдь и есть смутность непередаваемая словами, безъ всякаго отношенія ко времени. Но, дочитавъ до конца, мы увидимъ, что главное — „хватаетъ на лету и закрѣпляетъ вдругъ". Вотъ чудный образъ—эпиграфъ нашей статьи:

Такъ для безбрежнаго покинувъ скудный долъ,
Летитъ за облака Юпитера орелъ,
Снопъ *молніи неся мгновенный* въ вѣрныхъ лапахъ.

И опять надо отмѣтить, что образъ заимствованъ изъ скульптуры и, притомъ, изъ такой скульптуры, которая, въ сущности, равносильна моментальной фотографіи, такъ какъ, подобно ей, искажая дѣйствительность, представляетъ неподвижнымъ то, что живые глаза человѣка могутъ видѣть не иначе, какъ мгновенно мелькнувшимъ и исчезнувшимъ.

Но для Фета мраморный орелъ со снопомъ перуновъ въ лапахъ значилъ очень много. Полетъ этого орла въ безбрежность связанъ съ представленіемъ Фета, что возможно, перемѣщаясь въ пространствѣ, убѣжать отъ времени. Въ стихотвореніи „Никогда" (I, 173) Фетъ обмолвился намекомъ: „Куда идти, гдѣ некого обнять, тамъ гдѣ въ пространствѣ затерялось время". Это странное выраженіе глубоко символично для Фетова міра. Тамъ можно найти еще два образа, выражающихъ спасеніе отъ времени въ пространство. Одинъ — чудныя строки въ стихотвореніи „На юбилей А. Н. Майкова" (I, 91):

Хоть восторгъ не даетъ намъ молчать,
Но восторженныхъ скоро забудутъ,
А пѣвца по поднебесью мчать
Лебединыя крылья все будутъ!

Другой—глубокое, удивительное по цѣльности и вдумчивости стихотвореніе, навѣянное созерцаніемъ звѣздъ, элегія, обращенная къ тѣмъ изъ нихъ, которыя уже угасли, но свѣтъ которыхъ, стремясь по пространству, не подчиненъ времени.

Долго ль впивать мнѣ мерцаніе ваше,
Синяго неба пытливыя очи?
Долго ли чуять, что выше и краше
Васъ—ничего нѣтъ во храминѣ ночи?
Можетъ-быть нѣтъ васъ подъ тѣми огнями—
Давняя васъ погасила эпоха...
Такъ и по смерти летѣть къ вамъ стихами,
Къ призракамъ звѣздъ, буду призракомъ вздоха!

Такимъ образомъ, то, что̀ умерло здѣсь, живетъ вдали, и когда время-смерть нагонитъ его и тамъ, оно будетъ жить гдѣ-то еще дальше, и такъ—безъ конца.

V.

Такъ боролся Фетъ съ временемъ, такъ онъ спасался отъ него, но одинъ разъ онъ побѣдилъ его. И этого онъ достигъ простымъ, но геніальнымъ пріемомъ. Всѣмъ извѣстную поэтическую фигуру, примѣняемую для приданія стихотворенію *живости* — употребленіе настоящаго времени, такъ что, когда ни читай вещь, она будетъ относиться именно ко времени чтенія, великій художникъ вывелъ изъ формы въ содержаніе и написалъ вотъ какое, единственное въ мірѣ, стихотвореніе:

Мой прахъ уснетъ, забытый и холодный,
А для тебя настанетъ жизни май...
О, хоть на мигъ душою благородной
Тогда стихамъ, звучавшимъ мнѣ, внимай!
И—вдумчивымъ и чуткимъ сердцемъ дѣвы—
Безумныхъ сновъ волненья ты поймешь
И отъ чего въ дрожащіе напѣвы
Я уходилъ,—и ты за мной уйдешь.
Привѣтами, встающими изъ гроба,
Сердечныхъ тайнъ безсмертье ты провѣрь:
Внѣвременной повѣемъ жизнью оба,
И ты, и я,—мы встрѣтимся...—Теперь!

Вотъ онъ—

летитъ за облака Юпитера орелъ,
Снопъ молніи неся мгновенный въ вѣрныхъ лапахъ.

Н. В. Недоброво.

УЧЕНІЯ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ ВЪ РОССІИ

I.

Въ литературѣ научной и публицистической обращаются весьма опредѣленныя мнѣнія о происхожденіи русской поземельной общины, не смотря на то, что дѣйствительная ея исторія совершенно почти неизвѣстна. Современная наша община характеризуется періодически совершающимися передѣлами земли. Есть отрывочныя указанія на примѣненіе этого акта даже въ XVI-мъ столѣтіи. Но появились ли передѣлы земли въ средней Россіи одновременно, подъ вліяніемъ какихъ факторовъ стали они практиковаться, какую собственно роль играли въ ихъ происхожденіи правительство и помѣщики, и насколько передѣльная община была естественнымъ или искусственнымъ продуктомъ историческаго процесса — эти вопросы приходится оставлять безъ отвѣта или довольствоваться болѣе или менѣе вѣроятными гипотезами. У насъ не только „не разрѣшенъ вопросъ о первоначальныхъ формахъ землевладѣнія и землепользованія — говоритъ новѣйшій историкъ крестьянскаго землевладѣнія [1])—и не установлена окончательно генетическая связь между старыми поземельными отношеніями и современною господствующею формою

[1]) П. И. Ивановъ (Древности. Труды Археографической Коммиссіи, т. II, в. 2).

ихъ, но даже нельзя считать закрытымъ предварительнаго вопроса: какія формы землевладѣнія были у крестьянъ въ XVI—XVII-мъ вѣкахъ, т.-е. въ то время, отъ котораго мы имѣемъ наиболѣе матеріаловъ".

При такой скудости источниковъ относительно интересующаго насъ вопроса, неудивительно, если ученые, такъ сказать, привязываются къ каждому хорошо извѣстному факту, лишь бы получить болѣе или менѣе благовидное объясненіе темнаго явленія. Естественная эволюція крестьянскаго землевладѣнія въ средней Россіи не могла не быть до извѣстной степени нарушенной развитіемъ помѣстной системы—и ученые поспѣшили опереться на фактъ зависимости крестьянъ отъ владѣльцевъ и въ ней искать объясненія введенія передѣловъ. Правительство ввело подушное обложеніе, какъ систему *исчисленія* суммы взыскиваемыхъ съ населенія прямыхъ податей (но не какъ основаніе для ихъ разверстки) — и историки объявили естественнымъ, что за подушнымъ обложеніемъ послѣдовала, по инціативѣ правительства же, и подушная разверстка земли.

Въ дѣлѣ построенія гипотезъ о происхожденіи общины въ Россіи въ послѣднія тридцать лѣтъ играли важную роль данныя относительно исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи. Крестьянство находилось здѣсь въ наименьшей зависимости отъ крупныхъ владѣльцевъ, и крестьянское землевладѣніе должно было поэтому развиваться наиболѣе естественно. Историки пытаются, на основаніи различныхъ, вновь открываемыхъ матеріаловъ, начертать путь развитія землевладѣнія сѣвернаго крестьянина и найти въ немъ указанія для разъясненія вопроса относительно общины въ средней Россіи. Въ самое послѣднее время къ уясненію интересующаго насъ вопроса привлеченъ совершенно новый матеріалъ и примѣненъ совершенно новый методъ—непосредственнаго наблюденія различныхъ моментовъ эволюціи общины въ мѣстности (Сибири), постепенно и неравномѣрно заселяемой и въ разныхъ своихъ частяхъ представляющей, поэтому, различныя степени густоты населенія — важнаго фактора эволюціи общинныхъ формъ. Эта живая, по выраженію А. А. Кауфмана, исторія сибирской общины хотя и не разрѣшаетъ вопроса объ эволюціи общины въ Европейской Россіи, развивавшейся при другой комбинаціи условій, но не можетъ не играть важную роль для уясненія мотивовъ этой эволюціи и для показанія того, какъ естественно возникаетъ передѣльная община на почвѣ вольнаго захвата и послѣдующаго свободнаго распоряженія землею со стороны захватчика и его потомковъ—разъ

только отсутствуютъ юридическія препятствія развитію землевладѣнія въ различныхъ направленіяхъ. Развитіе общины въ Сибири интересно, поэтому, разсмотрѣть въ связи со взглядами о происхожденіи общины въ Европейской Россіи.

II.

Идеи, высказываемыя русскими писателями о происхожденіи нашей поземельной общины, складывались отчасти подъ вліяніемъ западно-европейскихъ теорій и сближались съ послѣдними даже при самостоятельномъ ихъ развитіи. Мы считаемъ, поэтому, умѣстнымъ изложить въ краткихъ чертахъ исторію западно-европейскихъ ученій о происхожденіи и эволюціи общиннаго землевладѣнія. Мы остановимся преимущественно на ученіяхъ нѣмецкихъ историковъ, разрабатывавшихъ вопросъ объ эволюціи общины въ Германіи.

„По общераспространенному прежде мнѣнію—писалъ Маурeръ въ началѣ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія—обработка земли началась съ отдѣльныхъ дворовъ, и каждый дворъ былъ обнесенъ особой полевой межой. Лишь въ концѣ среднихъ вѣковъ — такъ думали прежде — разбросанныя до тѣхъ поръ жилища были сдвинуты и составили селенія для большей безопасности, и разрозненныя прежде подворныя полевыя межи превращены въ полевыя межи цѣлыхъ общинъ". „Только въ новѣйшее время и преимущественно датскими учеными (наиболѣе—Георгомъ Ганиномъ) пролито больше свѣта на этотъ важный вопросъ". А наиболѣе сдѣлано для обоснованія соотвѣтствующаго ученія самимъ Мауреромъ, котораго мы цитируемъ [1]).

Мауреръ исходитъ въ своихъ изысканіяхъ изъ предположенія, что „земля обработывалась первоначально не отдѣльными людьми, а цѣлыми родами и племенами". Сплоченными племенами и родами селились на занимаемой ими территоріи и древніе германцы; и такъ какъ это имѣло мѣсто при переходѣ отъ кочевого быта къ земледѣльческому, „а родовыя и племенныя общины существовали уже до основанія осѣдлыхъ поселеній", то общинные распорядки естественно примѣнялись и въ новой обстановкѣ. „При основаніи первобытнаго поселка каждый членъ обыкновенно получалъ землю подъ строеніе, участокъ пахатной

[1]) „Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти". М., 1880.

земли и по меньшей мѣрѣ право пользованія неудобными для обработки нераздѣльными общинными землями". Пахатные участки подвергались періодическимъ уравнительнымъ передѣламъ.

О такомъ устройствѣ, какъ имѣющемъ общее распространеніе, Мауреръ судитъ, однако, лишь на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ у Юлія Цезаря и Тацита. Въ болѣе позднія времена, оставившія по себѣ болѣе или менѣе многочисленные памятники, мы не находимъ уже уравнительнаго пользованія пахатной землей. Въ эпоху переселенія народовъ, „тотчасъ по завладѣніи землею, распредѣленные между членами жеребьевые участки были розданы въ наслѣдственную собственность. Лѣса и луга, воды и дороги по прежнему оставались достояніемъ общинъ. Да и относительно полей общиннымъ дѣломъ оставался по крайней мѣрѣ способъ пользованія ими, о которомъ рѣшала вся община". Съ теченіемъ времени площадь общинныхъ лѣсовъ постепенно сокращалась, вслѣдствіе разработки земли и пріобщенія ея къ пахатнымъ участкамъ, раздробленія марокъ для новыхъ деревень, образованныхъ выселенцами изъ старыхъ селеній, отведенія участковъ во владѣніе отдѣльныхъ лицъ или въ ихъ пользованіе, превращавшееся затѣмъ въ собственность, вслѣдствіе продажи общинныхъ земель и, наконецъ, вслѣдствіе огораживанія общинныхъ земель государемъ, владѣтельными князьями и помѣщиками. Результатомъ указанныхъ процессовъ было уничтоженіе большей части общинныхъ земель, которыя сохранились до настоящаго времени лишь у сравнительно небольшого числа поселеній.

Это ученіе Маурера имѣло первоначально большой успѣхъ. Его идея о древности общиннаго землевладѣнія находила подтвержденіе въ наблюденіяхъ болѣе или менѣе живыхъ общинныхъ формъ повсюду въ европейскихъ государствахъ, въ Индіи, на о. Явѣ и т. п. Вообще распространялось мнѣніе, что общинное землевладѣніе съ передѣлами полей образуетъ ступень, которую проходили всѣ народы на пути къ частной земельной собственности.

Въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія возникаетъ реакція противъ этого ученія, при чемъ одни критики его отрицаютъ лишь существованіе въ осѣдломъ состояніи передѣловъ пахатной земли, а другіе считаютъ и общинное владѣніе невоздѣланными землями продуктомъ болѣе поздняго времени. Эти же самыя мысли, однако, гораздо ранѣе были высказаны молодымъ русскимъ ученымъ, нынѣ профсссоромъ петербургскаго университета, В. И. Сергѣевичемъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за 1865 г. Отрицая значеніе, приписываемое

Мауреромъ неопредѣленнымъ показаніямъ о бытѣ древнихъ германцевъ Ю. Цезаря и Тацита, г. Сергѣевичъ въ матеріалахъ самого Маурера находитъ возраженія противъ исконнаго характера общиннаго землевладѣнія въ Западной Европѣ. Исходя изъ того факта, что члены германской марки свободно занимали нераздѣленную землю въ частную собственность и устраивали на ней поселенія, г. Сергѣевичъ утверждаетъ, что марка нераздѣленной оставалась вовсе не потому, „что по отношенію къ ней была примѣнена какая-нибудь формула общиннаго владѣнія, исключавшая частную собственность. Причина нераздѣленности лежала единственно въ обиліи земли. Никѣмъ незанятыхъ пустошей и лѣсовъ было еще такъ много, что въ пользованіи ими частные интересы не могли столкнуться, а потому не могло родиться и никакихъ вопросовъ о формѣ владѣнія". Права цѣлой общины проявлялись въ разсматриваемое время въ томъ, что „никто, не принадлежащій къ общинѣ, не могъ ни селиться на ея земляхъ, ни покупать ихъ безъ ея согласія... Права, принадлежащія общинѣ, правильнѣе отнести къ сферѣ правъ государственныхъ, чѣмъ гражданскихъ. Общинѣ, какъ первоначальному общественному союзу, какъ зародышу государства, принадлежатъ права верховнаго господства надъ всей территоріей, которую она занимаетъ. Члены общины могли пользоваться ею и обращать въ свою собственность безъ всякихъ ограниченій. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ противорѣчія между правами общины и отдѣльныхъ ея членовъ. ...Неограниченныя права каждаго члена на нераздѣленную марку условливались обиліемъ земель, и только съ прекращеніемъ этого обилія могла возникнуть мысль о необходимости другихъ поземельныхъ отношеній". Въ разныхъ частяхъ Германіи изобиліе земель исчезало въ разное время. „Поэтому, общины далеко не одновременно пришли къ сознанію своихъ общинныхъ поземельныхъ правъ и къ необходимости особыми постановленіями опредѣлять мѣру участія отдѣльныхъ членовъ и порядокъ пользованія общинными землями". Это произошло въ періодъ времени отъ X-го до XVI-го вѣка [1]).

Въ 80-хъ годахъ такіе же взгляды стали высказываться и западно-европейскими учеными. На основаніи изученія сборниковъ обычнаго права и древнѣйшаго германскаго законодательства, Фюстель-де-Куланжъ утверждаетъ, что у древнихъ германцевъ господствовала семейная собственность, а общинное вла-

---

[1]) „Время возникновенія германской поземельной общины" („Журн. Минист. Нар. Просв." 1865 г., № 1).

дѣніе невоздѣланными землями появилось не ранѣе VII-го вѣка и выросло изъ общаго пользованія крестьянъ угодьями, принадлежавшими помѣщикамъ. Мейтценъ [1]) старается доказать отсутствіе у германцевъ (и у другихъ народовъ) стадіи общиннаго владѣнія полевыми землями, съ періодическими уравнительными ихъ передѣлами. Онъ считаетъ вѣроятнымъ существованіе общаго права на землю въ пастушескомъ быту, когда люди не могли жить въ одиночку, соглашается съ тѣмъ, что и въ первое время послѣ образованія прочныхъ поселеній нѣкоторыя племена періодически уравнивали участки общей земли, отведенные отдѣльнымъ хозяевамъ; но у германцевъ (и у большей части другихъ народовъ) право частной собственности на полевыя земли возникло, по его мнѣнію, тотчасъ послѣ осѣданія населенія и выдѣла хозяевамъ участковъ распаханной земли. Въ такихъ поселеніяхъ могли быть переверстки участковъ (при переложной системѣ хозяйства), но доли хозяевъ при этомъ не измѣнялись. А тѣ передѣлы земли въ натурѣ, которые принимались историками за уравнительные, имѣли цѣлью возстановленіе чьего-либо нарушеннаго владѣнія.

Гильдебрандъ (1896 г.) считаетъ, что у первыхъ земледѣльцевъ земля вовсе не была предметомъ собственности; существовало лишь право оккупаціи земли, принадлежащей роду или племени на публичномъ правѣ ихъ на область. Собственность на землю возникла сразу въ формѣ частнаго права. Общинное владѣніе полевыми или невоздѣланными землями явилось позже и было создано системой обложенія и крѣпостнымъ правомъ. Бруннеръ также полагаетъ, что первоначально не могло быть рѣчи ни о частной, ни объ общинной собственности, а лишь о пользованіи землею. Право собственности (частной) на пахатныя земли опредѣлилось послѣ того какъ пройдена была стадія переложнаго хозяйства и возникли постоянныя пашни.

Въ изложенныхъ выше воззрѣніяхъ новѣйшихъ писателей интересъ для насъ представляютъ, главнымъ образомъ, слѣдующіе пункты. Въ своихъ разсужденіяхъ западные ученые исходятъ изъ положенія объ осѣданіи населенія сплошными родами и племенами и о совмѣстной разработкѣ послѣдними дикихъ земель. За исходный пунктъ эволюціи землевладѣнія принимается моментъ, когда не существуетъ еще ни частной, ни общинной собственности на землю, а господствуетъ лишь фактъ свободнаго пользованія

---

[1]) Въ послѣдующемъ о воззрѣніяхъ нѣмецкихъ ученыхъ мы руководствовались сочиненіемъ г. Билимовича: „Германское землеустроительное законодательство“.

ею всякимъ трудящимся. Послѣ того, какъ пахатные участки—первоначально (при господствѣ переложнаго хозяйства) занимавшіеся на время,—обращались въ постоянныя культурныя угодья, они становились частной собственностью заимщиковъ. По мѣрѣ сокращенія площади свободно эксплуатируемой невоздѣланной земли, развиваются порядки общественнаго регулированія пользованія ею.

Одинъ изъ этихъ пунктовъ требуетъ разъясненія. Ученые называютъ частной собственностью отношеніе къ пахатнымъ участкамъ, поступившимъ въ пользованіе членовъ общины при первоначальномъ зарожденіи постоянной пашни. Эта квалификація даннаго отношенія совершенно произвольна и находится въ противорѣчіи съ юридическими понятіями прошлаго времени. „Нынѣшнія понятія о частной собственности — говоритъ Мауреръ — почерпнуты изъ римскаго права. Въ древне-германскомъ правѣ не существовало даже особаго названія для обозначенія собственности. Даже слово Eigen первоначально значило не то, что мы обыкновенно понимаемъ нынѣ подъ словомъ собственность, Eigenthum. Подъ нимъ, скорѣе, разумѣлось все, что кому-нибудь принадлежало, чѣмъ кто-нибудь имѣлъ право располагать, какъ и теперь еще говорятъ: meine eigene Frau, meine eigenen Kinder, при чемъ никто, конечно, и не помышляетъ о дѣйствительной собственности“ на жену и дѣтей. По германскому праву первоначально существовало только право владѣнія. „Даже въ позднѣйшія времена, когда землевладѣніе частное стало наслѣдственнымъ, знали только болѣе или менѣе широкія права владѣнія или защиты во владѣніи“ [1]).

Общинное владѣніе на Западѣ—если считать правильнымъ новѣйшее мнѣніе о болѣе позднемъ его происхожденіи—распространялось лишь на невоздѣланныя земли. Дальнѣйшее естественное поступательное его развитіе—если таковое, вообще, возможно—было прервано подчиненіемъ крестьянъ помѣщикамъ и закрѣпленіемъ закономъ права частнаго владѣнія. Болѣе полное развитіе общиннаго начала имѣло мѣсто въ нашемъ отечествѣ, и на русскихъ ученыхъ лежитъ поэтому задача разъясненія процесса прогрессивнаго развитія общиннаго землевладѣнія. Разъясненіе это должно идти въ двухъ направленіяхъ. Можно возстановлять исторію крестьянскаго землевладѣнія во всей Россіи или въ отдѣльныхъ ея районахъ; можно, не имѣя достаточныхъ данныхъ для полнаго историческаго изслѣдованія, указы-

[1]) Введеніе, etc., стр. 107, 106, 103.

вать факторы и условія, такъ или иначе вліявшія, и тенденціи, естественно или исскуственно возникавшія въ процессѣ развитія общины. Изслѣдованіе имѣетъ, поэтому, стороны чисто историческую и соціологическую, вслѣдствіе чего расширяется кругъ лицъ, могущихъ вложить въ него свою лепту.

III.

Ученый споръ о происхожденіи общиннаго землевладѣнія въ Россіи открылся въ 1856 г. статьей Чичерина въ „Русскомъ Вѣстникѣ": „Сельская община въ Россіи", на которую отозвался Бѣляевъ, а затѣмъ въ спорѣ приняли участіе Соловьевъ и Сѣверцовъ. Изъ числа высказанныхъ при этомъ взглядовъ прочные слѣды оставило мнѣніе Чичерина, на которомъ, поэтому, мы и остановимся, объяснивъ предварительно, что по мнѣнію его противника, Бѣляева, патріархальная община разрушилась у насъ задолго до прибытія варяговъ, вслѣдствіе разселенія славянъ между финнами и латышами и смѣшенія съ ними, нарушившаго „однородность элементовъ, необходимую для поддержанія кровнаго союза". Патріархальную общину смѣнила община договорная, а передѣлы земли установились въ теченіе среднихъ вѣковъ русской исторіи.

Исходной точкой первоначальныхъ разсужденій Чичерина о происхожденіи русской общины было высказанное Гакстгаузеномъ мнѣніе, что, въ отличіе отъ хода событій на Западѣ, гдѣ община выросла изъ случайнаго сближенія лицъ, славянская община „первоначально была только расширеніемъ патріархальной семьи и представляетъ донынѣ фиктивное семейство, владѣющее землею сообща"; русская община есть также „семейство въ большомъ видѣ". Чичеринъ возражаетъ на это, что родовая община существовала у всѣхъ народовъ „въ періодъ ихъ младенчества", въ томъ числѣ и въ Россіи, гдѣ она была разрушена послѣ завоеванія ея варягами, вмѣстѣ съ которыми въ русскую жизнь вторглись „новыя стихіи, разлагавшія прежнія родственныя отношенія". „Вмѣсто прежней патріархальной общественной собственности является собственность князя и его дружины. Община родовая превратилась во владѣльческую, въ которой былъ одинъ частный собственникъ, да пришлые люди, сидѣвшіе на его землѣ". Такой пришлый человѣкъ получалъ опредѣленный участокъ княжеской или владѣльческой земли на условіяхъ, лично имъ заключаемыхъ. Княжескія земли (черныя) сдавались,

правда, и цѣлой общиной, но это имѣло мѣсто лишь потому что поземельныя повинности „налагались на цѣлыя волости или сохи въ совокупности и потомъ уже распредѣлялись по участкамъ, соразмѣрно съ поземельнымъ владѣніемъ". Обложенная такимъ образомъ земля не подвергалась передѣламъ, и участки, освобождавшіеся вслѣдствіе выбытія кого-либо, передавались новымъ тяглецамъ цѣликомъ, со всѣми принадлежащими къ нимъ угодьями. „Отданный разъ жеребій оставался въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи крестьянина", распоряжавшагося имъ „безъ всякаго участія общины"; но продажа имъ владѣльческаго участка производилась съ вѣдома землевладѣльца. Патріархальная община, вслѣдствіе этого, превратилась въ владѣльческую; „это былъ союзъ людей, свободно поселившихся на земляхъ одного и того же владѣльца и соединенныхъ временными общими къ нему обязанностями". Съ XV-го вѣка, когда „начали развиваться понятія государственныя", „община изъ поземельной и владѣльческой сдѣлалась сословною и государственною; это былъ уже союзъ людей, соединенныхъ общими постоянными обязанностями къ государству. Они должны были нести ихъ своимъ лицомъ, а земля сдѣлалась только необходимымъ условіемъ для правильнаго ихъ исполненія. Отсюда новое, прежде несуществовавшее правило, что тяглая земля можетъ принадлежать только тяглымъ людямъ". „Весь почти XVII в. прошелъ въ стремленіи общинъ организоваться на этихъ двухъ началахъ". Община преслѣдовала двѣ цѣли: не выпускать изъ своей среды тяглыхъ членовъ, потому что подати и повинности налагались на цѣлую общину, и не отдавать землю въ руки бѣломѣстцевъ, дабы всегда быть обезпеченной въ отношеніи къ матеріальнымъ средствамъ". Но „издаваемые по этому поводу запретительные указы постоянно нарушались" и лишь „съ конца XVII в. возникаетъ болѣе правильный и опредѣленный порядокъ вещей". „Села, за немногими исключеніями, всѣ стали крѣпостными, и отчужденіе участковъ сдѣлалось совершенно невозможнымъ".

Введеніе порядковъ землевладѣнія, характеризующихъ современную намъ общину, обязано подушной подати. „Такъ какъ подати взимались съ лицъ, то естественно, что каждое лицо должно было получить извѣстный участокъ земли, съ котораго оно могло бы нести свои обязанности; притомъ, такъ какъ податной окладъ былъ равный для всѣхъ, то и участки должны быть равны. Съ умноженіемъ народонаселенія въ общинѣ, при невозможности перехода, должно было неизбѣжно установиться неравенство; а для возстановленія первоначальнаго нормальнаго отно-

шенія необходимъ былъ передѣлъ земли. Это сдѣлать было легко, ибо земля принадлежала казнѣ или частному лицу, а крестьяне были только временные владѣльцы, укрѣпленные къ ней для государственной пользы". Но этотъ порядокъ образовался не вдругъ, и во владѣльческихъ селахъ онъ установился ранѣе. На земляхъ черносошныхъ крестьянъ и однодворцевъ община была установлена, главнымъ образомъ, межевыми инструкціями 1754 и 1766 г.г. Ими введены были „тѣ коренныя установленія, которыя отличаютъ новую общину отъ старой: неотчуждаемость участковъ, приписаніе земли къ цѣлой общинѣ, а не къ отдѣльнымъ членамъ, ограниченіе свободнаго распоряженія землею, права наслѣдства и т. п." [1]).

Ученая полемика о происхожденіи русской общины, главными участниками которой были Чичеринъ и Бѣляевъ, на время прекратилась. Спорившіе использовали для своей цѣли имѣвшіеся въ то время историческіе матеріалы. Новыя данныя по исторіи крестьянскаго землевладѣнія явились позже, въ видѣ писцовыхъ книгъ; но они относились къ довольно позднему періоду и характеризовали крестьянское землевладѣніе XVI—XVII вѣковъ. Приверженцы обоихъ взглядовъ на общину воспользовались и этими данными для подтвержденія своихъ заключеній. Наиболѣе пригоднымъ для того матеріаломъ служили писцовыя книги сѣверной области, потому что здѣсь сосредоточилась главная масса черносошныхъ крестьянъ, болѣе свободныхъ въ распоряженіи землею. Разсмотрѣнію ученыхъ подлежали слѣдующіе вопросы: составляетъ ли поземельная община исконное учрежденіе въ Россіи, сохраняетъ ли она на протяженіи всей исторіи первобытную форму или измѣняется соотвѣтственно внѣшнимъ условіямъ, и который изъ двухъ факторовъ — народное творчество или правительственный замыселъ — опредѣляетъ направленіе ея эволюціи. Прямой отвѣтъ на эти вопросы на основаніи писцовыхъ книгъ получить нельзя, но данными этихъ книгъ, казалось бы, можно охарактеризовать хотя бы форму крестьянскаго землевладѣнія въ XVI—XVII вѣкахъ. Оказалось, однако, что содержанія писцовыхъ книгъ, составлявшихся съ фискальными цѣлями, недостаточно для разрѣшенія этого вопроса: разные писатели извлекли изъ нихъ доказательства для противоположныхъ другъ другу заключеній. Примѣненіе этихъ матеріаловъ для подтвержденія взглядовъ общинниковъ мы находимъ въ трудахъ по-

---

[1]) „Русск. Вѣстникъ" 1856 г., т. I, III, IV. Чичеринъ, „Очерки по исторіи русскаго права".

койнаго П. А. Соколовскаго; но для построенія его ученія объ эволюціи общины немаловажное значеніе имѣли наблюденія и соображенія не историка и даже не ученаго, а чиновника вѣдомства государственныхъ имуществъ, вводившаго владѣнныя записи въ Олонецкой губерніи. Данный случай интересенъ, между прочимъ, въ качествѣ свидѣтельства о томъ, какъ легко непосвященному человѣку извратить отношенія чуждаго ему быта даже въ томъ случаѣ, когда онъ его наблюдаетъ непосредственно, и служитъ наглядной демонстраціей невозможности, на основаніи нѣкоторыхъ признаковъ, связанныхъ въ нашемъ представленіи съ понятіемъ частной собственности, утверждать о наличіи послѣдней.

IV.

Противъ ученія объ исконномъ характерѣ общиннаго землевладѣнія въ Россіи Чичеринъ возражалъ ссылкою на факты свободнаго распоряженія землевладѣльцевъ участками земли и на отсутствіе историческихъ доказательствъ существованія передѣловъ. Не находилось указаній на это и въ писцовыхъ книгахъ, и защитникамъ общинной теоріи приходилось или отказаться отъ своего мнѣнія о древности института общиннаго землевладѣнія, или какъ-нибудь примирить фактъ отсутствія передѣловъ съ наличностью общины. Идея такого примиренія дана упомянутымъ выше чиновникомъ, Лалошемъ, пришедшимъ къ ней на основаніи того, что ему приходилось наблюдать на сѣверѣ Россіи.

До прибытія, въ 1872 г., на мѣсто служенія, Лалошъ, какъ и всѣ образованные люди того времени, имѣлъ понятіе объ общинѣ, какъ объ учрежденіи, регулирующемъ землепользованіе своихъ членовъ путемъ періодическихъ передѣловъ,—и ожидалъ встрѣтить такую же организацію въ Олонецкой губерніи. Каково же было его удивленіе, когда, пріѣхавъ въ Петрозаводскъ, отъ межевыхъ чиновъ отряда по выдачѣ государственнымъ крестьянамъ владѣнныхъ записей—два года работавшихъ на мѣстахъ—онъ узналъ, что никакой общины въ Олонецкой губ. не существуетъ, а что крестьяне владѣютъ здѣсь участками наслѣдственно, какъ въ юго-западныхъ губерніяхъ. Собственныя наблюденія Лалоша убѣдили его, однако, въ томъ, что община въ Олонецкой губ. не только существуетъ, но и крѣпко держится, но „что она представляетъ типъ, отличный отъ общеизвѣстнаго великороссійскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ лишь внѣшнее сходство съ подвор-

нымъ владѣніемъ юго-запада Россіи". Разрабатываемые домохозяевами участки дѣйствительно остаются здѣсь въ постоянномъ ихъ пользованіи и передаются отъ отцовъ къ дѣтямъ; но кто испытываетъ недостатокъ земли—можетъ разработать удобный для того участокъ и владѣть имъ невозбранно. „Земли здѣсь слишкомъ много, а обработана она мало и притомъ клочками"; крестьяне практикуютъ подсѣчное хозяйство и имѣютъ мало постоянныхъ трехпольныхъ пашенъ. Здѣсь ведется еще борьба съ природой, процессъ отвоеванія у нея шагъ за шагомъ постоянныхъ угодій, требующій затраты огромнаго труда. Прямой разсчетъ для общины—поощрять такую затрату, и она достигаетъ этого, оставляя каждому свободу занятія, разработки и наслѣдственной передачи облюбованныхъ имъ участковъ. Этой свободой занятія земли осуществляется то самое начало равнаго права каждаго на пользованіе божьей землею, для реализаціи котораго, при иныхъ условіяхъ и при меньшемъ обиліи земли, примѣняются уравнительные передѣлы. Принципъ равнаго пользованія общинною землею превращается здѣсь въ принципъ перваго завладѣнія. Или, говоря иначе, принципъ перваго завладѣнія не отжилъ еще свое время и не успѣлъ преобразиться въ принципъ равнаго пользованія".

Что въ данномъ случаѣ передъ нами дѣйствительно общинное, а не подворно-наслѣдственное владѣніе—доказывается объясненіями самихъ крестьянъ, заявлявшихъ, что еслибы „общество (состоящее здѣсь изъ десятковъ деревень) захотѣло отнять у крестьянина участокъ, то могло бы сдѣлать это свободно, и никто не сталъ бы этому противорѣчить"; а богачи спрашивали чиновниковъ, скоро ли можно будетъ выдѣлиться изъ общины, такъ, чтобы всѣ тѣ общинныя земли, которыми они владѣютъ, перешли въ полную ихъ собственность.

Предположеніе о возможности лишенія общиною крестьянина его наслѣдственнаго владѣнія не является здѣсь только оборотомъ рѣчи: наряду съ общинами, гдѣ порядокъ наслѣдственнаго пользованія расчищенными участками сохраняетъ полную силу, находятся районы, гдѣ это правило примѣняется лишь къ новымъ росчистямъ, а старыя трехпольныя пашни и сѣнокосные участки подвергаются уравнительнымъ передѣламъ. Такое сочетаніе на ограниченной, сравнительно, территоріи общинъ того и другого типа естественно наводитъ на мысль, не имѣемъ ли мы передъ собою ряда послѣдовательныхъ стадій развитія одного и того же учрежденія, не развертывается ли передъ нами картина живой исторіи общины? Лалошъ задается этимъ вопросомъ и

полагаетъ, что отвѣтъ долженъ быть утвердительный. „Чѣмъ больше людей, чѣмъ больше обработано земли, тѣмъ поземельная община ближе къ тому типу, когда вся земля передѣляется, когда сообщинники собственное свое равенство отпечатлѣваютъ на землѣ. Чѣмъ больше земли, чѣмъ меньше она обработана и чѣмъ болѣе раскиданы клочками обработанныя части, тѣмъ меньше у общины побудительныхъ причинъ къ передѣлу, тѣмъ ближе человѣкъ къ тому міросозерцанію, когда земля считается не общинною, а Божьею, и когда для общинниковъ „работать промежь себя", жить ежеминутно правомъ перваго захвата кажется лучшимъ, потому что въ этомъ случаѣ приложить принципъ равенства къ землѣ и немыслимо" [1]).

Безпередѣльная община, описанная Лалошемъ, является какъ бы воспроизведеніемъ средневѣковой нѣмецкой марки, но съ передѣлами впереди, а не позади ея. Историческое обоснованіе этой идеи въ примѣненіи къ прошлому Россіи взялъ на себя П. А. Соколовскій. На основаніи различныхъ матеріаловъ онъ пытался возстановить поземельныя отношенія въ крестьянскомъ быту средневѣковой Россіи (сѣверной) и рисуетъ ихъ какъ форму общины, открытую Лалошемъ въ Олонецкой губерніи.

Покойный Соколовскій не думаетъ, чтобы при колонизаціи нашего сѣвера въ отдаленныя времена можно было селиться цѣлыми родами или крупными семьями. „Поселенцы-славяне должны были при колонизаціи разбросаться среди болотъ и лѣсовъ однодворными, двухъ-и много трехъ-, четырехъ-дворными починками, деревнями, сельцами и погостами". Между этими деревнями естественнымъ образомъ возникали поземельныя связи, подобныя тѣмъ, какія наблюдаются въ Олонецкой губерніи. Каждая группа поземельно связанныхъ деревень названа авторомъ волостной общиной. Такія общины, по мнѣнію автора, въ свое время были распространены во всей Россіи. „Пахатная земля обрабатывалась отдѣльно каждымъ дворомъ, пастбища и угодья находились въ нераздѣльномъ пользованіи". Въ центральной Россіи эти волостныя общины скоро были уничтожены. „По своимъ причинамъ и по первоначальнымъ фазисамъ процессъ разрушенія волостныхъ общинъ въ Россіи совершенно тожественъ съ подобнымъ же процессомъ на Западѣ (описаннымъ у Маурера)... Но въ дальнѣйшихъ стадіяхъ развитія процесса сходство исчезаетъ. Между тѣмъ какъ въ Германіи результатомъ раздробленія марокъ было исчезновеніе общиннаго земле-

[1]) „Отечественныя Записки" 1874 г., № 2.

владѣнія и образованіе на общинной землѣ обособленныхъ подворныхъ участковъ..., у насъ, съ разрушеніемъ волостныхъ союзовъ, общинное землепользованіе не прекратило своего существованія, а получило лишь новую форму. Теперь каждый отдѣльный поселокъ, весьма значительно зависѣвшій въ распоряженіи своей землей отъ той волости, въ составъ которой входилъ, сталъ составлять самостоятельную общину, распоряжающуюся землей по своему усмотрѣнію". Появилась деревенская община.

Общинные распорядки въ волостной и деревенской общинѣ были совершенно различны. „Надѣливъ своего члена, наравнѣ съ другими, участкомъ земли, русская община (волостная) древней Россіи, въ большей части сѣверныхъ селеній, предоставляла ему полную свободу въ распоряженіи доходомъ отъ земли, давая ему право дѣлить на части, передавать наслѣдникамъ, мѣняться своей землей, закладывать, отдавать въ наемъ и даже отчуждать посредствомъ дареній и продажи, съ тѣмъ лишь подразумѣваемымъ условіемъ, чтобы участокъ оставался во владѣніи общины, подобно тому какъ частные землевладѣльцы, предоставляя своимъ поселенцамъ такія же права, удерживали за собой право владѣнія и распоряженія". Такое самостоятельное положеніе крестьянина въ общинѣ и послужило основаніемъ для мнѣнія Чичерина и его приверженцевъ, что въ древней Россіи „община не имѣла никакихъ правъ надъ землею своихъ членовъ и что тогда, слѣдовательно, не было общиннаго землевладѣнія". Но проявленіе общиннаго начала въ формѣ уравнительныхъ передѣловъ во время господства волостной общины было излишне, потому что обиліе земли и свобода расчистокъ открывали каждому возможность пополненія недостатка угодій раздѣлкою незанятыхъ пространствъ. Въ иномъ положеніи находилась деревенская община. „Ограниченная извѣстной территоріей, она, въ случаѣ нарушенія равенства подворныхъ участковъ отъ неравнаго измѣненія въ составѣ семействъ, должна была постоянно прибѣгать къ передѣлу земли, который, при прежней свободѣ выселенія, долженъ былъ составлять лишь исключительное явленіе". „Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, развившееся въ концѣ XVII-го вѣка въ крѣпостное право, способствовало лишь ускоренію процесса развитія общины въ томъ направленіи, по какому она должна бы идти уже вслѣдствіе естественнаго увеличенія населенія и вліянія другихъ факторовъ" [1].

---

[1] „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи", 1877. „Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи", 1878.

Теорія Лалоша-Соколовскаго устранила противорѣчіе между идеей объ исконномъ характерѣ русской поземельной общины и фактомъ господства въ древности во всей Россіи, а въ недавнія еще времена на сѣверѣ, свободы распоряженія крестьянъ участками, состоявшими въ ихъ владѣніи — свободы, окрещенной нѣкоторыми учеными именемъ частной или полной собственности. Объ условности примѣненія этого понятія къ поземельнымъ отношеніямъ крестьянъ съ внѣшними аттрибутами права собственности, свидѣтельствуетъ уже тотъ фактъ, что подобными же аттрибутами отличалось въ прошлыя времена и владѣніе крестьянъ землями, находившимися въ ихъ оброчномъ пользованіи. Никто, однако, не считалъ эти земли частной собственностью крестьянъ, а не государства. Точно также и фактъ свободнаго распоряженія членовъ крестьянскаго міра землею не исключаетъ принадлежности ея обществу, которое, въ случаѣ надобности, можетъ установить иные порядки пользованія.

V.

Вскорѣ, однако, ученіе объ исконномъ характерѣ русской общины, въ примѣненіи по крайней мѣрѣ къ сѣверу Россіи, потерпѣло новыя аваріи. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ выше цитированныхъ сочиненій Соколовскаго, въ „Русской Мысли“ за 1882 г. помѣщены были статьи г-жи А. Ефименко—перепечатанныя затѣмъ въ отдѣльномъ изданіи,—рисующія въ новомъ свѣтѣ поземельныя отношенія крестьянъ въ XVI—XVIII столѣтіяхъ. Основываясь главнымъ образомъ на матеріалахъ, извлеченныхъ ею изъ мѣстныхъ—семейныхъ и церковныхъ—архивовъ, г-жа Ефименко положительно отрицаетъ существованіе въ тѣ времена на сѣверѣ Россіи обширныхъ поземельныхъ союзовъ, названныхъ волостной общиной. „У насъ въ рукахъ сотни фактовъ,—говоритъ она,—которые не только свидѣтельствуютъ о существованіи деревни, какъ обособленной поземельной единицы, но даютъ очень детальное представленіе о ея организаціи, и ни одного акта, который указалъ бы на существованіе болѣе обширной поземельной единицы—волости“. Правда, Соколовскій, приводилъ много случаевъ участія волости въ поземельныхъ отношеніяхъ. Но эти факты „совершенно удовлетворительно можно объяснить административнымъ и тягловымъ значеніемъ волости“, а также тѣмъ, что значеніе общины „охватывало разнообразныя сферы нравственныхъ потребностей обитателей деревень,

связанныхъ въ волость. Поэтому немудрено, что волость, не составляя сама поземельной единицы, могла являться представительницей даже земельныхъ интересовъ своихъ составныхъ частей". „Не отрицая существованія у русскихъ славянъ во времена оны большой поземельной единицы, въ родѣ той, какую г. Соколовскій называетъ волостью, или германской родовой марки — мы думаемъ, что ея никогда не было на сѣверѣ: разрушившійся родъ едва ли могъ перенести ее искусственно". „Да и въ чемъ волость могла составлять организованную земельную единицу?—спрашиваетъ г-жа Ефименко.—Вся воздѣланная земля, пахатная и сѣнокосная, тянула къ деревнямъ". „Лѣса были такою всеполонящею, всезахватывающею Божіей стихіей, что разграничивать ихъ не было ни смысла, ни возможности". „Пастбища и выгоны и теперь организованы такъ, что волость тутъ, вообще говоря, совсѣмъ ни при чемъ. На всемъ сѣверѣ и изъ глубокой старины воздѣланныя земли отдѣлялись огорожей. Все, что было внѣ огорожи (пустая земля), могло служить въ качествѣ выгона и пастбища для всѣхъ, кому то или другое мѣсто сподручно". „Съ тѣмъ матеріаломъ, какой есть, нельзя представить себѣ поземельнаго строя старой сѣверной Россіи иначе, какъ въ такомъ видѣ—продолжаетъ авторъ:—посреди дикой вольной Божьей земли, государевой — de jure, ничьей — de facto, — разсѣяны маленькія самостоятельныя поземельныя клѣточки, состоящія изъ двора или нѣсколькихъ и притянутой трудовымъ захватомъ земли и разныхъ угодій". Поземельная клѣточка-деревня тоже не была общиной „въ строгомъ смыслѣ слова", но тѣмъ менѣе она имѣла и подворно-участковую организацію, „представляя изъ себя своеобразную форму, изъ которой могла развиться позднѣйшая община" [1]).

Первоначальная деревня — говоритъ г-жа Ефименко — была „собственностью одной большой родовой семьи, которая, усѣвшись среди дикихъ земель, „теребитъ" „лоскуты земли и притягиваетъ ихъ къ себѣ. Все, что она успѣваетъ вытеребить изъ-подъ лѣсу или тундры, все, куда ходитъ ея плугъ, коса и соха, есть ея неотъемлемая, полная собственность". Относительно послѣдняго утвержденія въ другой работѣ г-жи Ефименко дѣлается, впрочемъ, слѣдующая оговорка. „Кто бы ни считался верховнымъ собственникомъ земли, Великій ли Новгородъ или князь московскій, или даже кто-нибудь промежуточный въ видѣ монастыря или боярина—всякій можетъ только радоваться, что

---

[1]) „Изслѣдованія народной жизни", стр. 207—211, 240—2.

изъ ничего создается нѣчто, выростаетъ тягло: какой смыслъ предъявлять притязанія сверхъ тѣхъ, какія естественно вытекаютъ изъ существа крестьянина, какъ тягловаго человѣка? И притязаній не предъявляется ни откуда, земледѣлецъ утверждается крѣпко на томъ, что вся земля, отнятая отъ безграничной стихіи лѣса и тундры его трудовымъ захватомъ, есть его неотъемлемая и неприкосновенная собственность" [1]). По поводу этого соображенія замѣтимъ, что въ качествѣ верховнаго собственника земли, наряду съ бояриномъ, можно мыслить и какой-либо широкій поземельный союзъ. Какъ за бояриномъ сохраняется право предъявить къ живущему на его землѣ крестьянину новыя „притязанія", ограничивающія право „неотъемлемой и неприкосновенной собственности", какъ бы „крѣпко ни утвердился" въ нихъ крестьянинъ,—такъ и поземельное общество могло бы предъявить къ нему извѣстныя требованія и измѣнять характеръ его землевладѣнія. Въ другомъ мѣстѣ, впрочемъ, самъ авторъ говоритъ нѣчто подобное. „Черные люди Двинской земли называли свою землю вотчиной великаго князя; но это не мѣшало имъ распоряжаться ею, какъ полной своей собственностью—разумѣется, только воздѣланной землею. Ограниченіе этого права могло исходить лишь отъ кровнаго или не-кровнаго деревенскаго союза" [2]).

Но возвратимся къ описанію деревни г-жи Ефименко.

Большая семья, составляющая первоначальную основу деревни—„печище", по мѣстной терминологіи,—съ теченіемъ времени раздробляется на мелкія; вмѣстѣ съ тѣмъ дробится и ея земельное владѣніе, но дробится не на отдѣльные для каждаго участки, а такимъ образомъ, что участники дѣлежа получаютъ свою долю во всѣхъ смѣнахъ полевой земли и во всѣхъ другихъ клочкахъ земли, составляющихъ данное владѣніе. Но „не смотря на то, что при дѣлежѣ земли участокъ каждаго опредѣлялся реально: полоска тамъ-то,—польцо такое-то,—доля каждаго не теряла своего первоначальнаго характера—права на опредѣленную часть цѣлаго. Дѣлежъ не разбивалъ цѣлаго безповоротно. Каждый соучастникъ дѣлежа могъ найти, что реальный участокъ, доставшійся ему, не соотвѣтствуетъ его праву, его идеальной долѣ, и требовать передѣла, уравниванія". Нѣкоторыя части земли, чаще всего пожни, оставались при раздѣлѣ въ общемъ владѣніи.

При первоначальномъ раздѣлѣ печища — между родными

---

[1]) „Русская Мысль" 1892 г., „Дворищенское землевладѣніе въ южной Руси".
[2]) „Изслѣдованія народной жизни", стр. 223.

братьями — всѣ получали равныя доли; но такъ какъ каждая доля дѣлилась затѣмъ между наслѣдниками ея владѣльца, то первоначальное равенство участковъ скоро нарушилось. За нарушеніемъ равенства земельныхъ участковъ послѣдовало и нарушеніе кровнаго состава деревни. Нарушеніе это происходило частью путемъ утраты членами деревни своей кровной связи, преимущественно же вслѣдствіе внѣдренія въ деревню постороннихъ лицъ, пріобрѣтавшихъ ея участки куплей, дареніемъ и т. п. актами, свободно совершавшимися подъ условіемъ права перекупа и выкупа совладѣльцевъ.

Изъ всего изложеннаго видно, что организаціей старой сѣверной деревни не было „общинное владѣніе, такъ какъ величина участка каждаго деревенскаго совладѣльца опредѣляется наслѣдованіемъ, покупкой и т. п. Но это не было и подворно-участковое владѣніе, такъ какъ каждый совладѣлецъ являлся представителемъ идеальной доли цѣлаго, всего, что къ той деревнѣ изстари потягло. Каждый сосѣдъ въ смыслѣ поземельнаго владѣнія есть только дробь деревенской единицы, и ужъ конечно гораздо дальше отстоитъ отъ современнаго крестьянина-собственника, чѣмъ отъ крестьянина-общинника“. Эта организація, названная авторомъ долевой, „можетъ быть сочтена за материнскую форму, которая заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ существенныя черты обѣихъ развившихся изъ нея формъ поземельнаго владѣнія, какъ общинной, такъ и подворно-участковой. Отъ постороннихъ вліяній зависѣло, какія стороны будутъ подхвачены жизненнымъ процессомъ... Существеннѣйшимъ изъ такихъ вліяній было то, въ какомъ отношеніи останется крестьянинъ къ своей землѣ. Если онъ сохранитъ на нее (на воздѣланную землю) право собственности, болѣе или менѣе отдаленное, то неизбѣжное послѣдствіе — разрушеніе деревенской организаціи и возникновеніе участковаго владѣнія, начало котораго мы и видимъ на сѣверѣ въ XVIII-мъ вѣкѣ. Если право собственности на землю будетъ отдѣлено отъ землевладѣльческаго класса и перейдетъ къ государству или къ другому классу [1]), какъ было въ центрѣ — тѣ стороны, подъ вліяніемъ которыхъ развивалось индивидуальное владѣніе, замрутъ и получатъ воз-

[1]) Въ другой работѣ г-жи Ефименко эта мысль выражена такъ: если „верховный собственникъ земли, государство, непосредственно ли, какъ это имѣло мѣсто на сѣверѣ, или посредствомъ помѣщичьей власти, какъ въ средней Россіи, предъявитъ свои права на землю и, такъ сказать, конфискуетъ въ свою пользу исторически-сложившіяся и фактически признаваемыя имъ до тѣхъ поръ права крестьянства“ („Русск. Мысль“ 1892, № 4, стр. 159).

можность роста и развитія лишь тѣ, которыя будутъ поддерживать коллективныя формы". Долевая деревня при такихъ условіяхъ „сама собой обращалась въ общину современнаго типа", говоритъ далѣе авторъ. „Указываемъ съ настойчивостью на то, что деревня обращалась въ общину именно сама собой: нѣтъ ни малѣйшей надобности предполагать участіе въ этомъ переходѣ какого-либо посторонняго вліянія или вмѣшательства со стороны помѣщиковъ или государства; въ виду равенства повинностей крестьяне непремѣнно должны были сами поровнять землю" [1]).

Этому категорическому заключенію противорѣчитъ, однако, исторія передѣловъ въ Архангельской губерніи, изображенная г-жей Ефименко какъ выполненіе исключительно почти правительственнаго замысла. Какъ и другіе послѣдователи ученія о преобладающемъ вліяніи правительства на установленіе уравнительныхъ передѣловъ, г-жа Ефименко полагаетъ, что къ принятію этой мѣры необходимо вела подушная податная система, на которую, дѣйствительно, и ссылаются правительственныя распоряженія о передѣлахъ. „Если государство есть настоящій собственникъ земли, а не крестьянство — говоритъ она, — если каждая душа должна платить, то естественный выводъ, что государство должно обезпечить за каждой душой возможность платить, путемъ надѣленія ея землей". „Во имя своихъ верховныхъ правъ и практическихъ потребностей государство предъявило сѣверной деревнѣ требованіе о земельномъ уравненіи, и деревенская организація перешла въ общинную", говоритъ авторъ [2]). Но сама же г-жа Ефименко соглашается съ тѣмъ, что „душа" служила правительству лишь для исчисленія суммы подлежащихъ взысканію податей, а не основаніемъ для ихъ раскладки, и приводитъ циркуляры начала и конца XVIII в., подтверждающіе, чтобы „подать была разлагаема не по числу въ семействѣ состоящихъ душъ, а соразмѣрно имѣнію у каждаго земли, промысла и работниковъ". Настоять на выполненіи этой системы раскладки налога представляется, казалось бы, дѣломъ гораздо болѣе простымъ и легкимъ, чѣмъ коренная ломка формы владѣнія землей. Изъ циркуляра архангельской казенной палаты отъ 6-го марта 1830 г. о передѣлѣ земель мы узнаемъ, что „въ большей части казенныхъ имѣній" платежъ податей и производился именно „по числу владѣемыхъ каждымъ крестьяниномъ земляныхъ уго-

---

[1]) „Изслѣдованія народной жизни", стр. 220—226, 376.

[2]) „Русск. Мысль" 1892 г., № 4.

дій", и лишь „въ нѣкоторыхъ—и съ земель, и съ душъ вмѣстѣ". Главное неудобство существующей системы сборовъ циркуляръ усматриваетъ не въ неравномѣрности ихъ распредѣленія, а въ томъ, что „по таковой разнообразности сихъ платежей усчитывать волостныя начальства въ собираемыхъ съ крестьянъ деньгахъ не только затруднительно, но даже почти невозможно, отъ чего возникаютъ излишніе съ крестьянъ поборы". Не думаемъ, чтобы этого неудобства было достаточно для рѣшенія изломать привычную форму владѣнія землей—и если, тѣмъ не менѣе, правительство не останавливалось передъ такой ломкой, то естественнѣе предположить, что, болѣе или менѣе сознательно, оно откликалось на какую-либо другую потребность. Такъ именно и понимаютъ аграрную политику правительства нѣкоторые наши историки. „Начиная съ 60-хъ годовъ XVIII в.—говоритъ В. И. Семевскій,—малоземельные крестьяне сѣверной Россіи добивались передѣловъ земли, а правительственныя мѣры относительно введенія передѣловъ были лишь отвѣтомъ на настоятельныя просьбы крестьянъ, нуждающихся въ болѣе уравнительномъ пользованіи землею" [1]. Изъ недавно опубликованныхъ наказовъ крестьянъ Архангельской губерніи видно, что такія же ходатайства возбуждало и населеніе этой послѣдней. „Жалобы на то, что у однихъ земли мало, а у другихъ—много, обыкновенно оканчиваются (въ наказахъ) заявленіемъ о необходимости „поверстки" или „разверстки", безъ чего неимущимъ „немалое отягощеніе и обида". Проф. Сергѣевичъ считаетъ эту идею порожденіемъ подушной подати. „Люди, у которыхъ земли мало или совсѣмъ нѣтъ—говоритъ онъ,—но которые были положены въ подушный окладъ, очень легко пришли къ мысли о равномъ передѣлѣ земли между всѣми плательщиками" [2]. Того же, въ сущности, мнѣнія держится и г-жа Ефименко, утверждая, что „въ виду равенства повинностей, крестьяне непремѣнно должны были сами поравнять землю". Но „равенство повинностей", не „соразмѣрно имѣнію у каждаго земли, промысла и работниковъ", не было, какъ мы знаемъ, для крестьянъ обязательнымъ, а въ Архангельской губ. и преобладающимъ. Для уравнительнаго настроенія крестьянъ естественно, поэтому, искать и другихъ мотивовъ. Психологическія основанія для этого нѣкоторые находятъ въ естественной эволюціи народной мысли, и съ этой точки зрѣнія легко понять, почему „расшатались" у архангельскихъ крестьянъ и „перепу-

---

[1] „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II", т. II, стр. 165.
[2] „Журналъ Минист. Юстиціи", 1907 г., № 2.

тались" въ концѣ XVIII в. „всѣ правовыя воззрѣнія на земельную собственность". „Чувствуется неувѣренность въ прочности своихъ правъ,—говоритъ г-жа Ефименко;—каждый старается подкрѣпить ихъ, чѣмъ можно, или вообще обезопасить себя на случай всякой неожиданности". Авторъ приписываетъ это настроеніе крестьянъ мѣрамъ правительства, преимущественно его распоряженіямъ объ уравненіи крестьянскаго землевладѣнія, первоначально хотя и не приведеннымъ въ исполненіе, но заронившимъ въ сознаніе массъ новую идею, которая „не могла не пустить въ немъ ростковъ". Но слѣдуетъ принять во вниманіе, что „колебаніе старыхъ устоевъ" обнаружилось еще до изданія перваго распоряженія о передѣлѣ. Его нельзя приписать и вліянію межевыхъ инструкцій (ограничивавшихъ отчужденіе крестьянскихъ земель и проводившихъ идею о принадлежности этой земли государству), потому что первая инструкція (1754 г.) „осталась на сѣверѣ почти безъ всякаго результата", а вторая (1766 г.) „обнаружила дѣйствіе далеко не вдругъ, и не во всей полнотѣ содержанія"; между тѣмъ идея объ уравненіи земель высказывается совершенно опредѣленно въ наказахъ, составленныхъ въ половинѣ 60-хъ годовъ. Не будетъ, поэтому, натяжкой утверждать, что старыя правовыя воззрѣнія крестьянъ на поземельную собственность поколебались не подъ вліяніемъ лишь правительственныхъ мѣропріятій. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и первый указъ о передѣлѣ земли въ Архангельской губ. (отъ 1786 г., не приведенный въ исполненіе), мотивирующій эту мѣру соображеніемъ, что передѣлы нужны „сколько для доставленія способа платить поселянами подати свои бездоимочно, тѣмъ не менѣе для *успокоенія малоземельныхъ крестьянъ*".

Половину XVIII-го столѣтія можно считать временемъ назрѣванія вопроса о новомъ шагѣ въ эволюціи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи, приближеніемъ очередной фазы въ развитіи общины—фазы общественнаго регулированія поземельныхъ отношеній, до тѣхъ поръ находившихся внѣ всякаго контроля общества. При такомъ предположеніи становятся понятными и „неопредѣленное броженіе" въ крестьянской средѣ, и „колебаніе старыхъ устоевъ", „неувѣренность въ прочности своихъ правъ", а въ дальнѣйшемъ — „расшатанность всѣхъ правовыхъ воззрѣній крестьянъ на земельную собственность". Таковы вѣдь признаки всѣхъ критическихъ эпохъ!

VI.

Историческая критика г-жи Ефименко подвергла сомнѣнію ученіе о всеобщемъ распространеніи въ прошлыя времена на сѣверѣ Россіи такихъ поземельныхъ союзовъ, которые смотрѣли бы на данную территорію, какъ на общую принадлежность всѣхъ ея жителей и считали бы себя въ правѣ измѣнять порядки пользованія землей. Настаивать, послѣ того, на существованіи такихъ союзовъ, какъ первичномъ фактѣ, изъ котораго надо исходить въ историческомъ изученіи поземельной общины, и—обращаясь отъ соціальной стороны вопроса къ психологической — утверждать, что основаніемъ для развитія передѣловъ земли служило сознаніе *общаго права* на данную территорію, — не имѣется достаточныхъ основаній. Такое заключеніе не было, однако, рѣшительнымъ ударомъ для общинной теоріи эволюціи крестьянскаго землевладѣнія, потому что существеннѣйшую ея часть составляетъ мысль о естественности процесса обращенія свободнаго распоряженія землей въ пользованіе, регулируемое обществомъ въ интересахъ всѣхъ трудящихся. Первичнымъ психологическимъ мотивомъ такого обращенія служитъ сознаніе не общаго, а *равнаго* права на землю, и къ этому именно сознанію постоянно апеллируютъ и Лалошъ, и Соколовскій. При наличности такого сознанія вопросъ о территоріи общинной единицы съ теоретической точки зрѣнія не имѣетъ особеннаго значенія. Территорія эта во всякомъ случаѣ опредѣлится въ свое время, когда будетъ назрѣвать вопросъ о регулированномъ пользованіи землею и, въ зависимости отъ внѣшнихъ, естественныхъ и общественныхъ условій, образуется или сложная, волостная, или деревенская община.

Эта послѣдняя идея, какъ и идея о безпередѣльной общинѣ, первоначально была развита не ученымъ, а простымъ смертнымъ, талантливымъ публицистомъ, С. А. Приклонскимъ, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1880 г. Первоначальные союзы сѣверныхъ поселенцевъ—говоритъ покойный писатель—не имѣли поземельнаго характера, да и не нуждались въ немъ. Земли было много, а соотвѣтственно естественнымъ воззрѣніямъ человѣка она считалась ничьей или божьей. „Нуженъ былъ крестьянину клочекъ лѣса для подсѣки — онъ выжигалъ его, расчищалъ нивку и, снявши два-три урожая, бросалъ разработанный участокъ, не присвоивая никакихъ правъ на дальнѣйшее владѣніе имъ“. Земли

было много, и работа на ней одного человѣка не мѣшала другому. „Въ подобномъ воззрѣніи — говорится въ работѣ другого автора—нѣтъ мѣста не только личной собственности, но и собственности вообще“. Земледѣльцы въ этомъ положеніи „не чувствовали надобности опредѣлить свои отношенія по землѣ, не сознавали своей близости именно съ этой стороны, не считали себя членами одной поземельной общины, т.-е. послѣдняя въ это время еще не образовалась или юридически не опредѣлилась“ [1]).

Съ такими воззрѣніями на землю—говоритъ Приклонскій— явились въ Олонецкій край и новгородскіе колонисты. „Но вмѣстѣ съ ними сюда же пришли люди, проникнутые хищническимъ стремленіемъ къ вѣковѣчному освоенію пустыхъ лѣсныхъ земель. Это были новгородскіе бояре. Они захватывали пустыя земли, укрѣпляя ихъ за собой приказнымъ порядкомъ. Когда такимъ образомъ среди безконечнаго пространства выдѣлились клочки боярскіе, то крестьяне, работавшіе въ лѣсу, неизбѣжно должны были придти въ соприкосновеніе съ боярами, а вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ явилось сознаніе своей солидарности по землѣ, на которой они работаютъ, и своей обособленности отъ бояръ тоже по землѣ. Явились поземельныя распри между крестьянами и боярами; понадобилось, для прекращенія распрей, провести границу между вольною землей и боярской“. Въ такихъ соглашеніяхъ со стороны крестьянъ участвовали всѣ, кто былъ заинтересованъ въ дѣлѣ; въ одномъ соглашеніи, отъ 1375 г., приводимомъ авторомъ, принимали участіе четыре сельскія группы. Послѣднія, однако, не образовали одной поземельной единицы и врядъ-ли держали на умѣ что-либо подобное. Имъ нужно было только отграничить „божью“ землю, гдѣ каждый свободно прилагаетъ свой трудъ, отъ земли, присвоенной бояриномъ, доступъ къ которой зависитъ отъ чужой воли. Если позволительно проникать въ психологію тогдашнихъ людей, то мы должны сказать, что крестьянами въ ихъ дѣйствіяхъ руководила идея не общей собственности, а обезпеченія себѣ возможности осуществленія равнаго права на землю, какъ поле приложенія человѣческаго труда. Первая идея осложняла вторую лишь постепенно, когда утѣсненіе въ землѣ привело къ столкновеніямъ изъ-за нея въ средѣ самихъ трудящихся. Тогда „произошло поземельное разграниченіе волостей; обширныя древнія волости раздробились на

---

[1]) В. В., „Очерки общиннаго землевладѣнія въ Россіи“ („Отеч. Записки“, 1881 г., т. CCLXI).

болѣе мелкія, строго-поземельныя общины-волости, и каждая волость сдѣлалась особымъ поземельнымъ владѣніемъ“ [1]).

Образованіе общинныхъ территорій происходило на сѣверѣ вѣроятно и другими путями. Можно указать на межеваніе въ XVIII-мъ вѣкѣ, образовавшее дачи, охватывавшія десятки деревень. По мнѣнію проф. Сергѣевича, волостныя общины сѣверной Россіи возникли на земляхъ новгородскихъ бояръ, конфискованныхъ московскими князьями и оставленныхъ въ пользованіи крестьянъ, съ возложеніемъ обязанности платежей на всю волость. Факторомъ, опредѣлившимъ территорію общины, были здѣсь, слѣдовательно, финансовыя обязательства. Мнѣніе на этотъ счетъ знаменитаго нашего ученаго интересно особенно въ томъ отношеніи, что въ немъ находитъ себѣ историческое обоснованіе общинная теорія эволюціи крестьянскаго землевладѣнія въ части, касающейся до-передѣльнаго состоянія общины.

Слѣдующій шагъ въ развитіи общины состоитъ въ замѣнѣ свободнаго пользованія волостной землей пользованіемъ, которое регулируется обществомъ. На сѣверѣ Россіи этотъ этапъ пройденъ былъ подъ руководительствомъ правительства. По мнѣнію гг. Сергѣевича и Ефименко, передѣлы земли были естественнымъ послѣдствіемъ подушной подати. Причину видной роли правительства въ дѣлѣ установленія передѣловъ въ сѣверныхъ областяхъ нужно искать въ томъ, что наслѣдственные крестьянскіе участки заносились въ переписныя книги. Эти книги составлялись съ фискальными цѣлями, но фактъ записи придавалъ юридическую санкцію владѣнію, и хотя бы послѣднее явилось результатомъ правонарушенія, „возстановленіе правъ дѣлалось вещью почти невозможною“ (Ефименко). Измѣненіе порядковъ землепользованія, свойственныхъ общинѣ на раннихъ стадіяхъ ея развитія, въ другіе, соотвѣтствующіе возникшей въ ней уравнительной тенденціи, не могло, поэтому, совершиться безъ участія власти, и естественное назрѣваніе вопроса объ уравненіи земель могло найти себѣ выраженіе лишь въ обращеніи съ соотвѣтствующими ходатайствами къ правительству.

Такъ, однако, или иначе, но отсутствіе историческихъ свидѣтельствъ о самостоятельномъ введеніи передѣловъ лишало фактической основы ученіе, считающее передѣльную общину продуктомъ естественной эволюціи народной мысли и мѣшало ему подняться выше ступени простой гипотезы. Отсутствіе такихъ свидѣтельствъ не доказываетъ, однако, отсутствія соотвѣтствующихъ фактовъ,

---

[1]) С. А. Приклонскій, „Народная жизнь на сѣверѣ“, Москва, 1884 г., стр. 96.

потому что архивные матеріалы касаются явленій, требовавшихъ вмѣшательства властей, и въ нихъ слабо отражаются факты, не имѣющіе такого характера. Матеріалами по интересующему насъ вопросу могли служить или чьи-либо непосредственныя наблюденія, или воспоминанія современниковъ. Изслѣдованія крестьянскаго хозяйства въ послѣднія тридцать лѣтъ принесли намъ и то, и другое. Они собрали много воспоминаній живыхъ людей о первыхъ передѣлахъ четвертныхъ земель и массу фактовъ, относящихся къ различнымъ стадіямъ эволюціи передѣльной общины, возникшей въ недавнее время. На основаніи всего этого матеріала имѣется возможность не только утвердить фактъ самостоятельнаго происхожденія передѣловъ, но и нарисовать, такъ сказать, въ лицахъ мельчайшіе моменты естественнаго развитія передѣльной общины, сфотографировать живую ея исторію.

Передѣлы четвертныхъ земель введены были не безъ участія правительства. Но это участіе выразилось главнымъ образомъ въ томъ, что большая часть четвертныхъ земель лишена была юридической санкціи наслѣдственнаго владѣнія и отнесена къ категоріи общественнаго имущества. Собственно же передѣлы этихъ земель, по свидѣтельству одного изъ изслѣдователей четвертного землевладѣнія (покойнаго Панкѣева), совершались „по собственной иниціативѣ крестьянъ, часто при нѣкоторомъ содѣйствіи этому со стороны правительства, были вызваны чисто экономическими причинами и сопровождались внутренней борьбой хозяйственныхъ интересовъ отдѣльныхъ домохозяевъ, которая, главнымъ образомъ, и рѣшала вопросъ объ измѣненіи формы землевладѣнія“ [1]). Образованіе передѣльной общины среди черносошныхъ крестьянъ на сѣверѣ и однодворцевъ на югѣ Россіи происходило при широкомъ содѣйствіи правительства, потому что осуществленіе естественно возникавшей въ сознаніи народа идеи замѣщенія свободнаго владѣнія землей общественнымъ его регулированіемъ встрѣчало непреодолимыя препятствія въ фактѣ юридическаго закрѣпленія участковъ за временными (съ точки зрѣнія даннаго ученія) ихъ владѣльцами. Образованію передѣльной общины должно было, поэтому, предшествовать уничтоженіе этихъ юридическихъ препятствій. Закрѣпленіе земли за отдѣльными лицами произведено мѣрами правительства, вмѣшавшагося, такимъ образомъ, въ процессъ естественной эволюціи крестьянскаго землевладѣнія. Открѣпленіе ея отъ нихъ могло быть произведено

[1]) „Четвертное Землевладѣніе“ („Русская Мысль“, 1886 г., № 3).

только правительствомъ же и означаетъ устраненіе тѣхъ препятствій, которыя когда-то были положены этому процессу. Въ этомъ смыслѣ и надлежитъ понимать мысль г-жи Ефименко, что переходъ долевой деревни въ общину возможенъ при условіи, „если право собственности на землю будетъ отдѣлено отъ землевладѣльческаго класса". Этимъ опредѣляется значеніе аграрной правительственной политики въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Искусственныя преграды, вслѣдствіе вмѣшательства правительства, естественному развитію народнаго правосознанія въ области поземельныхъ отношеній не могли не отразиться на процессѣ обращенія безпередѣльной общины въ передѣльную, который получилъ какъ бы судорожный характеръ. Извѣстные намъ факты введенія передѣловъ на сѣверѣ Россіи и среди однодворцевъ не даютъ, поэтому, правильнаго понятія о *естественной* эволюціи поземельной общины. Естественное развитіе передѣльной общины можно было бы наблюдать въ случаяхъ отсутствія осложненій вслѣдствіе правительственнаго вмѣшательства, т.-е. когда община развивается на земляхъ, не подлежащихъ юридическому присвоенію отдѣльныхъ лицъ. Такой случай представляетъ исторія общины въ Сибири на земляхъ, находящихся въ фактическомъ пользованіи трудящагося населенія, но считающихся собственностью государства. Огромная масса матеріаловъ о положеніи крестьянскаго землевладѣнія собрана сплошнымъ изслѣдованіемъ Сибири въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, а детальную разработку интересующаго насъ вопроса мы находимъ въ новомъ трудѣ А. А. Кауфмана: „Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста". Въ книгѣ этой вопросъ разсматривается детально и всесторонне. Мы не имѣемъ возможности познакомить читателя со всѣмъ богатствомъ ея содержанія и ограничимся самымъ необходимымъ для нашей спеціальной задачи.

VII.

Изъ того, что было выяснено писателями, принимавшими участіе въ разработкѣ вопроса о происхожденіи русской общины, видно, что вопросъ этотъ распадается на двѣ части: образованіе территоріи общины и введеніе регулированія землепользованія ея членовъ. Важнѣйшимъ вопросомъ слѣдуетъ считать второй, потому что онъ касается самой сущности общиннаго землевладѣнія. Сибирскія изслѣдованія доставляютъ наиболѣе матеріаловъ для разъясненія этого именно вопроса; но ими же собраны

нѣкоторыя данныя и относительно образованія территоріи отдѣльныхъ общинъ.

„Во многихъ мѣстностяхъ Сибири,—говоритъ А. А. Кауфманъ,—въ періодъ мѣстныхъ изслѣдованій еще можно было воочію видѣть случаи образованія новыхъ крестьянскихъ поселеній. Среди массы свободныхъ, принадлежащихъ государству, но фактически безхозяйныхъ земель, каждый желающій выбиралъ себѣ приглянувшееся ему мѣсто, селился и строился, пахалъ и косилъ, никого не спрашиваясь и не нарушая ничьихъ правъ". Постепенно маленькая въ началѣ деревня превращается въ болѣе или менѣе значительное поселеніе, члены котораго свободно занимаютъ, въ мѣру потребности, окружающія земли. Первоначально такія заселенія ограничиваются ближайшими районами, но по мѣрѣ разрастанія поселенія земледѣльцы ищутъ удобныхъ для раздѣлки пространствъ далѣе и далѣе, встрѣчаются съ такими же искателями, принадлежащими къ другимъ группамъ населенія, и занимаютъ участки черезполосно съ ними, не возбуждая вопроса—чья это земля, потому что ея съ избыткомъ хватаетъ для всѣхъ нуждающихся. Первичнымъ фактомъ поземельныхъ отношеній въ Сибири было поэтому не владѣніе, а пользованіе землей. „Большой вопросъ—говоритъ А. А. Кауфманъ—можетъ ли быть рѣчь, при такомъ положеніи дѣлъ, объ общинѣ, какъ единицѣ владѣнія и пользованія"; такую форму, „можетъ-быть, правильнѣе всего было бы назвать отсутствіемъ землевладѣнія". Это заключеніе г. Кауфмана о первоначальныхъ формахъ народнаго землевладѣнія согласуется съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ его предшественниковъ (напр. Приклонскаго) и съ заключеніями новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей.

На описанной ступени земледѣльческаго быта сибирскихъ крестьянъ отсутствуетъ и опредѣленная форма землевладѣнія, и какое-либо регулированіе пользованія землей. Потребность въ томъ и другомъ возникаетъ по мѣрѣ сокращенія земельнаго простора и возрастанія стѣсненій при выборѣ пригодныхъ для раздѣла участковъ, и оба эти процесса развиваются болѣе или менѣе параллельно. Процессъ естественнаго установленія опредѣленныхъ общинныхъ территорій, или, какъ выражается г. Кауфманъ, „замкнутой вовнѣ и объединенной внутри общественной единицы владѣнія и пользованія землей", былъ нарушенъ правительственнымъ межеваніемъ, создавшимъ рядъ болѣе или менѣе общественныхъ межевыхъ дачъ. Но добрая половина Сибири еще неразмежевана, и сложеніе общинныхъ территорій происходитъ здѣсь болѣе или менѣе естественно.

Въ процессѣ этого сложенія замѣчено два направленія. Въ одномъ изъ направленій крестьяне приходятъ къ образованію полныхъ и цѣльныхъ волостныхъ общинъ, въ коихъ всѣ угодья состоятъ въ пользованіи или передѣляются между всѣми членами этого союза. Болѣе интересной представляется разновидность общины, именуемая авторомъ „путаницей владѣній“ (г. Качоровскій назвалъ ее „путаницей границъ“). Въ этой формѣ пользованіе различными угодьями объединяется различными поземельными союзами; вмѣсто одной общины, обнимающей всю территорію землепользованія, наблюдаются общины выгонныя, сѣнокосныя, пахатныя, и одно и то же селеніе, въ отношеніи пользованія названными угодьями, входитъ въ составъ различныхъ общинъ. Эта форма интересна въ томъ отношеніи, что рисуетъ естественный процессъ образованія поземельныхъ союзовъ и наглядно демонстрируетъ производный ихъ характеръ, зависимость формы владѣнія отъ условій и формы пользованія землей. „Былъ просторъ, рубили лѣсъ, кто хотѣлъ изъ окрестныхъ селеній—значитъ, лѣсъ считался общимъ ихъ достояніемъ; облюбовали удобное мѣсто, стали выгонять туда скотъ изъ всѣхъ деревень, благо мѣсто ничье, общее; нашли у рѣчки гладкое, травянистое мѣсто, травы вволю, а въ окрестности болѣе удобныхъ покосныхъ мѣстъ нѣтъ, и стали ѣздить туда на косьбу изъ всѣхъ сосѣднихъ селеній; такъ и сталъ покосъ общимъ для всѣхъ“. Удобство пользованія выгономъ вовлекаетъ данное селеніе въ составъ одного союза, удобство пользованія покосомъ можетъ соединить его съ другой группой сосѣднихъ селеній, а для пользованія пашней ему, быть-можетъ, удобно соединиться съ третьей. Такимъ образомъ возникаетъ рядъ частныхъ взаимно перекрещивающихся общинъ, которыя всѣ могутъ быть кромѣ того объединены общимъ пользованіемъ, напр., лѣсными угодьями. Направленіе дальнѣйшей эволюціи цѣльной и путанной волостной общины заключается въ ея разложеніи на простыя, односеленныя. Это не только не означаетъ отмиранія общиннаго начала, но, напротивъ того, параллельно этому процессу идетъ другой—переходъ отъ захватныхъ способовъ пользованія къ душевому. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію этого послѣдняго явленія.

Изслѣдованіе сибирской общины показало существованіе мельчайшихъ переходныхъ формъ отъ совершенно свободнаго пользованія землею къ уравнительному передѣлу ея между членами общины. Въ этомъ случаѣ природа какъ бы демонстрируетъ на выставкѣ длинный самъ по себѣ процессъ развитія даннаго учрежденія. Процессъ этотъ начинается совершенно вольнымъ и

временнымъ пользованіемъ тѣми угодьями, для эксплуатаціи коихъ не требуется предварительной затраты труда, и захватомъ въ постоянное владѣніе участковъ, подлежащихъ предварительной разработкѣ, съ правомъ заимщика передавать ихъ на тѣхъ или иныхъ условіяхъ въ другія руки. Можно ли описываемую форму отношенія человѣка къ землѣ считать общинной или нѣтъ—отвѣтить на это затруднительно, а можетъ быть и безполезно. Вѣрно только одно: „община, какъ союзъ, регулирующій землепользованіе своихъ членовъ, въ эпоху чистаго захвата ни въ чемъ не проявляется". Но приходитъ моментъ, когда это безразличное отношеніе цѣлаго къ составляющимъ его единицамъ исчезаетъ, и онѣ начинаютъ различать въ немъ общинный ликъ. Моментъ этотъ наступаетъ послѣ того, какъ „вся наиболѣе удобная для пахоты земля захвачена и расчищена, захвачены и всѣ мѣста, удобныя для сѣнокошенія, между тѣмъ какъ путемъ семейныхъ раздѣловъ возникаютъ новые дворы и не находятъ удобной земли для разработки". Тутъ-то и оказывается, что предшествующее безразличіе цѣлаго заключало общину въ потенціальномъ состояніи. Когда это оказалось необходимымъ, она потребовала, чтобы многоземельные ея члены подѣлились своими преимуществами съ малоземельными. Эти требованія предъявляются, однако, съ большой постепенностью и не сразу по отношенію ко всѣмъ угодьямъ. Раньше всего въ сибирскихъ общинахъ начинаетъ чувствоваться недостатокъ сѣнокосовъ; это угодье, къ тому же, поглощаетъ при расчисткѣ меньше труда, нежели пахатная земля; съ него-то и начинается уравнительная дѣятельность общины. Количество труда, затраченнаго на обращеніе земли въ годное для культуры состояніе и изобиліе или недостатокъ даннаго рода угодій—таковы факторы, опредѣляющіе послѣдовательность перехода отъ захватныхъ формъ къ душевому пользованію. Ограничимся изложеніемъ послѣдовательности въ регулированіи пользованія пахатной землей.

Регулированіе это начинается съ ограниченія какимъ-либо срокомъ права захватчика держать въ своихъ рукахъ неразработаннымъ облюбованный имъ когда-то и нераспаханнымъ брошенный въ залежъ участокъ. По прошествіи назначеннаго срока, неиспользованный участокъ предоставляется занимать всякому желающему. Сроки эти постепенно сокращаются, затѣмъ сводятся къ нулю; „пашня становится свободной для захвата, лишь только хозяинъ оставилъ ее безъ обработки", и продолжительность владѣнія сводится, такимъ образомъ, ко времени пользованія землей. Это измѣненіе поземельныхъ отношеній, заключающееся

въ упраздненіи права захвата, какъ таковаго—права, „которое еще римскимъ юристамъ было извѣстно, какъ одно изъ первыхъ основаній права собственности“,—и установленіе владѣнія землею на моментѣ непосредственнаго приложенія къ ней труда, было настоящей революціей въ землевладѣніи и, какъ выяснено изслѣдованіемъ, „связано съ глубокими измѣненіями въ народномъ правосознаніи“. Описываемый моментъ эволюціи народнаго землевладѣнія, по словамъ г. Филимонова, есть вмѣстѣ съ тѣмъ „та первоначальная школа, въ которой впервые вырабатываются принципы мірского землепользованія, вырабатывается мірская совѣсть, пріобрѣтается вліяніе міра надъ своими членами и укрѣпляется связь послѣднихъ съ первымъ“.

Слѣдующій шагъ общины по пути регулированія землепользованія состоитъ въ запрещеніи захватовъ и въ отведеніи нуждающимся свободной земли по собственному ея усмотрѣнію. Развивающійся вслѣдствіе размноженія населенія недостатокъ земли вынуждаетъ затѣмъ общину наложить свою руку и на земли, находящіяся въ эксплуатаціи, и нарушить, такимъ образомъ, начало владѣнія землей въ мѣру затраты труда. Первоначально отрѣзка земли у одного домохозяина въ пользу другого примѣняется для удовлетворенія требованій отдѣльныхъ малоземельныхъ членовъ общины и производится на глазъ. Постепенно случаи отрѣзокъ учащаются и захватываютъ менѣе выдающихся домохозяевъ. Дѣйствіе послѣдовательныхъ отрѣзокъ г. Кауфманъ уподобляетъ „работѣ струга, который сначала срѣзываетъ только наиболѣе значительныя неровности, затѣмъ начинаетъ захватывать и болѣе мелкія и постепенно превращаетъ неровную поверхность въ совершенно гладкую. Параллельно съ учащеніемъ отрѣзокъ онѣ пріобрѣтаютъ болѣе и болѣе точный характеръ; прибылыя души начинаютъ надѣляться опредѣленнымъ числомъ десятинъ, малоземельнымъ добавляютъ недостающее до той же нормы, а отрѣзки, хотя и производимыя по прежнему глазомѣромъ, постепенно подгоняютъ къ той же нормѣ и землепользованіе многоземельныхъ. Такимъ образомъ постепенно, безъ рѣзкаго скачка, устраняется всякій явный, бросающійся въ глаза избытокъ или недостатокъ въ землѣ. Производство правильнаго передѣла является тогда лишь вопросомъ времени, такъ какъ передѣлъ является уже только способомъ болѣе полнаго достиженія той цѣли, которая въ значительной мѣрѣ достигнута дѣйствіемъ системы постепенныхъ отрѣзокъ“. Но и при передѣлахъ первоначально сохраняются еще до нѣкоторой степени привилегіи старыхъ держателей земли, которымъ предоставляется оставить

себѣ причитающуюся имъ долю въ любыхъ частяхъ своего участка; малоземельнымъ приходится, вслѣдствіе этого, довольствоваться разбросанными въ разныхъ мѣстахъ кусками отрѣзковъ отъ крупныхъ домохозяевъ.

Нарисованная выше картина введенія передѣловъ показываетъ, съ какою постепенностью, ощупью, идетъ община по пути регулированія землепользованія своихъ членовъ. Это есть подлинно процессъ естественнаго саморазвитія и самообразованія общины, и въ немъ „проявляется съ особенной яркостью, что передѣлы не приносятся сверху законодательно-административной властью“ (Качоровскій).

VIII.

Въ нашемъ изложеніи съ достаточной, кажется, ясностью представлены два направленія въ вопросѣ о происхожденіи русской общины и значеніе данныхъ современной эволюціи общины въ Сибири для оріентированія въ этомъ вопросѣ. Данныя о безпередѣльной общинѣ въ Россіи вполнѣ согласуются съ историческими матеріалами относительно того времени, когда крестьяне свободно располагали состоявшими въ ихъ пользованіи участками, принадлежавшими имъ юридически или имѣвшими верховнаго собственника въ лицѣ государства, общины или даже крупнаго вотчинника. „Что это земля (состоявшая въ свободномъ распоряженіи крестьянина) княжеская, никому нѣтъ никакого дѣла— говоритъ г. Сергѣевичъ;—и князь, и его правительство и пальцемъ не шевелятъ. Объясняется это тѣмъ, что правительство князя заботилось лишь о томъ, чтобы эти земли приносили столько, сколько должны приносить, а кто на нихъ сидитъ — тотъ ли Иванъ, который сидѣлъ въ прошломъ году, или новый, который ихъ купилъ — ему все равно“. Свобода распоряженія землей не доказываетъ, поэтому, наличности полной собственности на землю и согласуется съ фактомъ принадлежности земли общинѣ. И проф. Сергѣевичъ, какъ мы знаемъ, утверждаетъ, что въ средніе вѣка на сѣверѣ Россіи „владѣніе было общинное, а землепользованіе частное“. Это какъ разъ то состояніе, какое наблюдается наканунѣ введенія передѣловъ въ сибирской общинѣ новаго времени.

Но дальнѣйшая эволюція крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ Европейской Россіи и въ Сибири приняла различное направленіе, въ зависимости отъ различія юридическаго положенія

крестьянскихъ участковъ. Первоначальную форму крестьянскаго землевладѣнія, характеризуемую свободою распоряженія участками, г-жа Ефименко, какъ намъ извѣстно, считаетъ зачаточной, способной при извѣстныхъ условіяхъ перейти и въ настоящее частное, и въ подворное владѣніе. Такое же мнѣніе высказываютъ и изслѣдователи сибирской общины. „Чистый захватъ въ комбинаціи съ вольнымъ пользованіемъ“—говоритъ г. Кауфманъ—„это—та первоначальная форма владѣнія, тотъ зародышъ, который возникаетъ при чрезвычайно рѣдкомъ населеніи. Какъ въ зародышѣ, въ захватѣ есть признаки, свойственные и общинному, и подворному владѣнію; какъ изъ зародыша, изъ него съ теченіемъ времени можетъ развиться и чисто подворное, и чисто общинное владѣніе. Процессъ перваго рода произошелъ, повидимому, въ Малороссіи; въ томъ же направленіи совершалась эволюція и германской марки; въ Сибири, на великороссійскомъ югѣ и въ казачьихъ областяхъ, въ сѣверномъ полѣсьѣ захватныя формы пользованія переходятъ въ чисто общинныя“. Послѣдній процессъ г. Кауфманъ считаетъ естественнымъ послѣдствіемъ присущаго „крестьянину-пахарю воззрѣнія на землю, какъ на ничью, божію, государеву, какъ на фондъ, изъ котораго каждый имѣетъ равное съ другими право черпать себѣ средства существованія... Перейти въ подворно-наслѣдственное владѣніе захватная форма могла бы не иначе, какъ при наличности какой-либо искусственной внѣшней поддержки личнаго начала“. Такую поддержку г. Качоровскій видитъ въ образѣ дѣйствій государства. „Тамъ, гдѣ оно отказывается отъ своего права собственности въ пользу личнаго, надѣляя отдѣльныхъ лицъ участками въ полную собственность, или объявляя такою собственностью семейно-захватные участки,—общинное владѣніе тѣмъ самымъ уничтожается или оттѣсняется и устанавливается обыкновенная личная собственность... Когда же государство не отказывается отъ своего права въ пользу личной собственности, а или передаетъ его въ той или иной степени общинамъ, или даже только сохраняетъ пассивное положеніе—тогда общинное начало постепенно усиливается, реализуется и въ большей или меньшей степени вытѣсняетъ личное“.

Въ Сибири правительственная власть „не отказалась отъ своего права въ пользу личной собственности“—и общинное начало вытѣснило личное непосредственно; въ Европейской Россіи власть закрѣпила наслѣдственные участки за ихъ владѣльцами юридически, и водворенію передѣльной общины должно было предшествовать раскрѣпощеніе земли тою же властью. Въ Мало-

россіи раскрѣпощеніе не имѣло мѣста—и восторжествовала, поэтому, личная собственность на землю.

Такъ согласуются между собой и дополняютъ другъ друга данныя историческаго и мѣстнаго изслѣдованія Россіи, а общимъ ихъ результатомъ является стройная историко-соціологическая теорія эволюціи народнаго землевладѣнія. Послѣднее звено этой теоріи положено изслѣдованіями сибирскаго землевладѣнія, виднымъ участникомъ котораго и главнѣйшимъ обоснователемъ развивавшихся здѣсь мыслей является А. А. Кауфманъ.

В. В.

АНКЕТА О ЗЕМСТВѢ НА ДОНУ

Всѣ правительственныя коммиссіи, въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ назначавшіяся для разсмотрѣнія вопроса о земскомъ самоуправленіи на Дону, приходили къ одному и тому же выводу—о необходимости немедленнаго введенія въ Донской области земства. Такъ было съ коммиссіею 106-ти (1881 г.), съ коммиссіями генералъ-лейтенанта Кутейникова (1882), генералъ-лейтенанта Грекова (1899); къ тому же заключенію склонялась неожиданно закрытая коммиссія тайнаго совѣтника Лемана (1903). На скорѣйшемъ введеніи земства настаивали представители областного правленія (въ соединенномъ засѣданіи съ областнымъ земскимъ комитетомъ — 1895 — и въ рядѣ позднѣйшихъ коммиссій), коммиссія генералъ-лейтенанта Маслаковца (1899), войсковые наказные атаманы Максимовичъ, князь Одоевскій-Масловъ, Самсоновъ, помощникъ войскового наказнаго атамана генералъ-лейтенантъ Грековъ, областной и всѣ окружные сельскохозяйственные комитеты, избирательныя собранія, созывавшіяся для избранія мировыхъ судей (1904), цѣлый рядъ станицъ, десятки разъ—областное дворянство; наконецъ, за „немедленное введеніе въ казачьихъ областяхъ широкаго мѣстнаго самоуправленія на выборныхъ началахъ“ единогласно высказались Государственный Совѣтъ и третья Государственная Дума (1908). Съ своей стороны военное вѣдомство, въ лицѣ военнаго министра и начальника главнаго управленія казачьихъ войскъ, объявило, что оно сочувствуетъ введенію въ Донской области земства, но, во избѣжаніе недоразумѣній, находитъ необходимымъ, до осуществленія реформы, выяснить отношеніе казачьяго населенія къ земству. И вотъ, къ концу 1908 г. „анкета о земствѣ“ стала, наконецъ, совершившимся фактомъ. Подавляющимъ большинствомъ станицъ казачество высказалось *за земство*. И что же? Оказалось, что результаты анкеты совершенно неожиданны для министерства, настолько

неожиданны, что представители его до сихъ поръ не могутъ оправиться отъ смущенія и все еще думаютъ о наивозможномъ отдаленіи реформы.

Насъ интересуютъ въ особенности тѣ вскрытыя анкетой измѣненія въ психологіи казачества, которыя произошли со времени упраздненія перваго донского земства (1882). По этимъ измѣненіямъ можно до извѣстной степени судить о томъ, какъ далеко за послѣднія тридцать лѣтъ успѣло уйти донское казачество въ культурномъ отношеніи и какіе, въ связи съ этимъ, могутъ быть у него „виды на будущее".

Трудно, казалось бы, представить себѣ болѣе неблагопріятныя условія, чѣмъ тѣ, въ какихъ находилось донское казачье населеніе къ моменту опроса.

Первое изъ нихъ, лежавшее въ самомъ казачествѣ—полное невѣдѣніе или совершенно извращенное представленіе о земствѣ, о его сущности и задачахъ.

Если даже въ земскихъ губерніяхъ, гдѣ, помимо теоретическихъ разъясненій, крестьянину приходилось въ теченіе 45-ти лѣтъ въ практической жизни чуть не на каждомъ шагу тѣсно соприкасаться съ земскими учрежденіями, пользоваться земскими школами, больницами, дорогами, мостами, производить уплату земскихъ сборовъ и проч., если даже въ земскихъ губерніяхъ далеко не все населеніе ясно сознаетъ значеніе земства, — то что сказать о казакахъ? Откуда они могли получить надлежащія свѣдѣнія? Они, наоборотъ, только систематически сбивались съ толку въ этомъ отношеніи. Еще въ 1870-хъ годахъ, когда общественная казачья земля была обложена земскими сборами, казаки, не понявъ сущности самообложенія, сочли такіе сборы нарушеніемъ „вѣковой привилегіи", по которой земля ихъ „на вѣчныя времена" освобождалась отъ всякихъ налоговъ, стали смотрѣть на введеніе земскихъ учрежденій, какъ на попытку превратить „вольнаго" казака въ тяглаго „мужика"—и въ результатѣ получился „бунтъ" нѣкоторыхъ станицъ противъ земства, съ отказомъ отъ уплаты земскаго обложенія и отъ выборовъ гласныхъ въ земскія собранія. Позднѣе существованіе на Дону такъ называемыхъ „распорядительныхъ по земскимъ дѣламъ комитетовъ" (областного и окружныхъ), коротко называемыхъ просто „земскими" комитетами, привело къ тому, что со словомъ „земскій" у казака еще прочнѣе ассоціировалось представленіе о бюрократическихъ, приказно-чиновничьихъ учрежденіяхъ, отъ которыхъ мудрено ожидать чего-нибудь добраго. Тридцатилѣтняя дѣятельность комитетовъ привела край къ культурному и экономическому застою и оскудѣнію. Насколько „комитеты", такъ сказать, подорвали

въ мнѣніи казачества престижъ земства и какая путаница получилась въ его представленіяхъ—видно хотя бы изъ того, что въ 1908 г., напримѣръ, многія станицы, мотивируя свое отрицательное отношеніе къ реформѣ, ссылались на дѣятельность именно нынѣшнихъ „земскихъ комитетовъ". „Наглядѣлись мы на ваше земство! — заявляли казаки. — Ни порядку, ни дѣла никакого, ни помочи. Занимаются чѣмъ, невѣдомо; деньги стребовать за земскія повинности стребуютъ, а куда и зачѣмъ, неизвѣстно. А тутъ еще какія-то новыя „земскія учрежденія" затѣваютъ. Нѣтъ ужъ, будетъ съ насъ и одного такого земства!" Словомъ, въ предлагаемомъ земствѣ казакъ видѣлъ только перемѣну названія: вмѣсто „земскихъ комитетовъ" проектировалось учредить „земскія управы и собранія", и въ такомъ проектѣ, на основаніи опыта, казакъ не могъ не заподозрить какой-то новой затѣваемой противъ него „каверзы". Да и не зря же отцы и дѣды „бунтовали" когда-то противъ земства; было же, значитъ, въ немъ что-то неладное, несправедливое? И самый фактъ опроса нѣкоторыя станицы склонны были, по-старому, объяснять тѣмъ, что администрація, сознавая незаконность введенія земскаго положенія, путемъ опроса хочетъ попросту придать этой мѣрѣ видимость законности, на тотъ случай, чтобы впослѣдствіи, когда казаки, замѣтивъ свою оплошность, вздумали бы протестовать, имъ можно было отвѣтить: „а объ чемъ же вы раньше думали? вы же сами земства пожелали, и даже бумагу объ томъ составили и подписомъ скрѣпили!" [1])

Положеніе осложнялось еще тѣми затрудненіями, съ какими было связано разъясненіе населенію интересовавшихъ его вопросовъ. Затруднительность популяризаціи заключалась уже въ самомъ предметѣ ея — въ сложности земскаго вопроса въ примѣненіи къ особымъ бытовымъ, военнымъ и административнымъ условіямъ Донского края; затѣмъ—въ краткости времени, остававшагося до опроса, а главное—въ препятствіяхъ цензурнаго и административнаго свойства. Что устныя собесѣдованія интеллигенціи съ населеніемъ были запрещены, это разумѣется само собою; но и положеніе печати было не изъ завидныхъ—нельзя было, напримѣръ, съ желательною полнотою освѣтить дѣятельность „распорядительныхъ по земскимъ дѣламъ комитетовъ", хотя негодность и „несоотвѣтствіе" ихъ своему назначенію много разъ были подтверждены оффиціально. Не было возможности привести выдержки даже изъ „дозволенныхъ цензурою" популярныхъ брошюръ о земствѣ И. П. Бѣлоконскаго, В. Голубева и другихъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ, къ тому же, газеты жестоко пре-

[1]) Н. Эвинъ, „Казаки и земство", „Изъ земскихъ впечатлѣній" и проч. („Донская Жизнь", 1908).

слѣдовались окружною и станичною администраціею, и кое-гдѣ приходилось отказываться отъ ихъ выписки подъ вліяніемъ угрозъ „холодною“, „тюрьмою“, „высылкой“. На вопросъ, получаются ли въ ихъ станицѣ какія-нибудь мѣстныя газеты, казакъ (2-го донск. окр.) отвѣтилъ: „все время, со дня выхода въ свѣтъ, я выписывалъ „Донскую Жизнь“, но въ нынѣшнемъ году не сталъ, потому что станичный атаманъ обѣщалъ за нее въ тюрьму посадить“.

Не довѣряя обществу и печати, администрація какъ дѣло разъясненія земскаго вопроса, такъ и организацію опроса рѣшила взять всецѣло въ свои руки.

Выработанная областнымъ правленіемъ техника опроса не отличалась сложностью. Изданъ былъ приказъ о томъ, чтобы окружные атаманы и начальники вызвали въ окружныя управленія по два представителя отъ каждой станицы,—„людей грамотныхъ, пользующихся довѣріемъ своихъ согражданъ и вліятельныхъ въ своихъ обществахъ“—и устроили съ ними собесѣдованіе о земствѣ, при чемъ станичные представители должны были ознакомиться „съ ролью и значеніемъ земскихъ учрежденій для Донской области и получить разъясненія по всѣмъ могущимъ возникнуть у нихъ сомнѣніямъ и недоразумѣніямъ“. По возвращеніи домой, представители, съ своей стороны, „обязаны были поговорить съ своими одностаничниками и однохуторянами и, на основаніи полученныхъ свѣдѣній, разъяснить имъ значеніе земскихъ учрежденій“. Кромѣ того, областнымъ правленіемъ была составлена и отпечатана въ количествѣ 10-ти тысячъ экземпляровъ „записка“: „О земствѣ на Дону“. Записка была разослана окружнымъ атаманамъ и начальникамъ съ предложеніемъ раздать ее „грамотнымъ, толковымъ и домовитымъ выборнымъ домохозяевамъ“, чтобы послѣдніе могли надлежащимъ образомъ „разобраться въ земскомъ вопросѣ, составить о немъ правильное сужденіе“, а затѣмъ—„подѣлиться сужденіемъ не только среди выборныхъ, но и съ другими уважаемыми гражданами станицы“. Послѣ такой подготовки окружные атаманы должны были созвать станичные сборы, „съ возможнымъ участіемъ въ нихъ самихъ окружныхъ атамановъ и начальниковъ“, и на этихъ сборахъ уже въ окончательной формѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ—быть или не быть земству.

Мѣстное общество не сомнѣвалось въ благихъ намѣреніяхъ войскового, наказанаго атамана, ген.-лейтен. А. В. Самсонова, въ его искренности и активномъ сочувствіи проведенію земской реформы; но оно не могло раздѣлять вѣры ген. Самсонова во всемогущество циркуляровъ и имѣло поводъ опасаться противодѣйствія на мѣстахъ со стороны окружной и станичной администраціи. Достаточное къ тому

основаніе давала уже бывшая еще у всѣхъ въ памяти попытка такого же „опроса“ въ 1905-мъ году.

Тогда проектировалось произвести „опросъ“ путемъ разсылки станицамъ особыхъ опросныхъ листовъ, съ рядомъ вопросовъ въ графахъ, которыя обязаны были заполнить отвѣтами станичные атаманы. Когда, узнавъ о затѣваемой анкетѣ, нѣкоторые изъ станичныхъ атамановъ обратились къ окружному начальству съ просьбою о разрѣшеніи созвать станичные сборы для совѣщанія по земскому вопросу, начальство съ самаго же начала указало просителямъ всю неумѣстность такихъ совѣщаній.

— Что вы все мудрите! — рѣзко выговорилъ окружной атаманъ 2-го донского округа. — Пришлютъ вамъ листы изъ областного правленія, заполните ихъ требуемыми свѣдѣніями—и баста! Какія тутъ еще „совѣщанія“?

На возраженіе, что прежде чѣмъ излагать въ „листахъ“ мнѣніе станичниковъ, слѣдовало бы ихъ предварительно объ этомъ мнѣніи спросить, слѣдовалъ окрикъ:

— Хорошій станичный атаманъ и безъ всякихъ спросовъ долженъ вдоль и поперекъ знать своихъ станичниковъ!

А на прощанье слѣдовало напутствіе:

— Вы, вонъ, лучше приготовьтесь-ка къ ревизіи! [1])

Окружной атаманъ хоперскаго округа дѣйствовалъ рѣшительнѣе:

— Заикнись только мнѣ на сборахъ о земствѣ,—въ 24 часа вышлю изъ округа! [2]).

Къ такимъ угрозамъ, впрочемъ, приходилось прибѣгать лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ при настоящемъ положеніи мѣстнаго самоуправленія хуторскіе и станичные атаманы являются вполнѣ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ окружныхъ атамановъ. Гораздо чаще, напротивъ, приходилось умѣрять излишнее усердіе станичныхъ атамановъ другого свойства, когда послѣдніе, получивъ опросные листы, попросту являлись къ „окружному“ и безъ дальнихъ околичностей спрашивали:—Какъ же прикажете прописать въ означенныхъ листахъ: желаютъ граждане земства или не желаютъ?

Получился бы, несомнѣнно, любопытный „опросъ“. Но когда были сдѣланы уже всѣ приготовленія къ нему, подоспѣла русско-японская война, потомъ началась борьба съ освободительнымъ движеніемъ, и опросъ, такимъ образомъ, оказался отложеннымъ до конца 1908-го года.

Можно представить себѣ положеніе окружныхъ атамановъ, волею начальства оказавшихся вдругъ въ роли „сторонниковъ“ земства,

---

[1]) „Донск. Жизнь“, 1908 г., № 174.

[2]) „Русск. Богатство“, 1906 г., XII. С. Я. А—нъ, „Донскіе казаки“.

въ роли истолкователей его великаго значенія и его великой пользы! Вчера грозившіе „ревизіею“ и „высылкою въ 24 часа“ за „разговоры о земствѣ“, сегодня они уже сами должны вести такіе „разговоры“ и высказывать ему сочувствіе!

И вотъ что изъ этого получилось.

Въ то самое время, когда, согласно приказу войскового наказнаго атамана ген.-лейт. Самсонова, по станицамъ въ полномъ разгарѣ должны были происходить „частныя бесѣды и совѣщанія“, на которыхъ „грамотные, толковые и дѣловитые выборные домохозяева“ должны были „дѣлиться сужденіемъ съ другими уважаемыми гражданами станицы“—въ это самое время отъ корреспондентовъ получаются такія вѣсти: „Разговаривать о земствѣ совершенно нѣтъ никакой возможности: того и гляди посадятъ въ тюрьму, ибо всякаго стоящаго за земство здѣсь считаютъ „пропагандистомъ“, а начальство за поимку каждаго такого пропагандиста обѣщаетъ медаль и производство въ урядники. А станичный атаманъ прямо объявилъ: „не смѣть разсуждать объ земствѣ! на то вамъ будутъ станичные сборы! вотъ тогда, при окружномъ начальствѣ, и разсуждайте сколько угодно!“ Въ заключеніе — угрозы арестомъ, донесеніемъ начальству и т. п. Поэтому,—пессимистически заканчиваетъ одинъ изъ корреспондентовъ,—положительно нѣтъ возможности думать, чтобы у насъ на Дону утвердилось земство“. „Относительно земства,—пишетъ другой казакъ,—никакихъ разговоровъ среди казаковъ не ведется, а сегодня среди писарей (окружного управленія) я слышалъ разговоръ, что одинъ изъ станичныхъ атамановъ, собирая станичный сборъ, предварительно зазвалъ къ себѣ стариковъ и приказалъ имъ: „хотя я буду настаивать (на сборѣ) о введеніи земства, но вы, смотрите, не соглашайтесь!“

Легко представить себѣ, что происходило на „совѣщаніяхъ“ окружныхъ атамановъ съ уполномоченными отъ станицъ.

Такъ какъ начальство, въ лицѣ наказнаго атамана и его помощниковъ, не скрывало своего сочувствія земству, окружныя власти воздерживались отъ прямыхъ и рѣзкихъ выступленій противъ реформы, но все же не стѣснялись — „такъ, мимоходомъ, между прочимъ“, „къ слову“—высказывать и свои „личные взгляды“, „личныя впечатлѣнія“. Такъ, на совѣщаніи въ Новочеркасскѣ, окружной атаманъ черкасскаго округа нашелъ нужнымъ подѣлиться съ станичными представителями тѣми впечатлѣніями, какія онъ лично вынесъ отъ „земства“, проживая лѣтомъ въ имѣніи жены въ Обоянскомъ уѣздѣ (Курской губерніи). Обоянскіе земцы, по его словамъ, затѣяли строить узкоколейную дорогу, „втравили“ земство въ милліонные расходы, и вотъ земство и по сю пору никакъ не можетъ ликвидировать своихъ

печальныхъ увлеченій желѣзнодорожнымъ строительствомъ [1]). Это — образчикъ тѣхъ „тонкихъ“, „политичныхъ“ пріемовъ, къ какимъ прибѣгали „осторожные“ и „дипломатичные“ изъ окружныхъ атамановъ, чтобы заронить сомнѣніе въ душу и безъ того подозрительно настроеннаго по отношенію къ земству казака.

Такъ осуществлена была первая, проектированная высшимъ мѣстнымъ начальствомъ мѣра для ознакомленія населенія „съ сущностью и значеніемъ земства“.

Почти то же получилось и изъ второй мѣры—ознакомленія казачества съ земствомъ посредствомъ составленной чиновниками областного правленія „записки“-брошюры. Съ виду составленная въ сочувственномъ земской реформѣ тонѣ, брошюрка точно разсчитана на то, чтобы произвести двойственное впечатлѣніе: съ одной стороны, земство — будто и хорошая вещь, а съ другой — „кто его знаетъ!“ Излагая, напримѣръ, исторію упраздненія перваго донского земства, записка въ качествѣ причины упраздненія выставляетъ не недоразумѣніе, а „вскорѣ (по введеніи) обнаружившіеся недостатки земскаго самоуправленія“, при чемъ увѣряетъ, будто „отъ земскаго самоуправленія казаки отказались сами“, такъ какъ „*не захотѣли* управлять земскимъ дѣломъ *чрезъ своихъ выборныхъ*“ (!), „и правительство исполнило *ихъ желаніе*“ (!) [2]). И хотя совершенно резонно указывается, что „два лица“, составляющія нынѣшній областной распорядительный по земскимъ дѣламъ комитетъ и заваленныя „массой бумажной канцелярской работы, не въ состояніи обнять все земское хозяйство обширной Донской области, знать назрѣвшія нужды населенія“, но нѣсколько дальше чиновные авторы не преминули „дипломатично“ отмѣтить „увлеченія со стороны гласныхъ прежнихъ земскихъ собраній, слишкомъ широко и неразсчетливо, *быть можетъ*, поведшихъ земское хозяйство“, что, будто бы, и повело къ краху стараго донского земства. Не позабыли авторы, не смущаясь полнымъ, „быть можетъ“, несоотвѣтствіемъ своихъ утвержденій дѣйствительности, указать и на то, что такое слишкомъ широкое и неразсчетливое, „быть можетъ“, веденіе хозяйства не могло быть во-время предупреждено и остановлено потому, что дѣятельность бывшихъ земскихъ учрежденій „не подчинялась надзору войскового наказнаго атамана“; теперь же,—успокои-

[1]) „Пріазовскій Край“, 1908, № 287.

[2]) Въ дѣйствительности, „желанія“ казаковъ сводились не къ замѣнѣ земскихъ учрежденій приказными комитетами, а къ *расширенію сферы компетенціи* выборныхъ учрежденій, къ выборному началу при назначеніи въ области на всѣ гражданскія должности, къ предоставленію выборному казачьему представительству права завѣдыванія всѣмъ войсковымъ хозяйствомъ и войсковыми финансами. См. записку представителей отъ казачьяго населенія въ коммиссіи 106-ти, стр. 2.

тельно замѣчаетъ авторъ,—во вновь выработанномъ проектѣ земскаго положенія, „эти недостатки устранены, *а интересы населенія ограждены въ достаточной степени подчиненіемъ* [проектируемыхъ *земскихъ учрежденій надзору войскового наказнаго атамана*“ [1]). Выходитъ, что земство—это какой-то чуть ли не завѣдомый врагъ населенія, такъ что необходимо неустанное бдѣніе и энергичныя заботы со стороны попечительнаго начальства во огражденіе интересовъ населенія, дабы не ввергнуть его въ пучину бѣдъ и злоключеній. Такимъ способомъ брошюра старается „разсѣять“ въ казачьей головѣ „превратныя представленія о земствѣ“!

Но если въ оффиціальной брошюрѣ чиновные литераторы все же не чужды были, хотя и своеобразно понимаемой, сдержанности и „политичности“ выраженій, то въ „Областныхъ Вѣдомостяхъ“ и въ издаваемомъ при нихъ журналѣ „Хозяйство на Дону“ авторы уже въ выраженіяхъ не стѣснялись. Здѣсь безъ всякаго „быть можетъ“, а напрямикъ, рѣшительнымъ и безповоротнымъ тономъ, заявлялось, что „покойное земство не развилось и погибло вслѣдствіе неумѣлости его первыхъ руководителей, не умѣвшихъ обратить своего вниманія на *коренной консервативный духъ казачества*“; „въ гласные тогда посылались въ большинствѣ худшіе элементы... люди завѣдомо нетрезвые, бездомники“; „раскладка денежныхъ повинностей по округамъ—самое больное мѣсто въ дѣятельности покойнаго земства на Дону, подорвавшее довѣріе къ себѣ мѣстнаго населенія, *и надо стараться не повторить этой ошибки*“; „допускалась въ 80-хъ гг. произвольная и безцеремонная земская самообманчивость;... чтобы насолить начальству, обманывали въ сущности самихъ себя“. Казенные писатели старались запугать казачество призракомъ нашествія „иногородняго“, пришлаго (не-казачьяго) элемента, который при земствѣ окончательно „сядетъ казачеству на шею“; предлагали заглянуть въ прошлое, для того чтобы судить о близкомъ будущемъ; увѣряли, что прежнее земство „не помогало казакамъ въ самыхъ главныхъ ихъ надобностяхъ“. Пущены были въ ходъ и застращиванія предстоящими непомѣрными расходами на содержаніе областной и девяти окружныхъ земскихъ управъ. Не обошлось и безъ новыхъ, самодѣльныхъ проектовъ „лучшаго“, „болѣе надежнаго и болѣе соотвѣтствующаго казачьему духу“, земства. Такъ, областной агрономъ г. Шумковъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1908 г.—т.-е. въ самый разгаръ дебатовъ на станичныхъ сборахъ, рѣшавшихъ судьбу земства,—настойчиво предлагалъ и энергично защищалъ, какъ на сборахъ, такъ и въ „Хозяйствѣ на Дону“, свой собственный проектъ, по которому въ Донской области одновременно

[1]) Записка „О земствѣ на Дону“—„Дон. Обл. Вѣд.“, 1908, №№ 197—198.

должны дѣйствовать два различныхъ земства: одно — особо для крестьянъ, другое — особо для казаковъ. „Такъ какъ — пояснялъ агрономъ — у казака первая забота и обязанность — справка на службу, а крестьянинъ спитъ и видитъ, какъ бы землицы купить или переселиться на новыя земли, то при „общемъ“ земствѣ иногородніе неизбѣжно будутъ расти и множиться за казачій счетъ. По предлагаемому намъ проекту земскаго положенія (коммиссіи ген.-лейтен. Грекова), — продолжалъ онъ — земству нѣтъ дѣла до самыхъ насущныхъ нуждъ казачества, ему нѣтъ дѣла до содержанія общественныхъ жеребцовъ, конноплодовыхъ табуновъ и отвода для нихъ земли; между тѣмъ при предлагаемомъ мною земствѣ именно перечисленнымъ насущнымъ потребностямъ будетъ удѣлено главное, если не исключительное, вниманіе“. Чтобы въ еще болѣе соблазнительныхъ краскахъ нарисовать казаку ожидающія его при „особомъ“ земствѣ свѣтлыя перспективы, областной агрономъ добавляетъ, что тогда не пришлось бы тратить „сотни тысячъ“ на содержаніе земскихъ управъ, такъ какъ „можно будетъ только нѣсколько усилить составъ нынѣшнихъ окружныхъ управленій“ (административно-полицейскихъ органовъ), да устраивать при нихъ и при областномъ правленіи „ежегодныя собранія гласныхъ отъ станичныхъ обществъ, которые, совмѣстно съ окружными атаманами и областнымъ правленіемъ, и будутъ обсуждать всѣ казачьи надобности... Для насъ, казаковъ, войсковое хозяйство и свои казачьи дѣла и надобности куда поважнѣе общеземскихъ“ (т.-е. образованія, медицины, дорогъ и пр.?).

Чтобы понять, на что разсчитаны были подобныя произведенія, надо имѣть въ виду, что „Дон. Обл. Вѣд.“ съ „Хоз. на-Дону“ обязательно выписываются всѣми станичными и хуторскими правленіями. Съ прискорбіемъ отмѣчая равнодушіе населенія къ казенному печатному слову, окружные атаманы не разъ приказами напоминали станичнымъ и хуторскимъ властямъ о необходимости прочитывать обѣ газеты и содѣйствовать повышенію интереса къ нимъ со стороны станичниковъ.

Въ нѣкоторыхъ округахъ чиновные и военные противники земства старались, и не безъ успѣха, использовать въ своихъ видахъ каждое газетное извѣстіе, каждую статью, корреспонденцію, замѣтку, телеграмму о разныхъ недочетахъ въ дѣятельности земствъ за послѣдніе годы. И это было тѣмъ легче сдѣлать, что, по подавленіи революціоннаго движенія, вновь выступившій на сцену реакціонный составъ нѣкоторыхъ земствъ произвелъ, какъ извѣстно, разгромъ просвѣтительныхъ, медицинскихъ и другихъ, много лѣтъ дѣйствовавшихъ учрежденій, являвшихся результатомъ милліонныхъ затратъ и энергичной дѣятельности цѣлыхъ поколѣній передовыхъ земцевъ.

— Видите, что творится въ земствѣ?—говорили чиновные люди.— Видите, въ одно трехлѣтіе земство дѣйствуетъ такъ-то и такъ-то, дѣлаетъ затраты на созданіе разныхъ учрежденій, а выбрали на другое трехлѣтіе новыхъ земцевъ, и все старое — долой, на смарку. Почему не можетъ случиться того же самаго и у насъ? Кто поручится, что и въ донскомъ земствѣ власть не очутится въ рукахъ кулаковъ, обиралъ и мошенниковъ? Сами знаете наши казачьи могорычи...

Иной разъ находился слушатель, оказывавшійся въ состояніи возразить на такія рѣчи указаніемъ на недостатки началъ, положенныхъ въ основаніе дѣйствующаго земскаго положенія, на роль въ земствѣ дворянъ, крупныхъ землевладѣльцевъ и проч.; но и на это разъяснители замѣчали:—Но вѣдь и у насъ собираются ввести это же самое земское положеніе?

И не одинъ разъ становились втупикъ предъ такими аргументами „передовые“ и „сознательные“ изъ станичниковъ.

Въ томъ же направленіи, такъ же оригинально и неожиданно, были использованы и брошюры, подвергавшія болѣе или менѣе рѣзкой критикѣ дѣйствующее земское положеніе.

Такъ проведена была администраціею вторая мѣра по разъясненію населенію „сущности и значенія“ земства: то, что въ оффиціальной запискѣ было лишь намекомъ, недоговоренными до конца обвиненіями по адресу земства, то было дружно подхвачено и обстоятельно развито неоффиціальными частями оффиціальныхъ изданій, при поддержкѣ окружныхъ и станичныхъ властей и наиболѣе ретивыхъ изъ отставныхъ войсковыхъ старшинъ, полковниковъ, коллежскихъ и прочихъ совѣтниковъ.

Наступилъ, наконецъ, рѣшительный моментъ: созывъ станичныхъ сборовъ, на которыхъ окончательно должна была рѣшиться судьба земства.

Разумѣется, тѣ, кому это было нужно, съ удвоенной энергіей взялись за агитацію противъ реформы и немало проявили на этомъ поприщѣ находчивости и изобрѣтательности. По всѣмъ округамъ, и до созыва сборовъ, и на самыхъ сборахъ, темнаго станичника продолжали запугивать всякими ужасами, распространяли небылицы про выборное земство, старались растравить въ немъ узко-казачье чувство, стращали перспективой гибели казачества и превращенія его въ податное мужицкое сословіе, непомѣрностью земскихъ налоговъ и т. д. Не забыта была и особая сложность вопроса. Если, благодаря особенностямъ казачьяго быта и создавшихся на этой почвѣ отношеній, даже донскими депутатами не достигнуто до сихъ поръ полнаго соглашенія по нѣкоторымъ капитальнымъ, связаннымъ съ земскою реформой, вопросамъ (объ отнесеніи земскихъ платежей за юртовыя

земли на счетъ станичныхъ обществъ или войскового капитала, объ условіяхъ передачи земству агрономическихъ, медицинскихъ и образовательныхъ учрежденій, о роли въ содержаніи ихъ войскового капитала и станичныхъ обществъ, и др.), тѣмъ труднѣе было разобраться въ нихъ простымъ станичникамъ. И все это также оказалось на-руку административнымъ и „вольнымъ“ „антиземцамъ“.

Помимо другихъ сторонъ, на этихъ сборахъ достаточно выяснились двѣ въ высокой степени характерныя черты: со стороны казачества—недовѣріе къ „начальству“ и уже отмѣченное выше опасеніе, что, предлагая вопросъ на обсужденіе станицъ, въ дѣйствительности оно хочетъ попросту „накинуть крючки“ на нихъ; со стороны мѣстной администраціи—боязнь интеллигенціи.

И эти любопытныя особенности невольно, по аналогіи, вызываютъ воспоминаніе о 1881-мъ годѣ, когда „коммиссіи ста-шести“ приходилось рѣшать судьбу донского земства.

Тогда, при выборахъ въ коммиссію, многія изъ станицъ отказывались отъ посылки уполномоченныхъ, заявляя, что онѣ не желаютъ идти на удочку начальству, которое собирается вынудить у нихъ подписи для окончательнаго закрѣпленія на Дону „русацкихъ дѣтей“.

Тѣ же опасенія, то же недовѣріе къ „начальству“, въ тождественныхъ даже выраженіяхъ, въ нѣкоторыхъ станицахъ ярко сказались и теперь. Кривянская станица, напр. (отстоящая всего въ трехъ верстахъ отъ Новочеркасска), категорически отказалась отъ сношеній съ черкасской окружной администраціей и отъ участія въ устроенныхъ ею „совѣщаніяхъ“ по тому же самому мотиву, какой около тридцати лѣтъ назадъ выставили урюпинцы и вешенцы: изъ опасенія, что уполномоченнаго подкупятъ или свяжутъ и такъ или иначе заставятъ подписать то, чего она, станица, не знаетъ („Пріаз. Кр.“).

Не менѣе характерна аналогія между боязнью администраціи предъ интеллигенціею въ прежнее время и такою же боязнью теперь.

Коммиссія 106-ти была раздѣлена на три группы, которыя не имѣли никакихъ сношеній между собою; вопросы, подлежавшіе обсужденію, хранились въ тайнѣ и сообщались членамъ коммиссіи (каждой группѣ отдѣльно) лишь въ день открытія засѣданій. Это дало поводъ одному изъ членовъ коммиссіи на общемъ засѣданіи заявить:— Съ *честными* цѣлями... коммиссіи 106-ти не было! А происходили и происходятъ какія-то секретныя засѣданія, на которыхъ даются столь же секретные отвѣты на вопросы, предварительно намъ неизвѣстные! Мотивы такого распорядка опредѣленно были высказаны въ приказѣ военнаго министра, выразившаго опасеніе, что „если коммиссія будетъ засѣдать въ полномъ составѣ, то *интеллигентные* члены неминуемо овладѣютъ преніями“...

То же, хотя въ нѣсколько болѣе „тонкихъ“ формахъ, повторилось и теперь. Прежде всего, въ нѣкоторыхъ округахъ приняты были строжайшія мѣры къ тому, чтобы представители интеллигенціи, хотя бы они были казаками-одностаничниками, извѣстными всему населенію (народные учителя, врачи и пр.), какъ-нибудь не проникли на станичные сборы, гдѣ должна была идти рѣчь о земскихъ учрежденіяхъ. Не смотря на то, что вообще „постороннимъ“ (т.-е. не-выборнымъ) лицамъ доступъ на станичные сборы не запрещенъ, состоялось спеціальное распоряженіе о недопущеніи на сборы кого бы то ни было, кромѣ выборныхъ.

Въ качествѣ иллюстраціи того, при какихъ условіяхъ составлялись иногда протестующіе станичные приговоры, приведу одну изъ корреспонденцій, живо рисующую картинку сбора въ Аксайской станицѣ, черкасскаго округа (отстоящей всего на разстояніи одного часа отъ Новочеркасска [1]).

„По прочтеніи станичнымъ атаманомъ копіи приговора новочеркасскаго станичнаго сбора по земскому вопросу, раздались дружные возгласы выборныхъ:

— Желаемъ и мы такого земства, какъ станица Новочеркасская!

— Согласны!

— Дай Богъ, въ добрый часъ!

— Ваше благородіе, пишите приговоръ! Согласны!

Атаманъ стоитъ и чего-то ждетъ. „Уполномоченные“ даютъ разъясненія о земствѣ. Звонокъ. Водворяется тишина.

— Такъ какъ же, господа, на чемъ рѣшили?—спрашиваетъ атаманъ вновь.

— Желаемъ! желаемъ!

— Въ часъ добрый! Пишите приговоръ!

Атаманъ переминается съ ноги на ногу, стоитъ и молчитъ. Среди выборныхъ шумъ. Въ кружкѣ стариковъ слышатся разговоры:

— Богъ его святой знаетъ, что выйдетъ изъ этого земства! либо панами, либо хохлами подѣлаемся!

— Запануешь, должно быть, какъ скажутъ: и за землю плати, и за корову плати, и за гуску, и за воду плати!..

Атаманъ звонитъ. Тишина. Атаманъ:

— Можетъ, кто, господа, желаетъ что-нибудь добавить или измѣнить въ проектѣ?

— Нечего измѣнять! пишите приговоръ!

— Отложить вопросъ о земствѣ до другого раза! — раздается вдругъ рѣзкій одиночный выкрикъ съ заднихъ скамей.

— Отложить! отложить!—подхватываетъ еще нѣсколько голосовъ.

— Такъ отложить, госцода, желаете?

— Отложить, отложить!

— Зачѣмъ откладывать? Пишите приговоръ!

— Согласны!

---

[1]) См. „Донск. Жизнь“, 1908, № 271.—Въ настоящей статьѣ корреспонденція дополнена тѣмъ, что было вырѣзано въ ней примѣнительно къ мѣстнымъ цензурнымъ условіямъ.

— Отложить! отложить! — продолжаютъ кричать во всю глотку пять-шесть человѣкъ.

— Хорошо, господа,—заявляетъ атаманъ,—вопросъ о земствѣ откладывается до слѣдующаго сбора.

— Эхъ, ваше благородіе, ваше благородіе!—покачивая головою, заявляетъ одинъ изъ выборныхъ,—не даромъ что-то ты хвостомъ отъ земства отмахиваешься!

Но атаманъ „ничего не слышитъ". Сборъ закрывается.

Въ теченіе послѣдующихъ трехъ недѣль пускаются въ ходъ всѣ сплетни о земствѣ, идутъ толки о подкупѣ станичныхъ уполномоченныхъ; станичники—сбиты съ толку, смущены: „а, могётъ быть, и на самомъ дѣлѣ страшная это штука—земство?" — и въ результатѣ состоявшійся тремя недѣлями позже сборъ проваливаетъ земство".

Въ другихъ станицахъ дѣло происходило еще проще. На сборъ являлся окружной атаманъ, давалъ разъясненія „о сущности и значеніи земства", а затѣмъ прямо приступали къ баллотировкѣ: кто за и кто противъ земства? Такъ какъ въ такихъ округахъ начальство полагало, что выборные являлись на сборъ исключительно лишь для почтительнаго выслушанія начальственныхъ разъясненій, а не для полемики съ властями, то попытки возразить „окружному" пресѣкались обыкновенно въ самомъ корнѣ, и такимъ путемъ счастливо избѣгались „напрасныя", но не безразличныя для начальственнаго престижа, словопренія и „безполезныя, никогда къ добру не приводящія" пререканія. По словамъ корреспондента „Д. Обл. Вѣдомостей", присутствовавшій на сборѣ въ станицѣ Луковской помощникъ окружного атамана въ теченіе „не менѣе двухъ часовъ" дѣлалъ станичникамъ „самыя обстоятельныя разъясненія по вопросу о земскихъ учрежденіяхъ на Дону", при чемъ „растолковано было даже (!) и самое слово *земство*". „Казалось бы,—недоумѣваетъ наивный корреспондентъ,—все было разъяснено ясно (?); но результатъ получился слѣдующій: 17 — за земство, 91 — противъ введенія земства... Слышно, что и другія хоперскія станицы даютъ такіе же отрицательные приговоры" [1]. А въ иныхъ станицахъ (Михайловской, Павловской, Дурновской, Ярыженской, Филоновской, Преображенской и др., хоперск. окр.) административныя разъясненія дѣйствовали даже столь успѣшно, что сборы безъ всякихъ баллотировокъ „единогласно" постановляли приговоры противъ земства [2].

Такимъ образомъ, населеніе имѣло полную возможность не только выслушать, но и усвоить себѣ начальственные взгляды на земство. Въ подготовительномъ фазисѣ вопроса такія разъясненія были преподаны въ формѣ „Записки" чиновъ областного правленія"; во второмъ—

---

[1]) „Д. Обл. Вѣд.", 1908, № 255.

[2]) См. сводку отзывовъ стан. сборовъ въ „Д. Обл. Вѣд." и „Пріаз. Кр.", 1908, № 337.

на совѣщаніяхъ при окружныхъ управленіяхъ — въ формѣ мирныхъ собесѣдованій властей съ станичными уполномоченными, и, наконецъ, въ заключительномъ фазисѣ — на станичныхъ сборахъ, рѣшавшихъ вопросъ о введеніи земства,—опять въ видѣ разъясненій и напутственныхъ словъ все тѣхъ же окружныхъ атамановъ и ихъ помощниковъ. Не говоримъ уже о печатныхъ способахъ „пропаганды“ земской идеи чрезъ оффиціальныя изданія.

И, все же, большинство станицъ высказалось *въ пользу* земства. По оффиціальнымъ даннымъ, 65% станичныхъ сборовъ категорически заявили о необходимости скорѣйшаго введенія земскихъ учрежденій, 10% дали уклончивые отвѣты и только 25% нашли введеніе земства нежелательнымъ.

Нельзя умолчать о томъ, что, наряду съ окружными атаманами, отрицательно относившимися къ земской реформѣ и лишь во исполненіе воли начальства, по заказу, „разъяснявшими“ значеніе земства, наряду съ станичными властями, не скрывавшими своего несочувствія къ земству, встрѣчались и искренніе люди, дѣйствительно убѣжденные въ благотворности реформы для края и соотвѣтственно своимъ взглядамъ дававшіе населенію „разъясненія“. Но такая разноголосица въ средѣ самого „начальства“, благодаря съ давнихъ поръ усвоенному къ нему недовѣрію казачества, только сбивала его съ толку и ставила его въ крайне затруднительное положеніе. Ознакомленный съ земствомъ изъ неоффиціальныхъ источниковъ, склонный думать, что земство, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ неплохая вещь, казакъ вдругъ, къ крайнему изумленію, узнавалъ, что начальство, оказывается, „тоже за земство“. „Нѣтъ, это неспроста,—смущался казакъ,—тутъ что-то не такъ!“—и въ голову его опять невольно лѣзли мысли о затѣваемыхъ начальствомъ планахъ окончательно „скрутить голову“ казачеству. Съ другой стороны, враждебно настроенный по отношенію къ земству станичникъ, замѣчая такое же отрицательное отношеніе къ земству и со стороны администраціи, тоже становился втупикъ, призадумывался — и его мысли принимали такое же направленіе, какъ у того выборнаго Аксайской станицы, который, увидѣвъ двойственное отношеніе руководителя станичнаго сбора къ земскому вопросу, замѣтилъ: „Эхъ, ваше благородіе, ваше благородіе! не даромъ что-то ты хвостомъ отъ земства отмахиваешься!“ И, на нашъ взглядъ, правъ тотъ станичный атаманъ, который какъ-то въ бесѣдѣ со мною по поводу затѣвавшагося въ 1905 г. опроса заявилъ, что еслибы войсковая администрація пожелала навѣрняка провалить земство, то она для этого великолѣпно могла бы использовать недовѣріе къ ней „темнаго“ казачества: вполнѣ было бы достаточно разослать по области нѣсколькихъ чиновниковъ, притомъ непремѣнно въ форменныхъ мун-

дирахъ и въ фуражкахъ съ кокардою, предписавъ имъ горячо защищать на сборахъ земство и настойчиво рекомендовать имъ голосовать *за* земство. „Ручаюсь,—говорилъ мой собесѣдникъ,—земство на сборахъ оказалось бы съ трескомъ похороненнымъ!" Съ этой точки зрѣнія окружные атаманы, неодобрительно отзывавшіеся о реформѣ, немало посодѣйствовали благопріятному исходу послѣдней анкеты. Остается только пожалѣть, что среди нихъ оказались люди, рекомендовавшіе земство, и этимъ во мнѣніи казаковъ, несомнѣнно, только ему повредившіе.

Большую, несомнѣнно, роль сыграла въ данномъ случаѣ мѣстная интеллигенція (учителя, врачи, присяжные повѣренные, мѣстные публицисты и общественные дѣятели), не смотря на всѣ рогатки и заставы все же съумѣвшая разными путями устраивать по станицамъ частныя бесѣды со станичниками и устнымъ и печатнымъ словомъ (популярными статьями въ мѣстныхъ газетахъ, изданіемъ отдѣльныхъ брошюръ) въ теченіе послѣднихъ лѣтъ настойчиво открывавшая глаза населенію на дѣйствительную сущность выборнаго земства и на негодность существующихъ въ области приказныхъ „комитетовъ". Эта работа интеллигенціи, въ связи съ глубокимъ недовѣріемъ казачества къ администраціи и чиновничеству, и содѣйствовала больше всего сознательному отношенію станицы къ земству и благопріятному исходу опроса.

При такихъ результатахъ анкеты военному вѣдомству, казалось бы, ничего больше не остается, какъ примириться съ неизбѣжностью введенія на Дону земства. Казалось бы, теперь уже нѣтъ никакихъ формальныхъ, даже призрачныхъ, доводовъ въ оправданіе дальнѣйшей отсрочки реформы: слишкомъ рѣшительно, слишкомъ опредѣленно высказались за нее и областное правленіе, и три послѣднихъ войсковыхъ наказныхъ атамана, и само населеніе. Оказывается, однако, что вѣдомство все еще не считаетъ сраженія проиграннымъ и упорно продолжаетъ искать выхода изъ создавшагося, дѣйствительно затруднительнаго для него положенія, не останавливаясь ни передъ какими мѣрами, могущими сохранить существующее военное управленіе въ области и задержать переходъ ея къ гражданскому земскому строю.

Прежде всего, какъ только выяснились результаты опроса, происходитъ увольненіе отъ должности войскового наказнаго атамана сочувствовавшаго земству ген.-лейтенанта Самсонова (съ назначеніемъ его въ Туркестанъ), а на его мѣсто назначается генералъ баронъ фонъ-Таубе, принципіальный противникъ самоуправленія, немедленно по вступленіи на должность высказавшій свое „глубокое убѣжденіе" въ томъ, что причиной экономическаго оскудѣнія казачества является не его воинская повинность, не отсутствіе на Дону земства, не замѣ-

няющіе его „распорядительные комитеты“, не какія-либо еще иныя, вымышляемыя досужими умами причины, а единственно... „казачья лѣность“! [1]) Словомъ, точь въ точь повторилась та же исторія, какъ и при первомъ земствѣ. Въ 1881 г. земство переживало острый кризисъ—предстояли выборы отъ населенія въ коммиссію 106-ти, отъ заключеній которой зависѣла участь земства. И вотъ, войсковой наказный атаманъ, сочувствовавшій сохраненію земства на Дону — ген.-лейтен. Краснокутскій, — неожиданно былъ уволенъ отъ должности, а на его мѣсто поставленъ врагъ земства и просвѣтительныхъ начинаній на Дону, кн. Святополкъ-Мирскій, тотчасъ же по своемъ назначеніи, въ разрѣзъ съ заключеніемъ коммиссіи 106, прикончившій съ земствомъ. И какъ тогда, такъ и теперь, такою простою мѣрой оказались достигнутыми крупные результаты: нарушена была гармонія между желаніями населенія и стремленіями начальника края.

Когда въ коммиссіи Государственной Думы по введенію земства на Дону спросили помощника начальника главнаго управленія казачьихъ войскъ, г. Котляревскаго, объ отношеніи военнаго министерства къ земской реформѣ, г. Котляревскій отвѣтилъ, что министерство „еще не составило опредѣленнаго мнѣнія“ по этому вопросу, что оно „до сихъ поръ еще не имѣетъ приговоровъ станичныхъ обществъ“, почему, при всемъ желаніи, не въ состояніи принять участіе въ разработкѣ вопроса въ думской коммиссіи. Г. Котляревскому указали, что вѣдомству не можетъ быть неизвѣстенъ результатъ анкеты, такъ какъ сводка станичныхъ приговоровъ давно препровождена областнымъ правленіемъ въ главное управленіе казачьихъ войскъ. Г. Котляревскій подтвердилъ, что, дѣйствительно, сводка получена, но—добавилъ онъ— „населеніе области — это только одна сторона, заинтересованная въ вопросѣ, а имѣется еще и другая, *не менѣе заинтересованная* сторона: войсковое начальство, которое еще не высказалось“. Такимъ образомъ, только что назначенный на должность войскового наказнаго атамана, состоявшій до тѣхъ поръ начальникомъ корпуса жандармовъ, баронъ фонъ-Таубе оказался стороною „не менѣе заинтересованною“, нежели само населеніе! Введеніе земства ставится какъ бы въ зависимость отъ взглядовъ г. фонъ-Таубе. Но если все дѣло—въ желаніи „войскового начальства“, а не въ желаніи населенія, къ чему же тогда было, спрашивается, огородъ городить, устраивать громоздкую анкету? Войсковое начальство, притомъ, неоднократно уже запрашивалось, неоднократно высказывалось за немедленное введеніе земства, въ лицѣ непосредственныхъ предшественниковъ ген. фонъ-Таубе: ген. Максимовича,

[1]) См. рѣчь атамана при „открытіи выставки садоводства“ („Дон. Жизнь“, 1909, № 207).

кн. Одоевскаго-Маслова, ген. Самсонова. Чѣмъ же объясняется пренебрежительное отношеніе военнаго вѣдомства къ мнѣнію этихъ трехъ наказныхъ атамановъ и столь исключительное вниманіе къ взглядамъ новаго атамана? Вѣдь областное правленіе, весь личный составъ котораго (значительною частью — изъ казаковъ) много лѣтъ остается неизмѣннымъ, и всѣ три предшественника нынѣшняго наказнаго атамана, прослужившіе на Дону все же по нѣскольку лѣтъ, навѣрное не хуже барона фонъ-Таубе знакомы съ „мѣстными условіями" и не менѣе его компетентны въ вопросѣ.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ г. Котляревскій сообщилъ сенсаціонную новость: оказывается, что, въ то время какъ донскіе депутаты въ думской подкомиссіи мирно занимались разработкой проекта земскаго положенія, выработаннаго коммиссіей ген.-лейт. Грекова (на основахъ земск. полож. 1890 г., съ соотвѣтствующими, примѣнительно къ Донской области, поправками и дополненіями), военное министерство успѣло придти къ заключенію о „совершенной непримѣнимости къ донскому краю" такого проекта, и уже поручило „войсковому начальству" „выработать *новое* земское положеніе". На этомъ основаніи представитель вѣдомства предложилъ подкомиссіи „*пріостановить* разсмотрѣніе вопроса о введеніи земства на Дону", впредь до выработки „новаго положенія". Здѣсь также поражаетъ неожиданная перемѣна фронта. Цѣлый рядъ правительственныхъ коммиссій, войсковые наказные атаманы и ихъ помощники, мѣстное населеніе, всѣ донскіе депутаты въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ высказывались за примѣнимость общаго земскаго положенія къ Донской области (конечно, съ измѣненіями примѣнительно къ условіямъ края), и тѣ же представители военнаго министерства, сколько помнится, раньше не выступали съ возраженіями противъ „примѣнимости". Почему же такой крупный недосмотръ замѣченъ только теперь? Какимъ образомъ и у кого баронъ фонъ-Таубе, живя все время въ Петербургѣ, могъ освѣдомиться о наилучшемъ, наиполезнѣйшемъ и наиболѣе примѣнимомъ къ Дону земскомъ положеніи?

Военное вѣдомство, однако, на этомъ не останавливается. Минувшимъ лѣтомъ товарищъ военнаго министра, ген. Поливановъ, предпринимаетъ поѣздку по Донской области, а осенью мы имѣли уже возможность познакомиться съ новыми „сужденіями" министерства по земскому вопросу. Теперь министерство уже самымъ рѣшительнымъ образомъ сомнѣвается въ „своевременности" для Донской области какого бы то ни было вообще земства. Дѣло, видите ли, въ томъ, что при поѣздкѣ по области ген. Поливанову „со стороны мѣстнаго населенія" приходилось слышать „возраженія противъ введенія земства на Дону". Привыкшее чутко прислушиваться къ голосу народа, ми-

нистерство, разумѣется, крайне смущено такими возраженіями и не рѣшается теперь на реформу, не желая идти противъ желаній казачества. А пока что—рѣшило обратиться къ бар. ф.-Таубе и затребовало отъ него „общее заключеніе по вопросу о введеніи земства“ [1]). Здѣсь также не знаешь, чему больше удивляться: тому ли, что товарищъ министра, которому заранѣе было извѣстно о существованіи 25% станицъ, отрицательно относящихся къ земству, поражается, когда и на самомъ дѣлѣ слышитъ такія возраженія, или же тому, что министерство, вслѣдъ за окончаніемъ анкеты, произведенной войсковою администраціею, находитъ нужнымъ самолично произвести надъ нею контроль и случайнымъ бесѣдамъ съ разными таинственными незнакомцами и анонимами придаетъ чуть ли не рѣшающее значеніе.

Изъ позднѣйшихъ объясненій начальника гл. управленія казач. войскъ, ген. Гарфа, выяснилось, что поѣздка ген. Поливанова по области была предпринята въ виду того, что „анкета могла быть произведена *подъ давленіемъ окружныхъ атамановъ*“, вслѣдствіе чего и „*результаты ея могутъ не соотвѣтствовать настроеніямъ въ казачьихъ кругахъ*“. И ген. Гарфъ высказалъ при этомъ убѣжденіе, что „данныя, добытыя анкетой, *необходимо согласовать съ мнѣніями послѣдняго времени*, каковая задача и лежитъ на областной администраціи“ [2]). А для того, чтобы провѣрить образъ дѣйствій окружныхъ атамановъ во время анкеты и чтобы произвести „согласованіе“ данныхъ анкеты съ „мнѣніями послѣдняго времени“, новому войсковому наказному атаману бар. ф.-Таубе предложено совершить новый „объѣздъ области“. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе относительно того, какое „заключеніе дастъ бар. ф.-Таубе, тѣмъ болѣе, что имъ, правда, въ „политичной“ формѣ, получена уже и инструкція отъ министерства.

„Военное министерство—читаемъ мы въ „Донск. Жизни“ — проситъ войсковое начальство ускорить представленіе проекта земскаго управленія въ области. *Если же введеніе земскихъ учрежденій* (на какихъ бы то ни было началахъ) *является въ настоящее время невозможнымъ*, то *необходимо въ доказательство этого представить вѣскія*, по возможности основанныя на точныхъ данныхъ, *соображенія*“ [3]).

Сомнѣнія относительно характера „заключенія“ не можетъ быть и потому, что, какъ выяснилось изъ фактическихъ данныхъ, представленныхъ на одномъ изъ осеннихъ засѣданій донской группы чле-

---

[1]) „Русск. Вѣдом.“, 1909, № 231.

[2]) Засѣданіе донской группы членовъ Гос. Думы и Гос. Сов. 18 октяб. 1909 г. („Донск. Жизнь“, 1909, № 243).

[3]) „Дон. Жизнь“, 1909, № 247, 31 октября.

новъ Гос. Думы и Гос. Совѣта, „теченія, нынѣ наблюдаемыя среди мѣстной администраціи, слагаются далеко не въ пользу земства", или, какъ писалъ мнѣ (еще въ августѣ) одинъ изъ выдающихся мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, „въ настоящее время въ оффиціальномъ мірѣ выражается открыто теченіе враждебное земству на Дону".

Теперь, по видимому, предполагается оттянуть на неопредѣленное время введеніе въ Донской области земства. Мы слышали, напр., что въ военномъ вѣдомствѣ имѣется „про запасъ", среди другихъ, еще и такого рода „соображеніе", которое недавно развивалось въ сферахъ (при поддержкѣ „Нов. Времени") по отношенію къ земству на окраинахъ и которое, „въ случаѣ чего", намѣрено пустить въ оборотъ (съ соотвѣтствующими измѣненіями въ редакціи) и военное министерство по отношенію къ земству въ Донской области: какъ можно вводить земское положеніе 1890 г. на окраинахъ, когда оно давно уже забраковано во внутреннихъ губерніяхъ? А усовершенствованное земство не могутъ получить окраины, когда его еще не имѣетъ коренное русское населеніе имперіи.

И намъ вполнѣ понятно такое отношеніе къ донскому земству. Съ осуществленіемъ реформы экономическое благосостояніе казачества, несомнѣнно, повысится; но столь же несомнѣнно и то, что, отдавшись хозяйственной и культурной работѣ, казакъ уже не будетъ всецѣло занятъ воинскими помыслами и заботами, его вниманіе уже не будетъ всецѣло поглощено шашкой, конемъ и пикой. А при такихъ условіяхъ мудрено ли ему утратить свой исключительный „воинскій духъ"? Между тѣмъ, рессурсы войскового капитала покамѣсть еще не въ конецъ, а только *почти* въ конецъ истощены; еще на нѣсколько лѣтъ ихъ кое-какъ хватитъ, чтобы военное управленіе области и нынѣшній казачій духъ могли остаться въ неприкосновенности. Ergo—съ земствомъ можно повременить.

Не должно удивлять насъ и неоднократно здѣсь отмѣчавшееся „сочувствіе земству" областного правленія и трехъ предшественниковъ нынѣшняго войск. нак. атамана. Въ послѣдніе годы область войска донского переживаетъ тяжелый финансовый кризисъ. Еще въ 1906 г. областное правленіе, въ своемъ донесеніи главному управленію казачьихъ войскъ, за подписью кн. Одоевскаго-Маслова, въ такихъ рѣшительныхъ выраженіяхъ характеризовало состояніе войсковыхъ финансовъ: „При исполненіи бюджетныхъ предположеній донское войско въ недалекомъ будущемъ поставлено *въ совершенную невозможность выполнить лежащія на немъ обязанности по воинской повинности и по управленію областью*", такъ что, за неимѣніемъ средствъ и за невозможностью выполненія ихъ функцій, придется „упразднить мѣстныя правительственныя учрежде-

нія". Въ слѣдующемъ году преемникъ кн. Одоевскаго-Маслова, генералъ Самсоновъ, въ рѣчи, обращенной къ представлявшимся ему военнымъ и гражданскимъ чинамъ, намѣчая въ общихъ чертахъ программу своей будущей дѣятельности, между прочимъ, сказалъ, что онъ пріѣхалъ поддержать и поднять на должную высоту „военный духъ и воинскую доблесть казачью". Но стоило только ген.-лейт. Самсонову нѣсколько ближе ознакомиться съ казачествомъ и его экономическимъ положеніемъ—и ему, извѣстному боевому генералу, какъ Божій день стало ясно, что о поднятіи „духа" нечего и мечтать до тѣхъ поръ, пока это положеніе не измѣнится къ лучшему. И безъ преувеличенія можно сказать, что вся его дѣятельность въ качествѣ атамана была направлена почти исключительно въ сторону поднятія хозяйственнаго благосостоянія населенія. Какъ трезво смотрящій на вещи и безусловно искренній человѣкъ, ген.-лейт. Самсоновъ естественно не могъ преувеличивать цѣнности своихъ приказовъ и циркуляровъ въ дѣлѣ устраненія причинъ, „подрывающихъ хозяйственный бытъ казаковъ". Единственнымъ пока средствомъ противъ оскудѣнія казачества онъ сталъ считать введеніе на Дону земскаго самоуправленія. При той степени обѣднѣнія, до какой дошло казачество, создается крайне затруднительное положеніе и для мѣстной администраціи. Главный интересъ для правящихъ сферъ Донской край представляетъ, какъ извѣстно, въ качествѣ поставщика крупной, притомъ совершенно безплатной военной силы. Вся отвѣтственность за исправную доставку такой силы лежитъ на войсковой администраціи. А такъ какъ исправность несенія казачествомъ военной службы (отбываемой имъ за собственный счетъ, съ небольшимъ пособіемъ изъ войскового капитала) зависитъ отъ его хозяйственнаго благосостоянія и частью отъ состоянія войсковыхъ финансовъ, то совершенно естественно, что областное правленіе и наказные атаманы неоднократно высказывались за земскую реформу, съ проведеніемъ которой съ нихъ слагалась бы извѣстная доля отвѣтственности за дальнѣйшія послѣдствія казачьяго оскудѣнія.

Каковы бы ни были мотивы, которыми руководится въ своемъ отношеніи къ земству центральная и мѣстная администрація, самое интересное во всей анкетѣ—несомнѣнно ея результаты, такъ какъ именно въ нихъ ярко сказались крупныя перемѣны, происшедшія за послѣднее тридцатилѣтіе въ настроеніи казачества (по крайней мѣрѣ, его значительнаго большинства).

Въ самомъ дѣлѣ, какая рѣзкая перемѣна должна была совершиться въ настроеніи населенія, если теперь подавляющее большинство его высказалось *за* земство—за то самое земство, относительно котораго 28 лѣтъ назадъ представители станицъ въ своей за-

пискѣ, предназначенной для представленія на высочайшее имя, рѣшительно заявили, что „если и послѣ (записки) останется земское управленіе въ настоящихъ его формахъ, и будетъ облагать насъ деньгами, то полагаемъ, что казаки сочтутъ это нарушеніемъ ихъ вѣковыхъ правъ и *окажутъ сопротивленіе*“ [1]). Правда, крупной перемѣны въ *желаніяхъ* казачества прежде и теперь *по существу* нѣтъ. Тогда, въ 1881 г., станичане-представители высказывались за введеніе выборнаго, представительнаго управленія всѣмъ областнымъ хозяйствомъ и войсковыми финансами, т.-е. за предоставленіе населенію гораздо болѣе широкихъ полномочій, нежели какія давало земское положеніе; теперь казачество высказалось за предоставленіе ему представительныхъ правъ въ значительно болѣе скромныхъ размѣрахъ, вполнѣ укладывающихся въ рамки земскаго положенія. Вся разница, на первый взглядъ, сводится лишь къ болѣе скромнымъ размѣрамъ пожеланій и къ тому, что желаемыя учрежденія прямо названы „земскими“, и слово „земство“ теперь казака не пугаетъ. Въ дѣйствительности, для того, кто ближе знакомъ съ казачьимъ бытомъ и казачьей психологіей, анкета говоритъ о гораздо бо̀льшемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если казаку заявляютъ, что на Дону предполагается ввести „земскія учрежденія“ по точно такому же типу, какъ и въ „русскихъ“, „крестьянскихъ“ губерніяхъ, если ему извѣстно, что въ этихъ учрежденіяхъ хозяйственными дѣлами, въ томъ числѣ и его, казачьими, будутъ завѣдывать вмѣстѣ съ нимъ и представители отъ крестьянъ, и если, тѣмъ не менѣе, онъ высказывается за желательность такихъ учрежденій,—это означаетъ, что близокъ конецъ его вѣковой кастовой замкнутости, его отчужденію отъ остального населенія имперіи и что теперь онъ самъ, сознательно, идетъ навстрѣчу къ сближенію съ этимъ населеніемъ. Это означаетъ, что казачество перестаетъ себя считать какимъ-то исключительнымъ рыцарскимъ племенемъ, въ сравненіи съ которымъ „русскіе“, „хохлы“, или, что то же, „кацапы“—низкое, ничего не стоющее сословіе. Если казаку извѣстно, что онъ будетъ платить земскимъ учрежденіямъ денежные сборы за свои юртовыя, „добытыя потомъ и кровью предковъ“ земли и, вообще, за все то, за что платитъ и крестьянинъ, и если онъ всетаки высказывается за эти учрежденія, — это означаетъ, что онъ понялъ, наконецъ, свое дѣйствительное положеніе, не вѣритъ больше въ тѣ иллюзіи, которыя такъ долго тормазили его экономическое и культурное развитіе. Казакъ убѣдился, наконецъ, что всѣ его такъ называемыя „вольности“, его „вѣковыя права и привилегіи“ давнымъ-давно исподволь, потихоньку да по маленьку, неза-

---

[1]) Труды ком. 106-ти, гр. I, проток. № 1, прилож. 1.

мѣтно для него самого, отъ него отобраны, и если теперь существуютъ, то только развѣ въ его воображеніи, да въ далекомъ прошломъ, но не въ современной дѣйствительности. Казакъ понялъ, что ихъ не было у него уже тогда, когда, изъ опасенія ихъ утраты, онъ „бунтовалъ" противъ земства, и что единственная „привилегія", оставшаяся у него въ неприкосновенности отъ старыхъ временъ и отличающая его отъ крестьянства, это—сомнительная „привилегія" за собственный счетъ нести въ теченіе двадцати лѣтъ военную службу, какъ это прекрасно выразилъ въ свое время еще одинъ изъ земцевъ (А. А. Карасевъ).

И казакъ настолько выросъ въ интеллектуальномъ отношеніи, что, какъ показала анкета, его не смогли поколебать ни ожесточенныя нападки на земство, ни запугиванія превращеніемъ казачества въ крестьянство, ни попытки разогрѣть въ немъ узко-казачьи чувства.

Къ сближенію съ остальнымъ населеніемъ, къ дальнѣйшему сглаживанію специфическихъ особенностей казачества, какъ военной касты, неуклонно ведетъ и та историческая необходимость, которая изъ чисто-военной кочевой общины, каравшей смертью своихъ сочленовъ за каждую попытку къ земледѣлію, постепенно сдѣлала казачество осѣдлымъ, военно-земледѣльческимъ, а затѣмъ и торговымъ и промышленнымъ сословіемъ и благодаря которой казачеству въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ окончательно втянуться въ общую хозяйственно-культурную жизнь страны.

Этотъ ростъ казачьяго самосознанія, эта экономическая необходимость даютъ основанія, не взирая на всѣ темныя силы нашего темнаго времени, съ бодрой надеждой смотрѣть на ближайшее будущее не только донского, но и вообще всего казачества. Нельзя бороться съ тѣмъ, что̀ перешло въ жизнь, нельзя бороться съ совершившимся фактомъ.

Н. Лагуновъ.

НАШИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

По поводу 129-ой статьи уголовнаго уложенія.

Съ 1905-го года у насъ формально объявлена свобода печати: предварительная цензура отмѣнена, и печать признана отвѣтственною только передъ судомъ. На практикѣ эта свобода печати, какъ и другіе виды возвѣщенной тогда „незыблемой" гражданской свободы, оказы-

вается пока иллюзіей. Многіе даже спрашиваютъ себя: улучшилось ли правовое положеніе нашей литературы и журналистики со времени введенія у насъ конституціоннаго строя? Прежде господствовалъ надъ печатью откровенный административный произволъ, возведенный на степень закона, — теперь онъ процвѣтаетъ подъ прикрытіемъ исключительныхъ положеній или маскируется законными формами судебныхъ процессовъ.

Наши законы о печати, и сами по себѣ достаточно суровые, сдѣлались крайне стѣснительными и несправедливыми въ рукахъ ихъ усердныхъ истолкователей. Пресловутая 129-ая статья уголовнаго уложенія превратилась въ бичъ для всей вообще оппозиціонной литературы— а между тѣмъ она въ сущности мало чѣмъ отличается отъ соотвѣтственныхъ постановленій иностранныхъ законодательствъ. Публичные призывы къ совершенію преступленій и къ насильственному измѣненію существующаго государственнаго строя строго караются во всѣхъ государствахъ. Въ Германіи за возбужденіе къ ниспроверженію конституціи полагается заключеніе въ крѣпость или смирительный домъ на срокъ до десяти лѣтъ; за призывы къ неповиновенію законамъ или закономѣрнымъ распоряженіямъ властей, а также за распространеніе „завѣдомо выдуманныхъ или извращенныхъ фактовъ, съ цѣлью сдѣлать ненавистными государственныя установленія или правительственныя распоряженія", — денежный штрафъ или тюрьма до двухъ лѣтъ (см. уголовный кодексъ Германской имперіи, ст. 82, п. 2, ст. 85, 110, 131 и др.). Однако процессы по дѣламъ печати происходятъ тамъ очень рѣдко, и нѣмецкая журналистика нисколько не страдаетъ отъ дѣйствія суровыхъ законовъ.

Дѣло именно въ томъ, что преступленія печати судятся въ Германіи обыкновеннымъ судомъ, при участіи присяжныхъ засѣдателей; тамъ нѣтъ нашихъ „особыхъ присутствій" и спеціальныхъ судебныхъ порядковъ, приспособленныхъ къ достиженію цѣлей политической репрессіи. Оттого у нѣмцевъ законы примѣняются по своему дѣйствительному смыслу и назначенію: если сказано, что преслѣдуются „призывы къ ниспроверженію", то всякій понимаетъ, что это должны быть въ самомъ дѣлѣ призывы, а не простые взгляды, и что дѣло идетъ именно о „ниспроверженіи", т.-е. о насильственномъ посягательствѣ на существующій строй, а не объ опроверженіи, критикѣ или подрывѣ его основъ. Точно также, если въ законѣ говорится о завѣдомоложныхъ свѣдѣніяхъ, то свѣдѣнія должны быть дѣйствительно завѣдомо-ложныя, а не просто непріятныя для правительства.

Совершенно другое отношеніе къ законамъ наблюдается у насъ. Наши „особыя присутствія" пользуются такими исключительными способами толкованія, къ какимъ вообще не принято прибѣгать въ обыкно-

венныхъ судебныхъ дѣлахъ, лишенныхъ политическаго характера. Подъ возбужденіе къ ниспроверженію сплошь и рядомъ подводится простое высказываніе оппозиціонныхъ идей, дозволенное даже старыми законами о печати. Подъ видомъ завѣдомо-ложныхъ свѣдѣній нерѣдко преслѣдовались сообщенія завѣдомо-вѣрныя, при чемъ доказательство вѣрности не допускалось.

Въ нѣкоторыхъ литературныхъ процессахъ смыслъ и цѣль закона извращались до неузнаваемости. Такое извращеніе облегчалось однимъ весьма существеннымъ обстоятельствомъ. Уголовное уложеніе 22 марта 1903-го года, статьи котораго о государственныхъ преступленіяхъ введены въ дѣйствіе съ 1904-го года, выработано и издано до манифеста 17 октября, при старомъ режимѣ, когда идея народнаго представительства признавалась еще преступною, когда нельзя было разсуждать о коренномъ измѣненіи существующаго строя и когда „незыблемыя основы гражданской свободы“ составляли еще предметъ дерзостныхъ или „безсмысленныхъ“ мечтаній. Этимъ объясняется чрезмѣрная эластичность и неопредѣленность самыхъ постановленій, касающихся государственной „смуты“. Примѣнять же карательные законы о печати приходилось послѣ торжества новыхъ конституціонныхъ началъ, въ періодъ наступившей правительственной реакціи, когда правосудіе могло служить орудіемъ мстительной расправы за безвластіе и увлеченія смутнаго времени 1905-го года. Судебная власть получила возможность игнорировать совершившіяся перемѣны и преслѣдовать всѣхъ приверженцевъ и проповѣдниковъ новаго строя на основаніи двусмысленнаго текста 129-ой статьи, оставляющаго неяснымъ самый вопросъ о томъ, какой именно строй считать законно существующимъ.

Редакціонная коммиссія, вырабатывавшая уголовное уложеніе, стремилась соблюдать возможную точность въ опредѣленіи признаковъ „тяжкихъ преступленій“, объединенныхъ понятіемъ „смуты“. Въ первоначальномъ проектѣ положительно указывалось, что законъ преслѣдуетъ, во-первыхъ, всякія попытки къ „насильственному разрушенію существующаго въ государствѣ общественнаго строя“ и, во-вторыхъ, прямое возбужденіе или подстрекательство къ такому „насильственному разрушенію“. Нынѣшняя 129-ая статья — тогда 89-ая — была редактирована слѣдующимъ образомъ: „Виновный въ произнесеніи или чтеніи, публично, рѣчи или сочиненія, или въ распространеніи или публичномъ выставленіи сочиненія или изображенія, возбуждающихъ... къ *насильственному разрушенію* существующаго въ государствѣ общественнаго строя“ и т. д. Точно такъ же въ статьѣ о преступныхъ сообществахъ говорилось о дѣятельности, направленной „къ насильственному разрушенію существующаго въ государствѣ общественнаго строя“. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ оффиціальныхъ мотивахъ къ

проекту подчеркивалось обязательное присутствіе опредѣленной преступной цѣли въ дѣйствіяхъ, предусмотрѣнныхъ постановленіями о „смутѣ".

„По отношенію къ статьѣ 89-ой (нынѣ 129-ой),—читаемъ мы въ трудахъ коммиссіи, изданныхъ въ 1897-мъ году,—по проекту требуется, чтобы оглашеніе рѣчи, сочиненія или изображенія было употреблено какъ средство возбужденія; слѣдовательно, въ каждомъ случаѣ необходимо констатировать, что, произнося извѣстную рѣчь или распространяя извѣстное сочиненіе, виновный не только зналъ о противозаконности содержанія, но именно имѣлъ цѣль возбудить другихъ къ извѣстному дѣйствію, такъ что его дѣятельность является или подготовительною дѣятельностью къ извѣстнаго рода преступленіямъ или проступкамъ, или же подстрекательствомъ къ учиненію таковыхъ". Говоря о „возбужденіи къ насильственному разрушенію существующаго въ государствѣ общественнаго строя", составители проекта понимали подъ этимъ „возбужденіе къ какой-либо практической дѣятельности, которая должна служить средствомъ къ соціальному перевороту". Что касается преступной пропаганды, то она „должна заключаться въ распространеніи извѣстныхъ ученій, напр. ученія о необходимости насильственнаго соціальнаго переворота, или даже въ распространеніи отдѣльныхъ сужденій о необходимости какого-либо частичнаго переворота политическаго или соціальнаго, или въ передачѣ болѣе или менѣе твердо сложившихся идей и представленій или плановъ о необходимости учиненія какого-либо мятежническаго или измѣнническаго дѣянія; одно высказываніе недовольства существующими условіями соціальнаго или государственнаго строя, одинъ критическій разборъ существующихъ экономическихъ отношеній, коль скоро къ нему не присоединяется положительное указаніе на необходимость учиненія преступнаго дѣйствія или насильственнаго соціальнаго переворота, коль скоро этимъ путемъ не стремятся возбудить противъ существующаго государственнаго строя,—не подойдетъ подъ понятіе наказуемой пропаганды".

Въ исправленномъ проектѣ уголовнаго уложенія, напечатанномъ въ 1898-мъ году, мы находимъ уже, вмѣсто словъ о „насильственномъ разрушеніи" общественнаго строя, болѣе краткій терминъ—„ниспроверженіе", — въ которомъ элементъ насилія только логически подразумѣвается, но не выраженъ прямо. Послѣ введенія въ дѣйствіе соотвѣтственнаго отдѣла уложенія, терминъ „ниспроверженіе" мало-помалу, путемъ судебнаго толкованія, пріобрѣтаетъ смыслъ коренного измѣненія или преобразованія, хотя бы достигаемаго и безъ помощи насилія, посредствомъ добровольнаго убѣжденія,—такъ что карательный законъ начинаетъ примѣняться къ теоретическимъ мнѣніямъ, не

предполагающимъ вовсе никакихъ противозаконныхъ дѣйствій. Судебная практика по политическимъ дѣламъ входитъ здѣсь въ явный конфликтъ съ новымъ государственнымъ строемъ, при которомъ самыя широкія соціально-политическія стремленія и требованія имѣютъ предъ собою законный путь осуществленія черезъ посредство народнаго представительства. Уголовные законы, касающіеся печати, приспособлены къ условіямъ стараго порядка, а практика судебнаго вѣдомства сознательно усиливаетъ этотъ недостатокъ или пробѣлъ законодательства, въ видахъ болѣе успѣшной борьбы съ политической оппозиціей.

Постепенно законы о „смутѣ" истолковываются такимъ образомъ, что всѣ логическія послѣдствія „незыблемыхъ основъ гражданской свободы", возвѣщенныхъ Высочайшимъ манифестомъ 17-го октября, подпадаютъ подъ дѣйствіе суровыхъ карательныхъ мѣръ. Въ частности, изъ 129-ой статьи систематически выкуривалось именно то, что придавало ей значеніе серьезнаго уголовнаго закона: устранялись понятія о преступной цѣли и насильственномъ разрушеніи. Уголовный кассаціонный департаментъ разъяснилъ въ 1906-мъ году, по дѣлу Ходскаго, что напечатаніе чужого воззванія или заявленія въ газетѣ, для свѣдѣнія читателей или для критическаго разбора и опроверженія, можетъ быть признано преступленіемъ независимо отъ цѣлей и побужденій редакціи, такъ какъ важно, будто бы, только содержаніе помѣщенной статьи, а не намѣреніе редактора. Точно такъ же по дѣлу Водовозова разъяснено, что цѣль напечатанія безразлична для вопроса о виновности и что, поэтому, помѣщеніе извѣстныхъ революціонныхъ заявленій въ изданномъ сборникѣ партійныхъ программъ должно быть преслѣдуемо по 129-ой статьѣ уложенія. Съ этой точки зрѣнія нельзя приводить никакихъ революціонныхъ документовъ, хотя бы историческихъ, нельзя печатать многихъ рѣчей, произносимыхъ въ заграничныхъ парламентахъ, нельзя было бы даже воспроизводить нѣкоторыхъ програмныхъ заявленій нашихъ собственныхъ лѣвыхъ парламентскихъ группъ, участвующихъ въ законодательной работѣ Государственной Думы. Профессоръ Ходскій судился за то, что напечаталъ документъ, сущность котораго оспаривалъ въ томъ же нумерѣ газеты; В. В. Водовозовъ судился за изданіе сборника, въ которомъ рядомъ съ программой партіи правового порядка помѣстилъ программы соціалистовъ-революціонеровъ и постановленія крестьянскаго союза,—программы и постановленія, съ которыми вовсе не согласуются его личные взгляды. Цѣль „возбужденія къ ниспроверженію" здѣсь отсутствуетъ, и слѣдовательно нѣтъ и не можетъ быть преступнаго умысла; а по закону „тяжкія преступленія", къ которымъ отнесены и предусмотрѣнныя 129-ою статьею, „наказываются лишь при наличности

вины умышленной“ (ст. 48). Тѣмъ не менѣе множество лицъ и изданій осуждено по этому закону за простое оглашеніе извѣстныхъ статей или свѣдѣній, при полномъ и фактически доказанномъ отсутствіи намѣренія возбуждать кого-либо къ совершенію революціонныхъ дѣйствій.

Съ другой стороны, въ судебныхъ процессахъ все болѣе утрачивается логическая связь „ниспроверженія“ съ насиліемъ или „насильственнымъ разрушеніемъ“, и „ниспроверженіе“ откровенно смѣшивается съ теоретическимъ осужденіемъ. Недавно еще признанъ виновнымъ по 129-ой статьѣ адвокатъ, сочувственно разсуждавшій о временахъ новгородскаго народоправства и выразившій пожеланіе, чтобы времена эти вернулись. Предлагалъ ли онъ ниспровергнуть существующій порядокъ или употребить какія-нибудь насильственныя мѣры для возстановленія новгородскаго вѣча? Объ этомъ не было и рѣчи: дѣло шло лишь о невинныхъ теоретическихъ взглядахъ и пожеланіяхъ, не запрещенныхъ никакими законами. Какимъ же образомъ могло оказаться преступнымъ выраженіе симпатій къ древнему Новгороду? Съ какихъ это поръ признается недозволеннымъ мечтать о возрожденіи новгородской старины, съ ея традиціями народной автономіи? Сочувствіе къ новгородскому вѣчу раздѣлялось цѣлымъ рядомъ писателей и историковъ, съ Костомаровымъ во главѣ, и оно не вызывало никакихъ преслѣдованій даже во времена предварительной цензуры; а теперь, при объявленной закономъ свободѣ печати, мечтательное мнѣніе о возможномъ, будто бы, возвратѣ вѣчевого строя приравнивается къ революціонному призыву, караемому ссылкою на поселеніе или заключеніемъ въ крѣпость. Вмѣсто того возбужденія къ насилію или посягательству, о которомъ говорится въ 129-ой статьѣ, выдвигается на первый планъ возбужденіе извѣстныхъ мыслей, способныхъ подорвать вѣру въ достоинства и прочность даннаго общественнаго строя; но уголовный законъ, какъ справедливо замѣчено въ одномъ изъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента, „грозитъ карательными послѣдствіями за преступныя дѣянія, а не за мысли и убѣжденія, которыя не наказуемы“. Еслибы мнѣніе или сочувствіе могло быть поставлено въ связь съ „возбужденіемъ къ ниспроверженію“, то получились бы результаты совершенно неправдоподобные и противорѣчащіе здравому смыслу: обширные отдѣлы всеобщей исторіи и разныхъ общественныхъ наукъ очутились бы подъ запретомъ, и, напримѣръ, разсужденія о древнихъ республикахъ и о преимуществахъ ихъ предъ деспотіями и монархіями преслѣдовались бы судомъ на основаніи нынѣшняго вольнаго толкованія 129-ой статьи. И въ самомъ дѣлѣ: если можно судить и осудить человѣка за сочувствіе къ древнему Новгороду, то почему не привлекать къ

суду людей, прославляющихъ добродѣтели древнихъ республиканцевъ и изображающихъ мрачными красками пороки и преступленія тираніи?

Въ дѣствительности, всякіе предѣлы толкованія законовъ были превзойдены „особыми присутствіями" судебныхъ палатъ при практическомъ примѣненіи 129-ой статьи. У насъ осуждались и приговаривались къ тяжкимъ наказаніямъ виновные въ распространеніи книгъ, дозволенныхъ цензурою или включенныхъ въ оффиціальные списки разрѣшенныхъ изданій. Извѣстные „Разсказы изъ русской исторіи" покойнаго Шишко значились въ оффиціальныхъ спискахъ вышедшихъ книгъ за 1906-ой годъ, и притомъ въ двухъ изданіяхъ: первое было напечатано въ двадцати тысячахъ экземпляровъ, а второе—въ пятидесяти тысячахъ. Послѣ того какъ книга разошлась въ огромномъ числѣ экземпляровъ, она была запрещена, и распространеніе ея преслѣдовалось на основаніи 129-ой статьи, безъ надлежащаго вниманія къ тому обстоятельству, что она долго находилась въ продажѣ съ вѣдома и разрѣшенія властей. Въ старомъ уложеніи о наказаніяхъ существуетъ статья, въ силу которой книгопродавцы и содержатели кабинетовъ для чтенія не подлежатъ никакой отвѣтственности за распространеніе книги, сперва дозволенной, а потомъ подвергшейся запрещенію, „пока она не внесена въ каталогъ запрещенныхъ или пока о запрещеніи оной не было установленнымъ порядкомъ объявлено черезъ мѣстную полицію" (ст. 1019). Это правило совершенно не соблюдалось въ литературныхъ процессахъ новѣйшаго времени. Масса оппозиціонныхъ и революціонныхъ сочиненій и брошюръ свободно обращалась на книжномъ рынкѣ съ осени 1905 до половины 1906-го года, безъ всякихъ препятствій и затрудненій со стороны цензурнаго вѣдомства—а позднѣе, когда правительственные органы пришли въ нормальное состояніе и вновь почувствовали власть въ своихъ рукахъ, они стали заднимъ числомъ возбуждать преслѣдованія за „преступныя" изданія, выпущенныя въ свѣтъ въ періодъ фактическаго бездѣйствія власти. Такъ и книга Шишко признана „преступной", и за распространеніе ея усердно привлекались къ суду молодые люди обоего пола. Какими логическими доводами связывалось ея содержаніе съ текстомъ 129-ой статьи уложенія—остается загадкою. Историческіе очерки Шишко, написанные вообще въ популярномъ демократическомъ духѣ, заключаютъ въ себѣ изложеніе событій до паденія Севастополя и потому никакъ не могутъ возбуждать кого-либо къ ниспроверженію современнаго общественнаго строя. Политическіе взгляды автора не идутъ далѣе осужденія и критики бюрократическаго самовластья: хорошее управленіе — по его словамъ—„зависитъ не столько отъ людей, сколько отъ порядковъ; а при такихъ порядкахъ, какіе были тогда на Руси, народу не могло

быть хорошо". Можно сказать, что самыя смѣлыя идеи Шишко нашли выраженіе въ манифестѣ 17 октября и въ сопровождающемъ его докладѣ графа Витте. И такая оппозиціонная историческая книга, не имѣющая прямого отношенія къ настоящей эпохѣ, подводится подъ уголовный законъ, ограждающій общество и государство отъ насильственныхъ посягательствъ!

Въ числѣ брошюръ, за которыя чаще всего преслѣдуются „пропагандисты", существуетъ одна, дозволенная цензурою въ Ростовѣ-на-Дону, въ августѣ 1905-го года, подъ заглавіемъ: „За вѣру, царя и отечество". Это довольно наивный и сбивчивый разсказъ о невѣроятныхъ страданіяхъ, выпавшихъ на долю нѣсколькихъ добродѣтельныхъ солдатъ вслѣдствіе жестокости фельдфебеля и офицера, которые, впрочемъ, оба были въ концѣ концовъ удалены изъ полка начальствомъ и замѣнены другими, вполнѣ хорошими и симпатичными. Но герой разсказа не выдержалъ испытаній военной службы: попавъ въ отрядъ, назначенный въ походъ для усмиренія крестьянъ какой-то деревни, онъ застрѣлилъ командовавшаго офицера и скрылся безслѣдно; за него долго подвергались разнымъ мытарствамъ и экзекуціямъ ни въ чемъ неповинные мужики. Брошюрка изображаетъ исключительно-тягостныя условія солдатской службы при безтолковыхъ и безсмысленно жестокихъ ближайшихъ начальникахъ; и если оставить въ сторонѣ отдѣльныя рѣзкія слова и фразы, то, въ общемъ, она не содержитъ въ себѣ ничего преступнаго, и можно вполнѣ понять цензора, разрѣшившаго ея печатаніе. Но если даже считать ее, по старой терминологіи, нецензурною, то во всякомъ случаѣ усматривать въ ней признаки „возбужденія къ ниспроверженію" нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Противъ кого и чего направлена эта брошюра? Противъ явныхъ злоупотребленій и вредныхъ аномалій, приводящихъ къ трагическимъ конфликтамъ — т.-е. противъ такихъ явленій, которыхъ не сочтетъ нормальными ни одинъ государственный дѣятель, хотя бы самый консервативный. Однако изъ-за подобной беллетристики судятъ и осуждаютъ „виновныхъ", составляются серьезные обвинительные акты и убійственные карательные приговоры.

Многіе „разсказы" отнесены къ разряду запретныхъ, преслѣдуемыхъ по 129-ой статьѣ, только потому, что обвинительная власть не отличаетъ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ отъ мнѣній или выводовъ автора. Отдѣльныя замѣчанія и слова, которыми обмѣниваются герои разсказа, вносятся въ обвинительный актъ, въ качествѣ „преступныхъ", а противорѣчащія имъ заявленія или заключенія пропускаются, какъ не относящіяся къ дѣлу; поэтому и общее впечатлѣніе, оставляемое книжкою въ умѣ читателя, пропадаетъ для суда или доходитъ до него въ превратномъ видѣ. Напр., въ брошюркѣ: „За землю

и волю", неоднократно служившей матеріаломъ для разбирательства въ особыхъ присутствіяхъ судебныхъ палатъ, разсказывается вкратцѣ исторія „полтавскаго дѣла", законченнаго безпощадной расправою съ крестьянами и наложеніемъ на нихъ огромнаго денежнаго взысканія; слушатели-мужики убѣждаются, что противъ правительства они безсильны и что необходимо добиться народнаго самоуправленія, въ видѣ выборнаго представительнаго собранія, въ родѣ палаты депутатовъ или, по нашему, Государственной Думы. Такъ какъ разсказъ написанъ еще до учрежденія Государственной Думы, то бесѣды героя, мужика Василія, вертятся около способовъ организаціи крестьянъ, при чемъ ему рисуются перспективы далеко не утѣшительныя. „Помните,— предупреждаетъ онъ односельцевъ—что намъ съ казаками придется дѣло имѣть. Въ случаѣ чего—начальство съ нами шутить не будетъ, по головкѣ не погладитъ". Читателю невольно приходится заключить, что совѣты героя не могли разсчитывать на успѣхъ, ибо никому нѣтъ охоты идти на встрѣчу неминуемой катастрофѣ ради гадательныхъ выгодъ, въ прочность которыхъ не вѣритъ, повидимому, самъ разсказчикъ. Авторъ мечтаетъ о Государственной Думѣ, которая сдѣлаетъ излишними всѣ боевые планы и откроетъ народу путь къ сознательному устройству своихъ общихъ дѣлъ; эти ожиданія осуществились, собралась уже третья Государственная Дума—а брошюрка, предлагающая и въ то же время отвергающая первобытный способъ народной борьбы „за землю и волю", въ виду отсутствія народнаго представительства, серьезно преслѣдуется по 129-ой статьѣ, какъ направленная, будто бы, къ „ниспроверженію существующаго строя". Очевидно, все содержаніе брошюры относится къ тому порядку вещей, который предшествовалъ манифесту 17 октября, и приписывать ей революціонное значеніе для настоящаго времени болѣе чѣмъ странно. Подвергать людей тяжкимъ наказаніямъ за распространеніе такого рода литературы—просто немыслимо при нормальныхъ условіяхъ уголовнаго правосудія.

Къ несчастью, современныя условія нашего уголовнаго правосудія продолжаютъ еще служить благодарною почвою для самыхъ удивительныхъ аномалій. Въ началѣ марта настоящаго года уголовный кассаціонный департаментъ разбиралъ дѣло о книгѣ Генри Джорджа, вышедшей въ русскомъ переводѣ двумя изданіями, въ 1902-мъ и 1904-мъ годахъ, подъ заглавіемъ: „Запутавшійся философъ", и вновь перепечатанной нынѣ г. Горбуновымъ-Посадовымъ въ Москвѣ. Послѣднее изданіе было задержано, такъ какъ въ цитируемыхъ авторомъ разсужденіяхъ Герберта Спенсера о поземельной собственности, напечатанныхъ впервые въ 1851-мъ году, усмотрѣны были признаки преступленія, указаннаго въ 129-ой статьѣ нашего уложенія, и изда-

тель русскаго перевода привлеченъ къ суду по этой статьѣ. Московская судебная палата не нашла возможнымъ согласиться съ обвинительною властью и освободила книгу отъ ареста; но сенатъ призналъ, что третье изданіе книги Джорджа дѣйствительно должно быть причислено къ разряду сочиненій, возбуждающихъ „къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя", и направилъ дѣло обратно въ палату для новаго разсмотрѣнія. Дальше, кажется, некуда идти въ самопроизвольномъ толкованіи законовъ вообще и 129-й статьи въ частности. Чисто-теоретическіе, научные споры о поземельной собственности, издавна занимающіе опредѣленное мѣсто не только въ заграничной, но и въ нашей русской литературѣ, внезапно объявляются преступными, подлежащими уголовному преслѣдованію—и это дѣлается не въ порядкѣ административнаго усмотрѣнія, для котораго не существуетъ никакихъ законовъ, а въ порядкѣ судебномъ, предполагающемъ разумное примѣненіе установленныхъ законныхъ нормъ. Но произволъ въ толкованіи законовъ имѣетъ свои границы—и если мы дошли до того, что Гербертъ Спенсеръ и Генри Джорджъ подпали подъ дѣйствіе 129-ой статьи, то пора уже оглянуться на пройденный путь и возстановить естественный логическій смыслъ закона, доведеннаго нѣкоторыми усердными толкователями до абсурда.

Л. Слонимскій.

ПАМЯТИ М. Е. БЕККЕРА

18-го ноября 1909-го года умеръ въ Херсонѣ отъ болѣзни сердца М. Е. Беккеръ, дѣятельность котораго была тѣсно связана съ общественной жизнью этого города въ теченіе послѣдней четверти вѣка. Въ 1884 г. онъ былъ избранъ сначала членомъ херсонской городской управы, затѣмъ заступающимъ мѣсто городского головы. Послѣднія два десятилѣтія XIX-го вѣка не были благопріятны для проведенія широкихъ общественныхъ задачъ. Это было время безпощадной борьбы бюрократіи со всякимъ проявленіемъ общественности, время распыленія общественныхъ организацій. При новомъ поворотѣ назадъ—при введеніи Городоваго Положенія 1892-го года, когда городское хозяйство было отдано въ руки немногихъ, наиболѣе состоятельныхъ представителей домовладѣнія, торговли и промышленности, М. Е. оказался лишнимъ и на нѣкоторое время долженъ былъ выйти изъ

состава гласныхъ. Но личныя его качества, его природный умъ, выдающійся ораторскій талантъ, глубокое знаніе всѣхъ сторонъ городского хозяйства, не могли не быть оцѣнены населеніемъ. Съ 1897 г. мы видимъ его опять гласнымъ думы, а съ 1901 г.—городскимъ головою.

Первое десятилѣтіе XX-го вѣка было эпохой въ жизни города Херсона. Онъ какъ бы вновь возрождается къ жизни и изъ полузабытаго заглохшаго городка, о переводѣ изъ котораго губернскихъ учрежденій не разъ поднимался вопросъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, превращается въ крупный торговый пунктъ, имѣющій будущность. Открывается торговый портъ; организуется вывозъ зернового хлѣба, въ размѣрахъ, превышающихъ экспортъ Одессы; послѣ сорокалѣтнихъ безплодныхъ ходатайствъ, Херсонъ соединяется съ общей сѣтью желѣзныхъ дорогъ; городъ освѣщается электричествомъ; составляется планъ всеобщаго обязательнаго обученія; устраиваются театръ, набережная, портовая вѣтка, водопроводъ, канализація. Весь этотъ громадный трудъ былъ выполненъ херсонскимъ городскимъ управленіемъ, и въ особенности—головою. Объ одной сторонѣ его дѣятельности можно судить по письму, написанному имъ за мѣсяцъ до смерти. „Едва-ли не болѣе всего—говоритъ М. Е.—я сожалѣю о томъ, что быстрое развитіе страданія, вынудившее меня оставить должность городского головы, помѣшало мнѣ осуществить задуманный планъ для поднятія на должную высоту дѣла первоначальнаго народнаго образованія въ нашемъ городѣ. Для сближенія между собою учительскаго персонала и чтобы дать ему возможность легально собираться съ цѣлью разработки педагогическихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ требованіями жизни, мнѣ удалось организовать одно общее попечительство, изъ котораго, какъ первоначальной ячейки, могло бы развиться установленіе весьма благотворное по своимъ результатамъ. Затѣмъ, въ видахъ ослабленія мертвящаго вліянія бюрократизма, мною было уже возбуждено передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайство о выдѣленіи города изъ предѣловъ компетенціи уѣзднаго училищнаго совѣта и объ образованіи самостоятельнаго городского училищнаго совѣта. Учрежденіе городского совѣта является весьма желательнымъ, такъ какъ въ составъ его входятъ общественные представители въ значительно большемъ числѣ, чѣмъ теперь, и при удачномъ выборѣ эти лица могли бы совершенно измѣнить характеръ нынѣшняго, почти полумиѳическаго херсонскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. Въ заключеніе я намѣтилъ постепенно отвоевать для дѣла народнаго образованія городскую аудиторію и устроить въ ней обширный педагогическій музей, который путемъ осмотра и чтеніемъ лекцій облегчалъ бы знакомство со всѣмъ, чѣмъ богатъ и прекрасенъ Божій міръ“. „Про-

стите—такъ заканчивается это письмо—мою невольную исповѣдь, но мнѣ хотѣлось хоть одному могущему понять лицу высказать то, что такъ упорно стучалось въ мою старую голову!" Когда, послѣ короткихъ „дней свободы", послѣдовала мрачная реакція, съ ея проповѣдью человѣконенавистничества, племенной вражды и безпощадной мести всему, что высказывало въ какомъ бы то ни было видѣ свои симпатіи освободительному движенію, М. Е. остался единственнымъ кормчимъ на обломкахъ мѣстнаго общественнаго корабля.

Населеніе Херсона не можетъ не вспомнить съ особой благодарностью о работѣ М. Е. въ Херсонской Общественной Библіотекѣ. Каждое просвѣтительное учрежденіе, обращавшееся къ нему за содѣйствіемъ или помощью, всегда находило въ немъ горячаго защитника своихъ нуждъ и интересовъ. Не разъ, во время бытности его городскимъ головой, ему приходилось отстаивать передъ Думой выдачу пособія тому или другому учрежденію противъ предложеній уничтожить или сократить его, въ видахъ „благоразумной экономіи"—излюбленнаго въ такихъ случаяхъ мотива представителей мракобѣсія. Но особеннымъ вниманіемъ и любовью его пользовалась Общественная Библіотека. Со времени избранія его въ составъ дирекціи, въ теченіе 18-ти лѣтъ, въ жизни Библіотеки не было ни одного мелкаго или крупнаго событія, въ которомъ онъ не принималъ бы самаго живого и горячаго участія. Когда для библіотеки выпадали дни невзгоды, ему только одному приходилось брать на себя защиту учрежденія и силою своего краснорѣчія отстранять отъ Библіотеки готовившійся для нея ударъ. Съ 1895 по 1908 г. онъ постоянно составлялъ общую, литературную часть отчета Библіотеки. Въ 1896—1897 г.г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ постройкѣ зданія для нея. Въ 1897-мъ году онъ составилъ „Краткій Историческій Обзоръ 25-лѣтней дѣятельности Херсонской Общественной Библіотеки"; тогда же былъ законченъ печатаніемъ основной каталогъ ея, признанный и въ періодической печати, и въ спеціальныхъ сочиненіяхъ по библіотековѣдѣнію—образцовымъ. Въ 1902 и 1905 г.г. онъ принималъ живое участіе въ составленіи перваго и второго дополненій къ основному каталогу. За недѣлю до смерти онъ приступилъ къ разбору карточекъ журнальныхъ статей для подготовляемаго къ печати третьяго дополненія къ каталогу и соединилъ въ общій алфавитъ свыше 14 тысячъ карточекъ. Въ ночь на 18 ноября, закончивъ разборку карточекъ, онъ тщательно ихъ перевязалъ и надписалъ заглавіе отдѣловъ на каждой пачкѣ.

Черезъ четыре часа его не стало.

Ошибочно было бы думать, на основаніи этого сухого перечня, что въ лицѣ М. Е. Библіотека имѣла только механическаго работ-

ника. Сказанное до сихъ поръ служитъ только указаніемъ, до какой степени онъ могъ отдаваться любимому дѣлу, вникать въ каждую его подробность. Но, конечно, онъ этимъ не ограничивался: онъ старался раскрыть общія начала постановки библіотечнаго дѣла. Еще въ 1902 г. имъ была составлена обширная записка, въ которой разработаны главныя основы для составленія библіотечныхъ каталоговъ. Трудъ этотъ, обнаруживающій большую эрудицію и детальное знакомство съ библіотековѣдѣніемъ, будетъ въ непродолжительномъ времени отпечатанъ и разосланъ во всѣ библіотеки.

Въ рѣчи, произнесенной М. Е., 21 декабря 1902 г., по случаю тридцатилѣтія существованія Херсонской Общественной Библіотеки, онъ рисуетъ полную душевной теплоты идиллическую картину читальнаго зала: „Не нужно быть слишкомъ впечатлительнымъ человѣкомъ, чтобы быть тронутымъ при взглядѣ на этотъ залъ, наполненный читающей публикой. Вотъ старикъ, убѣленный сѣдинами, съ выраженіемъ пессимизма на лицѣ, слѣдитъ по газетамъ за современными событіями; тамъ юноша, полный вѣры въ свѣтлое будущее, торопливой рукой дѣлаетъ выписки изъ научнаго трактата; здѣсь дѣвочка, зажавъ руками свою кудрявую головку, углубилась въ книгу. Она—одно напряженное вниманіе и увлеченіе. Далѣе мы видимъ за отдѣльнымъ столомъ библіотекаря, который слѣдитъ за выборомъ дѣтьми книгъ, сообразно ихъ возрасту и умственному развитію... Кругомъ тишина. Лишь по временамъ доносится сдержанный шопотъ и шелестъ переворачиваемыхъ листовъ. И невольно чувствуешь, что находишься въ какой-то таинственной лабораторіи, гдѣ незримо совершается великое дѣло насажденія правды, любви къ человѣку и уваженія къ человѣческому достоинству. Невольно кажется, что надъ этой сотней головъ невидимо рѣетъ въ воздухѣ геній разума и свѣта“.

Свѣтъ, правда, разумъ, добро—вотъ то, чего всегда искала душа покойнаго.

Л. Г. О.

НОВОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ КИТАѢ

Въ государственной жизни степень образованія является показателемъ культуры народа, а характеръ его обыкновенно оттѣняетъ національныя особенности послѣдняго. То же самое можно сказать и о Китаѣ. Хотя знанія, въ томъ смыслѣ слова, какъ мы его понимаемъ,

у китайцевъ не было, но существованіе у нихъ образованія не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію: оно только носило чисто отвлеченный характеръ и не могло, вслѣдствіе этого, указывать на какія-либо національныя особенности. Собственно говоря, оно совершенно не соотвѣтствовало характеру народа, практическому и склонному къ спеціализаціи; между тѣмъ старое образованіе именно ея не давало.

Національное пробужденіе Китая особенно рѣзко отозвалось именно на образованіи. Жажда новаго знанія, сознаніе непригодности стараго обнаружились съ удвоенною силою послѣ русско-японской войны, вызвавшей сильное движеніе учащейся молодежи за границу, особенно въ Японію. Нужно было хотя немного усвоить новыя знанія и понятія, которымъ не могли удовлетворить нѣсколько училищъ, находившихся по большей части въ рукахъ иностранцевъ. Въ числѣ заграничныхъ студентовъ (лю-сіо-шэнъ) находились иногда люди въ почтенномъ возрастѣ; китайское правительство не стѣснялось командировать даже академиковъ, не только для изученія извѣстныхъ отраслей образованія, но и вообще для пріобрѣтенія новыхъ понятій и взглядовъ. Одновременно съ этимъ шелъ и процессъ открытія въ значительномъ количествѣ новыхъ школъ.

Въ силу своей географической и расовой близости къ китайцамъ, громадную роль въ дѣлѣ образованія Китая должна играть Японія. Понявъ это, она не дремлетъ, открывая свои учебныя заведенія для китайскихъ студентовъ и выпуская на китайскій рынокъ все новыя и новыя изданія. Китайское правительство также до послѣдняго времени было склонно приглашать японцевъ въ качествѣ учителей, въ виду, прежде всего, ихъ дешевизны и знанія китайскаго языка.

Такое отношеніе Китая къ Японіи, рельефно сказывающееся при командировкахъ за границу, станетъ еще болѣе понятнымъ, если принять во вниманіе финансовую сторону дѣла. Въ 1902-мъ году въ Японіи было 270 студентовъ-китайцевъ. Послѣ русско-японской войны ихъ число по временамъ доходило до 14.000, понизившись теперь до 6.000. Большинство этихъ студентовъ было командировано на правительственныя средства: одно время такихъ учащихся было не менѣе 10.000. Понятно, что китайское правительство посылало учащихся въ Японію, гдѣ образованіе обходилось имъ значительно дешевле. Командировка одного студента въ Европу стоила Китаю свыше 10.000 долларовъ, въ Японію—всего нѣсколько тысячъ [1]).

---

[1]) Въ послѣднее время установлены слѣдующія нормы расходовъ для заграничныхъ студентовъ: въ Англіи въ мѣсяцъ 16 фунт. стерл., во Франціи 400 франк., въ Германіи 320 марокъ, въ Россіи 135 руб., въ Бельгіи 400 франковъ, въ Америкѣ 80 амер. долларовъ (около 180 руб.).

По возвращеніи на родину, казенные студенты обязаны были пробыть въ распоряженіи командировавшей ихъ провинціи въ теченіе пяти лѣтъ для выслуги тѣхъ денегъ, которыя были на нихъ потрачены. Отъ командируемыхъ требуется нѣкоторая подготовка, именно окончаніе курса средняго учебнаго заведенія. Съ тою же цѣлью полученія знающихъ людей изъ числа студентовъ, китайскимъ правительствомъ командируются особые инспектора—„Цзянь-ду"—въ страны, гдѣ всего болѣе китайскихъ учащихся, напримѣръ въ Японію и Европу. Такимъ путемъ оно думаетъ предупредить попытки со стороны учащейся молодежи использовать предоставляемыя ей средства на удовольствія, а не на пріобрѣтеніе знаній.

Иниціатива въ насажденіи дѣйствительно европейскаго образованія принадлежала миссіонерамъ, которые, проповѣдуя религію, одновременно открывали школы. Послѣднія въ настоящее время разбросаны по разнымъ провинціямъ, имѣя программы низшихъ школъ, среднихъ и такъ называемыхъ колледжей (colleges). Кромѣ того, въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ утвердились европейцы, ими учреждались школы, охотно посѣщаемыя китайцами. Такъ, англичане, утвердившись въ Гонконгѣ, стали поощрять образованіе школъ для китайцевъ; число такихъ школъ теперь дошло до 230, съ общимъ количествомъ учащихся до 11.000. Большая часть этихъ школъ частныя и не имѣютъ удобныхъ приспособленій для обученія. Въ настоящее время въ Гонконгѣ возможно держать университетскій экзаменъ какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ.

Собственно въ Китаѣ первая европейская школа была открыта послѣ Тянь-цзиньскаго трактата 1860-го года, когда для нуждъ вновь образованнаго управленія по иностраннымъ дѣламъ—Цзунъ-ли-ямыня—была учреждена школа новыхъ языковъ, Тунъ-вэнь-гуань. Цѣлью этой школы было подготовленіе знающихъ иностранные языки китайцевъ для сношеній съ иностранцами. На этомъ пока дѣло и закончилось, и только въ 1872-мъ году была сдѣлана новая попытка ознакомиться съ европейскимъ знаніемъ. Въ этомъ году было отправлено въ Америку 120 студентовъ, въ 1881 г. отозванныхъ обратно. Въ виду тогдашняго настроенія, эта командировка не принесла пользы Китаю; по той же причинѣ не имѣли практическихъ результатовъ и старанія нѣкоторыхъ прогрессивныхъ генералъ-губернаторовъ, напримѣръ Чжанъ-чжи-дуна, открыть школы для изученія европейскихъ наукъ. Еще до японской войны князь Гунъ докладывалъ трону о необходимости усвоенія практическихъ знаній. Сознаніе этой необходимости чувствовалось лучшими умами.

Первый сознательный шагъ въ развитіи новаго образованія былъ сдѣланъ въ 1898-мъ году. Японо-китайская война достаточно успѣла

всколыхнуть Китай, чтобы породить желаніе реформировать жизнь. Эта война и послужила причиною того, что прогрессивной партіи Канъ-ю-вэй'я удалось подчинить своему вліянію императора. Повелѣно было открыть университетъ въ Пекинѣ, на капиталъ въ 5 милліоновъ ланъ. Нѣсколько ранѣе были учреждены двѣ подготовительныя школы — въ Тянь-цзинѣ и Шанхаѣ (такъ называемые колледжи). Во главѣ всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній были поставлены иностранцы. На призывъ въ шанхайскій колледжъ откликнулось въ пять разъ болѣе желающихъ получить новое образованіе, чѣмъ позволяли штаты училища.

Государственный переворотъ, произведенный вдовствующей императрицей и приверженцами старины, положилъ на время конецъ новымъ вѣяніямъ. Императоръ потерялъ всякое вліяніе на дѣла правленія; иностранные учителя получили отставку, университетское зданіе было обращено въ школу для маньчжуръ; та же участь постигла и другія школы. Одного урока было слишкомъ мало, чтобы проучить инертную массу.

Поворотъ назадъ, однако, былъ встрѣченъ очень несочувственно китайскою интеллигенціею, и съ разныхъ концовъ Срединной имперіи раздавались голоса разочарованія. Значеніе спеціализаціи въ настоящее время сознано всѣми благоразумными китайцами. Китаю довольно легко начинать реформы образованія, такъ какъ онѣ будутъ идти путемъ заимствованія.

Послѣ боксерскаго возстанія—послѣдняго вздоха стараго Китая, вдовствующая императрица повернула въ сторону тѣхъ же реформъ, противъ которыхъ она ранѣе возставала. Въ 1901-мъ году ею было повелѣно всѣ существующія школы имперіи обратить въ училища для преподаванія западныхъ наукъ. Въ каждомъ главномъ городѣ провинціи долженъ быть учрежденъ университетъ, въ областяхъ и уѣздахъ открыты школы 2-го и 3-го разрядовъ. Послѣдующій указъ, предвидя большія затрудненія въ исполненіи этого повелѣнія, предписалъ временно ограничиться учрежденіемъ въ главныхъ городахъ провинцій высшихъ училищъ. Главное руководство учебной реформой было поручено Чжанъ-чжи-дуну, считающемуся особеннымъ приверженцемъ образованія. Въ 1901-мъ году имъ были выработаны подробныя правила для всѣхъ учебныхъ заведеній.

Всѣ испытанія въ знаніяхъ раздѣлены на пять разрядовъ: 1) обычные вызовы учителей—Линь-ши; 2) полугодовые экзамены—Сіо-ци; 3) экзамены по окончаніи учебнаго года—Нянь-чжунъ; 4) экзамены на аттестатъ окончанія училища—Би-ѣ и 5) экзамены на степени—Шэнъ-сіо. Первые три экзамена, касающіеся исключительно внутренняго распорядка училища, могутъ быть разнообразны. Обыкновенно

полугодовые и годовые экзамены производятся въ присутствіи директора, инспектора и учителей. За экзаменомъ на аттестатъ признается уже государственное значеніе; поэтому онъ производится въ присутствіи мѣстныхъ представителей администраціи. Въ виду важности низшихъ училищъ перваго разряда и среднихъ училищъ для дальнѣйшаго хода ученья, а также въ виду ограниченности учебнаго персонала и средствъ обученія, рѣшено желающихъ поступить въ эти училища фильтрировать посредствомъ повторныхъ экзаменовъ, хотя бы они и получили дипломъ соотвѣтствующаго низшаго учебнаго заведенія. Экзаменъ для вступленія въ среднее учебное заведеніе производится инспекторомъ просвѣщенія провинціи. Выдержавшіе его весьма хорошо получаютъ званіе студента - стипендіата. По окончаніи курса среднихъ учебныхъ заведеній желающіе поступить въ высшія училища подвергаются дополнительному экзамену генералъ-губернаторами и губернаторами, совмѣстно съ инспекторомъ просвѣщенія. Выдержавшіе его весьма хорошо получаютъ степень перваго студента. Наконецъ, кончившіе высшія училища экзаменуются вторично передъ поступленіемъ въ университетъ особо назначеннымъ богдыханомъ лицомъ, въ присутствіи генералъ-губернатора, губернатора и инспектора просвѣщенія. Выдержавшіе экзаменъ весьма хорошо получаютъ степень магистра и право на предпочтительное передъ другими назначеніе на должность окружного начальника.

На этомъ, однако, учебная карьера еще не кончается. Выше есть еще университетъ—Да-сіо-танъ,—окончившіе который получаютъ степень доктора и пользуются значительными служебными правами. Вѣнчающимъ всю систему научнымъ учрежденіемъ является академія ученыхъ (Тунъ-жу-юань). Окончившіе ее становятся членами Хань-линьской академіи и особо награждаются за свои труды.

Отрицательнымъ явленіемъ представляется сохранившійся обычай покупки ученыхъ степеней. Изъ недавняго доклада министерства финансовъ видно, что для покупки степени старшаго студента — гунъшэна—нужно истратить 5.148 ланъ.

Послѣ обнародыванія новыхъ учебныхъ правилъ устройство новыхъ школъ пошло впередъ довольно быстро. Уже въ 1901-мъ году въ Тай-юань-фу былъ образованъ университетъ. Китайцы въ Шанхаѣ подписали 42.000 долларовъ на открытіе низшей школы для 500 мальчиковъ. Въ томъ же городѣ одинъ изъ богатыхъ китайцевъ пожертвовалъ 200.000 дол. на постройку другой низшей школы. Пожертвованія стали поступать и въ другихъ городахъ. Интеллигенція относится къ школьной реформѣ иногда очень горячо. Одна вдова въ Хунани учредила школу для дѣвицъ. Никто, однако, не присылалъ къ ней дочерей. Однажды утромъ ее нашли повѣсившейся, при чемъ

рука ея обнимала прошеніе, въ которомъ она говорила, что смерть ея должна доказать чиновникамъ важность ея дѣла.

Одновременно съ открытіемъ школъ началась посылка студентовъ за границу. Каждый студентъ, возвратившійся съ дипломомъ изъ-за границы, подвергается экзамену и по выдержаніи его рекомендуется министерству иностранныхъ дѣлъ для занятія какой-либо должности. Такія лица имѣютъ право на полученіе степеней магистра и доктора, если докажутъ знаніе китайской литературы.

Такимъ образомъ, новое образованіе пустило корни, вырвать которые въ настоящее время уже нельзя, хотя попытки, все болѣе рѣдкія, иногда дѣлаются. Такъ, въ 1902-мъ году членами Хань-линьской академіи была подана петиція о возобновленіи старой системы образованія, на что имъ былъ данъ отвѣтъ: „будучи ниже другихъ, вы не хотите въ томъ сознаться. Это позорно. Приказать соотвѣтствующимъ докладчикамъ воздерживаться отъ дальнѣйшихъ униженій себя“.

Сначала органомъ управленія учебнымъ дѣломъ было Сіо-у-чу, во главѣ котораго стоялъ Чжанъ-чжи-дунъ, имѣющій помощника въ лицѣ „сановника по учебнымъ дѣламъ“. Многообразіе дѣлъ по учебной реформѣ вызвало въ концѣ 1905-го года образованіе министерства народнаго просвѣщенія — Сіо-бу. Въ Пекинѣ для объединенія всего учебнаго дѣла существуетъ еще главное учебное управленіе — Ду-сіо-цзюй. За ходомъ образованія въ провинціяхъ наблюдаютъ инспекторы просвѣщенія.

Въ настоящее время наибольшимъ препятствіемъ открытію школъ служитъ недостатокъ средствъ. Общее представленіе о расходѣ на учебное дѣло получить невозможно, но, судя по нѣкоторымъ докладамъ, расходы по отдѣльнымъ провинціямъ незначительны. Въ Цзянъсу, напримѣръ, стоящей по развитію школьнаго дѣла на одномъ изъ первыхъ мѣстъ, ежегодно изъ таможенныхъ суммъ тратится на обученіе 170.000 ланъ (около 240.000 руб.).

Что касается учительскаго персонала, то, за неимѣніемъ собственнаго, Китаю въ первое время приходилось обращаться къ иностранцамъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ хотѣли поставить дѣло преподаванія основательно. Такъ какъ должности преподавателей хорошо оплачивались (300—400 дол. въ мѣсяцъ и болѣе), то охотниковъ занять ихъ являлось немало, но среди нихъ встрѣчались люди, совершенно не удовлетворявшіе своему назначенію. Вскорѣ это было замѣчено китайцами, и теперь они уже очень разборчиво относятся къ пріему учителей, предпочитая имѣть своихъ, хотя бы и плохихъ. Въ настоящее время общей характеристикою послѣднихъ именно можетъ служить слово: посредственность. Большинство ихъ побывало въ

Японіи и кое-что усвоило. Занявъ должность учителя, такія лица скоро истощаютъ свой научный багажъ, что всегда становится ясно ученикамъ, нерѣдко теряющимъ всякое уваженіе къ учителю. Примѣровъ учителей, взявшихся не за свое дѣло, въ настоящее время масса. Въ Урумчи, напримѣръ, преподается русскій языкъ китайцемъ, не понимающимъ разговорнаго языка и ведущимъ обученіе по устарѣлымъ учебникамъ.

Такъ же трудно, какъ расходы на учебное дѣло, опредѣлить уровень образованія. Оно вообще невысоко, но доступно всѣмъ и цѣнится всѣми. Почти всѣ бои умѣютъ читать и писать; нерѣдко можно даже встрѣтить простыхъ чернорабочихъ (кули), знакомыхъ съ письменностью. Намъ кажется, что по своему развитію китаецъ, въ массѣ, стоитъ не ниже европейца. Признано также всѣми трудолюбіе китайцевъ. Въ настоящее время, притомъ, все болѣе и болѣе получаетъ развитіе пресса, насчитывающая до 250 органовъ и служащая проводникомъ новыхъ идей. Китайцы охотно читаютъ газеты; существуютъ спеціальныя народныя газеты на разговорномъ языкѣ (байхуа), напримѣръ въ Пекинѣ газета „Патріотизмъ"—Ай-го-бао, „Обновленіе"—Цзинь-хуа-бао. Изложеніе фактовъ въ этихъ газетахъ, подвергающихся теперь цензурѣ, въ большинствѣ случаевъ вѣрное; отъ европейской прессы онѣ мало чѣмъ отличаются.

Для изданія учебниковъ и книгъ общеобразовательнаго характера въ Шанхаѣ возникла особая фирма „Шанъ-у-инь-шу-гуань"—коммерческая пресса, издавшая по японскому образцу значительное количество учебниковъ. Намъ удалось просмотрѣть нѣкоторые изъ нихъ и мы пришли къ заключенію, что они вполнѣ отвѣчаютъ своей цѣли: изложеніе ясное, послѣдовательное. Иностранное вліяніе сказалось даже на внѣшнемъ видѣ вновь издаваемыхъ книгъ, имѣющихъ по большей части европейскій переплетъ, хорошія иллюстраціи и пояснительные чертежи. Еще ранѣе образованія этой компаніи работали, да и теперь работаютъ въ томъ же направленіи миссіонеры, которымъ китайскій языкъ обязанъ многими терминами въ наукахъ положительныхъ.

Въ пополненіи китайскаго языка новыми понятіями и іероглифами большую роль въ настоящее время играютъ японцы. Отъ нихъ уже и теперь многое заимствуется. Однако обогащеніе языка значительно замедляется его примитивностью. Многіе утверждаютъ даже, что науки чисто отвлеченныя не могутъ быть на немъ излагаемы, такъ какъ вовсе не существуетъ еще выраженій длл различныхъ научныхъ понятій. Это мнѣніе едва-ли основательно.

Въ дальнѣйшемъ развитіи китайскому языку, если ему суждено сохранить свою неприкосновенность, предстоитъ выработать новыя

выраженія и сдѣлать такъ, чтобы они не загромождали письменность новыми гіероглифами. Если даже у насъ, гдѣ письмо приблизительно соотвѣтствуетъ звуку, часто не понимается рѣчь спеціальнаго содержанія, то въ Китаѣ она должна быть особеннымъ камнемъ преткновенія. Китайцу, при переходѣ къ спеціализаціи, необходимо усвоить, помимо тѣхъ гіероглифовъ, которые даютъ ему возможность понимать другъ друга, еще гіероглифы своей спеціальности. Поэтому многіе высказываютъ мнѣніе, что для Китая лучше было бы вести преподаваніе наиболѣе трудныхъ предметовъ на иностранныхъ языкахъ, которые входятъ въ настоящее время въ курсъ учебныхъ заведеній.

Японцы, желающіе провести идеи панмонголизма, сознаютъ отлично, что китайскій языкъ можетъ представлять большія затрудненія для этихъ идей: вслѣдствіе этого они пытаются унифицировать его, конечно на японскій ладъ. Для этой цѣли въ ноябрѣ 1907-го года пріѣзжалъ въ Пекинъ японецъ Шуджи-Изава, старавшійся учредить здѣсь общество для упрощенія и объединенія гіероглифовъ. Въ томъ же направленіи работаетъ и общество Дунъ-я-тунъ-вэнь-хуй [1]), образованное послѣ Симоносекскаго мира Японіею спеціально для проведенія плановъ панмонголизма.

Интересенъ вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ будетъ вестись преподаваніе. Для объединенія Китая онъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Въ Срединной Имперіи существуетъ масса нарѣчій, до того отличающихся одно отъ другого, что китайцы сѣвера и юга рѣшительно не могутъ объясниться между собою. Учебныя правила предвидѣли это затрудненіе и разрѣшили его слѣдующимъ образомъ: „Во всѣхъ государствахъ принятъ одинъ опредѣленный языкъ, вслѣдствіе чего облегчаются взаимныя сношенія населенія отдѣльныхъ частей государства. Въ Китаѣ преподаваніе ведется на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, вслѣдствіе чего отдѣльныя провинціи не понимаютъ другъ друга. Нынѣ рѣшено объединить китайскій языкъ мандаринскимъ нарѣчіемъ — гуань-хуа. Вслѣдствіе этого, начиная съ учительскихъ семинарій и низшихъ училищъ 1-го разряда, въ курсъ китайской словесности должно входить преподаваніе мандаринскаго нарѣчія“ (подъ которымъ въ данномъ случаѣ разумѣется пекинское нарѣчіе цивилизованныхъ китайцевъ). Отнынѣ будетъ требоваться отчетливое чтеніе и произношеніе на этомъ нарѣчіи. Благодаря громадной массѣ чисто правительственныхъ учебныхъ заведеній, реформа языка значительно облегчается, такъ какъ возможно установить общій режимъ и лучшій контроль.

Большимъ препятствіемъ къ надлежащей постановкѣ учебнаго

---

[1]) Общество странъ Восточной Азіи, соединенныхъ общею культурою.

дѣла слѣдуетъ считать проникновеніе въ школы политики. Въ послѣднее время она сильно занимала умы учащихся; ни учителя, ни мѣстная администрація не успѣли во̀ время остановить броженіе. Во время агитаціи противъ займа газеты сообщали о массовыхъ петиціяхъ и активной агитаціи въ школахъ. Извѣстенъ даже случай революціоннаго движенія въ полицейской школѣ въ Ань-цинъ-фу, главномъ городѣ провинціи Ань-хуй. Въ виду принятыхъ строгихъ мѣръ, газеты перестали сообщать о политическомъ движеніи въ школахъ. Характеръ китайцевъ въ массѣ—послушный; врядъ-ли учащаяся молодежь стала бы сама начинать агитацію, не имѣя на своей сторонѣ сочувствія наставниковъ. Послѣдніе, особенно побывавшіе за границею, были охвачены общимъ національнымъ возбужденіемъ. Мѣстами политическое броженіе было настолько велико, что пришлось закрывать школы. Это случилось, напримѣръ, въ провинціи Юнь-нань, гдѣ въ іюлѣ 1907-го года было закрыто изъ шести среднихъ учебныхъ заведеній четыре и были оставлены только училище правовѣдѣнія и учительская семинарія. Препятствіемъ для успѣховъ образованія можетъ служить и слишкомъ матеріалистическій взглядъ на него. Многіе китайцы видятъ въ немъ средство скорѣе пристроиться на государственную службу. Такъ какъ, въ виду большого количества кончающихъ курсъ, многіе остаются за бортомъ, то начинается разочарованіе: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтно значительное уменьшеніе количества учащихся, чѣмъ пользуются приверженцы старины, мутящіе населеніе.

Всѣ китайскія учебныя заведенія могутъ быть раздѣлены, какъ и у насъ, на общеобразовательныя и спеціальныя. У китайцевъ наблюдается тенденція отдавать предпочтеніе послѣднимъ.

Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ установленъ приблизительно тотъ же режимъ, что и въ Европѣ. Во главѣ университетовъ стоитъ ректоръ, во главѣ другихъ училищъ—директоръ; далѣе слѣдуютъ инспектора и учителя. Какъ и у насъ, ученикамъ ставятся отмѣтки. За проступки менѣе значительные полагается запись въ кондуитный журналъ; за болѣе важные — исключеніе изъ училища. Система оцѣнки успѣховъ также заимствована у европейцевъ. Успѣшность опредѣляется разрядами. Ученики должны носить опредѣленную форму, китайскаго образца. Занятія ведутся въ теченіе всего года, за исключеніемъ немногочисленныхъ праздниковъ. За послѣднее время стали искусственно создавать праздники, по примѣру европейцевъ. Празднуются теперь дни рожденія императора и вдовствующей императрицы, а также день рожденія Конфуція.

Ученикамъ запрещается заниматься посторонними дѣлами и курить опіумъ. Основою всего учебнаго дѣла, его одухотворяющею, завѣдующіе просвѣщеніемъ считаютъ нравственность, выражающуюся двумя качествами: преданностью и сыновней почтительностью. Средствами для ея насажденія, считаются прежнія классическія книги, къ которымъ присоединяются западныя науки, для развитія ума и способностей.

Общеобразовательныя школы Китая, по примѣру Японіи, раздѣляются на три разряда: низшій, средній и старшій, равняющійся колледжу. Въ размѣщеніи этихъ училищъ сказалась любовь китайцевъ къ порядку и послѣдовательности. Начальныя училища должны открываться въ уѣздныхъ, среднія—въ областныхъ, высшія—въ главныхъ городахъ провинцій. Это раздѣленіе дѣйствительно проводится въ жизнь. Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ второго разряда строго запрещается преподаваніе иностранныхъ языковъ, чтобы не забивать умственныя способности слишкомъ большимъ количествомъ предметовъ. Религіозное преподаваніе сведено къ нравоученію. Учебники нравоученій озаглавлены по-англійски: „Ethics" (по китайски—Сю-шэнь). Для низшихъ учебныхъ заведеній они являются скорѣе хрестоматіями, гдѣ собраны различные житейскіе случаи — проявленія доблести, великодушія и другихъ хорошихъ качествъ. Для большей наглядности въ такихъ учебникахъ имѣются иллюстраціи. Нѣкоторые разсказы заимствованы несомнѣнно отъ европейцевъ. Въ видѣ примѣра приведемъ разсказъ, гдѣ дѣйствующими лицами являются два мальчика, учившіеся всегда вмѣстѣ, сидя на одной и той же циновкѣ. Однажды около дверей ихъ учебной комнаты проѣзжала повозка. Одинъ изъ мальчиковъ, бросивъ книги, вышелъ посмотрѣть на нее; другой разрѣзалъ циновку и сѣлъ отдѣльно, сказавъ своему товарищу: „Послѣ того, что вы сдѣлали, вы не другъ мнѣ"... Въ старшихъ классахъ преподаваніе этики ведется болѣе отвлеченно, съ подраздѣленіемъ на главы, трактующія о воспитаніи души и тѣла, о дружбѣ, привычкахъ и проч. Болѣе или менѣе можетъ соотвѣтствовать нашему Закону Божію изученіе классиковъ, извѣстныхъ у китайцевъ подъ именемъ Шэнъ-цзяо, т.-е. конфуціанской религіи; но это опять-таки скорѣе сборникъ этическихъ правилъ. Общимъ для всѣхъ учебныхъ заведеній предметомъ является гимнастика; предположено ввести и преподаваніе военнаго дѣла. Молодежь охотно удѣляетъ время военнымъ упражненіямъ. Въ этомъ отношеніи произошелъ несомнѣнный поворотъ общественнаго мнѣнія: ранѣе на военныхъ и военное дѣло смотрѣли съ презрѣніемъ.

Китайское правительство, какъ ранѣе считало, такъ и теперь считаетъ образованіе своимъ долгомъ, вслѣдствіе чего обученіе въ низшихъ школахъ перваго разряда и въ учительскихъ семи-

наріяхъ безвозмездно. Постоянно высказываются пока еще не осуществленныя на практикѣ пожеланія сдѣлать начальное образованіе обязательнымъ для всѣхъ. Въ остальныхъ училищахъ взимается небольшая плата. Если ученики пользуются столомъ и постояннымъ помѣщеніемъ, то за это взимается дополнительная плата, отъ 30 до 100 долларовъ.

Училища, предназначенныя для подготовленія контингента учителей, раздѣляются на два класса: низшій—учительскія семинаріи и высшій—учительскіе институты. Къ послѣднимъ приравнивается и находящаяся въ Пекинѣ учительская академія.

Учительскія семинаріи учреждаются въ видахъ образованія учителей для низшихъ школъ обоихъ разрядовъ. Онѣ имѣютъ пятилѣтній курсъ, съ ежедневными занятіями въ теченіе шести часовъ. Временно эти семинаріи раздѣляются на отдѣлы: полный, облегченный и воспитательское бюро. На первый поступаютъ студенты въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ, на второй — отъ 25 до 30 лѣтъ, въ воспитательское бюро — отъ 30 до 50 лѣтъ. Проектировано учрежденіе такихъ училищъ на мѣстныя средства въ главныхъ городахъ провинцій, гдѣ число учащихся должно быть до 300 (въ другихъ городахъ—до 150). Начато устройство этихъ училищъ съ главныхъ городовъ провинцій, гдѣ послѣ перваго выпуска учительскія семинаріи должны обращаться въ учительскіе институты.

Цѣлью учрежденія учительскихъ институтовъ является подготовленіе учителей для среднихъ школъ и для учительскихъ семинарій. Въ институты имѣютъ право поступать окончившіе курсъ учительскихъ семинарій и общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ, по предварительному экзамену. Въ видѣ временной мѣры, однако, разрѣшенъ для самыхъ лучшихъ учениковъ пріемъ безъ экзамена. Штатъ этихъ училищъ опредѣленъ въ 240 чел. Курсъ учительскихъ институтовъ 4-хъ-лѣтній: одинъ годъ—общеобразовательный, три—спеціальные.

Въ настоящее время обращено вниманіе и на развитіе женскаго образованія, для котораго также открываются учительскіе институты. Ихъ рѣшено учредить сначала на правительственныя средства; въ областныхъ городахъ. Курсъ ихъ опредѣленъ въ четыре года, число ученицъ — въ 200; обученіе безплатное. Право на поступленіе пріобрѣтается окончаніемъ четырехъ классовъ низшаго училища. Возрастъ—не менѣе 15 лѣтъ. Кончившія только два класса низшаго училища поступаютъ на подготовительный курсъ (одинъ годъ).

Низшія женскія школы раздѣляются на учебныя заведенія перваго и второго разрядовъ. Въ послѣднія имѣютъ право поступать дѣти отъ 7 до 10 лѣтъ, въ первыя—отъ 11 до 14 лѣтъ; курсъ ученія въ шко-

лахъ того и другого разряда — 4-хъ-лѣтній. Въ низшей школѣ перваго разряда тѣ же предметы или продолжаются, или проходятся подробнѣе; къ географіи Китая прибавляется географія иностранныхъ государствъ, краткій обзоръ естественно-научныхъ предметовъ и гигіена.

Низшія мужскія школы также раздѣляются на два разряда: старшій и младшій. Низшія училища младшаго разряда обыкновенно помѣщаются въ какой-нибудь большой фанзѣ или кумирнѣ, иногда вполнѣ прилично обставленной. Религіозное чувство у китайцевъ очень неглубоко, и правительство ничего не имѣетъ противъ обращенія кумиренъ въ училища. Весьма часто можно встрѣтить доклады или разсужденія въ газетахъ на тему, что монахи—тунеядцы и что слѣдуетъ ихъ отдать въ солдаты, а кумирни обратить въ училища. Правительство относится пока къ этому вопросу безразлично, но можетъ быть со временемъ рѣшится послѣдовать совѣту, такъ какъ въ его распоряженіи окажется тогда большое количество зданій, пригодныхъ для низшихъ училищъ. Къ низшимъ школамъ нужно причислить и такъ называемыя „училища съ вечернимъ и утреннимъ курсомъ", въ которыхъ занятія ведутся, по выбору желающихъ, въ то или другое время дня. Возникли они спеціально для тѣхъ, которымъ какая-либо служба или дѣло не позволяетъ посвящать все время ученью, а между тѣмъ, въ связи съ наступившимъ теперь пробужденіемъ Китая, находятся желающіе учиться даже независимо отъ матеріальныхъ благъ, которыхъ, повидимому, не даютъ такія училища. Въ Пекинѣ ихъ нѣсколько. Въ настоящее время любознательность удовлетворяется еще другимъ способомъ, посредствомъ такъ называемыхъ освѣдомительныхъ бюро (Янь-пзю-со). Не оставлено безъ вниманія и физическое воспитаніе, для котораго образуются гимнастическія общества; противъ нихъ, однако, въ послѣднее время приняты репрессивныя мѣры, такъ какъ они становились средоточіемъ революціонныхъ элементовъ.

Среднія училища предположено открывать въ каждомъ областномъ городѣ, по меньшей мѣрѣ по одному, и это на практикѣ приводится въ исполненіе. Въ среднія училища принимаются не только кончившіе низшее, но и другіе, если они окажутся на высотѣ экзаменаціонныхъ требованій. За обученіе вносится отъ 1 до 2 долларовъ въ мѣсяцъ. Курсъ—пятилѣтній.

Слѣдующею ступенью образованія являются колледжи (Гао-дэнъ-сіо-танъ, что въ переводѣ означаетъ: „высшія училища"). Эти учебныя заведенія только начинаютъ свое существованіе. Послѣ перваго выпуска учениковъ средней школы въ главномъ городѣ провинціи, послѣдняя обращается въ колледжъ. Такъ это было въ Пекинѣ съ

средней школою знаменныхъ войскъ. Возрастъ вступленія—25 лѣтъ и выше. Всѣ желающіе поступить подвергаются экзамену. Такъ какъ предполагается, что въ первое время удовлетворяющихъ экзаменнымъ требованіямъ будетъ немного, то въ видѣ временной мѣры рѣшено понизить эти требованія, но открыть дополнительный классъ. Цѣль учрежденія колледжей—подготовленіе къ университету. Преподаваніе расчитано на три года. Такія училища должны открываться только въ главныхъ городахъ провинцій, со штатомъ на 500 человѣкъ. Существуютъ три подготовительныхъ отдѣла: 1) классической литературы, юридическій и словесный, 2) естественныхъ наукъ, 3) медицинскій. Обязательнымъ языкомъ считается англійскій; языки нѣмецкій и французскій необязательны. Желающіе продолжать образованіе на юридическомъ факультетѣ университета могутъ изучать латинскій языкъ, считающійся обязательнымъ на медицинскомъ разрядѣ; здѣсь обязателенъ также нѣмецкій языкъ. На всѣхъ отдѣлахъ ведется преподаваніе гимнастики и стратегіи. Намъ кажется, что сдѣлано это правительствомъ не даромъ; очевидно, оно думаетъ такимъ образомъ воспитать въ народѣ воинственный духъ, въ виду предстоящаго выступленія Китая въ качествѣ великой военной державы.

Къ колледжамъ нужно причислить вообще всѣ учебныя заведенія спеціальнаго характера, гдѣ преподаваніе поставлено на серьезную почву.

Самою высшею ступенью образованія служитъ университетъ. Въ настоящее время постановка въ немъ научнаго образованія оставляетъ желать многаго: хорошихъ туземныхъ профессоровъ нѣтъ, а приглашенные изъ-за границы едва ли лучше китайцевъ. Не довольствуясь университетомъ, какъ высшимъ представителемъ науки, китайское правительство проектировало еще „Докторскую академію" (Тунъ-жу-юань), въ которую могутъ поступать только окончившіе университетъ, для самостоятельныхъ занятій въ теченіе пяти лѣтъ. Цѣль учрежденія этой академіи — прогрессъ китайской науки, какъ отвлеченной, такъ и прикладной. Академія докторовъ или ученыхъ является квинтъ-эссенціею китайскаго ума и движенія впередъ, въ противоположность Хань-линьской академіи, бывшей до сихъ поръ выразительницею китайскаго регресса и консерватизма. Этой послѣдней академіи предстоитъ въ скоромъ времени полное преобразованіе. Въ противоположность докторской академіи, университетъ является представителемъ жизни, прилагающимъ на практикѣ научныя теоріи и открытія. Университетъ пока только въ теоріи дѣлится на восемь факультетовъ, съ 3-хъ-лѣтнимъ курсомъ (за исключеніемъ спеціальностей юридической и медицинской, гдѣ для прохожденія курса

установлено четыре года): 1) классическій, 2) юридическій, 3) словесный, 4) медицинскій, 5) естественный, 6) агрономическій, 7) технологическій и 8) финансовый. Всѣ эти факультеты должны быть на лицо только въ пекинскомъ университетѣ, въ другихъ же требуется имѣть не менѣе трехъ. Факультеты въ свою очередь раздѣляются по спеціальностямъ, которыхъ насчитывается въ каждомъ факультетѣ отъ двухъ до 11-ти. Студентъ можетъ изучать хотя бы только одну спеціальность. Изъ иностранныхъ языковъ преподаются въ университетѣ англійскій, нѣмецкій и французскій; русскій недавно упраздненъ. За право ученья въ университетѣ полагается ежемѣсячная плата въ 4 доллара; лучшіе студенты не только освобождаются отъ нея, но даже содержатся на казенный счетъ. Пріемъ производится по предварительному экзамену, для котораго необходимо окончаніе или подготовительнаго университетскаго курса, или колледжа. Въ настоящее время въ Китаѣ существуютъ три университета: въ Пекинѣ, Тянь-цзинѣ и Тай-юань-фу. Нанкинскій генералъ-губернаторъ Дуань-фанъ предполагаетъ открыть четвертый университетъ въ Нанкинѣ.

Сознавая, что всѣ благія пожеланія могутъ остаться тщетными, если чиновничество будетъ систематически имъ противодѣйствовать, правительство рѣшило обратить вниманіе на развитіе этой темной массы. Насколько широко была задумана эта реформа, видно изъ того, что рекомендовано отправленіе за границу даже маньчжурской знати. Чтобы она не сдѣлала изъ своего путешествія partie de plaisir, было постановлено, что каковъ бы ни былъ рангъ сановника или чиновника, онъ не можетъ считать себя выше посланника и не можетъ брать съ собою болѣе двухъ переводчиковъ и трехъ слугъ. Въ самомъ Китаѣ существуетъ особая академія („Цзинь-ши-гуань"), въ которую поступаютъ имѣющіе степень доктора, въ возрастѣ не свыше 35 лѣтъ, для изученія новыхъ наукъ. Магистры и лучшіе студенты должны поступать въ училища, если имѣютъ не свыше 30 лѣтъ; лица свыше этого возраста проходятъ облегченный курсъ учительскихъ институтовъ.

Существуетъ еще многочисленный разрядъ училищъ спеціальныхъ, устройство которыхъ считается необходимымъ для обезпеченія достаточнаго контингента спеціалистовъ. Въ виду того, что въ настоящее время еще нѣтъ высшихъ спеціальныхъ школъ, которыя могли бы давать преподавателей для низшихъ, для образованія штата учителей учреждены особыя учебныя бюро (Цзянь-си-со). Особенно подробно разработаны правила для училищъ земледѣльческихъ, техническихъ и коммерческихъ. Какъ и общеобразовательныя, спеціальныя школы раздѣляются на три разряда: низшій, средній и высшій. Въ низшія училища поступаютъ изъ общеобразовательныхъ

низшихъ училищъ второго разряда. Въ спеціальныя учебныя заведенія принимаются только мальчики въ возрастѣ свыше 13 лѣтъ.

Помимо указанныхъ школъ, имѣющихъ громадное значеніе для развитія народной предпріимчивости, существуетъ цѣлый рядъ школъ, вызванныхъ потребностями государственной жизни или сословными интересами. Къ послѣднимъ относится военная школа для знати, соотвѣтствующая нашему пажескому корпусу. Проектировалось также учрежденіе школы для изученія дѣтьми знатныхъ лицъ права; эта школа соотвѣтствовала бы нашему училищу правовѣдѣнія. Изъ числа училищъ, предназначенныхъ служить интересамъ государства, особое вниманіе правительства обращено на военныя училища. Они могутъ быть раздѣлены на три класса: высшій (академіи), средній (юнкерскія училища) и низшій (кадетскіе корпуса). Первая академія была открыта въ Учанѣ въ 1897-мъ году; преподаваніе въ ней велось подъ руководствомъ нѣмецкихъ офицеровъ. Въ настоящее время число образованныхъ на европейскій ладъ офицеровъ уже значительно. Въ одной только провинціи Ху-бэй ихъ не менѣе 2.000. Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ приняты европейскія программы. Въ академіяхъ студенты занимаются теоретически въ классѣ, практически—внѣ класса. Классныя занятія заключаются въ изученіи китайской словесности, стратегіи, географіи, математики, топографіи, фортификаціи.

Въ Чифу, по иниціативѣ Юань-ши-кая, возникъ морской корпусъ, Въ Нанкинѣ, Фу-чжоу и Кантонѣ существуютъ морскія училища. Къ войсковымъ школамъ нужно причислить и медицинскія, открывающіяся въ настоящее время почти исключительно для нуждъ арміи. Въ Пекинѣ существуетъ фельдшерское училище, съ 3-хъ-лѣтнимъ курсомъ.

Одновременно съ учрежденіемъ военныхъ школъ было обращено серьезное вниманіе и на полицейскія, въ виду пробудившагося желанія устроить полицейское дѣло по западно-европейскому образцу. Полицейскія школы учреждаются повсюду въ значительномъ количествѣ. Раздѣляются онѣ на два разряда — высшія и низшія. Первыя имѣютъ трехгодичный курсъ, вторыя—годичный.

Развитіе желѣзнодорожнаго дѣла, реформы юстиціи вызвали образованіе спеціальныхъ желѣзнодорожныхъ школъ и школъ правовѣдѣнія. По проекту министерства путей сообщенія предположено учредить въ каждой провинціи желѣзнодорожное училище. Въ настоящее же время такихъ школъ насчитывается не болѣе 3—4. Гораздо быстрѣе пошло образованіе школъ правовѣдѣнія. Курсъ ихъ—полуторагодичный. Принимаются лица, имѣющія свыше 25 лѣтъ, а также чиновники. Программа очень широка.

Изъ нѣкоторыхъ другихъ училищъ болѣе или менѣе спеціальнаго

характера упомянемъ о топографскомъ училищѣ, подчиненномъ министерству внутреннихъ дѣлъ (ученики въ лѣтнее время занимаются съемками) [1]. Въ прессѣ и въ докладахъ указывалось на необходимость учрежденія археологическихъ училищъ, для изслѣдованія древней китайской культуры. Это считается особенно важнымъ именно теперь, когда новыя вѣянія могутъ совершенно стереть многое старое.

Насколько быстро двигается учебная реформа — трудно опредѣлить, за недостаткомъ статистическихъ данныхъ. Встрѣчаются они только по отдѣльнымъ провинціямъ, преимущественно въ докладахъ передовыхъ китайскихъ администраторовъ. Однако, принимая во вниманіе, что серьезные шаги для введенія новаго образованія стали дѣлаться всего семь-восемь лѣтъ тому назадъ, нельзя не признать, что сдѣлано многое. Въ 1906 г. въ Чжилійской провинціи существовали слѣдующія учебныя заведенія: университетъ, высшее училище, медицинское училище, высшее техническое училище, высшее земледѣльческое училище, перворазрядное земледѣльческо-техническое училище, двадцать одно ремесленное училище при ремесленномъ институтѣ, высшій учительскій институтъ, первоначальный учительскій институтъ, практическихъ школъ при немъ 89, средне-образовательныхъ школъ 27, первоначальныхъ школъ высшаго разряда 182, первоначальныхъ школъ 4.162, женскій учительскій институтъ, 40 женскихъ училищъ, 18 училищъ для подготовленія канцелярскихъ чиновниковъ, училище для уроженцевъ другихъ провинцій, рисовальное математическое училище, телеграфное училище. Учениковъ, посѣщающихъ школы, 86.622 (не считая утреннихъ и вечернихъ школъ, военныхъ и полицейскихъ училищъ и еще нѣкоторыхъ другихъ).

Относительно самаго Пекина одинъ изъ туземныхъ журналовъ опубликовалъ въ 1905-мъ году слѣдующій перечень школъ, съ количествомъ учащихся въ нихъ:

Университетъ	500
Школа переводчиковъ	200
Коммерческая школа	120
Высшая знаменная школа	120
Средняя „ „	100
8 низшихъ школъ 8 знаменъ, въ каждой по 100, всего	800
Фельдшерскіе курсы	80
Топографская школа	40
Средняя городская школа	80
Областная средняя школа	80
Начальная школа	60
Полицейская школа	болѣе 200

[1]) Такія училища существуютъ и въ провинціяхъ.

Съ 1905-го года открылось много другихъ училищъ, напримѣръ училища правовѣдѣнія; областная средняя школа обращена теперь въ колледжъ. Не включены въ этотъ перечень и частныя школы [1]).

Изъ учебниковъ китайской географіи, изданныхъ въ 1905 г., можно вывести заключеніе, что къ этому году среднія заведенія существовали почти въ каждомъ областномъ городѣ.

Разсмотрѣвъ всю учебную систему Китая, мы должны признать, что задумана она широко, по чисто европейскимъ образцамъ. Дѣло тормозится недостаткомъ денегъ и подходящихъ учителей.

Т.

СОЦІАЛЬНАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦІИ И ЕЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ОТРАЖЕНІЯ

(Письмо изъ Парижа.)

Недавно, въ качествѣ наблюдателя французской жизни, которому необходимо знать не только ея теченія, но и ея дѣятелей, я посѣтилъ Pataud, небезызвѣстнаго секретаря электрическаго синдиката. Пато и самъ по себѣ—интересная фигура. Нелегко заставить Парижъ говорить о комъ-нибудь — а о Пато говорятъ — одни весело, другіе зло, и даже въ декоративномъ поѣздѣ карнавальной королевы, двигавшемся по улицамъ Парижа въ день mi-carême, имѣлась особая колесница, на которой возсѣдалъ Пато, „князь тьмы", въ костюмѣ Пьеро. Онъ сидѣлъ, какъ на тронѣ, на громадной дуговой электрической лампѣ. Въ рукахъ скипетръ—тушилка. Вокругъ—потухшіе сименсовскіе фонари. Въ ногахъ—разсыпанныя и растоптанныя спички. Напротивъ—грандіозная, потушенная имъ свѣча. Парижъ, такимъ образомъ—во мракѣ. Кто съ этимъ не хочетъ мириться, пусть обращается въ С. G. Т. (Compagnie Générale des Ténèbres, или Confédération Générale du Travail).

Городской комитетъ по устройству празднествъ, совсѣмъ по-парижски, тонко и остроумно вышутилъ такимъ образомъ и Пато, и Всеобщую Конфедерацію Труда—и парижане весело смѣялись, глядя на самаго страшнаго человѣка современной Франціи. Но этотъ смѣхъ

[1]) По переписи министерства внутр. дѣлъ, въ августѣ 1908 г. въ Пекинѣ было зарегистровано 183 училища мужскихъ, съ 16.282 учениками, и 17 женскихъ, съ 771 ученицею.

никого не убилъ, и синдикалистское движеніе не потеряло своего серьезнаго значенія.

О синдикализмѣ существуетъ довольно обширная литература, даже и на русскомъ языкѣ. Существуютъ синдикалистскія теоріи, разработанныя и изложенныя такими талантливыми и образованными людьми, какъ Сорель, Лабріола и др.; онѣ тоже извѣстны русскимъ читателямъ, интересующимся соціальными вопросами. Вы позволите мнѣ не касаться ихъ въ настоящемъ письмѣ, посвященномъ французской жизни. Тѣмъ болѣе, что для пониманія соціальныхъ явленій надо знакомиться съ ними въ ихъ корняхъ, а не въ цвѣтахъ—какими являются теоріи.

— Что двигаетъ Пато? Чѣмъ живетъ, какъ мыслитъ и чувствуетъ тотъ синдицированный рабочій, который избралъ его своимъ вождемъ и представителемъ? Что толкнуло ихъ всѣхъ на линію action directe?—вотъ вопросы, которые я ставилъ себѣ, идя въ бюро электрическаго синдиката на Биржѣ Труда, гдѣ Пато назначилъ мнѣ свиданіе.

Спѣшу оговориться: на вопросы эти я могу отвѣтить только въ предѣлахъ моихъ личныхъ наблюденій—понятно, ограниченныхъ. Но, кажется, они не проиграютъ въ убѣдительности отъ сопоставленія съ мнѣніями другихъ безпристрастныхъ наблюдателей, съ которыми я познакомлю васъ въ концѣ настоящаго письма.

Въ Пато я встрѣтилъ прежде всего дѣлового человѣка. Это написано на его лицѣ, сквозитъ въ каждомъ его словѣ. Теоріи здѣсь ни при чемъ. Онѣ пришли послѣ и легли поверхъ. Подъ ними—интересы и трезвый разсчетъ. Еслибы Пато родился сыномъ фабриканта, изъ него вышелъ бы прекрасный хозяинъ, разсчетливый, дѣловой, умѣющій подорвать конкурента и набить свой карманъ. Еслибы жизненная случайность сдѣлала изъ Пато биржевого быка или медвѣдя, онъ, вѣроятно, нажилъ бы деньги спекуляціей и безъ пощады давилъ бы всѣхъ на своей дорогѣ. Дѣловой человѣкъ.

Но жизненная случайность сдѣлала его незаконнымъ сыномъ бѣдной швеи, заставила до девяти лѣтъ бѣгать по улицѣ безъ призора, съ тринадцати лѣтъ поступить на фабрику. Онъ испыталъ всю оборотную сторону жизни — голодъ, холодъ и грязь, безработицу и непосильный трудъ, — и, какъ дѣловой человѣкъ, сказалъ: больше не желаю.

— Суть въ томъ, — объяснялъ мнѣ Пато — что какъ никто изъ васъ не хочетъ платить въ лавочкѣ двойную цѣну за товаръ, такъ и мы не хотимъ давать хорошую работу за дурную жизнь. Мы во Франціи работаемъ хорошо. Да. И интенсивно. Работаемъ не только руками, но и головой. И получаемъ? Четыре франка! Ну, нѣтъ! Я за хорошую работу хочу большаго...

— Чего?

— О, многаго. Десять франковъ въ день и восемь часовъ работы. Мнѣ нужны чистая, хорошая комната и сытный, здоровый столъ. Приличное платье, чтобы вечеромъ или въ праздникъ сходить въ театръ или погулять. Или я долженъ быть одѣтъ обшарпанцемъ? Лѣтомъ мнѣ нужны каникулы—съ сохраненіемъ заработной платы,—чтобы съѣздить на берегъ моря, или въ Альпы, или за границу, или просто на дачу, подышать воздухомъ, полежать на травѣ. У учениковъ есть каникулы, у чиновниковъ—отпуски. Почему это мы должны составлять исключеніе? Потомъ, подъ старость я долженъ имѣть пенсію. И не такую, какую устраиваетъ намъ Вивіани—нищенскую пенсію для мертвыхъ: кто изъ рабочихъ доживаетъ до 65 лѣтъ?—а пенсію для живыхъ, для пятидесяти-пяти-лѣтнихъ, отработавшихъ обществу сорокъ лѣтъ... Да, и много еще другого...

Очень неумѣренныя требованія для рабочаго? Не будемъ касаться этого вопроса. Вы скажете, что неумѣренныя—Пато отвѣтитъ, что, напротивъ, очень скромныя, и выйдетъ споръ. Но наше дѣло не спорить съ Пато и съ тѣми, кто стоитъ рядомъ съ нимъ и за нимъ, а понять ихъ.

И чтобы понять, надо вспомнить, что уже пра-прадѣды Пато, сто двадцать лѣтъ тому назадъ, провозгласили принципъ равенства, который читается теперь на всѣхъ фронтонахъ всѣхъ казенныхъ зданій. Нельзя, конечно, сказать, чтобы принципъ этотъ вошелъ очень глубоко въ жизнь, но онъ вошелъ въ нравы и въ воззрѣнія низшихъ классовъ народа, и засѣлъ въ нихъ такъ крѣпко, какъ хорошо вколоченный гвоздь въ мягкомъ деревѣ.

Въ теченіе всего XIX-го вѣка смѣнявшіеся и боровшіеся между собою режимы всегда апеллировали къ народу, и республиканцы не уставали твердить ему, что республика—это равенство.

И Пато, естественно, говоритъ теперь:

— Равенство. Вы ѣдете лѣтомъ на дачу и на дюны. Я тоже желаю ѣхать въ Біарицъ.

Съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ? Къ несчастью у Пато нѣтъ никакого рыла, ни суконнаго, ни бархатнаго. Подобно всѣмъ французамъ, Пато—не „свинья“ и не „братецъ“, а monsieur. Monsieur Pataud, en toutes lettres. Здѣсь всѣ—messieurs. Улицу передъ моимъ домомъ по утрамъ мететъ плюгавый старикашка, метельщикъ. Грязная синяя блуза, подбитые гвоздями башмаки, штаны, стянутые внизу велосипедными застежками. Сгорбленный, на согнутыхъ колѣняхъ. Когда я утромъ перехожу улицу, онъ, какъ нарочно, часто пересѣкаетъ мнѣ дорогу съ кишкой отъ водопроводнаго крана. Много разъ, по россійской привычкѣ, готовъ я былъ ему сказать: — Эй, погоди,

братецъ,—не видишь, что-ли, что господинъ идетъ! Но малодушествовалъ и не говорилъ. И хорошо дѣлалъ. Потому что „господиномъ“-то—monsieur,—является и онъ. Каждое утро, когда я иду за газетами въ лавочку напротивъ, изъ переулочка выходитъ старушка съ двумя дѣтишками. Она ведетъ ихъ въ школу, чистенько одѣтыхъ, и боится, чтобы на улицѣ, по которой бѣгаютъ конки и носятся автомобили, съ ребятками не случилось бѣды. Она ихъ переводитъ поэтому черезъ улицу, и, встрѣчая метельщика, говоритъ ему:

— Bonjour, monsieur! Comment ça va?

— Madame!

Я увѣренъ, что еслибы на меня надѣть семифунтовые подкованные сапоги и синій балахонъ, я никогда не съумѣлъ бы такъ свѣтски-любезно и такъ молодцовато раскланяться, какъ мой метельщикъ. Подбодрившись, онъ обыкновенно подходитъ къ старушкѣ; они шутятъ и болтаютъ, любезно и дружелюбно, такъ точно, какъ еслибы они встрѣтились на вечерѣ, въ гостяхъ, и на лицахъ, жестахъ, на всемъ ихъ разговорѣ—слѣдъ того, что они monsieur и madame, а не „братецъ“ и „тетка“.

Если мы возьмемъ не стариковъ, а молодежь, то она вся прошла черезъ коммунальную школу новаго типа, гдѣ учатъ и много, и хорошо. Въ школѣ, въ спеціальныхъ курсахъ, которымъ нѣтъ числа, въ собраніяхъ, на митингахъ, въ газетахъ, которыя читаются всѣми, французъ, хорошо или худо, но знакомится со всѣми идеями, обращающимися въ странѣ. Въ концѣ концовъ, средній французъ изъ народа, быть можетъ, и не Богъ вѣсть какъ образованъ, быть-можетъ полу-образованъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что онъ уже культурный человѣкъ и мозгъ его мыслитъ.

И, мысля, средній французъ изъ народа видитъ, что выше его лежащіе соціальные слои—съ гнильцой. А если такъ, то пропадаютъ послѣднія основанія для какихъ-нибудь привилегій. Нѣтъ большей привилегіи, чѣмъ привилегія имѣть по праву привилегіи. И вотъ, во Франціи ея никто не имѣетъ.

— Вы желаете имѣть удобную, здоровую, красивую жизнь на мой счетъ? Извините, я самъ желаю имѣть ее.

Такой ходъ народной мысли можетъ казаться нежелательнымъ и опаснымъ. О вкусахъ трудно спорить; но этотъ ходъ намѣчается повсемѣстно, и у современной культуры нѣтъ возможности предотвратить его. Тѣмъ хуже для отрицающихъ его. Отрицая, придется подчиниться неотвратимому.

Процессъ этотъ во Франціи, благодаря совокупности историческихъ причинъ, подвинулся впередъ дальше, чѣмъ гдѣ-нибудь—и вотъ причина, почему соціальный вопросъ поставленъ въ ней такъ остро, а

рабочее движеніе приняло острую форму движенія синдикалистскаго.

Синдикалистское движеніе отличается не только остротой, но и своеобразнымъ методомъ—action directe. „Хорошую жизнь“ синдикалисты разсчитываютъ завоевать не медленной эволюціей, не путемъ законодательныхъ реформъ, всегда частичныхъ и покоящихся на компромиссѣ. Нѣтъ, они разсчитываютъ вырвать ее, путемъ прямого дѣйствія, путемъ ряда частныхъ стачекъ—преддверья grève générale.

Что стачечная борьба — дѣйствительное средство для завоеванія частичныхъ улучшеній, доказывать это было бы излишне. Но grève générale въ качествѣ палладіума—гдѣ и какъ зародилась эта мысль? Въ умахъ мыслителей? Едва-ли. Именно мыслителямъ должно быть ясно, что значеніе этого героическаго средства и ограничено, и условно. Структура современнаго общества такъ сложна и тонка, что подходить къ дѣлу ея глубокой реорганизаціи съ столь грубымъ орудіемъ, какимъ является grève générale, организованная въ средѣ исторически неподготовленной — по меньшей мѣрѣ нецѣлесообразно. Но Пато вѣдь и не мыслитель. Онъ—зачарованный дѣлецъ. И, какъ зачарованному, ему простительны и увлеченія, и гипертрофія мысли, тѣмъ болѣе, что отъ гипертрофіи дѣйствій его спасетъ практическій инстинктъ.

— Скажите,—спросилъ я у него—подъ чьимъ вліяніемъ сложились ваши идеи? Вы вынесли ихъ изъ книгъ? Или додумались сами?

— Изъ книгъ? Я ихъ не такъ ужъ много читалъ... И надо сказать такъ: теоріи явились позже—лѣтъ пять тому назадъ. А я здѣсь секретаремъ синдиката уже восемь лѣтъ. И долженъ вамъ сказать, что все то, что я думаю теперь—я думалъ уже тогда...

Значитъ, мысль о грандіозномъ саботажѣ, о grève générale, внушили ему не теоретики и не книги. Внушила жизнь—и это особенно достойно вниманія.

Изъ всѣхъ противорѣчій, „заложенныхъ въ нѣдрахъ капиталистическаго общества“, быть-можетъ самымъ грубымъ и самымъ обильнымъ послѣдствіями является противорѣчіе, вскрывающееся намъ при видѣ наемнаго рабочаго, полу-раба, приставленнаго къ источникамъ механической силы, къ источникамъ энергіи.

Были ли вы когда-нибудь на электрическомъ заводѣ, въ святилищѣ современной техники и науки, гдѣ ревущая сила огня превращается въ тонкую и невидимую энергію электричества? Очаровательное зрѣлище. Часами стоялъ я, бывало, въ Москвѣ передъ большими окнами городской электрической станціи, и глядѣлъ, какъ въ высокой и безлюдной залѣ, освѣщенной луннымъ свѣтомъ вольтовыхъ дугъ, безшумно вращаются грандіозные электромагниты,—направо и налѣво, направо и налѣво,—таинственно превращая грубую силу огня

и пара въ текучій токъ, который двигаетъ потомъ поѣзда, станки, машины, свѣтитъ, грѣетъ, живетъ и творитъ жизнь современнаго общества.

Я понялъ бы, еслибы въ этомъ нервномъ центрѣ жизни, у этихъ таинственныхъ и прекрасныхъ механизмовъ стояли, наблюдая за ними, какіе-нибудь жрецы, въ длинныхъ мантіяхъ, первые люди города, окруженные почетомъ и, такъ какъ наше время — время прозаическое, — получающіе генералъ-губернаторское жалованье. Вмѣсто этого у трансформатора стоитъ Пато, пролетарій, продающій заводу свою силу за 4 фр. въ день. У выключателя—другой Пато, озлобленный, усталый, полный страстнаго протеста противъ того строя, въ которомъ онъ—только живой и голодный придатокъ механизма, противъ тѣхъ, кто оставилъ его за порогомъ красивой, веселой и пріятной жизни.

Много нелѣпаго на свѣтѣ, но бо̀льшей нелѣпости, чѣмъ эта — я не знаю.

Простое наблюденіе жизни и профессіональный опытъ привели Пато къ заключенію, что законъ концентраціи производства распространяется и на область производства движущей силы. Тысячи фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ не находятъ выгоднымъ самимъ производить движущую силу своихъ станковъ: они получаютъ ее съ центральнаго завода электрической энергіи. Пройдетъ немного времени, можетъ-быть полъ-вѣка—и среди многомилліоннаго промышленнаго города будетъ куриться всего какой-нибудь десятокъ колоссальныхъ трубъ, колоссальныхъ электрогенныхъ заводовъ. Если остановить ихъ—станетъ вся работа въ городѣ. Прекратится движеніе поѣздовъ. Погаснетъ свѣтъ. Остынутъ жилища людей. Прекратится передача мыслей на разстояніе. Каждый день — шагъ къ такой организаціи всей жизни народа, въ которой Пато, стоящій у трансформатора, является ея хозяиномъ. Пато—„палецъ отъ человѣческой ноги".

Когда онъ понялъ это своимъ практическимъ умомъ—я удивляюсь, какъ онъ не сошелъ тогда съ ума. Во всякомъ случаѣ онъ не безосновательно почувствовалъ себя человѣкомъ, котораго въ черномъ тѣлѣ держать болѣе нельзя. Какъ человѣкъ практическій, онъ потушилъ два раза въ Парижѣ свѣтъ въ электрическихъ фонаряхъ города; въ день, когда оперу посѣтилъ испанскій король, за полъ-часа до представленія, онъ представилъ дирекціи для подписанія новый контрактъ—иначе потушимъ электричество!—въ удобную минуту остановилъ лифтъ—и этими разсчитанными дѣйствіями поднялъ заработокъ электрическаго рабочаго съ четырехъ франковъ до десяти.

Какъ человѣкъ зачарованный, онъ предался сладкимъ вымысламъ, гдѣ перемѣшались были и небылицы, поэтическія грезы съ трезвой правдой.

— Возьмите ничтожную песчинку и бросьте ее сюда, въ механизмъ этихъ часовъ!—Пато вынимаетъ свои часы и показываетъ мнѣ:—часы остановятся. Мы въ силахъ бросить эту песчинку въ механизмъ и парижской, и французской жизни. Понимаете? Мы—это нашъ синдикатъ, наша конфедерація и, въ частности, я, Пато.

Это—трезвая правда. А сладкій вымыселъ—это мечты о томъ, какъ эти „мы“ продиктуютъ свою волю правительству, парламенту, народу, Франціи, упразднятъ то, передѣлаютъ это и сдѣлаютъ все по хорошему.

— Массы идутъ всегда за силой. У насъ сила. Массы пойдутъ за нами—объясняетъ мнѣ Пато.

Не онъ первый, не онъ послѣдній. Не у одного владыки кружилась голова отъ сознанія своего сверхчеловѣческаго могущества. Обыкновенно эти припадки головокруженія кончались не весьма благополучно. Массы не шли. Такъ можетъ случиться и здѣсь. Но трезвую правду, осложняющую сладкіе вымыслы, онѣ приняли, и примутъ, и въ черномъ тѣлѣ ихъ завтра держать будетъ нельзя. Таковъ непреложный фактъ.

Конечно, фактъ этотъ не для всѣхъ пріятенъ. Если при дѣлежѣ одинъ получаетъ больше — другой получаетъ меньше. И чувствуетъ себя обиженнымъ, и говоритъ:

— Я обдѣленъ. Я протестую.

Рѣдко кто умѣетъ подчиниться неизбѣжному.

Во Франціи, среди французской буржуазіи, существуютъ по отношенію къ рабочему движенію два теченія. Одно, благоразумное, быть-можетъ робкое, быть-можетъ разсчетливое, не хочетъ обострять положенія. Борьба по всей линіи, раздѣляющей два класса, и безъ того идетъ достаточно ожесточенная. Въ дѣлахъ эта часть буржуазіи не очень уступчива, часто даже совсѣмъ неуступчива. Отъ правительства она требуетъ охраны порядка, отъ палатъ — медленныхъ и осторожныхъ соціальныхъ реформъ. Надо протянуть время. Надо замедлить ходъ уступокъ, такъ какъ не уступить совсѣмъ—нельзя.

Кому въ этихъ условіяхъ отдать власть въ государствѣ? Кого поставить во главѣ правительства? Энергичныхъ защитниковъ имущихъ классовъ? Но это значитъ провоцировать взрывъ, дать почву для мечты Пато, тривіальнымъ образомъ которой является горсточка песку, насыпанная въ часы Франціи. И вотъ, французская буржуазія ставитъ у власти полу-радикальное, полу-соціалистическое министерство. Разсчетъ правильный и вѣрный. Соціалисты въ министерствѣ съумѣютъ дать—и дать охотно—рабочему классу то, что для него въ данный моментъ жизненно-необходимо. Неся власть и отвѣтственность, они

не дадутъ слишкомъ многаго. А радикальные товарищи и буржуазное большинство парламента насколько возможно затормазятъ ходъ уступокъ и позаботятся о томъ, чтобы реформаторы не зарывались...

Но кромѣ буржуа-поссибилистовъ, имѣются сердитые. Вотъ, напр., что пишетъ небезызвѣстный реакціонный публицистъ Лятапи.

„Стачечники! Быть стачечникомъ — значитъ обладать полнымъ иммунитетомъ. Для стачечника не существуетъ ни судовъ, ни законовъ. Онъ можетъ грабить, красть, убивать. Онъ не рискуетъ при этомъ ничѣмъ, и если неблаговоспитанный городовой, по несчастью, арестуетъ его, одинъ изъ тѣхъ судей, которые, по мнѣнію Валлэ, представляютъ „достаточныя политическія гарантіи“, отечески его пожуритъ—и только.

„Недавно въ Шамбонъ-Фужерелѣ стачечники подожгли домъ одного пастора. Металлургисты Луары только послѣдовали въ этомъ примѣру кожевниковъ Гролье, которымъ дана была возможность въ теченіе трехъ недѣль безнаказанно грабить, жечь и насиловать. Однако въ Шамбонѣ неблаговоспитанные жандармы, жандармы стараго образца, арестовали нѣкоего Тира, предводителя одной изъ бандъ. Тотчасъ же стачечники, съ знаменами, револьверами и резинами, трубами и барабанами, отправились къ су-префекту и потребовали освобожденія Тира. И арестантъ Тиръ былъ выданъ этимъ толпамъ, „воспламененнымъ святою яростью“...

„И никто во Франціи не интересуется такими сценами. Ихъ слишкомъ много. Онѣ повседневны. Газеты отводятъ имъ по три строчки въ хроникѣ событій, или просто молчатъ о нихъ.

„Нѣтъ болѣе мирныхъ стачекъ. И съ каждымъ днемъ среди стачечниковъ укореняется привычка предаваться эксцессамъ. Нѣтъ болѣе права работника трудиться, когда онъ хочетъ. Возникло новое право—убивать того, кто не принимаетъ участія въ стачкѣ. Каждая нынѣшняя стачка—action directe противъ имущества и личности патрона, и ея средства—саботажъ, поджогъ, убійство.

„Эти нравы—заключаетъ Лятапи—вошли въ жизнь вслѣдствіе безсилія правительствъ, существующихъ лишь благодаря поддержкѣ революціонныхъ партій“.

И, обращаясь къ республиканскому большинству, Лятапи предупреждаетъ:

„Вы ликвидировали церковь. Развѣ не видите вы, что теперь очередь за обществомъ, что теперь оно ликвидируется?“

Но какъ же предупредить ликвидацію? Что дѣлать? Какъ бороться? Среди отвѣтовъ, данныхъ на этотъ вопросъ современниками, остановимся на томъ, который данъ Бурже въ его драмѣ: „La Barricade“, и въ тѣхъ газетныхъ статьяхъ, которыми онъ ее сопроводилъ.

Во-первыхъ,—говоритъ Бурже въ своей драмѣ—надо совершенно и рѣшительно отмежеваться отъ рабочаго класса. Общество раздѣлено баррикадой. По одну сторону ея—классъ рабочихъ, по другую—буржуазія. Быть перебѣжчикомъ въ другой лагерь, можетъ-быть, и можно въ дни мира, но во время боя — а теперь именно идетъ бой — надо собрать всѣ свои силы, отказаться отъ празднаго сентиментализма и смотрѣть на вещи такъ же просто и трезво, какъ смотрятъ синдикалисты. То-есть, признать, что общество раздѣлено на два міра, другъ другу враждебные, между которыми возможенъ симбіозъ только подъ условіемъ подчиненія одного другому. Рабочіе хотятъ стереть съ лица земли буржуазію. Буржуазія должна отстоять баррикаду, подчинить рабочаго и установить порядокъ.

Бурже — не такой алармистъ, какъ Лятапи. Онъ не сгущаетъ — изъ политическихъ видовъ и въ интересахъ полемики—красокъ. Но и онъ говоритъ:

— Развѣ не слышите вы въ рѣчахъ всѣхъ вождей Всеобщей Конфедераціи Труда шума шаговъ цѣлой арміи, идущей на приступъ?

Драма Бурже: „Баррикада" ставитъ и разрѣшаетъ рядъ вопросовъ. Одно изъ первыхъ мѣстъ среди нихъ занимаетъ вопросъ о междуклассовыхъ отношеніяхъ. Первый актъ рисуетъ картину „деморализованной" буржуазіи. Хозяинъ фабрики любитъ работницу и даже хочетъ на ней жениться. Его сынъ отдается соціалистическимъ теоріямъ. Но эти противоестественныя связи сами собою лопаются во время стачки. Въ дѣвушкѣ, сначала колебавшейся, принять ли ей или не принять предложеніе хозяина, громко говоритъ классовое чувство—и она уходитъ въ свои ряды, точно такъ же, какъ въ свои уходитъ юноша, соціализмъ котораго навѣянъ умственными увлеченіями, а не вытекаетъ изъ интересовъ.

Второй вопросъ — должна ли и можетъ ли буржуазія идти на уступки все возрастающимъ требованіямъ рабочаго класса? Бурже отвѣчаетъ: „эти требованія безграничны и неосновательны. Хозяинъ—хорошій хозяинъ—долженъ быть гуманенъ съ своими рабочими, внимателенъ къ нимъ, заботливъ. Но все равно требованія будутъ расти". Онъ рисуетъ добраго и внимательнаго къ нуждамъ „рукъ" хозяина, у котораго стачка тѣмъ не менѣе вспыхиваетъ. Ее вызываетъ агитація синдиката, съ однимъ изъ представителей котораго, наглымъ и развязнымъ, мы и знакомимся въ пьесѣ.

— Пусть каждый изъ васъ — говоритъ фабрикантъ своимъ рабочимъ—придетъ отдѣльно ко мнѣ въ кабинетъ и изложитъ свои нужды. Вы знаете по опыту, что я всегда дѣлаю все возможное для тѣхъ, кто проситъ и заслуживаетъ. Но отвѣчать на требованія, предъявленныя

мнѣ скопомъ, поставленныя синдикатомъ, я не могу и не хочу. Теперь—за работу! —

Бурже, какъ вы видите, не хочетъ знать синдиката, не признаетъ узаконеннаго права рабочихъ организоваться. Онъ желалъ бы, чтобы по ту сторону баррикады была человѣческая пыль, а не армія, сильная взаимной связью и дисциплиной. Изъ этого вы видите, что въ его проповѣди классоваго антагонизма и классовой обособленности есть изъянъ. Онъ призываетъ къ организаціи буржуазію, онъ хочетъ ее превратить въ дисциплинированную армію—и отрицательно относится къ организаціи рабочихъ. „Хорошіе“ рабочіе и не организуются, по его мнѣнію, противъ буржуазіи. „Хорошіе“ рабочіе—это „желтые“, штрейхбрехеры, — и въ пьесѣ Бурже мы видимъ такого штрейхбрехера, вѣрнаго слугу, который ломаетъ стачку.

— Стойте твердо! — говоритъ своей драмой Бурже буржуазіи.— Стойте твердо, не идите на уступки требованіямъ синдикатовъ. Вамъ помогутъ ваша солидарность, ваше проснувшееся классовое сознаніе, „желтые“ рабочіе и голодъ; стачечники, въ концѣ концовъ, не могутъ съ нимъ бороться.—И чтобы подбавить буржуазіи бодрости, Бурже оставляетъ „баррикаду“ за нею. Въ пьесѣ хозяинъ побѣждаетъ. Изъ свалки онъ вышелъ съ сознаніемъ своего хозяйскаго долга и своего хозяйскаго права. Онъ вышелъ морально сильнымъ. Это—залогъ будущихъ побѣдъ. Но злоупотреблять побѣдами не слѣдуетъ. Не слѣдуетъ быть тираномъ. Напротивъ, нужно быть милостивымъ къ побѣжденнымъ. Вотъ почему фабрикантъ въ пьесѣ даетъ своему бывшему мастеру, руководившему стачкой, и своей бывшей работницѣ, ставшей женой этого мастера, немного денегъ, чтобы открыть мастерскую.

Неудивительно, что пьеса была восторженно принята буржуазной публикой. Въ театральной залѣ ей апплодировали и апплодируютъ. Въ прессѣ ее называли сильной, мужественной и философской вещью.

Но на нашъ взглядъ Бурже, по примѣру своего противника, Пато, тоже предался сладкимъ вымысламъ. Взять баррикаду на театральной сценѣ нетрудно; для этого достаточно добраго желанія автора. Другое дѣло—въ жизни. Въ жизни могутъ вѣдь представиться еще два случая. Или противная сторона окажется сильнѣе, и одержитъ верхъ въ борьбѣ; или, при равенствѣ силъ, раззорительная и кровавая бойня на баррикадѣ затянется, и обѣ стороны въ ней, пожалуй... погибнутъ?

Бурже хорошо сознаетъ возможность этихъ исходовъ, одинаково для него печальныхъ. Онъ долженъ, поэтому, искать средствъ, способныхъ предотвратить ихъ. И онъ нашелъ ихъ въ своей вѣрѣ.

„Я вѣрю, — пишетъ онъ,—я убѣжденъ, и изъ положенія, обрисованнаго мной въ моей пьесѣ, слѣдуетъ, что между враждебными клас-

сами долженъ существовать посредникъ. Посредникъ этотъ—это король, который регулируетъ ихъ дѣйствія и ихъ отношенія, въ то время какъ другая власть, всецѣло моральная, регулируетъ ихъ чувства и ихъ страсти. Эта вторая власть—церковь".

Не будемъ подвергать критикѣ эту концепцію, достаточно знакомую, достаточно испытанную въ долгомъ историческомъ опытѣ. Спросимъ лучше—осуществима ли она во Франціи, въ современной республиканской Франціи, порвавшей конкордатъ? Возможна ли въ ней новая реставрація? Должно замѣтить, что претендентъ, герцогъ Орлеанскій, опубликовавшій недавно манифестъ къ своимъ сторонникамъ, смотритъ на ея возможность очень пессимистически. Это слышится во всемъ тонѣ его рѣчи, грустномъ, чтобы не сказать безнадежномъ. И онъ правъ. Душа Франціи глубоко измѣнилась, и какія бы судьбы ни ждали ее въ будущемъ, ихъ образъ впереди, а не назади, во временахъ давно минувшихъ.

Итакъ, „баррикада", и Пато по одну стороны ея, и Бурже — по другую. Мы слышали, что̀ они говорятъ.

Но кромѣ сторонъ есть еще наблюдатели, и среди нихъ одинъ, книга котораго: „La Vague rouge", посвященная нравамъ революціонныхъ синдикалистовъ и антимилитаристовъ, заслуживаетъ большого вниманія. Это—Рони-старшій, членъ академіи Гонкуровъ, авторъ разсказовъ и повѣстей изъ жизни первобытнаго человѣка, хорошо знакомыхъ по переводамъ русскимъ дѣтямъ. Въ изученіе синдикалистской среды онъ вложилъ много труда, много большой и глубокой добросовѣстности. Нигдѣ не идеализируетъ онъ синдикалистовъ. Онъ не сочувствуетъ ихъ теоріямъ и ихъ практикѣ: онъ ихъ рисуетъ. И добросовѣстный карандашъ художника даетъ намъ рядъ типовъ и сценъ, въ которыхъ благородное и гнусное, возвышенное и низкое, глупое и разумное смѣшаны тѣсно,—какъ смѣшаны они въ жизни. Было бы противоестественно и невѣроятно, еслибы та масса, которая волнуется въ соціальныхъ низахъ общества, часто касаясь его дна, была чиста, прилизана, приглажена. Жизнь тяжела и жестока, борьба озлоблена, нищета деморализуетъ, тяжелый трудъ мѣшаетъ развитію интеллекта, вино туманитъ мозгъ. И все это дано въ книгѣ Рони — дано, какъ жизненный фактъ.

Но Рони не только художникъ. Еще болѣе онъ—мыслитель, чуждый, притомъ, всякой политической, а тѣмъ болѣе всякой политиканской тенденціи. Какъ художника-мыслителя, его всего болѣе привлекаетъ та проблема, которой онъ посвятилъ свои „предъисторическіе" романы. Проблема той стихійной біологической силы, той юношеской свѣжести, того мощнаго порыва, который позволилъ юному человѣчеству сойти

со стадіи чисто животнаго существованія. Безвѣстны тѣ далекіе отъ насъ предки, усиліями которыхъ куплены первые шаги цивилизаціи, могучіе, хотя и примитивные „покорители природы“. Мысль Рони много разъ возвращалась къ нимъ, и рука рисовала ихъ съ любовью, потому что жизненная сила и упругость — основное и необходимое условіе успѣха и всякаго, какъ индивидуальнаго, такъ и общественнаго прогресса.

И вотъ, подходя, въ своей новой и современной книгѣ, къ изученію этой современной среды — среды синдикатовъ,—Рони, рисуя ее какъ художникъ, какъ мыслитель спрашиваетъ себя: есть ли въ этомъ движеніи та могучая, чисто біологическая сила и свѣжесть, которая всегда ведетъ къ великимъ и благороднымъ завоеваніямъ, есть ли въ немъ подъемъ чувствъ, воодушевленіе, экстазъ мысли, органическая жажда борьбы и творчества? Или это только мутная грязь, на которой съ шумомъ лопаются зловонные пузыри?—какъ увѣряетъ Лятапи.

Отвѣтъ, который даетъ Рони — насколько *романъ* способенъ дать отвѣтъ на поставленный общій историко-соціологическій вопросъ — чрезвычайно любопытенъ.

Два теченія наблюдаются въ рабочей средѣ — два теченія, соотвѣтствующія двумъ основнымъ психологическимъ типамъ. Представителемъ одного является въ романѣ Деляндъ, „желтый“; представителемъ другого—Ружемонъ, синдикалистскій агитаторъ.

Деляндъ — индивидуалистъ. Онъ тоже не хочетъ барахтаться въ грязи соціальнаго дна. Даровитый, съ громадной нервной энергіей, съ большой способностью къ труду, съ руками, жаждущими лихорадочной работы, онъ чувствуетъ и знаетъ, что и въ современномъ обществѣ, при современной организаціи труда, онъ не останется на днѣ. И онъ идетъ къ верху соціальной лѣстницы, лихорадочно работая. Мастеръ своего дѣла, мастеръ на фабрикѣ, онъ презираетъ лѣниваго, шумнаго, невѣжественнаго, буйнаго и неумѣлаго батрака. Тотъ, кто голоденъ потому что не умѣетъ или не хочетъ работать— достоинъ своей участи. Кто хочетъ подняться, долженъ рвать работу зубами. Это—цѣлый культъ труда, трудовой энергіи, индивидуальной инициативы. Зачѣмъ ломать тотъ строй, въ которомъ торжествуетъ умный, сильный, искусный? Чтобы патронировать невѣжество, лѣность и неумѣлость? Но это значитъ вести жизнь къ упадку, къ вырожденію. И Деляндъ всѣми фибрами своего существа ненавидитъ революціонный синдикализмъ, съ его шумными, широковѣщательными обѣщаніями, грандіозными перспективами и массами, которыя за нимъ идутъ. Массы—это посредственность. Чтобы онъ, Деляндъ, былъ наверху, массы должны быть внизу.

И странно — этого защитника существующаго строя, этого сто-

ронника индивидуальнаго успѣха, Рони рисуетъ мрачнымъ, желчнымъ, почти ипохондрикомъ. Онъ, какъ высохшій лимонъ, твердъ, сморщенъ и все-таки киселъ. Если хотите, въ немъ—большая сила, культурная сила; но ее въ лучшемъ случаѣ хватитъ на то, чтобы создать положеніе самому Делянду, вывести его самого въ фабриканты.

Совсѣмъ другими красками рисуетъ Рони Ружемона, синдикалистскаго агитатора, безпокойный духъ котораго и широкая, жизнерадостная и дѣятельная натура толкаютъ отъ мечты къ мечтѣ, отъ митинга къ митингу, отъ стачки къ стачкѣ. Ружемонъ—тоже прекрасный работникъ, но онъ — трибунъ отъ рожденія, открытая, общественная натура, и его не манитъ индивидуальный успѣхъ. Въ немъ, какъ въ настоящемъ сынѣ народа, сильны стадные инстинкты. Онъ хочетъ и можетъ жить только въ массѣ, которую чаруетъ его мощь, его ясная логика, его отзывчивое чувство. Ружемонъ—вождь. Изъ него брызжетъ жизненная сила, сила древнихъ покорителей природы и открывателей неизвѣстныхъ странъ. И такъ какъ онъ живетъ въ средѣ бѣдной, угнетенной, недовольной, онъ отправляется на поиски неизвѣстной страны всеобщаго счастья и безусловной справедливости. И за нимъ идутъ. Идутъ спокойные и кроткіе работники, старые пьяницы, озлобленные неудачники, затасканныя на улицахъ дѣвушки,—идетъ вся та пестрая и разноцѣнная масса, передъ которой онъ съ силой и страстью апостола и новатора ставитъ поближе—конкретную и ясную цѣль, какой-нибудь лишній франкъ, а дальше, въ качествѣ руководящей звѣзды—сладкій вымыселъ, которому онъ вѣритъ съ силой цѣльной и неистощенной натуры.

И для того, кто вдумчиво читаетъ книгу Рони, становится яснымъ, что это исканіе страны общаго счастья, эта борьба, эта грубая свалка, эта vague rouge, идущая снизу — процессъ стихійный. Цѣлый общественный классъ несетъ на историческую сцену всю свою неизжитую энергію, все свое желаніе жить, а не только создавать жизнь для другихъ. Это потокъ. Онъ несетъ съ собой все, что исторіей сброшено на дно, но и все то сильное, здоровое и творческое, что есть въ людяхъ, впервые превращающихся изъ матеріала историческаго процесса въ дѣятелей исторіи.

Какіе же выводы можно сдѣлать изъ всего этого? Но развѣ выводы—мое дѣло? Въ качествѣ наблюдателя французской жизни, я собираю для нихъ матеріалы. Я разсказалъ кое-что изъ того, что видѣлъ самъ и что нашло свое отраженіе въ французской литературѣ. И для „Письма изъ Парижа"—этого довольно.

Бѣлоруссовъ.

АЛБАНСКІЙ ВОПРОСЪ

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ албанцы держатъ въ постоянномъ напряженіи турецкую власть, которая оказывается совершенно безпомощной въ борьбѣ съ этими горными, воинственными племенами. Албанскій вопросъ развертывается на нашихъ глазахъ не только какъ политическій, но и какъ національный, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ представляетъ особенный интересъ. Волна національныхъ возрожденій поднялась въ современномъ мірѣ такъ высоко, что докатилась и до недоступныхъ всякимъ культурнымъ воздѣйствіямъ горныхъ вершинъ Албаніи, и здѣсь вызвала къ жизни совсѣмъ новыя явленія. Не подлежитъ сомнѣнію, что албанскій вопросъ сыграетъ видную роль въ ближайшихъ судьбахъ Европейской Турціи, и что русское общественное мнѣніе должно уже теперь оріентироваться въ важнѣйшихъ политическихъ и національныхъ сторонахъ албанскаго вопроса.

Албанцы населяютъ западную часть Балканскаго полуострова, четыре вилайета Европейской Турціи: Битолійскій, Косовскій, Скутарійскій и Янинскій, гдѣ они составляютъ большую или меньшую часть населенія. Численность ихъ донынѣ не можетъ быть опредѣлена съ точностью уже потому, что при всякихъ попыткахъ оттоманскаго правительства произвести перепись албанцы поднимали возстанія. Да и какъ пересчитаешь жителей этихъ орлиныхъ гнѣздъ, этихъ змѣиныхъ лощинъ, среди которыхъ ютятся албанскія кулы (каменныя башни въ родѣ крѣпостей, составляющія обычное жилище горныхъ албанцевъ). Съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ число турецкихъ албанцевъ можно опредѣлить милліона въ два, хотя нѣкоторые писатели уменьшаютъ это число почти до полутора милліона, а сами албанцы считаютъ, что ихъ отъ трехъ до трехъ съ половиной милліоновъ. Довольно трудно точно опредѣлить и границы албанскихъ поселеній: племена кочуютъ съ мѣста на мѣсто, захватываютъ, скрываясь отъ свирѣпствующей кровавой мести, новыя области, вытѣсняютъ или вырѣзаютъ славянское населеніе этихъ послѣднихъ. Старая Сербія уже почти цѣликомъ въ албанскихъ рукахъ; географъ Македоніи, Кончевъ, отмѣчаетъ, что въ Полосѣ, области по верхнему теченію Вардара, албанцы быстро вытѣсняютъ болгаръ, отъ которыхъ скоро останутся лишь жалкіе слѣды въ нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ се-

леніяхъ. Недавно было отмѣчено (журналъ „Словенски Юг", № 5 за 1910 г.), что албанцы продвинулись еще далѣе на югъ, въ Велешскій округъ Македоніи. Надо прибавить, что и изъ политическихъ видовъ составители картъ опредѣляли территорію албанскаго распространенія довольно-таки произвольно: данныя лондонской карты 1876 г. совсѣмъ не сходятся съ данными константинопольской, 1877 г. или берлинской, Киперта, изданной въ 1881-мъ году. Въ зависимости отъ политическихъ тенденцій мѣнялись и границы албанскаго племени, какъ это указалъ въ своей книгѣ „Балканскіе вопросы" (1906 г.) проф. С. Новаковичъ.

Албанцы раздѣляются на двѣ большія діалектическія группы: сѣверныхъ геговъ, къ которымъ принадлежатъ всѣ католики и большая часть мусульманскихъ племенъ, и южныхъ тосковъ, изъ которыхъ большинство православные и сильно грецизированные. Между этими двумя группами лежитъ промежуточный діалектъ города Эльбасана (къ западу отъ Охридскаго озера), который дѣятели албанскаго національнаго возрожденія предполагаютъ положить въ основу общеалбанскаго литературнаго языка. До сихъ поръ нѣтъ ни такого языка, ни даже общеупотребительнаго алфавита. Попытки примѣнить къ албанскимъ звукамъ буквы греческаго, латинскаго, арабскаго и славянскаго алфавитовъ производились съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ успѣхомъ не разъ, но до сихъ поръ ни одна изъ нихъ еще не получила окончательнаго распространенія, хотя на албанскомъ языкѣ напечатана уже не одна сотня книгъ и издавалось и издается рядъ журналовъ и газетъ. Это отсутствіе общей письменности характерно вообще для албанской жизни до самаго недавняго прошлаго. Разъединенныя религіей, положеніемъ и исторіей, отдѣльныя племена албанцевъ жили особнякомъ, по большей части жестоко враждуя съ сосѣдями. Всѣ, кто изслѣдовалъ албанцевъ, поражались отсутствіемъ у нихъ историческихъ воспоминаній и общенароднаго сознанія. Въ очень цѣнной книжечкѣ объ албанцахъ сербскій офицеръ Богасавлевичъ („О арнаутима". У Нишу, 1897 г.) пишетъ, по личнымъ наблюденіямъ, слѣдующее: „Албанцы очень мало отдаютъ себѣ отчетъ въ прошломъ. Ихъ мало интересуетъ ихъ исторія, и потому они почти ничего не могутъ разсказать о своемъ прошломъ. Живущіе около Кроя и Леша (Круйи и Аллессіо) могутъ очень немного припомнить о храбромъ Скандербергѣ. А объ его великихъ, геройскихъ подвигахъ они развѣ разскажутъ какую-нибудь сказку, легенду или ограничатся указаніемъ: вотъ здѣсь онъ больше всего разбилъ турокъ, или здѣсь онъ дрался съ великой силой турокъ, или здѣсь онъ копьемъ повалилъ шатеръ у царскаго султана, и тотъ со страха умеръ, или вотъ здѣсь былъ у него великій дворъ, много коней и скота, а около

него была свита, разодѣтая въ серебро и злато, въ бархатъ и шелкъ. Вотъ и все, самое большее, что албанцы могутъ припомнить о Скандербергѣ". Это отсутствіе исторической традиціи у албанскаго племени, отмѣчаемое и другими писателями, не помѣшало однако, какъ оказывается, развитію въ настоящее время племенного и національнаго сознанія. А между тѣмъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ австрійскихъ путешественниковъ по Албаніи, не безъ тайнаго умысла отмѣчавшій необходимость „амальгамирующей и воспитывающей оккупаціи со стороны *какой-нибудь* западно-европейской державы", заявлялъ, что „понятія высшаго единства не допускаетъ чрезвычайно узкій кругозоръ албанцевъ. Какая мысль могла бы объединить племена Никай и Шала, кромѣ идеи взаимнаго истребленія? Неужели какой-нибудь мирдитъ прекратитъ свои разбойничьи наѣзды на равнину ради какого-нибудь звучнаго слова? Мѣстныя противоположности еще слишкомъ велики" (K. Steinmetz, „Ein Vorstoss in die nordalbanischen Alpen", 1905). И всетаки идея національнаго возрожденія оказалась настолько сильной и мощной, что она побѣдила эту противоположность племенныхъ интересовъ.

Албанцы никогда не составляли самостоятельнаго государства. У нихъ не было даже того политическаго прошлаго, какое есть хотя бы у нашихъ бѣлоруссовъ или у французскихъ провансальцевъ. Историкъ албанскаго народа, покойный проф. Макушевъ, дѣлитъ всю исторію его на эпохи различныхъ національныхъ государствъ. Онъ начинаетъ свой историческій обзоръ съ болгарскаго господства, съ 861-го года. Но еще задолго до Р. Х. въ Албаніи, среди иллирійскихъ племенъ, хозяйничали римляне, едва не романизировавшіе и самаго албанскаго языка. Потомъ на смѣну имъ явились готы, авары, мадьяры, лангобарды, норманны, итальянцы, наконецъ славяне. Страна принадлежала Византіи; потомъ ее отобралъ болгарскій царь. Въ началѣ XI-го вѣка объ Албаніи говорятъ, какъ о славянской странѣ. Черезъ двѣсти лѣтъ болгаръ вытѣсняютъ отсюда; анжуйская династія завладѣваетъ Албаніей и господствуетъ здѣсь сто лѣтъ (1250—1350). На смѣну ей является могучій сербскій царь, Стефанъ Душанъ—и опять на сто лѣтъ, до 1450 г., сербское политическое и культурное вліяніе устанавливается въ странѣ. Но Сербія падаетъ со смертью Душана; грозное турецкое могущество надвигается на горы и равнины албанцевъ. Изъ ихъ среды выдвигается національный герой, Георгій Скандербергъ, который долго и упорно, не всегда удачно, но постоянно поднимаясь послѣ пораженій, отстаиваетъ свободу Албаніи. Однако уже при немъ въ странѣ образуется сильная турецкая партія, которая ждетъ-не дождется, когда же наконецъ турки завладѣютъ краемъ, введутъ въ немъ свои строгіе, но

въ XV — XVI в.в. еще справедливые порядки и положатъ предѣлъ враждѣ родовыхъ старшинъ и западныхъ претендентовъ. Уже въ 1455-мъ году, какъ сообщаетъ одинъ итальянскій лѣтописецъ, „опасались, что албанцы, весьма преданные туркамъ, подъ которыми имъ было хорошо (el qualle gli fa *una bona e humana signoria*), отдадутся туркамъ". И дѣйствительно, въ 1456-мъ году большая часть страны отдалась туркамъ; къ нимъ перешли всѣ главные сподвижники Скандерберга, и онъ долженъ былъ искать спасенія, бѣжавъ въ горы. Въ 1468-мъ году Скандербергъ умеръ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, разсказываетъ одинъ изъ албанскихъ аристократовъ, „я, переодѣтый, бѣжалъ на готовившемся къ отплытію суднѣ. Это случилось около 1476-го года. И другіе бояре бѣжали или потурчились, и такимъ образомъ все погибло". Такъ Албанія и не жила до сихъ поръ ни разу, какъ объединенное и національное государство. И всетаки и въ ней проснулась жажда объединенія и политической независимости.

Со временъ Скандерберга, т.-е. съ конца XV-го столѣтія, въ Южной Италіи образовалось нѣсколько албанскихъ колоній. Здѣсь теплилась все время любовь къ родному языку и уже въ половинѣ XVII-го вѣка начали появляться первыя религіозныя книги на албанскомъ языкѣ. Въ Италіи же писали свои произведенія первые албанскіе поэты, Петръ Богданъ, Джуліо Варибоба (XVIII в.) и драматургъ Франческо Антоніо Сантори. Католикомъ и итальянцемъ былъ и извѣстнѣйшій албанскій писатель XIX-го вѣка, поэтъ Джироламо ди-Рада, авторъ изданной въ 1836—47 гг. обширной поэмы „Canti di Milosa, figlio del Despota di Scutari; l'Albania dal 1460 al 1485". Благодаря дѣятельности этихъ поэтовъ, книжная и національная традиція среди албанцевъ не погибла; но врядъ-ли было бы справедливо связывать только съ ней возрожденіе албанскаго племени къ національной и поэтической жизни. Дѣло въ томъ, что всѣ указанныя попытки представляли лишь ученыя и поэтическія упражненія кабинетныхъ людей, жившихъ въ культурныхъ центрахъ прекрасной Италіи, вдали отъ первобытныхъ условій, въ которыхъ находилась чуждая имъ и незнакомая народная масса на Балканскомъ полуостровѣ. Когда и здѣсь началось литературное возрожденіе, оно не могло не опереться на то, что уже было пріобрѣтено за границей; но и только. Мозолистыя руки, кровавый потъ и слезы мученій поднимаютъ народъ къ новой жизни; албанскіе поэты Италіи не знали мукъ и труда—и не подняли народныхъ массъ. Въ Болгаріи Софроній Врачанскій, странствующій архіерей и робкій бѣглецъ отъ турецкихъ насилій, въ Малороссіи—Тарасъ Шевченко, десять лѣтъ проведшій подъ ружьемъ николаевскихъ войскъ и замученный суровымъ гнетомъ, были истинными родоначальниками народной жизни; изящный Мистраль въ Провансѣ

или Джироламо ди-Рада остались лишь основателями литературныхъ школъ. „Зерно не взойдетъ, если не умретъ". Истина этихъ великихъ словъ оправдалась и въ Албаніи. Первая албанская организація въ самой Турціи относится къ началу семидесятыхъ годовъ XIX-го столѣтія [1]). Феридъ-паша, извѣстный впослѣдствіи младотурецкій дѣятель, основалъ, вмѣстѣ съ албанцемъ-католикомъ и албанцемъ-православнымъ (что должно было символизировать національное единство при различіи вѣроисповѣданій), общество „Свѣтъ" и журналъ подъ тѣмъ же названіемъ. Кое-какіе опыты въ этомъ родѣ производились и раньше: такъ, въ 1860-мъ году въ Ламіи (въ Фокидѣ) эллинизированный албанецъ Пикэосъ издавалъ на албанскомъ языкѣ газету, о которой Мейеръ выражается довольно опредѣленно, какъ о вещи, превосходящей всѣ возможныя границы безсмыслія. Нѣтъ никакихъ указаній, что правительство Турціи преслѣдовало распространеніе этой газеты, да и выходила она въ Греціи и издавалась православнымъ албанцемъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда сами мусульмане прилагали руку къ крамольнымъ изданіямъ. Естественно, что уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ журналъ „Дрита" (Свѣтъ) былъ прекращенъ, и самое общество закрыто. Феридъ-паша смирился и пошелъ на турецкую службу, гдѣ сдѣлался семнадцатымъ великимъ визиремъ изъ албанцевъ.

Движеніе возобновилось послѣ русско-турецкой войны, когда Берлинскій конгрессъ передалъ во власть православной Черногоріи часть мусульманской Албаніи. Три брата Фрашери, изъ которыхъ старшій, Абдулъ-бей, обладалъ странной властью надъ сердцами, организовали Албанскую лигу, собравшую подъ свои знамена сѣверныхъ албанцевъ безъ различія вѣроисповѣданій, чтобы не допустить присоединенія къ Черногоріи (во исполненіе Берлинскаго трактата) нѣкоторыхъ албанскихъ округовъ. Лига пріобрѣла громадное значеніе. Были образованы три главные комитета, изъ которыхъ два, въ Призренѣ и Скутари, были направлены противъ Сербіи, Черногоріи и Австріи, а третій, въ Аргирокастро—противъ Греціи. Уже отсюда видно, что движеніе имѣло характеръ общеалбанскій, охватило и тосковъ, и геговъ, представителей разныхъ религій и діалектовъ. Понятно, что правительство Турціи, чрезвычайно опасавшееся всякихъ народныхъ движеній, увидѣло опасность и въ албанскомъ національномъ подъемѣ, хотя какъ разъ по отношенію къ Турціи оно выступало дружелюбно. Главари движенія были арестованы; Абдулъ-бей былъ приговоренъ къ смерти, по-

[1]) Много свѣдѣній по исторіи албанскаго возрожденія можно найти въ болгарской брошюрѣ, напечатанной въ 1909-мъ году, подъ псевдонимомъ Дипломата: „Албанска то възраждание". Ср. также G. Meyer, „Ueber Sprache und Literatur der Albanesen" (Essays und Studien, 1885).

милованъ и сосланъ въ Азію, потомъ возвращенъ въ Константинополь, но поставленъ здѣсь въ такія условія, при которыхъ дѣйствовать не могъ. Другой вождь, князь мирдитовъ, Пренкъ-Бибъ-Дода, провелъ двадцать лѣтъ въ заключеніи въ Азіи, потомъ помилованъ и даже произведенъ въ генералы, но, какъ и Фрашери, былъ лишенъ всякой возможности проявить „преступный образъ мыслей". Да и старъ ужъ онъ былъ въ это время; даже вернувшись на родину послѣ возстановленія конституціи, старый албанскій вождь не участвовалъ въ распространеніи новыхъ національныхъ идей. Какъ всегда дѣлала въ такихъ случаяхъ Турція (да и не одна Турція), крамолу думали затушить образованіемъ спеціальной коммиссіи. Такую коммиссію учредили, по иниціативѣ самого Абдулъ-Гамида, въ Константинополѣ, для выработки албанской азбуки и для учрежденія „Общества распространенія албанскаго языка". Но, конечно, ни иниціаторъ, ни члены коммиссіи не думали о дѣйствительной работѣ; для отвода глазъ посидѣли, и коммиссія прекратила свое бренное существованіе.

Что правительство имѣло извѣстное основаніе смотрѣть на албанскую лигу съ опаской, видно изъ ея устава. Первые же параграфы его гласили, что лига учреждается для защиты и укрѣпленія народной территоріи, что для вступленія въ нее необходимо присягнуть на вѣрность принципамъ полной автономіи страны и защищать ее *всѣми* средствами, что всякій предатель будетъ безпощадно убитъ и т. д. Это была явно выраженная революціонная программа, сильно напоминающая программы тайныхъ болгарскихъ комитетовъ передъ войной 1877 г. Порта употребила всѣ усилія, чтобы дѣло замять: однихъ сослали, другихъ купили чинами и орденами. Но движеніе всетаки не замерло. Оно было перенесено за границу, и здѣсь начинаются такія же странствованія революціонныхъ кружковъ и комитетовъ, какихъ столько перевидала за вторую половину XIX-го вѣка Западная Европа. Подобно русскимъ, младотурецкимъ, болгарскимъ и инымъ революціоннымъ организаціямъ, албанскія искали счастья въ Бухарештѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ, Римѣ, даже въ Софіи, Бѣлградѣ, Каирѣ и Америкѣ. Разумѣется, не могла остаться внѣ этого круга албанскихъ исканій и Вѣна, которая вела съ начала семидесятыхъ годовъ очень опредѣленную политику въ Албаніи. Однако, центромъ дѣятельности служилъ Бухарештъ, гдѣ когда-то укрывались болгарскіе эмигранты, а теперь засѣли албанскіе. Съ 1880-го по 1908-й годъ столица Румыніи была вмѣстѣ съ тѣмъ духовной столицей албанскаго возрожденія. Здѣсь существовали два албанскія просвѣтительныя общества, напечатавшія за эти годы свыше 150 албанскихъ книжекъ и издававшія нѣсколько журналовъ. Съ 1901-го года значеніе культурнаго центра пріобрѣтаетъ и Софія,

гдѣ выходятъ нѣсколько десятковъ албанскихъ книжекъ и различныя періодическія изданія. Нѣсколько раньше, въ 1896 г., основывается ежемѣсячный журналъ на французскомъ и албанскомъ языкахъ, „Albania“, который издавался самымъ выдающимся изъ албанскихъ публицистовъ, Фаикомъ бей-Коница, сначала въ Брюсселѣ, потомъ въ Лондонѣ. Замѣчательно, что уже Фаикъ предостерегалъ своихъ соотечественниковъ отъ излишнихъ надеждъ на младотурокъ, въ случаѣ еслибы они взяли верхъ.—Отъ этихъ „молодыхъ старо-турокъ“ національныхъ правъ не дождешься—говорилъ онъ еще за десять лѣтъ до константинопольской революціи; и дѣйствительность пока не опровергла его. Оставляя въ сторонѣ другія литературныя и партійныя попытки албанцевъ за границей, можно сказать, что дѣйствіе ихъ врядъ-ли было очень чувствительно въ самой Албаніи, гдѣ продолжали господствовать первобытные нравы и первобытныя отношенія. Въ статьѣ бухарештскаго журнала (за 1903-й годъ): „Shzipetari l'Albanais“, приведенной Гастономъ Рутье въ его книгѣ „La Question Macédonienne“, обнаруживается очень ярко та ненависть къ турецкому правительству, которая господствовала среди албанской эмиграціи. Массы не испытывали такого настроенія и, ворча на правительство сохраняли чувство преданности къ самому султану. Только что названная статья, посвященная македонскому вопросу, одинаково враждебно относится къ турецкому правительству и къ болгарамъ и заканчивается угрозой Европѣ, что если она „не съумѣетъ понять своихъ обязанностей“ и ввести порядокъ въ Македоніи, „всѣ мы, не-славянскіе народы Балканскаго полуострова, возстанемъ подобно ужасной стѣнѣ, чтобы совершить суровое возмездіе надъ двумя несчастными комедіантами, играющими нашей родиной, нашей жизнью и честью“. Рѣчь идетъ вовсе не объ Албаніи, а о Македоніи, на которую, какъ видимъ, албанцы предъявляютъ самыя откровенныя притязанія. Масса албанскаго народа подкрѣпляетъ эти теоретическія требованія реальными захватами, и территорія албанцевъ распространяется все далѣе къ югу въ Македоніи и Старой Сербіи. Но политическое настроеніе этой массы еще сравнительно недавно было весьма неопредѣленное. Горные албанцы—часть которыхъ принадлежитъ католической церкви, а остальные держатся мусульманства, хотя всѣ вообще далеки отъ религіознаго фанатизма,—отличаются еще совсѣмъ разбойничьими нравами. Тому, кого интересуетъ родовой бытъ въ его чистомъ видѣ, слѣдуетъ ѣхать именно къ албанцамъ: родовой судъ, кровавая месть, экзогамія при заключеніи брака восходятъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ существованія албанскаго народа и сохранились донынѣ. Племена вырѣзываютъ другъ друга изъ родовой мести, и только *бесса* (неприкосновенность во имя договора

или старозавѣтныхъ обычаевъ) предохраняетъ отъ пули случайнаго мстителя, отъ ножа залегшаго въ ночной тиши недавняго хозяина дома, который чтилъ васъ, пока вы были его гостемъ, какъ самую священную особу. Бессой пользуется пастухъ на горныхъ равнинахъ, человѣкъ, идущій съ женщиной или передъ осломъ миссіонера; но не дай Богъ зайти въ албанскія горы чужому человѣку, будь то турецкій чиновникъ или австрійскій пронырливый коммиссіонеръ. Онъ долженъ найти надежнаго, хорошо извѣстнаго въ странѣ проводника и не отлучаться отъ него; онъ долженъ въ домѣ албанца свято соблюдать мѣстные обычаи, и въ особенности держаться открыто, блюсти свое слово, не возбуждать подозрѣній. Не то ему не сдобровать. Путешественники по Албаніи сообщаютъ о такихъ приключеніяхъ, какія напоминаютъ развѣ повѣсти Купера да, иногда, охотничьи разсказы. Но, даже откинувъ значительную долю изъ всѣхъ этихъ розсказней, всетаки приходится признать, что албанцы представляютъ въ высшей степени дикую народную массу. А между тѣмъ они занимаютъ пути на югъ Балканскаго полуострова, они держатъ въ своихъ рукахъ побережье Адріатическаго моря. Если не черезъ Сербію, то черезъ Албанію открытъ для Австріи путь въ Македонію и къ Солуни, а Италія можетъ стать на Балканскомъ полуостровѣ твердой ногой опять-таки лишь въ Албаніи, съ которою ее связываетъ историческое прошлое.

Какъ на русскомъ сѣверѣ, среди албанцевъ до сихъ поръ живетъ народно-эпическое творчество. Самыя современныя событія быстро находятъ себѣ выраженіе въ устахъ народныхъ пѣвцовъ, и пѣсни ихъ хорошо характеризуютъ политическое настроеніе народа. Такъ, А. А. Башмаковъ въ своей поѣздкѣ по Албаніи („Славянскія Извѣстія" за 1908 г.) записалъ двѣ любопытныя пѣсни, относящіяся къ недавнимъ событіямъ. Одна разсказываетъ объ убійствѣ русскаго консула въ Митровицѣ, другая—о попыткѣ Турціи перейти къ системѣ болѣе культурнаго управленія въ Македоніи. „Въ Митровицѣ случилась битва; консула убилъ простой рядовой! Какъ тебѣ, солдатъ, помогла вѣра? Кто тебѣ силы на это далъ? Никто не заставилъ, никто не сказалъ, но силу большую мнѣ вѣра дала!" По поводу вмѣшательства европейскихъ державъ во внутреннія дѣла Турціи поется слѣдующая пѣсня, изъ которой А. А. Башмакову удалось записать лишь отрывокъ: „Народъ шкипскій собрался, чтобы бессу заключить, суда, реформъ не принимать. У Лукъ подъ ольхой былъ соборъ и, собравшись, веселились. Но семь царей про то узнали, семь царей встали на ноги, сговорились у царскихъ воротъ, у султана: Смотри, султанъ, ты плохо держишь шкипскій край, и дани съ нихъ ты брать не можешь. Помочь тебѣ мы хотимъ, повоюемъ, и держать тотъ край силой мы тебя

научимъ.—И всталъ тогда съ сердцемъ турецкій султанъ, и понабралъ онъ себѣ рати сто полковъ".

Эти легендарные „семь царей" выступаютъ и въ другихъ записяхъ албанскаго народнаго творчества. Ими исчерпываются обычныя представленія албанца о внѣшнемъ мірѣ, поскольку сюда не внесены измѣненія дѣятельностью австрійской, итальянской или иной пропаганды. Невѣжественность ихъ поражала даже тѣхъ австрійскихъ путешественниковъ, которые готовы были умиляться надъ всѣмъ албанскимъ и, зная, что до албанцевъ доходятъ отзывы о нихъ иностранцевъ, восхищались умомъ и смѣлостью этихъ дикарей. Такъ, Штейнметцъ разсказываетъ, что во время движенія албанцевъ въ 1903-мъ году, въ Джаковѣ, противъ турецкаго правительства—движенія, вызваннаго попыткой произвести перепись населенія,—въ горахъ его „спрашивали, турецкое или австрійское войско дѣйствуетъ противъ возставшихъ". А австрійцы какъ разъ въ это время распинались въ своемъ расположеніи къ албанцамъ. Однако, эта плохая оріентировка въ отношеніяхъ не помѣшала „фису" (клану) одного изъ вождей движенія воспѣть его въ эпической пѣснѣ, которая такъ же отразила событія, какъ за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ какой-нибудь бретонскій кланъ воспѣвалъ подвиги и смерть Роланда. „Сулейманъ-Ага (Батуша), смѣлый герой, эту весну проводитъ въ горахъ; не попадается онъ врагу въ руки, и врагъ не попадается ему въ руки. Шабанъ Бинаху (вождь-знаменосецъ племени Красничи) посылаетъ ему сказать: готовы стоять красничи и гаши, они ему помогутъ, побѣдятъ врага, который продалъ себя императору, а не остался чернымъ воиномъ султана". Эта типично эпическая пѣсня, такъ напоминающая сербскія, тогда же была записана Штейнметцемъ. Въ прошломъ году мнѣ привелось слышать сербскую народную пѣсню объ аннексіи Босніи. Такъ быстро отражается и, навѣрное, когда-то отражалась героическая жизнь въ народной поэзіи малокультурныхъ воинственныхъ племенъ, сохранившихъ еще большую душевную свѣжесть и впечатлительность.

Этими качествами стараются воспользоваться всѣ тѣ, которые посматриваютъ на албанскія горы съ надеждой подобрать ихъ къ рукамъ и округлить ими свои границы. Сами по себѣ эти албанскія горы мало привлекательны; онѣ не покрыты даже тѣми великолѣпными лѣсами, которые въ Босніи дали милліардный доходъ австрійской эксплоатаціи. Албанцы очень бѣдны, и обобрать ихъ еще больше просто невозможно; но вѣдь черезъ Албанію ведутъ „пути многи, на которыхъ смѣлыя не запнутся ноги", какъ говорилъ еще Кантемиръ. И вотъ изъ-за этихъ путей и бьются надъ безплодной страной и надъ ея дикимъ населеніемъ европейскія державы. Сами турки помогаютъ

этой европейской пропагандѣ своимъ безобразнымъ управленіемъ въ странѣ. Либертъ, посѣтившій горную Албанію въ 1903-мъ году, разсказываетъ въ своей книгѣ: „Aus dem nordalbanischen Hochgebirge“ (1909), что его приняли было за шпіона, который замышляетъ что-то противъ султана — а къ падишаху, при всемъ отвращеніи ко всему турецкому, албанецъ-мусульманинъ питаетъ чувства безусловной преданности. Однако, отвращеніе къ турецкому режиму безгранично. Въ блестящемъ описаніи Албаніи, которое далъ итальянскій писатель Гвичардини, мы находимъ яркую характеристику этого режима („Nuova Antologia“, 1901). „Наши суды—это настоящій базаръ,—жаловался мнѣ одинъ образованный гражданинъ.—Полиція, еще худшая, чѣмъ суды, представляетъ постоянную угрозу и опасность для населенія. Трудно было бы повѣрить этимъ словамъ, еслибы дѣйствительность не подтверждала постоянно ихъ правильность. Произвольные аресты, которые производятся и затягиваются на долгіе годы безъ вѣдома судебной власти, представляютъ самое обычное явленіе; и производятся не только въ видахъ общественной безопасности или политическихъ соображеній, но нерѣдко изъ личной мести или просто вслѣдствіе подкупа“. Такъ живется въ болѣе или менѣе культурныхъ центрахъ или на равнинахъ; въ горы же ни чиновникъ, ни полицейскій, ни офицеръ не смѣютъ и показаться, а если имъ приходится тамъ бывать, то они держатся такъ робко и безъ достоинства, что всякій престижъ власти падаетъ. „Возмущеніе турецкимъ управленіемъ— замѣчаетъ Гвичардини—очень сильно; оно охватываетъ всѣ классы населенія, говорящіе по-албански или по-турецки, мусульманъ, православныхъ и католиковъ, беевъ и простыхъ крестьянъ — и всѣ они, такъ ощутительно угнетаемые одной и той же системой эксплуатаціи, охвачены одной и той же мечтой о лучшихъ дняхъ“. Такъ разсуждаютъ жители городовъ. Въ горахъ царитъ иное настроеніе. По словамъ Либерта, „въ высшей степени ошибочно, отправляясь въ горы, окружать себя жандармами, потому что горные албанцы лишь о томъ и думаютъ, чтобы отстоять свою независимость отъ турецкаго правительства, и ихъ тревожитъ появленіе всякаго органа администраціи“.

На почвѣ такого недовольства правительствомъ растетъ и зрѣетъ иностранная агитація. Надо отмѣтить здѣсь прежде всего усилія Австріи. Изъ устъ австрійскихъ путешественниковъ мы слышимъ восторженные отзывы объ обаяніи, какимъ пользуется Австрія даже у мусульманскихъ албанцевъ. Католическіе албанцы находятся подъ протекторатомъ Австро-Венгріи; ихъ миссіонеры пользуются матеріальной поддержкой изъ Австріи и ведутъ осторожную и ловкую политику, пользуясь суевѣрнымъ почтеніемъ горныхъ албанцевъ къ миссіоне-

рамъ, у которыхъ они лѣчатся. Штейнметцъ (въ 1905-мъ году) съ удовольствіемъ заноситъ въ дневникъ своего путешествія нѣсколько фразъ, надъ которыми не мѣшало бы подумать нашимъ политикамъ: „Горные албанцы-мусульмане—вовсе не фанатическіе приверженцы ислама; ихъ вѣрность оттоманскому правительству зависитъ отъ отношенія этого послѣдняго къ нимъ. Австрія импонируетъ имъ, и можно доказать, что она имъ не антипатична. А у католиковъ и вообще не слыхать о какой-либо другой державѣ; такъ какъ церковь ихъ находится подъ австро-венгерскимъ протекторатомъ, то они и сами зачастую смотрятъ на себя какъ на австрійцевъ, и страстно (sehnsüchtig) ожидаютъ фактическаго занятія страны (Besitznahme). Въ Шеши люди просили меня сказать имъ, принадлежатъ ли они еще Турціи. Въ Мертури одинъ мужчина сказалъ мнѣ совершенно серьезно, что онъ—Nemtze, австріецъ". По мнѣнію Штейнметца, передъ этимъ вліяніемъ Австріи совсѣмъ блѣднѣютъ попытки другихъ государствъ утвердить въ Албаніи свое политическое вліяніе. Объ Италіи знаютъ, по его словамъ, лишь на побережьѣ, а всѣ усилія черногорскаго князя склонить на свою сторону албанцевъ щедрыми подарками разбиваются о традицію исконной вражды съ гяурами (kauri). Сербскій писатель, Богосавлевичъ, подтверждаетъ, что между албанцами и сербами существуетъ вѣковая борьба; но, по его мнѣнію, „албанцы цѣнятъ и уважаютъ сербовъ, какъ юнаковъ, и этого достаточно, чтобы склонить такой народъ на свою сторону". Италія является серьезнымъ противникомъ Австріи, и не только среди католиковъ, но и среди православныхъ, которые относятся къ грекамъ съ тѣмъ же презрѣніемъ, какъ и славяне Балканскаго полуострова.

Такъ обстояли дѣла до провозглашенія турецкой конституціи. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Попытки младотурокъ установить какой-нибудь порядокъ въ Албаніи встрѣтили со стороны населенія тѣмъ болѣе враждебное отношеніе, что вернувшіеся на родину эмигранты привезли съ собой глубокое недовѣріе къ младотуркамъ, на которыхъ они успѣли насмотрѣться еще за границей. Ни служить въ войскахъ, ни платить какихъ-нибудь податей албанцы не хотятъ; но они сами начинаютъ чувствовать неудовлетворительность той анархіи, которая господствуетъ въ странѣ. Если среди горныхъ племенъ держится старый порядокъ вещей, то на равнинахъ новыя политическія теченія пріобрѣтаютъ все большее распространеніе въ населеніи. Со времени возстановленія конституціи это движеніе пріобрѣло новую силу. Стали открывать политическіе клубы, число которыхъ въ половинѣ 1909-го года достигло 30-ти; завелись народныя училища, съ преподаваніемъ на албанскомъ языкѣ, и въ 1908-мъ году многолюдный съѣздъ въ Битоліи постановилъ открыть, сверхъ уже существовавшихъ

50 такихъ школъ, еще 150. Возникъ цѣлый рядъ новыхъ журналовъ и газетъ, вполнѣ открыто отстаивающихъ идею автономіи Албаніи. Въ февралѣ 1909-го года, въ журналѣ „Корча“ (по имени города Корицы, гдѣ албанское движеніе пріобрѣло особенное развитіе) была обнародована политическая программа, которую должны были отстаивать въ турецкомъ парламентѣ албанскіе депутаты. Основные пункты этой программы сводились къ требованію оффиціальнаго признанія правъ за албанскимъ народомъ и албанскимъ языкомъ, открытія на государственный счетъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній въ Албаніи, съ преподаваніемъ обязательно на албанскомъ языкѣ, недопущенія въ Албаніи иностранной пропаганды (греческой, австрійской, итальянской), предоставленія мѣстнымъ уроженцамъ-албанцамъ всѣхъ государственныхъ должностей въ Албаніи, предоставленія 80 процентовъ изъ доходовъ, получаемыхъ изъ Албаніи, на нужды самой страны и т. д. На слѣдующемъ албанскомъ конгрессѣ, который собрался нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ Эльбасанѣ, было постановлено открыть въ этомъ городѣ педагогическое училище, содержаніе котораго взяло на себя „Албанское учебное дѣло“—вспомогательная касса, задача которой поддерживать албанскія учебныя заведенія и издавать учебники. Далѣе, конгрессъ рѣшилъ настаивать передъ центральнымъ правительствомъ на открытіи въ Албаніи спеціальнаго земледѣльческаго училища. Въ томъ же городѣ Корицѣ состоялся многолюдный съѣздъ для обсужденія вопроса объ азбукѣ. 14-го февраля 1910 го года здѣсь собралось до 10 тысячъ албанцевъ. Шефкетъ-бей изъ Корицы произнесъ пламенную рѣчь противъ приверженцевъ правительства, которые хотятъ внести расколъ въ албанскій народъ и остановить его національное развитіе, вводя для албанцевъ-мусульманъ и христіанъ разныя азбуки. Резолюція митинга заключала въ себѣ протестъ противъ введенія арабскаго алфавита въ школы албанцевъ-мусульманъ. Она была составлена въ весьма энергичныхъ выраженіяхъ и послана по телеграфу министру народнаго просвѣщенія и двумъ депутатамъ отъ Корицы. Это—уже вполнѣ національное движеніе, направленное противъ младотурецкаго режима. Съ нимъ албанцы воюютъ непрерывно и небезуспѣшно. Когда, въ августѣ 1908-го года, представители не-турецкихъ народностей Оттоманской имперіи протестовали противъ закона о собраніяхъ, прошедшаго въ парламентѣ, то среди подписавшихъ протестъ находились, наряду съ сербами и болгарами, албанцы. Въ это время въ Албаніи шла открытая война противъ правительства. Экспедиція Джавидъ-бея разрушила множество албанскихъ кулъ, но болѣе существенныхъ результатовъ не достигла, такъ какъ опасенія новой войны съ Греціей заставили вывести турецкія войска изъ Албаніи. По увѣренію сербскихъ и болгарскихъ газетъ (см. „Рѣчь“,

болгарскую газету, отъ 7 августа 1909 г., или сербскую „Политику“ отъ 17 августа), самое движеніе албанцевъ было вызвано или въ значительной степени подогрѣто австро-венгерскими эмиссарами, которые ѣздили по всей странѣ и подстрекали населеніе къ возстанію. Однако, кое-гдѣ оно обратилось прямо противъ Австріи: такъ, въ Призренѣ было совершено покушеніе на австрійскаго вице-консула. Тогда же среди офицеровъ-албанцевъ былъ произведенъ рядъ арестовъ; у 14-ти изъ нихъ были найдены компрометирующіе документы, указывающіе на ихъ принадлежность къ организаціи, которая выставляетъ требованіе автономіи Албаніи. По другимъ свѣдѣніямъ, рѣчь шла не объ автономіи Албаніи, а о независимости ея. Въ январѣ текущаго года — новые аресты среди албанскихъ офицеровъ и чиновниковъ, обвиняемыхъ въ созданіи преступной организаціи для возстановленія Абдулъ-Гамида и уничтоженія ненавистнаго албанцамъ младотурецкаго господства, которое въ преслѣдованіи своихъ централистическихъ, „оттоманскихъ“ плановъ не желаетъ считаться съ національными требованіями другихъ народностей, даже такихъ привилегированныхъ, какою была при старомъ режимѣ албанская.

Итакъ, албанскій вопросъ не есть нѣчто выдуманное, внушенное извнѣ. Народъ, у котораго, въ сущности, не было своей исторіи, культуры, письменности, народъ, разъединенный религіей и языкомъ, почувствовалъ, поверхъ всѣхъ этихъ различій, свое общее національное *я*. Если Австрія или Италія содѣйствовали этому возрожденію, то въ концѣ концовъ оно обрушится на ихъ же голову. Сознавъ себя однимъ народомъ, албанцы будутъ опасаться вовсе не Турціи, отъ которой они добьются и признанія, и автономіи, а хитрыхъ соперниковъ Турціи, и прежде всего—Австріи. Въ системѣ балканскихъ державъ при разрѣшеніи ближневосточнаго вопроса Албанія, несомнѣнно, скажетъ свое слово, но едва-ли оно будетъ направлено противъ того соглашенія балканскихъ народовъ, которое, къ счастью, намѣчается въ настоящее время все болѣе опредѣленными чертами.

Помимо этого своего значенія, албанскій вопросъ представляетъ большой теоретическій интересъ. Возрождается народъ, который не имѣлъ за себя почти никакихъ благопріятныхъ указаній, народъ, окруженный сложившимися культурами, раздробленный во всѣхъ отношеніяхъ, полудикій и бѣдный. Можно ли сказать, затѣмъ, что какая бы то ни было существовавшая народность неразрывно слилась съ окружающей болѣе сильной, государственной народностью и больше не воскреснетъ? Не переживемъ ли мы время, когда провансальское движеніе, теперь только литературное и художественное, вдругъ превратится въ настоящее возрожденіе Прованса? Вѣдь такъ недавно началось движеніе среди кельтовъ Великобританіи — а теперь устраи-

ваются уже съѣзды англійскихъ кельтовъ и воскресаютъ идеалы далекихъ предковъ. И разъ національныя движенія такъ могучи, такъ непреоборимы, не говоря уже о большомъ этическомъ и культурномъ ихъ значеніи, не повелѣваетъ ли государственная мудрость считаться съ совершающимися возрожденіями и направлять ихъ въ русло государственнаго объединенія, воодушевлять идеалами общечеловѣческой и общегосударственной солидарности? Я имѣю въ виду не только поляковъ, которыхъ преслѣдуютъ такъ неразумно и незаслуженно, но и другихъ нашихъ „инородцевъ“ (по казенной терминологіи), нашихъ ближайшихъ сородичей, малороссовъ и бѣлоруссовъ. Не сойдетъ со сцены и одно поколѣніе, какъ мы будемъ стоять передъ совершившимся фактомъ возрожденія этихъ народовъ къ національной жизни. Чѣмъ мы удержимъ ихъ тогда для государственнаго строительства вмѣстѣ съ нами, великороссами, и съ другими, кто хочетъ и долженъ остаться въ предѣлахъ Россіи? Циркулярами объ „инородческихъ“ обществахъ, урядниками и штрафами?

А. Погодинъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Въ прошломъ году на Уралѣ, въ Нижнемъ Тагилѣ, зашелъ я въ парикмахерскую. Вскорѣ слѣдомъ за мной распахнулась дверь, и въ густыхъ клубахъ морознаго воздуха вошли два ингуша.

— Наше вамъ почтеніе, поклонъ и уваженіе!—насмѣшливо привѣтствовалъ ихъ изъ-за конторки толстый хозяинъ парикмахерской.

Ингуши молча оглядывали присутствующихъ и стѣны заведенія. Подъ мохнатыми папахами, за углами мѣховыхъ воротниковъ краснѣлись обмерзлыя лица со страннымъ, дикимъ и жалкимъ выраженіемъ. Звякало оружіе.

— Что скажете хорошенькаго?—спрашивалъ хозяинъ.

Ингуши молча озирались. Молча, съ недоумѣніемъ глядѣли на нихъ два-три посѣтителя, ожидавшихъ очереди въ парикмахерской. Потоптавшись, ингуши повернулись и молча вышли на улицу.

— Это что же значитъ?—спросилъ одинъ изъ посѣтителей.

— Да ничего не значитъ!—отвѣчалъ хозяинъ—просто погрѣться зашли. Они этакъ частенько: войдутъ, потопчутся и назадъ. Народъ непривычный. У нихъ тамъ тепло. Пускай грѣются, тепла не жалко. А вотъ отъ нихъ похуже фокусы бываютъ. Теперь потише, а въ

прошломъ году бѣдокурили. Увидятъ въ окнахъ огонь—вваливаются. Ежели свадьба или просто вечеринка—пролѣзаютъ въ передній уголъ, требуютъ угощенья. Потомъ буянить начинаютъ. Чуть чего—сейчасъ револьверъ выхватитъ или шашкой начнетъ махать. Бѣды съ ними немало было... На базарѣ тоже стычки были.

И хозяинъ подробно разсказалъ нѣсколько невеселыхъ случаевъ съ пораненьями и увѣчьями.

— Ничего не подѣлаешь!—съ философской ироніей сказалъ одинъ изъ посѣтителей. — Было время, мы Кавказъ усмиряли, а теперь — они насъ.

Въ дальнѣйшемъ моемъ путешествіи повсюду вкрапливалась въ бесѣду тревожная нотка о дѣйствіяхъ въ селахъ и городкахъ низшей охраны или полиціи. Гдѣ съ насмѣшечкой и сарказмомъ, гдѣ съ раздраженіемъ и негодованіемъ, а гдѣ и съ отчаяніемъ—разсказывала мѣстная публика объ осетинахъ, ингушахъ, о стражникахъ, урядникахъ, о казакахъ. „Усмиряютъ насъ!" — съ кривой улыбкой говорили въ разныхъ губерніяхъ крестьяне, съ которыми мнѣ удавалось побесѣдовать. Въ Вяткѣ одинъ крестьянинъ съ особой усмѣшечкой разсказывалъ мнѣ, что у нихъ въ деревнѣ установился особый родъ „бѣгуновъ". Начальство все еще совершаетъ въ деревнѣ чистку, вылавливая подозрительные элементы. Время отъ времени отряды конныхъ стражниковъ объѣзжаютъ деревни. И вотъ отъ села къ селу бѣгутъ вѣстовые, сообщая: „Ѣдутъ! Ѣдутъ! Къ вамъ ѣдутъ!" Тогда крестьяне, которымъ угрожаютъ придирки, бѣгутъ на нѣсколько дней въ сосѣднія волости или въ ближайшій уѣздъ. Во многихъ губерніяхъ довольно обычна теперь такая картина: ѣдетъ изъ усадьбы помѣщикъ мимо села—впереди экипажа скачетъ, помахивая плетью, осетинъ, позади скачетъ другой осетинъ. Словно покорители въ усмиренной, но все еще ненадежной странѣ!

Уѣзды до сихъ поръ залиты полицейской и военной силой. Но главная суть—не въ количествѣ этой силы. Гораздо важнѣе психологія ея. Было бы, разумѣется, несправедливо считать всякую полицейскую сошку, всякаго стражника, наемнаго осетина, всякаго казака насильниками надъ крестьянами. Но дѣло въ томъ, что то всероссійское состояніе, которое вверху называется „успокоеніемъ", а внизу „усмиреніемъ", сильно окрашиваетъ настроеніе всякаго стражника, всякаго наемнаго осетина. Они быстро и крѣпко усвояютъ точку зрѣнія, что деревня—это нѣчто такое, что нужно „успокоивать", „усмирять". Деревня для нихъ—нѣчто порабощенное и враждебное. А такое настроеніе представляетъ очень крутой наклонъ въ сторону всякихъ воздѣйствій на населеніе, превышеній власти, грубаго произвола и т. д.

Деревня сейчасъ попрежнему темна и молчалива. Невозможно

даже и приблизительно представить себѣ, въ какомъ числѣ и въ какой окраскѣ разыгрываются теперь столкновенія между населеніемъ и полицейской арміей на всемъ громадномъ протяженіи крестьянской Россіи. Газеты далеки отъ деревни, а главное, онѣ почти лишены возможности давать сообщенія изъ этой тревожной области русской жизни. За изобличеніе дѣйствій администраціи газетамъ грозятъ штрафы, закрытіе, судъ, тюрьма. И газеты поневолѣ молчатъ какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда населеніе вскрикиваетъ отъ отчаянія и боли...

Частичка правды выходитъ на свѣтъ гласности обходными путями, черезъ судебную залу. Конечно, эти картинки полицейскаго произвола отрывочны и случайны, но и въ нихъ можно уловить нѣкоторыя общія нити современной административной психологіи.

„26 января въ харьковской судебной палатѣ—сообщаетъ „Южная Заря"—слушалось дѣло о бывшемъ конномъ городовомъ екатеринославской городской полиціи, Никифорѣ Коберниковѣ, и именовавшемся агентомъ сыскного отдѣленія Егорѣ Шинкаренко. Обвинялись они въ томъ, что занимались вымогательствомъ денегъ, устрашая при этомъ и своимъ служебнымъ положеніемъ, и насильственными дѣйствіями. Такъ напримѣръ, 14 іюля 1908 года, часовъ въ 6 вечера, въ посадѣ Барафа Шинкаренко и Коберниковъ, встрѣтивъ на улицѣ возвращавшагося домой съ работы Григорія Гладкаго, скомандовали ему: „Руки вверхъ!", а потомъ: „Руки назадъ!". Связавъ Гладкому руки тонкой веревкой, оба стали бить его, Шинкаренко кулаками по лицу, а Коберниковъ плеткой по спинѣ, послѣ чего, усадивъ Гладкаго на извозчика, объявили ему, что онъ арестованъ по распоряженію, данному имъ приставомъ 4-й части, якобы за участіе въ ограбленіи новомосковской почты и въ нападеніи на игренскій поѣздъ. Въ экипажѣ Коберниковъ ударилъ Гладкаго дуломъ револьвера въ лицо. Когда затѣмъ подъѣхали къ лавкѣ Григорьева, Коберниковъ сказалъ Гладкому: „Дай три рубля, и мы тебя отпустимъ"; но такъ какъ денегъ у Гладкаго не оказалось, то всѣ они поѣхали къ матери Гладкаго, которая и дала Коберникову три рубля, послѣ чего Гладкій былъ освобожденъ. Въ тотъ же вечеръ Шинкаренко и Коберниковъ вошли въ бакалейную лавку Абрама Тарнопольскаго и, скомандовавъ: „Руки вверхъ!", обыскали всѣхъ посѣтителей лавки, нѣкоторыхъ изъ нихъ избили, а нѣкоего Горяного усадили въ экипажъ, заявивъ ему, что онъ арестованъ, при чемъ Шинкаренко назвался сыщикомъ. Получивъ отъ Горяного два рубля, его освободили. Затѣмъ „охранители порядка" направились къ кр. Ивану Колеснику. Войдя съ револьверомъ въ рукахъ въ домъ Колесника, Коберниковъ объявилъ ему, что онъ арестованъ, посовѣтовавъ ему о причинѣ ареста справиться у сыщика, при чемъ

указалъ ему на сидѣвшаго въ экипажѣ Шинкаренко. Въ результатѣ Шинкаренко и Коберниковъ, получивъ рубль пятьдесятъ копѣекъ, освободили Колесника. Такимъ же путемъ Коберниковъ и Шинкаренко получили шесть рублей отъ рабочихъ лѣсопильни Двоскина, Корніенко и Яковенко. На судѣ, какъ и на предварительномъ слѣдствіи, подсудимые виновными себя не признали. Держатся они на судѣ развязно, видимо бравируя. Зала суда полна публики, явившейся изъ с. Мануйловки, такъ какъ подсудимый Шинкаренко—уроженецъ этого села и, повидимому, успѣлъ терроризировать тамошнее населеніе. Это сказывается до нѣкоторой степени и на показаніяхъ свидѣтелей. Тѣмъ не менѣе свидѣтельскія показанія на судѣ подтвердили данныя обвинительнаго акта. Изъ показаній полицейскаго урядника с. Мануйловки, котораго защитникъ спросилъ: „почему вы не арестовали подсудимыхъ во время ихъ безобразій?", выяснилось, что Шинкаренко обвинялся въ убійствѣ, но находился на свободѣ для нѣкоторыхъ надобностей сыскного отдѣленія, и урядникъ не арестовалъ подсудимыхъ тотчасъ потому, что предполагалъ, что они пріѣхали по распоряженію начальства. Подсудимый Шинкаренко (24 лѣтъ) заявилъ, что всѣ свидѣтели говорятъ неправду, и происходитъ это оттого, что онъ возбуждаетъ въ населеніи отвращеніе къ себѣ тѣмъ, что занимался исполненіемъ смертныхъ приговоровъ, т.-е. вѣшалъ людей. Предсѣдатель замѣчаетъ, что это къ дѣлу не относится. Судъ приговорилъ: Никифора Коберникова къ тремъ годамъ арестантскихъ ротъ, а Егора Шинкаренко—къ одному году четыремъ мѣсяцамъ арестантскихъ ротъ, съ зачетомъ послѣднему одного года трехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, отбытыхъ имъ по дѣлу о кражѣ".

Въ этомъ судебномъ приговорѣ прежде всего бросается въ глаза осторожная мягкость къ подсудимымъ. Послѣдніе жестокіе годы пріучили насъ, что если въ дѣлѣ звучитъ зловѣщая фраза: „Руки вверхъ!" и если при этомъ былъ грабежъ или вымогательство, то подсудимыхъ ждетъ смертная казнь, а въ лучшемъ, счастливомъ случаѣ — каторга. Въ приведенномъ судебномъ дѣлѣ было неоднократное вымогательство, громко звучала и фраза: „Руки вверхъ!", но приговоръ оказался далекимъ не только отъ смертной казни, а даже и отъ каторги. „Вѣшатель" Шинкаренко, обвинявшійся, сверхъ всего, въ убійствѣ и находившійся на свободѣ лишь потому, что его держали „для нѣкоторыхъ надобностей сыскного отдѣленія", отдѣлался за всѣ свои вымогательства въ сущности мѣсяцемъ заключенія, такъ какъ изъ одного года четырехъ мѣсяцевъ ему было зачтено судомъ одинъ годъ три мѣсяца, отсиженныхъ по другому дѣлу. Дѣлается почти понятнымъ, почему подсудимые держали себя на судѣ развязно. Кто имъ помѣшаетъ послѣ такого мягкаго приговора ду-

мать, что, видимо, они и впредь пригодятся „для нѣкоторыхъ надобностей“?

„12-го февраля въ Аткарскѣ окружнымъ судомъ безъ участія присяжныхъ — сообщаетъ „Саратовскій Листокъ“ — слушалось дѣло по обвиненію губернскимъ присутствіемъ двоихъ бывшихъ урядниковъ аткарской полиціи, Александра Григорьева и Ивана Крамарева, въ избіеніи арестованнаго крестьянина. 10-го февраля 1909-го года въ селѣ Б. Копенахъ у одного крестьянина изъ амбара со взломомъ замка была похищена пшеница въ количествѣ нѣсколькихъ мѣшковъ. Урядникомъ Григорьевымъ въ сосѣднемъ селѣ былъ задержанъ крестьянинъ Кузнецовъ, имѣвшій среди населенія дурную репутацію. Когда урядникъ Григорьевъ привезъ задержаннаго въ Б. Копены на дворъ крестьянина, у котораго пропала пшеница, тутъ былъ другой урядникъ, пріѣхавшій изъ другого участка, Крамаревъ, и нѣсколько стражниковъ. Тутъ же на дворѣ и началось избіеніе арестованнаго Кузьмина. Били его нагайкой, кулаками и прикладами ружей. По показанію одного свидѣтеля, урядникъ Григорьевъ, кромѣ того, давалъ присутствовавшимъ крестьянамъ нагайку и предлагалъ также бить. Послѣ этого арестованный былъ взятъ въ волостное правленіе, гдѣ Григорьевъ, допрашивая его, продолжалъ наносить побои. Послѣ избіенія Кузьминъ былъ отправленъ въ земскую больницу, гдѣ медицинскимъ осмотромъ у него установлены на всемъ тѣлѣ многочисленные кровоподтеки сине-багроваго цвѣта, при чемъ при отхаркиваньѣ мокрота выдѣлялась съ кровью, что̀, по мнѣнію врачей, свидѣтельствовало о поврежденіи внутреннихъ органовъ. При выпискѣ изъ больницы у него установлена потеря слуха вслѣдствіе лопнувшей барабанной перепонки въ правомъ ухѣ. Поврежденія отнесены къ разряду тяжкихъ. Оба подсудимые приговорены судомъ къ аресту при полиціи на двѣ недѣли каждый. Выслушавъ приговоръ, они низко поклонились и благодарили судъ“.

Снова удивительная мягкость суда къ подсудимымъ. Если, съ одной стороны, въ населеніи вселяется страхъ необычайно суровыми приговорами — со смертной казнью и каторгой на первомъ планѣ, — то, съ другой стороны, проступки низшихъ полицейскихъ чиновъ наказываются съ такой снисходительной деликатностью, какъ будто впереди всего идетъ желаніе отнюдь не напугать эту среду и не уменьшить исполнительное усердіе многочисленныхъ агентовъ системы „успокоенія“. И, разумѣется, усердіе низшей полицейской сошки питается подобнымъ косвеннымъ снисхожденіемъ. Не страшно и за границу дозволенной закономъ нормы переступить въ своемъ усердіи, если особенно печальныхъ послѣдствій такое переусердіе не влечетъ.

„Голосъ Юга“ приводитъ изъ мѣстной судебной хроники такую колоритную бытовую сцену съ участіемъ стражниковъ. „Въ селеніяхъ Александрійскаго уѣзда Коммисаровкѣ, Никольскомъ и Золотаревкѣ въ концѣ декабря 1907-го года украдено было много крестьянскихъ лошадей. Для розыска были командированы два стражника, Суржко и Цикуренко. Въ январѣ волостной старшина вызвалъ всѣхъ потерпѣвшихъ въ Золотаревку и заявилъ, что лошади обнаружены и находятся у завѣдующаго сыскной частью, г. Чернявскаго. До вечера крестьяне прождали у „расправы“ своихъ лошадей. Стражники въ это время пировали у старшины. Когда они опьянѣли, они поспорили со старшиной и уѣхали. Старшина отпустилъ всѣхъ крестьянъ. Черезъ нѣкоторое время стражники явились въ с. Никольское. Была уже поздняя ночь. Въѣхали они въ деревню, ведя за собой верхомъ на краденыхъ лошадяхъ задержанныхъ конокрадовъ. Заѣхали къ потерпѣвшему крестьянинуНоскову и начали пить водку. Потомъ позвали арестованныхъ конокрадовъ и стали ихъ угощать водкой. Угощали особеннымъ образомъ, въ перемежку съ побоями и другими издѣвательствами. Носковъ обратился къ стражникамъ съ вопросомъ, зачѣмъ они это дѣлаютъ.—„А, и ты туда же? Ты тоже конокрадъ!“—рѣшили стражники. Увѣренія Носкова не помогли. Стражники побили его, угрожая револьверомъ, при чемъ одинъ изъ нихъ во дворѣ выстрѣлилъ въ воздухъ. На улицѣ стражники подрались съ конокрадомъ Бондаренко и избили его. Крики и выстрѣлъ разбудили всю деревню. Подъ руку стражника подвернулся какой-то мальчикъ. Стражникъ погнался за нимъ, но за мальчика заступилась мать его, Наталья Соколова. Стражникъ Цикуренко и ее избилъ, и защитника ея, Аверьянова. Гонясь за нимъ, Цикуренко вбѣжалъ въ домъ Шустова и приказалъ Шустову одѣться.—„Гдѣ тутъ побѣгшій?“—грозно, съ ружьемъ въ рукахъ, спросилъ онъ Шустова. Вытащивъ Шустова на улицу, онъ избилъ его. Въ подмогу Цикуренко явился и второй стражникъ, и вдвоемъ они до полусмерти избили Шустова, нанесли ему серьезныя поврежденія костей и руки. Въ это время подъѣхалъ солдатъ.—„Что здѣсь такое? — спросилъ онъ. — Если виновенъ, такъ бейте, а нѣтъ, такъ не пущу“. Но стражники и его избили и отняли у него лошадь. Солдатъ убѣжалъ отъ нихъ, перескочивъ черезъ заборъ къ крестьянину Рукавишникову. Ворвавшись въ домъ Рукавишникова и не найдя тамъ солдата, стражники сильно избили хозяина и хозяйку дома. Въ это время сельскій староста Челноковъ былъ уже на улицѣ. Не зная, въ чемъ дѣло, онъ направился къ стражникамъ и обратился къ нимъ за разъясненіями. — „А ты кто такой?“ — спросили его стражники.— „Староста“.—„Такъ мы и тебя!..“—отвѣтилъ Цикуренко и ударилъ его шашкой по головѣ. Сталъ наносить удары Челнокову и Суржко.

Староста кое-какъ вырвался изъ рукъ стражниковъ и убѣжалъ. А стражники продолжали буйствовать и нанесли еще рядъ болѣе или менѣе тяжкихъ увѣчій другимъ крестьянамъ. Возмущенные крестьяне собрались толпой и усмирили стражниковъ, при чемъ на этотъ разъ были сильно избиты стражники и сопровождавшій ихъ конокрадъ Бондаренко. Такова нарисованная свидѣтельскими показаніями на судѣ картина событія, повлекшаго преданіе суду стражниковъ Суржко и Цикуренко. Судебная палата приговорила Суржко къ тюремному заключенію на 1 годъ 4 мѣсяца, а Цикуренко—къ четырехмѣсячному тюремному заключенію".

Въ этой длинной, нелѣпой исторіи разгула стражниковъ поражаетъ безудержный размахъ пьяныхъ дебошировъ. Въ нихъ какъ будто вошло откуда-то убѣжденіе, что имъ все позволено, что всякія продѣлки имъ сойдутъ безнаказанно, что они на особомъ счету, на особомъ положеніи. Чувствуется какая-то общая подпочва, которая питаетъ дерзость и самохвальство подобныхъ буяновъ въ полицейскомъ мундирѣ. И вотъ, хотя безчинства прошли и не вполнѣ безнаказанно, но по истинѣ невѣроятныя продѣлки стражниковъ вызвали весьма снисходительное воздѣйствіе суда. За рядъ избіеній, за увѣчья, за пораненье должностного лица — старосты, за взбунтованье цѣлаго села стражники получили скромное и незначительное тюремное заключеніе. Страшно подумать, какая репрессія обрушилась бы на простого обывателя за малую часть тѣхъ преступленій, которыя совершили стражники.

Характерно, что въ отличіе отъ коронного суда нѣсколько по иному относится къ проступкамъ полицейскихъ чиновъ судъ присяжныхъ, обычно склонный относиться къ подсудимымъ сравнительно мягко. „29 января выѣздной сессіей ковенскаго окружнаго суда въ г. Вилкомирѣ—сообщаетъ „Сѣв.-Зап. Телеграфъ"—заслушано дѣло о бывшемъ полицейскомъ стражникѣ Плистковѣ, обвинявшемся въ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи, два года тому назадъ, въ м. Уцянахъ, въ закусочной, крестьянина. Сущность дѣла такова. Въ базарный день въ закусочной было много народа. Въ отдѣльной комнаткѣ сидѣла компанія крестьянъ изъ двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ и закусывала. Въ другой комнаткѣ помѣстился Плистковъ. Крестьяне потребовали отъ хозяйки водки, но та, боясь стражника, имъ отказала. Крестьяне заявили, что имъ нужна водка, а стражниковъ не надо. Услышавъ это, Плистковъ ворвался въ комнатку крестьянъ и потребовалъ замолчать. Произошла перебранка. Плистковъ обнажилъ шашку и съ такою силой вонзилъ ее въ бокъ одного крестьянина, что прокололъ ему насквозь руку, а затѣмъ лѣвое легкое и сердце. Несчастный тутъ же скончался. Плистковъ старался объ-

яснить свой ужасный поступокъ необходимой самообороной, объясняя, что на него бросились крестьяне съ ножами и каталкой, что крестьяне ругали правительство и кричали, что имъ не надо Государя. Но это объясненіе подсудимаго не нашло подтвержденія въ свидѣтельскихъ показаніяхъ. Присяжные совѣщались недолго и вынесли Плисткову обвинительный приговоръ безъ снисхожденія. Судъ опредѣлилъ ему мѣрой наказанія шесть лѣтъ каторги".

Не нужно, конечно, преувеличивать и голословно утверждать, что всякій низшій полицейскій чинъ творитъ среди населенія беззаконія, насилія и безчинства. Но несомнѣнно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что за послѣдніе годы на русскую жизнь въ провинціи надвинулись неслыханныя раньше массы полицейской силы, которая, притомъ, густо заряжена общимъ убѣжденіемъ, что она должна и обязана „успокоивать", „усмирять" и „искоренять крамолу". Если при этомъ припомнить еще усиленное выколачиванье податей, широко практикуемое въ послѣдніе годы, то нетрудно себѣ представить, какія взаимныя отношенія должны существовать между населеніемъ и уѣздной полиціей и какія возможны столкновенія на этой почвѣ.

Года три-четыре назадъ приходилось мнѣ нѣсколько разъ слушать умиленныя рѣчи одного общественнаго дѣятеля.

„Пусть наша революція не удалась,—восторженно говорилъ онъ,—но вы обратите вниманіе на общій характеръ нашего аграрнаго движенія. Если взглянуть на него съ исторической точки зрѣнія, то это прямо романтическая, благородная революція. Припомните: сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ пугачевское крестьянское движеніе вырѣзало, потопило въ колодцахъ, покидало въ овраги около полуторы тысячи дворянскихъ семействъ. А теперь! Убитъ ли хоть одинъ помѣщикъ? Даже раненъ ли? Не знаю, какъ вамъ, а мнѣ до сихъ поръ не случилось еще о такомъ случаѣ ни прочитать въ газетахъ, ни услышать изъ разговоровъ. Пальцемъ никого мужики не тронули! Правда: хлѣбъ изъ помѣщичьихъ амбаровъ разбирали, усадьбы поджигали, добро дворянское съ дымомъ и вѣтромъ пускали. Но вѣдь это все пустое, тлѣнное, наживное. Къ тому же, правильно или нѣтъ, но крестьяне думали, что они возстановляютъ вѣками попранную справедливость. Они думали возвратить себѣ „божью", мужицкую землю и развѣвали прахомъ нажитое дворянствомъ съ этой земли добро. Но главное — никого пальцемъ не тронули! Проливать кровь дворянъ они даже во время такого громаднаго стихійнаго движенія не допустили. Благородная, романтическая революція"!

Послѣ этой „благородной революціи" крестьянская Россія узнала карательныя экспедиціи, безконечныя смертныя казни, почувствовала на себѣ всяческіе удары и воздѣйствія, близко около себя увидѣла

казаковъ, наемныхъ для помѣщичьихъ услугъ кавказцевъ, густую армію стражниковъ, воспрянувшихъ духомъ и умножившихся числомъ урядниковъ, приставовъ, исправниковъ...

Создалась атмосфера, въ которой трудно сохранить свѣтлый романтизмъ и мечты о „божьей“ землѣ, о мирномъ, праведномъ переустройствѣ злыхъ порядковъ жизни. Духъ народный введенъ въ новую— суровую, тяжкую—школу. Какіе навыки, чувства и настроенія выкуетъ въ народѣ эта новая жизненная школа—впередъ загадывать трудно. Но что эти новыя настроенія понемногу наслаиваются, о томъ свидѣтельствуютъ маленькіе отдѣльные факты. Не совсѣмъ рѣдко, напримѣръ, въ газетахъ появляются такія сообщенія: „Въ селѣ Екатериновкѣ— пишутъ „Сарат. Вѣстнику“ изъ Аткарскаго уѣзда—проѣзжій осетинъ зашелъ въ трактиръ, гдѣ затѣялъ ссору съ пріѣхавшими на базаръ крестьянами, а затѣмъ вышелъ на улицу и сорвалъ шапку съ проходившаго мимо него мальчика. Крестьяне заступились за мальчика, и осетину пришлось бы очень плохо, еслибы на мѣсто происшествія во-время не прибылъ урядникъ. Осетина все-же основательно помяли“.

Дѣйствія стражниковъ также нерѣдко вызываютъ крестьянъ на отвѣтное сопротивленіе. Черезъ газеты и изустную передачу слухи объ этомъ доходятъ изъ разныхъ концовъ Россіи. Конечно, все это представляется чрезвычайно печальнымъ для тѣхъ людей, которые искренно и пламенно желаютъ своей родинѣ быстраго и мирнаго развитія. Но жизнь имѣетъ свою неумолимую логику. Нѣтъ сомнѣнія, что крестьянская Россія проходитъ сейчасъ школу, въ которой ожесточается характеръ, обостряется настроеніе многихъ тысячъ людей.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1910.

Впечатлѣніе, произведенное избраніемъ А. И. Гучкова въ предсѣдатели Государственной Думы. — Вступительная рѣчь А. И. Гучкова. — Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ. — Вопросы уголовнаго права и уголовнаго процесса въ Государственномъ Совѣтѣ. —Новый фазисъ финляндскаго вопроса.

До какой степени тяжела, въ послѣднее время, наша общественная жизнь—объ этомъ можно судить по впечатлѣнію, произведенному избраніемъ А. И. Гучкова въ предсѣдатели Государственной Думы и

рѣчью его при занятіи предсѣдательскаго кресла. Чрезвычайно сгущенной и душной должна быть та атмосфера, въ которой такъ живо чувствуется едва замѣтное дуновеніе свѣжаго вѣтерка; чрезвычайно глубокъ долженъ быть тотъ мракъ, на фонѣ котораго такъ рѣзко выдѣляется слабо мерцающій огонекъ. Положеніе дѣлъ, въ началѣ марта, могло быть охарактеризовано слѣдующими главными чертами: постоянно растущая, самоувѣренная безцеремонность крайнихъ правыхъ—все болѣе и болѣе увеличивающіяся, рѣшительно ничѣмъ не оправдываемыя претензіи такъ-называемыхъ націоналистовъ — пассивность центра, безропотно терпѣливаго въ своемъ „ожиданіи"— снисходительность президіума къ нарушеніямъ приличія и порядка— демонстративный абсентеизмъ правительства въ важнѣйшіе моменты думскихъ преній — вызывающій образъ дѣйствій большинства Государственнаго Совѣта — и, въ связи со всѣмъ этимъ, безконечная вереница тревожныхъ слуховъ. Ничего утѣшительнаго не виднѣлось на политическомъ горизонтѣ; не было такого шага впередъ, на успѣшность котораго можно было бы возлагать хоть сколько-нибудь твердую надежду. Воздухъ былъ наполненъ заподозриваніями, похожими на доносы; старинный кликъ: *слово и дѣло* облекался въ новыя формы; одна часть Думы выступала съ обвиненіями противъ другой. Открыто раздавались угрозы противъ „несогласно мыслящихъ", хотя бы въ этой роли предстояло явиться иностранцамъ, гостямъ Россіи. Въ это именно время пролилась послѣдняя капля, переполнившая чашу—и въ Думѣ произошелъ кризисъ, который и теперь едва ли можетъ считаться оконченнымъ. Первымъ его фазисомъ была отставка Н. А. Хомякова.

Для полной, безпристрастной характеристики бывшаго предсѣдателя Думы еще не настало время. Не рискуя ошибиться, можно сказать только одно: надъ его дѣятельностью тяготѣлъ первородный грѣхъ — тяготѣла та обстановка, при которой Н. А. Хомяковъ былъ возведенъ на свой высокій постъ. Онъ былъ избранникомъ союза между правыми и центромъ—союза, образовавшагося въ минуту наибольшей реакціи противъ всего связаннаго съ памятью двухъ первыхъ Думъ. При послѣдующихъ переизбраніяхъ онъ не встрѣчалъ, по видимому, прежней поддержки со стороны крайнихъ правыхъ, но оставался до извѣстной степени къ нимъ близкимъ, не отступая передъ дружескими объятіями съ самымъ типичнымъ ихъ представителемъ. Отсюда неизбѣжная неравномѣрность въ отношеніяхъ его къ ораторамъ различныхъ партій. Вспышки строгости чередовались съ длинными періодами односторонней терпимости. Дѣло доходило до того, что сравнительно твердымъ въ обузданіи крайнихъ правыхъ оказывался иногда товарищъ предсѣдателя, избранный изъ ихъ среды. Общій тонъ президіума былъ, однако, болѣе или менѣе оди-

наковый: усилія предсѣдательствующихъ сводились преимущественно къ предупрежденію и пресѣченію „переговоровъ съ мѣстъ“, т.-е. обращеній къ оратору и отвѣтовъ его на эти обращенія, хотя бы ни въ тѣхъ, ни въ другихъ не было ничего несовмѣстнаго съ требованіями „добрыхъ парламентскихъ нравовъ“. Изъ-за заботы о внѣшнемъ порядкѣ сплошь и рядомъ упускалась изъ виду необходимость ограждать достоинство отдѣльныхъ лицъ и всего собранія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, заимствуя ихъ изъ стенографическихъ отчетовъ о думскихъ засѣданіяхъ за время съ 20-го февраля по 2-ое марта. Рѣчь депутата Мягкаго (трудовика) деп. Новицкій 2-ой (крайній правый) прерываетъ два раза (между прочимъ — словами: „ну, здравомыслящій, довольно“!), безъ всякаго воздѣйствія со стороны предсѣдательствующаго, тутъ же, однако, останавливающаго деп. Кузнецова (с.-д.) за „восклицаніе съ мѣста“. Деп. Пуришкевичъ кричитъ, обращаясь къ деп. Милюкову: „пошелъ вонъ“! „филеръ“! — предсѣдательствующій ограничивается просьбою „быть потише“. Рѣчь деп. Родичева (въ засѣданіи 1-го марта) три раза прерывается совершенно неумѣстными замѣчаніями и вопросами деп. Новицкаго 2-го и Маркова 2-го: предсѣдатель безмолвствуетъ. Много разъ прерывается и рѣчь деп. Кузнецова, прежде чѣмъ охрану его правъ принимаетъ на себя предсѣдательствующій. Деп. Маркову 2-му дозволяется говорить о покойномъ (Пергаментѣ), что онъ былъ „замаранъ“—а деп. Кузнецова, когда онъ напомнилъ объ оскорбленіи, нанесенномъ г. Пуришкевичемъ А. П. Философовой, предсѣдательствующій проситъ „не касаться личностей“.

Такъ, постепенно, подготовлялась почва, на которой разыгрались превзошедшіе все прежнее скандалы 3-го и 6-го марта. Остановимся на первомъ, такъ какъ отвѣтственнымъ за второй является не Н. А. Хомяковъ, уже сложившій съ себя къ тому времени званіе предсѣдателя. Выходка деп. Пуришкевича была непозволительна вдвойнѣ или втройнѣ: она касалась факта, который не только не доказанъ, но и не можетъ быть доказанъ—она грубо оскорбляла честь женщины—она вторгалась въ область, не имѣющую ничего общаго съ задачами парламента—и, въ довершеніе всего, отталкивала цинизмомъ формы. Шумныя сцены, доходящія до взаимныхъ оскорбленій, бывали и бываютъ во всѣхъ парламентахъ, не исключая самаго древняго и самаго сдержаннаго изъ нихъ—англійской палаты общинъ; но едва ли найдется между этими сценами хоть одна, поводъ къ которой былъ бы аналогиченъ съ причиной бури, разразившейся въ Думѣ 3-го марта. Нарушенія порядка вызываются разгаромъ политическихъ страстей, столкновеніемъ діаметрально-противоположныхъ взглядовъ, обострившейся партійной враждой; они происходятъ стихійно, неожиданно, не-

подготовленныя ни съ той, ни съ другой стороны. У насъ они уже не въ первый разъ являются продуктомъ хладнокровно обдуманнаго плана, для осуществленія котораго признаются годными всякія средства. Безнаказанность извѣстныхъ словъ деп. Половцова о старухѣ— нѣкоторымъ, хотя и слабымъ извиненіемъ которыхъ могла служить только ихъ непредумышленность и безцѣльность, — стали какъ бы прецедентомъ для ораторовъ, рѣшившихся перенести въ Думу пріемы площадныхъ сборищъ. Совершенно понятно, что къ этому не могли отнестись хладнокровно всѣ дорожащіе достоинствомъ законодательнаго собранія—и совершенно непонятно, что оффиціальный охранитель этого достоинства не съумѣлъ поддержать его въ критическую минуту, вознегодовавъ не столько противъ позорнаго инцидента, сколько противъ возбужденной имъ реакціи, естественной и неизбѣжной. Позволяемъ себѣ повторить слова, сказанныя нами по этому поводу въ другомъ мѣстѣ: когда предсѣдатель равнодушно и безмятежно относится къ явному нарушенію элементарныхъ требованій приличія и чести, тогда оно вызываетъ стихійный отпоръ въ самомъ собраніи, и охрана порядка становится невозможной. И индифферентизмъ предсѣдателя принесъ еще дальнѣйшіе плоды. Оставшись свободнымъ отъ дисциплинарнаго взысканія, деп. Пуришкевичъ получилъ возможность продолжать свою рѣчь въ томъ же тонѣ, въ какомъ онъ ее началъ; предсѣдательствовавшій въ засѣданіи 6-го марта—кн. Волконскій — своевременно его не остановилъ, и удаленными изъ Думы на разные сроки оказались только тѣ, которые протестовали противъ обращенія Думы въ нѣчто соединяющее въ себѣ черты базара и полицейскаго участка.

И вотъ, выступленіе на сцену новаго предсѣдателя естественно возбудило надежду, что въ Думѣ перестанутъ быть возможными ничѣмъ не извинимыя уклоненія отъ элементарной порядочности, тяжело отзывающіяся не только на ходѣ дѣлъ въ законодательномъ собраніи, но и на настроеніи широкихъ общественныхъ сферъ, въ особенности тѣхъ, въ которыхъ житейскій опытъ не успѣлъ еще притупить благородную воспріимчивость и чуткость [1]). „Предсѣдательская власть“—

---

[1]) Чрезвычайно характерно и вмѣстѣ съ тѣмъ очень утѣшительно, что образъ дѣйствій деп. Пуришкевича въ засѣданіи 3-го марта не только не встрѣтилъ обычнаго сочувствія въ средѣ студентовъ-членовъ союза русскаго народа и тому подобныхъ организацій, но даже вызвалъ съ ихъ стороны рѣшительное порицаніе, какъ въ петербургскомъ, такъ и въ московскомъ университетѣ. Оставаясь отзывчивой даже и подъ гнетомъ заблужденій, молодежь не могла не понять того, чего не хотятъ видѣть думскіе и объединенно-дворянскіе единомышленники бессарабскаго депутата — не могла не понять, что есть требованія, одинаково обязательныя вездѣ и всегда, во всѣхъ положеніяхъ и для всѣхъ политическихъ партій.

читаемъ мы въ вступительной рѣчи А. И. Гучкова—„можетъ быть использована мною въ интересахъ огражденія достоинства Государственной Думы, укорененія культурныхъ парламентскихъ нравовъ и охраненія того порядка, безъ котораго немыслима серьезная законодательная работа, только при вашемъ участіи, при вашей поддержкѣ". Что отказа въ такой поддержкѣ новый предсѣдатель не встрѣтитъ— въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Въ „укорененіи культурныхъ парламентскихъ нравовъ" заинтересована не только значительно бо̀льшая часть центра, голосовавшаго за А. И. Гучкова, но и вся лѣвая сторона Думы, воздержавшаяся отъ голосованія. Не отъ нея исходили некультурныя выходки, позорившія Думу; степень культурности членовъ Думы не опредѣляется принадлежностью ихъ къ тому или другому сословію... „Нужно помнить" — продолжалъ А. И. Гучковъ,—„что однимъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній новаго строя являются та независимость слова и та свобода критики, съ которыми связана думская трибуна. Правда, эти гарантіи свободы и независимости, эти коренные устои всякаго государственнаго строя, покоящагося на началахъ политической свободы, могутъ ввести въ соблазнъ злоупотребленія. Но я бы сказалъ, что лучше погрѣшить въ сторону излишняго расширенія свободы, нежели въ сторону нетерпимаго или боязливаго ея стѣсненія. Въ борьбѣ со словомъ неправды сильнѣе слово правды, чѣмъ предсѣдательскій звонокъ и примѣненіе соотвѣтствующихъ статей наказа". Эти прекрасныя слова нимало не ослабляютъ сказаннаго раньше объ „укорененіи культурныхъ нравовъ". Политическая свобода, охраненіе которой—на сколько она выражается въ парламентской рѣчи—А. И. Гучковъ справедливо считаетъ задачей и обязанностью предсѣдателя, не имѣетъ ничего общаго съ свободой оскорблять, клеветать, вторгаться въ частную жизнь, нарушать благопристойность, говорить языкомъ улицы или рынка. И нельзя не признать, что президіумъ третьей Думы, слабо реагируя противъ эксцессовъ послѣдняго рода, нерѣдко впадалъ въ противоположную крайность, когда усматривалъ что-нибудь похожее на слишкомъ смѣлый отзывъ о предметахъ, состоящихъ подъ особой охраной. Такъ напримѣръ, въ засѣданіи 25-го февраля, по предложенію предсѣдательствовавшаго (кн. Волконскаго), деп. Мягкій былъ исключенъ на пять засѣданій за нѣсколько словъ, которыя—въ особенности послѣ данныхъ ораторомъ разъясненій—могли быть признаны непочтительными развѣ по отношенію къ православному духовенству, но отнюдь не по отношенію къ православной вѣрѣ.

Какъ ни важно, для правильнаго хода законодательной и вообще парламентской работы, умѣлое и безпристрастное исполненіе предсѣдательскихъ функцій, не однимъ только ожиданіемъ перемѣны къ

лучшему въ этой области обусловливается, конечно, впечатлѣніе, произведенное выборомъ А. И. Гучкова. Дѣятельность союза 17-го октября давно уже стала источникомъ разочарованій; авторитетъ его, никогда не стоявшій особенно высоко, падалъ все больше и больше; число его членовъ уменьшалось не только въ странѣ, но даже въ Думѣ—въ третьей Думѣ, куда его принесла волна 3-го іюня и гдѣ ему, по видимому, было суждено играть роль „руководящей“ партіи. И все-таки за лидеромъ союза оставалась нѣкоторая доля прежняго престижа. Объясняется это отчасти безспорной талантливостью А. И. Гучкова, отчасти двумя-тремя его рѣчами, довольно прямо затронувшими всѣмъ извѣстныя, но обыкновенно замалчиваемыя стороны современной дѣйствительности, еще больше — постоянно растущимъ желаніемъ увидѣть проблескъ свѣта среди тумана, разобраться хоть сколько-нибудь въ той массѣ двусмысленнаго, противорѣчиваго, которою заполнена и переполнена наша политическая жизнь. Казалось, что съ возвышенія, господствующаго надъ думской залой, должно раздаться—какъ только туда вступитъ новый, свѣжій человѣкъ—новое, свѣжее слово. И это предположеніе отчасти оправдалось. Знаменательно было уже то, что въ адресѣ бывшему предсѣдателю Думы, переданномъ ему его преемникомъ отъ имени октябристской фракціи, Н. А. Хомякову ставилось въ заслугу участіе его въ *укрѣпленіи конституціоннаго строя.* Произнесено было, такимъ образомъ, слово, въ широкихъ кругахъ считавшееся преступнымъ или по меньшей мѣрѣ запретнымъ. Оно прозвучало и въ вступительной рѣчи А. И. Гучкова, назвавшаго себя „убѣжденнымъ приверженцемъ конституціонно-монархическаго строя“, мыслящимъ „мирное развитіе Россіи“ не иначе какъ „въ формахъ конституціонной монархіи“. Правда, къ этой декларацій были сдѣланы характерныя оговорки—противъ парламентаризма, въ пользу „особенностей, завѣщанныхъ русской исторіей и коренящихся въ русской дѣйствительности“; но онѣ вытекали изъ октябристской программы и не звучали фальшивой нотой въ устахъ вождя октябристовъ. Непослѣдовательнымъ А. И. Гучковъ оказался только тогда, когда объявилъ, что вопросъ политическій не можетъ считаться очереднымъ. Мы думаемъ, наоборотъ, что въ настоящую минуту нѣтъ вопроса болѣе очередного, болѣе насущнаго и жизненнаго. Отъ его разрѣшенія непосредственно зависитъ дальнѣйшій ходъ преобразованій, задерживаемыхъ упорно охраняемою неопредѣленностью политическаго положенія. Безъ открытаго, оффиціальнаго провозглашенія Россіи государствомъ конституціоннымъ, т.-е. *ограниченной* монархіей, не могутъ исчезнуть недоразумѣнія, вольныя и невольныя, о которыя разбивается всякая сколько-нибудь широкая реформа. Только оно можетъ вырвать изъ рукъ крайнихъ правыхъ единственное

ихъ оружіе, надломленное и заржавѣвшее, негодное для борьбы, но дающее имъ иллюзію силы. И сколько бы разъ А. И. Гучковъ ни повторялъ свою неудачную фразу, ему не удастся увѣрить ни другихъ, ни самого себя, что съ очереди снятъ вопросъ о характерѣ русскаго государственнаго строя. Отсутствіе прямого, яснаго отвѣта на этотъ вопросъ занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто между тѣми „внѣшними препятствіями", которыя, по выраженію А. И. Гучкова, „затрудняютъ законодательную работу или искажаютъ ея конечные результаты". „Мы не должны"—сказалъ ораторъ—„закрывать на нихъ глаза: съ ними придется намъ считаться, а можетъ быть придется и сосчитаться" (по другой версіи—„посчитаться"). Эти слова обратили на себя особенное вниманіе печати—и, по видимому, не одной только печати. До сихъ поръ А. И. Гучковъ и его партія ограничивались „выжиданіемъ" [1]), которымъ, безъ сомнѣнія, многаго не достигнешь. Предсѣдательская рѣчь А. И. Гучкова позволяетъ думать, что они готовы перейти къ другому, болѣе рѣшительному образу дѣйствій, къ другому способу сведенія счетовъ. Прошедшее октябризма не даетъ основанія разсчитывать на его энергію въ будущемъ—но хорошо уже и то, что А. И. Гучковымъ, по мѣткому выраженію одной газеты, „выданъ вексель", оплаты котораго, хоть частичной, требуетъ долгъ чести.

Мы отнюдь не преувеличиваемъ значеніе рѣчи А. И. Гучкова. Далеко не во всемъ она опредѣленна сама по себѣ; еще менѣе опредѣленны перспективы, которыя она открываетъ. Значительную часть своей силы она заимствуетъ изъ того положенія, которое А. И. Гучковъ занималъ—а, можетъ быть, будетъ занимать и впредь, если не по имени, то de facto,—въ союзѣ 17-го октября. При нормальномъ положеніи вещей, во главѣ законодательнаго собранія съ наибольшей пользой для дѣла можетъ стоять человѣкъ безпартійный или не очень тѣсно связанный съ своей партіей; но въ критическія минуты народной жизни допустимо, иногда даже желательно соединеніе функцій, на первый взглядъ несовмѣстимыхъ. Припомнимъ, что въ 1879—81 г.г. безсмѣннымъ президентомъ французской палаты депутатовъ былъ Гамбетта, не отказывавшійся, въ то же время, отъ активной политической роли. Никакой параллели между Гамбеттой и г. Гучковымъ мы, конечно, не проводимъ; мы хотимъ только показать, что чрезвычайными обстоятельствами оправдываются необычныя политическія комбинаціи. Слово, сказанное съ предсѣдательскаго кресла, получаетъ особый вѣсъ, когда за ораторомъ стоитъ многочисленная парламентская фракція — и наоборотъ, стремленія фракціи пріобрѣтаютъ, съ

[1]) См. стенографическій отчетъ о засѣданіи 22-го февраля, стр. 2174—6.

возвышеніемъ ея вождя, новый, крупный шансъ успѣха. Если союзъ 17-го октября не воспользуется благопріятной для него конъюнктурой, онъ выдастъ самъ себѣ окончательное testimonium paupertatis.

До какой степени обстоятельства способствовали эффекту, произведенному вступительною рѣчью А. И. Гучкова—на это указываютъ отзывы о ней, идущіе съ самыхъ различныхъ концовъ Государственной Думы. Прерывали ее неодобрительными возгласами и остались ею безусловно недовольны только представители крайней правой. Снисходительный, даже благодушный пріемъ она встрѣтила не только въ центрѣ, но и среди лѣвыхъ, изъ которыхъ иные отдавали ей предпочтеніе передъ вступительными рѣчами С. А. Муромцева—въ первой, Ѳ. А. Головина — во второй Думѣ. Объяснить это можно, какъ намъ кажется, только указанными нами выше особенностями современной политической атмосферы. Рѣчи С. А. Муромцева и Ѳ. А. Головина отличались такою цѣльностью, такою твердостью, какихъ напрасно было бы искать въ рѣчи А. И. Гучкова. Конечно, этому способствовали совершенно иная обстановка, совершенно иной составъ законодательнаго собранія; конечно, затрудненія, съ которыми долженъ былъ считаться А. И. Гучковъ, не существовали для его предшественниковъ—но послѣдніе сказали все, чего можно было ожидать въ данную минуту, а новый предсѣдатель Думы многаго не договорилъ, многаго коснулся лишь путемъ намековъ. Негромкій, въ сущности, звукъ кажется мощнымъ, когда онъ раздается среди всеобщей тишины. Не въ этомъ ли разгадка необычайнаго успѣха, выпавшаго на долю А. И. Гучкова?

Чрезвычайно характерной иллюстраціей къ вопросу „о внѣшнихъ препятствіяхъ“, встрѣчаемыхъ работою Думы, служитъ недавно опубликованный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 4-го декабря прошлаго года. Нѣтъ, кажется, такой неправильности въ изданіи и примѣненіи обязательныхъ постановленій, которая, судя по циркуляру, не встрѣчалась бы въ административной практикѣ послѣднихъ лѣтъ. На основаніи исключительныхъ законовъ могутъ быть издаваемы только такія обязательныя постановленія, которыя имѣютъ цѣлью борьбу съ „противогосударственною дѣятельностью“, стремящеюся къ „ниспроверженію существующаго строя“; между тѣмъ, въ циркулярѣ приведенъ длинный рядъ постановленій, вторгающихся въ самыя различныя, ничего общаго съ политикою не имѣющія области частной и общественной жизни [1]). Обязательныя постановленія могутъ относиться

---

[1]) Назовемъ, въ видѣ примѣра, постановленія объ игрѣ на гармоникахъ, о не-

только къ дѣяніямъ, не воспрещеннымъ подъ страхомъ уголовной кары; *большинство* губернаторовъ и градоначальниковъ распространяетъ дѣйствіе ихъ на тѣ или другіе уголовные проступки. Сплошь и рядомъ обязательныя постановленія являются прямымъ превышеніемъ власти, запрещая, напримѣръ, ввозъ или розничную продажу тѣхъ или другихъ повременныхъ изданій, признавая недопустимымъ пріемъ на фабрики и заводы рабочихъ, раньше удаленныхъ за агитацію среди товарищей, возлагая на обывателей неустановленныя закономъ повинности, вводя коллективную отвѣтственность невиновныхъ (напр. сельскаго общества—за его членовъ, педагогическаго персонала—за учащихся), нарушая, совмѣщеніемъ административной отвѣтственности съ уголовною, правило: non bis in idem. Приговариваемые, за нарушеніе обязательныхъ постановленій, къ аресту содержатся иногда не при полиціи, а въ тюрьмѣ; уплата штрафа не признается поводомъ къ освобожденію отъ ареста, если онъ уже состоялся. Въ примѣненіи обязательныхъ постановленій встрѣчаются иногда явныя несообразности: такъ напримѣръ, подъ дѣйствіе правила, воспрещающаго вторженіе въ огороженное мѣсто, подводится самовольная пастьба скота, лѣсная порубка или типичное самоуправство, выразившееся въ осуществленіи, безъ обращенія къ власти, совершенно безспорнаго права.

Читая этотъ единственный въ своемъ родѣ циркуляръ, невольно спрашиваешь себя: неужели безчисленныя, вопіющія нарушенія закона только теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ бюрократическаго всевластія, дошли до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ? Конечно—нѣтъ: многія, очень многія изъ нихъ своевременно отмѣчались печатью [1]), многія, безъ сомнѣнія, давали поводъ къ жалобамъ и ходатайствамъ всякаго рода. Отсюда другой вопросъ: почему же министерство до сихъ поръ не принимало мѣръ къ ихъ предупрежденію и тѣмъ самымъ сдѣлало возможнымъ повсемѣстное ихъ распространеніе, водвореніе ихъ въ жизнь, какъ чего-то естественнаго и нормальнаго? Наконецъ—что заставило его отказаться отъ системы терпѣнія и невмѣшательства, фактически очень сходнаго съ поощреніемъ? Въ самомъ циркулярѣ можно найти данныя для отвѣта только на послѣдній вопросъ. „Заботы и усилія правительства" — читаемъ мы здѣсь—„направляются настоятельно къ тому, чтобы, при постепенномъ водвореніи спокойствія, возвращаться къ нормальнымъ способамъ управленія страною. Чрезвычайныя мѣры дѣйствительны, когда

луженыхъ самоварахъ, о продажѣ барышниками театральныхъ билетовъ, о выколачиваньѣ ковровъ, объ огражденіи древесныхъ посадокъ.

[1]) Назовемъ, для примѣра, распоряженіе генерала Толмачева, въ силу котораго не допускался ввозъ въ Одессу, во время городскихъ выборовъ, газеты „Рѣчь".

онѣ использованы рѣшительно и быстро, въ возможно краткій срокъ, но выдыхаются и теряютъ свое значеніе, когда превращаются въ затяжныя. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не признано еще правительствомъ возможнымъ снять исключительное положеніе, г.г. губернаторамъ и градоначальникамъ надлежитъ пользоваться предоставленными имъ исключительными полномочіями съ особенною осмотрительностью и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это безусловно необходимо. Это относится и къ представленіямъ о высылкахъ, къ которымъ правительство принуждено было прибѣгать въ революціонное время, но которыя должны постепенно сокращаться, до полнаго отказа отъ этой мѣры, не предусматривающейся и находящимся нынѣ на законодательномъ разсмотрѣніи новымъ проектомъ исключительнаго положенія. Поэтому надлежитъ наблюсти, чтобы единичные случаи нарушенія закона, не являющіеся типичнымъ выраженіемъ общаго настроенія, предупреждались и преслѣдовались всѣми безъ исключенія органами правительства на мѣстахъ не путемъ исключительныхъ мѣропріятій, прибѣгать къ коимъ заставляли исключительныя условія пережитаго государствомъ тяжелаго времени, а путемъ, указываемымъ общими законами страны. Пройдя черезъ острый періодъ смуты, населеніе должно пережить по возможности безболѣзненно и безъ осложненій процессъ перехода къ нормальному положенію".—Итакъ, правильное пользованіе исключительными законами—если только можетъ быть рѣчь о правильности тамъ, гдѣ все въ корнѣ неправильно,—становится желательнымъ только тогда, когда близится возвратъ къ нормальному порядку? А въ самый разгаръ административнаго произвола забота объ удержаніи его хоть въ какихъ-нибудь границахъ представляется излишней? Нѣчто подобное можно было бы утверждать, хотя и съ большой натяжкой, еслибы въ Россіи — какъ въ другихъ культурныхъ странахъ—чрезвычайныя мѣры примѣнялись только въ теченіе „возможно краткаго срока", т.-е. въ моментъ реальныхъ, серьезныхъ нарушеній спокойствія и порядка; но вѣдь на самомъ дѣлѣ этотъ срокъ длится у насъ цѣлые годы, цѣлыя десятилѣтія. Странно, поэтому, откладывать до послѣдней минуты обузданіе мѣстныхъ самоуправцевъ, не знающихъ и не желающихъ знать предѣла для своего „усмотрѣнія". Сила власти, по словамъ циркуляра—„не въ нарушеніи закона, а въ безусловномъ съ нимъ соотвѣтствіи". Почему же эта истина забывалась въ продолженіе четырехъ годовъ, изъ которыхъ тревожнымъ можетъ быть названъ только первый, и то далеко не весь? Почему оставались мертвой буквой не только „общіе законы страны", но и многія изъ „чрезвычайныхъ" правилъ (на сколько они ограничиваютъ всемогущество администраціи), послѣ того какъ исчезли „исключительныя условія пережитаго государствомъ тяжелаго времени"? И что

это за „процессъ перехода къ нормальному положенію“, о которомъ говорится въ концѣ циркуляра? Никакого промежуточнаго періода между существованіемъ усиленной охраны и ея отмѣной законъ не знаетъ, да и за чрезвычайной охраной вовсе не неизбѣжно должна слѣдовать усиленная. Нѣтъ больше причины—не должно быть больше и дѣйствія. Жизнь вездѣ вошла въ обычную колею — конечно, при новой, отчасти, обстановкѣ; но вѣдь эту новизну не устранятъ никакія репрессіи, никакія попытки воскресить умершія настроенія и чувства.

Запоздалость — не единственный недостатокъ циркуляра. Онъ не только объясняетъ *всѣ* указанныя имъ „неправильности“ тою „напряженностью“, съ которою мѣстной власти приходилось, „за послѣднее время“ (?), бороться противъ революціоннаго движенія и бандитизма“; онъ выражаетъ увѣренность, что и впредь со стороны начальниковъ губерній и градоначальниковъ не будетъ допущено „ослабленія ихъ дѣятельности и пониженія ихъ бдительности въ борьбѣ съ незаконными проявленіями въ мѣстной жизни“. Весьма возможно, что на практикѣ эта оговорка окажется, во многихъ случаяхъ, равносильной уничтоженію всего раньше сказаннаго въ циркулярѣ. Опасеніе навлечь на себя упрекъ въ недостаткѣ энергіи и бдительности слишкомъ легко можетъ взять верхъ надъ опасеніемъ превысить власть и выйти за предѣлы закона...

Въ разбираемомъ нами циркулярѣ встрѣчается, между прочимъ, указаніе на необходимость соблюдать „особую осмотрительность“ въ представленіяхъ о высылкѣ, къ которой правительство „принуждено было прибѣгать въ революціонное время, но которая должна постепенно сокращаться“. И послѣ циркуляра, однако, примѣненіе административной высылки продолжалось хотя и не въ прежнихъ, но все же въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Изъ рѣчи директора департамента полиціи, произнесенной въ засѣданіи Думы 20-го февраля, мы узнаемъ, что съ начала нынѣшняго года (т.-е. въ теченіе семи недѣль) случаевъ высылки было 171. Отсюда выводится „успокоительное“ заключеніе, что къ концу года ихъ будетъ не болѣе 1000. *Тысяча* людей, высланныхъ безъ слѣдствія и суда, по представленіямъ тѣхъ мѣстныхъ властей, съ характеромъ дѣятельности которыхъ насъ такъ хорошо ознакомилъ циркуляръ! Неужели это—такая цифра, къ которой можно отнестись равнодушно, которою администрація можетъ даже гордиться? Изъ рѣчи деп. Годнева (въ засѣданіи 22-го февраля) видно, притомъ, что свѣдѣнія, сообщенныя директоромъ департамента полиціи, обнимаютъ собою далеко не всѣ категоріи административныхъ ссыльныхъ... Еще знаменательнѣе рѣчь вице-директора департамента полиціи (въ засѣданіи 26-го февраля), представляющая собою

настоящую апологію административной ссылки и заставляющая сомнѣваться въ готовности министерства положить конецъ этому виду расправы. И если ссылка признается нецѣлесообразной, если она самимъ министерствомъ не включена въ число мѣръ, допускаемыхъ законопроектомъ объ исключительномъ положеніи, то почему же она должна сокращаться не иначе, какъ *постепенно?* Почему по отношенію къ ней, какъ и къ другимъ продуктамъ „охраны", долженъ существовать какой-то „переходный періодъ", вовсе не предусмотрѣнный закономъ?

Сказаннаго достаточно, чтобы показать, въ какой мѣрѣ образъ дѣйствій объединеннаго министерства принадлежитъ къ числу „внѣшнихъ препятствій", встрѣчаемыхъ на пути къ новымъ порядкамъ. Немало тормозятъ установленіе нормальнаго государственнаго строя и отдѣльные министры: припомнимъ хотя бы рѣчь министра юстиціи по поводу незаконныхъ циркуляровъ главнаго тюремнаго управленія, выступленіе министра народнаго просвѣщенія въ засѣданіи 3-го марта, отсутствіе министра внутреннихъ дѣлъ при обсужденіи Думою смѣты его министерства. Едва ли, однако, впали въ ошибку тѣ органы печати, которые въ словахъ А. И. Гучкова о необходимости „считаться и сосчитаться" усмотрѣли, главнымъ образомъ, намекъ на Государственный Совѣтъ. Дѣйствительно, большинство нашей верхней палаты не очень-то расположено, въ послѣднее время, принимать въ разсчетъ желанія и взгляды Государственной Думы. Если настроеніе, проявившееся, напримѣръ, при разсмотрѣніи законопроекта о порядкѣ преданія суду, окончательно возьметъ верхъ, если общее собраніе Государственнаго Совѣта усвоитъ себѣ стремленія многихъ своихъ коммиссій, не оставляющихъ камня на камнѣ въ трудахъ Государственной Думы, то между обѣими палатами неизбѣжно долженъ будетъ возникнуть конфликтъ, весьма серьезный. Чѣмъ меньше цѣннаго дала, до сихъ поръ, законодательная работа третьей Думы, тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе производятъ преграды, встрѣчаемыя дальнѣйшимъ ея движеніемъ. Многое ли уцѣлѣетъ изъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ—опредѣлить, пока, невозможно. Законопроекту объ условномъ осужденіи, представляющему собою, при всей его неполнотѣ, безспорный шагъ впередъ, грозитъ, по видимому, полная неудача. И на чемъ же, судя по слухамъ, основываются его противники? Между прочимъ — на томъ, что неудобно вводить условное осужденіе до вступленія въ силу уголовнаго уложенія и до преобразованія мѣстнаго суда. Но вѣдь чѣмъ несовершеннѣе матеріальное уголовное право, тѣмъ вѣроятнѣе несоотвѣтствіе между наказаніемъ и виною—тѣмъ желательнѣе, слѣдовательно, предоставленіе суду возможности устранить или смягчить несправедливость, сопря-

женную съ примѣненіемъ закона. Конечно, отъ земскихъ начальниковъ трудно ожидать большого искусства въ примѣненіи такого новшества, какъ условное осужденіе: но если несовершеннымъ судебнымъ органамъ ввѣряется болѣе важная функція — присужденіе къ уголовной карѣ, подлежащей неуклонному исполненію,—то неужели такъ опасно ввѣрить имъ менѣе важную, какою несомнѣнно является условное осужденіе? Одно изъ двухъ: или условное осужденіе оставлялось бы существующими мѣстными судами вовсе или почти вовсе безъ примѣненія— и тогда никакой или почти никакой перемѣны, ни къ лучшему, ни къ худшему бы не произошло; или оно примѣнялось бы слишкомъ часто, безъ достаточной разборчивости—и тогда нѣкоторые проступки безъ достаточной причины оставались бы безнаказанными, нѣкоторые другіе, быть можетъ, не были бы предупреждены. Случаевъ перваго рода было бы немного, потому что земскіе начальники къ большой снисходительности, вообще говоря, не расположены — а случаи второго рода, еслибы даже ихъ было немало, уравновѣшивались бы предупрежденіемъ тѣхъ проступковъ, которые являются послѣдствіемъ тюремнаго сидѣнья (т.-е. особаго „воспитанія", слишкомъ часто получаемаго у насъ „тюремными сидѣльцами").

Законопроектъ объ условномъ осужденіи еще не дошелъ до общаго собранія Государственнаго Совѣта—но законопроектъ о порядкѣ преданія суду уже прошелъ черезъ него и подвергся существеннымъ перемѣнамъ къ худшему. Самая важная изъ нихъ—устраненіе предложеннаго составителями проекта (т.-е. министерствомъ юстиціи) и принятаго какъ Думой, такъ и коммиссіей Государственнаго Совѣта, участія защиты въ процедурѣ преданія суду. Способствовала этому результату, по видимому, въ особенности рѣчь члена Государственнаго Совѣта Дейтриха, доводы котораго противъ допущенія защиты въ обвинительную камеру отличались, по отзыву „Новаго Времени", „большою силой". Съ появленіемъ защиты, обвинительная камера сдѣлалась бы, по мнѣнію г. Дейтриха, своего рода судомъ: вмѣсто того, чтобы разсматривать, достаточно ли уликъ для преданія обвиняемаго суду, она, вслѣдъ за защитой, стала бы разбирать дѣло по существу. Не знаемъ, на чемъ основано такое странное мнѣніе о судьяхъ, входящихъ въ составъ обвинительной камеры. Всякій судья, достойный этого имени, не можетъ не понимать, что для преданія суду нужны данныя другого рода, чѣмъ для обвинительнаго приговора; онъ не можетъ не знать, что точка зрѣнія суда, разсматривающаго вопросъ о преданіи суду, на столько же отлична отъ точки зрѣнія суда, рѣшающаго дѣло по существу, на сколько послѣдняя, въ свою очередь, отлична отъ точки зрѣнія кассаціоннаго суда. Столь же понятны эти различія и для всякаго образованнаго адвоката. Вѣдь умѣетъ же при-

сяжный повѣренный, говоря передъ кассаціоннымъ Сенатомъ, воздерживаться отъ экскурсовъ въ существо дѣла; на чемъ же основано предположеніе, что онъ не съумѣетъ—или не захочетъ—воздержаться отъ нихъ, говоря передъ обвинительной камерой? И что̀ могло бы помѣшать предсѣдателю наложить свое veto на соображенія, выходящія изъ рамокъ вопроса о преданіи суду?... Съ допущеніемъ защиты—продолжаетъ г. Дейтрихъ, — обвинительная камера обратится въ судъ, но судъ „безъ необходимыхъ условій устности и гласности". Та категорія юристовъ, къ которой принадлежитъ г. Дейтрихъ, никогда не дорожила, да и теперь едва ли дорожитъ гласностью; а что касается до устности, то именно ее ввело бы въ обвинительную камеру—конечно, въ ограниченныхъ размѣрахъ,—состязаніе между прокуратурой и защитой. „Въ обвинительныхъ камерахъ"—читаемъ мы дальше—„*всякое* сомнѣніе толкуется не въ пользу обвиняемаго, а противъ него". Этотъ тезисъ нельзя назвать иначе, какъ юридическою ересью. Съ одной стороны, и при разсмотрѣніи дѣла по существу не *всякое* сомнѣніе толкуется въ пользу обвиняемаго, а только сомнѣніе достаточно серьезное, достаточно обоснованное; съ другой стороны, есть сомнѣнія на столько сильныя и вѣскія, что ихъ наличность можетъ или даже должна привести къ прекращенію слѣдствія. Если согласиться съ г. Дейтрихомъ, то преданіемъ суду пришлось бы заканчивать всѣ или почти всѣ дѣла, дошедшія до обвинительной камеры: вѣдь между ними очень мало такихъ, гдѣ невинность обвиняемаго стояла бы внѣ всякихъ сомнѣній... Болѣе чѣмъ вѣроятно, что на слушателей г. Дейтриха повліяли не эти впрочемъ доводы, слабость которыхъ очевидна даже для не-юристовъ, а афоризмы въ родѣ слѣдующихъ: „самое дѣйствительное средство противъ преступленій есть страхъ неизбѣжнаго наказанія, что̀ давно уже признано западно-европейскими законодательствами?.. У насъ за десять лѣтъ только за одно преступленіе (похищеніе лошадей и скота) было усилено наказаніе; по всѣмъ (?) остальнымъ преступленіямъ у насъ сплошь уменьшены уголовныя репрессіи. Введеніе защиты въ обвинительную камеру дастъ еще новые шансы преступникамъ... О потерпѣвшемъ мы не заботимся. Надо подумать о тѣхъ, которыхъ грабятъ, обворовываютъ, убиваютъ. На этотъ путь намъ давно пора стать". Опровергать подобные аргументы нѣтъ надобности—но, къ сожалѣнію, при извѣстныхъ условіяхъ они до сихъ поръ еще оказываются убѣдительными... Министръ юстиціи не счелъ нужнымъ выступить въ защиту своего проекта; докладчикъ коммиссіи (М. В. Красовскій) высказался въ томъ же смыслѣ, какъ и г. Дейтрихъ (по другимъ, „утилитарнымъ" соображеніямъ)—и правило, существенно улучшавшее нашъ уголовный процессъ и пролагавшее путь къ новымъ

улучшеніямъ (введенію защиты на предварительномъ слѣдствіи), было отклонено большинствомъ голосовъ.

Начался новый, вѣроятно—рѣшительный фазисъ финляндскаго вопроса. Высочайшимъ манифестомъ 14-го марта повелѣно внести на разсмотрѣніе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта законопроектъ о порядкѣ изданія касающихся великаго княжества финляндскаго законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія. Финляндскому сейму предоставлено сообщить въ мѣсячный срокъ *заключеніе* свое по содержанію этого законопроекта. 17-го марта законопроектъ внесенъ въ Государственную Думу; въ тотъ же день текстъ его напечатанъ въ приложеніи къ „Россіи" и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ. Въ общемъ и главномъ онъ очень близокъ къ проекту русско-финляндской коммиссіи (т.-е. русскаго ея большинства), подробно разобранному нами нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ [1]). Наиболѣе существенное, съ перваго взгляда, различіе между обоими проектами заключается въ перечнѣ предметовъ общегосударственнаго значенія. Въ проектѣ коммиссіи въ этотъ перечень вошли очень многіе предметы очевидно и исключительно *мѣстнаго* значенія; въ законопроектѣ, внесенномъ въ Думу, число такихъ предметовъ—или ихъ объемъ—нѣсколько уменьшено, но демаркаціонная черта по прежнему проведена до крайности произвольно и очень неясно. Совершенно исключено изъ перечня употребленіе въ Финляндіи государственнаго (т.-е. русскаго) языка. Коммиссія включала въ общегосударственную область уголовное законодательство и отвѣтственность должностныхъ лицъ въ Финляндіи, основныя начала судопроизводства и судоустройства въ Финляндіи, основныя начала школьнаго дѣла въ Финляндіи и устройство за нимъ надзора. Это было прямое, откровенное вторженіе въ сферу чисто внутреннихъ, мѣстныхъ дѣлъ, всецѣло и безспорно находившихся до сихъ поръ въ вѣдѣніи мѣстныхъ установленій. Законопроектъ обнаруживаетъ, по видимому, меньшую рѣшительность: онъ говоритъ только объ „установленіи въ государственныхъ интересахъ изъятій изъ финляндскихъ уголовныхъ и судопроизводственныхъ законовъ" и объ „обезпеченіи государственныхъ интересовъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія". Нетрудно замѣтить, однако, что отъ такой перемѣны Финляндія выигрываетъ очень мало—или не выигрываетъ ничего. Само собою разумѣется, что члены русско-финляндской коммиссіи вовсе не имѣли въ виду подвергнуть пересмотру и передѣлкѣ *всѣ* уголовные и процессуальные законы,

[1]) См. внутр. обозрѣнія въ № 12 за 1909 г. и въ № 1 нынѣшняго года.

всѣ школьные порядки Финляндіи: они хотѣли только открыть широкую, свободную дорогу для тѣхъ перемѣнъ, какія будутъ признаны необходимыми съ своеобразно понимаемой общегосударственной точки зрѣнія. На эту дорогу можно будетъ вступить и при дѣйствіи правилъ, проектируемыхъ совѣтомъ министровъ. Нѣтъ такого школьнаго устава, нѣтъ такого постановленія въ уголовномъ уложеніи и въ законахъ о судопроизводствѣ, которыхъ нельзя было бы признать, въ случаѣ надобности, противорѣчащими общегосударственнымъ интересамъ. Весьма вѣроятно, что этимъ объясняется и отмѣченное нами выше исключеніе изъ перечня особаго пункта объ употребленіи государственнаго языка: вѣдь и на основаніи законопроекта его можно будетъ ввести, въ той или другой формѣ, и въ судахъ, и въ школѣ... Въ перечнѣ коммиссіи имѣлся, между прочимъ, такой пунктъ: „охрана въ Финляндіи государственнаго порядка и организація такой охраны". Въ законопроектѣ такого пункта нѣтъ—но это отнюдь не значитъ, чтобы была оставлена выраженная въ немъ мысль. Къ предметамъ общегосударственнаго значенія законопроектъ относитъ „права, обязанности и порядокъ дѣйствій въ Финляндіи общихъ имперскихъ учрежденій и властей". Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это даетъ полную возможность распространить на Финляндію дѣятельность имперскихъ охранныхъ учрежденій, со всѣми принадлежащими имъ „правами"... Непосредственно перенесены изъ одного перечня въ другой тѣ пункты, которые касаются законодательства о печати и правилъ о публичныхъ собраніяхъ, обществахъ и союзахъ. Что принесетъ Финляндіи эта сторона объединенія ея съ имперіей—понятно само собою. Не требуетъ объясненія и то, какія послѣдствія можетъ имѣть признаніе общегосударственнаго значенія за денежной системой Финляндіи, за почтой, телеграфомъ, телефонами, воздухоплаваніемъ и тому подобными способами сношенія въ Финляндіи. Отмѣтимъ только одну странность: желѣзнодорожное дѣло въ Финляндіи объявляется общегосударственнымъ лишь въ его отношеніяхъ къ оборонѣ государства, а также въ сообщеніяхъ между Финляндіею и прочими частями имперіи и въ сообщеніяхъ международныхъ. Почему же хотя бы такой оговорки не сдѣлано по отношенію къ почтѣ, телеграфу, телефонамъ? Что̀ общегосударственнаго въ почтовыхъ и тому подобныхъ распорядкахъ, поскольку они касаются одной Финляндіи?.. Чрезвычайно важно, наконецъ, и то, что по законопроекту, какъ и по предположеніямъ русскихъ членовъ подготовительной коммиссіи, измѣненіе и *дополненіе* перечня законовъ и постановленій общегосударственнаго характера производится въ общемъ законодательномъ порядкѣ. Это значитъ, что послѣднее слово „объединительной" политики еще не сказано, что сфера дѣйствій особыхъ финляндскихъ установленій, безъ того уже крайне

съуживаемая, во всякое время можетъ быть ограничена еще больше— и доведена, въ концѣ концовъ, до той черты, о которой, очевидно, мечтаютъ прямолинейные руссификаторы: до уровня обычнаго — или сугубо стѣсненнаго—мѣстнаго самоуправленія.

Еще важнѣе, чѣмъ разграниченіе предметовъ общегосударственнаго и мѣстнаго значенія, опредѣленіе порядка, въ которомъ должны разсматриваться вопросы, относимые къ первой категоріи. Этотъ порядокъ предрѣшенъ, отчасти, манифестомъ 14-го марта, въ силу котораго законопроектъ, составленный совѣтомъ министровъ, сообщается лишь на *заключеніе* финляндскаго сейма. На будущее время законопроектъ даетъ финляндскому сейму еще меньше: его заключеніе признается нужнымъ лишь по предметамъ его вѣдѣнія (конечно — въ тѣхъ предѣлахъ, въ какіе они будутъ введены при новомъ порядкѣ), а также тогда, когда затрогиваются прошедшіе черезъ него мѣстные финляндскіе законы; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ заключеніе предполагается требовать лишь отъ финляндскаго сената. Финляндскій сеймъ теряетъ, такимъ образомъ, то значеніе, которое онъ имѣлъ въ теченіе полувѣка и которое за нимъ много разъ торжественно признавалось. „Особое законодательство“ Финляндіи создавалось и развивалось до сихъ поръ при участіи сейма. Населеніе Финляндіи разсматривалось какъ *финскій народъ*, какъ *нація*, *политическое* существованіе которой обезпечивается мѣрами русской верховной власти. Съ этимъ государственно-правовымъ положеніемъ Финляндіи законопроектъ, внесенный въ Думу, не считается вовсе. Необходимость законовъ, общихъ для имперіи и для великаго княжества, отрицать нельзя, но порядокъ ихъ изданія можетъ быть, безъ явной несправедливости, установленъ только такой, который, ограждая права и интересы русскаго государства и русскихъ гражданъ, оставлялъ бы неприкосновенными права финскаго народа и его законныхъ представителей.

Наше обозрѣніе было уже сдано въ печать, когда въ газетахъ былъ оглашенъ отчетъ о засѣданіи Думы 17-го марта, а въ приложеніи къ „Россіи“ появилась объяснительная записка къ законопроекту о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія. Не останавливаясь, поэтому, ни на томъ, ни на другой, отмѣтимъ только нѣкоторыя мѣста записки, особенно характерныя. Предсѣдатель совѣта министровъ усматриваетъ аналогію между манифестами и грамотами русскихъ императоровъ, создававшими или подтверждавшими особыя права населенія Финляндіи, и тѣми грамотами, которыя неоднократно были жалуемы другимъ областямъ — и даже городамъ — русскаго государства, напр. Малороссіи, Грузіи, прибалтійскимъ губерніямъ. Подобно тому, какъ

были измѣнены или отмѣнены эти послѣднія грамоты, могутъ быть отмѣнены или измѣнены и однородные акты, относящіеся къ Финляндіи. Придавать имъ значеніе какихъ-то вѣчныхъ, незыблемыхъ нормъ было бы, по словамъ записки, „одинаково несовмѣстно и съ разумомъ вещей, и съ государственною необходимостью, и съ благомъ того населенія, коему эти особыя права и преимущества были когда-то пожалованы, ибо жизнь народная не терпитъ неподвижности и застоя, но требуетъ правильнаго и цѣлесообразнаго развитія“. Аналогія, проводимая запиской, на самомъ дѣлѣ вовсе не существуетъ. Развѣ въ грамотахъ, данныхъ прибалтійскимъ губерніямъ, говорилось когда-нибудь объ остзейскомъ, или лифляндско-эстляндскомъ, или нѣмецкомъ, латышскомъ, эстонскомъ *народѣ?* Развѣ остзейскія провинціи имѣли когда-нибудь свое народное представительство, свои особые *основные* законы? Развѣ о нихъ упоминалось когда-нибудь отдѣльно въ основныхъ законахъ имперіи? Развѣ измѣненіе ихъ было поставлено въ зависимость отъ согласія какого-либо мѣстнаго учрежденія? Положеніе Финляндіи въ составѣ русскаго государства можетъ быть сравниваемо, mutatis mutandis, только съ положеніемъ царства польскаго до возстанія 1830-го года; но Финляндія никогда не возставала противъ русскаго государя и никогда не была признаваема потерявшей свои законныя права. Конечно, народная жизнь требуетъ „правильнаго и цѣлесообразнаго развитія“—но правильнаго въ смыслѣ закономѣрности, внутренней и внѣшней, цѣлесообразнаго въ смыслѣ согласованности съ желаніями и убѣжденіями народа, съ степенью его политической зрѣлости, въ Финляндіи давно уже весьма высокой... Основнымъ законамъ Финляндіи придается, въ другомъ мѣстѣ записки, эпитетъ: *такъ называемые.* Но вѣдь они „такъ назывались“ не только въ литературѣ, не только въ постановленіяхъ или заявленіяхъ финляндскихъ учрежденій, но и въ оффиціальныхъ актахъ, напр. въ Высочайшихъ манифестахъ 2 марта 1881-го и 25 октября 1894-го года.

Настоящій законопроектъ—говорится въ объяснительной запискѣ—„имѣетъ цѣлью только обезпеченіе на финляндской окраинѣ неотъемлемыхъ правъ и жизненныхъ интересовъ Россіи. Онъ вовсе не задается планами ни нарушенія внутренней автономіи Финляндіи, ни денаціонализаціи финновъ, ни посягательства на ихъ культуру“. Для оцѣнки закона важны не столько побужденія его составителей, сплошь и рядомъ остающіяся въ большей или меньшей степени скрытыми, сколько возможныя его послѣдствія. Становясь на эту точку зрѣнія, едва ли можно отрицать, что разбираемый нами законопроектъ, если ему суждено стать закономъ, *можетъ* открыть просторъ для попытокъ денаціонализировать финновъ—напр. путемъ вмѣшательства въ организацію и дѣятельность финской школы,—*можетъ* стѣснить развитіе фин-

ской культуры—напр. стѣсненіемъ свободы слова, собраній и союзовъ... „Устанавливаемый проектомъ перечень предметовъ общаго законодательства"—читаемъ мы дальше—„есть не болѣе, какъ законодательная программа. Принятіе этой программы отнюдь не означаетъ приступа къ немедленному осуществленію всѣхъ ея деталей. Еще менѣе основательнымъ было бы предположеніе, что намѣчаемая нынѣ мѣра непосредственно повлечетъ за собою прекращеніе дѣйствія затрогиваемыхъ ею финляндскихъ узаконеній и веденіе взамѣнъ ихъ подлежащихъ имперскихъ (русскихъ) законовъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ ея утвержденія будетъ только принципіальное изъятіе указанныхъ въ проектируемомъ перечнѣ дѣлъ изъ сферы мѣстнаго финляндскаго законодательства. Дѣла эти впредь должны разрѣшаться въ общемъ порядкѣ, но при этомъ, разумѣется, будетъ соблюдена постепенность и осторожность". Но развѣ населенію Финляндіи легко будетъ жить подъ Дамокловымъ мечемъ, всегда готовымъ опуститься на любую изъ областей, охватываемыхъ законопроектомъ? Развѣ можетъ служить для него утѣшеніемъ обѣщаніе постепенности и осторожности, необязательное для тѣхъ, кто его даетъ и тѣмъ болѣе — для ихъ преемниковъ? Если, притомъ, законопроектъ имѣетъ въ виду не столько настоящую минуту, сколько отдаленное будущее, то къ чему широкія рамки, сразу данныя перечню, во всякое время, по смыслу законопроекта, допускающему дополненіе?... Не думаемъ, чтобы оговорки, сдѣланныя въ запискѣ, могли смягчить хоть сколько-нибудь общее впечатлѣніе, производимое законопроектомъ.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Вересаевъ промѣнялъ перо беллетриста на перо литературнаго критика и пробуетъ на страницахъ „Современнаго Міра" проанализировать творчество Достоевскаго. Задача, въ самомъ дѣлѣ, соблазнительная. Немало людей талантливыхъ и тонкихъ брались за нее, немало сдѣлано вѣрныхъ и мѣткихъ наблюденій надъ Достоевскимъ; но всѣ попытки уложить его своеобразную личность въ единую, исчерпывающую конструкцію всетаки терпѣли до сихъ поръ крушеніе, разбиваясь о необычайную сложность геніальнаго писателя. Не избѣгъ общей участи и Вересаевъ. Его статья написана ярко, читается

съ интересомъ, построена на умѣломъ и обильномъ подборѣ цитатъ изъ Достоевскаго, создаетъ законченную и довольно отчетливую фигуру — но эта фигура не та, которая носилась передъ нами, когда мы читали и перечитывали сочиненія Достоевскаго. Вересаевъ отсѣкъ тѣ ея свойства, которыя насъ наиболѣе волновали, обошелъ тѣ послѣдніе вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ мучительно бьется Достоевскій и къ которымъ онъ ведетъ своего читателя.

Вересаевъ успокаивается на томъ выводѣ, что религія Достоевскаго—лазаретъ. „Лазаретъ для усталыхъ, богадѣльня для немощныхъ. Богъ этой религіи—только костыль, за который хватается безнадежно-увѣчный человѣкъ. Хватается, пытается подняться и опереться—но костыль то и дѣло ломается. А кругомъ—мрачная, унылая пустыня, и царитъ надъ нею холодное „безсиліе косности“. И всѣ типы, созданные Достоевскимъ, суть, по мнѣнію Вересаева, люди „безнадежно-увѣчные“, и все творчество его—отраженіе безнадежно-увѣчной психики. Въ такой выводъ неоднократно уже упирались критики Достоевскаго—и тѣмъ не менѣе выводъ этотъ никого не удовлетворялъ. Онъ легко подтверждается безспорными, повидимому, цитатами, но ничего не объясняетъ.

Религія Достоевскаго, прежде всего, есть религія любви. Выше этой религіи человѣчество до сихъ поръ ничего не придумало. Не переросъ ее и самъ Вересаевъ. Пусть припомнитъ онъ свой прошлогодній романъ „Къ жизни“. На чемъ нашла успокоеніе смятенная, смыслъ жизни потерявшая душа героя этого романа? Не на любви ли? Не научило ли его непосредственное созерцаніе природы любить жизнь, любить людей, и не въ пламени ли этой любви сгорѣли всѣ страшные призраки, угнетавшіе душу Константина и рождавшіе въ ней чувство безпомощности и жажду самоистребленія? А если такъ, то Вересаеву подобало бы и въ проблемы, поставленныя Достоевскимъ, вдуматься поглубже, не ища прибѣжища въ опредѣленіи религіи, данномъ Геффдингомъ.

Вѣдь чувство любви имѣетъ свое естественное развитіе, свою внутреннюю логику, не менѣе обязательную, чѣмъ логика разума. Сначала человѣкъ любитъ себя, потомъ любитъ своихъ, потомъ научается любить и чужихъ, или, вѣрнѣе, для него исчезаетъ грань между своими и чужими: всякій человѣкъ и всѣ люди становятся ему близкими и дорогими, на всѣхъ распространяется участливость и забота его сердца. И высшее требованіе вполнѣ развившейся любви заключается въ томъ, чтобы совсѣмъ не осталось отверженныхъ, мимо которыхъ можно было бы пройти спокойно и безучастно, говоря: „Пропадешь, такъ и пропадай! Мнѣ до тебя какое дѣло?“

Вересаевъ остановился на полудорогѣ. Для него еще есть званые

и избранные, овцы и козлища, больные и здоровые. Достоевскій пошелъ дальше. Для него каждая индивидуальность самоцѣнна и дорога; его любовь такова, что не пріемлетъ блаженства и счастія личнаго, разъ кто-то другой гибнетъ во мракѣ и отчаяніи. Если ужъ допустить „спасеніе", то „спастись" должны всѣ. Если ужъ будетъ „осанна", то всемірная, для всѣхъ живущихъ и жившихъ безъ изъятія. На меньшемъ онъ помириться не можетъ и утверждаетъ, что и никто не помирится, если только дастъ себѣ свободу и трудъ изслѣдовать этотъ вопросъ во всю его глубину.

Иванъ Карамазовъ не пріемлетъ міра и почтительнѣйше возвращаетъ билетъ на входъ въ будущую міровую гармонію именно потому, что она должна быть построена на неотомщенныхъ слезахъ замученнаго ребенка; а отмщеніе, казнь замучившаго уже нарушаетъ гармонію, ибо исключаетъ изъ нея и казнимаго, и казнящаго—и, слѣдовательно, всѣхъ, кто этой казни предстоитъ. Великій инквизиторъ отрицаетъ Христа за то, что Онъ обѣщалъ спасеніе для 144.000 праведныхъ, а миріады, безчисленныя какъ песокъ морской, оставилъ во власти вѣчной тьмы. Раскольниковъ срывается на раздѣленіи человѣчества на настоящихъ людей и тварь дрожащую, осужденную оставаться физіологическимъ субстратомъ для достиженія какихъ-то прекрасныхъ горизонтовъ. Старецъ Зосима въ своихъ благочестивыхъ размышеніяхъ спотыкается о церковный догматъ объ адскихъ мукахъ вѣчныхъ и огнѣ неугасимомъ: его любовь нашептываетъ ему, что Христовъ подвигъ долженъ былъ извести изъ ада всѣхъ безъ остатка и совсѣмъ упразднить адъ, самую идею ада—разъ навсегда.

Если стать на эту точку зрѣнія,—а она безспорно есть именно основная точка зрѣнія Достоевскаго,—то всѣ разсужденія о „безнадежно-увѣчныхъ" обнаружатъ свою немощность. Пусть въ самомъ дѣлѣ міръ кишитъ увѣчными. Но вѣдь давно уже сказано, что не здоровымъ врачъ нуженъ, а больнымъ. Задача истинной любви въ томъ и заключается, чтобы исцѣлить хромыхъ, слѣпыхъ и бѣсноватыхъ, а не въ томъ, чтобы, оставивъ ихъ въ душномъ и грязномъ лазаретѣ, звать здоровыхъ къ наслажденіямъ и утѣхамъ подъ яркимъ солнцемъ, на зеленой травѣ, среди весенняго простора. Для чуткой совѣсти радость невозможна, когда тутъ же, за стѣной, кто-то скорбитъ и проклинаетъ.

Вотъ это-то заданіе и проглядѣлъ Вересаевъ у Достоевскаго. Онъ доказалъ, что герои Достоевскаго несутъ въ себѣ роковую язву разложенія, не умѣютъ жить, любить, радоваться, вѣровать и т. д., но не сказалъ, что же съ ними дѣлать въ такомъ случаѣ? Махнуть на нихъ рукой, что-ли, и пройти мимо? Куда? „Къ жизни"? Но въ томъ-то

и суть дѣла, что, по идеѣ Достоевскаго, всѣ пути къ жизни, къ „живой жизни“ идутъ какъ разъ черезъ „лазаретъ“, и тотъ, кто гнушается „лазаретомъ“, никогда до истиннаго разумѣнія жизни не дойдетъ. Можно считать эту идею ошибочной, но тогда надо ее обслѣдовать и вскрыть корень ошибки. Во всякомъ случаѣ, изучая творчество Достоевскаго, отъ этой идеи нельзя отмахнуться. А Вересаевъ именно это и сдѣлалъ. Онъ просто не замѣтилъ основного, движущаго принципа всѣхъ исканій Достоевскаго.

Этотъ недосмотръ заставилъ Вересаева всю психику Достоевскаго изобразить подъ фальшивымъ угломъ зрѣнія. Такъ напримѣръ, онъ совершенно правильно подмѣтилъ „знаменательную черточку: для Достоевскаго понятія „Богъ“ и „личное безсмертіе человѣка“ неразрывно связаны между собою, для него это простые синонимы“. Но объясняетъ Вересаевъ эту „черточку“ совершенно ложно. Для Достоевскаго, по мнѣнію Вересаева, было бы совершенно невозможно „любить Бога только ради Его самого, безъ гарантированнаго человѣку безсмертія... За что? За этотъ міръ, полный ужаса, разъединенія и скорби? За мрачную душу свою, въ которой копошатся пауки и фаланги? Нѣтъ, любви тутъ быть не можетъ“.

Думать, что любовь, какъ ее понималъ Достоевскій, можетъ ставить вопросъ „за что?“, можетъ искать утилитарной базы, можетъ загораться или не загораться въ зависимости отъ сулимыхъ ею барышей—это значитъ навязывать Достоевскому ту психику, противъ которой онъ всю жизнь боролся. Народная пословица говоритъ: „не по хорошу милъ, а по милу хорошъ“. Или то же самое, но только въ шутливой формѣ: „Любовь зла, полюбишь и козла“. И та, и другая формула констатируетъ первичный характеръ любви. Она ничѣмъ не опредѣляется, а сама многое опредѣляетъ. Любятъ не за что-нибудь, а просто по непосредственному влеченію, часто вопреки привычнымъ идеямъ, вкусамъ, разсчетамъ, представленіямъ. Такъ точно понимаетъ любовь и Достоевскій, и только такую самовозгорающуюся, неразсчетливую любовь признаетъ настоящей. Такъ надо любить людей, міръ, Бога. Только тотъ, кто способенъ такъ любить, способенъ и постигать любимое. Безъ истинной любви нѣтъ и истиннаго постиженія, есть только мнимое. А отъ мнимаго постиженія нѣтъ ходовъ къ любви.

— Тутъ не умъ, не логика, тутъ нутромъ, тутъ чревомъ любишь—говоритъ Иванъ Карамазовъ.

— Нутромъ и чревомъ хочется любить, — прекрасно ты это сказалъ, и радъ я ужасно за то, что тебѣ такъ жить хочется!—воскликнулъ Алеша. — Я думаю, что всѣ должны прежде всего на свѣтѣ жизнь полюбить.

— Жизнь полюбить больше, чѣмъ смыслъ ея?

— Непремѣнно такъ, полюбить прежде логики, какъ ты говоришь, непремѣнно чтобы прежде логики, и тогда только я и смыслъ пойму.

Понять смыслъ человѣка, жизни, міра—значитъ, на языкѣ Достоевскаго, вскрыть за видимою корою зла и страданія нѣкую столь прекрасную и радостную сущность, что и „прощать уже нечего". Достоевскій не то что вѣруетъ, а какъ будто знаетъ, на основаніи собственнаго психическаго опыта, что такая прекрасная сущность есть въ каждомъ человѣкѣ и лежитъ въ основѣ всей жизни, всего мірового порядка, но раскрывается она только для глаза, просвѣтленнаго любовью. Неопытная же въ любви душа видитъ лишь внѣшнюю кору зла и страданія, понимаетъ и себя, и внѣшній міръ какъ злой и бѣсовскій хаосъ, какъ издѣвку надъ лучшими упованіями сердца, и готова самыя эти упованія проклясть. Поэтому весь вопросъ жизни и познанія заключается для Достоевскаго въ томъ, какъ возрастить любовь въ сердцѣ человѣческомъ до той божественной силы, которая позволяетъ побѣдить ужасъ жизни въ самыхъ непобѣдимыхъ для утилитарной логики проявленіяхъ его.

Итакъ, не за красоту и правду, доказавъ ихъ себѣ предварительно, любятъ людей и Бога по Достоевскому, а наоборотъ — только полюбивъ предварительно безъ всякаго торга и разсужденія, начинаютъ прозрѣвать красоту и правду. Что же касается до личнаго безсмертія, то и этотъ постулатъ не есть условіе въ контрактѣ съ Богомъ, какъ думаетъ Вересаевъ, а есть непреложная истина, раскрывающаяся для сердца, уже возлюбившаго Бога и правду Его. Тутъ необходима одна существенная оговорка: Достоевскій вѣритъ, повидимому, не столько въ безсмертіе души, какъ оно понимается обыкновенно, сколько въ воскресеніе мертвыхъ. Это далеко не одно и то же, и есть основаніе думать, что первые христіане тоже вѣровали не въ безсмертіе загробное, а въ грядущее воскресеніе.

Въ одномъ изъ писемъ Достоевскаго отъ 1878 г. мы читаемъ слѣдующія строки: „Воскресеніе будетъ реальное, личное, пропасть, отдѣляющая насъ отъ душъ предковъ нашихъ, засыплется, побѣдится побѣжденною смертью, а они воскреснутъ не въ сознаніи только нашемъ, не аллегорически, а дѣйствительно лично, реально, въ тѣлахъ (конечно, не въ теперешнихъ тѣлахъ). Мы здѣсь, т.-е. я и С., вѣримъ въ воскресеніе реальное, буквальное, личное, и въ то, что это сбудется на землѣ". Вотъ какіе удивительные горизонты развертывались передъ Достоевскимъ въ минуты его душевнаго напряженія. Тѣ, кто, какъ Вересаевъ, отождествляютъ его съ героемъ „Записокъ изъ подполья", видятъ только ту страшную темную стихію, съ которой онъ боролся, и упускаютъ изъ виду тѣ радостные и любовные

подъемы, которые переживалъ Достоевскій, наряду съ Ниломъ Сорскимъ и Францискомъ Ассизскимъ.

Вересаевъ, повторяю, отмахивается отъ основной проблемы Достоевскаго — отъ вопроса, какъ исцѣлить духовно увѣчныхъ, какъ привести къ истинной любви закоснѣвшія въ тупости души. Если Вересаевъ полагаетъ, что эта проблема несовременна, что она есть продуктъ личной странности Достоевскаго или эпохи, нами уже пережитой, то онъ глубоко и странно заблуждается. Стоитъ только оглянуться на нашу современную литературу, чтобы убѣдиться, что никогда еще русская жизнь не давала такого обилія психической увѣчности, какъ именно теперь. Въ этомъ смыслѣ въ Достоевскомъ есть нѣчто въ самомъ дѣлѣ пророческое: въ свое сравнительно „здоровое" время онъ какъ бы прозрѣлъ тѣ страшные провалы, въ которыхъ будетъ биться психика послѣдующаго поколѣнія, лишенная, притомъ, того глубокаго разумѣнія, того ясновидѣнія, которымъ въ высшей степени обладалъ Достоевскій. И я бы сказалъ, что для душъ, застигнутыхъ и охваченныхъ злымъ туманомъ современности, нѣтъ болѣе цѣлительнаго средства, чѣмъ углубленное проникновеніе въ образы и идеи великаго сердцевѣдца.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмите хотя бы столь типичнаго для нашего времени поэта, какъ Валерій Брюсовъ. Подведите итогъ всѣмъ перебоямъ его настроеній—и вы убѣдитесь, что въ немъ есть нѣчто Ставрогинское. Онъ отлично знаетъ, что „въ любви всѣ тайны", но тщетно стремится зажечь въ своей душѣ пламя истинной любви. Заблудшій, невѣдущій, немощный, онъ все время бросается на суррогаты, но они не утоляютъ его жажды и только нашептываютъ ему еретическую, богохульную мысль, что и любовь безсильна воскресить человѣка. И отъ этого богохульства рождается великая, безысходная тоска, доходящая до жажды самоистребленія.

Не ту же ли мысль о безсиліи любви нашептываетъ постоянно недавнему властителю думъ, Леониду Андрееву, его Анатэма, и не сводится ли все творчество этого писателя къ попыткамъ провѣрить эти нашептыванія,—къ попыткамъ, которыя сопровождаются яснымъ сознаніемъ, что если правъ Анатэма, то непріемлема жизнь, непріемлемъ весь міръ? Но невѣдомы Леониду Андрееву пути къ тѣмъ психическимъ подъемамъ, которые, порождая любовь, обличаютъ безповоротно лживость Анатэмы, и смертною тоскою тоскуетъ душа художника по этимъ подъемамъ.

Не въ „лазаретѣ" ли Достоевскаго надо искать матеріалъ для діагноза явленія, которое представляетъ третій писатель, приковывающій нынѣ къ себѣ вниманіе многихъ—Ѳедоръ Сологубъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то „лазаретнымъ" вѣетъ отъ его головной фанта-

стики, отъ его навязчивыхъ идей, отъ его безучастности, по временамъ даже отвращенія къ міру реальныхъ явленій и переживаній, отъ его неспособности полюбить хоть что-нибудь живое, умилиться предъ чѣмъ-нибудь.

Передо мной лежатъ томы начавшаго недавно выходить „Собранія сочиненій Ѳедора Сологуба“. Первый томъ содержитъ стихотворенія, написанныя въ 1884—1898 гг. и уже давно знакомыя намъ по четыремъ первымъ сборникамъ его. Въ новое „собраніе“ авторъ включилъ далеко не все, опубликованное имъ раньше. Мы имѣемъ, очевидно, дѣло съ извѣстнымъ, болѣе или менѣе строгимъ отборомъ изъ матеріала, характеризующаго первое пятнадцатилѣтіе литературной жизни Сологуба, т.-е. ту пору, когда его писательская индивидуальность еще жила, слагалась и не успѣла застыть въ опредѣленный шаблонъ. Это обстоятельство придаетъ данному тому особый интересъ. Тутъ много искренней лирики, много откровеній, которыя объясняютъ, какъ дошелъ Сологубъ до теперешняго своего отвлеченнаго экзотизма. Къ сожалѣнію, авторъ „по нѣкоторымъ соображеніямъ не рѣшился расположить стихи въ хронологическомъ порядкѣ“, а связалъ ихъ въ рядъ, дающій нѣкоторую психологическую гамму. Для уразумѣнія эволюціи, пережитой Сологубомъ, безусловно цѣннѣе былъ бы именно хронологическій порядокъ, котораго сейчасъ никто, кромѣ него самого, возстановить не можетъ. Справка со старыми его сборниками почти ничего въ этомъ смыслѣ не даетъ, ибо первый изъ нихъ вышелъ лишь въ 1896 г., т.-е. послѣ двѣнадцатилѣтняго уже писательства, и тоже безъ всякаго хронологическаго пріуроченія отдѣльныхъ пьесъ.

Итакъ, беру эти раннія стихотворенія Сологуба. Достаточно развернуть томъ на любой страницѣ, чтобы сразу понять, почему Сологубъ такъ долго оставался въ безвѣстности и только за послѣдніе годы вошелъ въ славу. Это — типичнѣйшая модернистская душа, заговорившая тогда, когда модернизмъ не только еще не завоевалъ литературныхъ позицій, но и не успѣлъ двинуться въ походъ. Въ 80-хъ годахъ такой тэмбръ поэзіи былъ явленіемъ одинокимъ, непонятнымъ, и такъ какъ боевыя, вызывающія ноты молодыхъ Добролюбова, Брюсова, Бальмонта совершенно чужды были молодому Сологубу, то его дебютовъ просто и не замѣтили.

Прежде всего, не могли тогда оцѣнить своеобразной и тонкой, какой-то блѣдной музыкальности стиха Сологуба, той нѣжной вязи, изъ которой они сотканы — вязи звуковъ, словъ, представленій. Это нѣчто изысканное и вмѣстѣ, если хотите, грустное въ своей влекущейся медлительности. Вотъ типичный, на мой взглядъ, образецъ.

На пескѣ прихотливыхъ дорогъ
Отъ зари догорающей свѣтъ

Озарилъ, расцвѣтилъ чьихъ-то ногъ
Тонкій слѣдъ...

Можетъ-быть здѣсь она проходила,
Оставляя слѣды на пескѣ,
И помятый цвѣтокъ проносила
На рукѣ.

Поднимая раскрытую руку,
Далеко за мечтой унеслась,
И далекому, тайному звуку
Отдалась.

Тосковали на нѣжной ладони
Молодой, но жестокой руки
По своей ароматной коронѣ
Лепестки...

Молодою и чуждой печалью
Не могу я души оживить,
И того, что похищено далью,
Воротить.

Мнѣ объ ней ничего не узнать,
Для меня обаянія нѣтъ.
Что могу на землѣ различать?
Только слѣдъ.

Вслушайтесь въ первую же строфу—какъ влекутся въ ней звуки одинъ за другимъ, превращая четверостишіе въ сплошную, крѣпкую и вмѣстѣ легкую музыкальную ткань. Слѣдите, какъ сочетаніе звука с со слѣдующей согласной, прозвучавъ въ „пе*ск*ѣ", влечетъ за собою родственныя сочетанія: „*св*ѣтъ", „*сл*ѣдъ", какъ звукъ р со слѣдующей гласной, встрѣтившись въ „п*ри*хотливыхъ", сейчасъ же находитъ себѣ созвучія: „до*ро*гъ", „за*ри*", „дого*ра*ющей", „оза*ри*лъ", „*ра*сцвѣтилъ". Далѣе идутъ болѣе сложные аккорды: „отъ зари"—„озарилъ", „свѣтъ"—„слѣдъ" (разница вѣдь въ одномъ только звукѣ), „свѣтъ" подсказываетъ слѣдующее „расцвѣтилъ" и т. д. И эта звуковая игра найдетъ себѣ новые отголоски въ слѣдующихъ строфахъ и, переходя постепенно въ новыя созвучія, спаяетъ всю пьесу едва замѣтными переливами и модуляціями. Но связь идетъ и въ образахъ. Первая строфа дала второй—песокъ и слѣдъ, третью и четвертую строфы спаяли со второй рука и лежащій на ней помятый цвѣтокъ; дважды повторенная въ третьей строфѣ даль откликнется въ пятой, которая связана съ четвертой печалью, а конецъ стихотворенія вернется къ началу, благодаря образу слѣда, но насыщенному уже новымъ богатымъ содержаніемъ, подсказаннымъ всею пьесою.

Это, конечно, мастерская работа, и такой работы въ стихахъ Со-

логуба много. Это—музыка, но, замѣтьте, музыка, такъ сказать, безцвѣтная: во всей пьесѣ нѣтъ ни одной краски, не названо ни одного изъ цвѣтовъ спектра. Это тоже характерно для Сологуба. Онъ не столько присматривается къ зрительнымъ впечатлѣніямъ, сколько прислушивается къ тому, что звучитъ въ немъ самомъ.

Но не буду останавливаться на этой художественно-технической сторонѣ дѣла, хотя вполнѣ признаю, что „le style—c'est l'homme". Попробую непосредственно подойти къ „человѣку", который констатируетъ что даль житейская омертвила его душу, похитила у него способность трепетать отъ эмоцій и оставила ему только возможность холодно различать слѣды психическихъ переживаній.

Поэтъ несовсѣмъ правъ, характеризуя свою душу, какъ совершенно одеревенѣвшую. Одна, по крайней мѣрѣ, эмоція у него часто появляется. Это—какъ разъ печаль, печаль о томъ, что было и чего уже нѣтъ. „Молодость мелькнула, радость отнята". „И былого мнѣ жалко". „Я жду, что оживутъ осмѣянныя сказки". Этотъ мотивъ варіируется на разные лады, символизируется въ различныхъ образахъ, проходитъ черезъ цѣлый рядъ стихотвореній. Очевидно, что въ эпоху, когда творились эти пьесы, воспоминанія о какой-то жизни сердца еще не померкли въ душѣ поэта. Правда, паутина сѣрой жизни все гуще и гуще ткетъ завѣсу между ними и настоящимъ, но воспоминанія еще нѣтъ-нѣтъ, да и блеснутъ.

Впрочемъ, кажется, все рѣже и рѣже. И уже наростаетъ сознаніе безплодности и безцѣльности воспоминаній о томъ, чего нѣтъ. „Прадѣдовская сказка во вѣкъ не оживетъ". А то и совсѣмъ потухаетъ воспоминаніе: „Я вспомнить чего-то никакъ не могу". Впрочемъ—„что позабылось, того и не жаль". Въ этихъ послѣднихъ словахъ чувствуется какая-то безнадежность, смѣсь тупой покорности передъ фактомъ и вызова кому-то. Очевидно, на мѣсто „позабытаго" ничего новаго не выростаетъ, новыми радостными воспріятіями не откликается уже душа на міръ окружающей дѣйствительности, пустота и скука воцаряются въ ней—и злость противъ этого міра, и томительное стремленіе вырваться изъ него въ иную сферу, волнующую и радующую.

Злое земное томленье,
Злое земное житье,
Божье ли ты сновидѣнье,
Или ничье?

Въ нашемъ, въ иномъ ли твореньи
Къ истинѣ есть ли пути,
Или въ безплодномъ томленьи
Надо идти?

Чьимъ же творящимъ хотѣньемъ
Нераздѣлимо слита
Съ неутомимымъ стремленьемъ
Міра тщета?

Сколько ни всматривается поэтъ въ свою потухающую психику и въ замолкшій для него міръ—матеріала для отвѣта на эти вопросы онъ не находитъ. И злобность своего внутренняго томленія онъ переноситъ на весь міръ. Злымъ, жестокимъ, безпощаднымъ рисуется ему и твореніе, и Творецъ.

Громадный животъ,
Искаженное злобой лицо,
Окровавленный ротъ,
А въ носу—золотое кольцо.

Уродливъ и нагъ,
И вся кожа на тѣлѣ черна,—
Онъ—кудесникъ и врагъ,
И свирѣпость его голодна.

На широкомъ столбѣ
Онъ сидитъ, глядитъ на меня,
И твердитъ о судьбѣ,
Золотое копье наклоня.

— Сразить не могу,—
Говоритъ,—не пришелъ еще срокъ.
Я тебя стерегу,
Не уйдешь отъ меня: я жестокъ.

— Копье подыму,
Поражу тебя быстрымъ копьемъ,
И добычу возьму
Въ мой костьми изукрашенный домъ.—

Мелькаютъ еще по временамъ въ душѣ призывы къ инымъ настроеніямъ, культъ которыхъ могъ бы вывести поэта на путь къ иному пониманію своей личности, а слѣдовательно и всего міра.

Въ полѣ не видно ни зги.
Кто-то зоветъ:—Помоги!
Что я могу?
Самъ я и бѣденъ, и малъ,
Самъ я смертельно усталъ,
Какъ помогу?

Кто-то зоветъ въ тишинѣ:
Братъ мой, приблизься ко мнѣ!
Легче вдвоемъ.

Если не сможемъ идти,
Вмѣстѣ умремъ на пути,
Вмѣстѣ умремъ!—

Отдайся поэтъ этому призыву — какъ знать? Можетъ-быть, и нашлась бы въ его рукѣ копейка для нищаго, какъ въ зажатомъ кулакѣ побитаго камнями Давида Лейзера. Но онъ предпочитаетъ остаться одинъ—и доходитъ, въ концѣ концовъ, какъ и всякій уединившійся, до отрицанія и міра, и даже собственной личности.

Разлей отраву дерзкихъ отрицаній
На ткань души
И чувство тождества своихъ сознаній
Разбить спѣши.

Живи и знай, что ты живешь мгновеньемъ,
Всегда иной,
Грядущимъ тайнамъ, прежнимъ откровеньямъ
Равно чужой.

И думы знойныя о тайной цѣли
Всебытія
Умрутъ, какъ звонъ расколотой свирѣли
На днѣ ручья.

Но вѣдь это всетаки только философія, санкціонирующая отреченіе отъ всякой расцѣнки своихъ поступковъ, дающая разрѣшеніе „на вся", позволяющая все грязное и злое, подъ предлогомъ житья мгновеньемъ. Но вѣдь явится же, хоть „въ мечтѣ полуночной, послѣ тоски и томленья дневного", ангелъ съ „упрекомъ ясныхъ очей". И что отвѣтитъ ему „порочный рабъ вожделѣнья больного и злого"? Скажетъ въ сокрушеніи сердечномъ:

Жаль мнѣ до слезъ непорочной мечты...
Знаю: я жизни и счастья не стою,—
О, еслибъ смертью повѣялъ мнѣ ты!

Но если, сказавъ такъ, рабъ вожделѣнья не съумѣетъ или не захочетъ вспомнить это явленіе наяву и сдѣлать изъ него надлежащіе психологическіе выводы, если опять начнетъ разливать „отраву дерзкихъ отрицаній", то можетъ случиться, что все рѣже и рѣже станетъ ему являться ангелъ, а въ концѣ концовъ и совсѣмъ его покинетъ. И ужъ тогда тщетны будутъ призыванія къ „тайнѣ жизни, красотѣ":

Хоть бы въ дымкѣ сновидѣнія
Ты порой явилась мнѣ,
Хоть бы поступью видѣнія
Въ краткій часъ уединенія
Проскользнула въ тишинѣ.

Самая мечта о красотѣ и чистотѣ можетъ еще остаться въ душѣ, но эта мечта уже окончательно оторвется отъ жизни, отъ реальности, даже станетъ во враждебное отношеніе къ ней. Дѣйствительность будетъ предоставлена въ безраздѣльное обладаніе безобразія и нечистоты, и покажется, что мечта и не должна воплощаться. Пусть остается она гдѣ-то далеко, за предѣлами міра, міру „блаженно-неизвѣстная". „Навѣкъ останься легкой грезой, не воплощайся никогда". Малѣйшее соприкосновеніе мечты съ реальностью, съ тѣлесностью, претензія ея на власть надъ сущимъ принизитъ, растлитъ ее, предастъ во власть

неволи
И грубости лобзаній,
И непомѣрной боли
Безстыдныхъ истязаній...

На землѣ нѣтъ и не можетъ быть красоты и непорочности. Гдѣ-то тамъ, въ эѳирѣ, на землѣ Ойле, подъ солнцемъ Маиромъ, на берегахъ рѣки Лигоя есть

все, чего намъ здѣсь недоставало,
Все, о чемъ тужила грѣшная земля.

Тамъ—„край вѣчной красоты"; тамъ—„безгрѣшенъ взоръ у женъ" и т. д. Здѣсь же—все наоборотъ. И если хочетъ человѣкъ услады, то пусть уходитъ отъ злого солнца, отъ злой земли, отъ злого своего „я" въ міръ безплотной грезы.

Но, расщепляя себя и міръ такимъ образомъ пополамъ, поэтъ забылъ, что никакая фисософія не въ состояніи упразднить живого факта: самая пылкая фантазія ничего не творитъ, она только комбинируетъ элементы, взятые изъ дѣйствительности. Живыя, повседневныя дѣянія и настроенія мечтающаго накладываютъ на его индивидуальность свою печать, которая будетъ сказываться и въ минуты мечтанія, будетъ лежать и на продуктахъ этихъ мечтаній. И чѣмъ дальше отходитъ отъ истинной красоты человѣкъ, чѣмъ болѣе позволяетъ онъ пустотѣ овладѣвать душою его, тѣмъ менѣе красоты будетъ въ его мечтахъ, тѣмъ пустѣе и ненужнѣе станутъ онѣ.

Путь мой трудный, путь мой длинный.
Я одинъ въ странѣ пустынной,
Но услады есть въ пути,—
Улыбаюсь, забавляюсь,
Самъ собою вдохновляюсь,
И не скучно мнѣ идти...

Полно, вправду ли ужъ такъ „не скучно"? Откуда же тогда этотъ неотступно преслѣдующій образъ жалкой, безпріютной собаки, тоскливо

воющей на луну въ холодную ночь? Откуда этотъ трогательный гимнъ смерти:

Прикасаясь холодной рукой
Осторожно къ плечу моему,
Ты стоишь у меня за спиной
И зовешь меня кротко во тьму, —
Прикасаясь къ плечу моему
Повелительно-нѣжной рукой.

Но не смѣю я встать и сказать,
Что съ тобою готовъ я идти —
Безмятежное счастье искать
На послѣднемъ, на тайномъ пути, —
Я хочу за тобою идти,
Но не смѣю объ этомъ сказать.

И къ чему! Не исполнился срокъ,
Не насталъ заповѣданный часъ,
Да и мой не оконченъ урокъ,
И огонь предо мной не погасъ, —
Не насталъ заповѣданный часъ,
И земной не исполнился срокъ.

И не больше ли въ этомъ стихотвореніи красоты и поэзіи, чѣмъ въ „гимнахъ сладкогласныхъ и согласныхъ“, принесенныхъ съ Маира, или во всѣхъ трехъ частяхъ „Творимой легенды“?..

Скончался Мельхіоръ де-Вогюэ. Русскій литераторъ не можетъ не откликнуться на эту смерть. Въ то время, когда на Западѣ царили еще самыя смутныя представленія о Россіи, и особенно о русской литературѣ, Вогюэ выступилъ талантливымъ и энергичнымъ пропагандистомъ новыхъ русскихъ писателей среди своихъ соотечественниковъ. Онъ первый раскрылъ передъ французской публикой невѣдомый ей дотолѣ богатый міръ русскаго художественнаго творчества и заставилъ ее вникнуть въ идеи нашихъ корифеевъ, болѣе всего—Толстого и Достоевскаго. Со времени появленія статей Вогюэ въ „Revue des deux Mondes“, а затѣмъ и капитальной его книги: „Le roman russe“ (1886 г.) русская литература постепенно завоевываетъ вниманіе всего Запада, входитъ въ международный художественный оборотъ, начинаетъ оказывать вліяніе на европейскихъ писателей. Мы должны ясно себѣ представить всю важность этого факта. Великая національная литература немыслима внѣ международнаго общенія. Мы многимъ были обязаны Европѣ, а теперь и она намъ уже кое-чѣмъ обязана въ области искусства. Но дѣло не только въ уплатѣ стараго долга. Какъ не разъ уже французскія теченія, идя

въ Германію, порождали тамъ плоды, дававшіе, въ свою очередь, могущественный толчокъ французской литературѣ, такъ теперь и мы можемъ разсчитывать, что новыя явленія на западной почвѣ, возникшія тамъ подъ вліяніемъ нашихъ художественныхъ идей, послужатъ могущественнымъ толчкомъ для дальнѣйшаго роста нашего искусства. И когда будущій историкъ русской литературы станетъ разбираться въ этомъ сложномъ и глубоко-жизненномъ процессѣ, онъ вспомнитъ и про ту благодарную роль, которую сыгралъ въ немъ Мельхіоръ де-Вогюэ.

С. Адріановъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1910.

„Благополучные" дипломатическіе переговоры съ Австро-Венгріею.—Мнимое соглашеніе на Балканахъ. — Политика А. П. Извольскаго въ освѣщеніи П. Н. Милюкова. — Сербскій король въ Петербургѣ. — Внутреннія дѣла въ Австро-Венгріи и Италіи. — Министерство Луццати и Бетманъ-Голльвегъ. — Русскій процессъ въ Венеціи.

Крайне грустное впечатлѣніе производитъ опубликованная недавно дипломатическая переписка между двумя министрами иностранныхъ дѣлъ — русскимъ и австро-венгерскимъ. Наша дипломатія почему-то никакъ не хотѣла успокоиться на томъ сознаніи, что Россія можетъ обойтись безъ активной внѣшней политики и довольствоваться безобиднымъ сохраненіемъ мира, опираясь на существующія соглашенія съ Франціею и Англіею и на новѣйшее сближеніе съ Италіею. Намъ почему-то непремѣнно понадобилось добиться благорасположенія и дружбы вѣнскаго кабинета, который ясно выказывалъ намъ свое пренебреженіе со времени неудачъ японской войны. Наша дипломатія стала особенно ухаживать за графомъ Эренталемъ съ тѣхъ поръ какъ онъ поставилъ ее въ неловкое и трудное положеніе своими безцеремонными дѣйствіями на ближнемъ Востокѣ. Чѣмъ сильнѣе и чувствительнѣе намъ давали понять, что Австро-Венгрія не нуждается въ Россіи, тѣмъ настойчивѣе дѣлались съ нашей стороны попытки доказать, что старыя тѣсныя связи между обѣими имперіями сохранили свою полную силу. Вѣнскій кабинетъ откровенно проводитъ и защищаетъ свои спеціальные интересы на Балканахъ, нисколько не заботясь о мнѣ-

ніяхъ и чувствахъ Россіи, а наше министерство иностранныхъ дѣлъ упорно навязываетъ австрійцамъ принципы безкорыстной солидарности съ остальною Европою. Графъ Эренталь уклоняется отъ прямого соглашенія съ Россіею и неоднократно повторяетъ, что оно и ненужно, а русская дипломатія выражаетъ свою радость по поводу того, что соглашеніе будто бы достигнуто и можетъ быть доведено до свѣдѣнія другихъ державъ. Цѣли и мотивы этой своеобразной погони за австрійской дружбой остаются для насъ загадочными.

„Происходившіе въ послѣднее время между с.-петербургскимъ и вѣнскимъ кабинетами переговоры—говорится въ сообщеніи, напечатанномъ въ газетахъ отъ 8 марта—нынѣ приведены къ благополучному окончанію. Послѣ того какъ путемъ этого обмѣна взглядовъ было выяснено, что на почвѣ балканскихъ дѣлъ между Россіею и Австро-Венгріею существуетъ полное соотвѣтствіе политическихъ принциповъ, между обоими правительствами востановлены нормальныя дипломатическія отношенія. О вышеизложенномъ Императорское правительство поставило въ извѣстность другіе кабинеты меморіей отъ 7 марта сего года".

Изъ этихъ вступительныхъ словъ дипломатическаго сообщенія можно видѣть, что, по мнѣнію нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, „нормальныя дипломатическія отношенія" поддерживаются только съ тѣми правительствами, съ которыми установилось „полное соотвѣтствіе политическихъ принциповъ". Эта точка зрѣнія, конечно, ошибочна. Нормальныя дипломатическія отношенія столь же необходимы и возможны при существенныхъ разногласіяхъ между кабинетами, какъ и при тождествѣ ихъ взглядовъ и тенденцій. У насъ были правильныя дипломатическія отношенія съ Англіею и Австро-Венгріею во время самыхъ серьезныхъ принципіальныхъ споровъ и конфликтовъ по поводу балканскихъ дѣлъ; такъ же точно и теперь мы могли возобновить „нормальныя" отношенія съ Вѣною, не смотря на различіе политическихъ принциповъ, выяснившееся съ наибольшею наглядностью въ вопросѣ объ аннексіи двухъ турецко-славянскихъ провинцій. Соотвѣтствіе политическихъ принциповъ вовсе не требуется для мирныхъ и дружественныхъ отношеній между державами, и если оно признается существующимъ между Австро-Венгріею и Россіею, то это есть, очевидно, продуктъ добровольнаго недоразумѣнія или самообольщенія.

Изъ документовъ, приложенныхъ къ меморіи 7-го марта, оказывается, однако, что политическіе принципы, относительно которыхъ выяснилось, будто бы, „полное соотвѣтствіе", сводятся лишь къ общимъ банальнымъ формуламъ, лишеннымъ всякаго реальнаго содержанія. Австро-Венгрія, какъ и Россія, соглашается сохранять миръ, при-

знавать существующіе договоры, не нарушать чужихъ правъ — т.-е. соблюдать обязательныя нормы международнаго права въ примѣненіи къ балканскимъ дѣламъ; но можно было знать заранѣе, что ни одна держава не откажется отъ этихъ общихъ принциповъ даже при возбужденіи несправедливой войны или при прямомъ посягательствѣ на жизненные интересы болѣе слабыхъ государствъ. Наша дипломатія придаетъ почему-то большое значеніе той безсодержательной, условной фразеологіи, къ которой обыкновенно прибѣгаютъ для прикрытія подлинныхъ намѣреній и стремленій кабинетовъ въ области международной политики. Въ Вѣнѣ относятся снисходительно къ этой нашей слабости, хотя и не понимаютъ ея источника. Графъ Эренталь чувствовалъ потребность загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное замаскированной личной полемикою его противъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ на страницахъ одного лондонскаго журнала; онъ имѣлъ въ виду возстановить внѣшнія корректныя отношенія, но долженъ былъ поневолѣ вступить на путь безплодныхъ принципіальныхъ переговоровъ, которые нынѣ объявлены „благополучно законченными".

Общій характеръ этихъ переговоровъ достаточно ярко обрисовывается въ тѣхъ семи документахъ, содержаніе которыхъ приведено въ оффиціальномъ сообщеніи. Въ депешѣ А. П. Извольскаго къ россійскому повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, отъ 31 декабря 1909 г., изложенъ разговоръ его съ австро-венгерскимъ посломъ въ Петербургѣ. „Графъ Берхтольдъ, упомянувъ о тягостномъ положеніи, которое создалось вслѣдствіе инцидента съ извѣстной статьей „Fortnightly Review", просилъ министра указать ему форму, въ которой могло бы послѣдовать разъясненіе вѣнскаго кабинета, удовлетворительное для министра. А. П. Извольскій отвѣтилъ, что онъ считаетъ инцидентъ исчерпаннымъ и что подобное удовлетвореніе его личнаго чувства отнюдь не улучшило бы нынѣшнихъ отношеній между Россіею и Австро-Венгріею, при которыхъ всякіе возникающіе на балканской почвѣ вопросы могутъ быстро привести къ опасному для европейскаго мира обостренію. Поэтому, по его убѣжденію, слѣдовало бы изыскать способъ откровенно объясниться не о прошлыхъ инцидентахъ личнаго свойства, а о будущемъ направленіи политики обоихъ государствъ. Графъ Берхтольдъ, обѣщавъ разсматривать эту бесѣду, какъ совершенно частную, высказалъ намѣреніе передать о ней графу Эренталю". Въ депешѣ А. П. Извольскаго къ повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ отъ 23 января 1910 года приводится словесное сообщеніе австро-венгерскаго посла въ С.-Петербургѣ, записанное министромъ со словъ графа Берхтольда и провѣренное послѣднимъ. Согласно этому сообщенію, „графъ Эренталь раздѣляетъ мнѣніе А. П.

Извольскаго, что нормальное и мирное развитіе восточныхъ дѣлъ можетъ лишь выиграть отъ возстановленія обмѣна взглядовъ между обоими государствами. Этого тѣмъ легче достигнуть, что вѣнскій кабинетъ продолжаетъ придерживаться принциповъ, закрѣпленныхъ соглашеніемъ 1897-го года, принциповъ, которые позволяютъ ему во всякое время войти въ сношенія съ петербургскимъ кабинетомъ". Въ отвѣтъ на напоминаніе о неудачномъ соглашеніи 1897-го года нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ передалъ графу Берхтольду, 27 января 1910-го года, „памятную записку", сущность которой заключается въ слѣдующемъ: „русское правительство охотно принимаетъ мысль объ обмѣнѣ взглядовъ съ Австро-Венгріею относительно руководящихъ принциповъ политики обоихъ правительствъ на Балканахъ. Оно полагаетъ, однако, что, въ виду существующихъ обстоятельствъ, таковой обмѣнъ взглядовъ уже не можетъ имѣть характера соглашенія 1897-го года, а долженъ быть, напротивъ, облеченъ въ такія формы, которыя дозволили бы пріобщить къ нему другія заинтересованныя державы. Съ другой стороны необходимо, при формулированіи принциповъ, имѣть въ виду новыя условія политическаго положенія въ самой Турціи. Поэтому русское правительство предлагаетъ установить слѣдующіе пункты, каковые могли бы быть затѣмъ сообщены прочимъ державамъ: а) сохраненіе statu quo на Балканскомъ полуостровѣ; б) такъ какъ въ основу новаго режима въ Турціи положено равенство въ правахъ всѣхъ народностей,—сохраненіе и укрѣпленіе таковаго новаго порядка; в) независимость, укрѣпленіе и мирное развитіе малыхъ балканскихъ государствъ".

Въ меморіи, переданной австро-венгерскимъ посломъ А. П. Извольскому 7 февраля 1910 г., вѣнскій кабинетъ сообщаетъ, что онъ „не имѣлъ намѣренія, путемъ настоящихъ переговоровъ, возвратиться къ соглашенію 1897-го года. Онъ удостовѣрилъ лишь, что его политическіе принципы, не измѣнившіеся съ 1897-го года, допускаютъ во всякое время возобновленіе переговоровъ. Въ своемъ отвѣтѣ с.-петербургскій кабинетъ не возражалъ противъ этихъ принциповъ и съ своей стороны выразилъ въ трехъ пунктахъ формулу сохраненія statu quo на Балканскомъ полуостровѣ, къ каковой цѣли направлена политика обоихъ правительствъ. Нынѣ, по мнѣнію вѣнскаго кабинета, ничто не угрожаетъ нарушить statu quo на Балканахъ. Подобное нарушеніе могло бы произойти только вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ въ Балканскихъ государствахъ или вооруженныхъ столкновеній между послѣдними. Еслибы подобныя событія произошли, новый обмѣнъ мыслей между обоими кабинетами могъ бы быть полезенъ; не было бы препятствій къ тому, чтобы результатъ таковаго обмѣна мыслей былъ тогда сообщенъ державамъ въ формѣ, которая дозво-

лила бы имъ присоединиться къ нему. Теперь же достаточно обнародовать сообщеніе, въ которомъ оба правительства заявили бы, что обмѣнъ между ними взглядовъ привелъ къ благопріятному результату и что оба кабинета, ознакомивъ другъ друга съ принципами своей политики, признали, что эти принципы позволяютъ имъ входить въ сношенія между собою всякій разъ, какъ положеніе на Балканахъ укажетъ на полезность этого".

Послѣ такого категорическаго указанія вѣнскаго кабинета на безполезность новаго провозглашенія и подтвержденія балканскаго status quo наше министерство иностранныхъ дѣлъ неожиданно сдѣлало выводъ о достигнутомъ, будто бы, полномъ соглашеніи и выразило по этому поводу свое „живѣйшее удовольствіе". Въ меморіи А. П. Извольскаго, переданной графу Берхтольду 11 февраля, сказано слѣдующее: „Русское правительство съ живѣйшимъ удовольствіемъ освѣдомилось, что австро-венгерское правительство не дѣлаетъ возраженій противъ трехъ пунктовъ, формулированныхъ русскимъ правительствомъ. Признавая, такимъ образомъ, что между обоими кабинетами существуетъ *полное соотвѣтствіе политическихъ принциповъ* на почвѣ балканскихъ дѣлъ, с.-петербургскій кабинетъ полагаетъ, что нѣтъ болѣе препятствій къ возобновленію между обоими правительствами нормальныхъ дипломатическихъ сношеній. Затѣмъ, русское правительство находитъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ простое опубликованіе сообщенія, по проекту вѣнскаго кабинета, было бы недостаточно и что въ интересахъ общаго мира было бы полезно, чтобы другія державы могли теперь же присоединиться къ политическимъ принципамъ, усвоеннымъ какъ Россіею, такъ и Австро-Венгріею, дабы, при наступленіи какихъ-либо случайностей, угрожающихъ statu quo, между всѣми заинтересованными державами могъ бы быстро установиться обмѣнъ взглядовъ. Поэтому русское правительство возобновляетъ свое предложеніе о сообщеніи другимъ державамъ тѣхъ пунктовъ, по которымъ оба кабинета уже пришли къ согласію".

Въ отвѣтной запискѣ австро-венгерскаго посла отъ 1 марта дается уже понять, что въ сущности никакого соглашенія не состоялось и что, поэтому, нѣтъ матеріала для предположенной русскимъ министромъ деклараціи. Въ этой меморіи указывается, „что оффиціальное сообщеніе другимъ державамъ, согласно предложенію русскаго правительства, результатовъ обмѣна взглядовъ, съ приглашеніемъ присоединиться къ нимъ, вызвало бы предположеніе о существованіи формальнаго соглашенія между Россіею и Австро-Венгріею, что не входитъ въ виды с.-петербургскаго и вѣнскаго кабинетовъ. Другія державы неоднократно подтверждали признаніе принципа сохраненія statu quo на Балканахъ. Слѣдовательно, въ настоящее время нѣтъ необходи-

мости въ какомъ-либо торжественномъ заявленіи въ этомъ смыслѣ. Вѣнскій кабинетъ констатируетъ, что переговоры привели къ счастливому и удовлетворительному результату: нормальныя дипломатическія сношенія между обоими кабинетами возобновлены, и выяснено, что на почвѣ балканскихъ дѣлъ существуетъ полное соотвѣтствіе политическихъ принциповъ Австро-Венгріи и Россіи. Вѣнскій кабинетъ, не настаивая на мысли одновременнаго обнародованія сообщенія со стороны обоихъ кабинетовъ, предоставляетъ себѣ освѣдомить общественное мнѣніе о возстановленіи дипломатическаго общенія съ с.-петербургскимъ кабинетомъ". Какъ видно изъ заключительной телеграммы А. П. Извольскаго къ русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ отъ 7 марта 1910-го года, министръ сообщилъ въ устной формѣ австро-венгерскому послу, что „императорское правительство, весьма довольное благопріятнымъ результатомъ переговоровъ по существу обсуждавшихся вопросовъ, намѣрено съ своей стороны довести объ этомъ результатѣ до свѣдѣнія другихъ кабинетовъ и сообщить имъ переписку, обмѣненную по настоящему случаю съ вѣнскимъ кабинетомъ".

Въ чемъ же заключается „счастливый результатъ", достигнутый этими усердными дипломатическими переговорами? Когда въ иностранной печати появились первыя телеграммы изъ Петербурга о состоявшемся, будто бы, соглашеніи, оффиціозныя австрійскія и итальянскія газеты тотчасъ же опровергли это извѣстіе. Австро-Венгрія и не думала связывать свою свободу дѣйствій относительно Россіи какимъ-либо новымъ компромиссомъ; она только подтвердила тѣ принципы, которые подразумѣваются сами собою въ мирныхъ международныхъ отношеніяхъ. Вполнѣ естественно, что вѣнскій кабинетъ уважаетъ современную Турцію, обѣщаетъ свою дружбу небольшимъ балканскимъ государствамъ и сохраняетъ положеніе вещей, установившееся со времени „аннексіи"; ничего другого и не могли заявлять австрійскіе дипломаты, каковы бы ни были ихъ дѣйствительные планы. Стоило ли хлопотать объ этихъ пустыхъ условныхъ фразахъ и можно ли строить на нихъ серьезные политическіе выводы, какъ это дѣлаетъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ? Эти „памятныя записки" и меморіи, повторяющія азбучныя положенія о миролюбіи и status-quo, вызываютъ насмѣшки даже въ расположенномъ къ намъ парижскомъ „Temps". Традиціонные пріемы дипломатіи — по словамъ названной газеты — достойны почтенія, но они кажутся странными въ наше время. Словесныя тонкости и двусмысленные извороты могли бы быть оставлены въ сторонѣ, когда дѣло идетъ о реальныхъ политическихъ вопросахъ, требующихъ внимательнаго обсужденія. Имѣетъ ли какой-нибудь смыслъ заявленіе вѣнскаго кабинета, что онъ остается вѣр-

нымъ принципамъ соглашенія 1897-го года, нарушеннымъ позднѣйшими актами самой Австро-Венгріи? Какъ могъ русскій министръ становиться на зыбкую почву этихъ мнимыхъ принциповъ послѣ краснорѣчивыхъ наглядныхъ уроковъ, данныхъ намъ австрійцами за послѣдніе годы?

Нельзя отрицать, что наши настойчивые безсодержательные переговоры съ Австро-Венгріею возбудили общее недоумѣніе въ заграничной печати. Ихъ неумѣлость приписывалась, по обыкновенію, личнымъ качествамъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, и эта точка зрѣнія преобладаетъ также въ той справедливой критикѣ, которой подвергается русская дипломатія въ нашей Государственной Думѣ. Въ засѣданіи 2 марта, при обсужденіи бюджета дипломатическаго вѣдомства, П. Н. Милюковъ произнесъ очень интересную и содержательную рѣчь, въ которой весьма рельефно обрисовалъ главныя характерныя черты нашей иностранной политики, при чемъ какъ будто заранѣе имѣлъ въ виду приведенныя выше меморіи и депеши, опубликованныя 8-го марта. Почтенный лидеръ фракціи народной свободы видитъ причину нашихъ дипломатическихъ пораженій въ томъ, что „политика министра иностранныхъ дѣлъ — слишкомъ личная политика, что цѣли этой политики недостаточно твердо опредѣлены и находятся въ постоянномъ видоизмѣненіи, въ постоянномъ колебаніи; что колебанія эти вызываются подчиненіемъ вліяніямъ, идущимъ со стороны, въ томъ числѣ и безотвѣтственнымъ; что недостаточно использованы тѣ рессурсы международныхъ союзовъ и соглашеній, которые находятся въ нашемъ распоряженіи. Въ результатѣ наша политика представляетъ собою рядъ красивыхъ жестовъ, за которыми систематически слѣдуютъ весьма некрасивыя отступленія“. А между тѣмъ, какъ замѣчаетъ далѣе П. Н. Милюковъ, моментъ, который мы переживаемъ въ области балканскаго кризиса, есть моментъ острый, „и желательно, чтобы руководство иностранной политикой въ такой моментъ было въ твердыхъ рукахъ, которыя знали бы, что онѣ дѣлаютъ, умѣли бы не считаться съ вліяніями противоположными и заботились бы главнымъ образомъ не объ интересахъ вѣдомственныхъ, а объ интересахъ родины“. Впрочемъ, личность министра не играетъ у насъ рѣшающей роли: очень многое въ дѣятельности нашей дипломатіи зависитъ не отъ ея оффиціальнаго руководителя, а отъ закулисныхъ вліяній, противъ которыхъ трудно бороться. Перемѣнчивость и неопредѣленность цѣлей, частыя перемѣны во взглядахъ и рѣшеніяхъ, рѣзкіе переходы отъ одной системы къ другой—все это свойственно не только иностранной, но и внутренней нашей политикѣ, вслѣдствіе коренныхъ общихъ свойствъ нашего государственнаго управленія. Безполезно желать, чтобы наша внѣшняя политика отличалась сознательною по-

слѣдовательностью и постоянствомъ и чтобы руководство ею находилось въ твердыхъ рукахъ,—ибо твердость и постоянство несовмѣстимы съ обычными условіями и требованіями существующаго режима. Положеніе А. П. Извольскаго въ этомъ отношеніи мало чѣмъ разнится отъ судьбы премьера: оба они подвержены непредвидѣннымъ колебаніямъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ, надъ которыми они не властны, и оба они тѣмъ крѣпче держатся на своихъ мѣстахъ, чѣмъ легче мѣняютъ, въ случаѣ надобности, свои намѣренія и предположенія.

Различіе принциповъ и противоположность интересовъ Россіи и Австріи на Балканахъ выступаютъ наружу всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о взаимномъ сближеніи отдѣльныхъ балканскихъ государствъ или объ усиленіи ихъ связей съ другими державами. Идея балканской федераціи представляется опасною и неосуществимой въ Вѣнѣ, а для насъ она въ высшей степени желательна и цѣлесообразна; для австрійцевъ она враждебна, а для насъ симпатична. Австро-Венгрія пользуется своимъ положеніемъ и могуществомъ, чтобы фактически подавлять самостоятельность Сербіи, Болгаріи, Черногоріи и заставлять каждую изъ этихъ странъ въ отдѣльности искать опоры въ Вѣнѣ. Прочное взаимное сближеніе этихъ государствъ несомнѣнно ослабило бы австрійское господство на Балканскомъ полуостровѣ; Россія же, напротивъ, могла бы только выиграть отъ естественнаго роста и самостоятельнаго развитія народностей, входящихъ въ составъ будущей балканской федераціи. Таково „соотвѣтствіе политическихъ принциповъ“ между Австро-Венгріею и Россіею по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ современной балканской политики.

Въ Вѣнѣ были недовольны и раздражены поѣздками балканскихъ государей въ Петербургъ и Константинополь,—хотя эти поѣздки, казалось бы, вполнѣ соотвѣтствуютъ принципу уваженія къ правамъ небольшихъ балканскихъ государствъ. Въ частности, Сербія давно уже причисляется къ району австрійскаго вліянія, и попытка сербскаго короля завязать болѣе близкія непосредственныя отношенія съ Россіею не могла понравиться вѣнскому кабинету. Но, конечно, путешествія и свиданія королей сами по себѣ не имѣютъ большого значенія, и пребываніе короля Петра въ Россіи нисколько не измѣнило фактическаго положенія Сербіи. Въ Петербургѣ и Царскомъ-Селѣ королю были сказаны хорошія и утѣшительныя слова, противъ которыхъ ничего не можетъ имѣть Австро-Венгрія. Министры, сопровождавшіе сербскаго короля въ его поѣздкѣ, старались, безъ сомнѣнія, извлечь изъ своего пребыванія въ Россіи возможную пользу для своей страны. Министръ-президентъ Пашичъ и министръ ино-

странныхъ дѣлъ Миловановичъ излагали свои взгляды въ бесѣдахъ съ своими русскими коллегами, а также съ нѣкоторыми журналистами. Для того, чтобы отчеты объ этихъ бесѣдахъ не причиняли напраснаго безпокойства подозрительнымъ заграничнымъ дипломатамъ, наше дипломатическое вѣдомство напечатало въ газетахъ успокоительное сообщеніе, изъ котораго видно, что сербскіе министры говорили только о мирѣ и дружбѣ со всѣми. „Пріемъ, оказанный въ Россіи его величеству королю сербскому, — какъ сказано въ этомъ сообщеніи — свидѣтельствуетъ о прочности традиціонныхъ отношеній между двумя государствами, столь близкими какъ по вѣрѣ и происхожденію обоихъ народовъ, такъ и по общимъ историческимъ воспоминаніямъ. При свиданіяхъ русскаго и сербскаго министровъ иностранныхъ дѣлъ были затронуты различные интересующіе оба правительства вопросы, при чемъ было выяснено, что съ обѣихъ сторонъ придается существенное значеніе поддержанію на Балканахъ мира и порядка. По мысли сербскаго правительства, спокойное и самостоятельное развитіе независимой Сербіи среди другихъ балканскихъ государствъ получитъ драгоцѣнную опору въ укрѣпленіи добрыхъ отношеній съ Турціей; вмѣстѣ съ тѣмъ сербское правительство прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы поддерживать такія же отношенія съ Болгаріей и другими ближайшими сосѣдями Сербіи. Русское правительство, искренно сочувствуя таковымъ стремленіямъ Сербіи, будетъ по прежнему оказывать ей дѣятельную нравственную поддержку въ этомъ направленіи. Такимъ образомъ, пріѣздъ короля Петра въ С.-Петербургъ внесъ въ общую политическую обстановку новый элементъ мира и согласія“.

Итакъ, по свидѣтельству нашей дипломатіи, въ области балканскихъ дѣлъ воцарилась трогательная идиллія: съ вѣнскимъ кабинетомъ у насъ существуетъ „полное соотвѣтствіе политическихъ принциповъ“, а правители и министры балканскихъ государствъ обмѣниваются между собою и съ Турціею изысканными выраженіями своихъ взаимныхъ дружескихъ чувствъ.

Внутреннія дѣла Австро-Венгріи очень далеки отъ идилліи ея внѣшней политики. Вмѣсто принциповъ мира и дружбы мы видимъ постоянную и упорную борьбу національностей и партій; эта борьба проявляется въ разныхъ формахъ общественной жизни и нерѣдко доходитъ до острыхъ и грубыхъ столкновеній въ парламентахъ.

Ненормальныя отношенія между монархіею и Венгріею тянутся уже много лѣтъ; они періодически усложняются и запутываются, потомъ опять какъ будто поправляются на время, чтобы вслѣдъ затѣмъ вновь

погрузиться въ сферу безнадежныхъ конфликтовъ. Венгрія оффиціально составляетъ особое королевство, съ своимъ особымъ парламентомъ и правительствомъ; но до сихъ поръ она не можетъ добиться дѣйствительной самостоятельности и должна постоянно испытывать на себѣ всю силу перемѣнчивыхъ вліяній и капризовъ вѣнскаго двора. Престарѣлый императоръ Францъ-Іосифъ отличается удивительнымъ упрямствомъ въ своихъ традиціонныхъ понятіяхъ и идеяхъ; онъ никакъ не можетъ рѣшиться предоставить Венгріи полное національное самоуправленіе, способное разъ навсегда удовлетворить мадьяръ, и предпочитаетъ въ теченіе многихъ лѣтъ возиться съ венгерскими политическими кризисами, министерскими и парламентскими, изъ которыхъ не предвидится никакого разумнаго выхода. Императоръ долго и настойчиво спорилъ противъ того, чтобы въ мадьярскихъ войскахъ командныя слова произносились на мадьярскомъ, а не на нѣмецкомъ языкѣ; впослѣдствіи, подъ вліяніемъ личныхъ переговоровъ съ вождями венгерской оппозиціи, онъ допустилъ нѣкоторыя уступки относительно арміи и наконецъ согласился на включеніе въ составъ кабинета предводителя партіи независимыхъ, Франца Кошута. Казалось, что вѣнскій дворъ примирился съ перспективою окончательнаго примиренія и соглашенія съ Венгріею; но иллюзія разсѣялась, и кризисъ вспыхнулъ съ новою силою послѣ того какъ партія независимости выставила свои практическія требованія, логически вытекающія изъ ея программы. Императоръ Францъ-Іосифъ опять протестовалъ противъ мысли объ учрежденіи самостоятельнаго государственнаго банка въ Венгріи, разошелся съ партіею Кошута, высказался противъ группы непримиримыхъ, предводимыхъ депутатомъ Юстомъ, и опять рѣшилъ управлять страною по-своему, назначивъ министромъ-президентомъ представителя крѣпкой власти, бывшаго хорватскаго бана, графа Кюнъ-Хедервари. Этотъ новый опытъ насильственнаго управленія Венгріею ничѣмъ не отличался отъ множества предшествовавшихъ опытовъ такого же рода и долженъ былъ неминуемо привести къ такимъ же результатамъ. Не только крайніе лѣвые, но и умѣренные либеральные элементы венгерскаго парламента возмутились противъ министерства, не пользующагося довѣріемъ большинства, и кабинету Кюнъ-Хедервари оставалось лишь распустить палату.

Съ какою цѣлью продѣлывалась въ десятый или сотый разъ эта раздражающая мнимо-реакціонная процедура, всѣ послѣдствія которой извѣстны заранѣе—понять невозможно. Единственное объясненіе заключается въ особенностяхъ личнаго характера и возраста императора Франца-Іосифа. Въ послѣднемъ засѣданіи венгерскаго парламента, 21 марта (нов. ст.), наканунѣ его формальнаго роспуска, многіе депутаты, въ томъ числѣ и Кошутъ, указывали на незаконность этого

акта и на несогласіе его съ конституціею. Графъ Кюнъ-Хедервари пытался защищать свои дѣйствія и среди шумныхъ протестовъ сдѣлалъ движеніе, которое понято было въ смыслѣ угрозы; къ нему бросились нѣкоторые особенно возбужденные представители оппозиціонныхъ группъ, и внезапно разыгралась сцена, въ которой накопившіяся чувства злобы выразились во всей своей неприкрашенной наготѣ. Въ головы министровъ полетѣли тяжелыя книги законовъ и бронзовыя чернильницы; министръ-президентъ и министръ земледѣлія получили серьезныя раны. Сами виновники нападенія не могутъ отрицать безобразія происшедшей драки въ стѣнахъ парламента, но они оправдываютъ свое поведеніе вызывающими поступками и словами графа Кюнъ-Хедервари. На что вообще разсчитывалъ послѣдній и какъ могъ онъ брать на себя роль главы кабинета при данномъ положеніи дѣлъ, вопреки волѣ парламента и большинства населенія—мы не знаемъ. Очевидно, онъ шелъ на борьбу безъ всякой надежды на побѣду, и если онъ не ожидалъ и не могъ ожидать кулачной расправы, то во всякомъ случаѣ долженъ былъ готовиться встрѣтить рѣшительный нравственный отпоръ, не менѣе сильный и чувствительный, чѣмъ физическое воздѣйствіе. Нечего и говорить, что продолженіе опыта съ графомъ Хедервари является уже немыслимымъ; придется опять вернуться къ примирительной политикѣ и начать вновь съ самаго начала тотъ политическій круговоротъ, который какъ будто нарочно придуманъ для Венгріи закулисными придворными совѣтниками короля-императора.

Скандальныя сцены случаются и въ другихъ парламентахъ, и притомъ помимо общихъ политическихъ причинъ, а просто въ силу южнаго темперамента депутатовъ или невоспитанности и необузданности отдѣльныхъ представителей. Въ итальянской палатѣ, 4 марта, сильное волненіе вызвано было однимъ изъ депутатовъ, республиканцемъ Кіеза, обвинявшимъ нѣсколькихъ генераловъ въ незаконныхъ сношеніяхъ съ предполагаемою нѣмецкою шпіонкою, Элеонорою Сименсъ. Депутатъ Кіеза выкрикивалъ свои обвиненія въ крайне рѣзкой, оскорбительной формѣ, не обращая вниманія ни на протесты большинства, ни на звонки предсѣдателя—и въ концѣ концовъ пришлось закрыть засѣданіе. Виновникъ скандала подвергся оскорбленію дѣйствіемъ со стороны одного изъ задѣтыхъ депутатовъ и получилъ вызовы на дуэль отъ всѣхъ поименованныхъ имъ генераловъ; при всемъ нежеланіи онъ вынужденъ былъ драться съ цѣлымъ рядомъ лицъ, и эти оригинальныя дуэли были долго предметомъ толковъ въ итальянской печати. Такъ какъ время и мѣсто каждаго поединка неизмѣнно дѣлались извѣстными газетнымъ репортерамъ, то послѣдніе неутомимо слѣдили за дуэлянтами и невольно увлекали за собою любопытныхъ,

къ которымъ присоединялись и жандармы; по этому поводу происходила нерѣдко забавная гонка на автомобиляхъ между участниками дуэлей и преслѣдовавшими ихъ журналистами и соглядатаями, при чемъ никакъ не удавалось найти подходящее спокойное мѣсто для поединка.

Однако подобныя личныя столкновенія депутатовъ не отражаются замѣтно на ходѣ занятій итальянскаго парламента. Парламентскіе и министерскіе кризисы періодически возникаютъ и разрѣшаются въ Италіи въ силу разныхъ партійныхъ комбинацій, безъ ущерба для обычной законодательной работы. Опредѣленные кадры политическихъ дѣятелей, болѣе или менѣе выдающихся, смѣняются по очереди у кормила власти; при каждомъ кризисѣ выдвигаются одни тѣ же имена: послѣ Джіолитти идетъ Соннино, послѣ Соннино — опять Джіолитти или его партія. Ни одна политическая группа не располагаетъ большинствомъ въ палатѣ; отдѣльныя партіи слѣдуютъ руководству тѣхъ или другихъ авторитетныхъ популярныхъ дѣятелей, но это подчиненіе остается непрочнымъ, и перемѣна министерства вызывается обыкновенно какимъ-нибудь случайнымъ эпизодомъ, изъ котораго можно заключить, что кабинетъ теряетъ подъ собою почву въ парламентѣ. На этотъ разъ баронъ Соннино потерпѣлъ неудачу въ второстепенномъ вопросѣ о субсидіяхъ нѣкоторымъ пароходнымъ компаніямъ. Джіолитти не пожелалъ вновь принять на себя трудъ управленія; президентъ палаты Маркора и бывшій морской министръ Бозелли также отказались, по разнымъ причинамъ; наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, составился 30 марта новый кабинетъ, съ Луццати во главѣ. Луиджи Луццати пользуется большимъ авторитетомъ, какъ ученый экономистъ и финансистъ; онъ принадлежитъ къ числу старѣйшихъ членовъ итальянскаго парламента, гдѣ засѣдалъ уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ; онъ былъ министромъ въ кабинетѣ Рудини и неоднократно исполнялъ обязанности предсѣдателя бюджетной коммиссіи; въ настоящее время ему 69 лѣтъ. Новый министръ-президентъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что онъ — еврей по происхожденію и вѣроисповѣданію. Это, кажется, первый примѣръ еврея, достигшаго такого положенія въ государствѣ при современныхъ условіяхъ, когда религіозныя и племенныя распри повсюду еще играютъ столь значительную роль въ общественно-политической жизни. Будучи вообще довольно умѣреннымъ либераломъ въ политикѣ, Луццати является убѣжденнымъ сторонникомъ крупныхъ соціальныхъ и экономическихъ реформъ; въ этомъ направленіи онъ заручился содѣйствіемъ радикальныхъ и демократическихъ группъ. Весь кабинетъ по своему составу имѣетъ коалиціонный характеръ, объединяя въ себѣ различные элементы главныхъ парламентскихъ партій. Сте-

пень прочности новаго министерства будетъ отчасти зависѣть отъ доброй воли Джіолитти и Соннино и ихъ приверженцевъ, и это обстоятельство не служитъ хорошимъ предзнаменованіемъ для кабинета Луццати.

Заботы и волненія кабинетнаго кризиса въ Италіи какъ разъ совпали съ ожиданіемъ оффиціальнаго визита новаго германскаго канцлера, фонъ-Бетманъ-Голльвега, который прибылъ въ Римъ во время министерскаго междуцарствія — послѣ отставки Соннино и передъ образованіемъ кабинета Луццати. Берлинскій гость видѣлся съ бывшими и будущими министрами, но пропустилъ настоящихъ, и если бесѣдовалъ съ ними, то какъ съ возможными кандидатами въ министры; онъ не могъ, слѣдовательно, вести политическихъ переговоровъ, о которыхъ принято сообщать въ газетахъ во время пребыванія въ странѣ руководящаго министра союзной державы. Визитъ фонъ-Бетманъ-Голльвега оживилъ въ итальянской печати интересъ къ вопросу о тройственномъ союзѣ и далъ поводъ многимъ публицистамъ подтвердить важное значеніе для Италіи непоколебимой германской дружбы. Нѣмецкій канцлеръ, насколько можно судить по газетнымъ отчетамъ, остался очень доволенъ сдѣланнымъ ему пріемомъ и вынесъ изъ своей поѣздки весьма утѣшительныя „патріотическія“ впечатлѣнія. Впрочемъ, онъ не успѣлъ еще пріобрѣсть репутацію тонкаго политика, и его предположенія о незыблемой силѣ старой тройственной лиги могутъ оказаться ошибочными.

Съ начала марта (нов. ст.) разбирается предъ судомъ присяжныхъ въ Венеціи громкое уголовное дѣло, о которомъ газеты всего міра ежедневно печатаютъ подробные отчеты, большею частью подъ заглавіемъ: „славянская трагедія“. Въ сущности, ничего спеціально-славянскаго или русскаго — кромѣ именъ дѣйствующихъ лицъ — въ процессѣ нѣтъ; славянскій элементъ сказывается развѣ въ той растерянности, съ какою подсудимые топятъ другъ друга и самихъ себя. Публика съ лихорадочнымъ интересомъ слѣдитъ за постепенно раскрывающимися картинами сложнаго и запутаннаго уголовнаго романа, содержаніе котораго оказывается въ концѣ концовъ безнадежно-вульгарнымъ. Въ центрѣ драмы фигурируетъ роковая женщина, свѣтская красавица, болѣзненная особа съ извращенными наклонностями; около нея двое влюбленныхъ мужчинъ, погубившихъ себя или погубленныхъ ею: одинъ — установившійся, интеллигентный человѣкъ, опытный адвокатъ, другой — безвольный юноша. Адвокатъ бросилъ семью и занятія, опустился, растратилъ чужія деньги и принялъ участіе въ гнусномъ и безсмысленномъ

планѣ, жертвой котораго сдѣлался случайно попавшійся богатый обожатель героини. Обожатель, имѣющій мальчика-сына, составляетъ завѣщаніе въ пользу любимой женщины и страхуетъ въ ея же пользу свою жизнь на огромную сумму, со включеніемъ въ полисъ оговорки о дѣйствительности страхованія въ случаѣ насильственной смерти. Когда адвокату удалось устроить эту страховую сдѣлку, начинается тотчасъ же подготовка убійства—какъ будто умышленно для того, чтобы заранѣе дать матеріалъ для оспариванія и уничтоженія страхового договора. Убійство задумывается и совершается открыто, при прямомъ или косвенномъ участіи обоихъ мужчинъ и самой ихъ героини; о предстоящемъ преступленіи посылаются телеграммы, на мѣсто дѣйствія посылаются вольнонаемные сыщики, и самъ убійца не сразу даже покидаетъ домъ своей жертвы. Всѣ участники романа дѣйствуютъ какъ идіоты или какъ злобные младенцы; они находятся точно въ состояніи какого-то бреда, и если процессъ представляетъ извѣстный общественный интересъ, то развѣ только съ точки зрѣнія соціально-психіатрической. Для характеристики той ненормальной психической атмосферы, въ которой живетъ извѣстная часть нашего общества, дѣло Тарновской дѣйствительно даетъ любопытный и очень грустный матеріалъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1910 г.

— Инженеръ П. К. Энгельмейеръ. Теорія творчества. Съ предисловіями Д. Овсянико-Куликовскаго и Эрнста Маха. Спб., 1910. Цѣна 1 р. 50 к.

— Вопросы теоріи и психологіи творчества. Томъ II, выпускъ 2. Редакторъ Б. А. Лезинъ. Спб., 1910. Цѣна 1 руб.

Книга г. Энгельмейера, развивающая теорію творчества, то-есть теорію процессовъ созданія новыхъ художественныхъ, научныхъ и особенно техническихъ цѣнностей, рекомендована работающими въ этой области Д. Н. Овсянико-Куликовскимъ и Эрнстомъ Махомъ. Въ введеніи, представляющемъ автореферагъ книги, авторъ цѣлью теоріи творчества (для которой предлагаетъ особый терминъ: „эврилогія") признаетъ изслѣдованіе „возникновенія всего новаго, отъ перваго проблеска въ душѣ (и даже раньше) до осуществленія на дѣлѣ". „Вся-

кое изобрѣтеніе — говоритъ г. Энгельмейеръ — зарождается въ душѣ человѣка. Зарожденіе замысла—дѣло психологіи. Но это только первый актъ изобрѣтенія, въ которомъ главнымъ дѣятелемъ является интуитивное мышленіе, въ связи съ извѣстнымъ желаніемъ, стимуломъ (воленіемъ). Второй актъ изобрѣтенія есть вступленіе въ эврилогическій процессъ дискурсивнаго мышленія, логики, разсужденія и опытнаго изслѣдованія. Здѣсь уже въ значительной степени теряется та пресловутая свобода, которую часто приписываютъ нѣкоторымъ видамъ творчества. И она совсѣмъ исчезаетъ въ третьемъ актѣ, исчезаетъ одинаково для всякаго творчества, тамъ, гдѣ изобрѣтатель вступаетъ въ единоборство съ матеріей, чтобы свой планъ выполнить на дѣлѣ". Авторъ, самъ техникъ, съ особенною подробностью разбираетъ возникновеніе утилитарныхъ изобрѣтеній: „процессъ здѣсь, во-первыхъ, не такъ скомканъ; душевная и тѣлесная работа лучше расчленяются. Во-вторыхъ, различные дѣятели процесса здѣсь чаще всего представлены разными людьми; въ выработкѣ техническаго произведенія, по общему правилу, заняты многіе, тогда какъ художественное произведеніе чаще всего вырабатываетъ одинъ". Посвященныя этой темѣ главы (9—13), а также послѣдующія, разсматривающія тотъ же процессъ въ области художественной, научной и частью религіозной, составляютъ цѣнное ядро живо написанной, съ многими конкретными иллюстраціями, книги г. Энгельмейера. Мы упрекнули бы автора развѣ въ томъ, что онъ чрезмѣрно подчеркиваетъ новизну своихъ построеній, иногда довольно относительную. Такъ, мы не нашли въ книгѣ упоминанія имени Гельмгольца, который уже сравнительно давно (въ статьяхъ о Гёте) указалъ на единство и тождественность научнаго и художественнаго творчества, въ начальномъ актѣ творческой интуиціи. Авторъ ломится въ открытую дверь, когда, напр., говоритъ: „господствующее воззрѣніе таково: творитъ художникъ, создавая произведеніе, но воспринимающій произведеніе читатель, слушатель, зритель уже не творитъ. А по нашему и онъ творитъ".

Въ противоположность интересному, научному освѣщенію самой теоріи творчества, замѣчанія автора объ отношеніяхъ эврилогіи къ біологіи и соціологіи производятъ мѣстами впечатлѣніе экскурсій въ сферу настоящей „натурфилософіи". Онъ мечтаетъ „объ интересныхъ и важныхъ выводахъ относительно сходства и различія между творчествомъ природы и человѣка" и рекомендуетъ спеціалистамъ свои, иногда весьма натянутыя, сопоставленія организма и механизма. Въ концѣ книги авторъ идетъ на встрѣчу упрекамъ въ дилеттантизмѣ своей работы. И дѣйствительно, упрекъ этотъ невольно напрашивается, когда прочтешь вдругъ сравненіе самозарожденія организмовъ съ „самозарожденіемъ" велосипеда, аэроплана и воляпюка. Совершенно

обойденъ авторомъ вопросъ о реальной зависимости процессовъ творчества отъ направляющаго вліянія соціологическихъ моментовъ.

Вторая изъ указанныхъ въ заголовкѣ настоящей замѣтки книгъ не имѣетъ цѣлью сказать новое слово, а стремится популяризировать уже достигнутое и выясненное въ той же области теоріи творчества, но творчества по преимуществу художественнаго. Это полезное изданіе рекомендуетъ себя скромно, какъ „пособіе при изученіи теоріи словесности въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ". Въ средней школѣ по своей относительной отвлеченности „Вопросы теоріи и психологіи творчества", вѣроятно, будутъ доступны лишь немногимъ; но эта книга необходима тому, кто пожелалъ бы оріентироваться въ новыхъ взглядахъ, на основѣ которыхъ нынѣ перестраивается теорія литературы, критики и вообще искусства. Въ новомъ выпускѣ помѣщены „Основы поэтики А. Потебни", В. Харцієва, „Психологія поэтическаго и прозаическаго мышленія", Б. Лезина (обѣ статьи составляютъ изложеніе лекцій Потебни), „Будущее искусства", А. Горнфельда (разборъ утвержденій о вымираніи въ будущемъ искусства, изложенныхъ въ брошюрѣ П. Л. Лаврова: „Кому принадлежитъ будущее"), и „Лирика, какъ особый видъ творчества", Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Нельзя не пожелать изданію полнаго успѣха.

— Евг. Аничковъ. Реализмъ и новыя вѣянія. Спб. Ц. 50 коп.

Книжечка г. Аничкова имѣетъ подзаголовокъ: „Введеніе". Во что введеніе? Въ болѣе обстоятельную работу, подкрѣпляющую детальными фактическими данными общія положенія „введенія"? Если такъ, то нельзя не пожалѣть, что сначала не опубликована эта большая книга. Тогда, можетъ-быть, легче было бы разобраться въ смутномъ изложеніи общихъ тезисовъ и идей автора, избравшаго тему очень живую и интересную. „Новыя вѣянія, это—цѣлое міросозерцаніе": такъ начинаетъ авторъ вторую главу. Читатель ждетъ характеристики этого міросозерцанія и его анализа, но такъ и не дождется отчетливой формулировки, а долженъ самъ разбираться въ пестротѣ затрогиваемыхъ авторомъ явленій западно-европейскаго искусства и литературы за послѣднія десятилѣтія. „Новыя вѣянія" г. Аничковъ не считаетъ признакомъ реакціи и упадка: они „слагаются одновременно съ тѣмъ, какъ крѣпнутъ и развиваются всѣ незакостенѣвшія силы старой Европы и новыхъ міровъ". „Самая основа новыхъ вѣяній—разработка низшихъ искусствъ... Художникъ спустился до ремесленника. Онъ захотѣлъ принять участіе въ производствѣ, а не только творить красоту. Въ этомъ заключается переворотъ... Рухнула дифференціація искусствъ, казавшаяся незыблемой. Отсюда явился уже совер-

шенно новый художественный принципъ: стилизація. Стилизація—вотъ наиболѣе общая и важная черта новаго искусства... Она принесла съ собою цѣлое новое откровеніе: не только воспроизводящую, но и создающую поэзію" (?). О стилизаціи авторъ говоритъ много. „Стилизація—не соблюденіе стиля, а развитіе и созданіе новаго стиля"; но чѣмъ новый стиль отличается отъ старыхъ—неизвѣстно. Въ стилизаціи особенно, будто бы, выражается личное начало творчества. Это личное начало колеблется между коллективнымъ и единичнымъ сознаніемъ, между человѣческимъ „я" и „Я" (съ большой буквы). „Поэзія новыхъ вѣяній—поэзія одинокихъ; современное одиночество—настоящая мать-пустыня; въ столицахъ, носителяхъ новыхъ вѣяній, рвется душа художника къ вожделѣнному грядущему коллективу, но рвется человѣческое я. А Я? Оно сомнѣвается и трепещетъ". Это „Я" (съ большой буквы) и есть центръ новыхъ вѣяній. Ницше, выразитель настроеній „Я", „возстановилъ мистическое значеніе трагедіи, а чрезъ нее и художественнаго творчества вообще. Только понявъ возможность и важность современнаго мистицизма, можно отдать себѣ отчетъ въ значеніи новыхъ вѣяній какъ для настоящаго, такъ и для будущаго".

Антипатичный автору „догматическій" реализмъ говоритъ: „не надо метафизики; не надо интуиціи; не надо вѣрить; не надо даже интересоваться міромъ сверхъестественнаго. Искусство, по его мнѣнію, должно только изображать. Ничего болѣе. Не надо ничего, кромѣ опыта и наблюденія: есть ли что-нибудь за ихъ предѣлами или нѣтъ, незачѣмъ заниматься всѣмъ тѣмъ, что не принадлежитъ внѣшнимъ чувствамъ, то-есть не входитъ въ чувственный міръ". Мистицизмъ въ искусствѣ или символизмъ есть преодолѣніе этого узко-догматическаго реализма въ единомъ и нераздѣльномъ современномъ искусствѣ; „и всѣ оттѣнки и различія этой единой современной поэзіи и этого единаго современнаго искусства представляютъ лишь степени одного восхожденія". Истинный (не догматическій) реализмъ, идя отъ дѣйствительности къ болѣе дѣйствительному, перешелъ въ современное искусство, которое не только изображаетъ, но „вмѣшалось въ созданіе, созданія вещественное и мистическое, связанныя другъ съ другомъ". И оно, въ связи со своимъ промышленнымъ происхожденіемъ и въ то же время мистическимъ характеромъ, кажется автору начинающимъ новую эру въ жизни человѣчества.

Ядро всѣхъ этихъ построеній — въ мистическомъ міровоззрѣніи автора, механически сплетенномъ съ взглядами на роль экономики въ развитіи искусства. Между прочимъ, г. Аничковъ рекомендуетъ вниманіе къ Месмеру, къ Сведенборгу и даже къ радѣніямъ шамановъ, патагонцевъ и магометанскихъ дервишей; онъ предлагаетъ „признать: мы побѣдили природу своей наукой, но та же научная система

мышленія привела къ убыли нашего духовнаго богатства... Гипнотизмъ лучше насъ знаютъ современные дикари (?!?). На протяженіи цѣлаго вѣка мы отрицали мистическія способности и старались заглушить ихъ въ себѣ. Раціоналистическіе предразсудки противъ нихъ приходится теперь оставить". Очевидно, съ г. Аничковымъ спорить нельзя: мистика—внѣ логики; для того, кто не считаетъ раціоналистическимъ предразсудкомъ отрицаніе мистики, какъ особаго средства познанія, всѣ построенія „новыхъ вѣяній", связанныхъ съ возрождающимся мистицизмомъ, разлетаются въ дымъ. Авторъ все время вращается въ неясно имъ самимъ сознанной сферѣ новыхъ формъ художественнаго творчества и провидитъ за формами таинственныя сущности. О русскомъ реализмѣ и модернизмѣ въ книгѣ нѣтъ ни слова. Читатель, проштудировавъ книжку г. Аничкова, остается въ данномъ вопросѣ „so klug wie zuvor". Кромѣ неясности мыслей автора, чтеніе затруднено множествомъ невозможныхъ опечатокъ: „оптитеки" вмѣсто „антитезъ", „кардиналы" вмѣсто „кандидатовъ". Корректурная путаница „я" и „Я"— на каждомъ шагу.

— Записки Н. Ф. Бунакова. „Моя жизнь, въ связи съ общерусской жизнью, преимущественно провинціальной. 1837—1905". Съ портретомъ и факсимиле. Спб. Цѣна 1 р. 75 к.

Записки Бунакова—хорошо извѣстнаго русскому обществу руководителя педагогическихъ курсовъ для народныхъ учителей во многихъ концахъ Россіи,—вышли еще въ прошломъ году; но наши попятные шаги къ до-революціонному прошлому поддерживаютъ интересъ къ этой книгѣ, живо рисующей трагическое положеніе въ русскомъ обществѣ дѣятельнаго, талантливаго работника въ области народнаго образованія. Жизнь Бунакова, въ значительной своей части—исторія препонъ, которыя ставились въ этой области, а послѣдніе годы его жизни—настоящая трагедія труженика, лишеннаго любимаго дѣла и пострадавшаго за очень скромное слово правды (въ „с.-хоз. совѣщаніи" 1903 г.). Въ своихъ запискахъ Бунаковъ съ особенною подробностью разсказываетъ о жизни своей и работѣ въ селѣ Петинѣ (Воронежской губерніи), въ школѣ и народномъ театрѣ. Когда на него обрушился гласный полицейскій надзоръ, съ высылкою въ Острогожскъ, онъ только черезъ годъ былъ въ состояніи вернуться къ запискамъ, для короткаго разсказа объ этихъ ужасныхъ дняхъ. Изъ здороваго, полнаго силъ и энергіи человѣка онъ превратился въ дряхлаго, разбитаго старика, и когда при Святополкъ-Мирскомъ ему возвращена была свобода, она уже была ненужна ему. Онъ скончался черезъ два мѣсяца послѣ освобожденія... Запискамъ Н. Ф. Бу-

накова предпослано обширное предисловіе г-жи Л. Бунаковой, дополняющее характеристику дѣятельности ея мужа. Дорисована и возмутительная, „истинно-русская" исторія направленнаго противъ него гоненія. Типичны тѣ страницы записокъ, гдѣ говорится объ объясненіи съ Бунаковымъ директора департамента полиціи Лопухина, о допросѣ, кого онъ разумѣлъ „подъ именемъ рожна, противъ котораго трудно прати", и признаетъ ли онъ себя „виновнымъ въ стремленіи измѣнить въ Россіи существующій порядокъ"? Поразителенъ также разсказъ г-жи Бунаковой о мелкихъ, возмутительныхъ придиркахъ, утѣсненіяхъ, издѣвательствахъ, какимъ подвергли старика мѣстныя власти, начиная съ губернатора. Поражаютъ здѣсь не столько незаслуженность и размѣры гоненія, — къ чему въ этомъ отношеніи мы не привыкли? — сколько невыразимая пошлость торжества клики побѣдителей: съ какимъ-то упоеніемъ старались они досадить и напакостить, именно напакостить человѣку, всю жизнь съ этой пошлостью воевавшему!

Съ особеннымъ интересомъ и пользою прочтетъ записки Бунакова, конечно, каждый дѣятель народнаго образованія, какъ бы скромна ни была его сфера. Симпатичный образъ работника, любовно отдающагося разъ избранному дѣлу, встаетъ на страницахъ записокъ во весь ростъ.

— Щукинскій сборникъ. Выпускъ восьмой. Изд. Отдѣленія Историческаго Музея Александра III—музея П. И. Щукина. М., 1909.

Черезъ годъ-два аккуратно выходятъ эти сборники, каждый разъ вызывая со стороны изслѣдователей нашей литературной и общественной старины живой интересъ. Бóльшая часть матеріаловъ, вошедшихъ въ восьмой выпускъ, относится къ XIX-му вѣку. Изъ видныхъ литературныхъ именъ прежде всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе Тургеневъ: дано обширное собраніе его писемъ къ И. П. и П. И. Борисовымъ и къ А. А. Фету. Писемъ Тургенева въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ напечатано уже очень много, и все-таки каждая новая серія ихъ читается съ новымъ интересомъ, настолько они всегда касаются общелитературныхъ и общечеловѣческихъ вопросовъ и настолько ясно развертывается въ нихъ внѣшняя и душевная жизнь писателя. Кромѣ многихъ внѣшнихъ подробностей, письма заключаютъ рядъ отзывовъ Тургенева о Львѣ Толстомъ и Достоевскомъ. Изъ писемъ другихъ литературныхъ дѣятелей въ сборникѣ имѣются болѣе или менѣе любопытныя письма Н. Лѣскова, Н. И. Греча, М. Н. Каченовскаго и др. Въ психологію второстепенныхъ людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ вводитъ насъ обширная „автобіографія Николая Ивановича Иваницкаго", характернаго для той эпохи „учителя словесности", проводника въ общество идей и

настроеній новой русской литературы и критики. Дневникъ Иваницкаго, относящійся къ концу сороковыхъ годовъ, живо отражаетъ глухое, подавленное чувство протеста, охватившее тогда всѣхъ мыслящихъ людей, и сознаніе, что правительство толкаетъ народъ къ революціи. „Двадцатое столѣтіе—говоритъ авторъ—будетъ самое бурное и самое счастливое для Россіи... Братски обнимаю тебя, мой милый соотечественникъ,—ты, который увидѣлъ зарю новой жизни—зарю счастія и свободы... Ты гордишься тѣмъ, что живешь въ эпоху великаго переворота, когда открыты пути для разнообразной дѣятельности. Но вспомяни и насъ, которые начали скоплять эту грозную силу негодованія — этотъ капиталъ, который достался тебѣ въ наслѣдство удвоенный, утроенный, удесятеренный".—Рядъ писемъ и матеріаловъ посвященъ эпизодамъ изъ исторіи русскаго театра. Письмо Ашинова, пресловутаго „вольнаго казака", къ К. К. Случевскому, съ описаніемъ его „подвиговъ", воскрешаетъ полузабытую авантюру, прообразъ болѣе печально кончившихся авантюръ на Дальнемъ Востокѣ.

Нельзя не пожалѣть, что такъ безсистемно и небрежно ведется изданіе, требующее большихъ средствъ. До сихъ поръ нѣтъ ни общаго предметнаго и именного указателя къ вышедшимъ уже томамъ „Щукинскаго сборника", ни даже именного указателя къ отдѣльнымъ томамъ.—Ч. В—скій.

— В. І. Дмитріева. Повѣсти и разсказы. Т. І. Спб., 1909 г. Ц. 1 р. 25 к. 432 стр.

В. І. Дмитріева—одна изъ наиболѣе интересныхъ и плодовитыхъ нашихъ писательницъ. Ею написано свыше 50 произведеній, среди которыхъ есть большія повѣсти и романы. Нельзя, поэтому, не удивляться, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ полнаго собранія ея сочиненій. Этотъ странный фактъ объясняется отчасти чрезмѣрною скромностью писательницы, отчасти нелитературностью современнаго книжнаго рынка, на которомъ часто царитъ случайность. Читатель, конечно, хорошо знаетъ и любитъ Дмитріеву, но, въ виду обилія и разбросанности ея сочиненій, врядъ-ли имѣетъ о ней вполнѣ опредѣленное представленіе. Едва-ли будетъ содѣйствовать такой опредѣленности и появившійся теперь сборникъ. Помѣщенные въ немъ разсказы производятъ впечатлѣніе не выбранныхъ, а взятыхъ совершенно случайно, потому что прежде другихъ попались на глаза. Это—яркіе, удавшіеся разсказы, но, по содержанію, они слишкомъ пестро разнообразны и ничѣмъ внутренно не связаны; хронологически они относятся къ разнымъ періодамъ творчества и касаются разныхъ сферъ жизни и быта. Можетъ быть, эта пестрота имѣетъ цѣлью обнаружить передъ нами разнообразіе всего написаннаго авторомъ? Въ такомъ случаѣ это не

вполнѣ достигается. Разносторонность В. І. Дмитріевой, дѣйствительно изумительная (особенно въ женщинѣ-писательницѣ), далеко не вкладывается въ рамки приводимыхъ пяти разсказовъ. Сфера ея наблюденій чрезвычайно широка. Тѣмъ не менѣе и случайно собранныхъ разсказовъ достаточно, чтобы судить объ основныхъ свойствахъ ихъ автора. Съ внѣшней стороны бросается въ глаза яркій, чисто беллетристическій талантъ, а съ внутренней—здоровое, жизнерадостное настроеніе, лежащее въ основѣ творчества. Писательница чужда идеализаціи, но ей вездѣ присущъ спокойный, уравновѣшенный оптимизмъ. Онъ у нея не искусственнаго происхожденія, не продуктъ теоріи; онъ—какъ бы въ самой крови у нея, вѣроятно вынесенъ ею изъ той свѣжей крестьянской среды, откуда она происходитъ. Отдѣльныя нескладицы и уродства въ окружающемъ не заслоняютъ отъ писательницы общей картины значительности и красоты жизни. Пусть въ человѣческихъ отношеніяхъ теперь не все благополучно, и люди часто оказываются другъ для друга такими „братьями", какъ Каинъ и Авель—но, все же, въ душахъ ихъ мелькаетъ истинно прекрасное. Сильна и хороша жизнь!.. Таковъ заключительный аккордъ превосходнаго, красочнаго разсказа: „Ночь въ Кучукъ-Узени". Той же бодростью вѣетъ и отъ яркаго, художественно законченнаго разсказа: „Друзья дѣтства". Въ немъ, на ряду съ мрачнымъ, скучающимъ интеллигентомъ, изображенъ смѣлый, брызжущій энергіей рабочій. Онъ побывалъ во многихъ схваткахъ съ жизнью, но до конца остался вѣренъ своему утвержденію, которымъ онъ поддразниваетъ интеллигента: „Кто любитъ жить, отъ того скука, задеря хвостъ, бѣжитъ".

Скука, дѣйствительно, очень далека отъ героевъ и героинь г-жи Дмитріевой. Они крѣпко любятъ жизнь, жизнь всю, какъ она есть, и никогда не устаютъ жить. Въ этомъ отношеніи у нихъ большое преимущество передъ хилыми, надломленными героями новѣйшей литературы.—Е. К.

— Августъ Бебель. „Изъ моей жизни" (Мемуары). Пер. съ рукописи подъ ред. Н. Рязанова. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 20 к.

Мемуары Бебеля—книга примѣчательная и вполнѣ достойная вниманія. Цѣнность ея состоитъ не только въ томъ, что она даетъ богатый матеріалъ для біографіи и характеристики выдающагося человѣка, признаннаго многолѣтняго вождя могущественной политической партіи и вліятельнаго парламентарія: она является вмѣстѣ съ тѣмъ превосходной фактической исторіей рабочаго движенія въ Германіи. Для мемуаровъ Бебеля подобное совпаденіе моментовъ личнаго и общественнаго вполнѣ естественно. Вся его жизнь, послѣ до-

стиженія сознательнаго возраста, протекала въ общественной борьбѣ; исторія рабочаго движенія его родины совершенно неотдѣлима отъ него, какъ и онъ—отъ этой исторіи. Вмѣстѣ съ ростомъ движенія росъ и Бебель, росла его личность и его вліяніе; онъ повторяетъ всѣ ошибки этого движенія и усвоиваетъ всѣ его идеологическія и иныя пріобрѣтенія. Кажется иногда, что его личность растворилась вся безъ остатка въ коллективной личности германскаго рабочаго—и кажется вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта коллективная личность построена вся по образцу личности Бебеля. Бебель—глава и вождь рабочаго движенія, но онъ никогда не былъ его идеологомъ; современную рабочую идеологію онъ воспринимаетъ съ трудомъ и не безъ колебаній, по ея пути онъ движется медленно, но каждое движеніе его является шагомъ впередъ, каждое пріобрѣтеніе укрѣпляется въ его сознаніи навсегда; къ нему, какъ ни къ кому другому, можетъ быть примѣненъ нѣмецкій девизъ: „Ohne Hast, ohne Rast". Руководящую роль въ партіи создали Бебелю не индивидуальныя качества его ума, сердца и воли, которыя отнюдь не поразительны, а та удивительная способность органическаго слiянiя съ коллективомъ, которая въ высокой степени характерна для всей его жизни. Ключъ къ пониманію этой способности даютъ мемуары Бебеля.

Только первыя сорокъ страницъ книги и пять внутри ея посвящены собственно личной жизни Бебеля. Въ началѣ своихъ мемуаровъ онъ описываетъ свое „дѣтство и отрочество" и неизбѣжные для нѣмца „годы ученья и странствованія". Бебель родился 22 февраля 1840 г. въ Дейцъ-Кельнѣ, въ казарменной квартирѣ прусскаго унтеръ-офицера; мать его была уроженка Рейнской провинціи. Родители его были бѣдные люди; онъ даетъ трогательныя картины тяжелой трудовой жизни, въ которой даже маленькая радость была рѣдкимъ гостемъ. Бебель рано остался сиротою: четырехъ лѣтъ послѣ отца, тринадцати—послѣ матери. Около этого времени Бебель окончилъ Вецларскую городскую школу, куда онъ сталъ ходить уже на пятомъ году, и поступилъ ученикомъ въ токарную мастерскую. Занятіе этимъ ремесломъ вплоть до 80-хъ годовъ, когда онъ смѣнилъ его на занятіе литературой, служило ему единственнымъ средствомъ къ жизни. Братья и сестры Бебеля умерли частью еще въ дѣтствѣ, и онъ оставался одинокимъ, пока не женился, въ 1866 г., на дочери рабочаго, желѣзнодорожнаго мостовщика. Женѣ своей Бебель посвящаетъ свои мемуары; ей же посвящены и нѣсколько трогательныхъ страницъ внутри книги, о которыхъ упомянуто выше. Въ 1858 г. окончился срокъ ученичества Бебеля: въ качествѣ токаря-подмастерья, по тогдашнему обычаю нѣмецкихъ подмастерьевъ, онъ сталъ странствовать, главнымъ образомъ пѣшкомъ, изъ города въ городъ и обошелъ всю южную Германію, часть нѣ-

мецкой Швейцаріи и Австріи. Двадцати лѣтъ Бебель закончилъ годы своего „странствованія“, осѣвши въ Лейпцигѣ; въ этомъ городѣ и началась его общественная и политическая дѣятельность. Эта часть мемуаровъ Бебеля изобилуетъ чертами для характеристики рабочихъ и ремесленныхъ нравовъ и быта тогдашней Германіи. Въ дальнѣйшихъ главахъ Бебель тщательно слѣдитъ за исторіей и развитіемъ противосоціалистическихъ рабочихъ союзовъ шестидесятыхъ годовъ, дѣятельнымъ членомъ которыхъ онъ долго состоялъ. Разсказъ начинается съ описанія рабочаго движенія въ началѣ 60-хъ годовъ и заканчивается Эйзенахскимъ съѣздомъ, на которомъ была основана германская соціалъ-демократическая партія. Эта часть мемуаровъ, будучи лишь слегка окрашенной личными переживаніями и настроеніями автора, богато снабжена документальными данными и матеріалами, которыхъ нынѣ нѣтъ ни у кого, кромѣ Бебеля: всѣ главные участники рабочаго движенія 60-хъ годовъ уже умерли, и послѣ смерти Леопольда Зоннемана въ прошломъ году Бебель остался единственнымъ живущимъ его свидѣтелемъ. Особенно интересны и поучительны главы мемуаровъ, описывающія борьбу саксонскихъ рабочихъ организацій, а въ ихъ составѣ и Бебеля, съ идеями Лассаля и его послѣдователями.

Вторая книга мемуаровъ, по обѣщанію Бебеля, должна начаться съ Барменъ-Эльберфельдскаго съѣзда; за второй книгой послѣдуетъ третья, доведенная до нашихъ дней — „если только позволитъ здоровье“, оговаривается престарѣлый вождь германской соціалъ-демократіи. — М. Славинскій.

— В. Ѳ. Матвѣевъ. Право публичныхъ собраній. Очеркъ развитія и современной постановки права публичныхъ собраній во Франціи, Германіи и Англіи. Спб., 1909 г.

Со вступленіемъ Россіи на путь конституціоннаго развитія, съ того момента, какъ наше общество призвано къ положительной, созидательной политической дѣятельности, мы болѣе чѣмъ когда-либо нуждаемся въ солидномъ юридическомъ образованіи, историческомъ и догматическомъ. Книга В. Ѳ. Матвѣева какъ разъ отвѣчаетъ этой потребности, соединяя научность мысли съ умѣлымъ изложеніемъ. Она получаетъ живой и интересный характеръ отчасти благодаря самому предмету: разсматривается не столько право собраній, сколько сами собранія, въ ихъ живой исторіи. Говоря юридически, объективное право берется въ зависимости отъ права субъективнаго; видно, какъ тѣ или иныя отвлеченныя нормы, сухіе параграфы того или иного закона вырастаютъ изъ драматическаго движенія общественной дѣйствительности. Стараясь быть возможно ближе къ конкретной жизни,

авторъ широко захватываетъ тѣ явленія, которыя въ дѣйствительности всегда были неразрывно связаны съ правомъ собраній. Такъ, строго разграничивая въ теоріи союзы и собранія, авторъ посвящаетъ свое вниманіе первымъ почти въ той же мѣрѣ, какъ и вторымъ. Изложенію фактическаго матеріала предпосланы нѣкоторыя общія положенія теоретическаго и практическаго характера; это дѣлаетъ его осмысленнымъ и стройно сгруппированнымъ. Съ другой стороны, въ приложеніи къ эмпирическимъ даннымъ, вопросы теоріи получаютъ реальный, жизненный обликъ. Въ теоріи спорнымъ является вопросъ, къ какой группѣ публичныхъ правъ отнести право публичныхъ собраній. Одни причисляютъ его къ такъ называемымъ „гражданскимъ правамъ", регулирующимъ отношеніе гражданъ къ государству, и потому предоставленнымъ всѣмъ гражданамъ вообще. Другіе утверждаютъ, что право публичныхъ собраній является одновременно и правомъ собственно политическимъ, т.-е. предоставляющимъ гражданамъ участіе въ государственной власти и потому принадлежащимъ только тѣмъ изъ нихъ, которые вообще къ такому участію допускаются. Далѣе спрашивается, каково общее содержаніе права собраній. Если теорія характеризуетъ его какъ отрицательное право на невмѣшательство власти, то жизнь постепенно вкладываетъ въ него положительное притязаніе на *содѣйствіе* государства дѣлу публичныхъ собраній гражданъ. Наконецъ, теорія устанавливаетъ связь даннаго права съ общимъ строемъ государства. Если та или иная конструкція права публичныхъ собраній объясняется всѣмъ строемъ даннаго государства, то и по формѣ, въ какую данное право выливается, мы можемъ судить о сокровенной сущности того или иного государства.

Во Франціи вопросъ о собраніяхъ въ острой формѣ возникъ въ эпоху революціи, въ связи съ развитіемъ клубовъ, получившихъ тогда такое значеніе. Это происхожденіе надолго связало судьбу права публичныхъ собраній съ регламентаціей политическихъ обществъ. Развитіе его вполнѣ отражаетъ тѣ рѣзкіе скачки, которыми шла политическая жизнь Франціи. Только теперь, съ установленіемъ сознательной и уже видимо окончательной демократизаціи, право публичныхъ собраній получило во Франціи свое полное признаніе. Въ противоположность Франціи, Германія въ своей исторіи права собраній представляетъ почти полное постоянство. Только совсѣмъ недавно общеимперское законодательство внесло нѣкоторыя улучшенія въ реакціонное право пятидесятыхъ годовъ, и то цѣною весьма существенныхъ уступокъ со стороны прогрессивныхъ элементовъ, главнымъ образомъ въ сферѣ германизаціи польскаго населенія. Англія и въ данной области проявила характерныя черты своей исторіи: неуклонное, постепенное и гибкое развитіе демократизма. При отсутствіи,

вообще говоря, опредѣленной регламентаціи права публичныхъ собраній, оставаясь на почвѣ общихъ принциповъ своего строя, при независимой юстиціи и администраціи, гармонирующихъ съ общественнымъ мнѣніемъ, Англія стоитъ въ первыхъ рядахъ по степени свободы публичныхъ собраній. Сравнительно-историческое изученіе показываетъ, что въ государствахъ, построенныхъ на соперничествѣ правительства и представительства изъ-за власти, задачи политики сводятся къ всяческому ограниченію и опеканію публичныхъ собраній, что находитъ свое выраженіе въ сложной правовой нормировкѣ. Наоборотъ, государства, стремящіяся къ все болѣе чистому выраженію начала народнаго суверенитета, разсматриваютъ публичныя собранія какъ *государственно необходимую* функцію. Поэтому и задачи власти сводятся не только къ устраненію препятствій въ осуществленіи этой функціи, но и къ прямому содѣйствію ей. Если послѣднее требованіе еще не воплотилось въ законодательство, то уже въ значительной мѣрѣ осуществилось въ практикѣ Англіи и Франціи.

Признавая политическій характеръ права публичныхъ собраній, авторъ высказывается противъ его ограниченій. Женщины и недостигшіе политическаго совершеннолѣтія должны имъ пользоваться наравнѣ съ активными гражданами. Авторъ совершенно противъ всѣхъ полицейскихъ стѣсненій публичныхъ собраній и высокой наказуемости правонарушеній въ этой области, убѣдительно показывая неизбѣжность широкой эволюціи въ сторону свободы публичной жизни—эволюціи, обусловленной всѣмъ духомъ современнаго государства.—Н. Болдыревъ.

— Пфлейдереръ. I. Отъ іудейства къ христіанству. II. Образъ Христа древнехристіанской вѣры въ религіозно-историческомъ освѣщеніи. Цѣна 70 коп.—Его же. Возникновеніе христіанства. Переводъ Г. Ѳ. Львовича. Цѣна 1 руб. Спб., 1910.

Недавно умершій О. Пфлейдереръ занималъ выдающееся мѣсто среди нѣмецкихъ богослововъ не только въ силу своего огромнаго таланта и широкой эрудиціи, но и благодаря своимъ научнымъ взглядамъ, выгодно выдѣлявшимъ его изъ среды его коллегъ. Въ огромномъ изслѣдованіи: „Das Urchristentum, seine Schriften und Lehren" онъ выдвинулъ и обосновалъ такіе взгляды на содержаніе первоначальнаго христіанства, которые, съ точки зрѣнія ортодоксальной протестантской науки, казались ересью, но привѣтствовались въ средѣ новаторовъ, какъ Вреде, Буссэ, Гункель и др. Не ограничиваясь указаннымъ спеціальнымъ трудомъ, Пфлейдереръ популяризовалъ свои точки зрѣнія въ рядѣ брошюръ, лекцій и статей. Три изъ нихъ, названныя выше, появились въ русскомъ переводѣ. Для русскаго читателя онѣ представятъ, быть можетъ, еще бо̀льшій интересъ, чѣмъ

для нѣмецкаго. Оставаясь всецѣло на идеалистической позиціи, признавая вмѣстѣ со своими коллегами абсолютную цѣнность христіанства, какъ религіи, Пфлейдереръ, отрѣшается отъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія, когда отъ обсужденія вопроса о значеніи христіанства въ настоящемъ переходитъ къ вопросу о происхожденіи и значеніи христіанства въ историческомъ прошломъ. Здѣсь онъ остается всецѣло на чисто исторической почвѣ. Прежде всего, онъ порываетъ съ біографическимъ методомъ изученія: начиная съ Ренановской „Жизни Іисуса", этого „романа", по его выраженію, и кончая прославленной „Сущностью христіанства" Гарнака, всѣ подобныя обработки не имѣютъ, съ точки зрѣнія Пфлейдерера, никакой научной цѣнности. Это только „стилизованные" образы, созданія религіознаго чувства, а не научнаго анализа. Чтобъ понять первобытное христіанство, надо углубиться въ изученіе соціальныхъ и психологическихъ условій жизни Іудеи I-го вѣка. Къ сожалѣнію, въ брошюрахъ Пфлейдереръ недостаточно подробно останавливается на этой сторонѣ вопроса, да и въ большомъ трудѣ соціальныя условія эпохи изслѣдованы имъ меньше чѣмъ іудейская идеологія, съ которою связана идеологія евангельская. Еще менѣе о соціальныхъ условіяхъ говоритъ Пфлейдереръ въ изложеніи дальнѣйшей судьбы христіанскихъ общинъ. Онъ только иногда упоминаетъ о значеніи этихъ условій, а главное вниманіе обращаетъ на идеологію ап. Павла и первоначальнаго христіанства и на происхожденіе евангелій. Анализъ Пфлейдерера приводитъ къ заключенію, что христіанство, какъ оно создалось трудами Павла и его школы, было синкретической религіей. И въ сферѣ религіозныхъ представленій, и въ области миѳа, и въ организаціи культа христіанство вобрало въ себя элементы самыхъ различныхъ религій и философскихъ системъ, при чемъ въ сферѣ миѳа преобладаютъ буддійскія и іудейскія вліянія, въ сферѣ религіозныхъ представленій и культа—вліянія неоплатонизма и различныхъ мистическихъ культовъ, широко распространившихся въ Римской имперіи первыхъ двухъ вѣковъ. Этотъ результатъ выяснялся и раньше, послѣ работъ Гункеля и, отчасти, Буссэ; но Пфлейдереръ впервые далъ ему систематическое обоснованіе и заставилъ съ нимъ считаться, какъ съ неоспоримымъ научнымъ положеніемъ. На фонѣ этого общаго вывода гораздо рельефнѣе выступаетъ также давно уже установленная противоположность іудео-христіанъ и эллинствующихъ общинъ, основанныхъ Павломъ; евангелія становятся реально осязаемыми величинами, отличными одна отъ другой не только по времени и по распредѣленію и выбору матеріала, но и по точкамъ зрѣнія и тенденціямъ, обусловленнымъ соціальною и идейною борьбою въ общинахъ конца I-го и начала II-го вѣка. Очень жаль, что въ переведенныхъ теперь брошюрахъ почти нѣтъ рѣчи о христіанскихъ эсхатологическихъ

ожиданіяхъ конца I в. и объ апокалиптической литературѣ. Слабую сторону брошюръ, отсутствующую въ „Urchristentum", составляютъ два элемента: во-первыхъ, обзоръ израильско-іудейской религіи, совершенно лишній и ничѣмъ не выдающійся по существу, такъ какъ Пфлейдереръ не могъ превзойти образцоваго обзора Велльгаузена (въ его „Kultur der Gegenwart"; есть русск. перев.) и повторилъ цѣлый рядъ устарѣлыхъ положеній, оставленныхъ уже ветхозавѣтной наукой; во-вторыхъ, многочисленныя мелкія отступленія въ апологетическомъ духѣ, плохо вяжущіяся съ объективнымъ изложеніемъ историческихъ фактовъ. Переводъ, въ общемъ, удовлетворителенъ, хотя попадаются ошибки въ собственныхъ именахъ и въ терминологіи.—Н. Никольскій.

— Ю. Велльгаузенъ. Введеніе въ исторію Израиля. Переводъ съ нѣмецкаго Н. М. Никольскаго, со вступительной статьей и тремя приложеніями. Спб., 1909. Ц. 3 руб.

Книга Ю. Велльгаузена представляетъ собою классическую работу въ области такъ называемой ветхозавѣтной науки, знаменуя рѣшительный поворотъ въ воззрѣніяхъ на законодательство Моисея и на исторію Израиля вообще. По своей роли въ колебаніи традиціонныхъ основъ исторіи Израиля „Prolegomena zur Geschichte Israels" (Берлинъ, 1883; первое изданіе той же книги, подъ заголовкомъ: „Geschichte Israels", вышло въ 1878 г.) имѣютъ гораздо бо̀льшее значеніе, чѣмъ, быть можетъ, представлялось самому автору. Добытыя имъ научныя положенія стали базисомъ, на которомъ строится нынѣ горячій протестъ противъ схоластической схемы ветхозавѣтной исторіи, преподаваемой въ школѣ, и противъ тенденціозныхъ построеній богословской науки. Исторія Израиля полна глубокаго интереса, но она должна быть изучаема научнымъ путемъ; къ ней, какъ и къ исторіи Вавилона, Ассиріи и Египта, долженъ быть примѣненъ методъ соціологическій, методъ исторической критики, органическаго построенія.

Составляетъ ли моисеево законодательство исходный пунктъ для исторіи древняго Израиля или для исторіи іудейства, т.-е. религіозной общины, которая пережила народъ, уничтоженный ассиріянами и халдеями — вотъ основной вопросъ, поставленный Велльгаузеномъ въ его „Prolegomena". Свой отвѣтъ на этотъ вопросъ авторъ дѣлитъ на три части. Первая часть представляетъ собою исторію культа; въ ней собраны всѣ данныя, относящіяся къ сакральнымъ древностямъ (мѣсто богослуженія, жертвы, праздники, жрецы и левиты, содержаніе клира), и расположены такъ, чтобы было видно, какъ въ Пятикнижіи слои разновременнаго происхожденія слѣдуютъ одинъ за другимъ и вытекаютъ другъ изъ друга въ полномъ соотвѣтствіи со стадіями

развитія, укзываемыми исторіей. Вторая часть, тѣсно связанная съ первою, показываетъ вліяніе господствовавшихъ въ ту или другую эпоху представленій и тенденцій на обработку исторической традиціи. Въ трехъ отдѣльныхъ главахъ здѣсь разсмотрѣны „Книга хроникъ", „Книги Судей, Самуила и Царей" и „Разсказы шестикнижія". Третья и послѣдняя часть: „Израиль и іудейство"—небольшой заключительный экскурсъ изъ трехъ главъ: „Завершеніе критики закона", „Устная и писаная тора" и „Теократія, какъ идея и учрежденіе". Послѣдняя глава является, въ сущности, планомъ для другой книги Велльгаузена: „Israelitische und jüdische Geschichte", посвященной исторіи израильской теократіи. У древняго Израиля — утверждаетъ Велльгаузенъ — теократія никогда не существовала въ качествѣ формы правленія; господство Ягве было тогда идеальнымъ представленіемъ; только со времени плѣна стали производиться попытки осуществить это господство внѣшними средствами, въ формѣ господства святыхъ. Еще въ эпоху судей и царей незамѣтно никакихъ слѣдовъ мнимо-древнѣйшей священной организаціи: она должна была послужить—по картинному выраженію Велльгаузена — чѣмъ-то въ родѣ „педагогической смирительной рубашки", должна была сломить необузданное своеволіе евреевъ и охранить ихъ отъ дурныхъ вліяній извнѣ. Іудейство, осуществившее и послѣдовательно развившее такъ называемую моисееву конституцію, не оставило простора для дѣятельности личности; раньше, наоборотъ, божественнымъ правомъ обладало не учрежденіе, а творческій духъ отдѣльныхъ личностей. Теократіей было тогда само государство; древніе израильтяне смотрѣли на него какъ на помощь Божества. Взглядъ позднѣйшихъ іудеевъ на теократію всегда подразумѣвалъ государство, какъ нѣчто уже существующее, и потому іудеи могли построить на этой основѣ теократію, какъ особую духовную сущность. Царство Саула и Давида недолго удержалось на высотѣ, но сохранилось воспоминаніе о славномъ прошломъ. Внутренней анархіи и внѣшнему разгрому пророки противопоставили идеалъ теократіи, покоящейся на тѣхъ же основаніяхъ, что и политическое общежитіе. Теократія есть только идея послѣдняго; въ ея классическомъ изображеніи, данномъ Исаіей, мы видимъ картины будущаго, обрисовку опредѣленныхъ цѣлей, которыя должны были имѣть значеніе уже для современности. Мессіаническія мечты концентрируются вокругъ возстановленія внутреннихъ основъ государства: разстройство управленія, упадокъ суда, эксплуатація слабыхъ сильными—вотъ язвы, которыя надо излечить. И Мессію украшаютъ только самыя простыя, элементарныя добродѣтели правителя. Пророческія идеи, однако, были непримѣнимы на практикѣ. Чужеземное господство не допустило политической реставраціи. Тогда обнаружилась важность учрежденій и

традиціонныхъ формъ для сохраненія даже духовнаго содержанія религіи. И вотъ, явился на свѣтъ искусственный продуктъ—священная іудейская конституція, детальное изображеніе которой мы имѣемъ въ жреческомъ кодексѣ. Народъ сдѣлался царствомъ жрецовъ и святымъ народомъ. Такъ называемая моисеева теократія — заключаетъ Велльгаузенъ — не государство, а искусственный аполитическій продуктъ, созданный при неблагопріятныхъ условіяхъ, съ энергіей, которая вѣчно будетъ замѣчательной. Выраженіе: іудейская церковь, быть-можетъ, слѣдовало бы предпочесть термину: теократія, за которымъ часто скрывается смѣшеніе понятій. Авторъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе замѣчаніемъ, что язычество во Израилѣ, противъ котораго тщетно протестовали пророки, было преодолѣно внутри своей собственной области закономъ, а культъ, послѣ того какъ въ немъ была убита природа, былъ превращенъ въ панцырь супранатуралистическаго монотеизма. — Книга Велльгаузена полна высокаго научнаго и широкаго общественнаго интереса. Ея русскій переводъ, представившій цѣлый рядъ техническихъ трудностей, исполненъ Н. М. Никольскимъ, знатокомъ еврейскаго языка и исторіи древняго Израиля; онъ хорошо передаетъ нѣмецкій оригиналъ и еврейскія цитаты, и только въ очень немногихъ мѣстахъ можно уловить нѣкоторую тяжеловатость, незамѣтную для спеціалиста, но чувствительную для обыкновеннаго читателя. Читая эту превосходную книгу, русская публика впервые получаетъ возможность вступить въ цѣлый міръ новыхъ для нея представленій и понятій.—Василій Сторожевъ.

— Подворное и хуторское хозяйство въ Самарской губерніи. Опытъ агрономическаго изслѣдованія, т. I—III, изданіе самарскаго губ. земства. 1909 г. Ц. 3 р. за три тома.

Названное изслѣдованіе представляетъ собою большую коллективную работу, выполненную при самарской губернской земской управѣ агрономами, подъ руководствомъ предсѣдателя управы. Она вызвана желаніемъ выяснить значеніе единоличнаго владѣнія и хуторского хозяйства не проблематическими выкладками канцелярскаго творчества, а путемъ изученія тѣхъ хозяйствъ этой категоріи, которыя возникли еще до повальнаго увлеченія хутороманіей. Самарское изслѣдованіе въ этомъ отношеніи пріобрѣтаетъ особый интересъ еще и потому, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ этой губерніи единоличное владѣніе и хуторское хозяйство одно время старательно насаждались путемъ административнаго воздѣйствія. Въ Самарскомъ, Ставропольскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ эта форма владѣнія проводилась въ жизнь бывшимъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, а въ Николаевскомъ—

удѣльнымъ вѣдомствомъ, при водвореніи на удѣльныхъ земляхъ мелкихъ арендаторовъ.

Одною изъ главныхъ задачъ изслѣдованія было опредѣленіе, „какія измѣненія въ хозяйствѣ, по сравненію съ обычными для крестьянъ данной мѣстности, введены владѣльцемъ и какія изъ нихъ оказались наиболѣе полезными и выгодными“. Въ виду того, что предметомъ обслѣдованія „должны были быть существующія въ губерніи *болѣе крѣпкія* хозяйства“, оно коснулось хозяйствъ, отнюдь не подходящихъ подъ обычный типъ мелкаго крестьянскаго хозяйства. Такъ, изъ описанныхъ въ Малоузенской волости (Новоузенскаго уѣзда) 15 хозяйствъ только два не пользуются наемнымъ трудомъ, а въ шести владѣльцы съ семьями не принимаютъ непосредственнаго участія въ работахъ, ограничиваясь административной ролью. Въ Нижне-Еруcланской волости описано только одно хозяйство, площадью въ 350 дес. Хозяйствъ съ площадью въ 228, 242, 285 дес. и даже 458 дес. описано множество. Очевидно, что выводы, основанные на изученіи такого рода хозяйствъ, при всей ихъ самостоятельной цѣнности, отнюдь нельзя распространять на *мелкія* хозяйства обычнаго крестьянскаго типа. Мелкія хозяйства въ разсматриваемомъ изслѣдованіи совершенно не выдѣлены, какъ бы слѣдовало, въ особую группу; описаніе ихъ идетъ въ перемежку съ другими, безъ всякой системы и порядка. Весь собранный матеріалъ, касающійся 308 хозяйствъ, расположенъ по уѣздамъ и волостямъ въ видѣ краткихъ и отрывочныхъ выдержекъ изъ описаній отдѣльныхъ хозяйствъ, по двумъ рубрикамъ: полеводство и скотоводство. Цѣльной картины, рисующей положеніе хозяйства и его тенденцію въ различныхъ экономическихъ группахъ, составители не дали,—чѣмъ значительно умаляется цѣнность произведенной работы. Все изслѣдованіе представляетъ собой груду сырого, правда—не безъинтереснаго, матеріала, касающагося, главнымъ образомъ, хозяйствъ нарождающейся сельской буржуазіи. Сами изслѣдователи не пришли къ опредѣленнымъ выводамъ. „Во всей массѣ произведенныхъ обслѣдованіемъ описаній—говорятъ они—мы не отыщемъ ни одного хозяйства, которое можно бы признать разрѣшающимъ большинство наболѣвшихъ вопросовъ крестьянской жизни“. Помимо тѣхъ случаевъ, гдѣ форма единоличнаго владѣнія землей внесена искусственными пріемами административнаго землеустройства, обслѣдованіе обнаруживало много хозяйствъ, гдѣ форма владѣнія создана жизнью. Въ губерніи немало случаевъ покупки земли; есть случаи старыхъ выдѣленій изъ общины, съ отводомъ земли къ одному мѣсту; есть случаи товарищескихъ покупокъ, съ раздѣленіемъ земли между участниками; наконецъ, по Новоузенскому уѣзду описано возникновеніе иныхъ хуторскихъ хозяйствъ на общинныхъ земляхъ. И во всѣхъ этихъ случаяхъ изслѣ-

дователи не находятъ яркихъ примѣровъ перехода къ усовершенствованному хозяйству. „Почти всѣ хозяйства усиленно заняты производствомъ зерна, усиленно распахиваютъ свои земли и мало отводятъ земли подъ кормовую площадь; вслѣдствіе этого въ большинствѣ хозяйствъ и скотъ находится въ плохомъ состояніи". Въ полеводствѣ большинство сохраняетъ залежь на югѣ губерніи и обычное трехполье на сѣверѣ. „Урожаи хлѣбовъ въ большинствѣ хозяйствъ не высокіе, и въ этомъ отношеніи болѣе крупныя хозяйства имѣютъ преимущества передъ мелкими". Не смотря на свободу хозяйственнаго распоряженія землей, не выработано способовъ обезопасить себя отъ часто повторяющихся неурожаевъ. Въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ отмѣчается повышеніе техники полеводства; въ иныхъ хозяйствахъ отмѣчено заботливое отношеніе къ скоту; наконецъ, въ нѣсколькихъ—констатированы цѣлесообразныя меліораціи (орошеніе). „Но всѣ эти явленія нигдѣ не сгруппированы такъ, чтобы передъ нами въ цѣломъ вырисовывался типъ хозяйства, вполнѣ пригодный для побѣды надъ невзгодами нашего суроваго климата". Казалось бы, что въ виду всего этого не должно быть мѣста хутороманіи. Но за изслѣдователями стоятъ интересы классовой политики и они не перестаютъ настаивать на особомъ значеніи индивидуальнаго владѣнія землей, а всѣ современныя мѣропріятія правительства въ области землеустройства считаютъ единственно правильными. Практическіе выводы самарскихъ изслѣдователей расходятся, такимъ образомъ, съ ими же раскрытыми фактами. Это тѣмъ болѣе странно, что въ самомъ изслѣдованіи можно встрѣтить неоднократныя указанія на возможность хозяйственной иниціативы и при другихъ формахъ землевладѣнія, практикуемыхъ у крестьянъ. „Община никого не стѣсняетъ", говорится на стр. 15-ой. „Въ Новоузенскомъ уѣздѣ на надѣльныхъ земляхъ во многихъ случаяхъ отсутствуетъ принудительный сѣвооборотъ и каждый крестьянинъ на отведенномъ ему отрубѣ ведетъ какую угодно систему полеводства" (стр. 38). Есть какія-то общія причины, которыя разрушительно дѣйствуютъ на сельское хозяйство независимо отъ формы землевладѣнія; но на этихъ причинахъ не останавливаются самарскіе изслѣдователи.

При всѣхъ недостаткахъ изслѣдованія, въ виду фактическаго матеріала, содержащагося въ немъ, появленіе его нельзя считать безполезнымъ. Въ высшей степени желательно, чтобы въ другихъ подобныхъ изданіяхъ, помимо болѣе систематическаго изложенія, приводились самыя подробныя описанія отдѣльныхъ хозяйствъ по различнымъ экономическимъ группамъ.—Сем. Масловъ.

— Y. Delage et M. Goldsmith. Les Théories de l'Evolution. Bibliothèque de Philosophie scientifique. Paris, 1909.

Ученіе объ измѣняемости видовъ, объ эволюціи органическаго міра, высказанное лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ настоящее время получило всеобщее признаніе въ наукѣ. Но нельзя сказать того же объ объясненіи причинъ этой эволюціи. Дарвинизмъ, выставляющій какъ причину эволюціи борьбу за существованіе и основанное на ней понятіе объ естественномъ подборѣ, объясняетъ огромное количество фактовъ, даетъ идейное основаніе цѣлымъ наукамъ, въ родѣ сравнительной анатоміи или сравнительной эмбріологіи; однако, главный факторъ — борьба за существованіе — многими изслѣдователями принимается лишь съ извѣстными ограниченіями или, во всякомъ случаѣ, не признается единственнымъ. Рядъ явленій обще-біологическихъ, данныя наслѣдственности и много второстепенныхъ фактовъ заставляютъ признать, что, кромѣ внѣшнихъ воздѣйствій, причины появленія новыхъ свойствъ и измѣненія организмовъ могутъ лежать и внутри самихъ организмовъ, дѣйствуя независимо отъ внѣшнихъ условій. Этими „внутренними причинами" въ свое время объяснялъ Ламаркъ причину эволюціи организмовъ. Съ расширеніемъ біологическихъ знаній создались новыя отрасли біологіи и накопилась масса новыхъ фактовъ, о которыхъ еще въ серединѣ XIX в. не имѣли никакого представленія. Положенія, высказанныя Ламаркомъ, оказались слишкомъ общими. Переработка его воззрѣній на основаніи данныхъ, добытыхъ за послѣднія десятилѣтія, породила много новыхъ теорій, осложненныхъ вопросами наслѣдственности, тончайшаго строенія и молекулярныхъ измѣненій въ плазмѣ и т. д., въ родѣ теоріи идіоплазмы Нэгели, теоріи интрацеллюлярнаго пангенеза де-Фриза, теоріи зародышевой плазмы Вейсмана и мн. др. Кто не слѣдитъ за спеціальной литературой, но желалъ бы познакомиться съ современнымъ положеніемъ ученія о причинахъ измѣняемости организмовъ и ихъ эволюціи, тотъ сразу натолкнется на цѣлый рядъ часто другъ друга оспаривающихъ теорій. Поэтому въ послѣднее время особенно важными и нужными являются сводки завоеваній науки и основанныхъ на нихъ теорій и гипотезъ. Между такими сводками написанныхъ популярнымъ языкомъ и въ то же время наиболѣе объективныхъ, выдается названное сочиненіе: „О теоріяхъ эволюціи" извѣстнаго французскаго біолога Делажа, написанное имъ въ сотрудничествѣ съ секретаремъ его, г-жей Гольдсмитъ. Делажъ принадлежитъ къ числу наиболѣе крупныхъ французскихъ зоологовъ, имя его — къ числу наиболѣе извѣстныхъ. Научная дѣятельность Делажа—весьма разносторонняя: съ одной стороны цѣлый рядъ чисто спеціальныхъ работъ давно выдвинулъ его на первое мѣсто среди спеціалистовъ-біологовъ, съ другой—обширный

учебникъ зоологіи: „Traité de zoologie concrète“ (котораго вышло до сихъ поръ шесть томовъ) пріобрѣлъ ему широкую извѣстность во всѣхъ зоологическихъ кругахъ. Но, помимо чисто описательныхъ или эмбріологическихъ работъ, Делажъ имѣетъ склонность къ философскимъ изслѣдованіямъ въ области біологіи. Здѣсь онъ стяжалъ себѣ авторитетное имя какъ авторъ классическаго философскаго изслѣдованія: „L'Hérédité et les grands problèmes de la biologie générale“ и какъ многолѣтній редакторъ „L'Année biologique“—ежегоднаго указателя, съ краткими рефератами, всей литературы по общимъ вопросамъ біологіи, по наслѣдственности, эволюціоннымъ теоріямъ и т. д. Въ сочиненіи „О теоріяхъ эволюціи“ Делажъ, отдавая должное дарвинизму, удѣляетъ ему сравнительно мало мѣста, останавливаясь гораздо подробнѣе на ламаркизмѣ и главнымъ образомъ на новыхъ теоріяхъ наслѣдственности, видя въ ихъ обоснованіи и выясненіи главную задачу современныхъ біологическихъ изслѣдованій. Кромѣ того, въ книгѣ излагаются всѣ новѣйшія попытки объяснить измѣненія организмовъ, въ родѣ теоріи мутаціи де-Фриза или гетерогенеза Коржинскаго, дается очеркъ „второстепенныхъ“ эволюціонныхъ теорій, занимающихъ середину между дарвинизмомъ и ламаркизмомъ или являющихся частными дополненіями къ тому или другому. Благодаря этому читатель не-спеціалистъ можетъ найти въ книгѣ Делажа путеводную нить среди лабиринта разныхъ попытокъ объяснить причины эволюціи органическаго міра, не прибѣгая къ ознакомленію съ по истинѣ громадной спеціальной литературой. Въ „Заключеніи“ Делажъ вкратцѣ разсматриваетъ тѣ выводы ламаркизма и дарвинизма, которые имѣютъ отношеніе къ соціологическимъ вопросамъ.—А. Щ.

Въ теченіе марта мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Аверченко, Аркадій. — Юмористическіе разсказы. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Артюшковъ, А. В. — Учебная книга по исторіи русской литературы. Москва, 1910 г. Цѣна 75 коп.

Баженовъ, Н. Н.—Исторія Московскаго Доллгауза, нынѣ Преображенской больницы. Москва, 1909 г.

Барриве, Л. — Общественное движеніе при императорѣ Александрѣ II. Москва, 1910 г.

Билимовичъ, Ал. Д., проф.—Разборъ положенія о землеустройствѣ. Кіевъ, 1910 г. Цѣна 75 коп.

Бобылевъ, Д. М.—Земство и коопераціи. Очерки. Пермь, 1910 г.

Бутру, Эмиль. — Наука и религія въ современной философіи. Пер. съ франц., подъ ред. Н. М. Соловьева. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р.

Бяликъ, Х. Н. — Огненная хартія.—Мертвые пустыни. Пер. и пред. Иры Янъ. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Вентцель, К. Н.—Новые пути воспитанія и образованія дѣтей. Москва, 1910 г. Цѣна 45 к.

Ветуховъ, А.—Жизнь слова. Харьковъ, 1910 г. Цѣна 20 коп.

Волковъ, Ѳ. К.—Старинныя деревянныя церкви на Волыни. Спб., 1910 г.

Волошинъ, Максимиліанъ.—Стихотворенія. Москва, 1910 г. Цѣна 80 коп.

Вороновъ, Н. Г.—Эѳирныя волны и сознаніе. Москва, 1910 г. Цѣна 50 к.

Вульфсонъ, Э. С.—Боснія и Герцеговина. Москва, 1910 г. Цѣна 60 коп.

Гильомъ, Ш. Э.—Начатки механики. Пер. съ франц. П. Т. Егунова и Б. Н. Лебедева. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Грузенбергъ, Семенъ.—Ученіе Шопенгауэра о правѣ и государствѣ. Москва, 1910 г.

Дашкевичъ, Л.—Государственные избирательные законы. Аграрный переворотъ. Сельскій судъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Ершовъ, А.—Очеркъ чернорабочаго движенія въ Саратовскомъ краѣ. Саратовъ, 1910 г.

Зайцевъ, Д. М.—Государственное лѣсное хозяйство въ связи съ аграрной реформой и нуждами промышленности. Спб., 1910 г. Цѣна 40 коп.

Закъ, С.—Статистическій ежегодникъ соціально-политическихъ таблицъ всѣхъ странъ міра, 1909—1910 гг. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

К. А.—Почему нашъ крестьянинъ пересталъ ѣсть рыбу. Спб., 1910 г.

Катаевъ, Николай.—Русскіе интеллигенты. Сборникъ. Спб., 1909 г. Цѣна 80 коп.

Кашменскій, Николай.—Чары земли. Стихотворенія. Спб., 1910 г. Ц. 75 к.

Кенъ, А. Г.—Бетховенъ. Часть III. Творчество. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Корфъ С. А., бар., проф.—Административная юстиція въ Россіи. Т. I и II. Спб., 1910 г. Цѣна за два тома 5 р.

Кривошапка, П.—Сказка о голубомъ озерѣ. Этюдъ. Казань, 1909 г. Цѣна 10 коп.

Кропоткинъ, П. А.—Умственный и ручной трудъ. Съ англ. пер. А. Н. Коншинъ. Москва, 1910 г. Цѣна 12 коп.

Кулжинскій, Яр.—Новая критика Тэна. Кіевъ, 1910 г.

Лаушевичъ, И.—Разговоръ троихъ о письмѣ къ бабушкѣ вѣчности. Петропавловскъ, 1910 г. Цѣна 85 коп.

Липпсъ, Теодоръ.—Самосознаніе, ощущеніе и чувство. Пер. съ пред. и прим. М. А. Лихарева. Спб., 1910 г. Цѣна 40 коп.

Марковниковъ, А. В.—Подвижныя игры на открытомъ воздухѣ, какъ методъ физическаго воспитанія, и ихъ постановка. Москва, 1910 г. Цѣна 20 к.

Мижуевъ, П. Б.—Политическая исторія Англіи въ XIX вѣкѣ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Мирбо, Октавъ.—Полное собраніе сочиненій. Т. VIII. Двадцать одинъ день неврастеника. Пер. А. Смирнова. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Молоствова, Е. В.—Секта іеговистовъ. Спб., 1910 г.

Натинъ, С.—Болѣзнь нашей жизни и другіе разсказы. Москва, 1909 г. Цѣна 75 к.

Обуховъ, А. М.—Свободное воспитаніе и дисциплина. Москва, 1910 г. Цѣна 40 коп.

Озеровъ, И. Х., проф.—Основы финансовой науки. Выпускъ II. Изд. 3. Москва, 1 р. 50 к.

Осадчій, П., проф.—Десятилѣтіе земскихъ телефоновъ въ Россіи, 1899—1909 гг. Спб., 1910 г.

Павловъ, Анатолій.—Въ океанѣ вдохновенія. Тифлисъ, 1910 г. Цѣна 50 к.

Подоводскій, Константинъ. — Вершинные огни. Стихотворенія. Т. IV. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Потапенко, И. Н.—Сочиненія, т. IV. Записки стараго студента. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Ройтманъ, Дм.—Галліева комета. Ученые популяризаторы фирмы „Mathesis" и другіе просвѣтители „суевѣрнаго народа". Сказка о „ціанистомъ кали". Спб., 1910 г. Цѣна 10 коп.

Ротштейнъ, Александръ.—Сонеты. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Русовъ, Н. Н.—О нищемъ, безумномъ и боговдохновенномъ искусствѣ. Изслѣдованіе. Предисловіе проф. С. А. Котляревскаго. Москва, 1910 г. Ц. 50 к.

Рыбаковъ, Ѳ. Е.—Атласъ для экспериментально-психологическаго изслѣдованія личности. Москва, 1910 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Соловьевъ, Сергѣй. — Апрѣль. Вторая книга стиховъ. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р.

Судіенко, С.—О „Бояринѣ Оршѣ". Изд. 3. Тверь, 1910 г. Цѣна 15 к.

Стифенъ, Дж. — Очеркъ доказательственнаго права. Переводъ съ англ., со вступительной статьей П. И. Люблинскаго. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Тауберъ, Л. Я.—Жалоба потерпѣвшаго при преступленіяхъ неоффиціальныхъ. Харьковъ, 1910 г. Цѣна 3 р.

Троицкая, Е. М.—Грядущія бѣды. Смоленскъ, 1910 г.

Фармаковскій, С. П.—Къ вопросу о законодательномъ регулированіи синдикатовъ и трестовъ. Спб., 1910 г.

Франкъ, С. Л.—Философія и жизнь. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р.

Черный Саша.—Сатиры. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Шлихтъ, баронъ. — Подъ сѣнью побѣдныхъ знаменъ. Юмористическіе очерки и сатиры изъ быта германской арміи. Книга первая. Пер. В. В. фонъ-Толь и Л. А. Шмидтъ. Спб., 1910 г. Цѣна 60 к.

Шульце-Геверницъ Г., проф.—Марксъ или Кантъ? Спб., 1909 г. Цѣна 50 к.

Эрве, Густавъ.—Исторія Франціи и Европы. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

— Актъ санитарнаго осмотра Спб. Окрружнаго Суда. Спб., 1910 г.

— Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества № 25. „Безъ отца, безъ матери!" пов. Іоанны Спири, съ нѣм. Е. К. Ц. 45 к. № 67. „Мой отецъ" и др. разсказы. Ц. 80 к. № 70. Наши звѣрки. Разсказы Е. Горбуновой. Ц. 65 к. № 165. „Герои морскихъ береговъ". Пов. О. Хорнъ, пер. съ нѣм. Л. и Ж. Караваевыхъ. Ц. 90 к. № 168. „Дѣтскіе годы" В. М. Гаршина. Біографическій очеркъ С. Н. Дурылина. Ц. 20 к. № 167. „Извозчикъ" и „Подъ Рождество". Разсказы П. Хлѣбникова. Ц. 25 к. № 174. „Первыя снѣжинки". Ц. 50 к. № 180. „Обидѣли". Разсказъ А. Хижнякова. Ц. 20 к.

— Библіотекарь. Вып. I. Спб., 1910 г.

— Безстрашная Дѣва или смерть за вѣру. Повѣсть. Съ англ. пер. О. К. Изд. „Посредника". Москва, 1910 г. Цѣна 9 к.

— „Вѣхи" какъ знаменіе времени. Сборникъ статей. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 75 к.

— Императорская Академія Наукъ объ отмѣнѣ стѣсненій Малорусскаго печатнаго слова. Спб., 1910 г. Цѣна 25 к.

— Интеллигенція въ Россіи. Сборникъ статей К. Арсеньева, Н. Гредескула, М. Ковалевскаго, П. Милюкова, Д. Овсянико-Куликовскаго, И. Петрункевича, М. Славинскаго, М. Туганъ-Барановскаго. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

— Матеріалы по этнографіи Россіи. Томъ I. Изд. Этн. Отд. Русск. Музея Императора Александра III. Спб., 1910 г. Цѣна 7 р. 50 к.

— Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губерніи по закону 8 іюня 1893 года. Вып. VII. Херсонъ, 1910 г.

— Основы земской организаціи по содѣйствію кустарной промышленности. Пермь, 1910 г.

— Русскій эсперантистъ. Ruslande Esperantisto. Ianuaro № 1 (5). Rusujo Peterburgo. 1910.

— Сборникъ воспоминаній. Незабвенному Владиміру Васильевичу Стасову. Спб., 1910 г.

— Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. Составленъ подъ ред. В. В. Морачевскаго. Вып. X. Спб., 1909 г.

— Статистика стачекъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за трехлѣтіе 1906—1908 г.г. Составилъ и разработалъ фабричный ревизоръ В. Е. Варзаръ. Спб., 1910 г.

— Эпоха Николая I. Подъ ред. М. О. Гершензона. Москва, 1910 г.

— Земледѣлческа статистика (посѣви и реколта) за 1906 година. София, 1909.

— Земледѣлческа статистика (посѣви и реколта) за 1907 година. София, 1910.

СВОЕОБРАЗНЫЙ ПАРЛАМЕНТЪ.

Что сословіе, долго стоявшее на верхней ступени государственной и общественной лѣстницы и широко пользовавшееся выгодами своего положенія, не отказывается отъ него легко и охотно—это вполнѣ понятно. Даже за такимъ порывомъ самоотреченія, какимъ ознаменована была ночь 4-го августа 1789-го года, слѣдуетъ реакція, годами тлящаяся подъ пепломъ, но вспыхивающая яркимъ пламенемъ при первой благопріятной конъюнктурѣ. Въ эксцессахъ бѣлаго террора, въ бѣшеныхъ выходкахъ „небывалой“ палаты депутатовъ (chambre introuvable) главная роль принадлежала представителямъ французскаго дворянства. Вліяніе его традицій чувствовалось въ попыткахъ государственнаго переворота, пережитыхъ третьей французской республикой, чувствуется, можетъ быть, до сихъ поръ, какъ одинъ изъ двигателей воинствующаго клерикализма. Бранденбурго-померанское „юнкерство“, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ мечтавшее о возвращеніи къ „доброму старому времени“, съ тѣхъ поръ кое-что забыло и кое-чему научилось; но и теперь оно составляетъ одну изъ главныхъ опоръ прусскаго и общегерманскаго консерватизма. Аналогичное значеніе имѣетъ австрійское дворянство. Въ совершенно другихъ формахъ и

на совершенно другой основѣ отстаиваетъ свою позицію и англійская аристократія, самая просвѣщенная, самая далекая отъ тупого и близорукаго упрямства. Есть, однако, черта, за которую нигдѣ въ западной Европѣ не переходятъ дворянскія иллюзіи. Нигдѣ дворянство не стремится къ простому возстановленію старины, нигдѣ не претендуетъ на единовластіе. Въ той или другой мѣрѣ скрѣпя сердце, оно остается на почвѣ новыхъ учрежденій, дѣйствуетъ въ ихъ средѣ и черезъ ихъ посредство, не изолируется отъ нихъ, не посягаетъ на ихъ права, не старается организовать, рядомъ съ народнымъ, еще особое дворянское представительство.

Не то мы видимъ въ Россіи. Меньше чѣмъ гдѣ-либо, въ настоящую минуту, у насъ нуждаются въ защитѣ дворянскіе интересы—и больше чѣмъ гдѣ-либо дѣлается усилій организовать такую защиту, узкую, одностороннюю, ни съ чѣмъ не считающуюся и ни передъ чѣмъ не останавливающуюся. Не безъ причины видя надежный оплотъ, въ Государственномъ Совѣтѣ, располагая всегда готовой поддержкой въ Думѣ 3-го іюня, боевая часть дворянства тѣмъ не менѣе находитъ нужнымъ устраивать съѣзды, „постановленія“ которыхъ могли бы служить орудіемъ для достиженія ея цѣлей. И никогда еще, кажется, ультра-дворянскія притязанія не высказывались съ такою развязностью, съ такимъ отсутствіемъ сдержанности, какъ на только что закончившемся шестомъ съѣздѣ. Никогда не обнаруживалось съ такою ясностью, что для тѣхъ, кто говоритъ отъ имени русскаго дворянства, прошли даромъ всѣ уроки исторіи. Не разъ обстоятельства благопріятствовали дворянству, благопріятствовали ему даже больше, чѣмъ въ настоящее время — и никогда оно не проявляло, пользуясь ими, истинно творческой силы. Ничего оно не съумѣло создать хорошаго и прочнаго, когда, со времени Екатерины II-ой и особенно со времени Николая I-го, ему принадлежало первое мѣсто въ мѣстномъ управленіи и мѣстномъ судѣ. Ничего оно не поправило и не улучшило въ восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда оно было предметомъ усиленной заботливости и чрезвычайныхъ щедротъ со стороны правительства. Когда ему было возвращено право ходатайства передъ верховною властью, когда, въ видахъ увеличенія его матеріальнаго благосостоянія, былъ учрежденъ дворянскій банкъ и выпущенъ выигрышный заемъ, когда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ особое совѣщаніе занималось пріисканіемъ средствъ къ поднятію и укрѣпленію его значенія и престижа, оно не только не взяло на себя починъ мѣропріятій, обусловливаемыхъ измѣнившимся настроеніемъ общества и обѣднѣніемъ народа, но не предупредило собственнаго раззоренія, не остановило процессъ перехода дворянскаго землевладѣнія въ руки другихъ со-

словій. Все это, по видимому, должно было внушить ему скромное представленіе о его призваніи, удержать его отъ выступленій, явно не соотвѣтствующихъ его способностямъ и силамъ. Нетрудно, по видимому, было понять, что въ новомъ государственномъ строѣ, съ его преобладающимъ безсословнымъ характеромъ, нѣтъ мѣста для маленькихъ парламентовъ, отстаивающихъ свои партикулярные взгляды и пекущихся о выгодахъ незначительнаго меньшинства, хотя бы онѣ шли прямо въ разрѣзъ съ интересами народной массы. И всетаки псевдо-парламентъ, именуемый, безъ достаточныхъ фактическихъ основаній, съѣздомъ *объединеннаго* дворянства, и на этотъ разъ остался вѣренъ завѣтамъ, всецѣло обращеннымъ къ прошлому, надменно игнорирующимъ или тупо отрицающимъ указанія настоящаго и требованія будущаго.

Само собою разумѣется, что специфически дворянскій съѣздъ — открывшійся, въ добавокъ, три дня спустя послѣ произнесенія А. И. Гучковымъ извѣстной вступительной рѣчи, — не могъ не коснуться вопроса о существующемъ у насъ государственномъ строѣ. „Конституція — чужое, не-русское слово" — воскликнулъ г. Ушаковъ (членъ Государственнаго Совѣта); „говорить въ Россіи такія слова — по меньшей мѣрѣ безтактно" (раздаются возгласы: „это грубо, нахально"). Въ своемъ безпредѣльномъ, стихійномъ усердіи члены съѣзда хватаются даже за соломенку, въ видѣ той статьи свода законовъ („губернаторы суть первые блюстители верховныхъ правъ самодержавія"), которая никогда не имѣла практическаго значенія, а послѣ манифеста 17-го октября потеряла всякую raison d'être и совершенно правильно не внесена въ правительственный проектъ губернской реформы. Составители проекта обвиняются съѣздомъ въ умаленіи правъ монарха— и съ особенною силой это обвиненіе обрушивается на... товарища министра внутреннихъ дѣлъ Крыжановскаго, предсѣдательствовавшаго, во время обсужденія проекта, въ совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Членъ съѣзда, г. Панчулидзевъ, знакомитъ собраніе съ жалобою, поданною имъ, по этому поводу, на г. Крыжановскаго—жалобою, которую въ былое время можно было бы отнести къ сферѣ „первыхъ двухъ пунктовъ". И съѣздъ негодуетъ не противъ г. Панчулидзева, а противъ г. Крыжановскаго...

Предсѣдатель съѣзда — гр. А. А. Бобринскій, членъ Государственной Думы — вноситъ на разсмотрѣніе съѣзда длиннѣйшій обвинительный актъ противъ тридцати семи своихъ товарищей по Думѣ, позволявшихъ себѣ „нападки на объединенное дворянство, помѣщиковъ, капиталистовъ, администрацію, судъ, сенатъ, Государственный Совѣтъ, церковь и самодержавіе". Перенося вопросъ, касающійся только самой Думы и ея президіума, на судъ собранія, безнадежно

партійнаго и понимающаго свободу рѣчи (конечно—съ надлежащими ограниченіями) какъ привилегію дворянскаго сословія, гр. Бобринскій спѣшитъ оговориться, что онъ „отнюдь не посягаетъ на принципы народнаго представительства, а хотѣлъ бы только очистить его отъ скверны и поставить на должную высоту“. И это говоритъ членъ той партіи, изъ среды которой исходитъ все унижающее достоинство Думы, все заслуживающее эпитета, примѣненнаго гр. Бобринскимъ къ политическимъ его противникамъ! И небольшая горсть людей, получившая свои полномочія отъ безконечно малыхъ величинъ, какими представляются теперь дворянскія собранія, рѣшается посягнуть на единственно возможное у насъ, въ настоящее время, проявленіе свободы слова! Почти всѣ, говорившіе по поводу предложенія гр. Бобринскаго, шли еще дальше его, высказываясь, напримѣръ, за воспрещеніе печатать рѣчи лѣвыхъ депутатовъ. Предсѣдателю съѣзда нелегко, по видимому, было провести *сравнительно* мягкую резолюцію, обращающую вниманіе правительства на болѣзнь, которою заражена Дума. „Если черезъ годъ“—читаемъ мы въ отчетѣ о засѣданіи 17-го марта („Рѣчь“, № 75)—„окажется, что правительство ничего не сдѣлало въ этомъ направленіи, то будущій съѣздъ объединеннаго дворянства приметъ свои мѣры“. Что такая угроза не имѣетъ никакого смысла — это съѣздъ оставляетъ безъ вниманія... Вообще третья Дума не пользуется сочувствіемъ съѣзда. Громадное его большинство согласно, по видимому, съ г. Пуришкевичемъ, по мнѣнію котораго Дума „занимается только тѣмъ, что подводитъ мины подъ всѣ устои русскаго государства“.

Нетрудно угадать отношеніе съѣзда къ разнымъ сторонамъ окраиннаго или инородческаго вопроса. Забывая русское народное правило: „лежачаго не бьютъ“, члены съѣзда яростно набрасываются на Финляндію, привѣтствуютъ гг. Дейтриха, Корево и другихъ, какъ „богатырей мысли“ (!), требуютъ выдѣленія выборгской губерніи изъ состава великаго княжества финляндскаго (которое одинъ изъ ораторовъ предлагалъ именовать „такъ называемымъ“ великимъ княжествомъ), признаютъ совершенно неважнымъ вопросъ о порядкѣ (законодательномъ или иномъ), въ которомъ это выдѣленіе должно быть произведено, негодуютъ противъ министерства финансовъ, осмѣливающагося проводить какое-то различіе между русскими и финляндскими губерніями, и апплодируютъ словамъ г. Хотяинцева: „сомнѣваюсь чтобы наши разговоры и даже законодательные акты образумили финляндцевъ. Чтобы финляндцы поняли свое дѣйствительное правовое положеніе, необходимо произвести въ Финляндіи *хорошую военную прогулку*“... Полякамъ западнаго края предлагается „стать русскими“, съ тѣмъ, чтобы въ ожиданіи этой метаморфозы они были совершенно устранены отъ участія въ выборѣ предводителей дворянства—и на вопросъ одного

изъ членовъ съѣзда (кн. Ухтомскаго—чуть ли не единственнаго, по временамъ пытавшагося плыть противъ теченія), что подразумѣвается подъ словами: „стать русскими", дается отвѣтъ: „пусть принимаютъ православіе"... Какіе тезисы по еврейскому вопросу были внесены г. Панчулидзевымъ—объ этомъ можно судить по тому, что даже предсѣдателю съѣзда они показались слишкомъ радикальными, и съѣздъ ограничился принятіемъ резолюціи, подчеркивающей, въ общихъ словахъ, „безусловную необходимость положить предѣлъ дальнѣйшему усиленію іудейскаго засилья и вліянія".

Ошибочно было бы думать, что съѣздъ, столь враждебный всему инородческому, исполненъ добрыхъ желаній по отношенію къ русскому народу. Пробнымъ камнемъ явился здѣсь вопросъ о народномъ образованіи. Не ограничиваясь требованіемъ пересмотра списка книгъ, допускаемыхъ въ народныя училища, библіотеки и читальни—списка, слишкомъ широко, по мнѣнію съѣзда раздвинутаго формализмомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія (!),—не ограничиваясь пожеланіемъ увеличить число инспекторовъ народныхъ училищъ и уменьшить число стипендій, предоставляемыхъ земствомъ крестьянскимъ дѣтямъ, учащимся въ средней школѣ (слишкомъ велико „перепроизводство образованнаго пролетаріата"), съѣздъ рекомендуетъ „воздержаніе отъ расширенія сѣти народныхъ школъ до подготовки кадра желательныхъ дворянству учителей". И когда кто-то робко замѣчаетъ, что это значило бы затормозить народное образованіе, ему кричатъ со всѣхъ сторонъ: „и слава Богу"!

Во всемъ оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, съѣздъ сочувственно выслушиваетъ возраженія противъ вновь проектируемыхъ налоговъ, являющихся „покушеніемъ на дворянскій карманъ", порицаетъ дѣятельность крестьянскаго банка, какъ ведущую къ уменьшенію дворянскаго землевладѣнія, и принимаетъ, въ принципѣ, по истинѣ чудовищную мысль объ обращеніи излишковъ, образовавшихся (въ смутное время) отъ дешевыхъ покупокъ банка, на образованіе благотворительнаго дворянскаго капитала (!). Недоставало только, чтобы съѣздъ поддержалъ предложеніе одного изъ своихъ членовъ о возвращеніи этихъ „излишковъ" продавцамъ, отъ которыхъ земля куплена крестьянскимъ банкомъ по слишкомъ дешевой, будто бы, цѣнѣ...

Не беремся объяснить заключительный эпизодъ засѣданій съѣзда. Кн. Ухтомскій предлагаетъ привѣтствовать дѣятельность правительства, направленную на борьбу съ казнокрадствомъ и лихоимствомъ. „Ни за что!"—кричатъ ему со всѣхъ сторонъ. Кн. Ухтомскій мотивируетъ свое предложеніе, напоминая, между прочимъ, что послѣдняя война проиграна Россіей благодаря лихоимству. „Войну мы проиграли благодаря прессѣ"—кричатъ дворяне. Гр. Бобринскій проситъ позволить

ему коснуться этого вопроса при докладѣ о занятіяхъ съѣзда, но многіе и на это отвѣчаютъ кликами: „ни за что"!—и предложеніе снимается съ очереди...

Такова безотрадная картина, представляемая дворянскимъ съѣздомъ. Самыя ожесточенныя нападки самыхъ ярoстныхъ враговъ дворянства не могли бы принести ему бо̀льшаго вреда, чѣмъ причиняемый имъ самому себѣ. Конечно, множество дворянъ, въ отдѣльности взятыхъ, не имѣютъ ничего общаго съ членами съѣзда; но едва-ли можно отрицать, что общій уровень дворянства, *какъ сословія*, какъ корпораціи, отражается въ преніяхъ и резолюціяхъ съѣзда довольно вѣрно. Напрасны попытки сгладить производимое ими впечатлѣніе; напрасны увѣренія, что съѣздъ не заслуживаетъ насмѣшки, не заслуживаетъ „презрительнаго хихиканья и зубоскальства". Согласиться съ апологетомъ съѣзда [1]) можно развѣ въ томъ, что одной насмѣшкой, говоря о съѣздѣ, ограничиться трудно. Кромѣ смѣха, вызываемаго убожествомъ его потугъ, онъ внушаетъ негодованіе безграничностью претензій, необузданностью сословныхъ аппетитовъ. Одинъ изъ членовъ съѣзда, заканчивая свою рѣчь по финляндскому вопросу, воскликнулъ, переиначивая извѣстную формулу: „pereat mundus—Russia esto"! Хорошо уже и это восклицаніе, не признающее права на существованіе ни за кѣмъ, кромѣ Россіи; но не оно выражаетъ собою настоящее настроеніе съѣзда. Вѣрнѣе было бы охарактеризовать его словами: „пускай погибнетъ міръ, лишь бы только уцѣлѣло, со всѣми своими привилегіями, русское помѣстное дворянство".

К. Арсеньевъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

1 апрѣля 1910.

Готтентотская мораль.—Реакція до- и послѣ-конституціонная.—Эволюція черносотенства.—Доносъ на междупарламентскій союзъ.—Политика и судъ.—Въ чемъ источникъ силы черносотенства?—Герой дня.—Петербургъ и провинція.—Извѣстія самарскаго общества народныхъ университетовъ.—Князь Н. С. Волконскій и А. И. Урсулъ †.

Реакція распоясалась. Люди скинули съ себя всѣ путы этики и стыда и открыто отдались своимъ инстинктамъ. Ѳ. И. Родичевъ, говоря въ Думѣ объ административной ссылкѣ, цифрами и фактами до-

[1]) См. статью: „Въ дворянскомъ собраніи" въ № 12221 „Новаго Времени".

казывалъ, что ссылка уже перестала быть мѣрой „предупрежденія и пресѣченія" и сдѣлалась просто-на-просто мѣрой политической мести. Иллюстрируя свою мысль, онъ обратился къ правымъ скамьямъ съ вопросомъ: „Что бы вы сказали, еслибы правительство сослало всѣхъ избирателей землевладѣльческихъ курій?" Въ ту же минуту па вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ: „Не такъ глупо правительство, чтобы это сдѣлать!" Отвѣтившій ясно показалъ, что отвлеченной правомѣрности и объективизма для него не существуетъ вовсе, что въ его глазахъ единственное мѣрило и единственное оправданіе дѣятельности власти—грубо и эгоистически понимаемая польза. Но тогда — продолжалъ Ѳ. И. Родичевъ — „скажите откровенно: хорошо, когда ссылаютъ нашихъ противниковъ, и скверно, когда ссылаютъ насъ. Это будетъ совершенно согласно съ дѣйствительно властвующимъ въ Россіи порядкомъ, только такой порядокъ диктуется не русскимъ націонализмомъ, а готтентотскимъ".

Какъ не со вчерашняго дня А. И. Гучковъ сталъ, по его словамъ, „убѣжденнымъ приверженцемъ конституціонно-монархическаго строя", такъ не со вчерашняго дня сталъ властвовать у насъ порядокъ, диктуемый готтентотскимъ націонализмомъ и готтентотской моралью. Но едва-ли когда-либо раньше инстинкты настолько полно торжествовали и настолько громко и крикливо заявляли о своемъ торжествѣ. Чѣмъ далѣе наростаетъ „послѣ-конституціонная" реакція, тѣмъ чаще приходитъ на мысль, что ничего подобнаго не было даже въ мрачные годы реакціи восьмидесятыхъ годовъ. Это не ошибка памяти. Тогда былъ, писалъ и властно требовалъ Катковъ. Тогда проповѣдывалъ націоналистическія вожделѣнія Данилевскій. Тогда активно дѣйствовалъ графъ Д. А. Толстой. Тогда взывалъ къ розгѣ и клеветалъ на женскую учащуюся молодежь кн. Мещерскій. Но все это были верхи реакціи. Низы—таились въ тиши. Теперь они выплыли на свѣтъ. Теперь дали волю своимъ инстинктамъ и раздались громко на весь міръ такіе голоса, которые въ то время раздавались, правда, но тутъ же и глохли—въ усадьбахъ прогорѣвшихъ и прогорающихъ помѣщиковъ, за карточными столами въ клубахъ уѣздныхъ городовъ и за лавочными стойками среди деревенскихъ кулаковъ. Какъ ни относиться къ Каткову, но можно ли его сравнить съ десятками полуграмотныхъ публицистовъ „Русскаго Знамени", „Земщины", „Вѣча" и т. д., и т. д., предъявляющими требованія и дающими указанія столь же, если не еще болѣе, властно? Можно ли поставить рядомъ націонализмъ Данилевскаго и націонализмъ Меньшикова, книгу перваго „Россія и Европа" и ежедневныя писанія второго? Какъ ни отвратительны были мечтанія о розгѣ кн. Мещерскаго, но, всетаки, онъ никогда не разрѣшалъ вопроса о карательныхъ мѣрахъ такъ цинично просто, какъ это дѣлаетъ

деп. Марковъ 2-ой: „За мелкія преступленія всыпать по нѣскольку десятковъ розогъ—и дешево, и сердито, и родителямъ пріятно! Тѣлесныя наказанія слѣдуетъ примѣнять, конечно, ко всѣмъ сословіямъ. Тюремныхъ сидѣльцевъ слѣдуетъ заставлять производить механическую работу, привычныхъ преступниковъ кастрировать, а за уголовныя преступленія примѣнять смертную казнь". Какъ невинна, при всей ея возмутительности, была клевета издателя „Гражданина" сравнительно съ клеветою, трижды повторенною съ думской каѳедры деп. Пуришкевичемъ! Если тогда, въ восьмидесятыхъ годахъ, дѣйствовали, не считаясь съ закономъ или съ изумительной легкостью ломая законъ, гр. Игнатьевъ и гр. Толстой, то неужели не оставили ихъ далеко позади Толмачевы, Думбадзе, Камышанскіе, Каульбарсы и безчисленный легіонъ администраторовъ, которымъ центральное правительство переуступило „полноту власти" и которые тѣмъ вѣрнѣе преуспѣваютъ по службѣ, чѣмъ послѣдовательнѣе руководствуются все покрывающимъ принципомъ: „я хочу"?

И, какъ-ни-какъ, но приходится признать, что для всей этой вакханаліи инстинктовъ почву создали новые порядки. Черносотенная реакція начала первые шаги съ лозунга: „долой подлую конституцію!" Она объявляетъ, что и до сихъ поръ вѣрна этому лозунгу и что дѣйствуетъ всегда и во всемъ во имя его. А между тѣмъ, знала ли бы Россія, что есть на свѣтѣ Пуришкевичи, Замысловскіе, Марковы и Дубровины, еслибы не было Думы? Получился изумительный результатъ. Всѣ блага новаго строя оказались къ услугамъ тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые объявляютъ себя его принципіальными противниками, которые ведутъ борьбу за его разрушеніе— и которымъ именно этотъ строй далъ силу. Призванный правительствомъ въ союзники въ дни революціи съ боевою цѣлью, мавръ плотно усѣлся, сразу развалился, положилъ ноги на столъ и теперь неистово ногами стучитъ. „Монархическія организаціи не потерпятъ дальнѣйшихъ посягательствъ на русскій духъ"—заявлялъ въ Думѣ г. Пуришкевичъ по поводу пріѣзда французскихъ парламентаріевъ и, подкрѣпляя заявленіе „честнымъ словомъ", грозилъ, что, въ случаѣ пріѣзда англичанъ, черносотенцы „конкретно покажутъ имъ свои чувства". Г. Марковъ 2-ой съ авторитетомъ и подъ апплодисменты опредѣлялъ значеніе „хорошаго генералъ-губернатора" способностью „повѣсить данное количество вредныхъ людей". Г. Замысловскій, тоже подъ апплодисменты, называлъ государственными преступниками высшихъ агентовъ правительственной власти за то, что въ профессорскихъ курсахъ политехникума основные законы трактуются не въ томъ пониманіи, въ какомъ это ему, г. Замысловскому, угодно.

Гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ, еслибы „разъясненія"

и законъ 3 іюня не открыли передъ ними дверей Государственной Думы, могли акерманскій „земецъ“, курскій дворянинъ-помѣщикъ и виленскій товарищъ прокурора демонстрировать эти дикія мысли и требованія? Кто бы сталъ слушать,—кто бы услышалъ,—постоянныя экскурсіи въ область юриспруденціи г. Тимошкина, говорящаго „рѣчи“ по поводу каждаго юридическаго вопроса, еслибы онъ не былъ „представителемъ отъ русскаго населенія Кавказа?“ Но рѣчи съ думской трибуны, хотя бы г. Тимошкина, еще далеко не все, чѣмъ съ успѣхомъ пользуется въ Думѣ мавръ. „Онъ“ работаетъ въ коммиссіяхъ, „онъ“ прерываетъ ораторовъ, „онъ“ кричитъ—то поощрительныя: „вѣрно“, „правильно“, то повелительныя: „вонъ“, „долой“, „молчи“. И какъ ни больно, какъ ни обидно, но общій фонъ картины Таврическаго дворца составляютъ въ настоящій моментъ именно выступленія мавра. Только отдѣльными свѣтлыми пятнами на этомъ черномъ фонѣ кое-когда вырисовываются выступленія кадетовъ, крайнихъ лѣвыхъ и даже октябристовъ. Мавры не пропускаютъ ни одного засѣданія, чтобы такъ или иначе не повернуть общественное вниманіе въ свою сторону.

Нельзя не удивляться одному: неблагодарности мавра. Впрочемъ, и то сказать: неразуміе—такой же признакъ мавра, какъ невѣжество и дикость. „Земщина“ (№ 242) помѣстила каррикатуру подъ заголовкомъ: „апоѳеозъ парламентскаго строя“. Изображена драка людей, украшенныхъ бородами и морщинами. Подпись заимствована изъ телеграммъ: „Депутаты венгерской палаты бросаются къ министерскимъ кресламъ, хватаютъ тяжелые томы законовъ, избиваютъ ими министровъ, въ которыхъ, кромѣ того, летятъ чернильницы, тетради и проч.“. Чьему сердцу, какъ свидѣтельствуютъ чуть не ежедневно думскіе отчеты, „любезны“ такія сцены? Кто создалъ изъ третьей Думы арену скандаловъ? Когда нашимъ правымъ напоминаютъ первую Думу, они отвѣчаютъ: „первая Дума—была одинъ сплошной скандалъ“. Что первая Дума, подъ угломъ зрѣнія мавра, представляла собой, по содержанію господствовавшихъ въ ней надеждъ и идеаловъ, „сплошной скандалъ“ — объ этомъ спорить не будемъ. Но пюпитровъ тамъ не ломали, съ кулаками другъ къ другу не подбѣгали, и если слѣва былъ произведенъ шумный безпорядокъ, то за всѣ 72 дня только однажды. „Земщина“ предвѣщаетъ, что и у насъ будутъ бить министровъ. Пока этого еще не было. Но легко себѣ представить, до чего дошли бы въ своей дикости правыя думскія скамьи, еслибы вдругъ у власти оказались прямо антипатичные имъ люди.

Съ еще большимъ успѣхомъ использовала черносотенная реакція тѣ блага новаго строя, выраженіемъ которыхъ служитъ гражданская свобода. Наша ползущая контръ-революція отвергаетъ представительство не вполнѣ. Она отвергаетъ только законодательныя права Думы. Но гражданской свободы—свободы слова, совѣсти, собраній, союзовъ—она не допускаетъ вовсе. Политическаго самоопредѣленія гражданъ и политическихъ партій, по мысли зовущихъ назадъ, къ „исконнымъ началамъ", быть не должно, какъ не было до „подлой конституціи". А нѣтъ города, гдѣ бы не было отдѣла „союза русскаго народа". Въ Петербургѣ есть главный совѣтъ одного черносотеннаго союза и главная палата — другого. Въ Москвѣ — цѣлый рядъ то объединяющихся, то раздробляющихся монархическихъ организацій.

Партійная жизнь у отвергающихъ политическую партійность установилась и съ каждымъ днемъ все глубже пускаетъ корни. Въ нее входятъ и оффиціальные представители власти, даже такіе, которые, какъ генералъ Думбадзе, по своему служебному положенію не имѣютъ права принадлежать къ политическимъ партіямъ. Въ Одессѣ командующій войсками, генералъ Каульбарсъ, тоже военный и тоже, въ силу закона, не имѣющій права принадлежать къ политическимъ партіямъ, носилъ званіе почетнаго предсѣдателя союза русскаго народа и по этому званію, за оказанныя союзу „громадныя заслуги", пользовался даровой ложей въ театрѣ, за которую городъ уплачивалъ антрепренеру полторы тысячи рублей въ годъ. Едва пріѣхалъ преемникъ генерала Каульбарса, къ нему явилась депутація отъ союза и предложила быть почетнымъ предсѣдателемъ. Сославшись на законъ, генералъ Зарубаевъ отказался—т. е. сдѣлалъ то, что повелѣвалъ ему законъ, — и этотъ отказъ не только съ удивленіемъ былъ принятъ союзниками, но повлекъ за собою „упраздненіе" даровой ложи для командующаго войсками. Вездѣ и всюду красуются, на чайныхъ и на читальняхъ, вывѣски „союза русскаго народа"; союзъ имѣетъ особый знакъ и партійные органы печати; у него есть цѣлая іерархія должностныхъ лицъ, которыя сносятся между собою и съ представителями власти на особыхъ бланкахъ — словомъ, имѣется совершенно законченная партійная организація.

Черносотенцы чистокровные—„союзъ русскаго народа"—оправдываютъ для себя готтентотское пользованіе свободой партійной жизни скромнымъ утвержденіемъ, что они не партія, а весь русскій народъ. Но націоналисты уже отъ всякихъ фикцій отказались. Эта новая форма черносотенства, которой, пожалуй, предстоитъ затмить славу „истинно-русскихъ людей", не только ничѣмъ себя, какъ партію, не прикрываетъ, но считаетъ за собою право быть партіей, такъ сказать, универсальной, единственной допустимой въ государствѣ. А. И. Гуч-

ковъ въ рѣчи при обсужденіи смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ говорилъ, что „верховная власть должна быть безпартійна“ и что „всѣ органы низшей администраціи должны стоять внѣ политическихъ партій“. Еще недавно эти слова могли вызвать справа развѣ что упрекъ въ банальности. Теперь они привели нововременскаго іудушку въ ярость. „Безпартійность верховной власти“ — завопилъ онъ—это „масонско-хитрый лозунгъ“, „іезуитскій софизмъ“, „величайшій абсурдъ“, придуманный только для того, чтобы обезоружить и обезсилить власть. Въ противовѣсъ онъ развилъ теорію, сущность которой „Рѣчь“ вѣрно резюмировала слѣдующими двумя положеніями: „Націоналисты должны освободить власть отъ всякихъ принципіальныхъ стѣсненій. Власть должна помнить, что нѣтъ государства, кромѣ государства, и что націоналисты — его пророки“. Власть — писалъ г. Меньшиковъ—можетъ стоять внѣ партій только въ томъ смыслѣ, что она — „сама партія“. „Болтаютъ — продолжалъ онъ — на всѣхъ перекресткахъ, что офицеры и чиновники должны быть внѣ политики. Какой опасный вздоръ! Если слуги государства должны быть внѣ политики, стало быть они могутъ быть къ услугамъ всякой партіи, захватившей власть? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! И офицеры, и чиновники обязаны принадлежать къ политикѣ монарха“... Конечно, эти не столько разсужденія, сколько выкрики, похожи на бредъ душевнобольного. Но нельзя быть черезчуръ строгимъ: легко ли выкручиваться, оправдывая готтентотскую мораль?

Использовавъ въ полной мѣрѣ „свободу“ слова и создавшійся порядокъ легализаціи обществъ, союзовъ и партій, продолжая ими неуклонно пользоваться, наши реакціонеры и въ мысляхъ не допускаютъ, чтобы могла существовать не однобокая гражданская свобода. Въ случаѣ малѣйшаго „попустительства“ со стороны правительства, они поднимаютъ крикъ и пишутъ доносы. Думскія фракціи крайнихъ правыхъ и націоналистовъ даже внутри стѣнъ Таврическаго дворца не гнушаются сочинять извѣты и составлять „доносительныя письма“, взывая къ исполнительной власти, чтобы она отнюдь и ни въ какомъ отношеніи не считала стѣны законодательнаго учрежденія недосягаемой для себя крѣпостью,—конечно, поскольку эти стѣны укрываютъ не ихъ, монополистовъ „конституціонныхъ“ благъ.

Верхъ утраты стыда обнаружили правыя фракціи въ доносѣ на междупарламентскій союзъ. Ихъ готтентотство возмутила разосланная всѣмъ членамъ Думы повѣстка, въ которой „предсѣдатель совѣта русской группы междупарламентскаго союза Ефремовъ доводилъ до свѣдѣнія, что во вторникъ, 2-го марта, въ 9 часовъ, въ кабинетѣ пред-

сѣдателя Государственной Думы, состоится засѣданіе русской группы междупарламентскаго союза для избранія совѣта группы и двухъ ея представителей въ центральный совѣтъ союза, засѣданіе котораго имѣетъ быть въ Брюсселѣ 8-го (21-го) марта 1910 г.". Они заглянули въ столь дорогія для нихъ правила объ обществахъ и обратились къ министру юстиціи съ „ходатайствомъ", во-первыхъ, возбудить уголовное преслѣдованіе „противъ участниковъ преступнаго сообщества, именующаго себя русской группой междупарламентскаго союза", во-вторыхъ—„принять мѣры къ пресѣченію преступнаго сборища", т.-е., по просту говоря, ввести въ Таврическій дворецъ полицію и членовъ Думы изъ кабинета предсѣдателя разогнать. „Мы — доносили націоналисты и правые — не можемъ оставаться равнодушными къ тому, что въ стѣнахъ одного изъ высшихъ государственныхъ учрежденій, въ кабинетѣ предсѣдателя Государственной Думы, происходитъ запрещенное закономъ сборище". „Мы—продолжали они—не можемъ быть равнодушными къ тому, что нѣкоторые члены Думы, во главѣ съ ея предсѣдателемъ, остаются, благодаря своему высокому положенію, безнаказанными за то преступленіе, которое людей, не имѣющихъ высокаго положенія, безусловно привело бы на скамью подсудимыхъ". Даже „Россію" смутило это безстыдство.

Въ области правительственной дѣятельности готтентотская мораль особенно рельефно выражается въ судебномъ господствѣ надъ закономъ того, что именуется то политической необходимостью, то государственностью, и что представляетъ собою только для виду облагораживаемое рогатыми силлогизмами, одинаково полное отрицаніе объективизма. Г. Замысловскій цитировалъ въ Думѣ слѣдующія строки изъ курса профессора Н. А. Гредескула: „Сенатъ можетъ проявлять нѣкоторую безпристрастность и независимость, но должно сказать, что въ дѣлахъ важныхъ, когда примѣшиваются политическія какія-нибудь соображенія, то и сенатъ правосудія не даетъ. Яркимъ примѣромъ можетъ служить извѣстное дѣло одесскаго градоначальника Нейдгардта". Эта цитата была приведена г. Замысловскимъ съ доносительной цѣлью. Но развѣ не безспорная истина въ ней заключена? Развѣ не пошла дѣйствительность даже дальше, чѣмъ писалъ проф. Гредескулъ? Онъ говорилъ о сенатѣ административномъ. А развѣ мало далъ и сенатъ кассаціонный яркихъ примѣровъ правосудія, склоняющагося передъ „политическими соображеніями"?

Общественная способность реагировать на то, что проходитъ передъ глазами, притупилась. Мы давно уже не слѣдимъ за извѣстіями, гдѣ и сколько людей ежедневно вѣшаютъ. Мы забываемъ самые ужасные факты съ поразительной легкостью. Бить головой въ стѣну—занятіе, которое не можетъ быть продолжаемо безконечно. Но пройдутъ года,

десятки лѣтъ, и юристъ, всетаки, со стыдомъ будетъ вспоминать „толкованія“ объ „участіи въ соучастіи“ по дѣлу несчастнаго А. А. Лопухина, томящагося въ ссылкѣ за непреступное по русскимъ законамъ дѣяніе, или объ участіи въ распространеніи выборгскаго воззванія со стороны тѣхъ, кто его не распространялъ. Онъ со стыдомъ будетъ вспоминать, какъ поворотилъ дышло закона сенатъ, чтобы обезпечить безопасность для Азефовъ, или чтобы дать возможность отомстить первымъ избранникамъ народа пожизненнымъ отнятіемъ отъ нихъ политическихъ правъ. А тѣ, кто мстятъ, кто пользуются правосудіемъ, какъ политическимъ средствомъ—они въ сторонѣ. Они умываютъ руки, они не устаютъ говорить о недосягаемой для политики „храминѣ правосудія“.

„Начало несмѣняемости судей никогда не нарушалось“—говорилъ въ Думѣ товарищъ министра юстиціи, А. Н. Веревкинъ. На другой же день А. В. Витте напечаталъ отвѣтъ на его слова. „5-го января 1906 г.—напомнилъ г. Витте—командующій войсками сибирскаго военнаго округа ген. Сухотинъ на основаніи военнаго положенія распорядился по телеграфу устранить меня на все время дѣйствія военнаго положенія отъ должности предсѣдателя томскаго окружнаго суда и предложилъ мнѣ въ 48 часовъ выѣхать изъ Сибири, грозя въ случаѣ промедленія примѣнить ко мнѣ силу. Прибывъ 14 января въ Петербургъ, я тутъ, къ своему изумленію, узналъ, что уже 11 января состоялось мое увольненіе отъ службы безъ прошенія“. Все это прекрасно извѣстно А. Н. Веревкину—писалъ въ „Рѣчи“ (№ 59) А. В. Витте — „и въ недавней бесѣдѣ со мной онъ не отрицалъ, что мое увольненіе со службы состоялось внѣ законнаго порядка, помимо дисциплинарнаго присутствія правительствующаго сената“. „Какъ же послѣ этого—спрашивалъ авторъ отвѣта—хватило у А. Н. Веревкина смѣлости съ высоты думской трибуны, отъ имени правительства объявить urbi et orbi, что начало несмѣняемости *никогда* не нарушалось“? Г. Витте, вѣроятно, забылъ лозунгъ: „не запугаете!“. Сказано это было по адресу бомбистовъ, а теперь повторяется по адресу кого и чего угодно.

Въ Тамбовѣ судился и присужденъ особымъ присутствіемъ палаты къ заключенію въ крѣпость на десять мѣсяцевъ бывшій членъ второй Государственной Думы, мѣстный крестьянинъ, А. Е. Киселевъ. Признанъ онъ виновнымъ по двумъ обвиненіямъ. Первое состояло въ томъ, что въ 1907-мъ году, будучи членомъ Думы, онъ написалъ частное письмо выборщику-крестьянину одного съ нимъ уѣзда, при чемъ изложилъ свои впечатлѣнія о дѣятельности Думы и объ общемъ политическомъ положеніи и просилъ извѣстить его о настроеніи и сужденіяхъ односельчанъ. Второе — въ томъ, что онъ тогда же прислалъ

редактору газеты, издающейся въ Козловѣ, рукописный текстъ рѣчи, сказанной имъ въ Государственной Думѣ по земельному вопросу, съ просьбою рѣчь напечатать и номеръ газеты разослать всѣмъ выборщикамъ. Просьбы этой редакторъ не исполнилъ, и рукопись въ теченіе двухъ лѣтъ мирно пролежала въ ожиданіи возврата. Какъ трудовикъ по убѣжденіямъ и по партійной принадлежности, А. Е. Киселевъ и написалъ письмо, и говорилъ въ Думѣ въ „возбуждающихъ“ тонахъ.

Но суть дѣла не въ содержаніи инкриминируемыхъ документовъ. Съ юридической точки зрѣнія важно то, что въ обоихъ случаяхъ палата признала наличность состава 128-ой и 129-ой ст. угол. уложенія. Законъ, какъ въ одной, такъ и въ другой изъ этихъ статей, съ недопускающей сомнѣній ясностью выдвигаетъ три признака: публичный характеръ дѣянія, намѣреніе виновнаго распространить „возбуждающее“ сочиненіе и фактически послѣдовавшее его распространеніе. Такимъ образомъ, первое обвиненіе должно было бы пасть потому, что дико, казалось бы, подводить частное письмо подъ понятіе „сочиненія“, написаннаго съ цѣлью публичнаго распространенія. А второе—потому, что даже „объединенные“ дворяне пока еще не формулировали вожделѣнія, направленнаго противъ распространенія думскихъ рѣчей лѣвыхъ ораторовъ. Но допустимъ, что палата въ этомъ отношеніи стремилась предвосхитить вожделѣнія гг. „объединенныхъ“. И, всетаки, слѣдовало примѣнить ст. 132, только тѣмъ и отличающуюся отъ ст. 128-ой и 129-ой, что для ея состава требуется, дабы цѣль распространить сочиненіе или изображеніе не получила осуществленія. И зачѣмъ, спроситъ юристъ, неискушенный въ тонкостяхъ россійскаго „разъяснительнаго“ правотворчества, понадобилось примѣнять ко второму „дѣянію“ г. Киселева ст. 128-ю и 129-ю, когда и на основаніи ст. 132-ой ему могло быть назначено то же наказаніе и на тотъ же срокъ? А вотъ зачѣмъ: по отбытіи срока лишенія свободы онъ тогда вышелъ бы полноправнымъ гражданиномъ, а теперь для него навсегда закрыта общественно-политическая дѣятельность.

Въ одинъ день съ дѣломъ А. Е. Киселева тамъ же, въ Тамбовѣ, разсматривалось дѣло нѣкоего становового пристава, обвинявшагося въ длинномъ рядѣ присвоеній и растратъ. Въ 1905 и 1906 гг. онъ въ отношеніи передачи по назначенію всякаго рода поступавшихъ къ нему суммъ, систематически бастовалъ, и „набастовалъ“ нѣсколько тысячъ рублей, преимущественно казенныхъ платежей крестьянъ и мелкихъ торговцевъ. Онъ фактовъ не отвергалъ и оправдывался тѣмъ, что въ годы революціи ему было не до сдачи денегъ,—на это у него не хватало времени, — и что тогда ему приходилось на борьбу съ крамолой очень много тратить. Но на полученіе денегъ времени у

него, очевидно, было достаточно; въ чемъ состояли его личныя траты на розыскъ и преслѣдованіе крамольниковъ, онъ разсказывалъ весьма туманно. Прокуроръ поддерживалъ обвиненіе совершенно формально. Послѣднее свое слово подсудимый построилъ на томъ, что онъ былъ вѣрнымъ слугой правительству и страдаетъ „за правду". Палата его оправдала...

На чемъ базируется если не сила реакціи, то сила криковъ, которыми оглашаютъ воздухъ ея общественные выразители, выдающіе себя за вдохновителей? Чѣмъ объяснить, что такой человѣкъ, какъ г. Пуришкевичъ, — свободный отъ всякаго нравственнаго багажа и обладающій совершенно ничтожнымъ багажемъ умственнымъ,—позволяетъ себѣ лить ушаты грязи на все, что не отвѣчаетъ его хотѣніямъ? Почему его—правда, съ отвращеніемъ—но слушаютъ? Почему къ дикимъ выходкамъ бессарабскаго депутата не относятся съ молчаливымъ презрѣніемъ? Почему онѣ возмущаютъ, заставляютъ волноваться?

Въ харьковской газетѣ „Утро" (№ 997) мы прочли слѣдующую замѣтку: „Въ „Русскомъ Знамени" напечатано письмо студента военно-медицинской академіи Сопоцько. Письмо адресовано военному министру Сухомлинову и наполнено сплошной бранью противъ Л. Н. Толстого. Сопоцько требуетъ, чтобы изъ академической читальни былъ убранъ бюстъ Толстого: „двѣнадцать студентовъ поклялись разбить проклятый идолъ; поклявшіеся увѣрены, что свыше ихъ поступокъ и рѣшеніе будутъ одобрены". Развѣ двѣнадцать невѣдомыхъ студентовъ, съ столь же невѣдомымъ Сопоцько во главѣ, не правы въ своей увѣренности? Крикуны университетскіе, литературные, думскіе, дворянскіе и изъ союзническихъ чайныхъ отлично знаютъ, что бьютъ въ тонъ завѣтныхъ желаній „свыше" — и въ этомъ ихъ сила. Основа ихъ криковъ—лесть и пресмыкательство передъ властью. Они льстятъ и пресмыкаются не по шаблонной формулѣ: „чего изволите". Нѣтъ, они говорятъ, пишутъ и кричатъ какъ будто самостоятельно, они требуютъ въ грубой формѣ, они бранятся. Возьмите думскія рѣчи, возьмите писанія Меньшикова. Пуришкевичи, Замысловскіе, Меньшиковы гораздо чаще негодуютъ на власть, чѣмъ восторгаются ею. Но они берутъ на себя иниціативу выраженія тѣхъ желаній, выражать которыя непосредственно представителямъ власти и неудобно, и зазорно. Они—тотъ готовый, лишенный всякаго стыда, щитъ, за которымъ можно укрыть видимость чистоты. Удобно ли военному министру отдать по своему почину приказъ, чтобы былъ убранъ бюстъ Толстого? Другое дѣло—быть вынужденнымъ уступить клятвѣ двѣнадцати вѣрнопреданныхъ студентовъ. „Студенты" потребовали! „Студенты" поклялись разбить „проклятый идолъ"! „Народъ" тре-

буетъ гоненій на евреевъ, „народъ" желаетъ раздавить Финляндію, „народъ" кричитъ: „Россія для русскихъ", народъ взываетъ къ висѣлицѣ—„народъ", „независимая" печать, Дума...

Чего нельзя отдать за возможность имѣть такой щитъ?.. А къ тому же культивируя однобокую свободу, власть создала для себя гипнозъ, что „объединенные" дворяне — дѣйствительно все русское дворянство, что Дума третьяго созыва есть народное представительство, что народъ изъ чайныхъ есть русскій народъ. При открытіи дворянскаго съѣзда, членъ Государственнаго Совѣта Ушаковъ, по поводу рѣчи А. И. Гучкова, говорилъ: „Конституція—слово нерусское. Народъ и не произнесетъ его; крестьянинъ поперхнется имъ и выплюнетъ" („Русское Слово"). Трудно думать, чтобы г. Ушаковъ—недавній земскій начальникъ—вѣрилъ въ правдивость своего фантастическаго утвержденія. Онъ видѣлъ, какъ проходили выборы въ первую и вторую Думу. Онъ знаетъ, почему закономъ 3-го іюня крестьянское участіе въ выборахъ низведено почти-что къ нулю. И тѣ, кому онъ говорилъ это, тоже не могли повѣрить. Но тѣ, *для кого* былъ сказанъ явный вздоръ, повѣрить могли. Такъ легко вѣровать въ то, во что хочется вѣрить!..

Какія побужденія заставляютъ черносотенство пресмыкаться? Прежде всего, думаемъ, натура, родственная одному изъ сыновей Ноя. Затѣмъ—послѣдняя надежда закрѣпить за собою привилегированное положеніе. Нѣтъ недостатка и въ личныхъ выгодахъ. Формула „Россія для русскихъ" уже дала весьма пріятные результаты. То, что дѣлалось до сихъ поръ изъ-подъ руки, возводится въ систему. „Интендантство—говорилъ въ Думѣ главный интендантъ—заботясь о томъ, чтобы поставка обходилась дешевле, не должно, однако, считать себя какимъ-то отвлеченнымъ интендантствомъ, не должно забывать, что оно интендантство русской арміи". Эти слова были сказаны въ отвѣтъ на соображенія докладчика, который находилъ особенно „неудачной" отдачу заготовокъ „безъ торговъ, подъ видомъ благотворительныхъ учрежденій, различнымъ политическимъ организаціямъ по цѣнамъ выше нормальныхъ".

Психологія г. Пуришкевича вмѣщаетъ въ себѣ общія психологическія черты нашего черносотенства. Но для него есть и спеціальный плюсъ: онъ герой. Правда, герой скандала и самыхъ низменныхъ инстинктовъ. Не все ли равно!.. Одни называютъ его неврастеникомъ и психопатомъ, другіе—шутомъ, третьи—провокаторомъ. Во всемъ этомъ есть доля правильной характеристики, но нѣтъ главнаго. Четырехмѣсячная „работа" г. Пуришкевича во второй Думѣ и двухлѣтняя—въ третьей была сплошнымъ стремленіемъ во что бы то ни стало сдѣлаться героемъ, обратить на себя всеобщее вниманіе и заставить о

себѣ говорить. Теперь онъ этого въ полной мѣрѣ достигъ... И онъ дѣйствуетъ, какъ герой на вершинѣ славы, которому все можно, все позволительно. Онъ не только распоясался. Онъ раздѣлся и щеголяетъ своей наготой, какъ передъ чужими, такъ и передъ своими. Совѣщаніе Государственной Думы, получивъ его прошеніе объ отпускѣ на время домашняго ареста, признало, что разрѣшеніе прошенія должно принадлежать Думѣ. Въ отвѣтъ г. Пуришкевичъ прислалъ письмо, въ которомъ, какъ передавали газеты, „съ обычными своими прибаутками и не всегда удобными къ печати выраженіями, сообщалъ, что половину срока ареста уже отсидѣлъ безъ разрѣшенія Думы и съ разрѣшеніемъ совѣщанія не желаетъ считаться". И совѣщаніе молча проглотило оскорбленіе. Новый предсѣдатель, А. И. Гучковъ, та́къ и въ такой моментъ засѣданія огласилъ письмо, что большая часть членовъ Думы впервые узнала о немъ на другой день, изъ газетъ. Къ открытію дворянскаго съѣзда г. Пуришкевичъ прислалъ телеграмму, „которую предсѣдатель не нашелъ возможнымъ огласить, въ виду ея крайне неприличнаго содержанія". Сообщеніе предсѣдателя вызвало общій смѣхъ. Ни неприличіе телеграммы, ни общій смѣхъ не помѣшали, однако, тому, что послѣдующіе дни съѣзда были тріумфомъ именно для него, г. Пуришкевича.

Г. Пуришкевичъ, дѣйствительно, герой дня. Публика не столько ходитъ въ Думу, сколько „на Пуришкевича". Пріѣзжіе въ Петербургъ уходятъ изъ Думы неудовлетворенными, если имъ не удалось видѣть и слышать г. Пуришкевича. Если судьба не была къ нимъ такъ жестока, они прежде всего говорятъ: „видѣли, слышали!"—и петербуржецъ уже знаетъ—кого. Любой номеръ любой газеты поминаетъ его и въ передовицѣ, и въ хроникѣ, и въ фельетонѣ. По деревнямъ кличку „Пуришкевичъ" даютъ телятамъ и жеребятамъ. „Пуришкевичемъ" бранятся. Его имя стало нарицательнымъ. Его презираютъ, но имъ и гордятся. „Гордимся вами,—привѣтствовали его студенты-академисты изъ Кіева,—дѣйствительнымъ представителемъ интересовъ той части студенчества, которая еще не запускала рукъ въ товарищескій сундукъ". По истинѣ успѣхъ безпримѣрный!.. И г. Пуришкевичъ—герой властный. Онъ пишетъ выговоры губернаторамъ и прокурорамъ. По одному его слову ген. Думбадзе отмѣняетъ назначенную высылку. Судебный приговоръ на мѣсяцъ въ тюрьму, состоявшійся въ порядкѣ частнаго обвиненія, для него замѣняется недѣльнымъ домашнимъ арестомъ. Его имя—подъ особой охраной. За упоминаніе о немъ на публичной лекціи полиція останавливаетъ лектора. Кто встрѣчалъ его на улицѣ, тотъ видѣлъ, какъ онъ требуетъ дороги, какъ покрикиваетъ на городовыхъ.

Главный объектъ геройскихъ выступленій г. Пуришкевича—высшія

учебныя заведенія. Тутъ онъ изощряется во всю. Гадко повторять его безобразную лживую инсинуацію на студенчество петербургскаго университета—и мы воспроизводить ее не будемъ. Мы отмѣтимъ только ту сдержанность зрѣлыхъ людей, съ которой студенты отнеслись къ инсинуаціи. Студенты были сдержанны. Правительство отвѣтило на сдержанность исключеніями.

Печальный итогъ „конституціи", если ею возведенъ въ герои г. Пуришкевичъ! Подведя итогъ внутренней политикѣ правительства, А. И. Гучковъ говорилъ: „Мы ждемъ!". Не поздно ли?!.. Не услышитъ ли октябризмъ роковое: „Прочь съ дороги! Ты сдѣлалъ свое дѣло и долженъ уйти!"... „Новое Время" перомъ г. А. Столыпина еще что-то пытается спасти. Но перомъ г. Меньшикова оно уже возвѣщаетъ грядущую окончательную побѣду ненасытныхъ инстинктовъ... „Политика правительства—говорилъ въ Думѣ В. А. Маклаковъ—убиваетъ всѣ надежды на лучшее будущее, убиваетъ иниціативу, создаетъ нездоровую атмосферу, когда люди начинаютъ мечтать о чудесахъ и катастрофахъ". Въ эту „нездоровую" атмосферу общественная мысль вталкивается все глубже и дальше...

Къ числу неожиданныхъ и едва ли кѣмъ предусмотрѣнныхъ слѣдствій нашей „конституціи" нельзя не отнести одного весьма оригинальнаго явленія. Общественность, во всѣхъ ея проявленіяхъ, гораздо болѣе замерла сейчасъ въ Петербургѣ, чѣмъ въ провинціи. Мы положительно убѣждены, что такое утвержденіе, по крайней мѣрѣ для данной минуты, не парадоксъ. Уже Москва менѣе охвачена апатіей, что наглядно показалъ пріемъ пріѣзжавшихъ французовъ. Провинція же, при всей ея задавленности извнѣ, всетаки еще таитъ и жажду общественной дѣятельности, и надежды, которыя Петербургомъ утрачены. Прежде провинціалы, чтобы въ общественномъ смыслѣ освѣжиться, пріѣзжали въ Петербургъ. По привычкѣ они пріѣзжаютъ и теперь. Но, въ сущности, петербуржцу, чтобы хоть нѣсколько освободиться отъ гнетущаго пессимизма, теперь надо ѣздить въ провинцію. Тамъ можно отдохнуть отъ зазываній въ національный клубъ и въ русское собраніе. Тамъ можно во-очію убѣдиться, какъ количественно и качественно ничтожны выдаваемые за весь русскій народъ миѳическіе черные милліоны. Тамъ, въ каждомъ губернскомъ городѣ, можно увидѣть общественныя начинанія и людей, дѣлающихъ маленькое дѣло, но дѣлающихъ его идейно, съ любовью.

Интеллигентныя силы провинціи отдаются въ настоящее время заботамъ о просвѣщеніи народныхъ массъ. Вездѣ — гдѣ они уцѣлѣли отъ бдительности начальства—старательно поддерживаются возникшіе

въ „дни свободы“ библіотеки, народные университеты, курсы и просвѣтительныя общества разныхъ наименованій. Съ громадными хлопотами устраиваются публичныя лекціи. И надо видѣть, что представляетъ собою лекція пріѣзжаго профессора, публициста или общественнаго дѣятеля въ мало-мальски незахудаломъ городѣ. Это—цѣлое событіе, успѣшно конкуррирующее съ такими традиціонными для провинціи событіями, какъ пріѣздъ моднаго пѣвца или прославленнаго престидижитатора. Аудиторія всегда набита биткомъ. Сюда сходятся чиновники, купцы, педагоги, рабочіе, приказчики, женщины въ платкахъ и дамы въ огромныхъ шляпахъ. Послѣ лекціи ея тема долго продолжаетъ служить предметомъ толковъ и споровъ.

Кое-гдѣ дѣло настолько развилось и окрѣпло, что оказалась потребность расширить его рамки за предѣлы стѣнъ аудиторіи. Въ Самарѣ, гдѣ особенно энергично работаетъ мѣстное общество народныхъ университетовъ, появился спеціальный печатный органъ. Передъ нами первый номеръ „Извѣстій общества“. „При помощи журнала, — объясняетъ редакція,—мы будемъ въ теченіе года своевременно извѣщать нашихъ читателей о всѣхъ главныхъ явленіяхъ въ текущей жизни университета, о работѣ отдѣльныхъ его отраслей и учрежденій, каковы: библіотеки, дѣтскій садъ, общеобразовательные курсы и лекціи и т. д., о могущихъ возникнуть въ теченіе года новыхъ предпріятіяхъ, о результатахъ дѣятельности аналогичныхъ нашей организацій въ другихъ городахъ Россіи и за границей, словомъ — давать возможно полную картину всего хода общественной работы по народному просвѣщенію“. Съ другой стороны, редакція ставитъ себѣ задачей „посильное участіе“ въ просвѣтительной работѣ мѣстнаго университета вообще. „Этому—пишетъ она—будутъ служить свѣдѣнія о новыхъ книгахъ, особенно пригодныхъ для самообразованія, справки по интереснымъ и полезнымъ для нашихъ читателей вопросамъ и особенно печатаніе рефератовъ о лекціяхъ, читанныхъ въ нашихъ аудиторіяхъ“.

Отъ души желаемъ полнаго успѣха новому изданію.

Почти одновременно скончались члены Государственной Думы: князь Николай Сергѣевичъ Волконскій и Алексѣй Ивановичъ Урсулъ. Оба почившіе были земцами — не въ нынѣшнемъ, а въ прежнемъ, „до-конституціонномъ“ смыслѣ понятія. Дѣятельность перваго принадлежала рязанской губерніи, второго—воронежской. Оба были участниками ноябрьскаго земскаго съѣзда 1904 г., и подписи обоихъ стоятъ подъ извѣстными, принятыми тогда, резолюціями. По политической номенклатурѣ оба были октябристами. Князь Н. С. Волконскій былъ

членомъ не только третьей, но также первой Думы. Своеобразный ораторъ, онъ часто говорилъ съ думской трибуны. Работа А. И. Урсула почти цѣликомъ проходила въ коммиссіяхъ. Съ исключительнымъ единодушіемъ отнеслась къ памяти покойныхъ вся печать. Сочувственные некрологи ярко обрисовали особенно князя Н. С. Волконскаго. Дѣйствительно, это былъ такой человѣкъ, передъ могилой котораго невольно забываются различія воззрѣній и убѣжденій. Какъ у политическаго дѣятеля, у него и при жизни могли быть противники, но не могло быть враговъ. Ибо могутъ ли быть враги у того, чья дѣятельность всегда неизмѣнно характеризовалась кристальной чистотой и искренностью, въ связи съ смѣлостью и прямотой?

С. А. Муромцевъ кстати напомнилъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 45) одинъ эпизодъ, оставшійся навѣрное въ памяти участниковъ ноябрьскаго земскаго съѣзда 1904-го года. На второй день, 7 ноября, обсуждался основной вопросъ о конституціи, или, какъ тогда говорили, объ участіи народнаго представительства въ законодательной власти. Уступая настояніямъ Д. Н. Шипова, бюро проектировало уклончивый отвѣтъ, въ которомъ конституція намѣчалась для неопредѣленнаго будущаго, а для настоящаго—единеніе царя съ народомъ на почвѣ законосовѣщательнаго представительства. Разгорѣлись жаркія пренія. За конституцію говорили И. И. Петрункевичъ, покойный Н. А. Карышевъ и рядъ другихъ ораторовъ. Но о рѣшеніи, къ которому придетъ съѣздъ, еще приходилось гадать: оно не чувствовалось. Въ рѣчахъ было слишкомъ много аргументовъ, доводовъ, полемики. Всталъ угрюмый съ виду князь Н. С. Волконскій и съ обычными для него отрывистостью и какъ бы угловатостью рѣчи сказалъ въ двухъ словахъ, что необходимость участія въ законодательной власти составляетъ непоколебимое убѣжденіе цѣлой группы вмѣстѣ съ нимъ сидящихъ членовъ съѣзда. „Какъ это часто бываетъ,— справедливо писалъ С. А. Муромцевъ, — простое, краткое слово, сказанное отъ сердца, дѣлаетъ болѣе, чѣмъ самыя красивыя рѣчи. Такъ сталось тогда и со словами князя Н. С. Волконскаго. Многимъ почувствовалось, что свершился рѣшающій моментъ засѣданія"...

Кн. Н. С. Волконскій былъ одинаково искрененъ и смѣлъ какъ въ правую сторону, такъ и въ лѣвую. Мы не сомнѣваемся, что въ настоящую минуту всѣ первые избранники народа — члены первой Думы—вспоминаютъ о немъ съ уваженіемъ. Но тогда, въ тѣ короткіе весенніе и лѣтніе дни 1906-го года, къ его рѣчамъ съ каѳедры лѣвые кадеты и трудовики относились съ предвзятымъ недовѣріемъ и, случалось, провожали его смѣхомъ. Что дѣлать! Въ тѣ дни они не знали, что есть въ Россіи Пуришкевичи, Марковы, Крупенскіе, Замысловскіе, Бобринскіе и т. д., и т. д.—или, вѣрнѣе, не хотѣли знать. Въ пер-

вой Думѣ, за отсутствіемъ настоящихъ „зубровъ“, лѣвое большинство считало „зубрами“ графа Гейдена и князя Волконскаго—за ихъ титулы, за отрицательное отношеніе къ немедленной перестройкѣ производственныхъ отношеній, за то, что они открыто и смѣло возвышали голосъ, какъ землевладѣльцы... Тяжелымъ испытаніемъ была первая Дума и для графа Гейдена, и для кн. Н. С. Волконскаго. Во второй Думѣ ни тотъ, ни другой не были. До третьей—графъ Гейденъ не дожилъ. Князь Волконскій работалъ въ ней, въ руководящей партіи, два съ половиной года. Со спокойной ли душой онъ сошелъ въ могилу—онъ, „непоколебимо убѣжденный“ конституціоналистъ? Онъ „ждалъ“ задолго до Думы, задолго до торжества послѣ-конституціонной реакціи...

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ Комитета Литературнаго Фонда.

Литературный Фондъ съ самаго своего основанія считалъ себя обязаннымъ оказывать поддержку недостаточнымъ литераторамъ и ученымъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія ихъ дѣтей. Въ послѣднее время онъ расходовалъ около 4-хъ тысячъ руб. въ годъ на стипендіи и на взносъ платы на разныя высшія и среднія учебныя заведенія; кромѣ того располагалъ нѣкоторымъ числомъ безплатныхъ вакансій въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но при расширившемся кругѣ кліентовъ Фонда, значительномъ повышеніи платы въ учебныхъ заведеніяхъ всей этой помощи въ настоящее время оказывается недостаточно. Не имѣя возможности выходить изъ предѣловъ своихъ средствъ, Литературный Фондъ вынужденъ ограничивать свою помощь взносомъ платы лишь за одного сына, или за одну дочь; бываютъ случаи, что взносъ дѣлается только единовременный, съ предупрежденіемъ кліента, что Фондъ не принимаетъ на себя обязательства за будущее; иногда уплачивается только часть взноса, встрѣчаются и прямые отказы.

Нынѣ Комитетъ Литературнаго Фонда, желая дать возможно болѣе широкое развитіе пособіямъ на воспитаніе и образованіе, постановилъ: 1) учредить спеціальный капиталъ, проценты съ котораго должны расходоваться только на выдачу пособій на воспитаніе и образованіе; 2) предложить ближайшему общему собранію Фонда зачислить въ этотъ капиталъ около 16.000 рублей, полученныхъ по духовному завѣщанію Евгеніи Алексѣевны Поповой, и 3) обратиться за содѣйствіемъ къ русскому обществу, всегда отзывчивому на нужды образованія.

Всякое пожертвованіе въ этотъ капиталъ будетъ считаться неприкосновеннымъ, при чемъ жертвователи могутъ по своему усмотрѣнію ставить тѣ или другія условія.

II.—Отъ комитета по сбору пожертвованій на сооруженіе въ гор. Чембарѣ Народнаго Дома имени В. Г. Бѣлинскаго.

Граждане гор. Чембара (Пензенской губ.), въ лицѣ Городского Управленія, въ заботахъ о болѣе достойномъ ознаменованіи предстоящаго дня столѣтія со дня рожденія знаменитаго своего земляка — Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго — пришли къ мысли, что лучшимъ памятникомъ великому творцу русской художественной критики будетъ устройство въ гор. Чембарѣ Народнаго Дома имени Бѣлинскаго.

Бѣлинскій провелъ въ гор. Чембарѣ дѣтскіе годы, здѣсь онъ началъ учиться, здѣсь протекли первые годы его юности.

Народный домъ, гдѣ должны быть сосредоточены: 1) существующая уже, но неимѣющая своего помѣщенія, библіотека имени писателя, 2) народная аудиторія, 3) первоначальная школа,—явится не только памятникомъ великому учителю-идеалисту, но и просвѣтительнымъ учрежденіемъ для гор. Чембара и его уѣзда.

Открывая нынѣ съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора всероссійскую подписку на Народный Домъ имени В. Г. Бѣлинскаго, Комитетъ по сбору пожертвованій обращается ко всѣмъ, кому дорога память о великомъ писателѣ, кому дороги просвѣтительныя цѣли, которыя будетъ преслѣдовать Народный Домъ, съ просьбою принять посильное участіе въ созиданіи этого Дома.

III.—Отъ Центральнаго Правленія „Россійской Лиги Эсперантистовъ".

Въ декабрѣ 1909 г. состоялось чествованіе автора языка Эсперанто, д-ра Л. М. Заменгофа, по поводу 50-тилѣтія со дня его рожденія. Въ связи съ этимъ „Россійская Лига Эсперантистовъ" рѣшила созвать въ Петербургѣ 1-ый Всероссійскій Съѣздъ Эсперантистовъ, съ цѣлью положить начало новой усиленной дѣятельности эсперантистовъ въ Россіи. Съѣздъ этотъ, разрѣшенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, будетъ происходить въ Петербургѣ съ 20-го по 25-ое апрѣля.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.—АПРѢЛЬ.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородніе также адресуютъ **исключительно** въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки **12 р.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **12 р. 75 к.**, съ пересылкой въ другіе города **14 р. 25 к.**, за границу—**16 р.** Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую. **Полные экземпляры** имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902—1907 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При **„Журналѣ“** съ апрѣля 1904 года издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ **„Извѣстія по народному образованію“** съ приложеніемъ **„Справочной книги по низшему образованію“**. **„Извѣстія“** воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ **„Журнала“**, но **„Справочная книга“** составляетъ совершенно отдѣльное отъ **„Журнала“** изданіе. Цѣна **„Извѣстій“** составляетъ **3 р.** съ пересылкой и доставкой, за границу—**4 р.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1910 годъ

на большую ежедневную литературную, политическую и общественную газету

IX-й годъ изданія.

Газета выходитъ въ объемѣ и по программѣ большихъ столичныхъ газетъ подъ общею редакціей **Х. А. Вермишева**, при ближайшемъ участіи Минаса Берберьяна, Г. Е. Старцева (Ант.) С. А. Айвазова, Б. Г. Перлина и др. постоянныхъ сотрудниковъ редакціи.

Кромѣ того **„Баку“** обѣщали свое сотрудничество: Ю. А. Веселовскій, Дагестани, Магистрантъ, Я. А. Манандянъ, кн. Г. М. Тумановъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ и др.

Газета ставитъ себѣ основною цѣлью всестороннее освѣщеніе нуждъ **Кавказа** и въ частности **города „Баку“ и бакинскаго нефтепромышленнаго района.**

Вмѣстѣ съ тѣмъ газетой обращено серьезное вниманіе на ознакомленіе своихъ читателей съ важнѣйшими событіями изъ жизни **Закаспійскаго Края, Персіи и Малой Азіи.**

Жизнь армянъ и мусульманъ—въ наиболѣе яркихъ ея проявленіяхъ—будетъ предметомъ особеннаго вниманія газеты **„Баку“.**

Обширный отдѣлъ ежедневныхъ телеграммъ и корреспонденцій отъ собственныхъ крреспондентовъ изъ Петербурга, Москвы, Тифлиса, Эчміадзина, Тегерана, Тавриза, Вана, Эрзерума, Константинополя, Парижа и другихъ важнѣйшихъ центровъ.

Съ будущаго года въ газетѣ будутъ новые отдѣлы **Тифлисской жизни** (фельетоны, телеграммы и самостоятельныя статьи по вопросамъ Тифлисской жизни), и **Тегеранской жизни.** Въ отдѣлахъ этихъ будутъ даваться ежедневно обзоры всѣхъ важнѣйшихъ событій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Для иногороднихъ:

На годъ	8 р. 50 к.	На 6 мѣс.	5 р. — к.
„ 11 мѣс.	7 „ 50 „	„ 5 „	4 „ 50 „
„ 10 „	7 „ — „	„ 4 „	4 „ — „
„ 9 „	6 „ 50 „	„ 3 „	3 „ — „
„ 8 „	6 „ — „	„ 2 „	2 „ 50 „
„ 7 „	5 „ 50 „	„ 1 „	1 „ 50 „

За границу: 15 р. на годъ и **8 р.** на полгода.

Льготная подписка (при непосредственномъ обращеніи въ контору): 1) Сельскимъ учителямъ, сельскимъ священникамъ и учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, рабочимъ, мастеровымъ и фельдшерамъ предоставляется 20% скидки. 2) Служащимъ въ правит., обществ. и торгово-промышл. учрежденіяхъ при коллективной подпискѣ черезъ казначеевъ и дѣлопроизв. 10% скидки. 3) Книгопродавцамъ, кіоскамъ, агентамъ и др. посредникамъ по пріему подписки 5% скидки.

Всѣмъ подписчикамъ предоставляется разсрочка во взносѣ подписной платы, а именно: для иногороднихъ—при подпискѣ **4** р. **50** к., 1 марта—**2** р. и 1 іюля—**2** р.

Плата за объявленія: для иногороднихъ- впереди текста 25 к., позади текста — 20 к. за строчку петита. Многократныя объявленія—по соглашенію съ конторой.

Для лицъ, ищущихъ труда, спеціальный тарифъ по 5 к. за строку объявленія. размѣромъ не болѣе 10 строкъ; свыше этого размѣра по таксѣ со скидкой 50%.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ. (Молоканская улица, гос. „Кавказъ“).

N. B. Газета совершенно свободна въ отношеніи пріема объявленій изъ всѣхъ городовъ Россіи и заграницы и въ этомъ отношеніи не связана ни съ какою конторою объявленій.

Редакторъ-издатель **Х. Вермишевъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ УЧАСТІИ:

И. Т. Амирова, В. И. Анисимова, проф. В. Г. Бажаева, Г. В. Вернадскаго, проф. В. Р. Вильямса, В. А. Владимірскаго, М. Н. Вонзблейна, проф. А. Э. Вормса, проф. В. П. Горячкина, Н. П. Губскаго, Д. И. Делярова, А. Г. Дояренко, В. П. Дроздова, В. Н. Зельгейма, А. А. Зубрилина, И. В. Ильинскаго, проф. А. А. Кауфмана, проф. Н. А. Каблукова, А. Е. Кулыжнаго, А. П. Левицкаго, В. П. Лемуса, проф. А. А. Мануилова, А. Ал. Мануилова, С. П. Мельгунова, проф. Н. С. Нестерова, М. Ф. Оболенскаго, Б. М. Овчинникова, В. А. Перелешина, Б. Д. Плетнева, проф. А. С. Посникова, проф. М. И. Придорогина, проф. Д. Н. Прянишникова, А. В. Пѣшехонова, Д. Л. Рудзинскаго, П. А. Садырина, В. Г. Сахновскаго, В. Ф. Тотоміанца, проф. А. Ф. Фортунатова, проф. В. М. Хвостова, М. Л. Хейсина, В. В. Хижнякова, проф. А. А. Чупрова, М. Е. Шатерникова, П. М. Шестакова, И. С. Шулова, П. Е. Юницкаго, В. Е. Якушкина, И. В. Якушкина, Н. В. Якушкина и др.

Журналъ „Крестьянское Дѣло“ ставитъ своей задачей служить преимущественно интересамъ **крестьянства**. Являясь **безпартійнымъ** органомъ, „Крестьянское Дѣло“ будетъ печатать: статьи экономическія и литературныя, фельетоны, отчеты Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, правительственныя распоряженія, извѣстія изъ жизни России и русской деревни, статьи и замѣтки по народному образованію, сельскому хозяйству, коопераціи, кустарнымъ промысламъ, медицинѣ и гигіенѣ, важнѣйшія событія изъ заграничной жизни, библіографическія замѣтки, торговыя извѣстія, смѣсь, вопросы и отвѣты, касающіеся главнымъ образомъ крестьянскаго права, сельскаго хозяйства и коопераціи.

„Крестьянское Дѣло“ будетъ выходить 20 разъ въ годъ. Подписная цѣна съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи **2** руб. въ годъ и **1** руб. **10** коп. на полгода. Подписной годъ начинается съ 15 ноября.

Подписка принимается въ Москвѣ: у **Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи), въ книжныхъ магазинахъ: **„Агрономъ“** (Долгоруковская) и **„Трудъ“** (Тверская). Иногороднихъ просятъ обращаться съ подпиской исключительно по адресу редакціи „Крестьянское Дѣло“: **Москва, Долгоруковская, д. 85, кв. 11.**

Пріемъ объявленій въ Москвѣ: у **Л. и Э. Метцль и К°** (Мясницкая), у **Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи) и въ редакціи журнала.

№№ 1 и 2 журнала „Крестьянское Дѣло“ вышли.

Редакторъ-издатель *В. П. Дроздовъ*.

Продолжается подписка на 1910 г.

на ежедневную общественную, политическую, литературную и экономическую газету

ЮЖНЫЯ ВѢДОМОСТИ

(5-й годъ изданія).

Прогрессивныя начала въ общественной и государственной жизни, служеніе которымъ было задачей газеты въ прошлые годы, будутъ проводиться ею и въ наступающемъ году.

Широко поставленный **областной отдѣлъ:** собств. кореспонд. въ городахъ и во многихъ селеніяхъ Таврической губерніи. Собственныхъ корресп. изъ Петербурга, Европейскихъ государствъ и Балканскаго полуострова.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

12 мѣс. . .	**7** р. — к.		6 мѣс. . . .	**4** р. — к.	
11 „ . .	**6** „ **50** „		5 „ . . .	**3** „ **40** „	
10 „ . .	**6** „ — „		4 „ . . .	**2** „ **80** „	
9 „ . .	**5** „ **50** „		3 „ . . .	**2** „ **20** „	
8 „ . .	**5** „ — „		2 „ . . .	**1** „ **50** „	
7 „ . .	**4** „ **40** „		1 „ . . .	— „ **75** „	

За границу вдвое дороже.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: 1) при подпискѣ **4** р. и къ 1-му іюля **3** р. и 2) при подпискѣ **3** р., къ 1-му апрѣля **2** р. и къ 1-му сентября **2** р. Подписка на газету принимается только съ 1-го числа **каждаго мѣсяца** и не далѣе конца года. За перемѣну адреса г. у. подписчики уплачиваютъ 20 к. (можно и почтовыми марками).

Цѣна объявленій:

За мѣсто, занимаемое строкою петита: впереди текста на 1-й стр. **30** к., позади текста на 4-й стр.—**15** к. за каждый разъ. За многократныя объявленія скидка по соглашенію. Предложеніе труда: 1 разъ **30** к., 3 раза **75** к. на 4-ю стран.—8 строкъ петита. За объявленія въ видѣ вкладныхъ прибавленій къ газетѣ вѣс. до 1 л. взимается съ город. подп. **5** р., а съ иногор. по **7** р. **50** к. съ 1.000 экземп. Главная Контора открыта ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ, отъ 9 час. утра до 6 час. вечера.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи газеты „Южныя Вѣдомости“: Симферополь, Долгоруковская.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ СИМФЕРОПОЛѢ—въ Главной Конторѣ газеты (Долгоруковская ул., возлѣ памятника кн. Долгорукова), и въ книжн. магаз. С. Б. Синани; въ ѲЕОДОСІИ — въ отдѣл. конторы у Свердлова—Галлерейная ул., д. Крыма; въ КЕРЧИ—въ Отдѣленіи Конторы (Почтовая, д. Патараки); въ ЕВПАТОРІИ — у Т. Парсаданова (Лазаревская ул.; въ ГЕНИЧЕСКѢ — въ библіотекѣ О-ва пособія бѣднымъ евреямъ; въ ЯЛТѢ — въ книжн. магаз. Синани; въ МЕЛИТОПОЛѢ—въ Отдѣленіи Конторы газеты въ библіотекѣ О-ва пособія бѣднымъ евреямъ и въ книжн. и писчебум. магаз. С. Бехраха и Я. М. Орлова; въ БЕРДЯНСКѢ—въ библіотекѣ О-ва пособія бѣднымъ евреямъ; въ ЧЕРНИГОВѢ—въ книжн. и писчебум. и табач. магаз. Б. И. Меламеда и въ БАХЧИСАРАѢ—у С. Шмидта, въ кофейнѣ Асанъ-Эфенди-Умерова прот. Город. Управы); въ СЕВАСТОПОЛѢ—въ книжн. магаз. О. Л. Мартино (Нахимовскій пр., д. Максимовой); въ АЛУШТѢ—въ библіотекѣ г-жи Трощинской (Набережная, возлѣ Европейской гостин.) и въ аптекарскомъ магазинѣ І. М. Лемберга (рядомъ съ почтой).